

86

СЛОВАРЬ

РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

ВАЯТЕЛЕЙ, ЖИВОПИСЦЕВЪ, ЗОДЧИХЪ, РИСОВАЛЬЩИКОВЪ,
ГРАВЕРОВЪ, ЛИТОГРАФОВЪ, МЕДАЛЬЕРОВЪ, МОЗАИЧИ-
СТОВЪ, ИКОНОПИСЦЕВЪ, ЛИТЕЙЩИКОВЪ, ЧЕКАН-
ЩИКОВЪ, СКАНЩИКОВЪ И ПРОЧ.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

(XI—XIX вв.).

СОСТАВИЛЪ

НА ОСНОВАНИ ЛѢТОПИСЕЙ, АКТОВЪ, АРХИВНЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ, АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХЪ
ЗАМѢТОКЪ И ПЕЧАТНЫХЪ МАТЕРИАЛОВЪ

Н. П. СОБКО.

(Съ 1867 по 1892 г. включит.).

ТОМЪ II, ВЫП. 1.

И, I.

(425 именъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1895.

XX-7983

Да простятъ меня мои подписчики и читатели за то, что я издаю свой «Словарь» не съ такою быстротою, какъ бы хотѣлъ: хоть у меня и собранъ за 25 лѣтъ весь матеріалъ съ А до Ѡ включительно, не мало времени беретъ, однако, обработка біографій, неизбѣжная провѣрка нѣкоторыхъ источниковъ, подборъ снимковъ и исполненіе клише, не говоря уже о самомъ печатаніи, требующемъ громадныхъ затратъ сразу, безъ расчета на скорое возмѣщеніе всѣхъ издержекъ. Во 2-хъ за то, что я буду выдавать свой трудъ не въ послѣдовательномъ порядкѣ буквъ русской азбуки, а по мѣрѣ составленія мною статей о болѣе извѣстныхъ изъ нашихъ художниковъ для «Біограф. Словаря русс. дѣятелей», издаваемого Имп. Русс. Истор. Обществомъ въ 4-хъ отдѣлахъ сразу—на буквы: А—З, И—О, П—У, Ф—Ѡ. Въ 3-хъ за то, что я особенно распространился о знаменитомъ Алекс. Андр. Ивановѣ, въ виду отсутствія до сихъ поръ хоть сколько-нибудь достойной этого великаго художника біографіи; при этомъ я ввелъ совсѣмъ новый элементъ въ свой трудъ—сообщеніе отзывовъ современной, а иногда и позднѣйшей критики о произведеніяхъ разсматриваемаго автора, имѣя въ виду трудность достать многія изъ прежнихъ изданій, особенно періодическія, не только въ провинціи, но и въ столицахъ. Но какія-бы ни были помѣхи, я все-таки думаю кончить свое изданіе, если не въ 4 года, какъ разсчитывалъ, то въ 6 лѣтъ; въ случаѣ же моей преждевременной смерти, по моимъ матеріаламъ можетъ продолжатъ это изданіе профессоръ исторіи искусства въ Берлинской Академіи Художествъ и Художественно-Промышленной школѣ Э. Я. Доббертъ, статьи котораго о русскихъ художникахъ, по собиравшимся имъ независимо отъ меня матеріаламъ, отличались, изо всѣхъ другихъ, особенною точностью и полностью свѣдѣній.

2432

Дозволено цензуров. Сиб, 6 апрѣля 1896 г.

2007338332

И.

Иваничная, Екатерина Евгеньевна, художница-любительница из Одессы. Участвовала въ III-й период. выставкѣ южно-русс. художниковъ своимъ пейзажнымъ этюдамъ.

См. „Катал. этой выст.“, Од. 1892, № 35.

Иваницій, Александръ Ивановичъ, архитекторъ. Род. 1818 г.; воспитывался на счетъ Вологодской губ. въ Строит. Учл. съ 3 февр. 1835 по 6 февр. 1838, когда былъ выпущенъ съ чиномъ 14 кл. и сдѣлался смотрителемъ дорогъ въ Вологодской губ., а затѣмъ губ. архитекторомъ тамъ же. Съ 1859—60 г. онъ состоялъ уже въ 7 классѣ.

По рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Иванова, Вѣра Викторовна, художница-любительница. Дочь ген.-лейт., она выставила въ Имп. Акад. Худож. въ 1873 г. портреты: А. А. Б. (Бекманъ), г-жи Ивановой (матери художницы), барон. А. И. Каульбарсъ и маркиза А. И. де Траверсе, а также два этюда женскихъ головокъ съ натур.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 107/1873 и „Указат. выст.“ 1873 г., №№ 69—72 и 77—78; въ изд. же *О. Бушакова* „Наши Художники“ (I, 156) указанъ невѣрно 1872 г.

Иванова, Ксеція Васильевна, художница-любительница. Ученица Моск. Училища живописи и валянія, она выставяла свои портреты на выставкахъ: VII-й ученической 1884 г.—неизвестной личности; академическихъ 1887 г.—истор. Е. А. Бѣлова, живоп. Г. Г. Мясоедова, публициста О. К. Нотовича (за чтó получила званіе—поч. волня. общника), и 1888 г.—писат. П. И. Вейнберга, г-жѣ Н и **, наконецъ, XI-й периодической въ Моск. Обществѣ Любит. Худож. 1891 г.—картину „Балковъ“. Кромѣ того, на VI-й аквар. выставкѣ 1886 г. въ Общ. Поощр. Худож. въ СПб. была акварель г-жи Ивановой „Дорожка въ лѣсу“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 169/1887.—„Катал. выст.“: VI-й ученич., № 7; XI-й периодич., № 109, и „Указат. выст.“: въ И. А. Х. 1887 г., №№ 164—6, и 1888 г., №№ 137—9; VI-й аквар., № 74.

Иванова (по мужу Раевская), Марья Дмитріевна, живописица. Дочь салонника, она род. въ Гавриловкѣ, Изюмского у., Харьковской губ., училась же въ СПб. Рисов. Школѣ

для вольноприход. (въ 1855—57 г.г.) и у проф. А. Эргардта въ Дрезденѣ. Познакомившись съ заграничными рисов. школами и вернувшись въ отечество, она выставила въ Акад. Худож.: въ 1867 г.—портретъ г-жи Н. и картинку „Дерев. дѣвушка въ Саксоніи“ и въ 1868 г.—другую картину „Смерть крестьянина въ Малороссіи“, доставившую ей званіе некл. художника (въ сент.), а съ 1869 г. поселилась въ Харьковѣ и положила тамъ основаніе частной школѣ рисованія и живописи. За послѣднее, равно какъ за „успѣшное веденіе преподаванія, за рациональный методъ и успѣхи учениковъ“ (которыхъ было въ то время отъ 15 до 20 чел.), Коммиссія, назначенная Е. И. В. Товарищемъ Президента Имп. Акад. Худож. для разсмотрѣнія учен. рисунковъ, присланныхъ изъ гимназій и друг. училищъ вѣдомства Мин. Нар. Просв. и имѣвшая нѣск. засѣданій съ 9 нояб. 1871 по 12 янв. 1872 подъ предѣтельствомъ рект. *О. И. Гордана*, положила войти съ особ. представленіемъ въ Совѣтъ И. А. Х. о присужденіи ей званія поч. вольнаго общника (чтó и было исполнено 4 нояб. 1872), а также ходатайствовать передъ Е. И. В. Товарищемъ Президента о представленіи ея къ Высочайшей награжд.; изъ учениковъ же ея—трѣмъ: Данилевскому, Кондратенко и Шаховскому присудила серебря. медали и похвальн. отзывы, а шести лицамъ—одна похв. отзывы. Примѣненная у И-ой метода преподаванія рисованія была изложена ею въ особой запискѣ, напеч. при „Протоколѣ засѣданій Коммиссіи“ (прилож. № 2) въ концѣ „Отчета И. А. Х.“ за 1870—71 г.; тамъ же помѣщались, въ слѣд. годахъ, и дальнѣйшія свѣдѣнія о состояніи Харьк. школн, откуда видно, что число учащихся быстро увеличивалось, но съ 1887 г. прекратилось самое печатаніе Академич. отчетовъ. Преподавая рисованіе, кромѣ своей школы, и въ мѣстной 2-й женской гимназій, М. Д. издала въ 1879 г. собственную „Азбуку рисованія для семьи и школы“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 1/И. — *Н. П. Собоко* „Историч. Очеркъ СПб. Рисов. Школы за 1889—89 г.г.“ алфав. — „Указат. выст. въ И. А. Х.“: 1867 г., живописи, №№ 60—61, и 1868 г., № 222.—„Отчетъ И. А. Х.“ за 1870

—71 г., Протоколъ засѣд. Ком., стр. 88, и слѣд. годовъ.—Въ изд. *Ф. Булакова* „Наши Художники“ (Ц. 114) помѣщ. портреты художниковъ среди мнѣяг. снимковъ съ ея произвед.

Иванова (по 1-му мужу **Скородумова**), Марья Ивановна, гравёрша конца XVIII и начала XIX ст., см. подъ Скородумовой.

Ивановскіе, А. и К., гравёръ и рисовальщикъ. Работы ихъ помѣщ. между прочимъ, въ „Живоп. Обзор.“ 1876 г. (стр. 721 и 665).

Ивановскій, Викторъ Людвиговичъ, архитекторъ. Род. въ 1855 г. Воспитаникъ училищъ: Ревельскаго реальнаго—до 1876 и СПб. Строительнаго (что нынѣ Инстит. Гражд. Инжен.)—до 1883 г., онъ вышелъ изъ послѣдняго съ званіемъ гражд. инжен. и съ чиномъ X кл. и, причислившись къ Технич. Стронт. Комитету Мин. Внутр. Дѣлъ, занимался у акад. В. И. Шестова, а съ 1885 г. сдѣлался младш. архитекторомъ Стронт. отд. въ Симбирскѣ, причемъ съ того времени до 1892 г. имъ произведены постройки: по готовымъ проектамъ—3-хъ кам. церквей въ с. с. Кержеманыхъ, Иванковѣ и Барышеная слобода, равно какъ достройка кам. собора въ Корсунѣ, по своимъ же собственнымъ—престройки къ церквамъ въ с. Барышеная слобода и въ г. Алатырѣ, постройки кам. колоколенъ въ с. Яровлинскѣ и въ г. Симбирскѣ при церкв. „Всѣхъ святыхъ“, а также кам. корпуса фабрики Степанова, и, наконецъ, перестройки дома фабрик. Степанова и Алѣева и кам. зданій сук. фабрики Вѣлюсова и отдѣленія Госуд. банка.

См. составл. *Г. В. Барановскимъ* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92 г.“, стр. 130.

Ивановскій, Никодимъ Ксаверьевичъ, художникъ-любитель. Родомъ дворянинъ, живя въ г. Шавли, Ковенской губ., онъ выставилъ въ Имп. Акад. Худож. въ 1873 г. картину „Затруднит. вопросъ“, съ подт.: Н. Е. Iwanowski 1872, а въ 1875 г. прислалъ еще двѣ: „Возвратъ“ и „Среди русалокъ“, которыя затѣмъ, по просьбѣ автора, были пересланы въ Варшавское Общество Поощр. Художествъ.

См. „Указат. означ. вѣст.“, № 63, и въ Архивѣ И. А. Х., дѣло 132/1875.

Ивановъ, Абросимъ (Абросимко), кормовой мастеръ Моск. Серебр. Палаты XVII в. Ему, вмѣстѣ съ Кир. Кузьминимъ и Петр. Федоровымъ, отпущено было 12 сент. 1625 г. 47-мъ венгерскихъ золотыхъ на поволоту 15-ти звеньевъ отъ „тремачицъ“ серебр. дѣней, принесенныхъ имъ Коюшъ. приказа.

См. *А. Викторова* „Описаніе книгъ и бумагъ

стар. Дворц. приказ.“, М. 1883, II, 572.—У *И. Забѣлина* онъ пропущ.

Ивановъ, Авраамій, живописецъ XVII в. въ Псковѣ. Имъ перписана была, по порученію псковичей, на погорѣвшей доскѣ, по прежнему, мѣстная чудотв. икона св. великомуч. Дмитрія Селунскаго съ дѣянiami—изъ Гдовской соборной церкви, гдѣ она вся обгорѣла въ уголь во время случившагося тамъ пожара при одномъ изъ нашествій нѣмцевъ и вступленіи ихъ короля въ городъ (въ 1636).

См. „Полн. собр. русс. лѣтоп.“, V, 73.—У *Д. Ровинскаго* онъ только упом. безъ обознач. года.

Ивановъ, Автономъ, Московск. иконописецъ XVII в. Онъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Ивановымъ, былъ въ 1668 у „Савинскаго письма“, а въ 1679, вмѣстѣ съ друг. царскимъ живописцами: Ян. Ивановымъ, Карп. Золотаревымъ, Ив. Мирескимъ и Вас. Познанскимъ, писалъ на лазури, широкою и бойкою кистью въ греч. стилѣ, лики святыхъ въ иконостасѣ вновь постр. соборной церкви Покрова Богородицы въ подмоск. селѣ Измайлѣ, гдѣ они сохранились до послѣдняго времени.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, СПб. 1856, с. 147 (упом.), и „Русс. Старину“, *А. Мартынова* и *И. Снегирева*, изд. 2-е, годъ 4-й, с. 111—3.

Ивановъ, Аггѣй, золот. дѣлъ мастеръ начала XVIII в. въ Москвѣ. Состоя при Оруж. Палатѣ, онъ находился въ 1701—5 гг. на окладѣ въ 61 р.

См. *А. Викторова* „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, М. 1883, II, 466, 476, 482.—У *И. Забѣлина* онъ лишь упом. съ 1701 г.

Ивановъ, Александръ, рѣшникъ Канцеляршн Строевй. Про него извѣстно только, что „по имѣющейся въ немъ способности и склонности къ продолженію дальнихъ знаній въ художеству“, кураторъ Моск. унив. И. И. Шуваловъ просилъ Канцелярію отъ Строевй въ мартѣ 1761 уволить его для нахождения при Акад. Худож. въ числѣ прочихъ учениковъ академическихъ, но Канцелярія отвѣтила 31-го числа, что „по имѣющейся въ немъ особой надобности, потому что находится при самозанятншихъ какъ по Зимнему каменному Ея И. В. дому (который, въ силу именнаго Ея И. В. Высочайшаго указа, повелѣно нынѣшняго года совсѣмъ пріять въ окончаніе), такъ и въ комнатахъ Ея И. В. и Ихъ И. В. работахъ“, она, безъ доклада гр. В. В. Фермора, какъ главнаго оной командира, сама собою уволить не можетъ. См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 8/1761.

Ивановъ, Александръ Алексѣевичъ, литейщикъ и чеканщикъ. Принятый въ Имп. Акад.

Худож. въ 1779, онъ, по исполненіи заданной 31 дек. 1793 г. программы—вылить изъ мѣди и вычеканить бюстъ Эйлера, выпущенъ былъ 20 іюня 1794 подмастерьемъ (съ аттестатомъ 4-й степ. безъ шаги).

См. „Сборникъ матер. для истор. И. А. Х.“...
И. Н. Петрова, I, 168 (№ 41), 316, 335.

1. Портретъ А. А. Иванова
(съ рис. С. А. Иванова 1846 г.,
гравиров. И. Н. Крайскимъ въ 1879 г.).

Ивановъ, Александръ Андреевичъ, живописецъ. Род. 16 іюля 1806, ум. 3 іюля 1858 въ Петербургѣ, отъ холеры. Онъ представляется намъ однимъ изъ величайшихъ русс. людей, не только художниковъ, но и вообще—по рѣдкому соединенію въ одной личности столькихъ, самыхъ разнородныхъ качествъ, какъ природныхъ, такъ и приобретенныхъ съ теченіемъ времени, а именно: необыкновенно свѣтлаго ума въ связи съ выдающимся худож. дарованіемъ, замѣчательнаго самообразования въ связи съ сильнымъ критическимъ анализомъ, полной независимости характера въ связи съ крайней правдивостію, непоколебимой настойчивости въ связи съ необычайной мягкостію, и проч. Быть можетъ, многое изъ всего этого перешло къ нему отавизмомъ, т. к. отецъ его былъ изъ незаконнорожденныхъ, а известно, что зачастую самая выдающаяся лица выходятъ именно изъ таковыхъ, но не малымъ онъ былъ обязанъ и исключительно самому себѣ. Не маловажное значеніе играло тутъ, конечно, и то обстоятельство, что онъ, воспитываясь собственно дома, испыталъ на себѣ меньше многихъ другихъ весь вредъ и пагубное вліяніе школы,

годной болѣе для заурадныхъ людей, чѣмъ для выходящихъ изъ ряда вонъ: рутинная Академія Художествъ не только не коснулася общаго развитія и направленія его способностей, но порядкомъ не научила его даже тѣмъ элементарнымъ правиламъ, которымъ собственно и должна бы только учить, т. е. все остальное можетъ придти само собою, разъ у человѣка есть дарованіе. Ивановъ, въ качествѣ истинно передовой личности, болѣе всякаго другого, вполне чувствовалъ и сознавалъ это, почему весь свой вѣкъ и возрасталъ до такой степени вездѣ, гдѣ только можно было, противъ глубоко укоренившихся повсюду академическихъ традицій. Въ этомъ отношеніи онъ опередилъ и Крамского, и Перова.

Онъ явился на свѣтъ въ то время, когда въ худож. мірѣ существовала еще извѣстная патриархальность, чуждая стремленія въ храмъ искусства изъ-за какихъ-либо постороннихъ побужденій, и когда нерѣдко можно было встрѣтить преемственность отъ отца къ сыну, какая пооднѣ сохранилась лишь въ нѣкоторыхъ художеств. семьяхъ въ Москвѣ. Геній въ художествѣ, какъ и во всемъ другомъ, очень рѣдки, и потому всегда можно ждать болѣе проку отъ лицъ, унаследовавшихъ извѣстныя способности родителей, чѣмъ отъ случайныхъ элементовъ чаще всего влекомыхъ въ Академію, какъ и въ другія высшія учебныя заведенія, по неизбѣжимымъ ничему общаго съ искусствомъ или наукою соображеніямъ. Домашняя же среда всегда имѣла, имѣть и должна имѣть гораздо болѣе значенія въ смыслѣ истиннаго направленія человѣка на ту или другую отрасль дѣятельности, чѣмъ всякія иныя причины. Отрицательные результаты получаются въ данномъ случаѣ только тогда, когда дѣйствовало насилие противъ настоящаго призванія. Но относительно Иванова этого нельзя сказать: напротивъ, судя по той осторожности, съ какою его отецъ, какъ это видно изъ ихъ взаимной переписки, относился впоследствии къ избранію рода дѣятельности для меньшаго сына Сергѣя, ставшаго потомъ архитекторомъ, можно скорѣе думать, что и на старшаго сына не было прямого вліянія въ этомъ смыслѣ, кромѣ развѣ родительскаго притѣра. Мать Иванова, рожд. Демуръ или Демертъ, тоже принадлежала къ худож. семьѣ—три брата ея учились въ Академіи: одинъ, Александръ, пейзажной живописи (съ 1800) и двое, Андрей и Егоръ, архитектурѣ (до 1809); въ академ. квартирѣ Ивановыхъ, какъ мы узнаемъ изъ вышеупом. пере-

писки, часто собирались разныя, прикосновенныя къ художествамъ, лица. Все это, выѣсть взятое, не могло недѣйствовать благотворно на юнаго Иванова и потому немудрено, что онъ охотно началъ учиться рисованью, едва только могъ держать въ рукахъ карандашъ; на 12-мъ же году, по просьбѣ отца, ему дозволено было Академ. Совѣтомъ (9 окт. 1817) „пользоваться учениемъ, преподаваемымъ какъ въ учебныхъ, такъ и въ художеств. классахъ Академіи.“

1817—30.

Такимъ образомъ, миновавъ воспитат. училище, И—въ поступилъ собственно въ такъ назыв. Академію и потому могъ оставаться въ ней менѣе назначенныхъ нов. правилами 12-ти лѣтъ; при этомъ, посѣщая Академ. классы, онъ продолжалъ жить по прежнему у отца, а не выѣсть съ казенными и своекоштными воспитанниками, и въ отличіе отъ нихъ считался „постороннимъ ученикомъ“. Это не помѣшало ему на третнемъ экзаменѣ въ декабрѣ 1822 получить 1-ю серебрян. медаль за рис. съ натуры; но затѣмъ, хотя онъ каждый экзаменъ подавалъ эскизы, въ началѣ же 1824 исполнилъ программу: 1. „Блудный сынъ“, одобренную на экзаменѣ, онъ не получилъ ни за то, ни за другое никакой награды, т. к. входилъ въ „3-ю возрастъ“ и писалъ послѣднюю—дома, а проф. Егоровъ,—читаемъ мы въ письмѣ самого И—ва къ дядѣ А. И. Демурту отъ того года,—выскакала мнѣніе объ его работѣ, что онъ исполнилъ ее „не самъ“. Тогда же И—въ выставилъ еще своего: 2. „Моисей, издающаго во второй разъ законъ“, а къ апрѣлю того же года окончилъ: 3. „Юанна Крестителя (въ ростѣ), проповѣдующаго въ пустынѣ“—для получения награды, на которую разсчитывалъ при подачѣ назв. выше композиціи. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ надѣяться на полученіе золотыхъ медалей и, слѣдовавъ, на заграничное пенсионерство: Акад. Худож., на основаніи устава своего, награждала золот. медалями только собственныхъ воспитанниковъ, по окончаніи ими полнаго курса ученія; воспитанники же, вышедшіе прежде времени изъ Академіи, не имѣли права на полученіе золот. медалей; молодые художники, вовсе не принадлежавшіе къ Академіи, также не могли получать за свои произведенія золот. медалей. Но, на его счастье, Комитетъ образовавшагося въ 1820 г. Общества Поощренія Художниковъ положилъ, какъ мы знаемъ изъ его отчета за 1824 г., „жертвовать въ Акад. Худож., при каждомъ выпускѣ

изъ оной воспитанниковъ (черезъ 3 года), по три золотыя медали: одну большого и двѣ меньшаго достоинства,—съ тѣмъ, чтобы медали сіи были опредѣляемы и выдаваемы не принадлежачимъ къ Академіи молод. художникамъ за отличнѣйшія изъ числа произведеній, кои представлять они на судъ ея“. А Академія, принявъ съ удовольствіемъ сдѣланное въ томъ году пожертвованіе, наградила, по большинству балловъ, съ согласія присутствовавшихъ въ публичномъ собраніи ея 16 сент. членовъ Общества, золотую медалью 2-го достоинства, въ числѣ ностор. художниковъ, и А. Иванова—за 4. картину, изображ. „Пріама, испрашивающаго у Ахиллеса тѣло Гектора“ и бывшую на Акад. выставкѣ того года (находившійся у К. Т. Солдатенкова въ Москвѣ), наравнѣ со своими учениками: Ал. Марковымъ, Ал. Никитинымъ, Ал. Нотбекомъ, К. Осоевымъ, и с. Ив. Кобелевымъ, исполнявшими ту же программу.

Одни изъ тогдашнихъ критиковъ (какъ *Борисъ Федоровъ* въ „Отеч. Зап.“ 1824, XX, 316—7) считали картину И—ва „болѣе согласной съ повѣствованіемъ Иліады“, указывая на брошенный жезлъ Меркурія, на короткіе волосы Ахиллеса, на покрытый барсовой кожей стулъ, ва урну съ прахомъ Патрокла; другіе (какъ *В. И. Григоровичъ* въ своемъ „Журналѣ Изящныхъ Искусствъ“ 1826, № 1, с. 61—62) видѣли, на оборотъ, въ кадуцѣхъ противорѣчіе словамъ Гомера, а золотую урну и бюстъ Зевеса на орлѣ, поставленные на гранитномъ полпирв. пьедесталѣ, признавали „отзывающимися временемъ гораздо позднѣйшимъ“. Первые находили положеніе героя—разительнымъ, отдѣлку утварей и украшеній шатра—изящною, краски—роскошными, яркими, и только полосатую мантию Пріама—пестрою, а слезы обонхъ—слишкомъ искусственными, „что, по ихъ мнѣнію, охлаждало дѣйствіе картины на душу зрителя, который въ живописи желаетъ видѣть не краски, а природу“. Вторые, напротивъ, признавая сочиненіе обдуманнѣе, исполненіе—тщательнѣе, все писаннѣе съ натуры, а выраженіе въ положеніяхъ и головахъ—близкимъ къ истинѣ и костюмъ довольно вѣрнымъ, находили, однако, картину вообще нѣсколько пестрою, но тутъ же прибавляли, что „замѣчанія, сдѣланныя на картину Иванова, почитали не излишними потому именно, что видѣли въ немъ художника, могущаго выникать въ предметъ свой и общающаго много въ будущемъ“.

Два года спустя (осенью 1826), И—въ, видимо по совѣту отца, скопировала, между прочимъ, еще: 5. аллегорическій рисунокъ „Благоденствіе Россіи“ подъ скипертомъ имп. Николая I, который и былъ представленъ на Высочайшее возвращеніе президентомъ Акад. Олевиннымъ 12 окт., чрезъ министра нар. просвѣщ. Шипкова, но, вмѣсто ожидавшагося поощренія, послѣдовало Высочайшее замѣчаніе, что „въ исторіи нашей есть довольно предметовъ для живописца и полезнѣе бы было молодому Иванову заниматься имп“. Эта неудавшаяся попытка въ аллегорич. родѣ была первая и послѣдняя у нашего художника, тѣмъ болѣе, что онъ и вообще-то не имѣлъ расположенія къ аллегоріи. Но отецъ его все-таки совѣтовалъ ему, когда тотъ былъ уже за границей, написать картину на поманутый сюжетъ, съ одобренія президента Олевина (письмо отъ 25 нояб. 1831).

Еще черезъ годъ, по данной отъ Комитета покровительствовавшаго ему Общества программѣ, И—въ исполнилъ: 6. картину „Иосифъ, толкующій сны заключеннымъ съ нимъ въ темницѣ виночерію и хлѣбодарю“ (наход. въ 1864 г. у г. Костылева въ СПб.) и 7. картонъ: „Группа Лаокоона съ дѣтьми“, выставл. въ томъ же 1827 г. въ Академіи. Представляя эти произведенія, равно какъ и его же трудомъ 8. картонъ, изображ. „Венеру Медицисскую“, на усмотрѣніе членовъ Общества, Комитетъ послѣдняго, въ своемъ отчетѣ за тотъ годъ (стр. 17—18) замѣчалъ, „что Ивановъ принадлежить къ числу весьма немногихъ молодыхъ художниковъ съ дарованіями, но лѣтамъ его весьма много обѣщающимъ, и что, въ рисункѣ, выраженіи и эффектѣ, онъ доказываетъ способности, большую на него надежду подающія“. По представленіи же первыхъ двухъ работъ на судъ Академіи, вмѣстѣ съ произведеніями друг. постороннихъ художниковъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Общества, при ручательствѣ, что всѣ они „трудились безъ малѣйшаго чьего либо пособія“, въ публичномъ собраніи 21 сент. И—въ награжденъ былъ, по рѣшенію Академ. Совѣта и съ согласія присутствовавшихъ членовъ Общества, золот. медалью 1-й степ., а Комитетъ положилъ (см. стр. 20—22 его „Отчета“): „для выдѣлаго усовершенствованія въ художествѣ, отправить его на счетъ Общества въ Италію, къ чему, съ прекращеніемъ срока пребыванія въ чужихъ краяхъ Ал. Брюллова, представлялась совершенная возможность“, но при этомъ онъ былъ того мнѣнія, „что тѣмъ болѣе будетъ

пользы для молодого художника, чѣмъ съ бльшимъ запасомъ омытности и познаній онъ прибудетъ въ Италію, гдѣ обыкновенно прѣзжающіе художники учатся безъ посторонняго надзора, избирая по собств. произволу образцы для руководства и подражанія“. (Это показанье, что послыка И—ва за границу была окончат. рѣшена гораздо ранѣе 1829 г., къ которому относили это рѣшеніе нѣкоторые изъ прежнихъ біографовъ). „Кромѣ картонъ Венеры Медицисской, который приказано было нарисовать Иванову,—сообщалось въ томъ же отчетѣ Комитета,—дабы познакомиться съ совершенствомъ женской фигуры, соединяющей въ себѣ всѣ красоты и прелесть прекраснаго пола, было предложено ему сдѣлать подобный же 9. картонъ со статуи, долго пошившей имя Гладіатора Боргезскаго, но новѣйшими антикваріями: Гейномъ, Висконтиемъ и Ламберти признанной за Воина, сражающаго копейемъ, (т. к.) статуи сія есть единств. образецъ ученаго познанія мускулатуры человѣка, находящагося въ сильномъ движеніи. Всѣ сіи пріготовительныя, такъ сказать, труды Иванова служатъ къ пріобрѣтенію болшей твердости и чистоты въ рисункѣ, который есть первое условіе всякаго художественнаго творенія и главнѣйшая, основная часть искусства“. „Мы желаемъ,—говорилось тамъ же въ заключеніе,—чтобы Ивановъ, будучи посланъ въ чужіе края послѣ К. Брюллова, не уступилъ ему и—рѣшительно предугадываемъ, что если онъ пойдетъ начатымъ путемъ далѣе, то будетъ истиннымъ художникомъ, и тогда соперничество молодыхъ отличнѣйшихъ русс. художниковъ для него не будетъ страшно“.

Съ неменьшими похвалами и предсказаніями видной будущности отзывалась объ И—въ, по поводу его новыхъ произведеній, и тогдашняя худож. критика.

„Если Ивановъ будетъ идти впередъ подобнымъ шагомъ, то въ скорости станеть въ ряду первоклассныхъ художниковъ нашихъ“—писалъ П. Свиньинъ въ своихъ „Отч. Зап.“ 1827 г. (XXXII, 156). „Отчаяніе хлѣбодаря, радость виночерія и хладнокровное достоинство, соединенное съ нѣжнымъ внутреннимъ возвышеніемъ, прекраснаго Иосифа—говорилъ онъ—представлены художникомъ съ поразительною истинною. Въ картинѣ сей непропущено для очарованія зрителя ни малѣйшаго предмета, не оставлено ничего безъ тщательнаго изученія; самая мѣстность, изобра-

жающая Египетскую тюрьму, — знакомитъ зрителя съ мѣстомъ, гдѣ происходитъ сцена сія. Можно пожелать равнѣ, чтобы натура, съ коею представленъ идеалъ красоты Іосифа, была счастливѣе избрана и фигура сего послѣдняго вѣскольکو увеличена“. Другой писатель, г. Z въ „Сѣв. Пчелѣ“ (№ 114), если и желалъ видѣть „помѣнѣ сѣхости въ положеніи тѣла Іосифа, побольше выраженія въ лицѣ его и жизни — въ рукахъ“; если и желалъ, „чтобы движеніе и лицо скованнаго хлѣбодара яснѣе выражали испугъ несчастнаго, слышащаго роковую вѣсть, а не неистоваго человѣка, бѣшеннаго“, то находилъ фигуру виночерпія — прекрасной, совершенно выходящей изъ полотна, и признавалъ, что „художникъ отлично нарисовалъ ее и поставилъ, умѣлъ дать выраженіе радости чертамъ лица и освѣтилъ превосходно“, причѣмъ „весьма умно и осторожно пользовался сліяніемъ свѣта съ тѣнью“. Одежда же Іосифа и двухъ заключенныхъ, іероглифическая надпись на стѣнѣ, стоящій на полу глиняный сосудъ — все показывало, по его замѣчанію, „что Ивановъ изучалъ свой предметъ исторически, и старался во всемъ соблюсти правдоподобіе“. „Словами, добавлялъ онъ, картина сія и тогда бы заслуживала (ту же) похвалу, когда бы была написана художникомъ, болѣе опытнымъ и болѣе владѣющимъ кистью, нежели Ивановъ, и мы судили строго о вѣкоторыхъ частяхъ ея только для того, чтобы показать, въ какой мѣрѣ она заслуживаетъ вниманія“.

Упомянувъ картинку, рисованную Ивановымъ съ известной группы Лаокоона съ дѣтми, *Ситингъ* замѣчалъ (стр. 146): „строгая правильность въ рисункѣ свидѣтельствуетъ, что сія отличительная черта русс. школы живописи еще сохраняется между юными художниками“; г-въ же Z говорилъ, что онъ „отлично хороши, какъ по вѣрности рисунка, такъ и по искусству, съ какимъ художникъ передалъ карандашемъ свѣтъ и тѣни, видѣнные имъ на самой группѣ“, ибо „какъ онъ смотрѣлъ на нее въ полнѣмъ свѣтѣ, такъ и представилъ на бумагѣ“.

Съ своей стороны Совѣтъ Академической, разсуждая, 13 сент. 1828, „что, какъ сынъ проф. живописи Иванова, Александръ И., не имѣлъ случая быть воспитанникомъ въ числѣ питомцевъ сей Академіи, не менѣе того преуслѣлъ отличными образцы въ живописи исторической, что онъ уже доказалъ живописными и рисовальными въ большомъ видѣ проведеніями своими, такъ что, по удостоеніи Академіи, награжденъ золотомъ

медалью 1-го достоинства изъ жертвуемыхъ Обществомъ Поощренія Художниковъ, а потому во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ быть признаннымъ въ званіи художника 14 кл.“, опредѣлилъ: „предоставить г. президенту исходатайствовать чрезъ г. мин. нар. проsv. всемірастивѣйшее соизволеніе на пожалованіе Иванова въ званіе художника 14 кл. — въ воздаяніе его неусыщнаго старанія объ усовершенствованіи себя въ живописномъ искусствѣ“.

Наконецъ, отчетъ Общества за 1828 (чит. въ Собраніи 30 нояб. 1829; см. стр. 14—15) свидѣтельствовалъ, что „Ал. Ивановъ отлично хорошо нарисовалъ картинку съ извѣстной статуи Гладіатора Боргесскаго, нѣмѣ почитаемой за Воина, сражающагося копейемъ (подар. художникомъ, вмѣстѣ съ двумя прежними картинками, Моск. Худож. Классу, по его преобразованіи въ 1845) и написалъ нѣск. картинъ“, но что „въ ожиданіи товарища для путешествія, худ. Рабуса, находящагося въ отсутствіи, отправленіе Иванова въ Римъ отложено, по его просьбѣ, до будущей осени“, къ чему прибавлялось: „дарованія Иванова рвутся къ намъ, что онъ оправдаетъ вниманіе, обращенное на него Обществомъ“.

Этотъ Рабусъ былъ на столько чтимы И-вымъ, что сумѣлъ повліять на его разумъ и склонить къ подчиненію послѣднему влеченію сердца, когда намъ юный художникъ, почувствовавъ впервые любовь къ одной молодой дѣвушкѣ — дочери музык. Гюльена, жившаго тоже въ Академіи, сталъ уже колебаться между женьбой на любимой дѣвушкѣ и поѣздкой въ Италію. „Не стану описывать то время, — говоритъ И — въ въ первомъ письмѣ своемъ отъ 27 апр. 1829 г. къ Рабусу, уѣхавшему въ Малороссію, — когда вы, пребывая въ Петербургѣ, отторгали мою душу отъ мрачныхъ и неприятныхъ мыслей, которые теперь рѣдко посѣщаютъ меня; коротко скажу, что пребываніе ваше здѣсь мнѣ доставляло пользу вмѣстѣ съ пріятностью“, и далѣе: „Я уже принесъ всеподданнѣйшую благодарность моему разуму, первымъ ощущеніемъ коего я оялъ — таки вамъ объявлять“...

Передъ самымъ окончаніемъ послѣдней работы, И — въ, какъ видно изъ того же письма, заболѣлъ (на страстной недѣлѣ въ 1829 г.) и долго велъ, по его словамъ, знакомство съ пластрами, микстурами, порошками и проч. „Впрочемъ, рисунокъ Бойца въ величину статуи, — прибавлялъ онъ ту же же, — почти оконченъ, и я получилъ за него одобреніе отъ членовъ Академіи и президента (А. Н. Оленина), также отъ

нѣтокъ членовъ Общества, т.-е. знатоковъ; но, по странной привычкѣ, я словамъ не вѣрю, хотя имъ трудно пріобрѣсти; смотрю на дѣло и тороплюсь ко дню отъѣзда его окончить,—а сей день не ранѣе будетъ, какъ видно изъ рѣшенія Общества, какъ въ концѣ лѣта, ибо, говорятъ, перемена климата много дѣйствуетъ на здоровье, то, дабы меня побережь, за лучшее нашли припрорвать прібытіе мое въ Римъ къ глубокой осени. И такъ, К. И., если можно вамъ будетъ подождать до того времени, то вы симъ окажете мнѣ великое благодареніе“.

Замѣчаемое тутъ нѣтокъ противорѣчіе съ вышепривед. мѣстомъ изъ отчета Общества объясняется довольно просто: весьма вѣроятно, что Комитетъ рѣшилъ изъ-за болѣзни И.—ва отложить его поѣздку въ чужіе края до осени; самъ же И.—въ, которому, какъ мы узнаемъ изъ его письма къ Рабусу отъ 16 авг., представилось четыре случая къ отправленію: 1) съ живоп. Ваньковичемъ (студентомъ Виенскаго унив.—та и поспор. ученикомъ Акад. Худож.), оставшимся, однако, жить въ своемъ помѣстьѣ; 2) съ грав. Горданомъ, уѣхавшимъ ранѣе; 3) съ живоп. Лаиченко, оставленнымъ на нѣск. времени въ Россіи гр. Воронцовымъ, и, наконецъ, 4) съ Рабусомъ, предполагавшимъ ѣхать черезъ Одессу, — предпочитая отправиться именно съ послѣднимъ, въ видахъ чего просилъ даже предсѣдателя Общества гр. Кутайсова довести его до Малороссіи.

Между тѣмъ, время шло. „Боецъ, — писалъ И.—въ Рабусу осенью того же года, — окончаніемъ своимъ далеко превзошелъ прежнія картины, но, вмѣстѣ съ похвалой, получилъ я и выговоръ за продолжительность времени, которое я употребилъ на сей рисунокъ (6-ть вѣсцьевъ). Обезопасенный симъ, долженъ былъ я начать 10. картину, представл. „Веллерофонта, когда оны отправляется въ походъ противъ Химеры“ (в. 2, ш. 1½, арш.; наход. у М. П. Боткина въ СПб.). ...Срокъ или конецъ прошедшаго лѣта окончилъ и мою картину, которая была принята съ неудовольствіемъ. Говорили, что ова совсѣмъ не превосходитъ „Юсифа въ темницѣ“ и что имъ (членамъ Общества П. Х.) оскорбительно, что я не слушаю ихъ совѣтовъ въ разсужденіи композиціи. Однимъ словомъ, упомянутая картинка чуть не поколебала отправленіе мое въ чужіе края. Въ сихъ-то обстоятельствахъ вы мнѣ подали руку дружества... Теперь остается сказать вѣчто о будущности, хотя она известна одному Богу. Тутъ мнѣ гремятъ строжайшей инструкціей и, за неисполненіе одного, хотя

маловажнаго пункта, я буду лишень срочнаго пребыванія за границей. Ожесточенные поступками К. Брюллова¹⁾, они, грозя ему пакомъ, надъ первымъ мною хотятъ привести въ дѣйствіе свои несбыточные приказанія. Часто разстроенный душевно, не мудрено, что я впадалъ въ болѣзнь, но я уже начинаю привыкать къ неприяностямъ“.

Очевидно позднѣе, И. писалъ своему другу—13 сент. того же 1829 года: „Наконецъ, я достигая своей дѣли, — Общество рѣшило отправить меня за границу, но завершеніе сего весьма важнаго для меня путешествія зависитъ отъ васъ... Возьмите на себя трудъ распорядитъ нашъ путь, ибо я совершенно челоувѣкъ неопытный въ семъ случаѣ; мнѣнія же людей-совѣтниковъ—не хочу придерживать: трудно, не зная дѣла, слушать ихъ совѣты, противорѣчащіе между собою... Когда мысля, что Общество приходитъ въ упадокъ отъ усиливающихся недоимокъ, то весьма хочется поспѣшить, симъ дѣломъ, т.-е. ѣхать нынѣшнюю осенью“.

Однако, отъѣздъ его былъ еще разъ отложенъ и, послѣ исполненія 11. картины „Діогенъ“ (которую И.—въ просилъ потомъ Моллера, писавшемъ отъ 25 дек. 1848, —сжечь), 12. эскиза (во время вѣтр. осы) съ изобраз. „Милосерднаго Самаринна“ и 13. рисунка для Рабуса съ головы Шиллера (раб. Даннекера) въ Академ. музеѣ, онъ занялся еще писаніемъ: 14. небольшихъ образовъ для иконостаса въ какую-то церковь, причемъ моделью ему служилъ, стоя на столѣ, будущій скульпторъ Рамазановъ, въ то время еще мальчикъ съ свѣжимъ румянцемъ лицомъ, за что былъ накормленъ сладкимъ пирогомъ.

Тѣмъ временемъ И.—въ дѣятельно занимался чтеніемъ книгъ и вообще самообразованіемъ. Уже изъ перваго письма къ Рабусу видно, что онъ съ живностію слѣдилъ за тогдашней литературой. „Вездѣ кричатъ о романѣ „Ив. Выжигинъ“—писалъ онъ своему другу еще 27 апр. 1829 г.—Его здѣсь превозносятъ, и я, бывъ отягченъ недугомъ и чувствуя себя не въ силахъ заниматься серьезнымъ, прочитаю снѣ 4 части и нашелъ, что Булгаринъ столько же имѣетъ дара описывать пороки, сколько самъ въ нихъ неподражаемъ; въ отношеніи же добродѣтели во всемъ романѣ чувствуешь натяжку“. „По крайней мѣрѣ, К. И., —писалъ онъ тому же Рабусу 24 сент., —обѣщанное прошу исполнить,

¹⁾ Обратной посылкой имъ въ Петербургъ пенсіонерскаго содержанія, несправно присланнаго ему въ Римъ.

перевести мнѣ нѣск. строкъ изъ котораго нибудь изъ главныхъ вѣдѣныхъ авторовъ касательно художниковъ: я ихъ буду читать жаждущимъ познаний моимъ собратіямъ и глубоко впечатлѣно ихъ въ моей памяти". А когда тотъ указалъ своему юному другу на Винкельмана, послѣдній отвѣчалъ ему осенью того же года: „Исторія художествъ, о которой вы говорите, весьма мнѣ кажется важною; на русс. языкѣ есть, кажется, нѣкоторыя изъ нея статьи въ „Журналѣ Пялшыхъ Искусствъ“, — впрочемъ, нигдѣ болѣе; и такъ, я буду надѣяться ее имѣть". „Обильныя ваши наставленія, — писалъ еще разъ И — въ Рабусу 15 дек., испугавшись начатаго для него послѣднимъ труда, очевидно по переводу Винкельмана — (я уже плодъ ихъ вкусилъ, читавъ „Исторію литературы древнихъ и новыхъ народовъ“ Фр. Шлегеля), доставляетъ мнѣ полное удовольствіе. Вы мнѣ назвали великихъ писателей, между коими нахожу знакомаго Зудлера, — я читалъ его теорію. Потому вы говорите о просвѣщеніи художниковъ. Думаю о семъ врожденномъ стремленіи каждаго благомыслящаго, я почелъ необходимымъ поправить свою жестокую ошибку, хотя нѣск. поздно, и теперь учусь по-французски (у франц. гувернера Ливена), — ибо я къ нѣмецкому возе не приготовленъ, — чтобы не быть въ чужихъ краяхъ безъ книгъ и безъ языка".

Ивановъ до такой степени видѣлъ пользу отъ товарищества Рабуса — „какъ въ отношеніи просвѣщенія, такъ и въ дорожныхъ обстоятельствахъ", — что радъ былъ даже, судя по письму отъ 24 сент., отсрочкѣ поѣздки до весны, лишь бы ѣхалъ вмѣстѣ, и потому, узнавъ съ одной стороны, что картина, которую тотъ началъ, должна занять его довольно продолжит. время, а съ другой, желая избавиться отъ Ливенки, котораго Комитетъ Общества назначалъ ему въ товарищи, въ качествѣ пенсіонера, отправлявшася въ Венецію, писалъ своему другу въ апр. 1830: не можеть ли тотъ поѣхать къ 12-му и 13-му мая въ Петербургъ, т. к. онъ могъ оттянуть отъѣздъ только до 15-го мая. Но, хотя И — въ уѣздѣ за границу и всацемъ поздне (въ половинѣ іюня), онъ отправился все-таки не съ Рабусою, а съ Ливенко, снабженный обширною инструкціей отъ Общества, гдѣ и что ему смотрѣть и дѣлать по пути въ Римъ, причемъ на путешествіе по Европѣ ему полагался годъ времени.

„Выскакивая изъѣздомъ въ Германію, — писалъ онъ въ Общество изъ Флоренціи 28 февр. 1831, — я въ то же время несъ трудную должность кон-

дуктора и не имѣлъ ни часу покоя; въ промежуточное время отъ наблюденій, надобно было изучать слова, чтобы не впасть въ обманъ, а ограниченная сумма требовала чрезвычайной расчетливости, сдѣловат., умственная система моя отъ непрерывнаго напряженія начинала притупляться". Все это, вмѣстѣ взятое, а также и нѣкоторыя другія причины побудили его значит. сократить путешествіе, ограничившись болѣе подробнымъ осмотромъ только Дрездена (гдѣ онъ сдѣлалъ наход. теперь у М. П. Боткина 15 оконч. рисунокъ съ головъ Сикст. Мадонны и Младенца Христа, раб. Рафаэля) и Мюнхена, и „съ прискорбіемъ оставить пять славныхъ городовъ Италіи": Тренто, Верону, Мантую, Болонью и, наконецъ, Флоренцію, гдѣ онъ, какъ видно изъ его перваго письма отъ 13 сент. 1830 (оставшагося не напечатаннымъ), предполагалъ провести зиму.

Поселившись въ этомъ послѣднемъ городѣ, онъ подробно описывалъ въ своихъ донесеніяхъ находящіяся тамъ худож. произведенія, считая, послѣ Дрезденской галлерей, собраніе картинъ во дворцѣ Питти — лучшимъ, какое онъ видѣлъ до тѣхъ поръ, причемъ несколько не стѣснялся высказывать иногда мнѣнія, не согласныя съ общепринятыми, напр., о „Венерѣ" Капови или Тициана, и проч.

Насчетъ этихъ отчетовъ тогдашній конференцъ-секретарь Акад. Худож., В. И. Григориичъ, отзывался весьма выгодно для И — ва. Онъ полагалъ, какъ мы видимъ изъ письма А. И. И — ва къ сыну отъ 26 авг. 1831, „что отъ начала Акад. Худож. никакой пенсіонеръ ея не представлялъ своихъ отчетовъ всего, имъ видимаго въ чужихъ краяхъ, съ такою разсудительностію, какую находилъ въ его — о предметахъ художественныхъ, а равно и чувствованій ихъ и правильности сочиненія оныхъ; спрашивалъ, гдѣ тотъ учился оному?" — на что отецъ отвѣчалъ, „что отчасти въ классахъ Академіи, а болѣе употребилъ послѣднее время на оное передъ отъѣздомъ своимъ, а у кого учился — неизвѣстно". Этотъ отзывъ старика И — ва можеть служить лучшимъ доказательствомъ именно замѣчательнаго самообразованія его сына.

1831—36.

На первыхъ же порахъ своего пребыванія въ Италіи, молодой И — въ занялся 16. картиной „Аполлонъ, Кипарисъ и Гяццанти, взаим. музыкой" (в. 7, ш. 9 верш.; нынѣ у М. П. Боткина), о которой Торвальдсенъ и Камуччини отзывали-

лись въ общемъ одобрително: 1-й какъ-то простосердечно, 2-й съ какими-то раздраженіемъ (судя по письму И-ва въ Общество изъ Рима отъ 2 авг. 1831), и насчетъ которой отецъ И—ва дѣлалъ сыну равныя наставленія въ письмѣ къ нему отъ 2 июля, а также—эскизами: 17. „Сусанна“ (1831), 18. „Ахиллесъ, упор. Париса“, 19. „Самсонъ и Далила“, 20. „Давидъ, утѣш. Саула игрой на гусляхъ и пѣніемъ“, 21. „Иосифъ съ женой Пентефрія“, 22. „Братья Иосифовы находятъ чашу въ мѣшкѣ Веніамина“ (нынѣ въ Моск. Публ. и Румянц. Музей). Камучини, которому онъ ихъ показывалъ, какъ видно изъ вышепривед. письма, громко разсѣялся, увидя первый изъ нихъ, и сказалъ при этомъ, „что чувства весьма много, но мало благороднаго; что будущіе старики могутъ быть только позволительны въ эскизѣ, а для картины надо выбрать положеніе, могущее продолжаться нѣск. минутъ“ (въ справедливости чего И—въ, однако, сомнѣвался), при взглядѣ же на послѣдній видимо перемирился и увѣрялъ нашего художника, „что сей эскизъ его совершенно удовлетворяетъ, что тутъ онъ видитъ много хорошаго вкуса, влѣдствие чего и совѣтовалъ начать по немъ картину“. Хотя другіе одобряли также и его „Давида передъ Сауломъ“, но самъ И—въ предпочелъ все-таки именно тотъ, какъ „способъ къ изученію наготы“ и, сдѣлавъ два эскиза на одинъ и тотъ же сюжетъ (в. 11, ш. 14 верш. и в. 8, ш. 12 $\frac{1}{2}$ верш., оба теперь—въ гал. Третьякова въ Москвѣ), представилъ оба сперва на судъ тѣхъ же цѣнителей, а потомъ пославшаго его за границу Общества. При этомъ онъ сообщалъ послѣднему, что, „мнѣнія товарищей—всѣхъ, кромѣ Маркова,—противорѣчатъ первымъ двумъ мнѣніемъ, опираясь на исторію“, почему онъ и находится въ затрудненіи, т. е. „первыя два мнѣнія—людей, приобрѣтшихъ европ. репутацію, а послѣднія—важны по тѣсной связи съ исторіей“. Какъ прежде относилъ „Аполлона, Кипариса и Гиацинта“, такъ теперь относилъ „Братьевъ Иосифовыхъ“, отецъ И—ва дѣлалъ равныя замѣчанія и подавалъ равные совѣты сыну, посявъ ему даже цѣлый чертежъ съ обозначеніемъ предлагаемыхъ переиравъ въ его композиціи и съ изложеніемъ своихъ собственныхъ мыслей въ письмахъ отъ 26 авг. и 17 сент. 1831 и, въ особенноти, отъ 20 сент. и 28 окт. 1832. Но тутъ же онъ писалъ ему, однако: „чертежъ твой сего изображенія я одобряю и небольшая въ немъ переиравъ можетъ его улучшить, по моему мнѣнію; но я боюсь за тебя,

если ты строго будешь держаться мнѣнія гг. художниковъ, кои видѣли оный прежде меня, и не допустишь въ ономъ никакаго переиравъ для того только, чтобъ не огорчить ихъ. Я въ этомъ случаѣ такого мнѣнія, что почтенные художники видятъ отъ тебя къ нимъ уваженіе, стараются съ своей стороны быть также учтивыми противъ тебя и не хотятъ трогать твоего честолюбія палишиною своею откровенностію“. Говоря такъ, старикъ И—въ очевидно не зналъ критическаго отношенія подразумѣв. имъ тутъ художниковъ къ работамъ его сына и этого послѣдняго—къ ихъ учительскимъ наставленіямъ. Чего же совсѣмъ не одобрялъ старшій И—въ, это: 23. чертежъ „Восптаніе Юлистера“, непредставлявшій, по его мнѣнію, „никакой выгоды—ни съ нравственной, ни съ живописной стороны“.

Тѣмъ временемъ молодой И—въ, по распоряженію пославшаго его Общества, оканчивалъ въ Сикстинской капеллѣ: 24. картонъ въ величину оргинала съ „Сотворенія человека“ Микель-Анджело (в. 2 арш. 15 верш., ш. 7 арш. 7 верш.; подар. Комитетомъ Общества въ Имп. Акад. Худож.), очень одобренный Камучини и русс. посланникомъ въ Римѣ, а потомъ, при выставкѣ въ Акад. Худож. въ 1833 г. доставившій „единогласную похвалу молодому художнику, умывшему постичъ стили рисунка безсмертнаго Микель-Анджело“, какъ сказано въ отчетѣ Общества за 1832—34 г. (с. 6), и ваялся, по совѣту В. И. Григоровича, вмѣсто большихъ копій,—25. этюдами головъ и драпировокъ съ картинъ Рафаэля („Преображенія“ и др.)—„для пріученія себя къ хорошему вкусу“ (нынѣ у М. П. Воткина). Хотя И—въ и прислушивался къ мнѣніямъ другихъ, это не мѣшало ему, однако, критически относиться къ выслушиваемымъ сужденіямъ, и потому онъ могъ совершенно справедливо писать къ сестрѣ въ концѣ 1831 г.: „впрочемъ, я работаю доселѣ болѣе для удовлетворенія желаній собственныхъ, т. е. чтобы удовлетворить вѣчно недовольный глазъ мой, нежели для снисканія чего-то“. Насколько усилено вообще работалъ онъ уже въ то время—видно изъ слѣд. письма его въ Общество отъ начала 1833 г.: „пославъ къ вамъ эскизъ мой [„Братья Иосифа“], я со всею моею силою изобрѣтательною сочинилъ новыхъ 20-ть [очевидно на тотъ же сюжетъ], пытаюсь образцами жившихъ до меня художниковъ, учиться отъ конхъ я нынѣ имѣю полныя отъ васъ способы. Дошедши, наконецъ, до послѣдняго мнѣ совершеннаго искусства компози-

ція, я подвергнулъ опыте (эскизы) сужденіямъ художниковъ, и преимущественно выбралъ судьей своимъ одного изъ отличѣйшихъ живописцевъ—благочестиваго Овербека, не столько славнаго исполнительнѣйшей частью, сколько сочиненіями,—человѣкъ весьма образованный онъ!“ И тутъ замѣтно опять не рабочіе преклоненіе передъ Овербескомъ, какъ и передъ Камуччини, а критическое отношеніе къ нему, съ оцѣнкой въ немъ болѣе ученаго, чѣмъ художника. На этомъ-то основаніи И—въ и не могъ не согласиться съ мыслью Овербека, что „предметъ его есть эпизодъ исторіи Иосифа, а всякій эпизодъ не долженъ быть большой картиной, ибо (онъ) входящая часть исторіи есть, и потому лучше выбирать сюжеты для большихъ произведеній, составляющіе цѣлый объемъ чего-либо—поэму“ (хотя это мнѣніе и оспаривалъ старикъ И—въ въ письмѣ къ сыну отъ 14 февр. 1833).

Тогда нашъ художникъ занялся снова отысканіемъ для себя сюжета: „прислушивался, какъ онъ самъ выражается, къ исторіи каждаго народа климата умѣреннаго, прославившаго себя дѣяніями, и нашихъ, что выше евреевъ ни одного народа не существовало, ибо имъ ввѣрено было свыше возродить Мессію, откровеніемъ Коего начался день, для человечества, нравственнаго совершенства или, что все-равно,—познать вѣчно сущаго Бога! Такимъ образомъ, идя вслѣдъ за алканіемъ пророковъ,—продолжаетъ онъ,—я остановился на Евангеліи, на Евангеліи Іоанна! Тутъ, на первыхъ страницахъ, увидѣлъ я сущность всего Евангелія, увидѣлъ, что Іоанну Крестителю поручено было Богомъ приуготовить народъ къ принятію ученія Мессіи, а, наконецъ, и лично представить его народу! Сей-то послѣдній моментъ,—прибавляетъ онъ въ заключеніе,—выбираю я предметомъ картины моей, т.-е. когда Іоаннъ, увидѣвъ Христа, идущаго къ нему, говоритъ народу: Се агнецъ Божій, вемляя грѣхи міра. Сей есть, о немъ же азъ рѣхъ: по мнѣ грядетъ мужъ, иже предо мною бысть, яко первѣе менѣ бѣ. И азъ не видѣхъ его, но да явятся Израилеви.“ Приведенное мѣсто изъ письма И—ва лучше всего показываетъ, насколько самостоятельно и съ какимаъ глубокимъ изученіемъ предмета доходягъ онъ до всего, не взирая на совѣты отца, писавшаго ему, пользуясь своимъ вліяніемъ на сына, еще 5 марта 1831 г.: „Когда ты расудишь заняться чѣмъ-либо серьезно, то не думай очень много о сюжетѣ, но вы-

бери какой-нибудь обыкновецный предметъ и начинай съ Богомъ производить оный; (только) старайся не брать предметовъ развратныхъ для нравственности“.

„Зная по опыту,—писалъ онъ сыну въ другой разъ (15 іюня 1833),—сколь трудно самому собою приискать сюжетъ, которымъ бы могъ быть доволенъ художникъ, я не совѣтую тебѣ много на то устремляться, а особливо на чтѣ ни есть необыкновенное, новое, если тѣ само собою не представится какимъ ни есть случаемъ. Повѣрь мнѣ, что простой предметъ, хорошо обработанный, будетъ уваженъ; я поймаю простой—многогрантованный, но трактовать одишъ и тотъ же предметъ можно различными образомъ... Отбросъ же всѣ заботы по сему дѣлу, пиши картины небольшія, но съ отдѣлкой,—это будетъ лучше и неизвурительно для твоего здоровья“. „Не предпринимай чего-либо высокаго, огромнаго,—уговаривалъ отецъ сына еще разъ (1 окт.),—но выбрай предметы простые и пріятны: годныя для церквей нашихъ предметы всегда хороши и съ успѣхомъ сбыты быть могутъ въ свое время, другого же рода—въ галлерей или академій“... „Я конечно увѣренъ,—признавался, однако, отецъ сыну (15 іюля 1834), по поводу выбора имъ, наконецъ, сюжета для новой картины,—что избраніе сюжета для картины есть дѣло важное, но за всѣмъ тѣмъ не должно увлекаться въ семь случаевъ за предѣлы,—я почитаю выбранный тобою предметъ за таковой, ибо онъ долженъ быть неудобоисполнителенъ по ограниченности живописи: смыслъ всего Евангелія—предметъ довольно важный, но какъ ты оный изобразишь?“

Это не мѣшало старикъ нѣсколько ранѣе (14 февр.) давать совѣты молодому художнику насчетъ изображенія Іоанна Крестителя въ его будущей картинѣ. „Я видѣлъ,—писалъ онъ,—изображеніе Іоанна Предтечи въ копіи съ картины Рафаэля, назыв. *Madonna di Foligno*, которое мнѣ чрезвычайно нравится, почему и совѣтовалъ бы тебѣ подражать тому хартю, который данъ сей фигурѣ,—это, по моему мнѣнію, совершенный Іоаннъ, жившій въ удаленіи отъ людей нѣсколько лѣтъ: онъ имѣетъ весь отпечатокъ дикаго, но благороднаго вида человѣка. Не надѣвай на него никакой драпировки краснаго или другаго цвѣта, ибо это служить сознаніемъ художника, что онъ изобразить его по описанію былъ не въ силѣ, а, имѣя образецъ передъ глазами, слѣдуй оному, чѣмъ удовлетворишь знатоковъ и избѣгнешъ критики“...

Но и въ этомъ случаѣ молодой И—въ не послѣдовалъ совѣту старика, а сдѣлалъ по своему.

Вообще, при всея уваженіи къ отцу, онъ часто не соглашался съ его взглядами, и, когда тотъ, напр., изъ-за экономическихъ соображеній, предположилъ отдать меньшого сына Сергѣя въ Академію Художествъ, писалъ ему въ отвѣтъ на его письмо отъ 4 авг. 1832 (безъ сомнѣнія осенью того же года, а не весной 1833, какъ напечатано въ изд. Боткина, ибо 6 дек. отецъ уже отвѣчалъ ему): „Съ прискорбною душою соглашаюсь, чтобы юноша поступилъ въ хаосъ безтолковыхъ методовъ наукъ въ нашей Академіи Художествъ,—а письмо сіе да будетъ ему въ памятникъ, что нужда и крайность дѣлаютъ. Я всегда думаю, что, во 1-хъ, должно получить общее образованіе, а въ 15—16 лѣтъ самъ юноша скажетъ, къ чему онъ болѣе имѣетъ охоту. Дѣйствовать вопреки его охотѣ, вопреки его природнымъ наклонностямъ—значитъ противиться Богу, вызывающему его посредствомъ наклонностей заняться тѣмъ, что ему суждено непремѣнно“. Точно также, когда старикъ И—въ, въ письмѣ отъ 27 мая 1833, находилъ неприличнымъ для сына „брать на себя чужія дѣла (т.-е. товарищей) и по нимъ утруждать людей, которыхъ расположеніе неизвѣстно“ (т.-е. начальствующихъ), тотъ отвѣчалъ ему: „Я теперь самъ знаю, что не сдѣлалъ ничего для погибающихъ товарищей монахи: глядѣть холодно на умирающаго [Карчевскаго или Гофмана], не обращать вниманія на трупенщій голосъ близкаго къ тюрьмѣ [Зассена] и не доставить слѣбному другу [Лаченкѣ] изъ себя волатато,—я былъ не въ силѣ. Я еще имѣю совѣсть и сохраняю ее какъ сокровище“.

Подобно тому, какъ молодой И—въ опередилъ своихъ собратьевъ по искусству во взглядахъ на отсталость Академіи Художествъ, такъ точно онъ первый, сколько извѣстно, поднялъ вопросъ о необходимости національнаго музея, говоря въ письмѣ къ В. И. Григоровичу отъ осени 1833 г., что „пора бы уже предложить, гдѣ слѣдуетъ, выстроить особня, всегда открытыя для публички залы для помѣщенія будущихъ произведеній по исторической живописи и скульптурѣ отечественныхъ художниковъ“. По его мнѣнію, „изъ Кабинета Его Величества, что у Аничкова моста, удобнѣе всего было бы сѣмъ залы устроить... Залы сѣмъ должны быть высокія, обширныя и соверху существующимъ свѣтомъ. Тутъ же будутъ художественныя афиши, въ которыхъ будутъ извѣщать объ успѣ-

хахъ иностранцевъ и нашихъ по всея отрасли искусствъ. При входѣ въ выходѣ изъ залы будутъ проходить кружки для добровольныхъ пожертвованій для успѣховъ художниковъ... Съ открытіемъ сихъ залъ извѣститъ публику, что если нравятся таковыя храмы искусства, то начинать складываться для постройки другого, ему подобнаго“¹⁾.

Работая умственно надъ разными вопросами, нашъ художникъ не упускалъ изъ виду задуманной имъ новой картины, по, въ ожиданіи подбора необходимыхъ матеріаловъ для пел и окончательной разработки своей идеи, занялся еще другимъ произведеніемъ, быть можетъ натолкнутой на новый сюжетъ письмомъ отъ 23 сент. 1832. „Много времени протекло, какъ родилась у меня мысль ѣхать въ Палестину,—писалъ онъ неизвѣстному (вероятно, В. А. Жуковскому) въ концѣ 1833,—чтобы обогатить и оживить мои свѣдѣнія, какія необходимы для начатія настоящей моей картины (т.-е. „Явленіе Мессіи“), такъ я будущихъ изъ Св. Писанія. Но, не имѣя ни естественныхъ способовъ, ни счастливыхъ случаевъ, намѣреніе мое, хотя и многими одобряемое, оставалось какъ бы умершимъ. Настоящей случай мнѣ подаетъ поводъ исполнить свое счастье. Я узналъ, что гр. Гурьевъ весьма сильно отговаривалъ Брюлло (Карла) не ѣхать съ Давыдовымъ (на Востока), вслѣдствіе чего я весь просилъ бы развѣдать на какихъ условіяхъ возьметъ Давыдовъ живописца, если Брюлло совершенно откажется.“ „Скажите В. И. Григоровичу,—просилъ онъ отца въ окт. 1833, въ отвѣтъ на письмо № 1 отъ августа того года (а не въ началѣ 1836, какъ напечатано въ изданіи Боткина),—чтобы поговорилъ съ Жуковскимъ. Если случится немедленно все то, что сей послѣдній обѣщавъ мнѣ,—восторженный удачей, все слѣзъ приложу справиться трудами моими съ колоссальнымъ моимъ предпріятіемъ“. „Григоровичъ видѣлся съ Жуковскимъ,—отвѣчалъ старикъ И—въ слѣдуя 3 нояб.,—слышалъ его хороше о тебѣ отзывкъ... (тотъ)

¹⁾ Лишь три года спустя (въ 1836) художникъ А. Добровольскій началъ въ Москвѣ „Предположеніе объ учрежденіи въ Москвѣ картинной галлерей и при ней выставки художественныхъ произведеній“. Брошюра эта такъ рѣдка, что осталась неизвѣстна даже В. В. Стасову, изложившему исторію ходъ развитія идеи объ устройствѣ русск. худож. галлерей въ своей статьѣ „П. М. Третьяковъ“ въ „Русск. Стар.“ 1893 (№ 12).

говорилъ ему о желаніи твоёмъ видѣть Палестину или то мѣсто, гдѣ Спаситель явился для пріятія крещенія отъ Іоанна,—для вѣрнѣйшаго мѣстоположенія въ предпринимаемой тобою картинѣ, такъ равно и друг. подробностей и характеровъ. На сіе отвѣчалъ ему Григоровичъ, что ты предпринимашь дѣло доброе, но безъ согласія Общества, коего иначе ожидать нельзя, какъ удовлетворивъ оно посланіемъ своихъ трудовъ по живописи, хотя въ одной фигурѣ, что либо представляющей, или что иное“... „Я видѣлся съ В. А. Жуковскимъ,—сообщалъ А. И. сыну 16 янв. 1834 г.—онъ очень хорошо о тебѣ отзывался и будетъ стараться у членовъ Общества о тебѣ, когда увидятъ они труды твои, почему и старайся прислать картину твоего сочиненія“.

„Я началъ 26. картину „Иисусъ послѣ воскресенія является Магдалинѣ“ (в. 3½ а., ш. 4½ а.; нынѣ въ Имп. Эрмитажѣ),—писалъ молодой И—въ другому неизвестному (быть можетъ, Шевыреву) въ началѣ 1834 г., въ отвѣтъ на его письмо отъ 19 нояб. 1833: она уже подмалевана; но грусть, невольно завладѣвая мною при отбѣдѣ вашемъ, часто вырывается у меня изъ рукъ палитры. Какъ видимо званіе ученаго!... Жуковский говоритъ о моемъ намѣреніи ѣхать въ Палестину съ Григоровичемъ, на что сей послѣдній согласился съ тѣмъ, однакожъ, чтобы я прислалъ своихъ трудовъ что-либо въ Петербургъ, судя по коимъ и будутъ уже даны мнѣ способы совершить сей voyage, или чтобы постараться склонить кого-либо изъ большихъ въ Римѣ написать въ Петербургъ. Я думаю употребить въ семь случаевъ Торвальдсена“.

„Не испытывай себя никогда въ производствѣ большого,—сообщалъ онъ председателю Общества П. Х. гр. Мусину-Пушкину-Брюсу 28 февр. 1834.—я предпринялъ теперь написать картину въ духѣ фигурахъ, въ естественную величину, представляющую „Иисуса въ вертоградѣ“, которая уже и подмалевана. Занимаюсь также образобъясненіемъ сюжета моего: 27. „Появленіе Мессіи“, и молю судьбу ниспослать мнѣ способъ исполнить его въ большомъ видѣ, ибо съ настоящими этого сдѣлать невозможно. Эскизы онаго, доселѣ сдѣланные, коихъ произвожу пятый (наход. въ гал. Третьякова въ Москвѣ, у насл. Д. П. Боткина въ Москвѣ, гр. С. Г. Строганова въ СПб., у М. П. Боткина въ СПб. и насл. А. С. Хомякова въ Москвѣ), по словамъ Торвальдсена, Овербека, Корнелиуса, Камуччини и др., ведутъ композицію къ совершенству“.

„Я долженъ тебѣ сказать,—говорилъ отецъ И—ва сыну въ письмѣ отъ 20 марта 1834,—слышанный мною отзывъ Григоровича на сдѣланное рекомендательнаго письма Торвальдсена; онъ мнѣ читалъ его: оно чрезвычайно хорошо написано и содержитъ отзывъ о тебѣ сего знаменитаго человека съ весьма хорошей стороны; но что, за всѣмъ тѣмъ, Общество, хотя и не сомнѣвается въ тебѣ, но распоряженія свои касательно тебя сдѣлаетъ не иначе, какъ по присылкѣ тобою живописныхъ трудовъ твоихъ и, смотря по онымъ, дѣйствовать будетъ касательно дальнѣйшихъ твоихъ намѣреній и нужныхъ къ тому со стороны его твоихъ способій“.

И такъ, какъ видно изъ приведенной переписки, нашъ художникъ не встрѣчалъ еще пока препятствій къ осуществленію своихъ вѣрнѣйшихъ мыслей въ будущемъ, а если его что и тревожило, то только напоминовеніе о возможномъ возвратѣ на родину.

„Усталый умственно и физически,—писалъ И—въ отпуску изъ Виценцы и неизвестному (быть можетъ, Смирнову) изъ Рима въ маѣ 1834 г.—я рѣшился воспользоваться позволеніемъ Общества и сдѣлать путешествіе по Сѣв. Италіи, чтобы „видѣть все то, чѣмъ Италія отличалась въ живописи, изучить характеръ всѣхъ школы и, наконецъ, составить изъ нихъ себѣ методъ“,—какъ онъ сообщалъ пославшему его Обществу въ ноябрѣ того же года. „Надѣюсь,—прибавлялъ онъ въ письмѣ къ отцу,—что волежъ мой укрѣпить мои силы физически, внутренними частыми непріятностями [главнымъ образомъ матеріальными]. Надѣюсь также, что наглядка на произведенія венеціанской школы и другихъ поможетъ, по возвращеніи, окончить начатую картину „Иисусъ въ вертоградѣ“... Часто ли вы видаетесь съ Жуковскимъ?—спрашивалъ онъ дѣда. Я къ нему хочу послать эскизы „Появленія Мессіи“, но не прозе, какъ остановился на сочиненіи, которыхъ я еще не доволенъ. ...Я боюсь, чтобы вы не воспрепятствовали моему voyage въ Палестину,—изъ письма вашего это видно. Пожалуйста, вы хоть нейтральнымъ будьте, и вспоминайте то время, когда хотѣли отравить меня въ Китай на 12 лѣтъ“.

Во время своей поѣздки по Сѣв. Италіи, И—въ велъ обстоятельныя путевыя замѣтки, описывая въ нихъ и каскадъ Терви, и видѣнную тамъ вечеромъ религіозную процессію въ страстную пятницу, и особенности мѣстнаго костюма, и различіе во вѣшности жителей, и вѣншіе облики дѣлныхъ городовъ и отдѣльныхъ зданій, а также болѣе или менѣе подробно

разбирая осмотровыя имъ худож. произведе- ния: К. Чиньяни—въ Фанци, Люд. Караччи— въ Имола, Гвидо Рени („Шета“), Рафаэля („св. Цецилія“), Доменикино, Фр. Франчии, Гверчино, Пармеджанино—въ Болоньѣ, П. Веронее („Ма- довна со святыми“, „Бракъ въ Капѣ Галилей- ской“, плафоны въ Палаццо Дукале), Тиціана („Ассунта“, или „Вознесеніе В. М. на небо“, и „Мученіе Петра“, съ которыхъ онъ сдѣлалъ да- же 28—29. копіи, наход. теперь у М. П. Вotka- ва; „Введеніе во храмъ Богородицы“, „Снятіе со креста“ и вѣк. др.), П. Бордоне („Рыболовъ“), Тинторетто („Чудо св. Марка надъ слугою“, съ котораго онъ также сдѣлалъ: 80. копію), І. Бел- лия („Мадонна“, „Христосъ въ Эмаусѣ“ и проч.), Пальма („св. Варвара“, „св. Семейство“) — въ Венеціи, Джотто—въ Падуѣ, опять П. Веронее („Мадонна di Monte“, „Богоматерь со святыми“) — въ Венеціи и Веронѣ, опять Тиціана („Ассун- та“) — въ Веронѣ, Гогети (фрески и картины) — въ Бергамо, Л. да Винчи („Тайная Вечеря“), Аппіани (фрески), снова П. Веронее („органъ“), снова П. Бордоне, снова Рафаэля (картонъ въ Амбров. библиотекѣ), Бассано („Рожд. Іисуса“) — въ Миланѣ, Боргоньоне („Распятіе“) — въ Павии, Камуччини — въ Пиаченцѣ, Корреджіо („Охота Діаны“, „Мадонна св. Иеронима“, „св. Семейство“ и проч.), снова Гвидо и Караччи — въ Пармѣ.

По возвращеніи въ Римъ, черезъ Фло- ренцію, Ивановъ задумалъ, между прочимъ, сѣдлать въ Альбано, чтобы сдѣлать 31. этюды съ натурщицы Витторіи, вышедшей замужъ за Лапченко, для „Богородицы всѣхъ скорбя- щихъ“ и окончить 32. начатый имъ съ этой кра- савицы портретъ (наход. у М. П. Вotka- ва), а тамъ снова принялся за свою картину. Но тутъ онъ опять вступилъ въ небольшой споръ со отцомъ по поводу сдѣланныхъ тѣмъ въ пись- мѣ отъ 17 авг. 1834 замѣчаній на присланный имъ чертежъ „Явленія Христа Магдалинѣ“, не признавая, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, необходимости въ измѣненіи положенія Христа и Магдалины и допуская лишь незначительныя перемѣны въ поворотѣ руки, въ уборѣ го- ловы, въ приближеніи камня къ гробу, и проч. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ ноября былъ оконченъ 5-й живописный эскизъ „Явленія Мессіи“. „Наглядка въ Венеціи и копированіе съ Тиціана, — сообщалъ онъ Обществу около того времени, — много мнѣ помогли къ оконча- нію большой моей картины и эскиза, которые уже, послѣ разныхъ перемѣнъ и переписокъ, естественныхъ учащемуся, доведены до окон- чательнаго вида“.

Какъ вдругъ онъ получаетъ письмо отъ Гри- горовича, по поводу котораго отецъ пишетъ ему 16 окт. 1834: „Ты въ немъ найдешь то, о чемъ я тебѣ предсказывалъ и [почему] не совѣтовалъ настаивать [на просьбѣ] объ отправленіи тебя въ Палестину для пред- принимаемой тобою картины; хотя перво- начально мысль твоя и была поддержи- вается самими членами Общества (не въ сѣми), — я это самъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ, даже и отъ В. А. Жуковскаго, — но, несмотря на все это, она мнѣ всегда казалась странною; теперь же она и для всѣхъ покажется таковою, какъ то изъ письма усмотришь можешь. Какъ дѣла такого рода судятся по обстоятельствамъ страны, въ настоящемъ ея положеніи находя- щейся, — въ отношеніи къ предмету, для коего путешествіе предпринимаетъ художникъ, то дѣйствительно такое намѣреніе его должно казаться таковымъ [т. е. страннымъ]... Но не странно бы оно было, еслибъ ты предпринялъ что нибудь сдѣлать изъ Росс. исторіи и за- хотѣлъ обогрѣть мѣстность, гдѣ то происше- ствіе совершилось, а особливо, если мѣсто сохранило что нибудь отъ тѣхъ временъ, по нынѣ существующее. Но пустыня — что можетъ представить подобнаго? — ничего; съ довольно хорошимъ воображеніемъ, читая путешествіи, можно представить оную въ выгоднѣйшемъ положеніи для картины, нежели сама природа что бы представила глазамъ художника — при- рода, совершенно измѣнившаяся во всѣхъ пред- метахъ, кромѣ несноснаго жара, который и у- наст, на сѣверѣ, иногда къ тому довольно при- близжается и даетъ объ ономъ, если не совер- шенное, то довольно понятіе, еслибъ еще присовокупить безводіе тѣхъ странъ къ на- шимъ. Такая страна сама уже по себѣ пред- ставляетъ всю невыгоду для обитанія людей“... Однако И — въ не согласился съ подобными доводами и отвѣчалъ Григоровичу: „Вы гово- рите, ѣздилъ ли Камуччини въ Палестину, когда писалъ сюжетъ, замѣствованный изъ Нов. Завѣта? Отвѣчаю: холодный Камуччи- ни принадлежить къ проходящей школѣ художниковъ, на которую мы смотримъ съ уваженіемъ потому только, что она вышла изъ барокко, но что Овербекъ въ образномъ стилѣ гораздо болѣе приблизился къ исти- нному классическому; то англичанинъ Изыкъ, который пользуется и до сихъ поръ именемъ отличнаго художника, работая изъ греческой исторіи, въ заключеніе ученія своего въ Римѣ, ѣздилъ въ Аѳины; что К. Брюлло сдѣлалъ

такъ отчетливо, скопировать „Улицу гробовъ“— для „Послѣдняго дня Помпеи“...

Потерявъ надежду быть посланнымъ въ Палестину, И—въ просилъ Общество 27 нояб. 1834 хоть о продленіи ему пенсіонерства еще на нѣкот. время, поставивъ на видъ, что если онъ не представилъ до сихъ поръ ни одной картины въ краскахъ и собств. сочиненія, то это произошло не отъ лѣности и нерадѣнія, а изъ нежеланія представить что нибудь не вполне удовлетворительное, и что изъ 4-хъ лѣтъ „дѣлаго года мало на достиженіе стлѣй великихъ мастеровъ, на небольшіе опыты и подражанія имъ, въ различномъ родѣ дѣлаемые“, а цѣлый годъ, страдавъ отъ беспрестанныхъ лихорадокъ (послѣ отставки отца), онъ пролежалъ въ постели. Но прошеніе его долго не приходило въ Петербургъ, а потому старикъ И—въ, посоветовавшись съ Григоровичемъ, самъ написалъ просьбу о продленіи его сыну пенсіонерства на 2 года, ссылаясь на примѣръ Акад. Худож., посылающей своихъ пенсіонеровъ на 6 лѣтъ, и подалъ ее 13-го декабря. Прошло три дня и Комитетъ Общества рѣшилъ удовлетворить это ходатайство, къ великой радости обонхъ И—выхъ. Тѣмъ не менѣе, получивъ извѣстіе объ отсрочкѣ пенсіонерства, сынъ писалъ отцу весной (10 апр. н. с.) 1835, въ отвѣтъ на его письмо отъ 4 февр.: „Какъ грустно родиться нищимъ, чувствовать это въ полной степени и не видѣть ничего впередъ для поправленія своего состоянія! Работы мои остановились и я похожу теперь болѣе на движущійся истуканъ или на скота, получившаго ударъ буха въ голову“, намекая тѣмъ на отказъ въ доставленіи средствъ на путешествіе въ Палестину. Нѣсколько же спустя, послѣ поѣздки въ Тиволи съ цѣлю написать этюды столѣтнихъ кинарисовъ въ саду д'Эсте для картины „Исусъ и Магдалина“, онъ сообщалъ старику 1 июля 1835, въ отвѣтъ на письмо послѣдняго отъ 24 апр. (а не осенью 1834, какъ напечатано въ изд. Вотькина): „Такимъ образомъ околнчность у меня готова, и я принимаюсь за окончаніе фигуръ. Какая равница писать большую картину или маленькую! Я въ отчаяніи отъ фигуры Христа. Думаю, думаю, углубляюсь—и въ наблюденіе великихъ мастеровъ, и въ природу, —никакого не нахожу пособія. Советоваться мнѣ не съ кѣмъ, ибо постигающіе точку совершенства изящныхъ искусствъ хотя и имѣютъ ее общему дѣлю, но каждый идетъ къ ней путемъ разлчнымъ“... „Наскучивъ однообразными воспоминаніями и разборами о подломъ вос-

питаніи, которое получили всѣ мы въ Академіи, — прибавлялъ онъ далѣе, — слѣдствіемъ коего укѣрилась въ насъ, вмѣсто дѣятельности къ ученію и наблюденію природы, — природная свора и разгульная жизнь, а совершенно оставилъ русскихъ, которыхъ люблю до самоотверженія“, послѣ чего описывалъ занятія иностранныхъ художниковъ, начиная съ Торвальдсена, Корнеліуса и Овербека.

Когда же отецъ всячески успокаивалъ сына въ его тревогахъ насчетъ изображенія Христа, молодой И—въ отвѣчалъ старику 9 окт. 1835 на его письмо отъ 3 августа: „Вы говорите, что достаточно формъ благородныхъ, чтобы сдѣлать фигуру Исуса соответственной воображаемости. Если бы этимъ въ самомъ дѣлѣ можно было довольствоваться, то моя картина кончена, ибо гармонія линий и правильность рисунка всѣми уже одобрена. Но какъ это недостаточно для большой картины нашего времени, которое требуетъ непременно и силы и гармоніи красокъ, и мастерской ловкости кисти, не выходящей за границы строгаго рисунка и выраженія, свойственнаго каждому предмету! Вотъ эти-то условія, о которыхъ намъ не говорили въ Академіи, меня совершенно теперь приводятъ въ гущь“.

Наконецъ, въ исходѣ 1835 г., картина „Снанитель передъ Магдалиною въ вертоградъ“ была окончена и должна была быть отправлена въ Петербургъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ эскизомъ „Явленія въ міръ Мессіи“, при письмѣ автора на имя Общества отъ 28 декабря. Однако это было отложено на нѣкоторое время.

„Недовольствуясь замѣчаніемъ и одобреніемъ извѣстныхъ художниковъ на мою картину „Исусъ съ Магдалиною“, нарочно пригласившихъ въ мою мастерскую, и въ разныя времена дѣлаемыми, —говорилъ онъ въ проектѣ своего письма въ Общество отъ іюня 1836 (совершенно передѣланнаго потомъ—10 іюля), — я рѣшился выставить ее публичнѣ, и тутъ, сколько можно было замѣтить, картина моя не терялась, стоя въ ряду пестрыхъ картинъ—tableaux de genre, которыя, какъ издающіися въ глаза въ первыхъ, болѣе обольщали глаза римской публики, вежели тѣ вещи, гдѣ нуженъ глазъ воспитанный и умственное направленіе, чтобы постигать ихъ и, слѣдоват., постоянно наслаждаться. Итальянцы, уставши, истощенны надъ всѣмъ высокимъ и пріятнымъ, ищутъ теперь легкихъ, модныхъ и грушечекъ. Это конечно удѣлъ всякой отвлѣченной націи. Зватоки, съ именитыми художни-

ками, составляли хотя малую, но весьма полезную часть публики; ихъ-то приговоръ любознательн, но слишкомъ бы было для меня безпринично докладывать вамъ объ этомъ... Въ послѣднѣмъ эскизѣ я остановился, ибо теперь нѣгю въ немъ крайнюю нужду, начавъ большую мою картину [в. 2½ арш., ш. 3½ арш.; нынѣ у К. Т. Солдатенкова въ Москвѣ], гдѣ многія части удержаны такъ, какъ онѣ въ эскизѣ находятся; (но) при первомъ отвѣсѣ намекъ я пришла къ вамъ съ курьеромъ русскимъ не только помянутый эскизъ, писанный масл. красками, но и рисунокъ съ производной уже картины, гдѣ если и будетъ перемена, то самая незначущая".

Насколько И—въ былъ далекъ отъ зависти къ другимъ художникамъ, составившимъ себѣ имя и привлекавшимъ вниманіе публики, видно изъ его отношеній къ собратьямъ и работъ объ ихъ прославленіи. Такъ, онъ проситъ 24 іюня 1836 Шевьреза перевести съ итальянскаго и напечатать въ к. л. русскомъ журналѣ благоприятный отзывъ "Тиберино" о "Мѣдномъ амфѣ" Бруни—до приѣзда послѣдняго въ Петербургъ; проситъ лѣтомъ того же года одного пензенскаго (въромя Ободовскаго) составить привѣственную рѣчь Кипрскому при поднесеніи ему серебрян. стакана отъ русскихъ въ Римѣ въ знакъ признательности и уваженія, и т. п.

Спусти нѣкот. время послѣ отправки оконченной картины черезъ Ливорно (въ маѣ мѣсяцѣ), И—въ послалъ отцу давно ожидаемый тѣмъ эскизъ своего будущаго произведенія, снабдивъ его подробнымъ описаніемъ сюжета и объясненіемъ всѣхъ входящихъ туда фигуръ, начиная съ самого Іоанна Крестителя, его учениковъ: апостола и евангелиста Іоанна, Андрея, брата Петрова, Наваанна (хотя его и не было тамъ на самомъ дѣлѣ), пришедшихъ креститься мытарей, кающихся грѣшниковъ съ растрепаннымъ, послышаннымъ прахомъ волосами и въ изодранныхъ рубахахъ, и кончая сомнѣвающимися левитами и фарисеями и, наконецъ, воинами, — при видѣ Іисуса. При этомъ онъ прибавлялъ: "чтобы избавиться монотонности мужчинъ, которые должны быть, конечно, главными, ибо у евреевъ женщины занимаются только домашнимъ бытомъ, я представляю на второмъ планѣ молодую дѣву, коей помогаютъ снять платье двѣ другія, пожилыя женщины; всѣ онѣ въ эту минуту тоже заняты словомъ Іоанна, хотя для нихъ, какъ для женщинъ, не совсѣмъ понятнаго. Эта группа даетъ маленькую грацію

картинѣ". Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы и въ отрывкѣ изъ записной книжки И—ва, передающемъ порвую мысль картинѣ, какъ она была выражена въ первоначальныхъ эскизахъ—писанномъ масл. красками и рисованномъ карандашемъ: "Тутъ вдова схватилась встрѣчать Іисуса; преклонныхъ лѣтъ женщина, въ испуганномъ любопытствѣ, столкнула записывающаго слово Іоанна; далѣе блудница, скорбящая о грѣхахъ своихъ, суетной рукой ищетъ сбросить хламиду, печально се закрывающую по обычаю того времени"...

Но старикъ И—въ, указывая сыну въ письмѣ отъ 8 авг. 1836 на необходимость сдѣлать мѣстность болѣе пустынною и дикою, затѣмъ показавъ колесницы, привезшія престарѣлыхъ людей креститься, далѣе—воиновъ на коняхъ, нѣсколько болѣе обнаженныхъ фигуръ, чѣмъ представлено, наконецъ—менѣе значительное зданіе въ отдаленіи, не считая разныхъ перемены въ положеніяхъ изображенныхъ у него лицъ, находилъ, "что будетъ несприично допускать женщинъ, а тѣмъ болѣе дѣвицъ, къ крещенію, сдѣловательно и къ обнаженію ихъ, но онѣ могутъ быть въ картинѣ помѣщаемы съ приличіемъ ихъ полу и возрасту". Возражая въ отгвѣтномъ письмѣ на нѣкоторыя замѣчанія, напр.—относительно недопущенія старцевъ въ композицію, "но принципъ ихъ бесцѣля путешествовать въ пустынь", славъ обѣщавъ отцу подумать объ остальномъ и, по сдѣланіи перемены, прислать новый чертежъ. "Между тѣмъ,—прибавлялъ онъ,—если придетъ вамъ что на мысль къ пополненію моего предмета или къ улучшенію, то вы мнѣ оное сообщите. Я ѣздилъ за нѣсколько миль отъ Рима для написанія этюдовъ околнкости, которую теперь почти привелъ въ порядокъ. Не легко сочинить приличный ландшафтъ, а еще труднѣе сочинять его отдѣлку. Портретнымъ образомъ работать ландшафты гораздо легче, чѣмъ идеальнымъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ изъ Италіи должно переселиться (мысленно) въ Спрійскія горы". Судя по послѣдней редакціи картины, И—въ, отринувъ одинъ изъ отцовскихъ совѣтовъ, все-таки принялъ другіе, напр.—насчетъ прибавки конныхъ воиновъ и изыатія обнаженныхъ женщинъ. Но, устранивъ собственно изображенія женщинъ, онъ тѣмъ не менѣе ввелъ ихъ въ свою картину въ иномъ видѣ, а именно взявши прототипами изображеній не только второстепенныхъ личностей, но и главныхъ (Мессии и Претечи)—этюды женскихъ головъ, показавшихся ему наиболее подходящими.

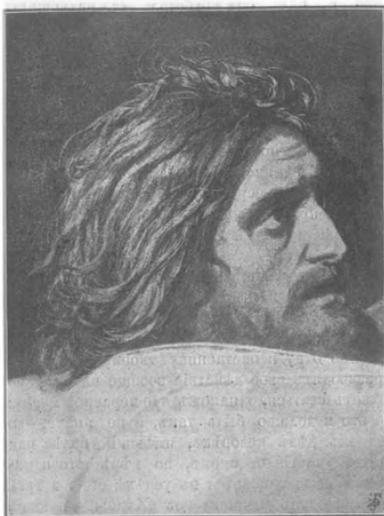

2—3. Изображеніе Мессіи и этуодъ послужившей для него женской головы, раб. А. А. Иванова.

Кромѣ главной картины, И—ва занимали одновременно и нѣкоторые другіе сюжеты, напр.: 33. „Господь благословляетъ Адама и Еву на владѣніе землей“, 34. „Изгнаніе изъ Рая“, и проч., которые его братъ Сергій относилъ къ серединѣ 30-хъ годовъ, т. е. къ эпохѣ окончанія картины „Христосъ и Магдалина“. Появленіе послѣдней на Академической выставкѣ осенью 1836 г. составило дѣлое событіе въ здѣшнемъ художественномъ мірѣ и имѣло большія послѣдствія для нашего художника.

„Ты напрасно заботился о золотой рамѣ, о помѣщеніи картины твоей на выгодномъ для нея мѣстѣ и прочемъ, — писалъ отецъ сыну 4 октября того года,—для такой картины, какъ твоя, ничего подобнаго не нужно: она беретъ собственною своею силою все, производитъ сильное впечатлѣніе на душу зрителя—по чувствамъ въ ней изображеннымъ, плѣняетъ воображеніе—по высокому идеалу и дѣйствию фигуръ, на ней изображенныхъ, и заставляетъ всѣхъ зрителей согласиться, что они видятъ истинное происшествіе, передъ своими глазами происходящее, а не картину.. Академія Художествъ, такъ сказ. при семъ случаѣ можно, вся—въ восхищеніи отъ твоей картины, не исключая и самого начальника—Президента [т. е. Оленина]; всѣ члены ея меня, какъ отца и наставника твоего, поздравили съ такимъ произведеніемъ моего сына и ученика, и Президентъ Академіи также удостоилъ своихъ объятій и поздравленій. Что можетъ быть большею наградою для тебя?—ибо все это, за небытностью твоею, на меня падаетъ и обременяетъ приятнымъ бременемъ, изъ котораго я имѣю право удѣлить нѣсколько и для себя. Можетъ ли быть большая награда за труды художника, какъ не единодушная похвала трудовъ его?—это цѣль его; когда же онъ достигъ оной, то, конечно, будетъ тѣмъ доволенъ. Это

4—5. Изображеніе Предтечи и этюдъ послужившей для него женской головы, раб. А. А. Иванова (изъ предпринятаго К. А. Фишеромъ изданія большой біографіи Иванова, равно какъ и этюдъ для изображенія Мессія).

идеалъ великодушнаго художника, который я въ тебѣ подозреваю, и остаюсь покоенъ—ты не огорчишься, что за трудъ твой не дано тебѣ чего болѣе, ибо ты получилъ все, еще и съ избыткомъ, такъ что не достаетъ и мѣста въ сердцѣ для вмѣщенія тѣхъ похвалъ, которыми меня за трудъ твой обременяютъ. Въ предварительномъ собраніи Академія Художествъ признала тебя и Маркова [за картину „Фортуна и Нищія“]—академиками, по уставу своему о пенсионерахъ, находящихся въ чужихъ краяхъ и заслуживающихъ трудами своими на то право, безъ особенной имъ задачи для программы отъ себя... Всѣ, занявшіе при Академіи должности профессора, академики произведены ею въ профессора. Изъ сего видѣть тебѣ можно надежду—быть нѣкогда также профессоромъ ея, дай только Богъ тебѣ здоровья; впрочемъ и теперь отъявъ всѣхъ о тебѣ таковы, что ты заслуживаешь это званіе и теперь, по одной этой картинѣ, предметъ которой сдѣлался, такъ скаж., обыкновеннымъ, въ самомъ же дѣлѣ есть происшествіе необыкновенное: изъ числа многихъ и знаменитыхъ художни-

ковъ, трактовавшихъ оной, ты одинъ представилъ его достойнымъ образомъ. Я слышалъ о ней отзывы не только почтенной публики, но и самихъ художниковъ, участвующихъ въ нынѣшней экспозиціи своими трудами—трудами, достойными великаго уваженія, что картина твоя есть лучшее произведеніе оной. Неужели это лестъ?—не думаю. Въ первую недѣлю открытія Академіи пускается лучшая публика, но и тутъ—нашлись грѣшные люди, которымъ угодно было картину твою причислить къ копіямъ съ знаменитыхъ мастеровъ по обыкновенію: съ нѣкотораго времени Академія ихъ много имѣетъ изъ чужихъ краевъ. Сіе сужденіе объявилъ мнѣ самъ Президентъ, котораго извѣстилъ о семъ Кукольникъ, личный свидѣтель сего сужденія и который, какъ я слышалъ, хотѣлъ помѣстить оное въ своемъ изданіи о выставкѣ академической, или въ „Журналѣ Изящныхъ Искусствъ [т. е. въ „Худож. Газетѣ“], имъ издаваемомъ, какъ наилучшую похвалу твоей картинѣ. Члены Общества П. Х. хотятъ тебя оставить въ Римѣ и дать тебѣ способы для совершенія предпринятаго труда

(„Явление Мессіи“). Картина твоя безоруживаетъ всѣхъ—ты побѣдитель!.. Я представлю распоряженіе картиню твоею Членамъ Общества, какъ они употребятъ оную... но желалъ бы знать и твою мнѣнію о семъ дѣлѣ... продать ли ее желающему приобрести оную и за какую цѣну, или нѣтъ“.

„Я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ письму вашему,—отвѣчалъ молодой И—въ 22 ноября (а не въ октябрь, какъ напечатано въ над. Боткина),—я его читалъ всегда съ самымъ живымъ удовольствіемъ, и представляю себѣ все о сѣ пору снова. Кто бы могъ думать, чтобы моя картина „Иисусъ съ Магдалиной“ производила такой громъ. Сколько я ее знаю, она есть начатокъ понятія о чемъ-то порядочномъ. Но какъ я доволенъ, какъ я доволенъ, что вы радуетесь, что въ восхищеніи и Совѣтъ и Президентъ! Вы говорите, что мнѣ продолжать хотѣть пенсію для картины „Явление Мессіи“,—это есть единственное мое желаніе. Помогите, Господи! Какъ я радъ, что Общество мною доволенъ. Да правда ли это?—я привыкъ видѣть только выговоры со стороны моихъ покровителей... Прошу меня извинить, мнѣ все какъ-то это кажется невѣроятнымъ, страннымъ. Васъ, какъ наставника искусству, я долженъ бы благодарить впервыхъ, но, если позовете мнѣ замѣтить, вы уже слишкомъ хвалите мою картину: я въ вашихъ словахъ вижу болѣе отца, чѣмъ безпристрастнаго судью. Какъ жаль, что меня сдѣлали академикомъ,—мое намѣреніе было никогда никакого не имѣть чина, но чтъ дѣлать: отказаться отъ удостоенія—значитъ обидѣть удостоившихъ. Однакожъ, я, можетъ быть, попробую объ этомъ намякнуть Григоровичу... На мою картину смотрѣли болѣе художники; Торвальдсенъ въ особенности объявилъ всѣмъ свое о ней довольство. Это лестно!—заслужилъ похвалу Торвальдсена не легко: купить ее нельзя ни деньгами, ни подлостью... Я думаю картину мою оставить въ полное распоряженіе Общества; если, однакожъ, Маркова „Фортуна“ будетъ представлена Государю Императору, то хорошо бы было и мою пустить въ ту же дорогу“... Далѣе слѣдовало о смерти Кипренскаго и о работахъ русс. и иностр. художниковъ въ Римѣ: Маркова, Гордана, Каневскаго, Веклера, Вильямса и др., съ кригич. замѣтками о нихъ.

Получивъ похвалы своей картинѣ не только отъ отца, но и отъ старшей сестры Евтерины, молодой И—въ описывалъ ей въ концѣ

1836 г., какъ онъ работалъ съ натурщицы Магдалину: „Она такъ была добра,—говоритъ онъ,—что, припоминая всѣ свои бѣды и раздробляя на части передъ лицомъ своимъ лужъ самый крѣпкій, плакала, а въ ту же минуту я ее тѣшилъ и смѣшалъ такъ, что полные слезъ глаза ея съ улыбкой на устахъ давали мнѣ совершенное понятіе о Магдалинѣ, увидавшей Иисуса. И, однакожъ, работалъ въ то время не хладнокровно, сердце мое билось сильно при видѣ прекрасной головы, улыбающейся сквозь слезы. Я думаю, и моя физиономія была необыкновенная“.

Для разувѣренія сына въ преувеличенности похвалъ его картинѣ по родственнымъ чувствамъ, старикъ И—въ писалъ ему 17 ноября: „Но не подумай, чтобы это было только свойственно отцу и наставнику твоему: нѣтъ, она производитъ свое дѣйствіе вообще на всѣхъ—можетъ статься, однакожъ, что неравное моему; но это и должно быть такъ, а не иначе,—во всякомъ дѣлѣ человѣкъ, имѣющій болѣе или менѣе участія въ ономъ, по мѣрѣ того и радуется, и восхищается въ успѣхъ его“, и тутъ же приводилъ выписку изъ „Худож. Газеты“, что „особеннаго вниманія Его Имп. Величества удостоилась картина Иванова „Явление Спасителя по воскресеніи Маріи Магдалинѣ“, [причемъ.] Государь Императоръ отдалъ особенную похвалу художнику за постановку и выраженіе божественности въ фигурѣ, изображающей Спасителя“. Немного найдется людей, говорилось тамъ далѣе, которые бы могли сдѣлать подобное замѣчаніе, между тѣмъ какъ на всѣхъ одинаково производитъ впечатлѣніе фигура Маріи Магдалины, изображеніе которой доступно для каждаго человѣка, ибо видать въ ней человѣка; но чтобы видѣть въ художественномъ произведеніи чтъ либо идеальное, относящееся къ божественнымъ качествамъ, потребно, чтобы и художникъ, и зритель имѣли образованный разумъ и понятіе о предметахъ изображенія и художествъ, и тогда только (они) и встрѣчаются какъ знакомые со взаимнымъ пріѣтствіемъ“. Сообщая вслѣдъ за тѣмъ, со словъ Григоровича, что Общество П. X. отсрочиваетъ своему пенсіонеру еще на два года пребываніе въ Римѣ и картину его подноситъ Государю, старикъ И—въ прибавлялъ: „Не по вліянію ли П. Вернета Государь картину твою принимаетъ, ибо онъ, въ бытность свою въ Академіи, спросилъ о ней, какъ она дѣлала, т. е. не по заказу ли чьему либо; замѣтилъ, что лицо Маріи Магдалины могло бы

быть пригоже, а голова Спасителя у тебя въ картинѣ весьма удачно сдѣлана и представляе образъ Того, въ Кого все христіане вѣруютъ; сравнивалъ одну съ головою Спасителя Л. да Винчи въ его „Тайной Вечери“ и находилъ въ послѣдней изображеніе еврейское, принадлежащее особенно сей націи, а Богъ не долженъ принадлежать кому либо въ особенности, хотя и долженъ былъ воплотиться въ какой-либо“.

Въ отвѣтномъ письмѣ на это, молодой И—въ писалъ отцу уже про будущую свою картину. „Какъ трудно придумать эпизоды въ мою картину,—сообщаетъ онъ 1 января 1837. (а не въ декабрѣ 1836, какъ напечатано въ изд. Боткина),—о сю пору совсѣмъ не доволенъ ими. А когда же буду доволенъ? Помощи просить едва ли у кого можно. Кто захочетъ для меня такъ глубоко входить во всѣ подробности моего предмета? Торвальдсенъ говоритъ, что этотъ предметъ можно сочинить на сто различныхъ манеровъ. Овербекъ желалъ бы въ подобныхъ сюжетахъ видѣть моральную часть, какъ можно строже обдуманную; онъ не вѣритъ, чтобы безъ совершенной преданности религіи и самой высокой набожности самого художника можно было успѣть въ таковыхъ сюжетахъ. Корнелиусъ еще строже: колоритъ, рельефную отдѣлку онъ пропускаетъ безъ вниманія, и глядитъ на то только, въ чемъ онъ самъ силенъ,—на композицію. О прочихъ художникахъ я не упоминаю: изъ нихъ итальянскіе гроша не стоятъ—это корыстолюбивое отродье помѣшаны на шарлатанствѣ, хвастовствѣ и интригахъ и считаютъ каждый успѣхъ иностранца въ искусствѣ крайней для себя обидой. Они думаютъ, что художниками могутъ быть одни итальянцы“.

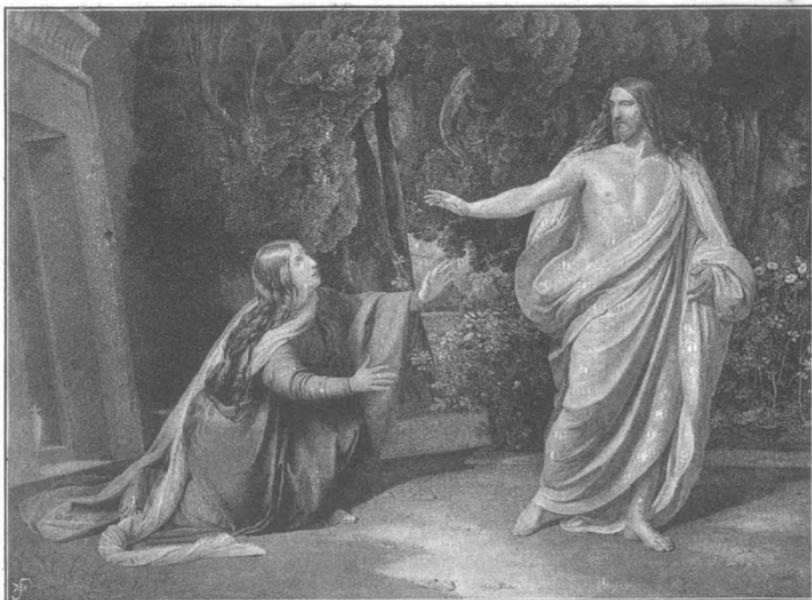
„Вы полагаете,—заключалъ вышеприведенное письмо И—въ, въ отвѣтъ на замѣчаніе отца о его благодарности К. Брюллову, „если тотъ не будетъ препятствовать, а тѣмъ болѣе еще, если будетъ способствовать къ ванятію при Академіи должности его сыномъ“,—что жалованье въ 6—8 тыс. (ассиг.) по смерти, получить красивый уголъ въ Академіи—есть уже высокое блаженство для художника, а я думаю, что это есть совершенное его несчастье. Художникъ долженъ быть совершенно свободенъ, никогда ничему не подчиненъ; независимость его должна быть безпредѣльна. Вѣчно въ наблюденіяхъ натуры, вѣчно въ пѣдрахъ такой умственной жизни, онъ долженъ набирать и извлекать по-

вое—изъ всего собраннаго, изъ всего видѣннаго. Русскій художникъ непременно долженъ быть въ частомъ путешествіи по Россіи и почти никогда не быть въ Петербургѣ, какъ городѣ, не имѣющемъ ничего характеристическаго. Академія Художествъ есть вещь прошедшаго столѣтія, ее основали уставшіе изобрѣтать итальянцы. Они хотѣли этой мыслью воздвигнуть опять художество на степень высокую, но не создали ни одного гевія о сю пору. Если живописецъ привезъ въ нѣкоторый восторгъ часть публики, расположенной понимать его, то вотъ уже онъ, по моему мнѣнію, достигъ всего, что доступно художнику. Купеческіе разсчеты никогда не подвинутъ впередъ художества, а въ шитомъ, высоко стоящемъ воротникѣ—тоже нельзя ничего сдѣлать, кромѣ какъ стоять, вытянувшись“.

И въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, И—въ неизмѣримо опередилъ не только своихъ современниковъ, видѣвшихъ въ Академіи Художествъ, по недостаточной развитости или по любви къ карьерѣ, главную цѣль всѣхъ стремленій, но большинство своихъ преемниковъ, постоянно забывающихъ Евангельскую истину, что нельзя вливать вино новое въ мѣхи старые. Поэтому, чѣмъ чаще будутъ повторяться подобныя вышеприведеннымъ слова, тѣмъ будетъ больше польза для молодого поговѣнія, являющагося на смѣну отживающему.

Но обратимся къ отзывамъ соврем. критики о выставленной въ 1836 картинѣ И—ва „Явленіе Христа Магдалинѣ“.

„Голова Магдалины написана кистью мастера—говоритъ художеств. критикъ „Сѣв. Пчелы“ г. В. (6 окт., № 228, с. 912).—Видно, что эта женщина проплакала дни и ночи; прелестное лицо ея искажено внутреннимъ страданіемъ, но не до безобразія; молитвенные взоры, съ выраженіемъ надежды, устремлены къ источнику радости и милости, къ Спасителю. Жаль, что полотно слишкомъ велико: на немъ много пустаго мѣста; первый взглядъ на картину невыгоденъ для художника“. Отричая послѣднее, „Журналъ общепол. свѣдѣній“ А. Башудкаго, идѣ въ числѣ сотрудниковъ находились: В. И. Григоровичъ, Н. В. Кукольникъ, А. И. Сапожниковъ и др., писалъ (№ 43, отъ 24 окт., с. 356): „Картина безподобная; если по чувствамъ можно судить объ искусствѣ, то эта картина должна быть увѣнчана,—она возродила всеобщее, необыкновен-

6—7. „Явленіе Христа Магдалинѣ“, А. А. Иванова: картина 1835 г. и анвар. эскизъ 1848 г.

ное участіе... Картина велика, но въ ней только двѣ фигуры: Спаситель и Магдалина; созданіе просто и возвышено, какъ просто и высоко самое дѣйствіе; чистота рисунка не оставляетъ ничего желать; Спаситель дышетъ небомъ, Онъ весь — милость; Магдалина — на колыняхъ; положеніемъ тѣла, поднятыхъ рукъ и раздвинутыхъ пальцевъ, чуднымъ выраженіемъ лица, на которомъ глубоко начертаны страданія, молитва и надежда,—она приковываетъ вашу душу; глаза ея красны, слезы текутъ, лицо и тѣло взволнованы и, вмѣстѣ, недвижимы отъ сильнаго чувства; исполненіе мастерское, и какъ все просто! Также сильно выразался и *Сеньковский* въ „Библиот. для Чтенія“ (т. 18, отд. VI, с. 57—58): „Первое мѣсто, — говорилъ онъ, — занимаютъ двѣ большія картины: „Спаситель въ вертоградѣ“, Иванова, и „Фортуна и нищія“, Маркова. Первая изъ нихъ есть твореніе истинно великаго таланта, хвалить ее за чистоту и правильность рисунка—значитъ обижать питомцевъ Академіи... Всего замѣчательнѣе въ этой картинѣ... простота и, вмѣстѣ, смѣлость созданія. Какая сила выраженія въ этихъ чистыхъ и почти прямыхъ линіяхъ! Какъ это вышюбно величественно, широко, вѣрно! Неземное благородство чертъ и положенія Спаси-

¹⁾ Еще за годъ передъ тѣмъ, *А. В. Тимофеевъ* сообщалъ въ томъ же изданіи (т. 11, отд. III, с. 82—83), описывая мастерскія русс. художниковъ въ Римѣ: „У Иванова вы увидите „Явленіе Спасителя, по воскресеніи, Маріи Магдалинѣ въ вертоградѣ“—сюжетъ, надъ которымъ трудились многіе живописцы; но что въ этой картинѣ особенно хорошаго—положеніе Спасителя. Это — Богъ! величіе, прелесть, увѣренность, благодать, святость, могущество! Картина эта прекрасна! Нѣкоторые уверяютъ Иванова въ излишнемъ приближеніи къ идеализму, въ небольшой сухости. Но судить о произведеніи художника можно только, когда произведеніе это кончено. Возлѣ этой картины вы увидите другую: „Іоанна въ пустынѣ, встрѣчающаго Иисуса Христа“... Ивановъ, какъ кажется, посвятилъ свое искусство почти исключительно высокимъ предметамъ св. Писанія, и, надобно сознаться, предметы эти надходятъ себѣ искуснаго толковника въ его кисти... Ивановъ хорошо обдумалъ мысль свою...; (но) главное—болѣе жизни, болѣе мягкости и свободы“. Запрошенный Обществомъ П. Х., какъ видно изъ его отчета за 1835—36 гг. (стр. 9—10), секретарь русск. миссіи въ Римѣ, Пав. Ив. Крив-

теля; это дивное лицо женщины, изломанное страстями и воспламененное огнемъ раскаянія; эта слеза, жгучая слеза, которая катится изъ горящаго, заплаканнаго глаза,—все, все заслуживаетъ величайшей похвалы“. Нѣкто *А. Кораблинскій*, повторяя въ „Литерат. Прибавл. въ Русс. Инвал.“ (7 нояб., № 90—91, с. 725) вышепривед. слова изъ „Журнала общенос. свѣдѣній“, бѣвъ ссылки, впрочемъ, на источникъ, и указывая, что „Сеньковский находитъ эту картину твореніемъ истинно великаго таланта“, обвинялъ послѣдняго лишь въ нарушеніи правилъ грамматики и синтаксиса, хотя бездоказательно. Наконецъ, „Худож. Гаа.“ Букольника (декабрь, № 9—10, с. 146—7) заявляла слѣдующее: „Вся картина состоитъ изъ двухъ только фигуръ и весьма многихъ достоинствъ. Сочиненіе просто до возможнаго: Магдалина, узнавъ Спасителя, упала на колѣни и протянула руки не молящія, а испитующія. Спаситель начинаетъ рѣчь свою: „Не прикасайся ко мнѣ“. Удивленіе Маріи безмѣрно: она едва вѣритъ, а слезы ясно рассказываютъ предъидущее; онъ не успѣлъ скатиться съ лица, преобразеннаго удивленіемъ и радостью; уста полуотверсты тѣми же чувствами и вниманіемъ. Спаситель поставленъ весьма счастливо: движеніе его легко, но величественно; правая рука

дѣвъ, также сообщалъ, что „Ивановъ занимается съ отличнѣйшимъ стараніемъ избраннымъ имъ искусствомъ и привелъ къ окончанію большую историч. картину, представл. „Явленіе Иисуса Маріи Магдалинѣ въ вертоградѣ“, (примечъ) образъ Спасителя написанъ особенно удачно и соединяетъ въ себѣ вѣрность рисунка съ живостью колорита“. „Но какъ ни велики, какъ ни блистательны были надежды наши,—говорилось еще въ отчетѣ Общества за 1836—37 (стр. 146—7),—Ивановъ превзошелъ всѣ ожиданія, доставивъ намъ превосходную картину свою „Явленіе Спасителя Маріи Магдалинѣ по воскресеніи“... Не станемъ распространяться объ отличныхъ достоинствахъ этого мастерскаго произведенія, въ которомъ соединено столько знанія, гениальности и искусства. Всякій изъ васъ, конечно, съ чувствомъ благоговѣнія и удивленія останавливался передъ лицомъ Спасителя, выраженномъ такъ величественно и спокойно; всякій былъ тронутъ и пораженъ вмѣстѣ съ Магдалиною, исполненною прошедшей скорби и настоящаго восторга. Да, Ивановъ умѣлъ поддѣйствовать самымъ сладостнымъ образомъ на душу зрителей!“

сопровождаетъ слова Спасителя; драпировка брошена съ искусствомъ. Во всемъ сочненіи—простога самая строгая, но обдуманная до той степени, что уже не видно никакого усилія: сочиненіе кажется самымъ простымъ, естественнымъ. Гробница, садъ,—все превосходно согласено съ цѣлымъ. Выраженіе головы Маріи Магдалины достигло высокой правды, хотя нѣкоторые желали бы въ ней видѣть болѣе женской красоты (намекъ на замѣчаніе имп. Николая I). Мы были ослѣплены выраженіемъ. Лицъ Спасителя выражаетъ тихое, торжественное спокойствіе; но сколько намъ до сей поры случалось видѣть изображеніе Спасителя, всегда мы встрѣчали челоѣка и никогда—Божественнаго страдальца. Но какая кисть способна творить вѣдъ предѣловъ, ей указанныхъ, какое воображеніе достигнетъ сочетать черты Бога и челоѣка, и такъ—будемъ снисходительны, и въ произведеніи Иванова похвалимъ: выборъ челоѣческой природы, наиболѣе соответственной; сохраненіе возможнаго понятнаго намъ благородства въ очертаніи лица и безстрастное, холодно-величественное спокойствіе, данное художникомъ,—весьма, по нашему мнѣнію, умно и расчелливо. Въ отношеніи къ рисунку я слышалъ нѣкоторые обвиненія, но, не имѣя возможности повѣрить замѣчанія обвинителей и охоты разрушать очарованіе, я съелъ обязанностью забыть ихъ—и это удалось совершенно. Живопись Иванова обнаруживаетъ, съ какою пользою онъ смотритъ на, окружающихъ его нинѣ, классическихъ мастеровъ. Далѣе приводится анекдотъ, какъ челоѣкъ со вкусомъ и знаніемъ, признавшій картину И—ва за „превосходную копію съ какого нибудь первокласснаго итальянскаго живописца“ и разувѣренный въ этомъ тутъ же, воскликнулъ: „Если это правда (т.-е. что это произведеніе русс. художника), то поздравляю,—мы имѣемъ еще одного отличнаго художника“. (Какъ бы въ видѣ дополненія къ этой статьѣ, въ „Худож. Газетѣ“ за мартъ 1837, № 6, ст. 93—97, появилась другая—подъ заглав.: „О картинахъ Иванова и Маркова и гравюрѣ Джордана“).

Съ приведеннымъ мнѣніемъ „Худож. Газетѣ“ любопытно сопоставить два другія, правда, позднѣйшихъ отзыва *Кукольника*, отъ 1843 г.—въ „Библиот. для Чтен.“ (т. 56, отд. VI, с. 52, въ ст.: „Соврем. художества Россіи“) и отъ 1846 г.—въ изд. „Картины русс. живописи“ (стр. 101). Въ первомъ онъ говоритъ не безъ нѣкоторой завышенности: „Большинство.. на выставкѣ 1836 г. восхищалось безъ мѣры картиною Иванова „Явленіе Христа Маріи Магдалинѣ“, потому что въ очажъ ей счастливо отразились два смѣшанныхъ противоположныхъ чувства—печали и радости; о г. Ивановѣ критику говоритъ весьма затруднительно: по одному произведенію невозможно судить о силѣ и степени таланта—тѣмъ болѣе, что и все достоинство этого единственнаго произведенія заключается въ выраженіи одного лица. Въ сочиненіи нѣтъ ничего особенно новаго; рисункомъ не безъ упрека; колоритъ безъ большой теплоты.. Повѣрить, случайные ли это недостатки или существенные,—невозможно, потому что г. Ивановъ ни въ 1839, ни въ 1842 на выставку нашу не являлся. Впрочемъ, и эта единственная картина выдвинута г. Ивановымъ въ ряду обыкновенныхъ художниковъ.—Можетъ быть, дѣятельность его въ Римѣ совершенно разрушаетъ наши сомнѣнія; но Римъ—за горами, а ядѣсь мы отъ г. Иванова уже шесть лѣтъ ничего не видимъ“. Во второмъ онъ писалъ (вѣроятно около 1842 г.): „Явленіе Христа Магдалинѣ“, Иванова, въ Им. Эрмитажѣ; фигуры писаны въ ростъ. Отличается необычайною экспрессіей лица Магдалины: чувство горькой печали борется съ живою радостью при видѣ воскресшаго Спасителя, котораго смерть она за мгновеніе еще оплакивала. Эта картина возбудила живѣйшій восторгъ въ публикѣ на предпоследней выставкѣ (въ Им. Акад. Худож. выставки бывали тогда черезъ 3 года,—слѣдоват. послѣдняя передъ тѣмъ была въ 1839, а предпоследняя въ 1836). Написана въ Италіи, гдѣ художникъ до нынѣ находится и занимается исполненіемъ новой большой картины. Прошло 6 лѣтъ, и Россія въ правѣ пожелать видѣть новую картину того же художника въ настоящую выставку“ (т.-е. 1842 г.).

1837—45.

Но никакія похвалы выставл. картинѣ не могли вскружить голову И—ву, и если онъ чѣмъ былъ дѣйстви. доволенъ, то только тѣмъ, что результатомъ всеобщаго восторга—было продолженіе ему со стороны Общества пенсіонерскаго содержанія еще на 2 года, а это давало ему возможность продолжать вновь начатый трудъ. „Я, благословя судьбу, положилъ себя за непремѣнное,—сообщалъ онъ Обществу весной 1837,—написать во что бы то ни стало большую мою картину „Появленіе Мессіи“. Намѣреніе чрезвычайное,—прибавлялъ онъ,—

какое я, при вашемъ только покровительствѣ и въ Римѣ только, могу исполнить, да и то, мнѣ кажется,—всякій новый шагъ къ одному мнѣ страшенъ, встрѣчая въ каждой фигурѣ, въ каждой головѣ тысячи затрудненій. Мнѣ бы всего болѣе хотѣлось приблизиться въ пути къ Л. да Винчи—вы знаете, какъ онъ труденъ и медлененъ. Изъ живущихъ, мнѣ полезенъ одинъ Овербекъ: одинъ онъ своими сочиненіями совершенно дотрогивается до сердца—безъ чего, чтó такое историческая живопись? „Картину мою „Появленіе Мессіи“ я было подмалевалъ,—доводилъ онъ до свѣдѣнія Общества 10 мая, послѣ четырехмѣсячной лихорадки,—имѣя фигуры въ третью часть роста человѣческаго: эту мѣру устроила мнѣ крайняя нужда, въ которой находился я до прибытія трудовъ моихъ въ Петербургъ. Теперь же это устроенное сочиненіе служить мнѣ только эскивомъ, а для настоящей картины какаванъ холста,—выш. 8 арш., а шир. 10 1/2. Сего лѣта, во время сушки холста, я намѣренъ сдѣлать большой этюдъ съ натуры для окolicности моей картины, въ коей входитъ значительная часть деревьевъ; потомъ мнѣ бы нужно было сѣдѣть опять на сѣверъ Италіи—посмотрѣть на живописи XIV ст., гдѣ съ теплой вѣрою выражались художники своими чувствами. Мое намѣреніе быть въ Ассизи и Орвието—видѣть Джотто, І. да Фиеоле, Гирландайо, Синьорелли и др., и, наконецъ,—въ Ливорно, чтобы замѣтить типы еврейскихъ благородныхъ лицъ: здѣсь, въ Римѣ, евреи въ стѣсенномъ положеніи... Представьте: въ продолженіе наблюденія цѣлаго года я могъ замѣтить только 3 головы изрядныя. Все это я надѣюсь кончить въ два мѣсяца, и въ сентябрѣ начать большую картину. Въ разсужденіи присылки эскиза я не знаю, чтó мнѣ дѣлать. Если прислать вамъ писанный масл. красками—тотъ, чтó общалъ я,—онъ ужъ мало похожъ на настоящее мое сочиненіе. Представить вашему усмотрѣнію едва отфѣненный чертежъ съ устроеннаго сочиненія—вамъ, можетъ быть, покажется слишкомъ незначительно“...

Предвидя, что издержки, сопряженныя съ вновь начатою картиною, превысятъ вновь назначенное содержаніе на два года, И—въ рѣшавшася уже взятыя, въ видѣ отдыха среди самостоятельныхъ работъ, за копированіе въ Ватиконѣ столь любимаго имъ фреска Рафаэля съ изображеніемъ „Воздержанія, Силы и Благоразумія“, въ надеждѣ получить за свою копію,

подобно друг. художникамъ, к. л. значительную сумму для подрѣвленія денежныхъ средствъ, но т. к. ему предложили за это всего 3000 р., то расчеты его рухнули въ этомъ отношеніи. Точно также, по поводу его плана подготовительныхъ работъ, въ Обществѣ сдѣлано было расхолаживающее замѣчаніе такого рода: „Хорошо изучаться надъ всѣми школами, ибо каждая имѣетъ свое отдѣльное достоинство, но одни только пѣмцы, на посмѣшище итальянцевъ, потѣютъ надъ школами живописцевъ XIV ст. Для сего не нужно ѣздить въ Италію, ибо въ Германіи есть Гольбейны, Альберты Дюреры и др. Эти всѣ художники—начало, но не конецъ искусства; и тамъ, гдѣ есть Рафаэли, Корреджіи, Тицианы, Гверчини и проч.,—не учатся надъ Джотто. Романтизмъ губитъ и литературу, и художество, и не худо бы было предостеречь молодого художника“. Кажется, однако, это не было сообщено И—ву, насколько, по крайней мѣрѣ, можно судить по его отведеннымъ письмамъ отъ весны и осени 1838 г.—на бумаги Общества отъ 22 сент. 1837 и 3 іюля 1838, когда, послѣ присылки имъ рисунка съ большой, слегка оттушеванной уже однимъ тономъ картины, ему отсрочено было пребываніе въ Римѣ еще на 1 годъ (см. отчетъ Общ. за 1838—39 г., стр. 6). Благодаря за послѣднее, И—въ писалъ своимъ благодѣтелямъ: „Я съ моей стороны постараюсь изыскать, всевозможными моими мыслями,—способы, чтобы ввести въ порядокъ картину, которая уже и теперь, если смѣю замѣтить, нравится высокимъ художникамъ, проживающимъ въ Римѣ... Все, куда достигнуть можетъ умъ мой, я готовъ принести къ улучшенію моего предмета. Прошедшій (1837) годъ я путешествовалъ въ Ассизи, Орвието, во Флоренцію, Ливорно и др. мѣста Тосканы, чтобы замѣтить у живописцевъ XIV ст. этотъ безвозвратный стиль, въ который облекались теплыя мысли первыхъ художниковъ христіанскихъ, когда они, не зная свѣтскихъ удобностей и интригъ, руководимые чистой вѣрою, высказали свою душу на безсмертныхъ стѣнахъ въ альфреско и алтлемисо. Я соглашалъ ихъ творчество съ натурой; въ ихъ типахъ, въ ихъ духѣ искалъ головъ въ Ливорно и, такъ образъ, набралъ себѣ портфель для начатія картины. Іюль и августъ этого (1838) года я ѣздилъ въ окрест. Неаполя, и привезъ этюды горъ, составляющихъ окolicность моей картины. Въ слѣдующее лѣто (1839) я думаю отправиться въ Миланъ и Венецію—въ первый, чтобы постигнуть драгоцѣнные остатки

Леонарда (да Винчи), а потомъ въ Венецію, чтобы приспособить къ своей картинѣ общую силу красокъ, ибо безъ красокъ одинъ только мѣръ художниковъ можетъ оцѣнить картину. ...Изъ всего этого вамъ теперь понятна необходимость исполненія картины моей въ Италіи, взятая не изъ каприза, но изъ пустаго тщеславія, чтобы дать вѣсь труду, присланному изъ Рима, но изъ непремѣнныхъ надобностей изъ натуральныхъ причинъ“.

По поводу же замѣченнаго имъ желанія поторопить его съ его огромнымъ трудомъ, И—въ отвѣчалъ 7 нояб. 1838: „Безпрестанно сравнивая себя со всѣмъ, что Римъ и Италія имѣютъ классическаго и высокаго, я всегда остаюсь въ какомъ-то заботливомъ недовольствѣ, иногда въ отчаяніи. Нѣтъ черты, которая бы не стоила мнѣ строгой обдуманности. Для окончанія такого труда, я смѣю увѣрить, что нужно болѣе времени, чѣмъ предполагаютъ высокіе мои покровители“.

Мы подошли какъ разъ къ 1837—38 г., весьма немаловажнымъ по нѣкот. послѣдствіямъ для нашего художника. Весной 1837 или, скорѣе, зимой 1837—38 г. И—въ познакомился и сразу близко сошелся съ Гоголемъ, который, судя по его письмамъ, пробывъ въ Римѣ сперва съ половины марта до половины іюня 1837, поселился тамъ вѣтвѣмъ, послѣ поѣздки по Италіи и Швейцаріи,—съ половины января того года. „Подъ чуднымъ небомъ Италіи, въ вѣчномъ городѣ съ его бессмертными красотами... именно здѣсь встрѣтились два крайне несходныхъ по натурамъ, но несомнѣнно близкихъ другъ другу челоуѣка, близкихъ по любви къ искусству, по способу отношенія къ своимъ созданіямъ,“—говоритъ *Е. Некрасова* въ статьѣ „Н. В. Гоголь и А. А. Ивановъ и ихъ взаимныя отношенія“, появившейся въ 12-мъ № „Вѣстн. Европы“ за 1883 г. „Здѣсь, вдали отъ родины, въ тиши отъ людей, воплощали они въ своихъ произведеніяхъ наполнявшіе ихъ душу образы: Гоголь писалъ свою поэму, Ивановъ—свою картину. Созданіе „Явленія Христа“ какъ бы сливается съ создавіемъ „Мертвыхъ душъ“. „Хорошо было, еслибы ваша картина и моя поэма явились вмѣстѣ“—говорилъ Гоголь. „Оба влили душу въ свои произведенія; оба съ одинаковою добросовѣстностью и поразительнымъ терпѣніемъ трудились надъ усовершенствованіемъ своей работы и своимъ собственнымъ... Отношенія обоихъ въ высшей степени любопытны—въ смыслѣ освѣщенія характеровъ того и другого художника“.

Въ самомъ же концѣ 1838 (въ декабрѣ мѣсяцѣ) Римъ постигъ тогдашній Наслѣдникъ престола, внослѣдствіи Императоръ, Александръ Николаевичъ, въ сопровожденіи Жуковскаго. Всѣ русскіе художники встрепенулись, поднесли Его Высочеству альбомъ авварельныхъ рисунковъ своей работы, величюно въ аршинѣ, въ томъ числѣ и И—въ, занявшійся въ первый разъ авварелью и исполнившій 33. „Ave-Maria“, т-е римскую толпу изъ 26 фигуръ, б. ч. двѣницъ, въ національныхъ костюмахъ, со старикомъ запѣвалой посреди, поющихъ передъ образомъ Богородицы на улицѣ, а Цесаревичъ надавалъ разныхъ заказовъ нашимъ пенсионерамъ. При этомъ И—въ просилъ Вел. Князя дать ему трехлѣтнее содержаніе (послѣ назначеннаго Обществомъ на одинъ годъ—послѣдній) для окончанія картины, съ тѣмъ, что она будетъ принадлежать потомъ Его Высочеству (онъ сдѣлалъ это по совѣту отца). „Трудъ ужасный и отдаю даромъ—писалъ онъ отцу въ томъ же декабрѣ (а не въ январѣ 1839, какъ напечатано, въ изд. Вотикина),—и отдалюю себя отъ личнаго съ вами свиданія еще на 4 года. Но я не могъ сдѣлать иначе: приобрѣтеніе общей довѣренности въ искусствѣ заставляеть меня жертвовать и интересомъ, столь необходимымъ въ мои лѣта, и скорѣйшимъ съ вами свиданіемъ, ибо трудъ мой не есть заказная работа русская, оканчивающаяся доволствомъ Академіи Художествъ,—картину мою будутъ судить европейскіе судьи“. „Мы всѣ представлялись Наслѣднику безъ бороды и усовъ, и во все время его здѣсь пребыванія жили по-петербургски—сообщалъ онъ отцу 18 апр. 1839 г. (а не въ январѣ, какъ напечатано въ томъ же изд.): дѣлали визиты то тому, то другому; принимали къ себѣ въ мастерскія—князей и графовъ съ фамиліями; втолковывали имъ итоги нашего здѣсь пребыванія; и, наконецъ, рады, рады были, что все разлѣхалось, оставя намъ, вмѣстѣ бритыя, щетокъ и фрака,—кисти и палитру, и, одѣвшись въ полубразбойничье платье, я подмалевалъ всю мою большую картину, и—весьма ею доволенъ“.

„Прошедшее лѣто я ѣздилъ въ Неаполь,—отвѣчалъ И—въ на двѣ бумаги изъ Общества отъ 16 декабря 1838 и 10 февраля 1839—весной того года (но едва-ли въ мартѣ, какъ напечатано въ изд. Вотикина),—задуманный мотивъ околичностей меня туда завлекъ. Этими лѣтвомъ я отправлюсь въ Ассизи, чтобы болѣе углубиться въ религиозный духъ живописей XIV в.,

а потомъ отправлюсь въ Венецію, дабы разгадать общій тонъ картины, трудность котораго состоитъ въ томъ, чтобы картинѣ дать силу, но чтобы не сдѣлать ее веселою, цвѣтною, а, напротивъ,—серьезною и важною. Трудностей на каждомъ шагѣ бедна, онѣ требуютъ тройного вниманія, не перебитаго никакими препятствіями... Картина моя подмалевана, все на ней гораздо лучше прежнихъ этюдовъ и эскизовъ, люди понимающіе настоящихъ видовъ картины довольны“... „Осю поразвѣчительныя перемены послѣдовали только въ околнчности, и именно въ дальностяхъ,—писалъ онъ отду гоюже весной:— вмѣсто городскихъ стѣнъ, теперь дальнія горы близятся сюда равнинами, а во второмъ планѣ кроются обильными ольвами; все это подернуто утреннимъ испареніемъ земли, и сими-то воздушными тонами гораздо болѣе и спокойнѣе дѣлится Христосъ. Да и, кромѣ того, картина получила сильную глубину въ перспективѣ. На сихъ дняхъ думаю попросить къ себѣ Овербека, этого высочайшаго и единственнаго моего судью и совѣтника. Что-то онъ скажетъ! Вѣрнѣе, что онъ будетъ весьма недоволенъ,—грешу заранѣе. Вы, угѣшая меня, говорите, что это не послѣдній трудъ мой, а я скажу, что это послѣдній, потому что я съ нимъ явлюсь въ Петербургъ, гдѣ дюжинные иконостасы и портреты превратятъ меня въ кучка!“ „Путешествіе мое въ Венецію было безъ несчастій и неприятностей,—сообщалъ онъ отду осенью 1839,—но о результатѣ не буду говорить теперь, ибо его надобно показывать на дѣлѣ. Уже мѣсяць, какъ я въ Римѣ. Принялся за картину: думаю, дѣлаю, спѣшу, и не тороплюсь. Но не могу себя увѣрить въ счастливое ея окончаніе, хотя лучшіе художники Рима и довольны настоящимъ ея положеніемъ.“

Работая самъ усленно, И—въ не переставалъ заботиться и о меньшемъ братѣ Сергѣѣ, поступившемъ уже въ Академію. „Пожалуйста, скажите Сережѣ,—совѣтовалъ А. А. отду въ декабрѣ 1838, узнавъ, что юноша берется за все,— чтобы онъ непремѣнно выбралъ одно изъ двухъ художествъ—живопись или архитектуру, и поспѣйте съ нимъ въ семъ случаѣ строго и строго, иначе мы пропади: ни тому, ни другому онъ не научится, будетъ въ обоихъ дряннымъ, что хуже всего, не будетъ въ чужихъ краяхъ, а надобно, чтобы онъ сѣвшилъ меня здѣсь и именно такъ, чтобы въ Римѣ мы вмѣстѣ могли прожить цѣлый годъ,—я его со всѣмъ познакомлю и дамъ порядочное направленіе, какъ

себя вести. Пожалуйста, будьте внимательны въ семъ случаѣ: изъ его письма я вижу вашу совершенную о немъ безпечность,—грустно и больно; я очень, очень беспокоюсь.“ „Я надѣюсь,—писалъ онъ въ друг. письмѣ въ январѣ 1839, получивъ свѣдѣнія о избѣтор. неудачахъ будущаго художника въ Академіи,—что у брата Сергѣя будетъ столько благоразумія, чтобы преодолѣть всѣ случающіяся обиды и неприятности на пути своего ученія. Онъ, кажется, у насъ весьма не глупъ—такъ, по крайней мѣрѣ, видѣлъ я его 10 лѣтъ тому назадъ.“ „Я радъ усиѣхамъ брата въ рисованіи,—сообщалъ онъ отду весной 1839,— тѣмъ болѣе, что онъ скидываетъ съ себя привычку неkopировать натуру. Въ натурномъ классѣ непремѣнно надобно копировать натуру, но не въ каррикатурномъ, а въ возможно благородномъ видѣ,—ловить въ ней лучшее. Поправлять же ее по антикамъ [что было въ ходу въ Академіи до послѣдняго времени] сопряжено съ большою опасностью пасть принятаго манеру, особливо для начинающаго только. Я бы совѣтовалъ брату всѣ, просто недѣльные рисунки дѣлать въ гипсовомъ классѣ.“ „Радуюсь, что братъ мой, оставя манерность, достигъ наконецъ до 2-й и 1-й серебряной медали,—говорилъ онъ еще въ одномъ письмѣ отъ 27 іюня 1840.—Желательно бы, чтобы эта дорога онъ не оставлялъ. Его дѣла и его знаніе еще не въ состояніи чувствовать идеала, а особливо въ натурномъ классѣ, гдѣ самое вѣрнѣйшее дѣло копировать съ натуры, съ мутными къ тому знаніямъ анатоміи. Такимъ образомъ глазъ его оставаться будетъ въ невинности до тѣхъ поръ, пока дѣла и практика не разовьютъ его природныя чувства. Желательно бы, однакожъ, чтобы его недѣльные рисунки всегда бы были съ гипсовыхъ фигуръ.“

Эти наставленія брату, какъ пользоваться Академіей не мѣшала, однако, нашему художнику по прежнему ненавидѣть послѣднюю. „Я давно уже ненавижу Петербургъ съ его Академіей Художествъ,—писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ отду отъ 20 апр. 1840 (а не отъ весны 1839, какъ напечатано въ изд. Воткина)... Я совершенно увѣренъ, что самое лучшее мое положеніе теперь, а что, по возвращеніи въ отечество, я буду мученикомъ... Овербекъ моею картиною доволенъ,—сообщалъ онъ въ томъ же письмѣ далѣе,—кромѣ нѣкоторыхъ фигуръ, напр.: сидящихъ на первомъ планѣ, богатымъ человѣкомъ и рабомъ, развертывающимъ для него платъ. Онъ говоритъ, что эти двѣ фигуры не ясныя мою мысль,—нельзя угадать ее,

смотря на нихъ. На сей конецъ съ нынѣшняго лѣта я отправляюсь къ берегамъ рѣкъ видѣть купающихся различнаго званія людей, и, можетъ быть, навлеку что-нибудь къ большому поясе-нiю задум. мысли... У меня о сю пору сдѣлано: ансамблей для фигуръ, входящихъ въ мое сочиненiе 105

писанныхъ головъ съ нат., близкихъ или воображаемыхъ 20

рисованныхъ 40

писанныхъ фигуръ, голыхъ 6

съ манекеновъ въ драпировкахъ, писал. рисованныхъ прямо съ натуры 35

эскизовъ, писанныхъ въ довольно большомъ видѣ. 5

рисованныхъ, тоже не въ маломъ 5

не считая того, что послано въ Общество ландшафтовъ, относящихся сколько ни-будь къ задум. моменту 18

Итого 242,

не считая головъ съ Рафаэлева „Преображенiя“, съ Тицианова „С. Пиетро Мартире“ и др. безъ счету этюдовъ, сдѣланныхъ во Флоренцiи, Ассизи, Венецiи, и болѣе или менѣе относящихся къ моей картинѣ¹⁾... Перемѣны о сю пору чувствительны только въ околичности, а въ фигурахъ онѣ только бываютъ въ деталяхъ“.

Въ другомъ письмѣ къ отцу (уже цитиро-ванномъ нами)—отъ 27 июня 1840 п въ письмѣ къ Гоголю, писанномъ немного ранѣе, И—въ еще ближе опредѣляетъ цѣль только что упомя-нутой здѣсь поѣздки по Италiи. „Послѣ завтра я отправляюсь изъ Рима,—ишеть онъ первому,

¹⁾ По счету С. А. Иванова отъ апрѣля 1862 г., его братомъ было исполнено масл. красками: эскизовъ для картины „Явленiе Христа народу“ 5 этюдовъ для той же картины:

голововъ 117

рукъ и ногъ 34

цѣлыхъ фигуръ 16

фигуръ, пис. на солнцѣ и вообще на воздухѣ 16

драпировокъ 30

ландшафтовъ 63

Итого . 281

затѣмъ: непринадлежащихъ къ картинѣ . . . 20

для „Явленiя Христа Магдалинѣ“ 4

копiй головъ съ Рафаэля 10

” ” ” Тициана 2

Итого . 36

кромѣ 332 рис. къ Нов. и Ветх. Завету и 12—съ разн. сюжетами.

Въ общемъ . 317

поискать каменьевъ и воды для моей картины, наблюдать купающихся для первоначальной сред-ней группы, которую... улучшить мнѣ совѣтовалъ Овербекъ; возвращаюсь въ Римъ въ концѣ августа“. „Я располагаю отправиться, во 1-хъ, въ Перуджio—для наблюденiя купающихся въ Тибрѣ лучшаго класса людей,—сообщаетъ онъ второму,—ибо въ Римѣ купальни устроены въ видѣ кабинетовъ, гдѣ ни щели не оставляется для глаза наблюдательнаго,—это все клонится къ перемѣнѣ или улучшенiю первоначалнаго серединнаго группа въ моей картинѣ. Пер-ваго августа надѣюсь быть въ Мнзѣ, видѣть праздникъ отпущенiя грѣховъ, съ надеждою почерпнуть что нибудь для моихъ физиономiй въ семь религиозномъ торжествѣ; а второго или третьяго отправляюсь въ Семигалию, на знаменитую ярмарку, присмотрѣться къ азиат-скимъ чертамъ лица. Пробывъ тамъ два или три дня, отправлюсь во Флоренцiю для скопированiя нѣкоторыхъ этюдовъ въ галереѣ Питти“). Тутъ пройдутъ двѣ недѣли, послѣ чего намѣренъ странствовать въ горахъ около Рима, чтобы къ осени привезти этюды для пер-воначальныхъ каменьевъ рѣки. Вотъ планъ моего путешествiя“. Въ приведенномъ выше письмѣ

Всего же насчитывается для означ. картинъ: эскизовъ 5 этюдовъ:

головъ 146

рукъ и ногъ 102

фигуръ 37

драпировокъ 28

пейзажей 63

Итого . 381

рисунковъ (въ томъ числѣ 2 оконч.). 224

затѣмъ:

друг. эскизовъ 8

рисунковъ разныхъ сюжетовъ 9

для „Явленiя Христа Магдалинѣ“ 5

копiй съ итал. мастеровъ 12

тоже, рисов. 21

портретовъ 5

академич. рисунковъ 84

Итого . 144

А въ общемъ . 749, не считая 5 картинъ и 363 (332 + 31) эски-зовъ съ Библейскими сюжетами.

²⁾ Айвазовскiй, какъ видно изъ его авто-биографiи, напеч. въ „Русс. Стар.“ 1878, очень изумлялся, заставъ тамъ Иванова за копирова-нiемъ деревьевъ изъ пейзажей Сальватори Розы для его картинъ.

къ отцу И—въ такомъ образомъ объяснялъ причины всѣхъ своихъ стараній: „Заставить согласиться иностранцевъ, что русские живописцы не хуже ихъ,—дѣло весьма мудреное, ибо всѣ озлоблены на русскихъ по случаю полтики; все ищутъ пятевъ, рады всякимъ рассказамъ и унижаютъ всякое въ насъ достоинство; слѣдовательно, художественная вещь должна быть втрое лучше ихъ произведеній, чтобы только принудить ихъ уравниять со своими. Въ случаѣ неудачи довести до такого совершенства предметъ мой, я утѣшусь тѣмъ, что, на семь турниръ потерявъ премію, я совершенно стюю быть академическимъ подкомандо архитекторовъ нашихъ, писать иконостасы,—единственное требованіе русскихъ частныхъ людей, что исполнять, въ случаѣ вышеупомянутаго выигрыша, было бы нестерпимо обидно“. Описывая тутъ же отношенія разныхъ художниковъ къ выставленной тогда въ Римѣ и признаваемой имъ очень важною большою картиною Овербека „Торжество христіанской религіи въ изящныхъ искусствахъ“, онъ прибавлялъ въ заключеніе: „Одинъ изъ самыхъ острыхъ нѣмецкихъ прогивниковъ, пѣвственный скульпторъ и живописецъ, нѣкто Вагнеръ, замѣчаетъ, впрочемъ не безъ основанія, что аллегорія Овербека никому не понятна, что фонтанъ съ двумя чашами, составляющій основную мысль картины, никакъ разгаданъ быть не можетъ безъ письменныхъ объясненій. Вотъ и Овербекъ, какъ ни глубокомысленъ, а толкнулся тоже въ темноту, не достигнувъ совершенства,—аллегорія весьма, впрочемъ, немногимъ удавалась“.

Въ письмѣ къ сестрѣ отъ осени того же 1840 года И—въ сообщалъ ей уже о результатахъ своей поѣздки. „Я выѣхалъ изъ Рима для написанія этюдовъ для моей картины въ Субіако, городокъ, отстоящій отъ Рима въ 40 верстахъ,—онъ лежитъ въ горахъ Сабинскихъ. Днѣя и голыя скалы, его окружающія, рѣка чистѣйшей и быстротекущей воды, окруженной пнами и тополями, мнѣ послужили матеріаломъ. Я радовался, видя ихъ средство съ тѣми идеями, какия я пріобрѣлъ посредствомъ книгъ о Палестинѣ и Иорданѣ и окружающихъ его деревьяхъ и горахъ... Я уѣхалъ изъ Субіако съ этюдами скалъ, изъ и тополей, обставилъ себя Библией, манекенами, оперою (т. е. сочиненіями) Феррари и Ланчи, Евангелиемъ,—съ надеждою выслѣдить какуюнибудь новую мысль къ улучшенію моего сочиненія; я даже никуда не по-

казываюсь, развѣ только въ пятницу вечеромъ и въ субботу утромъ меня можно видѣть въ Гетто, т. е. въ еврейской синагогѣ“.

Въ одномъ изъ слѣдовавшихъ затѣмъ писемъ къ отцу—отъ декабря того года, И—въ, какъ бы въ дополненіе къ прежнимъ своимъ словамъ объ Овербекѣ, писалъ про него и Камуччини: „Картонъ Камуччини („Олимптъ“), натурально, долженъ нравиться Академіи, ибо въ немъ все тѣ помѣщено, чему учить Академіи. Но вынесите его изъ четырехъ стѣнъ приготовительной сей школы и спросите у просвѣщенныхъ и расположенныхъ къ изящному людей, каковъ онъ на ихъ дѣлаетъ впечатлѣніе? Ледовитая правильность рисунка, казенное направленіе складокъ, совершенное отсутствіе выраженія въ головахъ—никакого не дѣлаютъ впечатлѣнія. Весьма натурально, что Овербека у насъ не поймутъ: люди, старѣющіеся и учащіяся здѣсь по 10 лѣтъ, по большей части его не понимаютъ,—какъ же вы хотите, чтобы кто и не выѣзжалъ (никуда), и не вынкалъ ни во что глубоко, могъ что-нибудь о немъ сказать, кромѣ дерзости и вахаѣвства? Моего пророка, моего единственнаго наставника, поэта-художника христіанскаго, не долго мнѣ слушать! Картина моя зашла за половину дѣла, а съ нимъ выѣтъ близится роковое разставаніе“.

Къ 1840—41 относятся: 34. исполненные И—мъ портреты Гоголя: 1—карандашемъ (нынѣ въ Имп. Публ. Библ.) и 2—масл. красками (нынѣ у Рейтерна—отъ Жуковскаго и въ Моск. Публ. Музеѣ—отъ Погодина).

Съ 1841 г. письма И—ва, кромѣ постоянныхъ работъ объ изысканіи себѣ средствъ для окончанія большой картины и частыхъ наставленій брату, заключаютъ въ себѣ особенно много характеристикъ различныхъ лицъ и разныхъ художествъ произведеній. Хлопоча черезъ Жуковскаго (15 марта и 6 октября 1841 и въ іюлѣ 1842) и черезъ Общество Поощренія Художниковъ (4 іюня 1841 и 12 мая 1842) о прошеніи ему Наслѣдникомъ Цесаревичемъ пелсіонерскаго содержанія еще на 3 года, по составленному для него Гоголемъ письму къ Его Высочеству, а затѣмъ—передъ самимъ Обществомъ о судѣ ему въ томъ же размѣрѣ подѣ обеспеченіе сдѣланныхъ имъ копій, этюдовъ и эскизовъ все для той же картины, онъ продолжалъ тѣмъ временемъ свои обычныя занятія. Такъ, въ письмахъ къ Гоголю онъ пишетъ: отъ окт. 1841.—„Я привезъ съ собою изъ Аричи 10 этюдовъ, которые теперь приспособляю

къ картинѣ; отъ іюля 1842.—„Я было началъ мои занятія и именно копіей съ „Мадонны di Poligno“ (его 35. копія съ „Неапол. Мадонны“ Рафаэля—наход. у М. П. Боткина въ СПб.), чтобы приступить къ окончанію работъ въ моей картинѣ; но глаза опять заболѣли“. Эта болѣзь глазъ, потребовавшая поѣздки къ знаменитому тогда доктору Циммерману въ Неаполь, а затѣмъ леченія водами въ Монтекатини близъ Флоренціи и питья декокта въ Римѣ, только и могла остановить работы нашего художника на дѣлахъ два года (т.-е. до 1844), да и то лишь по постоянному требованію врача. Впрочемъ, пріѣздъ в. к. Маріи Николаевны съ герц. Лейхтенбергскимъ въ декабрѣ 1842 заставилъ И—ва заняться одно время японскими акварелями для альбома Ея Высочества, какія онъ дѣлалъ также Жуковскому и Гоголю; къ числу ихъ относятся: 36. „Женскъ самрадуоло, выбирающей серьги для своей невѣсты“, 37. „Октябрскій танецъ на одной изъ loggia“ (2 рис.), 38. „Октябрскій праздникъ у Testaccio въ Римѣ“, 39. „Октябрскій праздникъ у Ponte Molle“ (3 рис.), и проч.

Самъ постоянно нуждаясь, И—въ продолжалъ, однако, попрежнему заботиться о доставленіи средствъ и заказовъ друг. молодымъ художникамъ, его соотечественникамъ или иноплеменикамъ, напр.: сербу Станиславлевичу (1841), Шаповалову (1842), Серебрякову (1844), а также об оказаніи нравственной помощи нуждающимся въ ней, напр.—семьѣ умершаго поэта Баратынскаго (1844). Рядомъ съ этимъ онъ, хотя и издали, а все же слѣдилъ за успѣхами и вообще воспитаніемъ своего меньшаго брата Сергѣя. „Продолжаетъ ли онъ рисовать съ аптиковъ?—спрашиваетъ А. А. отца 15 авг. 1841.—это, по мнѣ, нужнѣе для него, чѣмъ натурникъ“, и тутъ же поясняетъ свою мысль: „Архитекторы вообще прибѣгаютъ къ помощи живописца, когда случаются статуи въ ихъ проектахъ,—говоритъ онъ,—а лучше-бы, еслибы они сами ихъ рисовали, ибо чужое чувство слишкомъ рѣдко попадаетъ въ ладъ; да и всегда ли случится найти рисовальщика“. „Тебѣ не худо бы нѣсколько быть поперѣвливымъ,—наставляетъ онъ брата 18 нояб.—не огорчаться, не оглаиваться при встрѣчѣ неприятностей и не ласкать себя моей будущностью. Три вещи намъ нужны: совѣстливость труда, строгая нравственность и настойчивость,—эти дары мы уже болѣе или менѣе имѣемъ, и, слѣдовательно, должны быть довольны нашимъ настоящимъ положеніемъ и—благодарить Бога“.

„Наука и искусство вѣчно живутъ и, слѣдовательно, движутся,—пишетъ онъ отцу 4 янв. 1843, радуясь, что братья его въ помощникахъ у Тоша, въ ожиданіи программы на 1 зол. медаль,—а особливо въ новомъ народѣ, каковъ русский, гдѣ еще, можно сказать, только что начинаются, и, слѣдоват., брату моему, какъ истинно русскому, предстать здѣсь бездна занятій на попріщѣ соревнованія съ европейскими представителями по его части. Дай Богъ, чтобы онъ успѣлъ болѣе меня, мнѣ было слишкомъ много препятствій—ему, мнѣ кажется, будетъ легче“, и тутъ же онъ излагаетъ дѣльную программу для его будущихъ занятій: „Въ Римѣ архитекторы начитываются, мѣряютъ лучшія (созданія) древности, привыкаютъ къ чистотѣ вкуса посредствомъ реставраціи зданій лучшаго времени. Другія мѣста Италиі представляють имъ красоты средняго вѣка. Къ удобствамъ частныхъ домовъ нужна Англія, а къ познанію корней, откуда родился русскій стиль церковный, нужно изучить 14-е и 15-е столѣтія, столь живо еще живущія въ Италиі,—нужно потомъ заглянуть въ Грецію и Сирію“. „Не увлекайся общимъ направленіемъ людей, въ чемъ бы то ни было,—рекомендуетъ онъ брату въ окт. 1843,—а старайся имѣть свое“. „Что касается до трактата новаго объ архитектурѣ,—писалъ онъ ему же въ Москву осенью 1844,—то я очень сожалѣю, что тебѣ годовою слямота эти оцеры Яныковъ и Поповъ (А. Н.), какъ не художники, начинаютъ съ того, чѣмъ художникъ оканчиваетъ и довершаетъ свое ученіе, когда ему лѣтъ подл 40. Чтѣ-жъ дѣлать, надобно привыкать къ свѣту. Если же тебя очень беспокоятъ ихъ споры, то оставь ихъ. Все, чтѣ ты мнѣ пишешь, не подведено подъ гармоническую систему, которой, разумѣется, ты достигнешь, но лучше тутъ долговременное и всеисленное ученіе. Я вѣ архитекторъ и потому трудно мнѣ выикнуть въ твою часть. Впрочемъ, читая исторію архитектуры Аленкура, никакъ не могу согласиться, что средній вѣкъ, передѣлавшій для насъ языческіе храмы въ церкви, будто бы есть удадохъ архитектуры. Мнѣ все кажется, что этотъ готическій, византійскій родъ совершенно выразилъ чувство христіанское, какъ и древній языческое. Къ этому роду, съ небольшоимъ намѣненіемъ, принадлежатъ и наши русскія церкви. Что касается до архитектуры нашего времени, то, мнѣ кажется, никогда она еще не была такъ

жалка и безхарактерна. Скажи самъ, кто теперь истинный художникъ-архитекторъ? — Шинкель, да и все, а потомъ—все люди, болѣе заботящіяся о тугомъ кармавѣ, чѣмъ о совѣстливой преданности своему искусству. Впрочемъ, мы, русскіе, можемъ угѣшаться тѣмъ, что начинаемъ свою карьеру въ образованіи: у насъ, слѣдоват., могутъ случиться гораздо скорѣе люди, чѣмъ гдѣ-нибудь,—наши силы свѣжи... Мы съ тобой должны сдѣлать многое еще и потому, что всѣ наши художники приняли самое жалчайшее направленіе: вдумываться въ дѣло—совсѣмъ не въ поманіи... Ты не вѣришь, чтобы архитектуру одного человѣка приняло все государство за образецъ,—тебѣ кажется, это дѣло невозможное. А по моему, если нашъ художникъ, вслѣдствіе глубокаго своего ученія за-границей, окончитъ свои занятія по Россіи, то, само собою разумѣется, что изъ русской души его выйдетъ прекрасная русская архитектура XIX ст., которая сдѣлается сейчасъ же оригиналомъ для всѣхъ прочихъ его современныхъ художниковъ, менѣе способныхъ къ своему дѣлу“... „Я думаю,—высказывалъ онъ Языкову лѣтомъ 1845,— что путешествіе по Россіи для художника творящаго лучше и вѣрнѣе сдѣлать по окончаніи ученія своего въ чужихъ краяхъ“. Таковы были взгляды И—ва на задачи соврем. искусства, нужды нѣтъ, что его отдѣляло отъ насъ дѣльныхъ польвѣка.

Какъ на примѣры характеристикъ разныхъ личностей и ихъ дѣлъ можно указать на слѣдующіе отзывы И—ва, встрѣчающіеся въ его письмахъ. Такъ онъ пишетъ брату про Маркова 22 мая 1841: „Странное явленіе—вогъ человѣкъ, котораго чужіе края уничтожили! Онъ добръ до слабостей, весьма разсудителенъ, но лѣньнѣ до безподобія, и потому свобода пенсіонера его совсѣмъ ступила“, или про Айвазовскаго—Ланченкѣ осенью того же года: „Айвазовскій работаетъ тоже скоро, но хорошо,—онъ исключительно занимается морскими видами, и, т. к. въ этомъ родѣ нѣтъ здѣсь художника, то его заславили и захвалили. Онъ много работаетъ на заказъ, имѣя пенсіона на 6 лѣтъ, и, слѣдовательно, будетъ имѣть добрый капиталъ“, а затѣмъ отцу—18 нояб.: „Айвазовскій человѣкъ съ талантомъ. Его „День Неаполя“ заслужилъ общее одобреніе въ Римѣ—воду никто здѣсь такъ хорошо не пишетъ, а его „Хаоса“ я не видалъ, ибо онъ былъ написанъ для папы, съ намѣреніемъ получить крестъ. Но, вмѣсто этого, онъ полу-

чилъ медаль, стоящую гораздо менѣе, чѣмъ рама картинъ, съ просьбою дать болѣе опредѣленія головѣ Саваоова—окладъ фигуры какъ бы изъ водяной пыли и нахлобученныхъ облаковъ. Все это показываетъ вѣсншки горячій головы Айвазовскаго и заставляетъ за него бояться, чтобы онъ не сбился въ маньеризмъ. У него, между прочимъ, большая страсть печататься въ газетахъ“. Про Пименова онъ отзывался въ друг. письмѣ къ брату отъ лѣта 1842: „Жаль, что этотъ талантъ не образованъ, а то бы онъ могъ стать наравнѣ съ самыми лучшими скульпторами нашего времени“. „О Тирановѣ можно пожалѣть,—высказываетъ онъ отцу въ окт. 1843,—что въ поздніа лѣта и съ малымъ образованіемъ посланъ онъ въ Римъ, гдѣ, какъ человѣкъ съ талантомъ, невольно почувствовалъ желаніе устремиться къ чему-то возвышенному, и сдѣлалъ историч. картину; онъ, однакожъ, опять займется портретами“.

Познакомившись съ Гоголемъ, И. сообщаетъ отцу 15 авг. 1841: „Это человѣкъ необыкновенный, имѣющій высокой умъ и вѣрный взглядъ на искусство. Какъ поэтъ, онъ проникаетъ глубоко; чувства человѣческія онъ изучилъ и наблюдалъ, словомъ — человѣкъ самый интереснѣйшій, какой только можетъ представиться для знакомства; ко всему этому онъ имѣетъ доброе сердце“. Унавъ поближе Языкова, онъ говоритъ брату въ авг. 1844: „Это самый лучшій цвѣтъ нашего отечества; нѣтъ ни одного человѣка, который бы, зная сколько нибудь Языкова, не отозвался о немъ съ похвалою... Онъ намъ совершенно сочувствуетъ, онъ намъ русской славной поэзіи“ (А про А. Н. Попова: „Это правда, что этотъ человѣкъ еще молодой, но онъ горячій патриотъ, умный и добрый человѣкъ“.

Цѣна въ другихъ доброе сердце, И—въ самъ имѣлъ такое, какъ мы видѣли уже не разъ изъ его заботъ о товарищахъ. Слѣдующее письмо указываетъ на его необыкновенную привязанность къ отцу: „Для меня одна награда существуетъ,—пишетъ онъ ему въ февр. 1843, по полученіи извѣстія о смерти матери,—кончить мою картину, встрѣтить васъ здоровымъ, живымъ. Молю Бога, чтобы онъ этого меня не лишилъ, а къ вамъ припадаю на колѣняхъ и прошу беречь ваше здоровье. Простите меня, если я когда либо васъ тѣмъ нибудь обидѣлъ. Я болѣе къ вамъ привязанъ, чѣмъ вы можете себѣ вообразить. Успѣхи мои въ искусствѣ имѣютъ одну цѣль — со временемъ доставить вамъ ра-

доть на землѣ. Вы изъ этого видите, что я радъ торопиться съ моимъ огромнымъ дѣломъ, и опять прошу васъ беречь свое здорье: я помню, какъ вы, бывало, его не берегли. Васъ нѣсколько разъ предупреждала отъ этого матушка-покойница (ей не довелось видѣть возвратъ мой!), а братъ мой, можетъ быть, для этого молодъ”.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій получилъ былъ отвѣтъ на ходатайство И—ва о продленіи ему пенсіона для окончанія его труда. Но каково-же было его разочарованіе, когда ему выдано было въ 1842, „въ силу представленія о немъ Жуковскаго“, всего 1500 р. асс. одновременно, а „въслѣдствіе старанія начальника надъ русс. художниками въ Римѣ Кривоцова“,—2800 р. При этомъ ему пришлось выслушать съ стороны Жуковскаго такого рода замѣчаніе: „Да куда онъ пойдетъ такія картины, вѣдь и поставить некуда?“ Но на это онъ отвѣчалъ Чижову (сообщившему ему такой отвѣтъ писемомъ отъ авг. 1842): „Конченная большая картина русс. художника, пріобрѣтшая европейское вниманіе, не можетъ быть, чтобы не наша мѣста въ нашемъ отечествѣ. Я знаю, что для коммерціи лучше бы было писать маленькія вещицы, но какъ не стыдно говорить это Василию Андреевичу! При его умѣ и образованіи, я думаю, онъ войдетъ гораздо глубже въ мое положеніе, и тогда бы онъ увидѣлъ, что я только несчастливъ, но совершенно правъ, видя пришедевъ и иностранцевъ, завладѣвающихъ всѣмъ вниманіемъ моего отечества, [и] зная какія громадныя суммы издерживаются правительствомъ на покупку самыхъ посредственныхъ картинъ. Могли бы, будучи русскими, смотрѣть на все это хладнокровно? Не долженъ ли я пожертвовать совершенно всѣмъ для такого предпріятія, которое бы современемъ поставило меня на художническую каеедру, съ которой бы я могъ умалить злоупотребленія?“ Ту же мысль онъ изложилъ и въ письмѣ къ самому Жуковскому отъ 4 сент.: „Не думайте,—писалъ онъ ему,—чтобыя скольконибудь раскаявался, что началъ и довелъ за половину дѣла огромный трудъ мой. Напротивъ, я этимъ только и буду утѣшаться всю остальную жизнь. Кромѣ того, желаю, чтобы мои соотечественники-художники шли той же трудной стезей строгого ученія;... чтобы въ бросались они ни въ шуточный жанръ, ни въ акварель, ни въ радужный колеръ, ни въ быстроту эскизнаго исполненія,—заразительныя введенія нашихъ пришедевъ,

ломающихъ искусство въ способы, чтобы жить со всѣми прихотями роскоши и забавъ, не думая о послѣдствіяхъ и не зная отечества. Имѣя впереди двухъ пришедевъ, занявшихъ быстротою эскизнаго исполненія все вниманіе русскихъ, плодомъ коего я предвижу гибель для школы отечественной, я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло“. „Напрасно, кажется, вы думаете, — писалъ онъ еще Гоголю въ мартѣ 1844 г. — что мой метода: силою слпченія и сравненія этюдовъ подвигать впередъ трудъ доведетъ меня до отчаянія. Способъ сей согласенъ и съ выборкою предмета, и съ именемъ русскаго, и съ любовью къ искусству. Я бы могъ очень скоро работать, еслибы имѣлъ единственную цѣлью деньги. Признаюсь, я не вижу въ остальной моей жизни ничего, лучше настоящаго моего положенія. Еслибы картина моя осталась навсегда неоконченною, то это все столько же было бы для меня горько, какъ еслибы какая-нибудь деспотическая сила заставила меня окончить ее противъ моихъ правилъ и убѣжденій... Признаю и это: пока не сдѣлалъ дурно, не сдѣлаешь хорошо. Другое все остается въ пробныхъ этюдахъ, изъ которыхъ одно лучше внеситъ въ настоящую картину”.

На счастье И—ва къ нему явился въ этотъ разъ на помощь его соговорникъ по искусству — Моллеръ, послѣ того, какъ новый секретарь Общества П. Х., Мих. Дм. Рѣзвый, отозвался, что „произведеніе И—ва выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ и должно принадлежать къ тѣмъ, коиимъ справедливо будетъ гордиться наше отечество, а потому способствовать къ его удачному исполненію есть благородный порывъ всякаго добраго патриота“, и позаботился объ исходатайствованіи у Государя вновь содержанія своему другу (въ 300 червонныхъ въ годъ), кромѣ вознагражденія въ 1500 руб. сер. за картину „Явленіе Христа Магдалинѣ“, поднесенную Его Величеству Обществомъ П. Х. въ 1836 г., какъ можно заключить изъ писемъ И—ва къ самому Моллеру и къ отцу отъ января 1843, а также изъ письма старика И—ва къ сыну отъ 23 дек. 1842 г. и изъ протоколовъ засѣданій Академ. Совѣта отъ 19 нояб. и 9 дек. того же года. Но третій годъ истекалъ, а картина все еще не была кончена. Поэтому И—въ, подъ вліяніемъ Гоголя, снова сталъ хлопотать объ изысканіи дальѣйшихъ средствъ. Иавѣстная А. О. Смирнова должна была, по его писму отъ 12 февр. 1845, ходатайствовать черезъ герц. Лейхтенбергскаго о продленіи ему пенсіона,

если не на три года, то на 2 и даже хоть на один; Жеребцова объявляла Моллеру, какъ видно изъ письма къ Гоголю отъ 15 марта, угворить кн. П. М. Волконскаго (мин. Имп. Двора) не оставалось о немъ представленія академическаго, несмотря на представляющуюся работу для храма Спаса въ Москвѣ; К. Тонъ, замолвившій уже за него Госуд. Императору, благодаря чему и устроилось его содержаніе, котораго должно было хватить еще на годъ, объявлялъ нашему художнику, какъ видно изъ письма его къ брату отъ того же времени, сказать въ Академіи, что онъ нуждается въ трехлѣтнемъ содержаніи (18,000 руб. асс.), чтобы кончить настоящую картину; наконецъ, послѣ посѣщенія его мастерской Имп. Николаемъ I въ дек. 1845, онъ самъ просилъ герц. Лейхтенбергскаго—весною 1846 (а не 1847, какъ напечат. въ изд. Воткина) и Наслѣдника Цесаревича—4 июля 1847 о дальнѣйшемъ вспоможеніи. Но всѣ эти ходатайства, какъ прежнія, такъ и новыя, кончились, судя по протоколамъ Академ. Совѣта отъ 4 мая 1845, 20 марта и 20 июня 1846,—тѣмъ, что весной 1845 г. Высочайше повелѣно было дать И—ву изъ Госуд. Казначейства 300 червонныхъ одновременно въ пособіе, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ окончилъ свою работу непремѣнно въ продолженіе года со дня полученія имъ послѣдняго. Затѣмъ, весной 1846, не взирая на рапортъ вице-презид. Академіи гр. Ф. П. Толстаго изъ Рима на имя Августѣйшаго Президента, что „при посѣщеніи мастерской акад. Иванова, этого страстнаго художника, всею душой преданнаго своему дѣлу, Его Имп. Вел. благосклонно выслушалъ краткое объясненіе сюжета картины, въ которомъ Ивановъ выразилъ свое теплое религіозное чувство, вызвавшее его на созданіе колоссальнаго произведенія, полного большихъ особенностей достоинства; изволитъ остаться чрезвычайно довольнымъ картиною Иванова и, въ самыхъ лестныхъ словахъ для художника, приказавъ оканчивать ее, сказавъ: „прекрасно началъ“.—Академ. Совѣтъ, рассмотрѣвъ прошеніе художника, опредѣлилъ: „отвѣчать Иванову, что Академія не можетъ о немъ ходатайствовать, хотя бы и желала, ибо много разъ сдѣланныя ему милости давно бы должны были побудить его довершить свое твореніе; но время уходитъ, а картина, имъ начатая, не оканчивается, и онъ продолжаетъ обращаться съ просьбами о пособіяхъ, какъ человѣкъ, не могущій достать трудами достаточной суммы для своего

содержанія“⁴. Наконецъ, лѣтомъ того же года, послѣдовавъ Высочайшее повелѣніе выдать Иванову, за заказанную ему Его Вел. картинку, 1500 руб. сер. (5500 р. асс.), но онять съ тѣмъ, чтобы онъ картину эту непременно окончилъ въ теченіе одного года со дня объявленія ему о томъ. Въ заключеніе всего, какъ узнаемъ изъ собств. писемъ И—ва къ граф. С. П. Анраксиповой отъ осени 1847 и къ Жуковскому отъ 21 нояб., ему было Высочайше назначено, по представленію презид. Акад., на содержаніе въ Римѣ на полгода, для окончанія картины,—1768 франк. 80 сант., да отъ Наслѣдника Цесаревича прислано 3000 р.

Пока И—въ скромно жилъ и работалъ въ Римѣ, друзья и почитатели его, восхищенные предпринятымъ имъ колоссальнымъ трудомъ, вслѣдствіе стараній о распространеніи его славы въ русс. обществѣ. Такъ, проф. Шевыревъ, сообщая въ своихъ „Путевыхъ запискахъ 1840 г.“ въ „Москвитян.“ 1841 (ч. VI, № 11, с. 150) о „русс. художникахъ въ Римѣ“⁵), писалъ между прочимъ: „Изъ мастерской славнаго Бруни я поведу читателя въ мастерскую другого художника нашего—Иванова. Здѣсь ожидается насъ еще новое впечатлѣніе, радостное сердцу русскаго. Здѣсь, хотя медленно, но съ обдуманностью добросовѣстной, готовится глубокомысленное созданіе—картина, внушенная также мыслию религіозною [слѣдуетъ описаніе сюжета]... Не знаемъ, скоро ли эта картина будетъ приведена къ концу, но можемъ сказать одно только, чѣмъ болѣе художникъ трудится надъ нею, тѣмъ болѣе яснѣетъ каждое лицо картины, выступая съ новою выразительностью... Извѣстно, что нашъ Ивановъ въ послѣднее время сошелся съ славнымъ живописцемъ Овербекомъ, представителемъ школы, такъ назыв. „пуристовъ“. Онъ во многомъ слѣдуетъ его совѣтамъ и сочувствуетъ направленію, какое Овербекъ даетъ искусству, стараясь возвратитъ къ первоначальному спокойствію древнихъ школъ. Отсюда объясняется въ главномъ и характеръ картины, господствующая черта которой есть тоже самое спокойствіе. Это вліяніе Овербека на нашего художника могло бы повести насъ современемъ на созданіе своего особеннаго рели-

⁴) Помѣщенная подъ тѣмъ же заглавіемъ въ „Худож. Газетѣ“ 1840 (№ 6, с. 12) выписка изъ письма (б. ж., отъ В. И. Григоровича) изъ Рима отъ 18(30) янв. 1840 г.,—не можетъ быть принята тутъ въ расчетъ по своей незначительности.

гюванго стила, о которомъ мы до сихъ поръ въ новой живописи нашей и не думаемъ". Другой профессоръ, *Поудинъ*, въ своемъ дневникѣ „Мѣсяцъ въ Римѣ“ въ „Москвитян.“ 1842 (ч. II, № 4, с. 312), сообщалъ подъ 25-мъ марта [1839 г.]: „Г. [т. е. Гоголь] повелъ насъ въ студию (рабочую) русс. художника Иванова... Стѣны испишаны разными фигурами: которал—мѣломъ, которал—углемъ; вотъ—группа, вотъ—цѣлый эскизъ... Въ срединѣ господствуетъ, на огромныхъ подставкахъ,—картина, надъ которою трудится художникъ... Вокругъ него, по всѣмъ сторонамъ, лежатъ нѣсколько картоновъ съ его корректурами, т. е. съ разными опытами представить то или другое лицо, развѣстить фигуры такъ или иначе... Однимъ словомъ, задумано превосходно, есть гдѣ развернуться художнику, есть что представить. Говорятъ, что Ивановъ работаетъ очень медленно, безпрестанно поправляетъ себя, недовольный. Жаль: съ такимъ расположеніемъ души, лучше бы ему писать картины не столь сложныя, какъ эта...“ Третій профессоръ, *Чижевъ*, разсказывалъ въ „СПб. Вѣдом.“ 1842 (№ 224, ст. 979—980) про „русс. художниковъ въ Римѣ“ въ письмѣ къ А. Н. Очипкину, послѣ подробнаго описанія картины И—ва „Явленіе въ міръ Мессіа“, съ указаніемъ на Евангельскіе тексты, говорившій въ заключеніе: „Простота изображенія не усилена и не измѣнена никакимъ эффектомъ свѣта; спокойствіе изображаемой минуты не допускаетъ ни движенія страстей, ни малѣйшей театральности положеній; святое величіе предмета, собирая все на ликъ Спасителя, требуетъ полнаго подчиненія всего дѣйствія Его Божественному явленію—вотъ три данныя для составленія сужденій о достоинствѣ картинкы. Что касается до меня, то я прошу вашего позволенія остаться адѣсь простымъ повѣствователемъ: картина еще нѣсколько не кончена, и потому всякій приговоръ со стороны судящаго, по моему мнѣнію, былъ бы вѣдчайшею дерзостію, особенно въ такомъ—и огромномъ, и высокомъ, начинаніи. Если я позволю себѣ высказывать данныя для составленія сужденій, то въ этомъ случаѣ меня оправдаетъ желаніе представить вамъ дѣло съ той стороны, которая могла бы нѣсколько противостать противу требованій большинства, не совѣмъ выгодныхъ для истинно художественныхъ произведеній.“

Въ другой статьѣ своей—отъ мая 1845, написанной также въ видѣ письма о русс. художникахъ въ Римѣ—на этотъ разъ въ изда-

телю „Моск. Литерат. и Учен. Сборника“ 1846 г., гдѣ она и появилась, Чижевъ говорилъ по поводу картинки (стр. 56—57, 62—69): „Ивановъ изобразилъ въ ней самую торжественную минуту въ исторіи человечества—вступленіе на поприще дѣятельности Искупителя міра. Вотъ первое право и первая необходимость дать картинѣ такой размѣры, чтобы лица на первомъ планѣ явились въ настоящую величину человѣческаго роста. Въ картинѣ Иванова общее сочненіе такъ высоко, что не оставляетъ желать ничего болѣе. До сихъ поръ весьма немногія лица ближи къ окончанію, поэтому нѣтъ еще пока возможности судить о полнотѣ жизни остальныхъ; но участіе каждаго въ общей драмѣ, умно размѣренное не холоднымъ разсудкомъ, а живымъ представленіемъ себѣ всего дѣйствія и глубокимъ вниканіемъ въ нравственную природу человѣческую, видно уже ясно и въ настоящемъ состояніи картинкы... Совершенство исполненія въ картинѣ уже рѣшительно безспорно дѣльно. Благородство рисунка, высокообразцовая, типическая красота лицъ, возможно прекрасное сочненіе въ пейзажѣ, высшая степень изящества въ наброскѣ одежды, сила и стройность цвѣтовъ—вотъ существенныя достоинства того, что я называю исполненіемъ... О послѣднемъ, т. е. о цвѣтахъ, нельзя судить въ несовершенномъ произведеніи, потому что оно является на полотнѣ послѣднимъ, но все прочее такъ высоко, что тѣ художники, которымъ, по ихъ исключительнымъ занятіямъ, ближе тѣ или другое, не могли говорить о немъ безъ восхищенія. На картинѣ вы видите живую природу во всей ея свѣжести, по природу въ полномъ убранствѣ, и, мало того,—природу, являющуюся такъ, что она, своимъ присутствіемъ, сосредоточиваетъ васъ на высокомъ предметѣ картинки. Вся тайна—въ высокомъ предметѣ картинки. Вся тайна—въ совершенномъ спокойствіи сочненія, первыхъ признакахъ того, что въ душѣ художника жилъ предметъ, а не желаніе выставить на томъ или другомъ свое искусство и свою силу... Наброска одежды у нѣкоторыхъ фигуръ,—потому что у прочихъ она или еще не совершенно опредѣлена, или, по самому ихъ движенію или положенію, не могла занимать значительнаго мѣста,—такъ хороша, что переноситъ васъ сама собою въ пластическій міръ древняго ваянія... Послѣдній вѣнецъ всего—высокое благородство рисунка и образцовая, типическая красота не только лицъ, но вообще

всего, входящаго въ картину... До сихъ поръ тѣ фигуры, которыя окончены въ картинѣ Иванова, представляютъ истинно художественные образцы лицъ, въ нихъ изображенныхъ. Не забудьте, что эти лица—лицъ Спасителя, Иоанна Предтечи и тѣхъ изъ послѣдователей Христа, которыхъ дѣянія, въ церкви христіанской, поставили на первую ступень человѣческаго величія... Вотъ лица, образцы которыхъ нужно было создать художнику. Рѣшимся ли мы укорять его за то, что онъ не скоро останавливается на найденномъ, не бываетъ доволенъ описаннымъ, и, несмотря ни на требованія нетерпѣливыхъ соотечественниковъ, ни на укоры товарищей, не подчиняясь даже житейскимъ нуждамъ, борясь съ ними со всею бодростью силъ, остается неизмѣнно вѣрнымъ искусству?... Величавыя и высоко вознесенныя надъ обиходною человѣческою природою выраженія главныхъ лицъ дѣлаютъ то, что лица крестьянскихъ кажутся чрезъчуръ обыкновенными. Можетъ быть, дѣйствительно художникъ былъ въ нихъ слишкомъ вѣрнѣ тѣмъ народнымъ образцамъ, которыхъ глубокое изученіе отпечаталось на всѣхъ возможныхъ выраженіяхъ чувствъ, во всѣхъ второстепенныхъ особахъ. Но это еще дѣло окончанія, теперь пока все это—портреты, и потому объ нихъ еще нельзя судить окончательно.“... „Пора намъ увѣрится и убѣдить міръ—говорилъ Чижовъ въ заключеніе,—что наша народность имѣетъ собственное свое содержаніе, что подражаніе было только первымъ шагомъ ея на пути къ развитію“¹⁾, и далѣе: „Къ борьбѣ съ общественными нападками, съ гнетомъ обстоятельствъ, присоединилась (у Иванова) сильная главная болячка, самая уласная изъ болячекъ въ быту живописца. Въ теченіи 4-хъ послѣднихъ лѣтъ, проведенныхъ мною за границею, онъ едва ли имѣлъ полныя 4 мѣсяца, когда онъ могъ совершенно отдаться работѣ. Возгъ еще одно, что очень сокращаетъ 9 лѣтъ работы надъ картиною,—общій, доселѣ единственный укоръ его проведеному. Теперь, слава Богу, состояніе глазъ его далеко лучше прежняго; къ тому же и самая картина доведена до той степени, когда уже трудъ сдѣлался опредѣлительнѣе,

потому что большая часть рѣшена и подготовлена къ окончательной отдѣлкѣ.“

Но всѣхъ силнѣе выразился Гоголь въ 1846 г., напечатавъ въ своей знаменитой книгѣ „Избранныхъ изъ переписки съ друзьями“ (подъ № XXIII), письмо къ М. Ю. Вильгорскому подъ заглав.: „Историч. живописецъ Ивановъ.“ „Доселѣ раздавался ему упрекъ въ медленности—писалъ Гоголь. Говорили всѣ: „Какі! 8 лѣтъ сидѣлъ надъ картиною, и до сихъ поръ картинѣ нѣтъ конца?“ Но теперь этотъ упрекъ угнухнулъ, когда увидѣли, что и каляя времени у художника не пропала даромъ; что однихъ этиюдовъ, приготовленныхъ имъ для картинки, наберется на цѣлый залъ и можетъ составить отдѣльную выставку; что необширенная величина самой картинки, которой ранной еще не было (она больше картинъ Брюлова и Бруни), требовала слишкомъ много времени для работы, особенно при тѣхъ малыхъ денежныхъ средствахъ, которыя не давали ему возможности имѣть нѣсколько моделей вдругъ, и притомъ таковыхъ, какихъ бы онъ хотѣлъ. Словомъ, теперь всѣ чувствуютъ негѣность упрека въ медленности и лѣни такому художнику, который, какъ труженникъ, сидѣлъ всю жизнь свою надъ работою и позабылъ даже: существуетъ ли на свѣтѣ какое нибудь наслажденіе, кромѣ работи. Еще болѣе будетъ стыдно тѣмъ, которые упрекали его въ медленности, когда узнаютъ и другую сокровенную причину медленности. Съ производствомъ этой картины связалось собственное, душевное дѣло художника. Явленіе слишкомъ рѣдкое въ мірѣ, явленіе, въ которомъ вовсе не участвуетъ произволъ человѣка, но воля Того, Кто выше человѣка. Такъ уже было опредѣлено, что бы надъ этою картиною совершилось воспитаніе собственно художника, какъ въ рукотворномъ дѣлѣ искусства, такъ и въ мысляхъ, направляющихъ искусство къ законному и высшему назначенію. Предметъ картины, какъ вы уже знаете, слишкомъ значителенъ. Изъ Евангельскихъ мѣстъ взято самое труднѣе для исполненія, доселѣ еще небранное нѣкъ изъ художниковъ, даже прежнихъ Богомольно-художественныхъ вѣковъ, а именно—первое появленіе Христа народу... [слѣдуетъ описаніе картины]. Не легко изобразить на лицахъ весь этотъ ходъ обращенія человѣка ко Христу! Есть люди, которые увѣрены, что великому художнику все доступно: земля, море, человѣкъ и моленіе Богу, словомъ—все

¹⁾ „Мнѣ ваша картина—не только вамъ произведеніе, мнѣ въ ней видна будущность цѣлой школы,—писалъ тотъ же Чижовъ самому И—ву еще 9 сент. 1842. — Получай я пять тысячъ въ годъ, я бы раздѣлилъ ихъ съ вами, принудилъ бы васъ слегка взять у меня“...

можетъ достаться ему легко, будь онъ талантливый художникъ, да поучись въ Академіи. Художникъ можетъ изобразить только то, что онъ почувствовалъ и о чемъ въ головѣ его составила уже полная идея: иначе картина будетъ мертвая, академическая картина. Ивановъ сдѣлалъ все, что другой художникъ почелъ бы достаточнымъ для окончанія картины. Вся матеріальная часть, все, что относится до умнаго и строгаго размѣщенія группы въ картинѣ, исполнено въ совершенствѣ. Самыя лица получили свое типическое, согласно Евангелію, сходство и, съ тѣмъ вмѣстѣ, сходство еврейское. Вдругъ видишь по лицамъ, въ какой землѣ происходитъ дѣло. Ивановъ повсюду бѣдиль нарочно изучать для того еврейскія лица. Все, что ни касается до гармоническаго размѣщенія цвѣтовъ, одежды человѣка и до обдуманной ея наброски на тѣло, изучено до такой степени, что всякая складка привлекаетъ вниманіе знатока. Наконецъ, вся ландшафтная часть, на которую обыкновенно немного смотритъ историческій живописецъ, видъ сей живописной пустыни, окружающей группу, исполненъ такъ, что вдумаются сами ландшафтные живописцы, живущіе въ Римѣ. Ивановъ для того просиживалъ по нѣсколькимъ мѣсяцамъ въ нездоровыхъ Понтийскихъ богатыхъ и пустынныхъ мѣстахъ Италии, перенесъ въ свои этюды всё дикія вихолюстья, находящіяся вокругъ Рима, изучилъ всякій камешекъ и древесный листокъ, словомъ—сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, все изобразилъ, чему только нашелъ образецъ. Но какъ изобразить то, чему еще не нашелъ художникъ образца? Гдѣ могъ найти онъ образецъ для того, чтобы изобразить главное, составляющее задачу всей картины,—представить въ лицахъ весь ходъ человѣческаго обращенія ко Христу? Откуда могъ онъ взять его—изъ головы? создать воображеніемъ? постигнуть мыслью? Нѣтъ, пустыни!—холодна для этой мысли и ничтожно воображеніе. Ивановъ напрягалъ воображеніе, елико могъ, старался на лицахъ всѣхъ людей, съ какими встрѣчался, ловить высочія движенія душевныя, оставался въ церквахъ слѣдить за молитвою человѣка,—и видѣлъ, что все безсильно и недостаточно, и не утверждаетъ въ его душѣ полной идеи о томъ, что нужно. И это было предметомъ сильныхъ страданій его душевныхъ и виною того, что картина такъ долго затанулась. Нѣтъ, пока въ самомъ художникѣ не произошло истиннаго обращенія ко Христу,

не изобразить ему того на полотнѣ...¹⁾ Достоинство картины уже начинаетъ обнаруживаться всѣмъ. Весь Римъ начинаетъ говорить гласно, судя даже по нымѣншему ея виду, что подобнаго явленія еще не показывалось отъ временъ Рафаэля и Леонарда да Винчи. Будетъ окончена картина, такимъ картинамъ не бываетъ цѣна меньше ста или двухъ сотъ тысячъ*.

Послѣдній, кто писалъ въ то время про И—ва, это нѣкая писательница *Е. И. К.*, напечатавшая въ „Москвитинѣ“ 1848 (ч. VI, № 11, „Моск. лѣтоп.“, с. 5 и 6) статью объ Айвазовскомъ. „Нельзя не обратить вниманія на плодовитость А—го,—говорила она—и на необыкновенную скорость его работы. Находятся люди, которые укоряютъ его за это точно также неосновательно, какъ укоряютъ за медленность Иванова, имя котораго знакомо многимъ русскимъ по слуху, уважается всѣми, кто видѣлъ въ Эрмитажѣ прекрасное его произведеніе—„Христосъ являющійся Магдалинѣ“, и высоко чтится нѣкоторыми свидѣтелями теперешней его неоконченной работы—„Явленіе Мессии на провинцѣ“. Девять уже лѣтъ трудится надъ нею художникъ, и третья доля картинъ еще не кончена. Конечно, нельзя никому ругаться за то, что еще не сдѣлано; однако, можно поручиться, по крайней мѣрѣ, за то, что искусство есть тайна, которая не знаетъ времени, не беретъ въ расчетъ усилій и не подчиняется никакому измѣненію“ (все это,—б. ч., выписки изъ 2-й статьи Чижова, безъ указанія, впрочемъ, источника).

Изъ приведенныхъ отзывовъ, замѣтки Шеврева и Погодина, кажется, были невѣстны И—ву, но относительно 1-й статьи Чижова (которую старикъ И—въ привязалъ за произведеніе В. П. Григоровича) онъ писалъ отгу въ декабрѣ 1848: „Статья о русс. художникахъ, напечатанная въ Академ. Вѣдомостяхъ, написана Чижовымъ, профессоромъ Петерб. университета. Онъ теперь адъясъ, въ Римѣ, постарался со мною сблизиться и мы теперь съ нимъ какъ друзья. Однако, наша грязь не начала по напечатаніи его статьи, о кото-

¹⁾ Еще въ янв. 1845 Гоголь писалъ И—ву: „Работа ваша соединена съ вашимъ душевнымъ дѣломъ, и покуда въ душѣ вашей не будетъ, кистью высшаго художника, начертана эта картина, покуда не напишется она вашею кистью на холстѣ. Когда же напишется она на душѣ вашей, тогда кисть ваша полетитъ быстрѣе самой мысли“...

рой я совсѣмъ не зналъ, и потому не думайте, чтобы тутъ закрадывалась съ моей стороны какая охота къ печатнымъ похваламъ: я, право, не Г—скій.“ По поводу же статьи Гоголя онъ сообщаетъ Чижову въ юнѣ 1848: „Читалъ я на дняхъ его книгу „Выбр. мѣста изъ переписки съ друзьями.“ Не знаю, за что это на него такъ нападаютъ—тамъ есть превосходныя мѣста. Жаль, однако жъ, что онъ тамъ написалъ обо мнѣ и Иорданѣ: эти мѣста невѣрны.“ Затѣмъ въ свою записную книжку онъ занесъ слѣдующее (Рукоп. Румянц. Музея, № 2194): „Ник. Вас. Гоголь сдѣлалъ меня извѣстнымъ, вывелъ на трескучую мостовую человѣческихъ страстей: ходя по буграмъ и кочкамъ, трудно идти, невозможно спокойно углубляться въ нисходящія думы. Этотъ опытный христіанинъ пропустилъ весьма важный фактъ христіанства, что, прежде чѣмъ не вырѣлъ человѣкъ и не почувствовалъ самъ себя окончанія, не должно ему выходить къ людямъ, которые, по слабости своей природы, готовы загрузить набраннаго—своими тагатами“. Но Гоголю онъ все-таки написалъ въ дек. 1847 г., по прочтеніи его статьи, что цѣлуетъ и обнимаетъ его въ знакъ совершеннаго съ нимъ замиренія (объ ихъ размовкѣ—рѣчь впереди). Послѣ этого не было объ И—вѣ слуховъ въ печати почти 10 лѣтъ.

Продолжая все время попрежнему работать надъ своей большой картиной, для производства которой ему приходилось столько унывать, хлопоча о всякаго рода субсидіяхъ, И—въ дѣлалъ все новыя и новыя этюды къ ней, лишь только болѣзнь не прелятствовала его занятіямъ. „Теперь живу за городомъ и работаю этюды для моей картины“,—пишетъ онъ брату изъ окрест. Рима въ авг. 1844; „сильно пораженъ былъ видомъ Рима на 9-й верстѣ, въ Альбано, и занялся этимъ видомъ“,—сообщаетъ онъ ему же лѣтомъ 1845, или еще: „вчера поздно пріѣхалъ я со всѣмъ приборомъ изъ горъ въ Римъ, гдѣ уже останусь до послѣднихъ чиселъ іюля будущаго года“,—говоритъ въ друг. письмѣ отъ 10 (12) сент. Но около 1844, его видно, начинаютъ уже занимать другіе сюжеты—правда, тоже Библейскіе. Такъ, изъ письма къ отцу отъ іюля 1844, мы узнаемъ, что, почувствовавъ его нужду имѣть книгу „Пророковъ“, вдова Баратынскаго обѣщалась ему ее доставить въ Неаполь; прося Чижова въ октябрѣ того же года купить соч. Pio „De l'art chrétien“, онъ спрашиваетъ его: можно ли купить Библію черезъ Зайцевскаго; поручаетъ въ февр. 1845

Гоголю узнать въ Парижѣ: вышелъ ли послѣдній томъ Библии, въ изд. S. Cahen, т. е. Эсфирь, Іовъ, Псалмы, Притчи, Экклезиастъ, Псалъ Писней, такъ какъ прочіе 15 томовъ онъ уже имѣетъ и читаетъ, находя это изданіе чрезвычайно любопытнымъ; тоже порученіе даетъ брату 10 (22) сент. того года, прося также купить Евангеліе на франц. языкѣ, хотя въ мартѣ просилъ его привести славянскую Библію; лѣтомъ 1846 сообщаетъ Шевыреву, что думаетъ сѣвредить дней на 10-ть въ Палермо для срисовки греч. мозаикъ въ Монреале, а осенью—Гоголю, что занимался въ Неаполит. библиотекѣ древностями Египта и рѣшился имѣть собственностью лучшее изданіе, т. е. Розеллини „Monumenti di Eddito e di Nupia“, несмотря на дороговую цѣну—100 скудъ; о томъ же читаемъ и въ его записной книжкѣ подъ 18 сент. 1847. Все это показываетъ, что тогда же у И—ва родилась въ головѣ мысль объ иллюстрированіи св. Писанія.

Рядомъ съ этимъ, заботясь „о доставленіи себя способовъ на окончаніе картинъ“, И—въ нашелся вынужденнымъ „заняться сочиненіемъ запрест. образа въ храмъ Спаса въ Москвѣ, архитекторомъ коего, Тонъ, весьма желалъ ему поручить его“. Получивъ такое предложеніе, онъ, со свойственной ему добросовѣтностью, тотчасъ же принялся за всестороннее изученіе предмета, долженствовавшаго послужить сюжетомъ для будущей работы. „Сочинить образъ Воскресенія Христова—писалъ онъ Смирновой 12 февр. 1845,—тысячи нужно свѣдѣній для меня: нужно знать, какъ онъ былъ понимаемъ нашею правосл. церковью въ то время, когда религія не была трупомъ; нужны совѣты нашихъ образованныхъ богослововъ и отцовъ церкви... Но я увлекаю сочиненіемъ „Воскресенія“ не для того, чтобы жадно приобрести значительный задатокъ, но потому, что двухмѣсячнымъ чтеніемъ и думами пріучилъ мысли мои строико слѣдовать въ глубину новаго предмета. Чтобы отдалить отъ меня эти новыя мысли, нужно время; я постараюсь все это оставить, но не вдругъ“. „Позовите, пожалуйста, брата моего къ вамъ, — проситъ онъ Зыкова въ томъ же февралѣ,—и укажите ему, гдѣ бы можно было въ Москвѣ найти иконные образа—пображенія Воскресенія Христова, и съ этихъ композицій, въ какихъ бы онѣ уродливыхъ формахъ ни были, потрудился бы мнѣ начертить [онъ копія] въ маленькомъ видѣ, дабы имѣть понятіе, какъ греки передали сей образъ, когда сочиненія церковныя вы-

ходили из самой церкви, безъ претензій на академизмъ, который насъ теперь совсѣмъ заурядилъ“. „Ты мнѣ сдѣлаешь существенную услугу, — объясняетъ онъ и брату, — безъ которой я совсѣмъ не могу сочинить этого образа. Если изображенія иконныя развятся между собою, то все мнѣ передай“.

„Три мѣсяца сочиняя 40. эскизъ Воскрес. Христ., я все поджидалъ Тона въ Римъ—сообщалъ И—въ Гоголю 15 марта того же года. Его встрѣтили всѣ торжественнымъ обѣдомъ, гдѣ онъ объявилъ мнѣ громкогласно, что поручаетъ мнѣ самую отличнѣйшую работу въ Моск. храмѣ, т. е. на парусахъ написать 4-хъ евангелистовъ, прибавивъ, что его слово вѣрно и неизмѣнно. Всѣ съ шумомъ бросились меня поздравлять. А я, пораженный горью переѣмой сюжета, не зная, что дѣлать? Тонъ, какъ видно, удивлялся моему безвосхищенію, потому что всѣ были въ полномъ восторгѣ, которымъ онъ роздалъ другія порученія. Образъ Воскресенія остался за К. Врюлло. Студіей моей онъ (Тонъ) очень доволенъ; но взгляды его на искусство наше устарѣлы, если еще и былъ прежде воспитанъ въ высокой тишинѣ Рима. Въ разговорахъ онъ съ нами казался какимъ-то хозяиномъ-повелителемъ: давая порученія, онъ привыкъ видѣть получающихъ уже весьма осматривающимися“. „Сочинялъ я три мѣсяца образъ Воскр. Христ. [всѣ эскизы его наход. въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ] — писалъ И—въ брату около того же времени,—читая все около моего предмета; срисовалъ все относительно его въ Ватиканѣ, съ греческихъ и нашихъ образовъ старинныхъ; отнялъ вѣрно много времени (отъ своей работы) и, наконецъ, все кончилось... Не сердись, братъ, на Тона — онъ не виноватъ: онъ извѣстенъ давно, какъ невѣрный въ словѣ. Мы съ тобой виноваты, что, зная это, ему повѣрили... К. Тонъ былъ принятъ съ общимъ восторгомъ; кромѣ Монигетти, всѣ охотно его окружали. На другой день пріѣзда давали ему обѣдъ; подъ конецъ обѣда все превратилось въ неистовый шумъ. При отъѣздѣ тоже былъ данъ обѣдъ, а въ послѣдній день К. А. Тонъ намъ вадалъ обѣдъ, гдѣ уже было раздолье. Но это все не важно и не замѣчательно, а вотъ что важно—что пріѣздъ Тона окончилъ совершенно свободное состояніе художника. Это правда, что все къ этому уже готово. Молодое поколѣніе, видя въ наставникахъ своихъ—безошибковыхъ, пьяницъ, гулякъ, вартезниковъ и эгоистовъ, приняло всѣ

эти качества въ основаніе, и вотъ свобода пенсіонерская, способная усовершенствоваться, опереть и окончить прекрасно начатаго художника, — теперь была обращена на усовершенствованіе необузданности. Непкогда думать, некогда углубляться въ самого себя и оттуда вызывать предметъ для исполненія... Разумѣется, что тутъ уже лучше заняться заказной работой — вотъ вамъ, г. г. и дѣны; Тонъ привезъ работы—вотъ вамъ сюжеты, вотъ мѣры; вдали—денги и приставники, чтобы работали, а не кутили, а, можетъ быть, и вызовъ безвременный въ Россію. Прошай все прекрасное, все вѣжно-образованное, прощай соревнованіе русскихъ съ Европой на полѣ искусства! Мы — пошлые работники, мы пропали и промотали свою свободу. Самое интересное вотъ что: Тонъ ругаетъ иностранцевъ-художниковъ, а что касается до меня, я глубоко уважаю иностранные таланты, и охотно ставлю выше своихъ—по убѣжденію. Ненавижу я иностранцевъ посредственныхъ и плохихъ, пріѣзжающихъ къ намъ подавать все наше и оставлять своихъ сыновъ на погибель своей народности“.

Но и послѣ неудачи съ образомъ Воскрес. Христ., И—въ не переставалъ интересоваться иконной живописью. „У меня еще секретъ,—повѣрялъ онъ брату своему 10 (22) сент. 1845,—который должны знать только трое, т. е. я, ты и Чижовъ, виновникъ его. Мы должны переговорить втроемъ о путешествіи въ отечество Кирилла и Меодія—этихъ двухъ славянъ, важныхъ служителей всей Россіи: они намъ принесли религію и съ нею поставили первый камень своего образованія. Чижовъ, путешествуя въ сихъ краяхъ, нашелъ много сокровищъ для себя, для тебя, какъ для архитектора, и для меня, какъ для живописца, старающагося узнать корень иконной живописи русской. Это тайна, которую ты не долженъ говорить даже батюшкѣ: онъ можетъ проговориться и нашъ замыселъ потеряетъ дѣятельность“.

Однако, этому не суждено было осуществиться. „Онъ (пейзажистъ Солдцевъ) мнѣ сказывалъ,—сообщалъ И—въ Чижову въ октябрѣ же,—что братъ его назначенъ, по именному повелѣнію, ѣхать въ Славянскія земли и въ Италию для срисовки всего, сопряженного русскимъ школамъ и деревнямъ. Вотъ наше проектированное путешествіе въ Албанію—хорошо, что еще русскому оно досталось“.

Въ связи съ желаніемъ изучить русс. иконную живопись находятся, вѣроятно, и хлопоты И—ва о поученіи „Памятн-

8. Эскизъ „Воскресенія изъ мертвыхъ“, раб. А. А. Иванова.

(изъ изд.: „Изображенія изъ Свящ. Писанія оставл. эскизовъ А. А. Иванова“, Берлинъ 1879—87, какъ и снимки подъ №№ 7, 10, 11, 12).

вовъ Моск. древности“ Снегирева, через посредство Шевырева, въ концѣ 1846 г., а также внимательное изученіе имъ трудовъ по Русс. исторіи Ардыбашева и Карамзина. „Вы противъ Ардыбашева?—пишетъ онъ тому же Шевыреву лѣтомъ 1846,—а мнѣ онъ нравится болѣе Карамзина: у Карамзина, прекраннымъ русскимъ слогомъ, очень вѣжливо и учтиво выглажены всѣ остроты, оригинальности и рѣкости, такъ что все, что свадѣ текста, въ концѣ книги, то лучше самой книги. Извините, пожалуйста, что я пустился говорить съ вами дерзко. Но, право, это только порывъ русскаго къ истинѣ“...

Ко времени исполненія эскизовъ образа „Воскрес. Христ.“ относится еще друг. работа И—ва: 41. „Рѣчь Христа на горѣ Элеонской о второмъ пришествіи“ (в. 10, ш. 14 верш.; вышъ у М. П. Вотиана).

Вѣчно заботясь, промѣ выисканія средствъ къ продолженію своего труда, еще о собственномъ самообразованіи, а также о направленіи занятій брата Сергѣя, пригтовлявшася уже къ заграничному путешествію, въ качествѣ пенсионера Акад. (прічемъ онъ составлялъ ему даже маршрут), И—въ не переставалъ заботиться и о другихъ русс. художникахъ въ Римѣ, рекомендуя ихъ своимъ вѣгательнымъ друзьямъ для доставленія имъ заказовъ и вообще занятій по худож. части, хотя зачастую встрѣчалъ, вмѣсто благодарности, однѣ только непріятности.

„Замѣть, пожалуйста, что въ Римѣ и вообще въ Италіи,—поиснятъ онъ брату 18 окт. 1845,—все оканчивается XVI-мъ столѣтіемъ; что все, что послѣ этой эпохи дѣлалось на свѣтѣ, едва знаютъ и по слуху и, слѣдоват., ни осламповѣ для архитектора, ни книгъ, ни матеріаловъ,—ничего нѣтъ, все дрянъ, все веши изъ Парижа“. „Пожалуйста, ты не дѣйся на Римѣ въ разсужденіи свѣдѣній,—подтверждаетъ онъ въ янв. 1846,—здѣсь только одна изначная архитектура на самой практикѣ, т. е. монументы стоять въ оригиналахъ всякаго рода. Но ученость и свѣдѣнія, описанія и измѣренія,—все, все въ Парижѣ и Лондонѣ, а потому ты веши съ собою книги о механикѣ и физикѣ“...

„Я былъ все свободное время занятъ (Солнцевымъ (Ег. Гр., пейзажистомъ), котораго теперь очень заучилъ,—сообщалъ И—въ Языкову лѣтомъ 1845: это брата золотая, русское золото, нужно, чтобы его обработать,—надежда вся на его 26 лѣтъ“; нѣсколько же поздѣе, въ октябрѣ того же года,—Языкову: „Но Солнцевъ дѣлалъ и хвастунъ, все хвалитъ себя и свою

работу—плохой знакъ для высоты художнической“. Затѣмъ И—въ хлопочетъ, лѣтомъ 1846, о доставленіи возможности Гр. К. Михайлову, какъ видно изъ ихъ переписки, къ наилучшему исполненію имъ портрета граф. С. П. Апраксиной „во славу русс. искусства“; пишется также, осенью 1844, о возвращеніи на худож. поприще В. А. Серебрякова; въ концѣ 1845—о Борисполдѣ и въ началѣ 1846—о Чмутовѣ; указываетъ Языкову или Шевыреву въ авг. 1844 (?) на Завьялова и Пименова, какъ особенно способныхъ занять мѣста профессоровъ „въ новой Акад. Худож. въ Москвѣ“ (т. е. въ Моск. Училищѣ живописи и валянія), а въ концѣ 1846, сообщая Шевыреву нѣск. мыслей въ разсужденіи Рисов. класса Московскаго, старается убѣдить, что „Завьяловъ для него—драгоценность: никто лучше его не знаетъ рисунокъ, такъ строго и учено. Еслибъ Завьяловъ обяненъ былъ въ творчествѣ и литературныхъ занятіяхъ, тогда бы онъ не имѣлъ терпѣнія быть учителемъ рисованія; но человекъ вообще самолюбивъ и, чѣмъ меньше вообще онъ имѣетъ даровъ отъ природы, тѣмъ болѣе онъ думаетъ, что ими владѣетъ; русскій же притомъ гораздо разсражательнѣе, потому что идетъ въ раздоръ жившихъ и живущихъ другихъ народовъ“... Наконецъ, любопытны поведенія И. о Сорокинѣ и Капковѣ. Прослышавъ, что первый работалъ на конкурсѣ вмѣстѣ съ Конст. Григоровичемъ, „а т. к. у него была весьма замѣчательная программа, Вас. Ив. Григоровичъ (конференцъ секретарь Акад. Худож.) далъ Сорокину мѣсто внутри Россіи, съ тѣмъ, чтобы не выставлялъ онъ своей картины“, И—въ пишетъ Молдеру 28 дек. 1848: „О Сорокинѣ я давно слышалъ, что онъ имѣетъ способности, какими никто еще не былъ надѣленъ изъ учившихся въ Академіи... Сами согласитесь, если все то, что тутъ сказано, правда, то уже величайшій подвигъ со стороны вашей будетъ, если Сорокина выручить изъ тѣмъ мірскихъ выгодъ на свѣтѣ Божій, въ Римѣ. Что касается до меня, то я готовъ тутъ употребить деньги на его путешествіе и первую его здѣсь обстановку“. Относительно втораго онъ прибавлялъ тутъ же: „Судя по отзывамъ Капкова, этотъ вашъ талантъ желалъ отдать себя въ жертву своимъ родителямъ и брату, то мы теперь должны видѣть въ этомъ только превосходную душу русскую и не допускать до паденія прекрасныхъ его способностей по искусству. Если онъ согласится жить со мной въ одномъ здѣсь

домѣ, то тутъ можетъ быть весьма полезная связь между молодымъ историч. живописцемъ и мною“.

Вотъ насколько И—въ былъ не только далеко отъ всякой зависти, какъ истинный талантъ, къ другимъ худож. силамъ, вновь появившимся на горизонтѣ, но еще расположенъ къ собственнымъ лишениямъ и неудобствамъ ради спасенія другихъ, въ комъ видѣлъ, хотя бы и ошибочно, хорошіе задатки. Поэтому совершенно справедливо онъ могъ писать неизвѣстному (б. м., Шевыреву) въ апрѣлѣ 1846, отклоняя предложеніе заняться, за врем. жалованье, надзоромъ надъ художниками при производствѣ копій, назнач. имъ отъ имп. Николая I въ Римѣ, Павіи, Флоренці и Болоніи. „Что же касается до меня, то студія моя, всегда закрытая для публики, открыта для моихъ родныхъ братьевъ русс. художниковъ,—это подтвердить самый младшій изъ нихъ. Жалованье за это брать я стыжусь и думать, хотя нахожусь въ совершенномъ безденежьи“. Вообще онъ былъ сильно противъ платы за подобный трудъ. „Мнѣ кажется, учитель въ Академіи на жалованьи изъ себя дѣлаетъ пошлаго чиновника“—писалъ онъ Шевыреву въ концѣ 1846.—Эту форму должно избѣгнуть въ будущемъ устройствѣ“ (т. е. въ Москвѣ).

1846—54.

Зато, какіе часто невзгоды преслѣдовали И—ва за его безкорыстныя заботы о другихъ. „Будучи свидѣтелемъ заказовъ царскихъ въ Римѣ для моихъ братьевъ русс. художниковъ“,—сообщаетъ онъ неизвѣстному (б. м., Смирновой) въ маѣ 1846, послѣ посѣщенія имп. Николая I,—я, какъ опытный художникъ, ввѣлся охранять ихъ распоряженія. Изъ этого безкорыстнаго самоотверженія и свободнаго дѣйствія моей души вылилось уланское чувство, за подписью Адлерберга, гдѣ видно, что Килъ (нов. начальникъ надъ русс. художниками въ Римѣ) почувствовалъ во мнѣ для себя надобность, вздумалъ обращаться со мною, какъ съ крѣпостнымъ человѣкомъ, и, не спрося моего ни мнѣнія, ни согласія, прямо написалъ бумагу, предстививъ меня какъ несостоящаго довѣренности шлуга Государю“...

Съ этимъ Килемъ у И—ва не разъ уже бывали непріятности. „Говорили,—писалъ онъ Гоголю еще въ нояб. 1844,—что у насъ будетъ, вмѣсто покойнаго Кривцова, Килъ, курляндецъ. Я его образъ мыслей знаю, и съ нимъ

уже имѣлъ ссору“; загнѣвъ, въ друг. письмѣ отъ февр. 1845: „Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы безъ его соприкосновенія къ моимъ дѣламъ могло бы устроиться мое положеніе“ или, еще разъ, 15 марта: „Я его рѣшился не пускать въ студию и къ нему не представляется: это, м. б., поведетъ меня къ бѣдамъ, но, скажите, какъ мнѣ быть?“ А нѣсколько ранѣе, въ письмѣ къ Смирновой отъ 12 февр. 1845: „Я еще предвижу самое грозное для меня—это Килъ. Десять лѣтъ назадъ я съ нимъ имѣлъ небольшую непріятность, которую онъ мнѣ не забудетъ теперь вместе... Маракія что-то такое акварелью, въ глазахъ свѣта это даетъ ему право быть судьей художниковъ. Благодарилъ бы я судьбу, еслибы ваджика моей студіи не отворилась бы ни для кого уже“... Однако, ему не удалось избѣгнуть новыхъ столкновеній съ новымъ начальникомъ надъ русс. художниками въ Римѣ, а потомъ и съ секретаремъ дирекціи Зубковымъ. Хотя И—въ, получивъ предписание отъ послѣдняго ждать г.-м. Киля, какъ завѣдующаго Высочайшими заказами въ Римѣ, у себя въ мастерской въ опредѣленный день и часъ (5 янв. 1847, отъ 10 до 12 дня), и отвѣтилъ Зубкову, что, работая безостановочно надъ своею картиною въ виду данной при полученіи денегъ отъ Государя подписки въ скорѣйшемъ ея окончаніи, онъ не можетъ удѣлить ни сколько времени для приѣма посѣтителей, почему и отказывается въ томъ же какъ самымъ близкимъ ему людямъ, такъ и глубоко уважаемымъ имъ госуд. лицамъ,—этимъ дѣло не ограничилось, и тогда И—въ составилъ цѣлый проектъ о преобразованіи инспекціи надъ русс. художниками въ Римѣ. По этому проекту, Гоголь долженъ былъ вступить на службу секретаремъ русс. художниковъ при кн. Г. П. Волконскомъ (сынѣ министра Имп. Двора), какъ главнымъ руководителемъ Киля; Чижову должны были предложить званіе агента (на мѣсто Зубкова, о чемъ И—въ писалъ уже ему осенью 1846); Килъ же оставался бы только попечителемъ „художниковъ 3-го званія, имѣющихъ надобность въ помощи“ и передавалъ бы векселя пенсіонерамъ. „Вся ваша дѣятельность—сообщалъ онъ Гоголю 22 янв. 1847—будетъ писать отчеты обо всѣхъ насъ, во все продолженіе окончанія моей картины. Вы, геніальнымъ перомъ вашимъ, приготовите Государю на вѣрную оцѣнку нашихъ художническихъ произведеній, которыя, въ продолженіе этого же времени, будутъ имѣть свое окончаніе. Отчеты будутъ печататься по Высочайшему повеленію, и, слѣдоват., приготовлять

публику русскую понимать величіе и высоту художника русскаго.. Должность его (Чижова) будетъ замѣнять начитанность художническую, т. е. овъ, вмѣсто насъ, будетъ читать книги необходимыя на разныхъ явкахъ и выносить намъ оттуда результаты, приспособленныя къ художнической точкѣ зрѣнія, изъ чего, вы, пожалуй, составите книгу для образованія молодыхъ, будущихъ въ Россіи, художниковъ. Къ этому овъ знаетъ математику—сѣдловатъ, ну жень и архитекторамъ. Ему будетъ вѣрена и библиотека, которой приращеніе будетъ зависѣть отъ васъ и общаго совѣта нашего, подѣ руководительствомъ князя. Овъ будетъ имѣть казенныя двѣ комнаты на сей конецъ. Князь можетъ тогда оставить доктора и эти деньги обратить на покупку книгъ“.

Но этотъ проектъ принесъ И—ву, вмѣсто пользы еще больше бѣдъ, чѣмъ все остальное. Овъ могъ поспорить его съ Чижовымъ и сильно поколебала прежнія отношенія съ Гоголемъ. Въ первомъ случаѣ дѣло обошлось гораздо проще, благодаря чрезвычайной мягкости профессора¹⁾, но во второмъ — произошло почти полный разрывъ. Сознавъ свою ошибку, И—въ писалъ Чижову въ началѣ 1848: „Неопытность моя въ обращеніи съ людьми срамить меня на каждомъ шагѣ и особливо въ письменныхъ выраженіяхъ. Я долженъ, наконецъ, сказать, что много пострадалъ въ этомъ году отъ (своихъ) писемъ къ друзьямъ. Однакожъ, ваше отъ 24 декабря непремѣнно вызываетъ меня на это дѣло. Богу угодно, чтобы страданіями приобрѣталъ я опытность. Прошу предварительно снизить къ выраженіямъ: я не литераторъ. Прошу также взять въ соображеніе, что человекъ всегда находится подѣ какой-нибудь минутой его страсти, которая иногда овладѣваетъ и самими разумомъ. Однимъ словомъ, пригото-

¹⁾ На сколько вообще деликатенъ былъ въ своихъ выраженіяхъ Чижовъ—видно изъ слѣд. словъ письма его къ И—ву отъ 11 іюля 1848: „Гоголь сдѣлалъ очень хорошо, что написалъ вамъ дружескій выговоръ; но, мой добрый ширъ Ал. Андр., никакіе выговоры васъ не исправятъ,—не сердитесь на меня за это. Возросши и сформировавшись въ тишинѣ вашей мастерской, вы каждое происшествіе, хотя на шагъ отступающее отъ обычнаго хода вещей, считаете уже потрясеніемъ... Дорога жизни велика, ...дорога жизни длинна; пора привыкать встрѣчать и неудачи. ...А вамъ нѣтъ возможности жить безъ заботъ“.

тес мнѣ прощать. Къ чему каждый изъ насъ призванъ—это, мнѣ кажется, мы ни одинъ не можемъ разгадать. Углубляясь болѣе и болѣе въ собственную свою душу, я всегда объ одномъ только забочусь: чтобы въ предположеніяхъ моихъ никого не насловать и ни надѣ кѣмъ не владычествовать“. Затѣмъ, нѣсколько позже: „Опять я въ искушеніи, опять пашу, опять боюсь. Въ послѣднемъ письмѣ... все-таки проглянуло у васъ какое-то неудовольствіе за тѣ, (что) я васъ назвалъ полдневнымъ для нашего художническаго міра, тогда какъ я не только не хотѣлъ васъ этимъ обидѣть, но истинно утѣшить. Благообразие требуетъ восторжествовать надъ недоразумѣніями, и хотя бы стоило обоюдныхъ страданій, все прокладывать дорогу новымъ разъясненіямъ чувствъ и мнѣній. Изъ всего, что случается кругомъ меня, я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что пока художникъ русскій не вступитъ въ печатный бой съ отечественными литераторами, до тѣхъ поръ не встать искусству крѣпко и прочно на свои собственные базы. А чѣмъ это начнешь, какъ не письмами?“ На этомъ, судя по дальнѣйшей взаимной перепискѣ, и окончилась временная размолвка между двумя друзьями, если вообще можно такъ назвать эту мимолетную тѣнь, легшую было на ихъ отношенія.

Не такъ легко было поладить съ Гоголемъ, задѣтымъ за живое еще прежней запиской И—ва о возлагаемыхъ на него надеждахъ на пріѣздъ молодого гр. В. В. Апраксина, общающаго ему устроить его дѣла, о которыхъ вѣздя уже хлопоталъ Гоголь. Раньше того, по поводу письма И—ва изъ Неаполя отъ осени 1846 объ его неурядицахъ съ Зубковымъ, о предложеніи имъ этого мѣста Чижову и о вѣктор. недоразумѣніяхъ съ Апраксиной, овъ писалъ своему другу 7 нояб.: „За него (т. е. за назв. письмо) сѣдловало бы васъ крѣпко выbranить, еслибы я не зналъ, что подобно мадохушѣ — не отъ васъ, а отъ нервъ вашихъ. Въ каждой строкѣ письма вашего слышно, что нервы ваши спалаты и бунтуютъ, не давая вамъ ни минуты покою. Охота вамъ заниматься всѣми внѣшними. Гнали бы свою картину и ничего болѣе — и все бы само собою пошло хорошо. Нѣтъ, вижу я слишкомъ хорошо, что у васъ нѣтъ полной любви къ труду своему“!. Теперь же овъ, столь нѣжно заботившійся о своемъ другѣ, постоянно утѣшавшій его во всѣхъ его невгодахъ и дававшій ему разные совѣты, не

стѣснясь ничѣмъ, обращаться по нѣскольку разъ то въ тому, то въ другому вліятельному лицу для устройства его дѣла, вдругъ написалъ истинно благоговѣвшему передъ нимъ человѣку (12 дек. 1846): „Въ жизнь мою еще не встрѣчалъ такой безпокойной головы, какъ ваша. Вамъ чудится и представляется, что о васъ должны всѣ хлопотать и метаться, какъ угорѣлая кошка, точно такимъ же самымъ образомъ, какъ вы мечетесь во всѣ стороны и углы, по поводу даже всякаго ничтожнаго, не только важнаго дѣла. ...Вы всѣмъ надобли и я не удивляюсь, почему даже Чижевъ пересталъ къ вамъ писать... Рѣшаюсь, собравши все свое терпѣніе, изъ котораго вы способны вывести всякаго человѣка, повторить вамъ въ послѣдній разъ: сидите смиренно, не каверничайте по вашему дѣлу (потому что вы не умѣете поступать въ своемъ дѣлѣ благородно и здраво, а все дѣствуете какими-то переулками, которые рѣшительно похожи на интриги), не безпокойте никого, молчите и не говорите ни съ кѣмъ о нашемъ дѣлѣ“...¹⁾

Видно, по отправленіи этого письма, Гоголь писалъ опять И—ву: „Вѣрно, вы не молитесь, ни душно молитесь. Еслибы вы молились такъ, какъ слѣдуетъ, письмо мое принесло бы вамъ радость, а не огорченіе... Много я бы далъ за то, еслибы кто нибудь написалъ [мнѣ] письмомъ того же самаго содержанія и въ такихъ же самыхъ жесткихъ выраженіяхъ. Истинно говорю вамъ, что я... поблагодарилъ бы человѣка, который твердо говоритъ мнѣ оставить заботу о своемъ дѣлѣ и положить на него. ...А вы не проникли даже въ смыслъ письма, въ простое содержаніе, доступное всякому простому человѣку, потому что видите всѣ вещи такъ, какъ представляютъ ихъ вамъ распаленные глаза ваши, а не

¹⁾ Если Г. писалъ прежде нѣчто подобное И—ву, то гораздо сдержаннѣе, какъ, напр., 17 мая 1843: „А у васъ есть тотъ грѣхъ, что вы никогда не обдумываете дѣла, да и не можете обдумывать, потому что для этого нужно быть въ хладнокровномъ расположеніи духа. А вы взволнованы. Въ одинъ и тотъ же день вы уже успѣли къ тремъ написать письма, и письма безпокойныя. Вы будете отговариваться вашимъ характеромъ, который живо принимаетъ къ сердцу всякое дѣло и способенъ волноваться, но въ такомъ случаѣ вы должны сообразоваться съ вашимъ характеромъ, т. е. не предпринимать ничего до истеченія по крайней мѣрѣ двухъ дней послѣ всякаго полученнаго извѣстія“.

такъ, какъ онѣ есть дѣйствительно. Письмо, къ вамъ писанное, было писано вовсе не съ тѣмъ, чтобы бить лежащаго, но чтобы поднять того, который иво всѣхъ силъ старается лежать и валяться“.

Затѣмъ, желая своему другу накануне новаго русскаго года, „чтобы онъ исполненъ былъ для него благодати небесной“, Гоголь прибавлялъ: „За мои два письма, нѣсколько жесткія, не сердитесь. Что жъ дѣлать, если я долженъ именно такія, а не другія, письма писать къ вамъ“ — и послалъ ему въ утѣшеніе свою молитву.

И уже послѣ всего этого, онъ отвѣчалъ (4 февр. 1847) И—ву, написавшему ему: „Не отвѣчаю ни на одно изъ трехъ вашихъ писемъ, потому что отвѣтъ боюсь поѣрить бумагѣ, только при свиданіи лично вы замѣтите: виновать я, или нѣтъ“, — въ такомъ духѣ: „Я съ изумленіемъ прочелъ ваше письмо, недорумывая, ко мнѣ ли оно писано? Предложеніе ваше, сдѣланное въ прошломъ году Чижеву, котораго вы хотѣли сдѣлать секретаремъ,—положимъ еще могло имѣть какой нибудь смыслъ, потому что Чижевъ занимался этой частью и пригтомъ не избралъ себѣ никакого отдѣльнаго поприща; но и ему неприлично было такое мѣсто: какъ бы то ни было, онъ профессоръ и пригтовилъ себя вовсе не для того, чтобы сыграть роль чиновника для письма. Но сдѣлать мнѣ такое предложеніе—ужъ этого сюррирва я никакъ не могъ ожидать“)... Но все это вдругъ вышло у васъ изъ головы, какъ бываетъ со всѣми тѣми людьми, которые не умѣютъ ничего хорошенько сообразить и обо всемъ порядочно подумать. И какой странный, рѣшительный тонъ письма: такой-то долженъ быть тѣмъ-то... Наконецъ, мнѣ самому предписаны границы и предѣлы моихъ занятій, такъ что я невольно спросилъ: да чья же здѣсь воля изъ-

²⁾ Быть можетъ, Г. еще отъ того былъ такъ разсерженъ предложеніемъ И—ва, что онъ уже раньше писалъ ему (20 сент. 1841): „Кривцовъ твердо увѣренъ, что я иду у него мѣста, и сказалъ Жуковскому, что онъ для меня приберегъ удивительное мѣсто—мѣсто библиотекаря еще поважнѣе на существующей библиотеки. Итакъ, вы видите, что у васъ штатъ готовится огромный и на широкую ногу. Я однакожъ, какъ вы сами догадаетесь, за мѣсто поблагодарилъ, сказавши, что хотя бы Кривцовъ предложилъ мнѣ свое собственное мѣсто, то и его бы не взялъ, по причинѣ другихъ дѣлъ и занятій“.

является. По слогу письма можно бы подумать, что это пишетъ полномочный человѣкъ: герцогъ Лейхтенбергскій или князь П. М. Волконскій по крайней мѣрѣ. Всякому выдвчаво и съ генеральскимъ спокойствіемъ указывается его мѣсто и назначеніе. Словомъ, какъ бы распрощался здѣсь какой-то крѣпшш, а вовсе не тотъ человѣкъ, котораго въ силахъ смутить и заставить потеряться на дѣльнй мѣсяць первая бумага Зубкова. Миѣ опредѣляется и постановляется въ законъ писать пять отчетовъ въ годъ—даже и число выставлено! И какия странныя выраженія: писать я ихъ долженъ геніальнымъ перомъ. Стоять отчеты ни о чемъ—геніальнаго пера?.. Какое странное ребячество въ мысляхъ и какое неразуміе даже въ словахъ, въ выраженіяхъ... Пора бы вамъ уже, наконецъ, перестать быть ребенкомъ! Но въ всякихъ новыиъ подвигомъ вашимъ, какъ бы нарочно стараетесь подтвердить разнесшуюся нелѣпную мысль о вашемъ помѣшательствѣ... Ради Христа, гоните этого духа искушенія, присущаго вамъ, оболочающаго васъ, разгорчающаго воображеніе ваше, поселяющаго въ васъ большое надменіе самимъ собой и увѣренность въ умъ своеиъ, вставляющаго васъ влюбляющаго въ собственныя мысли, изъ которыхъ нынѣ, если и не глупы въ основаніи своемъ, то выростаютъ у васъ въ такомъ видѣ, что скорѣй походятъ на бредъ човѣка въ горячкѣ!..

Можетъ статься, отвѣтомъ на это должно было служить слѣд. письмо, сохранившееся въ записной книжкѣ И—ва (Рукоп. Румянц. Музея, № 2194), да не отправленное по назначенію: „Вы на меня разсердились, и это для меня всего неприятнѣй. Это правда, я не успѣлъ совершенно обдумать послѣдняго моего письма, а потому и вы его не такъ поняли. Писать о дѣлахъ моихъ я къ вамъ больше не буду—было бы совсѣмъ безрасудно изъ-за какого-нибудь неудачнаго выраженія терять, что досталось не легко—драгоцѣнное знакомство съ вами. Постараюсь, подъ защитой молчанія, не тратить моихъ силъ ни на что другое, какъ на мое дѣло въ студии. Съ этой теократической системой все приметъ свою существенную законченность и, что всего важнѣе,—я успѣю возвратитъ опять вамъ прежде ко мнѣ расположеніе“...

Самъ Гоголь, пожалуй, въ тотъ моментъ не имѣлъ полнаго представленія о томъ, какое собственно дѣйствіе должны были произвести на впечатлительнаго И—ва подобию его письма, и потому, нѣсколько позднѣе, писалъ

ему, какъ ни въ чемъ не бывало, съ гр. Ив. Петр. Толстымъ (братомъ графа. С. П. Апраксиной) и его женой (рожд. граф. Строгановой), 25 марта того же года (очевидно, до полученія к. л. писемъ): „Миѣ кажется, что непременно нужно, дабы всѣмъ сдѣлалось известно и очевидно ваше положеніе. Теперь же, я думаю, вы больше спокойны, чѣмъ прежде, а потому можете рассказать все, что претерпѣли,—покойно, не жалуясь ни на кого, не обвиняя никого, изобраая только вѣрную картину испытаній, черезъ которыя провелъ васъ Богъ. Не нужно скрывать ничего въ своей исторіи, ни даже черныхъ несправедливостей, вамъ оказанныхъ (въ словахъ должно быть всегда справедливо), но нужно рассказать такъ, чтобы слушающій васъ оставилъ въ сторонѣ судъ надъ врагами вашими (подобно вамъ самимъ) и проникнулся бы въ такой степени участіемъ къ тому положенію, въ какомъ можете оказаться всякій истинный художникъ, взглянувшій на трудъ, какъ на святое дѣло, что сталъ бы горой за васъ и употреблялъ бы съ тѣхъ поръ все, чтобы образумитъ тѣхъ, кому слѣдуетъ взглянуть разумно на всѣ эти вещи... Нѣчто, какъ о вашей картинѣ, такъ и о положеніи нашемъ, какъ художника, сказано мною въ одномъ изъ моихъ писемъ, напечатанныхъ отдѣльною книжкою [„Выбр. мѣста изъ переписки съ друзьями“]. Книги этой я не получилъ, а потому и не могу знать, что изъ этого письма оставлено, а что выброшено. А было бы хорошо, еслибы это письмо было доведено цѣликомъ до свѣдѣнія публики. Совѣтую вамъ также не гнѣваться на тѣ мои жесткія письма, которыя я писалъ къ вамъ изъ Неаполя. Повѣрьте, что ихъ полезно перечитывать, несмотря даже и на то, еслибы они были совершенно несправедливы. Говорю вамъ это по опыту. Если имѣете что сказать миѣ, обратитесь къ графу, или, лучше, графинѣ, и она миѣ это передастъ“.

Но И—въ отвѣтилъ Г. только слѣд. строками (въ апрѣлѣ того года): „Получилъ письмо ваше отъ графа. Толстой, но, т. к. письма ваши изъ Неаполя превышали всѣ неприятности, какия миѣ случались претерпѣть въ эту зиму, то я рѣшился оставить это ваше письмо не распечатаннымъ, дабы не пострадала снова... Если уже вамъ очень нужно что-нибудь отъ меня, то гораздо миѣ легче къ вамъ пріѣхать въ Неаполь, чѣмъ прочесть ваше письмо. Скажите черезъ кого-нибудь, и я сейчасъ пріѣду“.

Исполнив, однако, немедленно порученіе Гоголя, сдѣланное въ предыд. письмѣ, насчетъ пересылки его письма Чижову, И—въ получилъ отъ своего друга новое письмо отъ 22 апр., гдѣ тотъ писалъ ему между прочимъ: „А вы будьте покойны и не страшитесь больше отъ меня никакихъ писемъ. Упрековъ отъ меня больше не будетъ. Будьте беззаботны насчетъ будущаго: оно въ рукахъ Того, Кто всѣхъ насъ умнѣе. Мы съ вами переговоримъ и перетолкуемъ на словахъ обо всемъ тихо, разсудительно и такъ, что останемся оба довольны другъ другомъ. Затѣмъ обнимаю васъ, а вѣстѣ съ вами и вашего добраго братаца“... И, вслѣдъ вагѣмъ, другое—отъ того же числа (несправедливо отнесенное Кудшметъ, какъ и предыдущее, и послѣдующее,—къ 1845 г.): „Едва только я написалъ къ вамъ письмо, какъ получилъ отъ вашего братаца извѣщеніе о томъ, что вы сдѣлались больны. Въ тотъ же часъ я отправился къ Циммерману, и передаю вамъ все, что онъ сообщилъ... Ради Бога успокойтесь и не смущайте себя ничѣмъ. Мнѣ очень прискорбно, если я участвовалъ также неужтѣсными моими письмами къ вашему огорченію. Но возложите несокрушимое упованіе на Бога: Онъ васъ вынесетъ отсюда. Обо всемъ прочемъ переговоримъ лично“.

Въ то-же время Гоголь писалъ 24 апр. изъ Неаполя неизвѣстному (безъ сомнѣнія, Моллеру): „Я получилъ отъ брата Ал. Андр. Иванова извѣстіе, что самъ Ал. Андр. боленъ стѣсненіемъ въ груди, съ просьбою, чтобы я посовѣтовался по этому поводу съ Циммерманомъ. Я отправился тотъ же часъ къ Ц. и все, что получилъ отъ него въ отвѣтъ, написалъ въ письмѣ, пущенномъ отсюда третьяго дня. А потому прошу васъ убѣдительно — немедленно навѣдаться къ И. и узнать, получилъ ли онъ это письмо вмѣстѣ съ другимъ предыдущимъ, стравленнымъ того же дня. Оба были адресованы въ кафе Гресо [куда И—въ могъ не ходить]. Если жѣ, на случай, онъ ихъ не получилъ, то вотъ вамъ вѣковъ предписаніе Ц-на.. А потому объявите объ этомъ И—ву. Скажите также, что о немъ, т.-е. относительно его дѣла, кое-что переговорено. Но самое лучшее съ его стороны даже и не помышлять, ни разспрашивать никого объ участи его дѣла. Я хотя человекъ самъ по себѣ и не важный, но устроилъ такъ, что въ Петербургѣ всѣмъ обнаружилось производительное дѣло картинъ И—ва [благодаря письму въ „Выбр. мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“] и теперь смекнули даже и не-

дальние умы, что И—ва торопить никакъ не слѣдуетъ. Я это ему давалъ знать и въ письмахъ, которыя такъ огорчили его (что для меня до сихъ поръ загадка), прося его положить хоть сколько нибудь на меня и не безпокоиться. Но я не знаю, почему онъ не повѣрилъ моимъ словамъ тогда, (а) когда, послѣ меня, Апраксинъ, молодой человекъ, почти ему знакомый, сказалъ ему тѣ же слова, не объясняя даже причинъ, на которыхъ онъ ихъ основалъ, и онъ (И—въ) ему повѣрилъ и успокоился. Правда, въ письмахъ моихъ были жесткія слова, но я ихъ нарочно наставилъ съ тѣмъ, чтобы дать ему случай этими же самыми словами прекратить себя самого за свое малодушіе. Слова эти были тѣ же самыя, которыя я употреблялъ весьма часто и въ разговорахъ, и за которые онъ никогда не сердился. Но теперь только вижу, какаѣя разница сказать то же самое въ письмѣ и на словахъ. Скажите ему, что я прошу у него прощенья. Я не только не думалъ оскорблять его, но даже хотѣлъ излѣчить отъ безпокойства и, какъ плохой докторъ, не попалъ, какъ слѣдуетъ, въ болѣзнь. На письмо это отвѣтъ напишите немедленно, чтобы я зналъ, что оно вамъ получено“.

Вроятно тогда-то И—въ и отвѣчалъ Гоголю: „Я былъ очень встревоженъ вашимъ письмомъ изъ Неаполя [т. е. прежнимъ], и подъ влияніемъ сихъ безпокойствъ, послалъ вамъ мое послѣднее. Вы подробности не знаете моего положенія; слѣдоват., строго говоря, нельзя мнѣ васъ винить, и потому пока, какъ есть дѣло, я прошу у васъ извиненія за то, что такія письма мои послѣднія были извѣстной страсти, изъ чего вышла новая бѣда. Чтобы не вадѣтъ никого, я молчу, даже писалъ къ вамъ: молчаніе точно есть единственное средство въ настоящую минуту. Скажу одно, что тогда только чувствую себя вполнѣ сильнымъ, спокойнымъ и даже способнымъ служить другимъ, когда нѣтъ покушенія на мою независимость. Въ бесѣдахъ съ вами, и только съ одними вами духъ мой не утомляется. Вы знаете, что мнѣ сказать, и что не говорить. Вы меня любите глубоко мудрымъ образомъ, но васъ нѣтъ на лицо, а поставленъ все въ какое-то столкновеніе съ людьми, и, никогда не имѣя случая звучить ихъ, мучаюсь въ этой каторжной работѣ“.

Хотя Гоголь и предполагалъ видѣться лично съ И—вымъ въ Римѣ — 12 мая, но невѣстно, состоялось ли это, т. к., судя по его письму къ Смирновой,—20-го числа онъ

былъ уже въ Генуѣ, а 18-го июня писалъ И—ву изъ Франкфурта: „Отъ васъ я давно не имѣю никакихъ вѣстей... Напишите хотя два словечка. Я все время хворалъ... Но все-таки имѣю желаніе и намѣреваюсь ѣхать къ вамъ... на осень и зиму въ Римъ... Пишите мнѣ въ Гастейнъ, куда я ѣду теперь же... Самъ же я все еще не въ силахъ много писать“

Отвѣтное письмо И—ва было „нѣсколько темновато“, поэтому Гоголь не зналъ: „будетъ ли въ попадѣ его отвѣтъ“ изъ Остенде отъ 24 іюля (отнесенный Кулишомъ неправильно къ 1844 г.). „Не позабудьте—писалъ онъ,—что вы находитесь въ состояніи того нервическаго размягченія, когда все чувствуется сильнее и глубже—удовольствія и непріятности... Но нужно помнить, что Творецъ высшихъ ощущеній есть Богъ, возвышающій наше сердце до нихъ, а не самый тотъ предметъ, который, повидимому, произвелъ ихъ. Я не понимаю также хорошо, вачѣмъ именно вы привели слова еванг. Луки. Если вы подумали о какомъ домашнемъ очагѣ, о семейномъ бытѣ и женщинѣ, то сами знаете—рядь ли эта доля для васъ! Вы—лицій, и не имѣть вамъ такъ же угла, гдѣ приложить голову, какъ не имѣть его и Тотъ, Котораго пришествіе дерзаете въобразить кистью! А потому евангелисте правъ, сказавши, что иные уже не свяжутся никакими земными узами. Но оставимъ рѣчи о томъ, что въ разговорѣ можетъ объясниться, а не на письмѣ“.

Отказываясь въ своемъ отвѣтѣ сообщать о своей жизни и обѣдая все рассказывать при свиданіи, И—въ прибавлялъ: „Если, однакожъ, вы прежде сознаетесь сами, что обидѣли меня многими выраженіями въ письмѣ вашемъ“, и затѣмъ говорилъ въ заключеніе: „Что касается до моихъ недоразумѣній, то я надѣюсь, что они все вдругъ разрѣшатся съ окончаніемъ моей картины, а до тѣхъ поръ я бы весьма желалъ и все употребляю, чтобы все и вы считали меня за мертваго человѣка. Этимъ спасется мое время, сосредоточатся силы, стоить нужнымъ въ совершенному окончанію дѣла. Избавится душа отъ страданій, какія безпрестанно являются отъ различныхъ несовершенствъ соприскасающихся ко мнѣ людей“.

Дошло ли это письмо по назначенію или вообще переписка приостановилась на время, но 5 дек. Гоголь снова пишетъ И—ву изъ Неаполя: „Давно уже я о васъ не имѣю никакихъ вѣстей. Пожалуйста, уведомляйте меня отъ времени до времени о себѣ, о томъ, что дѣлается какъ въ васъ, такъ и около васъ. Не

опасайтесь отъ меня жесткихъ писемъ: я ихъ теперь даже и не сужу написать, ибо вижу, что если и нужно кого попрекать, такъ это больше себя, а не другого“...

„Очень приятно мнѣ было,—отвѣчалъ И—въ (какъ видно изъ его вапшской книжки въ Руманск. Музеѣ)—чувствовать письменное преобразование ко мнѣ отъ 5 декабря“, хотя и находилъ это „совершенно несообразнымъ съ своимъ настоящимъ положеніемъ“. „Я бы желалъ молчать—прибавлялъ онъ,—ибо въ этомъ только нахожу свое спасеніе“, а въ заключеніи говорилъ: „Герценъ сильно возстаетъ противъ вашей послѣдней книги [„Выбр. мѣста изъ переписки съ друзьями“]—жалъ, что я ее не читалъ... Племянница моя почувствовала ко мнѣ глубокое уваженіе вслѣдствіе вашего обо мнѣ тамъ письма. Отецъ началъ посылать деньги. Академія устыдилась и изумилась и, полагаю, что вслѣдствіе сего ко мнѣ на полгода (выслала) содержаніе“.

Отвѣтомъ на это служило письмо Гоголя отъ 14 декабря слѣд. содержанія: „Благодарю васъ за письмо, несмотря на то, что въ немъ и немного говорите о себѣ самомъ. Боритесь, крѣпитесь! Вотъ все, что должно говорить на этой страждущей землѣ человѣкъ человѣку. А потому, вѣроятно, и я скавалъ бы вамъ эти же самыя слова, еслибъ вы что-нибудь написали о вашемъ состояніи духа. И такъ, вы правы, что умолчали... Помните, что ни на кого въ мірѣ нельзя возложить надежды тому, у кого особенная дорога и путь, непохожіи на путь другихъ людей. Совершенно понять ваше положеніе никто не можетъ, а потому и совершенно помочь вамъ никто не можетъ въ мірѣ. Какъ вы до сихъ поръ не можете понять хорошенько, что вамъ безъ Бога ни до порога, ни до лоса, вы должны молиться, чтобы день вашъ и наступилъ, и прошелъ благополучно—безъ помѣхи, чтобы Богъ далъ вамъ силъ, даже если и случится похѣзательство, не возмутитесь оттого! Но довольно объ этомъ. Поговоримъ о прочемъ въ вашемъ письмѣ. Герцена я не знаю, но слышалъ, что онъ благородный и умный человѣкъ, хотя, говорятъ, чертъ-чуръ вѣритъ въ благодатность нынѣшнихъ европ. прогрессовъ и потому врагъ всякой русской старины и коренныхъ обычаевъ. Напишите мнѣ, какимъ онъ показался вамъ, что онъ дѣластъ въ Римѣ, что говоритъ... Я не знаю, что вы не читали моего письма: я думалъ, что вы прочли всю мою книгу у С. П. [Апраксиной] въ Неаполѣ. Если вы любопытны знать

его, то посылаю его при семь, выдравши изъ книги. А книгу привезеть вамъ С. П. Я не знаю, сдѣлано ли мое письмо что-нибудь въ вашу пользу, но, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда я его писалъ, я былъ увѣренъ, что оно у васъ нужно“.

Въ отвѣтъ на послѣднее письмо И—въ писалъ Гоголю, очевидно, въ томъ же мѣсяцѣ (а не въ началѣ 1848, какъ напечатано въ изд. Боткина): „Какъ ни заикался я ни къ кому не писать писемъ, но ваша статья обо мнѣ насильно водитъ перо и руку. Цѣлую и обнимаю васъ въ знакъ совершеннаго съ вами примиренія и возвращаюсь опять въ то положеніе, когда, смотря на васъ съ глубочайшимъ уваженіемъ, вѣрилъ и покорствовалъ вамъ во всемъ. Я вполнѣ былъ увѣренъ, что посредникомъ между художниками и высшимъ начальствомъ, кромѣ васъ, никто не можетъ быть. Чѣмъ скорѣе вы тутъ будете, тѣмъ менѣе мы понесемъ страданій, которыя, за неимѣніемъ такого человѣка, какъ вы, обрушиваются на лучшихъ, въ особености на меня. Вотъ все, что я могу сказать... Одно мнѣ позволяете возразить противъ слѣд. словъ вашей статьи: „Ивановъ ведетъ жизнь истинно монашескую“, — и очень бы не отказался имѣть женой монахиню—женщину, занятую преслѣдованіемъ собственныхъ своихъ пороковъ! Я опять испугался людей, чувствую себя нѣсколько разстроеннымъ, и потому боюсь въ этомъ положеніи являться обществу. Вотъ почему и къ Герцену нейдю. Новое политическое состояніе Рима (послѣ революціи) требуетъ большаго времени, чтобы замѣтить важныя и истинныя плоды“..

Въ свою очередь Гоголь отвѣчалъ И—ву 28 дек.: „Очень радъ, что мое письмо о васъ показалось вамъ удовлетворительнымъ... Нападенія на книгу мою отчасти справедливы. Я ее выпустилъ весьма скоро послѣ моего бодреннаго состоянія, когда ни нервы, ни голова не пришли еще въ надлежащій порядокъ. Я поторопился точно такимъ же образомъ, какъ любите торопиться вы, и впутался въ дѣло прежде, чѣмъ показалъ на это право свое. Нужно было не соваться прежде, чѣмъ не сдѣлаешь свое собственное дѣло, и копаться около него, закрывши глаза на все, но пословицѣ: знай, сверчокъ, свой шестокъ! Этой поспѣшностью я даже повредилъ многому тому, что хотѣлъ защитить... Каковы нынѣшнія ваши обстоятельства: смущенія и заботы, — я не знаю; но, впрочемъ, смущенія и заботы—въ

изобиліи, какъ у всякаго очень чувствительнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ скажу вамъ то, что говорю самому себѣ, что осталось въ результатѣ изъ всей моей опытности и мудрости, какія только пребываютъ въ моей блѣдной головѣ. Работая свое дѣло, нужно твердо помнить, для кого его работаешь, имѣя безпрестанно въ виду того, кто заказалъ намъ работу. Работаете вы, напр., для земли своей, для вознесенія искусства, необходимаго для просвѣщенія человѣка, но работаете потому только, что такъ приказалъ вамъ тотъ, кто далъ вамъ всѣ орудія для работы. Стало быть, заказыватель Богъ, а не кто другой. А потому его одного слѣдуетъ знать... Только мысля такимъ образомъ, мнѣ кажется, можно остаться покойнымъ среди всего. Кто же не можетъ такимъ образомъ мыслить, въ томъ, значитъ, еще много есть тщеславія, самолюбія, желанія временной славы и земныхъ помысловъ. И никакими средствами, покровительствами, защитеніями не спасетъ онъ себя отъ безпокойства“..

А вслѣдъ затѣмъ Г написалъ И—ву уже 16-го янв. 1848, надо полагать, въ отвѣтъ на несохранившееся письмо: „Чтобы не осталось чего-нибудь между нами, уведомляю васъ, что въ писемъ моемъ я не имѣлъ никакого намѣренія упрекнуть васъ. Напротивъ, я хотѣлъ только показать вамъ, что я ничуть не умнѣе васъ во многихъ дѣлахъ. Если вы прочтете еще разъ мое письмо, то почувствуете это сами. Бога ради, не будьте такъ подозрительны и не приписывайте простымъ словамъ какого то сокровеннаго смысла, желанія васъ обидѣть какимъ-то обиднымъ заключеніемъ. Этимъ подозрѣніемъ вы, во-1-хъ, себѣ самому нанесете много смущенія и всякаго горя. Скажу вамъ истинно и откровенно, это я никогда въ васъ не подозрѣвалъ никакой хитрости; но было время, когда я нарочно хотѣлъ кольнуть васъ и попрекнуть нѣкоторыми писемъ, желая васъ заставить ввать нѣкоторую власть надъ самимъ собою и устыдиться своего малодушія. Это было сдѣлано неловко. Пожалуйста, сожгите всѣ мои письма. Я теперь вижу, какъ разныя человѣческія природы и какъ нельзя судить по себѣ о другихъ. Вы пишете о желаніи со мною увидѣться; но для этого никакъ не будетъ времени. Какъ ни пріятно мнѣ тоже васъ видѣть, но чувствую, что ничего не могу теперь сказать вамъ нужнаго. Я занятъ теперь совершенно самимъ собою и столько вижу въ себѣ достойнаго осужденія и упрековъ, что не въ силахъ ни осудить кого бы то

ни было, ни дать умнаго совѣта. Чувствую только, что прежде всего слѣдуетъ заняться душой своей, хотя я самъ не знаю, какъ это сдѣлать. Что же касается до житейскихъ заботъ и обстоятельствъ, то они теперь у всѣхъ плохи—положеніе всѣхъ затруднительно. Все это заставляетъ меня не подлагать на то, что будетъ, и ускорить отъѣздъ мой въ св. Землю⁴.

Послѣ этого, въ отвѣтъ на извѣщеніе Гоголя отъ 14/26 апрѣля о благополучномъ совершеніи путешествія въ Иерусалимъ, И—въ писалъ ему 25 іюля: „Чѣмъ-то вы насъ подарите?—вѣдь отъ васъ всё ждуть чудеса. Я тоже думаю, что, можетъ быть, въ этой вашей будущей книгѣ и художникъ изъ ничтожества и предмета печатной колкой наемѣшки вынесется въ дѣятеля общественнаго образованія, и тогда мы съ вами съ миромъ изыдемъ, чтобъ приготовить миръ міру... Если случится истинно отдохнуть и придти опять въ спокойствіе и полныя силы, то напишу къ вамъ и подробнѣе, и нечеловѣчествѣ обо всемъ.“ Неизвѣстно, отвѣчалъ ли Гоголь на предложенный въ томъ же письмѣ вопросъ по поводу желанія Чижова написать разсужденіе объ иконной и исторической живописи: „можетъ ли описаніе предшествовать факту“, т. е., по мнѣнію самого И—ва, прежде чѣмъ представительный живописецъ не представитъ, хотя въ малыхъ видахъ, икону и историческую картину,—нельзя лптературо говорить объ этомъ предметѣ вѣрно и смѣло.

Но почти черезъ годъ, на запросъ Гоголя отъ 7 апр. 1849 о томъ, какъ живется и работаетея, и на призывъ въ Москву, гдѣ открываεται такъ много древностей, И—въ сообщалъ ему 15 мая о временной простоянѣ въ работѣ изъ-за осады Рима французскими, испанскими и неаполитанскими войсками и угрозъ правителей съever все, прибавляя въ концѣ: „Очень жалѣю, что вы мнѣ ни о чемъ не написали. Со знакомствомъ вашимъ, особенно въ послѣдніе годы, мною открылось у меня изумительныхъ осязаній будущей жизни“.

Какъ видно изъ слѣдующаго затѣмъ письма Гоголя отъ апр. 1850, онъ еще разъ писалъ И—ву, но не получилъ отъ него отвѣта; на послѣднее же тотъ отвѣчалъ ему 5 іюля такъ обраа: „Что вамъ сказать обо мнѣ? Я все тотъ же, что и былъ при васъ въ Римѣ. Живу жизнью одной студіи, и перемѣнъ почти никакихъ вѣтъ. Объ одномъ иногда только жалѣю, что нельзя записывать мнѣ моихъ мыслей въ памятную книжку. Прежде я

имѣлъ это обыкновеніе—наблюдать за ихъ разросаніемъ. Впрочемъ, я и на это не рощу, вѣря, что уже скоро будетъ всему равнана“.

Лишь 16 дек., поздравляя И—ва съ новымъ годомъ, Гоголь утѣшалъ его: „Не все же продолжаться этимъ безотраднымъ явленіемъ суматохъ и безпорядковъ; пора, наконецъ, показаться на свѣтъ плодамъ мира, обдуманнмъ въ глубинѣ души, мыслей и высокихъ соерцапій, совершившихся въ тишинѣ. Хорошо бы было, еслибы и ваша картина и моя поэма [„Мертвыя Души“] явились въ свѣтъ“. Въ отвѣтъ на это, И—въ написалъ только написавъ Гоголю 30 янв. 1851: „Въ глазахъ художника и, въ особенностъ, въ моихъ—вы все кажется прекраснмъ теоретическимъ человѣкомъ. Нельзя не полюбоваться вашимъ послѣднимъ письмомъ; но у меня здѣсь совсѣмъ другое. Говорить подробно обо всемъ—не было бы благоразумно; разсказывать часть—темно, и потому скажу только то, что уже крайне необходимо“—знать точный адресъ Г. для непріятнаго И—ву дѣловаго письма, которое приходилось послать все-таки мѣсяца черезъ два.

Можно думать, что послѣднее касалось е. л. новыхъ недоразумѣній съ администраціей, т. е. Гоголь, доказавша отвѣтнымъ письмомъ отъ 18 марта, что онъ „хорошій теоретическій человѣкъ, да и практический также“, говорилъ въ заключеніе: „Но на мнѣ, по крайней мѣрѣ, вы должны научиться снисходительности къ людямъ. Если я, человѣкъ, долго близъ васъ жившій и притомъ все-таки понимающій, хоть, положимъ, теоретически, художество, такъ еще далеко отъ того, чтобы понимать вещи и обстоятельства въ настоящемъ видѣ; то какъ же можно требовать отъ начальства, состоящаго изъ чиновниковъ, чтобы поняты были или внутреннія требованія оригинальнаго, не походяго на другихъ художника? Повѣрьте, никто не можетъ понять васъ даже и такъ, какъ мы себя понимаемъ, и счастливы тотъ, кто, все это сообраая впередъ, прокладываетъ самъ себѣ дорогу, не опираясь ни на кого, кромѣ Бога!.. Чтобы вамъ написать хоть что нибудь о нашемъ житѣ-бытѣ—не о томъ, которое проходитъ въ заперти, въ студіи, но о движущемся на улицѣ... Гдѣ вы обѣдаете, куда ходите, на что глядите, о чемъ говорите. Въ иной разъ много бы далъ за то, чтобы побесѣдовать вновь такъ же радушно, какъ бесѣдовалъ мы иногда у Фальконе [въ трактирѣ]. Не будьте скупы и напишите о себѣ—не какъ о художникѣ, погруженномъ въ соерцапье,

но какъ о добромъ, миломъ моему сердцу человѣкѣ, развеселившемся отъ воспоминаній о прежнемъ“.

Раздѣляя это письмо Гоголя на двѣ половины, И—въ отвѣчать ему 20 мая: „Вышнее управление, подъ которымъ мы находимся, лучше всего оставляетъ неприкосновеннымъ для нашихъ сужденій, особенно письменныхъ: мы, христіане, должны въ молчаніи и съ покорностью ждать обѣщаннаго блаженства и не чься только о томъ, чтобы быть болѣе и болѣе его достойнымъ. Этими я заключаю, для себя, первую половину вашего письма. Во второй вы спрашиваете о моей жизни вѣдѣ студіи. Вѣдѣ студіи я довольно несчастенъ и, если бы не студія, то уже вполнѣ бы былъ убитъ. Такъ, покаместъ, стоить дѣло. Все, что вы разумѣли о моихъ страданіяхъ, печатал статью обо мнѣ, составляетъ, можетъ быть, четвертую только долю того, что случилось послѣ,—такъ что, выражаясь языкомъ переходнаго человѣка, я уже начинаю чувствовать какую-то художническую самостоятельность. И можетъ ли что быть этого справедливѣе? Вѣдь уже мы мало-по-малу подходимъ къ послѣднему вопросу: быть ли живописи, или не быть? Но я слишкомъ, кажется, увлекся, желая отвѣчать вамъ на вторую половину вашего письма. Я обѣдаю въ Фальконе, и это потому, что изъ всѣхъ камереровъ нашъ Луиджи одинъ оставался мнѣ вѣренъ—отъ другихъ я уходилъ съ животной болью. Въздѣствие этого же переставалъ-было ходить въ кафе завтракать. Теперь однакожъ нашъ кафе—на площади S. Carlo, гдѣ можно безъ опасенія позавтракать. Я почти ни съ кѣмъ незнакомъ и даже оставилъ прежнія знакомства. Я, такъ скаж., ежедневно болтаюсь между двумя мыслями: искать знакомства, или бѣгать отъ нихъ?—и, вися въ серединѣ, кое-какъ разговариваю съ людьми, всегда имѣя къ нимъ всевозможную снисходительность и шца ихъ благорасположенія, какъ необходимости для меня же. Какъ ни странно это положеніе, но, вѣстѣ, и угѣнительно. Никогда такъ я не былъ наблюдателемъ, какъ теперь, и въ этомъ я нахожу отраду... Братъ мой все еще со мной. Мы думаемъ въ июль, въ первыхъ числахъ, ѣхать вмѣстѣ въ Неаполь, въ Торъ-Аннунціато, для принятія морскихъ купаній и ваннъ въ Помпей. Оттуда, въ началѣ августа, думаю я возвратиться въ Альбано для этюдновъ перваго плана картины (пожалуйста, не бранитесь—вѣдь вы тутъ только теоретикъ), а потомъ, въ

октябрь, я въ Римъ, для окончанія картины, а онъ думаетъ въ Сицилію“.

По всему вѣроятію, отвѣтомъ на это письмо, гдѣ говорилось, между прочимъ, о предполагаемой поѣздкѣ въ Римъ Гоголя—черезъ Грецію и Н. П. Боткина—черезъ Лондонъ, было слѣдующее письмо, наклеенное И—вымъ на оборотѣ заглавнаго листа въ альбомѣ съ новыми композиціями: „Ник. Петр. Боткинъ передаетъ вамъ мой поцѣлуй, многолюбимый мною А. А. Андр.—Вотъ въ помощь вамъ въ трудахъ вашихъ; не унывайте, боритесь, благословеніе святое да пребудетъ надъ вашею кистью и картина ваша будетъ кончена со славою. Отъ всей души, по крайней мѣрѣ, желаю. Весь вашъ Н. Г.—Ни очень говорить не хочется: все, что ни есть въ мѣрѣ, такъ ниже того, что творится въ единственной вѣдѣ художника, что я самъ не гляжу ни на что и мѣрѣ кажется вовсе не для меня. Я даме и не слышу его шума. Христосъ съ вами“.

На этомъ, очевидно, прекратилась переписка между двумя великими людьми русскими: 21 февраля 1852 Гоголя не стало. Намъ пришлось остановиться особенно долго на его взаимныхъ отношеніяхъ съ И—вымъ и, по возможности, рассказать о нихъ ихъ собою. словами, потому что событіе это играло большую роль въ жизни нашего художника, а между тѣмъ, его дружба и разладъ съ знаменитымъ писателемъ не были до сихъ поръ вполнѣ разсѣдованы: *П. Кулишъ*, напечатанному въ „Современ.“ 1858 (№ 11) „Переписку Н. В. Гоголя съ А. А. Ивановымъ“ остались неизвѣстны многія письма не только второго, но и перваго; статья же *Е. Некрасовой* въ „Вѣст. Европы“ 1883 (№ 12), несмотря на все ея дарованіе, представляетъ въ нѣкотор. отношеніяхъ скорѣе поэтическое проповѣданіе, нежели простое историческое изложеніе, изъ котораго говорящіе за себя факты обнаруживались бы сами собою, безъ всякихъ предположеній и заключеній со стороны автора. Поэтому, только возможно-полный пересказъ всей ихъ переписки въ состояніи возстановить передъ глазами читателей настоящую картину взаимныхъ отношеній двухъ выдающихся лицъ на поприщѣ нашего умственнаго развитія.

Несмотря на врем. неудовольствія другъ другомъ, въ сердцахъ обоихъ великихъ людей, видимо, до конца сохранялись чувства взаимнаго уваженія и любви. Хотя И—въ и пишетъ какъ-то про Гоголя граф. С. П. Апраксинъ (судя по его записной книжкѣ въ Румянц. Музѣ), вѣроятно весной 1847, до прочтенія из-

вѣстной статьи въ „Выбр. мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“: „Жаль, что въ запискѣ выдаетъ мнѣ чувства свои Ник. Вас. — Онъ какъ-то все не можетъ примириться съ мыслью, что художникъ такъ же въ свою очередь можетъ быть, какъ и онъ (свободный или независимый) человѣкомъ. Я съ нимъ на скоромъ свиданіи. Любопытно, какимъ-то онъ меня гостинцемъ упочуетъ“...; тѣмъ, не менѣе, онъ все-таки былъ очень высокаго мнѣнія о знаменитомъ писателѣ. Такъ онъ признается той же Апраксной 29 окт. того года: „Извините, что опаздываю отвѣтомъ на оба ваши письма, въ которыхъ столь прекрасно выражается чудная, свѣтлая душа ваша. Отгадываю я и потому, что ждалъ нашего общаго друга и учителя—Ник. Вас., и потому (что) не явился до сего дня въ канцелярію нашего посольства, что составляетъ важную эпоху, съ нѣкотораго времени въ моей жизни, по ощущеніямъ, какія чувствуетъ душа моя“... „Гоголь навѣрное пойдетъ нынѣшней весной, и даже очень скоро, — сообщаетъ И—въ Чижову въ началѣ все того же года, — поклонится св. Гробу и напечатать свою вторую книгу, которую всѣ благомыслящіе ждутъ съ благоговѣніемъ.“ — „Очень бы желательно слышать что-нибудь о Ник. Вас.—спрашиваетъ онъ неизвѣстное лицо (вѣроятно, Чижова) около того же времени (а не весной 1848, какъ напечатано въ изд. Боткина, потому что тогда уже не было въ живыхъ Языкова, о которомъ тамъ также идетъ рѣчь).¹⁾ Общій воспитатель, вѣроятно, еще болѣе усовершенствовался внутри себя. Неужели истиннымъ способностямъ необходимо безобразное клеймо казенное и особенно тогда, когда оно еще не совсемъ утвердилось въ общемъ мнѣніи. Я полагаю, что бесѣда художниковъ для его будущности необходима: онъ зачерпнетъ изъ нея многое, чтобы создать планъ будущаго блестящаго для нихъ дѣйствія. Не одѣтый въ казенную форму, онъ гораздо откровеннѣе найдетъ сердца лучшихъ, на которыхъ опирается все въ будущемъ, а, исполнивъ свои сочиненія и окончивъ удобопонятнымъ обществомъ (образомъ), приобрететъ законную себѣ опредѣленность, какъ отъ васъ, общества, такъ и отъ правительства, и тѣ, что теперь было отрицательно, будетъ тогда и справедливо и необходимо“... Наконецъ, уже послѣ кончины Гоголя, И—въ пишетъ Погодину: „Въ захохотѣть отъ русской литературы, услышалъ весьма похвальные отзывы Гоголю за то, что онъ напечаталъ при жизни свое „Завѣщаніе“. Теперь

смерть совершилась. Я, услышавъ о сей важной утратѣ, сейчасъ же, вслѣдствіе его „Завѣщанія“, написалъ къ В. А. Жуковскому, какъ къ старшимъ литераторамъ русскимъ, просьбу исполнить завѣщаніе покойнаго—одолжить портретъ, съ него мною писанный, для гравированія,—О. И. Гордану. Письмо мое, какъ видно, застало на столѣ самого Вас. Андр. ...Въ такомъ трудномъ положеніи, я рѣшился писать вамъ, ибо, по словамъ покойнаго, другой такой же портретъ, съ него много писанный, подаренъ вамъ, что уже теперь болѣе не можетъ быть тайной, какъ то желалъ всегда при жизни нашъ знаменитый покойникъ. Посему, теперь прошу васъ покорнѣйше, во имя памяти общаго нашего друга, портретъ, вамъ принадлежащій, выслать въ Петербургъ, въ Акад. Худож., для проф. Ф. И. Гордана“... Еще позднѣе, сообщая Погодину или Ковалевскому въ 1856, по случаю предпринятаго изданія писемъ Гоголя, послѣднее письмо знаменитаго писателя въ нему въ копіи, онъ прибавляетъ: „Не думайте, чтобы я не дорожилъ оригинальностью и другихъ писемъ важнѣйшаго изъ людей, какіхъ я встрѣчалъ въ жизни, но копировать такое множество писемъ—совсѣмъ не изъю времени“.

Необходимость передать въ послѣдovat. порядкѣ взаимныя отношенія великаго художника и великаго писателя заставила насъ нѣсколько отклониться отъ хронологическаго изложенія обстоятельствъ жизни интересующаго насъ лица, и потому теперь приходится вернуться къ событіямъ, бывшимъ за нѣск. лѣтъ до только-что изложеннаго здѣсь.

Помимо размовки съ Гоголемъ, 1846 годъ имѣлъ значеніе въ жизни И—ва еще и въ другихъ отношеніяхъ. „Послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ онъ обнялъ своего брата, перефловалъ его нѣсколько разъ и все принималъ снова; видѣться съ нимъ хотѣлось безпрестанно, работа на умъ болѣе не шла“, — какъ мы узнаемъ изъ письма самого А. А. къ отцу отъ 7 апрѣля того года (а не отъ марта, какъ напечатано въ изд. Боткина). Другое немаловажное обстоятельство въ жизни нашего художника было то, что къ нему, среди постоянныхъ денежныхъ затрудненій, вдругъ пришла на помощь частная поддержка. „Неужели вы думаете, — спрашивалъ его Чижовъ еще 20 сент. 1845,—что, уѣхавши изъ Рима, у меня все съ вами прекратилось? ...Однимъ словомъ помните, — продолжалъ онъ, — что ваше положеніе лежитъ на сердцахъ людей, вамъ принадлежащихъ, а число ихъ со дня на

деня увеличивается, и я увѣренъ, что увеличится, когда еще напечатано мою статью,—хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличится и число враговъ, намъ обшихъ... А изъ письма И—ва къ невѣстному (вѣроятно, къ Смирновой) отъ мая 1846 видно, что въ Петербургѣ частная помощь должна была собираться заимообразно еще разъ въ присоединеніе къ той, которая собиралась въ Москвѣ. „Съ живѣйшею радостію вижу,—писалъ онъ друг. невѣстному (вѣроятно, Чижову) въ июнѣ того же года,—что соотечественники признали во мнѣ дѣятеля русскаго — не на словахъ, а на дѣлѣ, предлагая мнѣ способы для окончанія моего труда... Я радъ, что могу надѣяться на вѣрную помощь отъ своихъ братьевъ; она, однакожь, не прежде мнѣ нужна будетъ, какъ черезъ годъ, или даже полтора.. Правительство соглашается заплатить мнѣ за конченную картину, но ватрудняется мнѣ дать на ея окончаніе. Я (же) ничего не прошу за трудъ, лишь бы только дали способы мнѣ его кончить, а потому, если и заимообразно меня судятъ соотечественники деньгами, то столько же (это) будетъ для труда моего важно, какъ и подаривши. Я прошу у правительства по 6 тыс. въ годъ на 3 года... Привыкнувъ жить навѣрное, я всегда закрывалъ отъ людей остатки, скопляемые лишеніями, не вѣря людямъ ни въ чемъ,—это тоже одинъ изъ монументовъ татарскаго ига. Но теперь, когда въ сердцахъ моего отечества находятся люди, которыхъ чувства совершенно сливаются съ моими, то я рѣшаюсь доживать до послѣдняго гроша, и тогда только прибѣгну къ ихъ благодарнымъ сердцамъ"... „Уединеніе и отстраненіе отъ людей мнѣ столько же необходимы, какъ пища и соль,—сообщаетъ онъ опять невѣстному (д. б., Чижову) въ октябрѣ все того же года (а не въ июлѣ, какъ напечатано въ изд. Боткина).—убѣдитесь въ этой истинѣ: это вамъ говоритъ художникъ, прожившій до 40-лѣтняго возраста. Перемиניתесь же въ минуту завершенія труда, гдѣ еще болѣе нужно сосредоточеніе мыслей, было бы дѣломъ негнѣпнымъ и завело (бы) меня въ разрядъ обманщиковъ и подлецовъ въ глазахъ обшихъ столицъ отечества, готовыхъ давать мнѣ помощь, въ случаѣ, если правительство мнѣ въ ней будетъ отказывать“. Послѣ того И—въ не разъ просилъ Чижова въ началѣ 1847 не присылать ему денегъ, не нуждаясь въ нихъ показывать, но измѣнившимся обстоятельствамъ, и только въ октябрѣ намекнулъ Ф. В. (а не Гоголю, какъ напечатано въ изд. его переписки), что ему нужны

будутъ деньги, оставленныя Языковымъ, въ продолженіе слѣд. полугода; узнавъ же, что онъ получилъ вмѣсто того — деньги братскія (1700 р.), онъ, очень сокрушаясь этимъ, писалъ опять Чижову въ концѣ 1848: „Если-бы я зналъ, что вы такъ со мною поступите, я бы и Языковскихъ не просилъ“.

Наконѣцъ, третье, самое важное событіе въ жизни И—ва того времени было то, что, проводя лѣтние мѣсяцы 1846 и 1847 г. въ семьѣ у граф. С. П. Апраксиной въ Неаполѣ, онъ почувствовалъ впервые истинную привязанность къ одной молодой аристократкѣ, имѣвшую для него просто роковую послѣдствія изъ-за несбытшихся ожиданій. Выше мы видѣли уже, что нашъ художникъ намекалъ о своемъ новомъ чувствѣ въ письмѣ къ Гоголю, приводя текстъ изъ еванг. Луки, за чтѣ услыхалъ нападки со стороны своего друга (24 іюля 1846). О томъ же, съ большою смѣлостью, онъ писалъ неравъ другому своему пріятелю — Чижову. Такъ онъ высказываетъ послѣднему, вѣроятно въ концѣ 1846 или началѣ 1847 (а не весной 1848, какъ напечатано въ изд. Боткина): „И точно, дѣлаю все, чтѣ могу, но натура дѣла моего весьма медленна, и всякая быстрота и торопливость помѣшали бы послѣднему моему совершенству, а между тѣмъ лѣта мои уходятъ, а съ ними и тѣ дни, въ которые человекъ долженъ бы быть сопряченъ самымъ высокимъ наслажденіямъ жизни. Совѣстнаго окончаніе трудовъ моихъ, и въ минуту ихъ совершенія, и послѣдствій, можетъ меня сдѣлать любезнымъ для общества. Но неужели мы все еще живемъ въ тѣ суровыя времена, когда нельзя въ тоже время прибавить и самыя высочія наслажденія жизни, составляющія полноту человѣческаго достоинства?“ Затѣмъ, получивъ извѣстіе отъ Чижова о постигшемъ его горѣ—потерѣ горячо любимой женщины, онъ писалъ ему въ отвѣтъ, въ началѣ 1848 (а не 1847, какъ напечатано въ томъ же изд.): „Вашему несчастію я вполне сочувствую, тѣмъ болѣе, что самъ теперь нахожусь въ томительныхъ ожиданіяхъ, безпрестанно прося у Бога подкрѣпленія силъ. Я слегка намекаю уже объ этомъ въ послѣднемъ письмѣ, но оставивъ объ этомъ придетъ время разговоровъ и отчетливыхъ, и ясныхъ, и уже оно близко“, и тутъ же прибавлялъ: „Женщина создана быть помощницей человеку: она ему вполне сострадаетъ, служитъ ему изумительнымъ отдохновеніемъ отъ разумныхъ его напряженій, давая

такимъ образомъ силы къ дальнѣйшимъ его предпріятіямъ, и, вводя въ свои тайны, дасть и физическимъ силамъ свѣжестъ и радость. Истинно счастливы тотъ, кому суждено быть соединеннымъ съ такимъ существомъ. Но какими молитвами до этого достигнешь? Достанешь ли слезъ вымыть всё подлѣя мѣста прошедшей жизни?" "Недумайте,—заключалъ И.—въ другое письмо къ нему же отъ іюня,—чтобы я сталъ нападать на васъ за вашу привязанность къ женщинамъ. Это правда, я до сихъ поръ это чувство пряталъ и отъ себя, и отъ другихъ, видя въ немъ страшное препятствіе для занятій, но теперь,—ну, объ этомъ уже въ слѣдующемъ письмѣ".

О нѣкоторыхъ подробностяхъ этого чувства у нашего художника и послѣдствіяхъ его можно видѣть пѣз его записной книжки, гдѣ онъ занесъ подъ 18-мъ сентября 1847 г. слѣдующее, по поводу воспоминаній своихъ о Флоренціи: „Поря, сдѣланная по необходимости въ молодости моей, немедленно уступила святости жизни, и первая попавшаяся ласточка уже меня невольно повлекла за собой... Безъ престанно слѣдя за улѣбкой ласточки, мы шли далѣе, но, Боже мой, какъ!—Войдемъ глубоко въ настоящее мое положеніе: молодая дѣва, знатная происхожденіемъ соотечественница, прелестная, добрая душою, полюбила меня горячо, простила мнѣ недостатки и увѣрила меня въ своемъ постоянствѣ. Если я не отвѣчу на все это святостью моей жизни, безъ сомнѣнія буду подлець изъ подлецовъ. Пришелъ въ себя, въ раскаяніи я пошелъ домой, чтобы при молитвѣ повергнуть себя ницъ передъ волей Божіей, и въ слезахъ нашелъ полное душевное спокойствіе. На другой день, послѣ кофе въ Ельветиво (трактирѣ), я почувствовалъ боль въ животѣ, приписавъ это отравѣ, по обыкновенію моему съ нѣкотораго времени такъ думать. Но если это и преслѣдованіе, то преслѣдованіе матери, заботящейся о благосостояніи своего сына. Она разсуждаетъ по женски, она не можетъ выкинуть во всю высоту новаго значенія моего—художника христіанскаго, художника русскаго. Ея высокой родъ безпрестанно ей мѣшаетъ войти въ равенство со мной“.

Изъ послѣднихъ строевъ, какъ и изъ одного вышепривед. письма къ Гоголю съ выраженіемъ подозрѣній относительно отравы, можно заключить, насколько И.—въ ошибался и насчетъ взаимнаго чувства, и насчетъ отношеній къ нему матери полюбившейся ему дѣвушки.

Подозрительность его дошла до того, что иногда въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ онъ вѣдѣлъ уже намеки на его положеніе. Такъ, путешествію для своихъ работъ осенью 1847 (между прочимъ для срисовки этюдовъ съ „Тайной Вечери“ и друг. произведеній Л. да Винчи) во Флоренцію, Ливорно, Геную, Миланъ, Пизу, и встрѣтившись съ художникомъ-любителемъ Бибиковымъ, онъ самъ занесъ въ свой путевой журналъ, среди описаній разныхъ политическихъ смутъ въ Италіи того времени,—слѣдующее: „Опасаясь новыхъ силетень, которыя такъ усердно поддерживаются людьми безъ дѣла, я съ нимъ старался избѣгать многихъ разговоровъ. Мнѣ все казалось, что многое онъ обо мнѣ знаетъ,—разговоръ его о женитбѣ имѣлъ какую-то связь съ моимъ положеніемъ“.

Несмотря, однако, на вновь появившееся чувство и на продолжавшіяся невгоды, И.—въ попрежнему усленно работалъ надъ своей картиной, судя по письму его къ Чижову отъ осени 1848, гдѣ онъ писалъ ему между прочимъ: „Я встаю [со свѣтомъ], работаю въ студии до полудня, иду отдохнуть въ кафе, чтобы приготовить свои силы, дабы начать работать съ часу до сумерокъ. Уставъ такимъ образомъ, я радъ, радъ бываю добраться до вресель или до постели вечеромъ. Только во воскресеніямъ и позволяю себѣ ничего не дѣлать, и тутъ пишу письма, если уже очень нужно отвѣчать. Всякое намѣненіе этого порядка было бы клятвенно преступленіемъ противъ моей картины, которая теперь составляетъ для меня все. Если Богъ поможетъ трудамъ, тогда я надѣюсь вступить въ братство съ отечественными литераторами печатнымъ образомъ, и публично расудить: что наше, и что ваше“. Въ другомъ письмѣ къ Чижову—отъ лѣта (іюня ?) того же года онъ говорилъ ему: „Еще разъ вамъ скажу: не заботьтесь о доставленіи мнѣ Библии [рукописной, которую вы переводъ, которую тотъ нашелъ для него въ Кіевѣ]. Право, некогда и того прочесть, что подѣл меня лезить и что во-первыхъ нужно. Я теперь весь предаюсь практической исполнительной части. Не знаю, сколько я подвинулъ картину, но, кажется, работаю, сражался съ невгодами, какія мнѣ этой зимой случалось встрѣтить въ жизни“. Изъ этого ясно видно, что въ тотъ моментъ И.—въ, не потерявшій еще вѣры въ свою картину,—или только оставилъ на время свои другія работы, къ которымъ подго-

товлялся еще съ 1844 г., или же совсѣмъ не приступалъ къ нимъ до тѣхъ поръ.

Но съ 1849 и, въ особенности, съ 1850 начинается нѣсколько иная жизнь для нашего художника: впадшій уже въ дѣтство отецъ оставилъ обомъ братьямъ, послѣ смерти отъ холеры 1848 г., капиталъ около 25 тыс. асс., кромѣ процентовъ, хотъ и не безъ долговъ, да, сверхъ того,—долговныя обязательства на довольно значительныя суммы отъ Потемкина и Зассена. Однако, и съ порученіемъ всѣхъ дѣлъ отъѣзжавшему въ Петербургъ Моллеру и его брату, на долю И—выхъ осталось не мало хлопотъ и заботъ по части выясненія всѣхъ подробностей и устройства судьбы племянницы, замѣнившей Сергія Андр. при отцѣ, послѣ его отъѣзда за границу. А тутъ пошли еще смутныя обстоятельства въ Италіи, повлекшія за собою осаду Рима и Вольоны иностранными войсками. Хотя по поводу послѣднихъ А. А. и писалъ Моллеру 28 янв. 1849: „Трудно описывать политическое состояніе Рима тому, кто совсѣмъ не имѣетъ времени слѣдить за всѣми изворотами, — русскіе художники столько же занимаются, какъ и прежде, а съ иностранными я не въ сношеніяхъ, какъ и всегда почти“... тѣмъ не менѣе, политическія волненія не могли коснуться и его, когда онъ сообщалъ Гоголю 15 мая того же года: „До сихъ поръ я все былъ вѣренъ своему слову и дѣлу, и въ надеждѣ, что уже не далеко до конца, съ которымъ бы разрѣшились всѣ мнѣнія и надежды общества, усленно продолжалъ трудъ. Но вотъ уже двѣ недѣли, какъ совершенно все остановилось. Римъ въ осадѣ. Каждый день ожидатся тревога. Люди, теперь здѣсь во главѣ стоящіе, гремятъ все замечъ и погребсти себя подъ пеломъ. При какихъ условіяхъ, конечно, уже невозможно продолжать трудъ, требующій глубоко сосредоточеннаго спокойствія. Я, однакожъ, крѣплюсь въ перенесеніи столь великаго несчастья, и, только что будетъ возможно, то опять примусь за окончаніе моей картины“.

„Полагаясь на волю Провидѣнія, столь часто выручавшаго меня изъ равныхъ опасностей, — говорить онъ въ другомъ письмѣ къ Гоголю отъ 5 июня 1850,—я не теряю ни бодрости продолжать трудъ, ни желанія быть достойнымъ избавленія (отъ) будущихъ золъ, и, такъ образ., приступить наконецъ къ кризису моей жизни“.

Правда, годомъ, и даже двумя, позже, И—въ заботится еще объ этюдахъ для своей картины,

уѣзжая изъ Рима на дѣтніе мѣсяцы въ Альбано (1851) и др. мѣста (1852), однако его занимаютъ и другіе вопросы, судя по слѣд. письму его отъ 1851—52 гг. въ неизвѣстному лицу (б. м., Герцену): „Письмо ваше исполнено столь сильныхъ выраженій, что я не могу не принять ихъ весьма близко къ сердцу, но въ то время не мало удивляюсь, что вы думаете найти въ моей скудной библиотекѣ что-нибудь, могущее прибавить къ вашимъ общпримымъ знаніямъ. Мнѣ, русскіе историческіе живописцы, покажется стоимъ подъ вліяніемъ запрещенія, дожидаясь, однако-же, благополучнаго часа къ открытію для насъ важнѣйшихъ историческихъ свѣдѣній. Въ этомъ видѣ я пробовалъ говорить съ вами въ Альбано о книгѣ Штрауса „Жизнь Христа“, въ переводѣ Литтре, вышедшемъ недавно въ Парижѣ. Вы сами видѣли, съ какою жаждою я искалъ черезъ васъ добыть эту важную книгу, но все прервалось вашею болѣзнію, что меня ужасно сокрушаетъ. Если, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, нелзя будегъ Н. П. Вотицку приѣхать въ Римъ, то книгу мнѣ нелзя ли прислать будетъ съ кѣмъ либо изъ его или вашихъ знакомыхъ, сюда отправляющихся?“ Но нѣсколько позже, въ началѣ 1853, онъ пишетъ Солдатенкову, благодаря его за присылку книгъ съ В. Е. Раевымъ: „Время мое не позволяетъ мнѣ почти никакого чтенія, особенно русскихъ книгъ, будучи употреблемо безпрестанно только на окончаніе моего настоящаго труда. Тороплюсь всачески кончить мое дѣло“...

Сильно работая, какъ видно, надъ своимъ внутреннимъ міромъ, нашъ художникъ не оставлялъ попеченій и о своихъ собратяхъ по искусству. „Возьми себѣ одинъ разъ навсегда за правило—паставляеть онъ брата еще въ письмѣ изъ Неаполя отъ июля 1848—дѣйствовать согласно съ твоимъ собственнымъ убѣжденіемъ, а мнѣнія другихъ не иначе принимать, какъ перебравъ ихъ строжайшей критикой со всѣхъ сторонъ“. „Въ письмѣ твоемъ отъ 30 сент. замѣтно,—пишетъ онъ ему же въ Неаполь 5 окт. 1851,—что ты хочешь сдѣлать дѣло въ половину, почему я и тороплюсь къ тебѣ съ этими строками, чтобы убѣдить тебя—объѣдять всю Сицилію и сдѣлать путешествіе сколь возможно совершеннѣе и подробнѣе, къ пользѣ твоего искусства. Не пренебреги моими словами. Въ твои дѣта, и съ твоими знаніями на 100 скудъ можно столько сдѣлать, чего послѣ и за 10-ть тысячъ не приобрѣтешь“. Точно также онъ заботится и о постороннихъ—и въ

правственномъ, и въ материальномъ отношеніи.

Такъ, хотя онъ и пишетъ Гоголю про Иордана весной 1850: „Въ первые дни выставки Преображенія, я отчетъ на него ропталъ (я это вамъ говорю, какъ великую тайну): мнѣ досадно было, что оно не только не лучше Моргена и Павона, гравировавшихъ тоже съ этой картины, но и не лучше всѣхъ гравюръ, какія находятся на свѣтѣ. Но я замирился внутренно съ Иорданомъ на томъ, что онъ не коренной русскій (этѣхъ словъ моихъ прошу никому не сообщать); а въ другой разъ — 5 юня того же года: „Ф. И. удалось довести до конца свою длинную работу, но не думаю, чтобы были живительныя перемены въ гравюрномъ мѣрѣ и съ самыми счастливыми привѣтствіемъ его важнаго труда. Его искусство не коренное, а подчиненная страсть; его характеръ не уработанъ подъ стать наступившей эпохѣ нашего времени, и, наконецъ, его сердце — не русское“; — тѣмъ не менѣе, И — въ первый хлопочетъ и черезъ Гоголя, и черезъ другихъ, о предоставленіи Иордану всякихъ выгодъ и работъ, начиная съ портрета того же Гоголя, послѣ его смерти, и кончая портретами умершихъ вслѣдъ затѣмъ Жуковского и Брюлова.

Познакомясь въ теченіи 1851 съ К. Т. Солдатенковымъ, собиравшимъ уже тогда картины русск. художниковъ, И — въ, судя по его письмамъ, сталъ не только составлять для этого извѣстнаго собирателя коллекціи фотографій съ древнихъ римскихъ зданій въ развалинахъ и со статуя Капитолія и Ватикана, а также съ произведеній знаменитыхъ итальянскихъ мастеровъ: Рафаэля, Л. да Винчи и др.; но еще исполнять всякія порученія по части заказовъ и приобрѣтенія картинъ дорогихъ его сердцу собратьевъ по искусству, какъ нейзажитость Авг. Иванова, Жамета и др., и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщать свѣдѣнія о заготовляемыхъ русск. художниками и посылаемыхъ ими на Петерб. выставку новыхъ произведеніяхъ, дѣлая при этомъ разныя, болѣе или менѣе, мѣткія характеристики, напр., Сорокину и др., въ родѣ того, что „сколько можно составить себѣ данныхъ изъ слуховъ, о немъ носятися, то изъ него можетъ выйти хорошій и дѣльный учитель (т. е. д., говоря по-французски, — профессор)“, и т. д.

Слѣдовательно, радикальныхъ перемены въ жизни и направленіи дѣятельности И — ва все еще не было въ то время, равно какъ отчуж-

денія его отъ общества и въ особенности отъ женщинъ. Напротивъ, онъ все еще, если не мечтаетъ для себя, то заботится для другихъ о домашнемъ очагѣ, насколько можно заключить изъ слѣд. словъ его писемъ къ Иордану и Резанову отъ осени 1850: „Тутъ (т. е. къ Москвѣ) въ послѣдній разъ хорошо бы вамъ подумать о подругѣ въ остальной вашей жизни, не пренебрегайте этихъ мнѣніемъ — писалъ онъ первому. Только вы должны въ самомъ дѣлѣ отбросить вами созданное обращеніе съ женщинами и дѣвщами... Конечно, этому много причиной наша прошлая итальянская жизнь, гдѣ мы совершенно отрваны были отъ всякаго семейнаго порядочнаго общества“. „Вы приобрѣли такое сокровище, которое рѣдкому изъ насъ достается — пишетъ онъ второму — сердечную подругу въ остальномъ пути жизни“...

1855—58.

Но съ 1855 г. замѣчается уже нѣкоторое измѣненіе въ характерѣ нашего художника. Начиная снова предвидѣть крайнюю нужду въ материальныхъ средствахъ, онъ то проситъ Солдатенкова одолжить ему извѣстную сумму въ займы, то предлагаетъ ему приобрѣсти, вмѣсто намѣченнаго тѣмъ для себя эскиза большой картины въ бытность его въ Римѣ въ 1851, — написанную послѣ того копію съ нея въ третью величину съ нѣкоторыми перемеными, для провѣрки размѣра фигуръ въ меньшемъ видѣ и отсыканія общей гармоніи, причемъ говоритъ ему: „Благодаря вашему подарку [шницъ], которымъ вы обозначили вашъ сюда прїѣздъ, я сдѣлалъ много открытій въ дѣлѣ живописномъ. Въ этомъ новомъ занятіи годы кажутся днями, но это не только не убиваетъ, но еще утравляетъ мои силы“. Въ тоже время онъ общается неизвѣстному лицу (б. м., Чижову): „Ведя къ окончанію мою большую картину, среди самаго труднаго времени, я все употребилъ, чтобы не беспокоить никого просибами о деньгахъ, испытать въ послѣдній разъ едва выносимыя непріятности. Теперь я довелъ мою картину до окончательнаго вида, чувствую себя въ силахъ еще болѣе ее усовершенствовать, но т. к. нахожусь при самыхъ послѣднихъ дѣйствіяхъ, въ сравненіи съ которыми выдержки, тутъ, необходимыя, далеко превышаютъ мои настоящіе способы, то я и остановился, занявшись другимъ дѣломъ, по моему усмотрѣнію гораздо важнѣйшимъ и не требующимъ большихъ издержекъ. Долгомъ счесть извѣстить васъ объ этомъ трудномъ

моемъ положеніи и просить васъ о совѣтѣ, что мнѣ тутъ дѣлать? Могутъ ли быть новыя способности къ усовершенствованію большой моей картины, или уже мнѣ должно, къ стыду и величайшему моему горю, назвать ее конченою“...

Нѣсколько иначе объясняетъ И—въ переходѣ къ другимъ занятіямъ въ другомъ письмѣ къ невѣстному (Чижеву или Герцену) отъ 10 іюля того же года: „Мой трудъ, большая картина, — признается, наконецъ, И—въ — болѣе и болѣе понижается въ глазахъ моихъ. Далеко ушли мы, живущіе въ 1855 г., въ мысленіяхъ нашихъ — тѣмъ, что, передъ послѣдними рѣшеніями учености литературной, основная мысль моей картины совсѣмъ почти теряется и, такъ образ., у меня едва достаетъ духу, чтобы болѣе совершенствовать ея исполненіе, въ которомъ, однако же, хотѣлъ представить итогъ столь долгаго моего пребыванія въ Римѣ. Вы, м. б., меня спросите: что же я извлекъ изъ послѣднихъ положеній литературной учености? Тутъ я могу едва назваться слабымъ ученикомъ, хотя и сдѣлалъ нѣсколько пробъ, какъ ее приспособить къ живописному дѣлу. Однимъ словомъ, я, какъ бы оставляя старый бытъ искусства, никакого еще не положилъ твердаго камня къ новому, и въ этомъ положеніи дѣлаюсь невольно переходнымъ художникомъ“.

Черезъ два года послѣ этого замѣчательнаго письма нашъ художникъ пишетъ Герцену изъ Интерлагена 1 авг. 1857: „Слѣдя за современными успѣхами, я не могу не замѣтить, что мое искусство живописи должно получить новое направленіе, и, полагая, что нигдѣ столько не могу зачерпнуть разъясненія мыслей моихъ какъ въ разговорѣ съ вами..., я рѣшаюсь пріѣхать въ Лондонъ съ 3 до 10 сентября. Въ художникахъ итальянскихъ совсѣмъ не слышно стремленія къ какому нибудь новымъ идеямъ въ искусствѣ. Не говоря уже о теперешнемъ гниломъ состояніи Рима, они въ 1848 и 49 гг., когда въ главѣ стоящая партія грозила до основанія разрушить церкви, — думали: какъ бы получить для церкви новыя заказы. Такое противорѣчіе рождаетъ самый любопытный вопросъ: какъ думаетъ объ этомъ Мадзини? Почему и просилъ бы васъ покорнѣе свести меня съ нимъ во время пребыванія моего въ Лондонѣ, но подумалъ, однакожь: не будетъ ли это свиданіе имѣть пагубныя послѣдствія для меня отъ римскаго

правительства, которое, вѣроятно, послѣдствіе послѣднихъ погрѣшеній, стоитъ на сторожѣ всѣхъ его дѣйствій въ самомъ Лондонѣ? Если, напр., (папскому) правительству вздумается вторгнуться въ мою студию въ Римѣ, для размотки моихъ книгъ, съ помощью которыхъ я пробую создать новый путь для моего искусства въ эскизахъ, то они, разумѣется, отберутъ отъ меня и то, и другое, что будетъ моимъ смертельнымъ нравственнымъ ударомъ“.

Подробности о перемѣнѣ въ взглядахъ И — на требованія отъ искусства мы находимъ въ слѣд. строкахъ статьи Герцена въ его „Колоколѣ“ 1858 (№ 22): „Наконецъ Ивановъ пріѣхалъ, много состарился онъ въ эти 10 лѣтъ, посѣдѣли волосы, типически русское выраженіе его лица стало еще сильнѣе, простота, добродушіе пріема — во всѣхъ пріемахъ, во всѣхъ словахъ. На другой день мы ходили съ нимъ въ National Gallery, потомъ пошли вмѣстѣ обѣдать. Ивановъ былъ задумчивъ, тяжелая мысль севозила даже въ его улыбкѣ. Послѣ обѣда онъ сталъ разговорчивѣе и наконецъ сказалъ: „Да, вотъ что меня тяготитъ, съ чѣмъ я не могу сладить, — я утратилъ ту религиозную вѣру, которая мнѣ облегчала работу, жизнь, когда вы были въ Римѣ. Часто вспоминаю я наши разговоры — вы правы, да что мнѣ отъ этого, что отъ этого искусство? Миръ души разстроился, същите мнѣ выходъ, укажите идеалы! Событія, которыми мы были окружены, навели меня на рядъ мыслей, отъ которыхъ я не могъ больше отдѣлаться, годы пѣные занимали онъ меня и, когда онъ началъ становиться яснѣе, я увидѣлъ, что въ душѣ нѣтъ больше вѣры. Я мучусь о томъ, что не могу формулировать искусствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться я считаю преступнымъ“, прибавилъ онъ съ жаромъ. „Писать безъ вѣры религиозныя картины — это безнравственно, это грѣшно; я не надивлюсь на французовъ и на итальянцевъ: разбирая по камню католическую церковь, они на перехватъ ищутъ картины для ея стѣнъ. Этого я не могу — пѣть, никогда, никогда! Мнѣ предавали главное за вѣдываніе живописныхъ работъ въ новомъ соборѣ — мѣсто, которое доставило бы и славу, и матеріальное обезпеченіе; я думалъ, думалъ, да и откачался: что же я буду въ своихъ глазахъ, всюгда безъ вѣры въ храмъ и работая въ немъ съ сомнѣніемъ въ душѣ. Лучше остаться

бѣднякомъ и не брать кисти въ руки“¹⁾... — Хвала русскому художнику, безконечная хвала, скавалъ я со слезами на глазахъ, и бросился обнимать Иванова. Не знаю, сыщете ли вы формы вашимъ идеаламъ, но вы подаете не только великій примѣръ художникамъ, но даете свидѣтельство о той непочатой, цѣльной натурѣ русской, которую мы знаемъ чутьемъ, о которой догадываемся сердцемъ и за которую, вопреки всему, дѣлающемуся у насъ, мы такъ страстно любимъ Россію, такъ горячо надѣемся на ея будущность“.

Съ радикальной перемѣной во внутреннемъ мірѣ И—ва совпала и нѣкоторыя внѣшнія событія въ его жизни. Прїѣздъ въ 1857 г. въ Римъ вдовствующей императрицы Александры Теодоровны, давшей средства нашему художнику на поѣздку для излеченія глазъ, открылъ двери его мастерской не только для Ея Величества и избранныхъ лицъ, но и для всей публики, радѣвшей при этомъ на дѣя партій—поклонниковъ и порицателей.

Предпринявъ, благодаря полученной возможности, путешествіе за предѣлы Италіи, откуда онъ не выѣзжалъ цѣлыхъ 27 лѣтъ, И—въ совѣтовался съ извѣстными окулистами Эггеромъ и его сыномъ въ Вѣнѣ, Греффемъ въ Берлинѣ и Геліусомъ въ Гейдельбергѣ, прописавшихъ ему для глазъ очки разныхъ №№, только поверхъ которыхъ онъ могъ глядѣть на натуру, затѣмъ читать по ¼ часа въ день лѣвыми глазами, закрывая правый, и, наконецъ, отдохнъ отъ занятій, по крайней мѣрѣ, въ теченіе мѣсяца въ Швейцаріи, въ тѣнистой зелени, но отнюдь не въ снѣжныхъ горахъ, а доктора Циммерманъ въ Неапль и Матюшенко въ Берлинѣ побудили его предпринять тамъ же, именно въ Интеракенѣ, — сывороточное леченіе противъ болей въ желудкѣ. Самъ онъ не чувствовалъ, однако, никакой перемѣны въ себѣ и замѣчалъ только, что платья становятся узки,

¹⁾ Тутъ очевидно Герценъ, вспоминая свои разговоры съ И—вымъ, спустя нѣкоторое время, когда писалъ статью, — передалъ его мысли не совсемъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ были выражены: И—ву было предложено заняться живописными работами въ соборахъ Петербургскомъ—св. Исаакія и Московскомъ—Спаса, гораздо раньше потери имъ истинно религіознаго чувства, и если онъ отклонилъ отъ себя это дѣло, то лишь потому, что считалъ преступленіемъ передъ своей большой картиной брата за что либо другое, кромѣ этюдозъ и эскизовъ для нея:

но, по отзывамъ окружающихъ, онъ вообще поправился и попоинѣлъ.

Еще до начала леченія, И—въ успѣлъ осмотрѣть все важное въ Берлинѣ и Дюссельдорфѣ и поѣхалъ уже въ Парижъ, чтобы посовѣтоваться тамъ съ Н. П. Боткиннмъ насчетъ дальнѣйшаго расположенія своего путешествія, собственно насчетъ покупки книгъ и матеріаловъ, какъ былъ просто насильно выгнанъ тѣмъ немедленно въ Вильбадь, куда ожидался въ то время Государь Императоръ съ Императрицею, в. к. Михаиломъ Николаевичемъ, его невѣстой и друг. лицами Царской Семьи. Представленіе членамъ Императорской Фамиліи действительно состоялось черезъ гр. Вильгорскаго, услышаны были слова Его Величества: „Я надѣюсь, что ваше положеніе улучшится“, и послѣдовало даже приглашеніе на вечерній чай и концертъ тирольскихъ пѣвцовъ; произошло вслѣдъ за тѣмъ свиданіе съ Августѣйшимъ Президентомъ Акад. Худож., в. к. Маріей Николаевной, съ которой И—въ долженъ былъ видѣться потомъ, уже послѣ курса леченія, — въ Остенде, передъ отъѣздомъ въ Лондонъ и Парижъ, какъ видно изъ его письма къ брату отъ 13 августа. Во время путешествія по Германіи, онъ заглянулъ и въ Веймаръ, чтобы изучить тамошніе рисунки Л. да Винчи, и въ Франкфуртъ, гдѣ ему особенно понравилась картина Лессинга „Гусь передъ Константинымъ соборомъ“, и въ др. нѣмецкіе города, причемъ вслѣдъ его поражалъ упадокъ классическаго искусства и замѣна его—tableaux de genre, которымъ онъ такъ не симпатизировалъ; наконецъ, онъ посѣтилъ и столь интересовавшаго его Штрауса, съ волненіемъ подхода къ дому этого ученаго. Тотъ былъ сильно удивленъ, увидавъ художника, который до такой степени почиталъ его, что зналъ всю его книгу почти наизусть и спрашивалъ его о нѣкоторыхъ неясныхъ для него мѣстахъ, рассказывая о своихъ композиціяхъ, о томъ, что еще думаетъ сдѣлать. Разговоръ былъ нѣсколько затрудненъ только тѣмъ, что одинъ говорилъ по-латыни, а другой—по-итальянски, т. к. Штраусъ не зналъ по-французски, а И—въ по-нѣмецки. Вернувшись изъ своей поѣздки въ Римъ, нашъ художникъ долженъ былъ вторично выставить свою картину для в. к. Елены Павловны, привявшей въ немъ дѣятельное участіе. Въ концѣ карнавала 1858 г. картина должна была быть отправлена черезъ Ливорно въ Петербургъ, самъ же авторъ, какъ мы узнаемъ изъ его писемъ, думалъ отправиться на 2-й не-

дѣли поста въ Аѳины, а оттуда, вмѣстѣ съ братомъ, въ Иерусалимъ, и затѣмъ, оставшись въ Палестинѣ до конца мая, пуститься, черезъ Эфесъ, на Аѳонскую гору и въ Константинополь, только чтобы въ концѣ іюня, ко времени прибытія картины, успѣть пріѣхать, черезъ Москву, въ Петербургъ. Но мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться.

Еще въ письмѣ къ И. М. Сѣчену отъ февраля мѣсяца онъ говорилъ: „Крѣпко сожалѣю, что нѣмецкія книги, пріобрѣтенныя послѣднимъ воляемъ, остаются втунѣ, и вообще сердцевины будущихъ занятій должна оставаться въ сторонѣ, чтобы дать мѣсто для изслѣдованія мѣстностей² и получить способы на дальнѣйшіе шаги въ искусствѣ“. О тѣхъ же расчетахъ на будущее И—въ высказывался и въ письмѣ къ брату отъ марта мѣсяца: „Картина (моя) не есть послѣдняя станція, за которую надобно драться. Я за нее стою, крѣпко въ свое время и выдерживалъ всѣ бури, работая посреди ихъ и сдѣлалъ все, что требовала школа. Но школа—только основаніе нашему дѣлу живописному, языкъ, которымъ мы выражаемся. Нужно теперь учинить другую станцію нашего искусства—его могущество приспособить къ требованіямъ и времени, и настоящаго положенія Россіи. Вотъ за эту-то станцію нужно будетъ постоять, т.-е. вычистить ее отъ воровъ, разбойниковъ, влѣзающихъ черезъ заборъ, а не дверьми входящихъ... Ты дорожишь римской жизнью: тутъ проведена юность съ пріятными разговоромъ молодыхъ дѣвцъ, нашихъ знакомыхъ; все это, съ прекрасной природой, съ пріобрѣтеніемъ знаній въ безопасной жизни, дѣлаетъ что-то такое неразрывное, что, кажется, шагу не хочется выступить изъ этого міра. Да, вѣдь, дѣль-то жизни искусства теперь другаго уже требуетъ! Хорошо, если можно соединить и то, и другое. Да, вѣдь, это въ сію минуту нельзя! А дѣль важнѣе околнностей, дѣль живописи въ настоящую минуту. Вѣдь надобно же, наконецъ, выяснить, что трафаретные или академическіе иконостасы съ картинками-этажами составляютъ гилья нашего времени и служатъ къ истребленію чело- вѣческихъ способностей, въ особенности русскихъ, какъ еще болѣе всѣхъ сохранившихъ свѣжесть силъ. Еслибы, напр., мнѣ даже не удалось пробить или намекнуть на высокой и новый путь, стремленіе къ нему все-таки показало (бы), что онъ существуетъ впереди, и это уже много и даже все, что можетъ дать въ

настоящую минуту живописецъ“... Призывалъ, что все сильно измѣнилось въ то время. И—въ писалъ по поводу своей картины и этюдновъ къ шей, въ проектѣ своего письма къ в. к. Маріи Николаевнѣ въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ: „Что касается до пубкики, то ея требованія ушли дальше, отвѣты на которыя разрѣшатся впоследствии. Требуя портрета мѣстности дѣйствія, спрашиваютъ о крестѣ въ рукѣ Іоанна Крестителя и т. д.,—однимъ словомъ, не довольствуясь одной школой у новѣйшаго художника, хотягъ живого воскресенія древняго міра, со всѣми доказательствами послѣднихъ результатовъ учености. Эти вопросы могутъ ясно доказать, что искусство живописи должно процвѣсти въ самую высокую и послѣднюю степень, т.-е. увѣнчать всѣ усилія новѣйшихъ антикваріевъ и ученыхъ,—залогъ лестный для насъ, въ особенности русскихъ, не выступавшихъ еще на поприще и прозябавшихъ пока мѣстѣ въ оранжереѣ европейской нашей Академіи... Этюды приготвиельные весьма занимали художниковъ. Отдѣльно отъ картины, они мало значатъ и теряютъ цѣну. Все это, вмѣстѣ съ картинной, можетъ быть практическимъ и яснымъ наставленіемъ для молодыхъ художниковъ русскихъ, готовящихся на большую путь искусства живописнаго. А т. к. въ настоящую минуту уже начинается въ Москвѣ Рисовальная школа, то очень бы было кстати все это, вмѣстѣ съ картиной, туда перевести и оставить (тамъ). При настоящемъ движеніи Россіи, разумѣется, что Москва опять получитъ свое центральное значеніе. Во всемъ этомъ, впрочемъ, я буду имѣть счастье говорить съ вами лично, теперь (же) только накидалъ вамъ первую мою мысль—служить моею картиной и этюдами, какъ живой школой, въ средоточіи Россіи, нашего отечества“.

Привед. отрывки изъ писемъ И—ва краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ, на сколько онъ, какъ истинно передовой чловѣкъ, не только не пошелъ назадъ подъ влияніемъ всякихъ невзгодъ въ его жизни и переворотовъ—въ общественной, но еще шагнулъ значительно впередъ, ничего не ожидая отъ Академіи—„этой оранжереѣ чужихъ растений“, какъ онъ выражался, притомъ въ Петербургѣ—„городѣ, не имѣющемъ ничего характеристическаго“, и возлагая, напротивъ, всѣ надежды лишь на Московскую Художественную школу, какъ имѣющую центральное значеніе, по нахожденію въ

самомъ средоточіи всей страны. Но, къ сожалѣнію, послѣдующія поколѣнія не только не пошли по стопамъ нашего великаго художника, который могъ бы служить примѣромъ во многомъ, но даже круто повернули отъ него.

Высказывая въ письмахъ къ Н. П. и П. П. Боткинымъ отъ 24 марта свои предчувствія и грустныя мысли, что „трудныя и загадочныя (для него) минуты въ Петербургѣ превзойдутъ всѣ предшествующія“, и что „разлуку съ Римомъ, послѣ 28-милѣтняго пребыванія, разлуку съ трудомъ, на который употреблена самая большая часть этого времени, и неизвѣстность будущности его положенія,—все это, въ его подлѣмъ одиночествѣ, онъ долженъ перераспределять, и переработывать“, И—въ сообщая первому изъ нихъ, что въ тотъ день „у него свернулось все на то, что онъ будто бы везетъ картину въ Парижъ и Лондонъ, но эти перескачки въ жизни не подтверждены еще в. к. Еленой Павловной“, а второму—, что „все употребить, чтобы быть съ картиной въ Петербургѣ съ первымъ пароходомъ изъ Штетина“, оставшихъ въ Римѣ только до пасхи. Затѣмъ, 24 апрѣля, онъ заявлялъ брату, что „все со дня на день ждетъ извѣстія изъ Марселя, и изъ Штуттгарда—для Штетина, гдѣ предполагается сѣздать его съ в. к. Ольгой Николаевной“.

Наконецъ, сдѣлавъ у Кучони въ Римѣ, послѣ двухъ неудачъ,—257 фотографическихъ отпечатковъ съ картины въ маломъ видѣ и 32—въ большомъ (причемъ большой негативъ лопнулъ), И—въ, черезъ портъ Чивитта Веккіа и Тулонъ отправился съ своей картиной на пароходѣ въ Марсель, куда и пріѣхалъ 4 мая в. с., а потомъ по жел. дорогѣ, черезъ Парижъ (6-го числа) и Кельнъ (10-го),—въ Гамбургъ (12-го) для встрѣчи в. к. Ольги Николаевны и въ Киль (17-го) для переезда въ Петербургъ, терпя всевозможныя затрудненія отъ таможенныхъ проводочекъ и величины самого ящика, то не входившаго во внутрь парохода или вагона, то требовавшего громадныхъ затратъ для отправки со скорыми поѣздами.

Несмотря, однако, на всякія непріятности въ пути, нашъ художникъ внимательно осматривалъ все достопримѣчательное въ посѣщенныхъ имъ впервые городахъ, письменно дѣлаясь съ братомъ своими дорожными впечатлѣніями. Такъ, по поводу Кельна, онъ писалъ ему 10-го мая: „Кельнскій соборъ великолѣпенъ. Это строеніе въ самомъ дѣлѣ есть плодъ вѣрованія, выработаннаго въ сѣверномъ климатѣ герман-

цами... Въ частныхъ домахъ видно стараніе архитекторовъ пособить остроугольнымъ крышамъ—равнымъ маскированіемъ и горизонтальными линіями, что дѣло, конечно, вкуса, но не равна, противъ котораго онъ спорить“. А по поводу Гамбурга—12-го числа: „Сейчасъ здѣсь былъ на выставкѣ художническихъ произведеній—что это за угожденіе мелочному и тривиальному требованію публики! Впрочемъ, ландшафты случаются съ достоинствами, но все-таки портреты—ландшафтыя картины“.

Но въ Киль И—ва вдругъ постигли роковыя симптомы начинавшейся болѣзни: какъ разъ передъ самой пагубной картиной на русской казенный пароходъ „Олафъ“ (17-го числа въ 2 ч. пополудни), для отплытія въ Петербургъ съ Великой Книгиней, у него изъ носу пошла кровь, которой уже въ Гамбургѣ вытекло со стаканъ, а тутъ она лилась стаканъ за стаканомъ, такъ что доктору едва удалось унять ее на 5-мъ, посредствомъ полосканья, и лишь только А. А. поприказу всталъ съ постели, какъ обморочный припадокъ, случившійся въ первый разъ въ жизни, снова свалилъ его съ ногъ. Это обстоятельство, послѣ освидѣтельствованія его двумя военными докторами—датскимъ и русскимъ съ парохода, побудило нашего художника, вмѣсто дальнѣйшаго путешествія, вернуться черезъ нѣск. дней (20-го числа) опять въ Гамбургъ, т. к. на другой день онъ чувствовалъ себя столь слабымъ, что едва на полчаса, да и то подъ руки, могъ сходить прогуляться къ вечеру въ садъ гостиницы, гдѣ онъ остановился. Тутъ ему все приходило въ голову: нельзя ли совсѣмъ набавиться отъ посѣщенія Петербурга, въ чемъ его еще болѣе утверждалъ русс. докторъ, находившій, что, послѣ столь долгаго пребыванія въ Римѣ, климатъ Петербурга, очевидно, будетъ ему вреденъ и что ему нужно будетъ опять возвратиться въ Римъ. „Еслибы можно было возвратиться сейчасъ къ тебѣ въ Римъ—писалъ А. А. брату 19-го мая,—то ужъ лучше этого ничего бы не могло быть!“ Однако, вмѣстѣ съ этимъ, его мучила и другая мысль: „Кому поручить картину, кто захочетъ хоть сколько инбудъ хлопотать!“

Послѣ описаннаго случая съ И—вымъ, ему никто не советовалъ ѣхать моремъ въ Петербургъ (даже черезъ Штетенъ), ибо морская болѣзнь могла возбудить кровотеченіе, отправиться же черезъ Кенигсбергъ на переключенныхъ—было совсѣмъ не по силамъ, а при направленіи черезъ Варшаву—приходилось за-

нимать мѣста въ дилижансѣ мѣсяцемъ раньше. Поэтому онъ при первой возможности поспѣшилъ въ Берлинъ (21-го числа), чтобы посоветоваться насчетъ здоровья и дальнѣйшей дороги съ С. П. Боткинѣмъ, и, тотчасъ послѣ совѣщанія съ нимъ, равно какъ и съ другими, временно находившимися въ столицѣ Пруссіи, русс. молодыми докторами, направился, черезъ Штеттинъ, въ Петербургъ, гдѣ былъ встрѣченъ бр. П. и М. Боткинѣми. Здоровье его, какъ онъ сообщалъ брату изъ Штеттина 29 мая нов. ст., совсѣмъ поправилось и онъ уже не чувствовалъ головной боли, чтб было слѣдствіемъ болязни; однако же болядность на лицѣ все еще была замѣтна, и онъ продолжалъ по прежнему принимать желѣзо въ капляхъ по 4 раза въ день, чтб требовалось дѣлать еще недѣли двѣ.

Съ возвратомъ на родину, на И—ва пахнуло прежней жизнью. На ряду съ воспоминаніями о годахъ, проведенныхъ въ Анад. Худож., и съ желаніемъ узнать о судьбѣ полюбившейся ему нѣкогда аристократки, какъ мы узнаемъ изъ воспоминаній М. П. Боткина, его стало занимать все окружающее. Считаая русскую рѣчь музыкой для себя, онъ съ восхищеніемъ ходилъ слушать церковное пѣніе, хотя не пренебрегалъ и пѣніемъ цыганъ и гирольцевъ на минеральныхъ водахъ; съ удовольствіемъ стремился въ театръ видѣть слышаннаго имъ въ чтеніи самого Гоголя „Ревизора“, исполненіемъ котораго онъ остался очень доволенъ. Зато удобствами жизни и внѣшнимъ видомъ столицы, послѣ большихъ европейскихъ городовъ, онъ былъ не вполне доволенъ, особенно не нравилась ему дѣшная архитектура, за исключеніемъ Исаакіевского собора.

Находя, напр., что „церковь Благовѣщенія (К. Тона) поражаетъ нелѣпностью архитектуръ“, И—въ писалъ брату 4 іюня про Исаакіевскій соборъ: „Въ обществѣ, покажишь, ругаютъ Исаакія, но массы хвалятъ. Воля твоя, а я отдыхаю на Исаакіѣ отъ архитектуры другихъ церквей, кромѣ развѣ Каазанскаго,—право все это шутка, которая стоить вышвырнуть вонъ. Въ Исаакіѣ хуже всего внутри—золотыя фигуры, эти лепешки барокко, и, представь, на самой серединѣ иконостаса — скульптура, не скульптура, и живопись, не живопись: это образъ-центавръ, т.-е. скульптурныя фигуры съ плоскими живописными лицами, къ нимъ приставленными, которыя съ боковъ имѣютъ какъ бы право на общую картину, ибо оканчиваются святыми, написанными на плоскости.

Вѣдь выдумали же дичь!“ А немного раньше—29 мая: „Я расматривалъ живописи, но нашелъ только архитектуру Монферрана, которая и снаружи, и внутри, превосходитъ и живопись, и скульптуру, далеко. Въ самомъ дѣлѣ, архитектура напоминаетъ греческую или, лучше, римскую, и драгоценностью матеріаловъ дѣлается монументальною, тогда какъ скульптура, потерявъ весь характеръ Фидія, изнемогаетъ подъ новыми приложеніями къ церкви, а живопись, законно выйдя изъ первобытной византийской, остановилась здѣсь только на холодномъ академическомъ ученіи“..

Но скоро въ Петербургѣ опять пошли бѣды одна за другою, какъ видно изъ писемъ И—ва къ брату, начиная съ перваго отъ 23 мая ст. и кончая послѣднимъ—отъ 27 іюня. То ему пришлось понапрасну, при ужасной погодѣ, ѣздить въ Царское Село, куда предполагалось сперва направить картину въ виду пребыванія тамъ Двора, и вернуться никоимъ не выдвѣ; то надо было, по совѣту гр. Вильгорскаго, поѣхать прежде всего къ в. к. Маріи Николаевнѣ въ Сергіевку, причемъ, простудясь на пароходѣ, онъ получилъ-было холеру и былъ спасенъ только приватыми мѣрами со стороны доктора в. к. Елены Павловны—Тарасова (котораго И—въ особенно цѣнилъ за заботы по учрежденію сестеръ милосердія); то рождались все новыя недораумѣнія насчетъ того, гдѣ выставить картину—въ Зимнемъ ли Дворцѣ, куда она была доставлена и гдѣ должна была пребыть три дня Царская Семья передъ освященіемъ Исаакіевского собора, во дворцѣ ли в. к. Елены Павловны, какъ предлагала Ея Высочество, или въ Академіи, согласно предложенію в. к. Маріи Павловны, бывшей въ то время президентомъ ея; то, наконецъ, онъ долженъ былъ выслушивать грубости отъ гр. Гурьева, къ которому онъ обратился за дозволеніемъ присутствовать на освященіи Исаакіевского собора,—изъ-за пошенія бороды.

Съ великою клягиной президентомъ И—ву удалось говорить очень и много: и о собственной картинѣ, и о занятіяхъ его брата Сергѣя, и о будущихъ планахъ (о путешествіи въ Палестину и переселеніи на время въ Римъ для приведенія въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ), и объ иконной живописи и кн. Гагаринѣ (будущемъ вице-президентѣ Академіи), причемъ дѣло не обходилось безъ противорѣчій, т. к. Марія Николаевна признавала работы послѣдняго (напр., въ церкви при ея дворцѣ) образцами этого рода искус-

ства. Главное же, что встрѣчалъ часто нашъ художникъ по возвращеніи на родину, это—высокобѣріе, а очень рѣдкими исключеніями, со стороны своихъ собратьевъ, сдѣлавшихся тѣмъ временемъ важными лицами, благодаря полученнымъ должностямъ и чинамъ. Такъ, напр., тогдашній ректоръ Академіи и хранитель картинъ въ Эрмитажѣ, проф. Бруни, какъ бы не довѣря бумагѣ министра Двора гр. Адлерберга на имя И—ва о Высочайшемъ повелѣніи выставить картину для Государя, а потомъ и для публики, въ одной изъ залъ Зимняго Дворца, по его собственному выбору, заставилъ побольшого художника сѣздать еще разъ въ Царское Село съ дѣлкою доставленія отъ оберъ-гофмаршала гр. Шувалова именного повелѣнія для него лично; затѣмъ, противясь почему-то выставкѣ ея въ Испанской галлерей Эрмитажа,—все-таки добился своего, чтобы она была выставлена въ Бѣломъ залѣ, гдѣ она освѣщалась неровно—рефлексами, ибо снизу свѣтъ падалъ тамъ на лѣвый уголъ, въ среднѣй была рефлекція отъ другого окна, а все остальное находилось въ тѣни отъ потолка.

Даже послѣ осмотра картины (28 мая) Государемъ Императоромъ, принявшимъ художника весьма пріятливо и очень благодарившимъ его за этотъ трудъ, и прощодившаго вслѣдъ затѣмъ разговора в. к. Маріи Николаевны съ гр. Адлербергомъ, положеніе И—ва ничуть не выяснилось. Хотя при вопросѣ оберъ-гофмаршала Муханова и его брата: что лучше—пенсія или по смерти или плата единовременная, онъ, напирая на послѣднее, и убѣдилъ ихъ въ томъ же, тѣмъ не менѣе гр. Вѣльгорскій сообщилъ ему черезъ день, „что довольно трудно его вещь опѣнить, но что, какъ онъ думаетъ, при умѣренной платѣ ему будетъ пенсія, а Академія дастъ профессорство“.—„Это послѣднее ужасно!—воскликнулъ И—въ въ письмѣ къ брату отъ 31 мая. Дѣлать нечего, надоно и это выносить терпѣливо, если уже въ идеяхъ общества это условіе такъ закоренѣло“. Въ довершеніе всего, вслѣдъ за выборомъ имъ, совмѣстно съ М. П. Боткинѣмъ, въ силу именного повелѣнія и съ согласія Бруни, аванзалы со стороны Крещенскаго подъѣзда для выставки картины, послѣдоваоу уведомленіе отъ гр. Шувалова, „что картина не можетъ оставаться болѣе во Дворцѣ для публики и что ее нужно отправить въ Академію для выставки“. Сообщая объ этомъ брату въ томъ же письмѣ, А. А. прибавлялъ: „Послѣ обѣда пошли мы выбирать залу въ Академіи.

Что за грусть навѣяла на меня Академія. Выбрали, однако же, античную галлерейю около „Авинской школы“ (т.-е. коніи съ картиной Рафаэля), гдѣ французскій живописецъ Ивонъ выставилъ также свою „Багагію Дмитрія Донского на Куликовомъ полѣ“—картину больше Ивановской, „по совершеннѣйшую декорацию театра, да еще какъ бы за 50 лѣтъ передъ тѣмъ писанную“.

Вынужденный при этомъ дѣлать разные официальные визиты для устройства своего дѣла, И—въ отдыхалъ только въ кругу сочувствовавшихъ ему людей, каковы были для него: кромѣ Боткиныхъ—Кавелинъ, Хомяковъ, Гончаровъ, Тургеневъ, кн. Щербатовъ (почетный Петерб. университета), причѣмъ онъ не отказывался и отъ литературныхъ обѣдовъ въ честь послѣднихъ двухъ лицъ, уклоняясь, напротивъ, отъ лицезѣрныхъ приглашеній со стороны своихъ собратьевъ.

Наконецъ, 9 іюня картина была перенесена въ Академію и поставлена на избранномъ мѣстѣ, вмѣстѣ со всѣми этюдами и эскизами къ ней. Матеріальныя средства И—ва изсякали, благодаря столичной дороговизнѣ и ненабѣжности многихъ побочныхъ расходовъ, которые онъ и покрывалъ только изъ 200 червонныхъ, испрошенныхъ в. к. Ольгой Николаевной у Государя еще раньше, и 1000 р., вырученныхъ имъ отъ продажи негатива съ картины Водову. Между тѣмъ слухи о 30 тыс. за картину замѣнились уже 10-ю и даже 8-ю, такъ что никто не могъ сказать, на чемъ дѣло остановится, даже в. к. Константинъ Николаевичъ, которому нашъ художникъ высказалъ предположеніе употребить полученную отъ Государя сумму на путешествіе въ Иерусалимъ и Синай, но получилъ въ отвѣтъ, что туда его могла бы послать и Академія.

Съ каждымъ днемъ нашему художнику становилось все труднѣе и тяжелѣе. „Два обстоятельства: уменьшеніе платы (за картину) и власть аматера (кн. Гагарина) надъ специалистомъ—пишетъ онъ брату 14 іюня,—разумѣется, заслоняютъ въ моихъ глазахъ все прочее, ибо все прочее заключается только въ пріятныхъ словахъ и въ весьма немногихъ приходахъ... Видно, что составилась партія о предложеніи мнѣ пути,—прибавлялъ онъ,—я вѣдъ съ моими новыми идеями долженъ ожидать новыхъ страданій“..

На выставкѣ продавались лишь этюды и нѣкоторыя изъ эскизовъ—В. А. Ковореву (голова мальчика въ тѣни, видъ Тиволи съ Монтчелли,

ближайшій къ картинѣ эскизъ), гр. С. Г. Строгонову (другой эскизъ) и т. д.; надежды на Громова, гр. Кухлева-Безбородко и др.—не оправдались; но публики каждый день бывало много—и „высказательный взглядъ, по большей части полный здравыхъ разсужденій, ее отличалъ“, какъ говорилъ И.—въ въ томъ же письмѣ къ брату. Въ видѣ развлеченія онъ посѣщалъ старыхъ и новыхъ знакомыхъ—Оленину (дочь бывшаго президента Академіи), двухъ Орловыхъ (рожд. Раевскую и рожд. Кривцову), Плетнева, кн. Вяземскаго и проч., не забывая при этомъ и дѣловыхъ посѣщеній, необходимыхъ или полезныхъ для его будущихъ работъ.

„Замѣчательна моя просьба къ Чернышевскому о переводѣ въкоротъ строкъ съ нѣмецкаго, относящихся къ будущимъ моимъ занятіямъ“... „Проблѣдъ долго въ Госуд. Библіотекѣ (т.-е. въ Имп. Публичной), гдѣ завалили меня и Стасовъ, и Горностаевъ разными увражами, но интересамъ моимъ мало удовлетворили—за ними нужно обратиться къ Маріи Николаевнѣ“,—писалъ онъ брату все въ томъ же письмѣ, подъ 22-мъ и 23-мъ числами. Правда, И.—въ скрывалъ отъ другихъ предметъ своихъ будущихъ работъ, но разбитый еще на пароходѣ ящикъ съ альбомами и важнѣйшими книгами, осмотрѣнными потомъ въ конторѣ в. в. Елены Павловны (что ему было крайне неприятно, какъ видно изъ письма его къ брату отъ 27 мая), подалъ поводъ къ толкамъ о желаніи его выдать родъ коллекціи рисунковъ библейско-евангельскихъ, о чемъ онъ узналъ изъ разпросовъ Плетнева. Поэтому надо просто изумляться, какъ онъ рѣшился, судя по воспоминаніямъ *В. П. Гаевского* и *П. М. Ковалевскаго*, самъ рассказывать имъ въ Лондонѣ и Парижѣ въ 1857 г. о своихъ будущихъ планахъ.

Даже Чернышевскому, къ которому онъ привозилъ „новое издание одного знаменитаго нѣмецкаго теологическо-философскаго сочиненія (Штрауса) и французскій переводъ одного изъ прежнихъ изданій этой книги“— для свѣщенія новаго изданія подлинника съ этимъ переводомъ и для передачи ему измѣненныхъ авторомъ мѣстъ, И.—въ, видимо, не опредѣлилъ ближайшей цѣли этихъ розысканій, сказавъ только: „Въ новомъ изданіи авторъ сдѣлалъ значительныя перемѣны, такъ что опровергъ нѣкоторые изъ выводовъ, на которые соглашался прежде изъ уваженія къ возраженіямъ Неандера,—и я хотѣлъ знать, въ чемъ именно состоятъ эти перемѣны“. Когда же Чернышевскій спросилъ его: неужели его такъ сильно занимаютъ изслѣ-

дованія этого философа?—Ивановъ отвѣчалъ лишь: „А какъ же! Въѣдъ я долженъ знать, какимъ образомъ понимаютъ нынѣ передовые люди нашей цивилизаціи тотъ предметъ, изъ котораго преимущественно беретъ свои сюжеты искусство; художникъ долженъ стоять въ уровень съ понятіями своего времени“. Послѣ чего разговоръ обратился на сочиненіе, привезенное И.—вымъ, и другія изслѣдованія подобнаго рода, причемъ изъ его бесѣды обнаружилось, что онъ основательно изучилъ многія изъ нихъ. „Мы, художники,—заключилъ онъ,—получаемъ слишкомъ недостаточное образованіе—это связываетъ намъ руки. Сколько силъ у меня останется, буду стараться, чтобы молодое поколѣніе было избавлено отъ недостатка, отъ котораго мнѣ пришлось избавляться такъ поздно. Вотъ теперь я, какъ видите, долженъ узнавать съ большими затрудненіями то, что другіе узнаютъ въ университетѣ. А какъ трудно отдѣлываться въ мои дѣта отъ вкоренившихся понятій!“ „У насъ въ Россіи,—продолжалъ онъ даѣе,—находится много людей съ прекрасными талантами къ живописи, но великихъ живописцевъ не выходитъ изъ нихъ потому, что они не получаютъ никакого образованія. Владѣть кистью—этого еще очень мало для того, чтобы быть живописцемъ; живописцу надобно быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ. Если я получу какое-нибудь вліяніе на искусство въ Россіи, я прежде всего буду хлопотать объ устройствѣ такой школы живописи, гдѣ молодые люди, готовые быть художниками, получали бы основательное общее образованіе; ...въ средѣ ихъ могло бы развитися новое направленіе искусства... Мнѣ хотѣлось бы положить хотя начало этому дѣлу. Буду трудиться, мало-по-малу научусь яснѣе понимать условия нашего искусства, а потомъ выйдутъ изъ молодого поколѣнія люди, которые совершатъ начатое мною“. Затѣмъ, на просьбу Чернышевскаго опредѣлить, хотя въ общихъ чертахъ, въ какомъ видѣ представляется ему новое направленіе искусства, насколько оно стало уже понятно для него?—Ивановъ высказалъ слѣдующія соображенія: „Съ технической стороны, оно будетъ вѣрно идеямъ, которымъ служили Рафаэлъ и его современники-итальянцы; техника доведена ими до высокой степени совершенства; тутъ намъ не остается ничего иного, какъ быть ихъ послѣдователями. Нынѣ въ Германіи и другихъ странахъ многіе толкуютъ о до-Рафаэлевской манерѣ, у насъ—о византийскомъ стилѣ въ живо-

писи; такія отступленія назадъ и невозможны, и не заслуживаютъ сочувствія; формою искусства должна быть красота, какъ у Рафаэля,—мы должны остаться вѣрны итальянской живописи. Но это со стороны техники. Идей у итальянцевъ XVI в. не было такихъ, какія имѣютъ наше время; живопись нашего времени должна проникнуться идеями новой цивилизаціи, быть истолковательницею ихъ. Соединить Рафаэлевскую технику съ идеями новой цивилизаціи—вотъ задача искусства въ настоящее время... Искусство тогда возвратитъ себѣ значеніе въ общественной жизни, котораго не имѣетъ теперь, потому что не удовлетворяетъ потребностямъ людей; оно будетъ имѣть тогда и враговъ, которыхъ не имѣетъ теперь. Я, знаете ли, боюсь, какъ бы не подвергнуться гоненію—вѣдь искусство, развитію котораго я буду служить, будетъ вредно для предрассудковъ и преданій; это замѣтатъ, скажутъ, что оно стремится преобразовать жизнь, и, знаете, вѣдь эти враги искусства будутъ говорить правду—оно дѣйствительно такъ". На увѣренія же Чернышевскаго, что его будутъ преслѣдовать только завистники, чтобы онъ не отнялъ у нихъ выгодныхъ работъ и почетныхъ мѣстъ, да и то пока не убѣдится, что ему неизвѣстно искусство быть по карманамъ и интриговать, И—въ, рассказавъ своему собесѣднику, къ его совершенному изумленію, какъ онъ отказался отъ двухъ громаднѣхъ и чрезвычайно выгодныхъ заказовъ, замѣтитъ одно: „Какое бы ни было достоинство моей висти, я все-таки не могу согласиться, чтобы она служила такому дѣлу, истинны котораго я не признаю. Притомъ же я не хочу быть декораторомъ, (а) для этихъ заказовъ нужна декоративная работа... Мнѣ теперь надобно работать надъ самимъ собою, а не надъ полотномъ"... Возвращаясь не разъ къ тому, что „со временъ своего провѣщанія въ Итали въ XVI в. живопись забывала развиваться сообразно процессу общественныхъ идей, что художники нашего времени не должны довольствоваться тѣми идеями, которыя дошли до нихъ по преданію эпохи, уже давно превзойденной новыми успѣхами цивилизаціи, (т. е.) новое время требуетъ новаго искусства", И—въ признавался, что „идея новаго искусства, сообразно съ современными понятіями и потребностями, до сихъ поръ еще не вполне прояснилась въ немъ"... „Я долженъ,—добавлялъ онъ,—еще долго и неуспѣшно трудиться надъ развитіемъ своихъ понятій; не раньше,

какъ черезъ 3—4 года, я самъ отчетливо пойму, что и какъ я долженъ дѣлать; я долженъ разработать свои понятія и опредѣлить ихъ. Раньше той поры, когда опредѣлится во мнѣ идея современного искусства, я не начну провозвѣщать новыя картины; до той поры я долженъ работать не надъ изображеніемъ своихъ идей на полотнѣ, а надъ собственнымъ своимъ образованіемъ"... И тѣмъ не менѣе И—въ ничѣмъ не выдалъ Чернышевскому о начатыхъ уже имъ тогда работахъ (см. „Соврем.“ 1858, № 11, отд. I, с. 175—180).

Несмотря на постоянную нужду въ деньгахъ, И—въ все-таки думалъ подарить въ Моск. рисовальн. классъ картины отца, свои первыя, бывшія вмѣстѣ съ ними, а также вѣкторія, привезенныя изъ Рима, считая это „самымъ лучшимъ ихъ употребленіемъ". „Впрочемъ,—говорилъ онъ въ письмѣ къ брату,—надо прежде познакомиться съ самымъ Моск. классомъ, содержащимся на казенный счетъ чиновниками и покровительствуемымъ вельможедворянами". Кн. Оболенскій совѣтовалъ ему, если на картину будутъ давать дешево (в. к. Константинъ Николаевичъ опредѣлялъ эту сумму въ 12 т. р.), везти и ее въ Москву, гдѣ, по его мнѣнію, скорѣй купить — и лучше.

Какъ вдругъ въ среду 25-го іюня, И—въ узнаетъ, что еще съ воскресенія появилась о немъ статья въ „Сынѣ Отеч.", гдѣ, по его словамъ, противоположная партія ему—какъ увѣряютъ: Бруни и др. члены Академіи—прикрылись именемъ весьма малознакомаго и плохого литератора (Толбина). „Статью приносятъ къ картинѣ, прибавляегъ оны, и читаютъ, слыша. Пименовъ (котораго И—въ считалъ самымъ талантливымъ человѣкомъ, какой въ Академіи тогда находился) и др. члены Академіи обѣщаютъ выступить съ отвѣтомъ. Онъ мнѣ говорить, что картина моя не поразила Дворъ, какъ картина Брюлло". „Ты не повѣришь, что за дерзкую статью написали обо мнѣ въ „Сынѣ Отеч."—пишетъ онъ брату еще разъ (26 іюня). Съ нею ходятъ на выставку провѣрить неучные и способные ко злу. Противоположная партія, т. е. (та, что) за меня, едва-ли въ состояніи отвратить вполнѣ это зло"... На 27-мъ іюня оставивается самая переписка И—ва съ братомъ.

Упомянутая здѣсь статья, появившаяся въ 25 № „Сына Отеч." отъ 22 іюня 1858, дѣйствительно выходила изъ ряда вонъ по своему безобразному отношенію къ картинѣ И—ва, не только въ смѣхѣ общаго ироническаго тона,

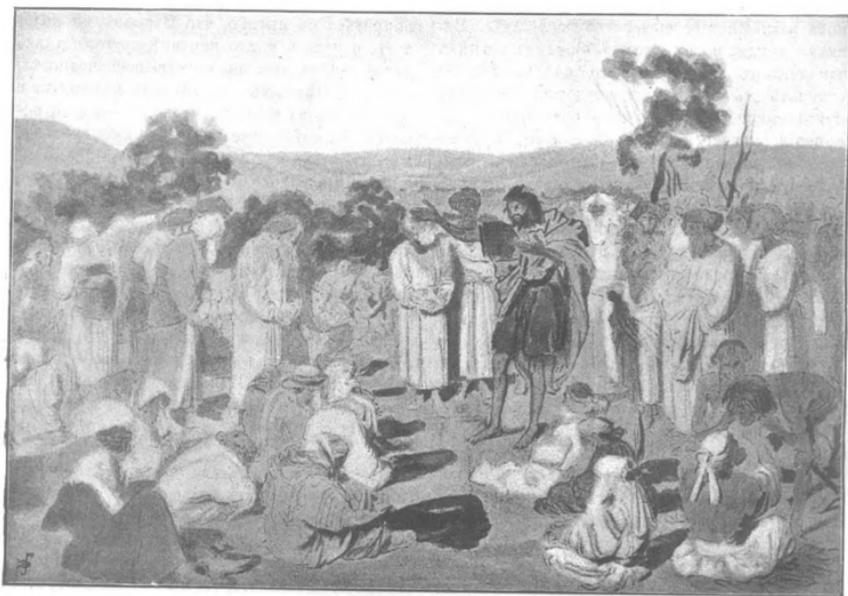
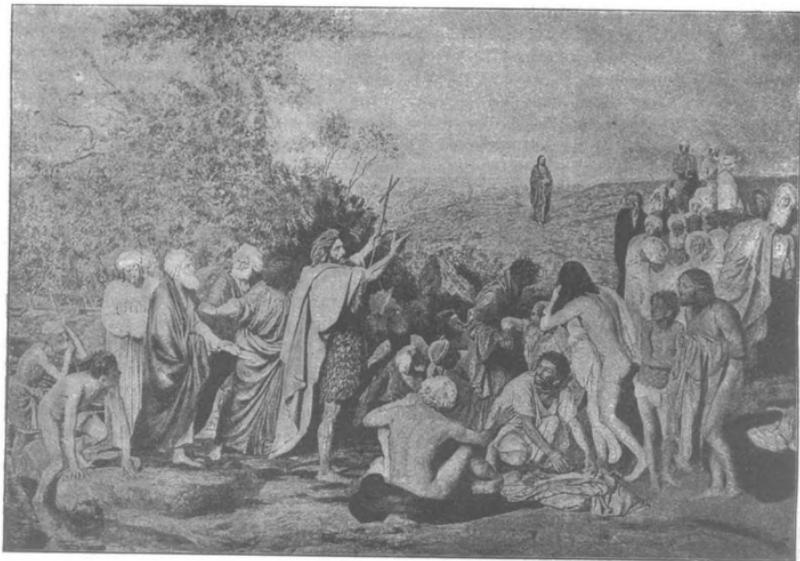
мѣстами сглаженного, правда, кой-какими похвалами по адресу художника, но еще въ смыслѣ чисто непринципныхъ намековъ. Просто не понятно даже, какъ могъ *В. Толбинъ*, помѣстившій уже биографію И—ва въ № 37 того же „Сына Отец.“ отъ сент. 1857, написать теперь подобный фельетонъ. Относясь нѣсколько иронически даже къ Гоголю и Жуковскому, какъ первымъ глашатаямъ „о высшихъ достоинствахъ картины, въ то время далеко не конченной“,—вслѣдствіе ихъ чрезвычайной восприимчивости и восторженного почитанія „не только самого прекраснаго, но и отвлеченной идеи о немъ“, авторъ говорилъ даже, что „таинственность и недоступность, которыми окружалъ художникъ исполненіе картины, доводили любопытство дилетантовъ живописи до лихорадочной истомы“, и прибавлялъ при этомъ, что „лишешные возможности проникнуть въ святяище молги представить себѣ всю прелесть его произведенія лишь по аналогіи, по мечтательному сравненію невидимнаго съ видимымъ—по картинѣ г. Иванова, находящейся въ Имп. Эрми-тажѣ.—„Марія Магдалина, урѣвша Слассителя въ вертоградѣ“. „То былъ первый драгоценный даръ молодого художника русскому искусству, присланный изъ Италіи!—восклидалъ Толбинъ. То былъ перлъ, въ которомъ отражалось все чисто-Ивановское, начиная съ колорита, цвѣт., экспрессіи, до малѣйшихъ складокъ одеждъ: ...никто изъ древнихъ известныхъ художниковъ (Скарцеллони di Credi, Микель-Анджело, Анджело Аллори Bronzino, Скарсела, Перуджино, Бароччіо, Корреджіо), писавшихъ на этотъ же самый сюжетъ и которыхъ произведенія, вѣроятно, видѣлъ и изучалъ г. Ивановъ, не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на идею и исполненіе въ этомъ прекрасномъ произведеніи русскаго художественнаго творчества. Ручательство за превосходное исполненіе второй задуманной огромной картины было, слѣдуетъ, несомнѣнно. Публикѣ оставалось только ждать новаго отраднаго явленія въ нашей русской школѣ живописи... А между тѣмъ г. Ивановъ продолжалъ трудиться и, къ полной его чести, трудиться такъ, какъ не трудился, можетъ быть, ни Брюлловъ, ни Бруни, ни Моллеръ (известно, что Брюлловъ, носившій въ умѣ идею „Помпей“ пять лѣтъ, написалъ картину менѣе, чѣмъ въ годъ). Каждый камень, каждый листокъ, каждый мельчайшій аксессуаръ, г. Ивановъ рисовалъ съ натуры, перерисовывалъ нѣсколько разъ, ѣздилъ въ Палестину [чего со-

вѣтъ не было] и, наконецъ, даже до того ослабилъ непрерывными занятіями артіе, что долженъ былъ лечиться серьезно и продолжительно. Можно ли было, послѣ всего этого, заранѣе не симпатизировать труду, пріобрѣтенному такою дорогою цѣною?.. и, въ особенности, не имѣть заранѣе слѣпота пристрастія тогда, когда вѣсти изъ-за границы въ послѣднее время провозгласили, говоря объ этой картинѣ,—о Пуссеневскомъ пейзажѣ, о полнотѣ концепціи, о строгой правильности рисунка. Въ послѣднемъ, даже заочно, никогда не сомнѣвались самые закоренѣлые скептики... И вотъ, наконецъ, картина г. Иванова явилась передъ очью Петербургской публики, въ античной галлерей, представъ во всей художественной еще своей свѣжести, удивляя своею громадностью, передъ зваными и незваными, передъ избранцами и неизбранными, передъ знатоками и профанами живописи, и мы съ прискорбіемъ вспомнили неабвенный стихъ Грибоѣдова: „Блаженъ кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтъ“. Несмотря на многія несомнѣныя достоинства, картина г. Иванова не вполнѣ межъ тѣмъ оправдала тѣ тревожныя ожиданія, тѣ несомнѣныя надежды, которыя порожила она, будучи еще незримою и окруженной запретомъ таинственности... Родъ ея живописи нельзя отнести ни къ масляной, ни къ фрескѣ—это какой-то новшій, особый родъ, созданный собственно самимъ г. Ивановымъ, родъ живописи своеобразной, подходящей подъ тотъ, которымъ писали первые итальянскіе художники до-Рафаэлевскаго періода и которымъ писалъ нѣкоторое время и самъ онъ [т. е. Рафаэль], въ первой своей молодости,—[но] который врядъ ли возьметъ себѣ за образецъ молодое талантливое поколѣніе нашихъ художниковъ, даже изъ самыхъ жаркихъ поклонниковъ несомнѣннаго, громаднаго таланта г. Иванова. Тлетворное, пагубное вліяніе Овербека... не миловало, кажется, и творческой кисти г. Иванова. Про коритъ картины г. Иванова пройдемъ молчаніемъ... Мы не понимаемъ только одного: какъ г. Ивановъ.. могъ допустить, почти во всѣхъ своихъ фигурахъ,—бѣлое, чисто-сѣверное тѣло... Величественная, истинно-прекрасная фигура Іоанна Крестителя, по величинѣ несоразмѣрная, впрочемъ, всѣмъ другимъ фигурамъ картины,—также лишена, по нашему мнѣнію, исторической вѣрности колорита“... Нападая дагѣ на фигуру раба на первомъ среднемъ планѣ, за „зеленія, естественныя черты головы, словно отдѣленной отъ искаженнаго, полуистлѣннаго трупа и приставленной къ бодрому

мускулисту живому тѣлу“, за улыбку и вообще за исполненіе, „въ особености правой руки, которой кисть...“—причемъ авторъ не договаривалъ своей мысли, Толбинъ находилъ ее напоминающей и похожей по всему на статую „Точилщика“, наход. во 2-й античной галлерей Академ. музея. Обращая затѣмъ вниманіе читателя“ на группу изъ двухъ фигуръ съ дѣвой стороны картины: фигуру старца — худоцавую, лишенную всякой академической красоты и задѣланную... до *non plus ultra* сухости, и потомъ на превосходную съ этимъ вмѣстѣ фигуру юноши, выходящихъ изъ едва замѣтныхъ водъ Иордана, который долженъ бы былъ занимать не малое мѣсто въ картинѣ,—воду, представляющихъ вблизи,—по его понятіямъ,—чисто-китайскую живопись, разрисованную какими-то фиолетовыми, синими и пунцовыми фестонами, которые надали, впрочемъ, пропаводатъ какой-то благоприятный эффектъ, но только надали и не болѣе“—авторъ статьи завѣрять, что „эта послѣдняя фигура... исполнена не много... avec un peu trop de licence... и напоминаетъ собою довольно-вольные типы фигуры Джуліо Романо, за которые... удалилъ его отъ своего двора папа Климентъ VII“. Къ этому онъ прибавлялъ еще: „Принимая въ соображеніе религіозный, чисто-нравственный сюжетъ композиціи, сдѣлавао бы, кажется, вспомнить художнику, что всё древнее... художники приступали къ воспроизведенію божественныхъ сюжетовъ съ постомъ и молитвою, и всякую лишнюю наготу тѣла считали недостойною изображенія художника христіанскаго... И тогда сдѣлалъ г. Ивановъ съ этой своей, вполнѣ прекрасной, академической фигурой? Онъ даже не позаботился сообразиться съ античными типами..., а воспроизвелъ что-то напоминающее картинны и статуи вакханалій и праздноваій Венеры *impudica*. Гдѣ же тутъ цѣломудріе, достойное такого высокого священнаго предмета?... Что это значить?—скрытый ли умыселъ тонкаго сарказма надъ всею массою европейской публики, или неумышленная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и неблагоприятная случайность?“ Перехода къ перспективѣ, критикъ замѣчалъ, что „воздушная перспектива соблюдена весьма посредственно: „фигура Спасителя, отдѣланная такъ тщательно, какъ будто бы ей предстояло быть на первомъ планѣ, такъ и выдѣлается впередъ, несмотря на свою малость въ сравненіи съ прочими фигурами“. Въ довершеніе всего, признавая, что у Иванова нѣтъ во многихъ группахъ того, что есть

у Брюллова, Бруни и Моллера, Толбинъ спрашивалъ посѣтителя выставки: „Что означаютъ, вѣдръ, вся группа правой стороны картинны изъ 27 фигуръ (въ картинѣ всѣхъ фигуръ 32), стоящая спиною къ шествующему Спасителю, на которомъ должно бы, кажется, сосредоточиться все вниманіе?“ и самъ же отвѣчалъ за него,—что ровно ничего, кромѣ старика, которого приподнимаютъ (на второмъ планѣ картинны), и группы изъ двухъ фигуръ—старца и юноши, прикрывающихся одеждою (съ правой стороны картинны). „Все прочее—ничто иное, какъ строгое академическое изученіе натуры,—увѣрялъ онъ,—часть за частью, мелочъ за мелочью, группы, значеніе которыхъ трудно понимается, ...безъ долгихъ предварительныхъ комментариевъ. Это не то, что группы въ „Послѣднемъ дѣѣ Помпеи“, „Мѣдномъ вѣнѣ“, живо, сами собою повѣствующія зрителю о правѣ и необходимости своего изображенія на полотнѣ. А между тѣмъ, что за зачатки этого общаго цѣлаго выставлены въ заглъ, и сколько труда, сколько терпѣнія въ самомъ дѣлѣ они свидѣтельствуя; какая античная и прелесть, и строгость въ этюдахъ головы Иоанна Крестителя, какую тщательность обозначенъ каждый пейзажъ, предпологаемый слушателю аксессуаромъ будущей полной картинѣ. Въ той же заглъ, гдѣ помѣщена картина, находятся и три эскиза, комнованные, видимо, авторомъ въ разное время, и жалъ, что онъ не остановился на первомъ. Сколько силы и экспрессіи въ новѣ Иоанна Крестителя! сколько говоритъ вниманію распростертая женщина у ногъ Спасителя, идущаго къ Иоанну, и двое младенцевъ, бессознательно взирающихъ на него! Какое разнообразіе въ группахъ!“ Наговоривъ столько несприятнаго по адресу нашего художника, писатель „Сына Отца“ заключалъ свою статью слѣд. словами: „Въ одномъ только можно отдать полную справедливость г. Иванову—это въ саомытости рисунка и композиціи. Проживъ такое долгое время въ Италіи, пробѣжавъ всю Европу, онъ не подчинился ни малѣйшему вліянію произведеній ни одного изъ замѣчательныхъ художниковъ, которые изображали почти этотъ же сюжетъ: ни Андреа дель Сарто (Вануччи), ни Веллети, прозванному Тиціаномъ, ни самому Рафаэлю“...

Немудрено, что подобная критика удручающимъ образомъ подѣйствовала на убитого уже и безъ того И—ва, и это впечатлѣніе отъ нея не могли изгладить ни прежнія статьи, ни др. замѣтки, появившіяся около того же времени.

9—10. „Явленіе Мессіи народу“ А. А. Иванова: картина 1837—57 г.г. и аквар. эскизъ 1848 г.

Такъ еще въ маѣ 1857 г. П. Ковалевскій писалъ въ „Русс. Вѣст.“ (т. IX, соврем. лѣтоп., с. 213): „Лишнее говорить, каковы Креститель и Христосъ. Довольно сказать, что ихъ магическое вліяніе на толпу совершенно объясняется ихъ фигурами. Передать, каковы они,—именно можетъ одна картина. Когда присмотрѣшься къ картинѣ, весь обманъ холста и красокъ исчезаетъ; новнй міръ обступаетъ вась, и люди, живые и чувствующіе, во всѣхъ провленіяхъ разнороднѣйшихъ характеровъ и видоизмѣненій одного и того же рѣзкого еврейскаго типа, встаютъ передъ вами... Кто въ произведеніи искусства ищетъ только минутной утѣхи глазу, картина Иванова не для него: онъ въ ней не встрѣтитъ ни шегольскаго письма, ни яркихъ красокъ,— все въ ней строго, трезво, и даже самого себя художникъ не потѣшилъ ни одною аксессуарною фигурою, въ которой отвелъ бы на время свою душу отъ тяжелой работы колоссальнаго труда. Но для кого искусство связано съ жизнью, тотъ отдохнетъ передъ картиной Иванова; а кто въ дѣлѣ искусства видитъ природу, проведенную не сквозъ колодки сухихъ и ложныхъ учений, а сквозъ собственный внутренней процессъ глубоко почувствованнаго міросозерцанія, тотъ найдетъ въ картинѣ Иванова возможное совершенство искусства... Никакая придирчивая критика, ни одинъ техникъ или знатокъ дѣла не въ состояніи были бы откопать въ ней мѣсто, неудовлетворительно исполненное или не глубоко обдуманное. Сочиненіе рисунка, размѣщеніе фигуръ, выраженіе лицъ, поворотъ каждаго члена, движеніе каждаго члена, каждый мускулъ, складка одежды, листъ на деревѣ,— все изучено, испробовано, доведено до послѣдняго предѣла возможной правды въ частяхъ и въ цѣломъ. Тутъ нѣтъ уже мѣста предположеніямъ, что то или другое могло бы быть лучше или върше, что повернуть можно бы сюжетъ или подробность такъ, а не этакъ,— все именно такъ, и иначе быть не могло! Все какъ будто родилось вмѣстѣ съ сюжетомъ и вышло, сросшееся съ нимъ, на полотно... Картина Иванова, какъ результатъ науки продолжительной и глубокой, основанная наукою, цѣлою академіею, для послѣдующихъ поколѣній художниковъ и крѣпительнымъ примѣромъ для тружениковъ великаго дѣла. Она же будетъ и славою русской живописи, рядомъ съ „Послѣднимъ днемъ Помпеи“...

„Прежде всего надо сказать — приводилъ *Новый поэтъ* въ „Современникѣ“ (№ 3, отд. II, с. 84) выписку изъ одного полученнаго имъ

изъ Рима письма, — что Ивановъ не колористъ и не дана ему тайна гармоніи красокъ. Но глубина мысли, но характеристика лицъ, но правда выраженія, но высокое благородство стиля — всё эти достоинства картина Иванова имѣетъ въ высокой степени... Разнообразіе и искренность выражений въ этой картинѣ удивительны. Несмотря на то, что фигура Христа находится на самомъ заднемъ планѣ дѣйствія — она собственно составляетъ средоточіе его, — чувствуешь, что онъ — духовный центръ картины... Это религиозная историческая картина на наше время... Работа мысли была въ ней несравненно огромнѣе, нежели работа кисти. И потомъ, рисунокъ въ ней не только превосходитъ, но исполненъ изящества удивительнаго... Задній пейзажъ картины превосходенъ, но передній сухъ и грубоватъ. Всѣ фигуры облиты яркимъ свѣтомъ; воздуха между ними не чувствуется; всѣ контуры рѣзкіе, а не обьяны воздухомъ, всегда дѣлающимъ ихъ мягкими, какъ въ природѣ; дѣтвѣ не сливаются въ общую гармонію, а остаются красками. Конечно, это не бравурная и кричащая пестрота Брюловскаго живописи — въ этомъ отношеніи колоритъ Иванова строгъ и избѣгаетъ даже самыхъ позволительныхъ эффектовъ, но, тѣмъ не менѣе, надо помириться съ мыслію, что Ивановъ не колористъ, и не такъ въ его картинѣ другого, а все другое имѣетъ она въ изумляющей полнотѣ“.

Изъ остальныхъ статей, если нѣкоторая и были напечатаны еще при жизни И — ва, то появились на свѣтъ уже послѣ его смерти, напр. въ „Иллюстраціи“ (3 и 10 іюля, №№ 26 — 27, с. 10 и 19). „Публика была терпѣлива — говорилъ тамъ г. Н. Х. Безъ лишнихъ оговорокъ — она у насъ непростительно холодна къ искусству, непростительно мало посвящена въ искусство (мы говоримъ о массѣ): для нея выставка — ежегодный обрядъ; выставка образцоваго произведенія — случай посмотреть что нибудь новое, вообще, чтобы потомъ (прибавляемъ это съ глубокимъ, испрекиршимъ сожалѣніемъ) забыть это едва понятное новое. Множество зрителей, собирающихся каждое утро въ античной галлерей Академіи Художествъ, еще ничего не докажетъ. Какъ ни посмотреть то, о чемъ толкуютъ газеты, чего ждали двадцать лѣтъ?... — Только-то? — говорить большинство „публики“, при взглядѣ на картину. — Да, только-то. Но, спросимъ себя сами, чего мы ожидали не въ смыслѣ художественнаго произведенія, а того, что оно представляетъ, что мы пришли смотреть? Человѣка, одѣятаго въ звѣриную кожу, проповѣ-

дующаго новое ученіе, вводящаго новый обрядъ, среди бѣдной, сожженной природы, среди народа угнетеннаго и бѣднаго, лишеннаго политическаго значенія, стремящагося къ новой вѣрѣ, какъ въ приближеніи въ скорби, какъ къ источнику нравственной свободы: это страдальцы, которымъ нужно утѣшеніе. Учитель говоритъ имъ, что не онъ спасетъ ихъ, а другой, крестящій огнемъ и духомъ, и указываетъ (на) идущаго вдаль: это странникъ, которому негдѣ приклонить голову... Такъ было, точно такъ и есть въ картинѣ Иванова; чего же еще ожидать или требовать? Картина Иванова вѣрна исторіи, вѣрна природѣ: она истина — вотъ ея достоинство. Неужели истина — казалосъ бы, вещь такая простая, такая понятная, всѣмъ доступная, — кажется странной, невѣроятной, когда является ясно передъ глазами? Неужели совершенство, только потому что оно истинно, — можетъ неудовлетворить?... Къ сожалѣнію, должно быть такъ, потому что у Иванова есть недовольные цѣнители и все еще чего-то ожидающая публика. Отчего же это? — Ожиданіе картины г. Иванова было не напрасно тревожно: она не разрѣшила, но подняла новый вопросъ; она сбиваетъ многія, сильно и съ дѣтства усвоенныя понятія; она тоже заставляетъ повать *истиннаго пониманія прекраснаго*... Говорили, что искусство должно „украшать истину“; но что украшено, то ложно. Можетъ быть, искусство можетъ *выбирать*? — но что выбрано, то истинно не воплѣтъ. Г. Ивановъ разрѣшилъ для себя эту задачу: онъ взялъ природу, какова она есть; историческій фактъ — съ его внутреннимъ величіемъ и бѣдной обстановкой; отвергъ эффекты и внесъ въ искусство новый элементъ — *досто-вѣрность*... — Жизнь не только древняя, но жизнь библейская, всегда прикрашенная, всегда выставленная условно, въ первый разъ представилась просто, даже съ своей прозой. Этюдъ, выставленные рядомъ съ картиной, показываютъ, какъ художникъ уничтожалъ понемногу все идеальное, какъ онъ низводилъ свою идею все болѣе и болѣе въ нашъ простой и бѣдный міръ, пока, наконецъ, вся сумма (ни) сложилась въ тѣхъ обыкновенныхъ формахъ, въ какихъ должна была происходить, какъ происходить все на свѣтѣ... Все это странно, ново для глазъ, до такой степени привыклихъ къ условному, что истинное почти перестаетъ казаться имъ изысканнымъ. Историческая, болѣе — священная, картина написана какъ *жанръ*. Это новость поражающая, къ ней

не приготовлены ни вкусъ, ни глаза, и чтобы понять, какой важный шагъ для искусства эта новость, пузно оставить въ сторонѣ многія наши прежнія убѣжденія... Картина Иванова не уничтожаетъ значенія художниковъ древнихъ и новѣйшихъ, но она указываетъ новую дорогу для искусства: она указываетъ возможность и необходимость изображенія простой дѣйствительности въ произведеніяхъ серьезныхъ, дѣйствительности неукрашенной и не выбранной. Она доказываетъ, что важность идеи не теряетъ отъ простоты и бѣдности обстановки, а, напротивъ, идея становится намъ доступнѣе, понятнѣе, потому что выражена истиннѣе. Новѣйшее искусство усвоило себѣ знаніе и почву, — это еще мало, — пусть оно отброситъ идеализацію и тогда, въ его произведеніяхъ, прошедшее станетъ какъ живо... Трудъ Иванова начнетъ новую эпоху и, какъ всякое начало, для современниковъ пораженныхъ и недоумѣвающихъ онъ загадоченъ и непонятенъ. — Прибавляемъ нѣсколько строкъ, вызванныхъ фельетономъ г. Толбина... Откуда взялось у г. Толбина знаніе живописи? Какіхъ мастеровъ изучалъ онъ? Какіе европейскіе музеи видѣлъ? До сихъ поръ мы знали его только за плохого фельетониста, писавшаго въ плохихъ журналахъ, — не болѣе. Легко приговоромъ въ сотню строкъ уничтожить трудъ, стоившій художнику половины жизни. Утѣшительно тѣ, что эти труды переходятъ въ вѣка, а фельетоны не живутъ и не дѣлаютъ“...

„Нынѣшній вѣкъ принадлежитъ въ особенности критикѣ, анализу, — писалъ Н. П. —, также уже послѣ смерти Иванова тоже въ „Иллюстраціи“, въ томъ же 1858 г. (№№ 30 и 31, стр. 68 и 83), какъ и двѣ предыд. статьи. — Гении стали чрезвычайно рѣдки, остались только тысячи второстепенныхъ талантовъ, подражателей и диллетантовъ, которые наполняютъ міръ искусства тщателью отдѣланными, но часто безвѣстными и, такъ сказать, безыдейными произведеніями. Техника доведена до совершенства, фантазія перешла границы идеальнаго міра, творчества — вовсе нѣтъ. А между тѣмъ, какое огромное разнообразіе для профановъ, непонимающихъ высокаго и восхищающихся преимущественно искусствомъ вѣншей отдѣлки! Сколько насажденія для нихъ по всѣмъ отраслямъ искусства... Но восторгъ профановъ, составляющихъ большинство, не всегда радѣется диллетангами. Послѣдніе еще хуже профановъ, — добросовѣстныхъ между ними мало:

большую часть ихъ составляютъ диллетанты по профессіи, т. е. такіе, которые, не будучи одарены эстетическимъ вкусомъ, слѣдо вѣрять въ авторитетъ, и, громко повторяя чужія сужденія, всегда перекриваютъ другихъ, ставятъ себя въ обязанность болѣе осуждать, нежели хвалить, и по современному всегда отзываются отрицательно. Они такъ привыкли къ заимствованію чужихъ мнѣній, что часто прислушиваются къ голосу публики, когда послѣдній особенно громко, даже въ ущербъ ихъ вѣрованіямъ въ авторитетъ... Не такую критику имѣли мы въ виду, когда въ началѣ этой статьи сказали, что нашъ вѣкъ—вѣкъ критики. По преимуществу за профанами и бездарными диллетантами слѣдуетъ меньшій классъ почитателей изящнознаковокъ, добросовѣстныхъ цѣнителей искусства, людей, отличающихся отъ толпы какъ природнымъ вкусомъ, такъ и эстетическимъ образованіемъ... Все сказанное до сихъ поръ относится къ живописи болѣе, нежели къ другому искусству... Деятельный вѣкъ, довольно бѣдный гениями вообще, въ особенности бѣденъ гениями по части пластики... Главная сторона его дѣятельности—безъ сомнѣнія политика и тѣсно связанная съ нею литература. Музамъ служатъ многие, но музы что-то не внимаютъ возваніямъ художниковъ, и специальности по части искусствъ отличаются въ особенности трудомъ, доходящимъ до гениальности. Этотъ отличительный характеръ художественной дѣятельности нашего времени нигдѣ такъ полно не высказался, какъ въ картинѣ Иванова—произведеніи громаднаго труда.

„Картина эта имѣетъ мало несовершенствъ, которыя всѣ сливаются въ одномъ главномъ недостаткѣ—что она писалась слишкомъ 20 лѣтъ... Въ произведеніи этомъ есть такія удивительныя подробности, что оно могло бы поставить Иванова на ряду съ Рубеномъ, еслибы это знаніе природы, эта выдержанность, эта эстетика были плодами не 20-лѣтняго труда, а вдохновенія. Малѣе недостатки картины исчезли бы тогда, между тѣмъ какъ, принимая въ соображеніе время, употребленное художникомъ, ихъ нельзя не замѣтить. Картина Брюллова имѣетъ много частныхъ несовершенствъ, которыя выкупаются общими ея достоинствами: глядя на нихъ, мы увѣрены, что они произойшли только отъ небрежности Брюллова, тѣмъ болѣе, что вся его картина носитъ на себѣ отпечатокъ неоконченности; ошпнкъ Иванова, напротивъ, могутъ скорѣе быть отнесены къ его таланту,

могутъ навести на сомнѣніе относительно его творческой способности. Многие говорятъ, что терпѣніе и гени—одно и тоже; это неоспорительно: одинъ творитъ по вдохновенію, по интѣнціи, другой—вълѣдствіе усидчивости, прилежанія...—Можетъ быть, лучшія части картины, какъ, напр., пейзажъ, фигура Претевичи и ваги фигуры—дѣйствительно создали вдохновенія, а произведеніе терпѣнія—все остальное. Но странно, что именно это-то остальное и отзывается какою-то неоконченностью, торопливостью,—и это неоконченное составляетъ, вѣроятно, ту часть картины, которая была писана позже.

„Первое впечатлѣніе при видѣ ея не поражаетъ зрителя. Какъ произведеніе, котораго главный характеръ—мысль, а не драматизмъ, не движеніе, картина Иванова требуетъ отъ зрителя, кромѣ особаго эстетическаго настроенія, необходимаго для созерцанія прекраснаго,—глубокое вниманіе и долгое, пристальное всматриваніе.—Въ картинѣ Иванова, какъ и въ другомъ современномъ чудѣ—Исаакіевскомъ соборѣ—нѣтъ общаго впечатлѣнія... Въ картинѣ Брюллова есть наумительный ансамбль, хотя въ ней группы разбѣгаются въ разныя стороны и не имѣютъ общаго центра, какъ, напр., Иоаннъ у Моллера и у Иванова. Въ картинѣ Иванова ансамбль слабъ: правая сторона ея рѣзко отличается отъ лѣвой—неизбѣжное слѣдствіе слишкомъ продолжительной и разновременной работы. Впрочемъ, этой невывержанности группировки есть другая причина, заключающаяся въ композиціи картины: Иоаннъ Креститель показываетъ народу на приближающагося въ отдаленіи Спасителя... Исусъ совершенно отдѣленъ отъ всѣхъ и идетъ съ достоинствомъ въ отдаленіи. Фонъ картины—одни изъ перловъ ея—составляетъ восхитительный, но простотѣ и строгости стили, пейзажъ. Всматриваясь въ группировку, мы замѣчаемъ превосходство группы лѣвой стороны картины (...подъ вѣтвями роскошнаго дерева) надъ группою правой стороны.

„Мѣсто Исуса въ картинѣ преимущественно ослабляетъ эффектъ ея, потому что поза его кажется неестественною, не смотря на то, что сама фигура, отдѣльно взятая, полна величія и что движеніе ея какъ нельзя болѣе натурально. Главная причина этой ошпнки заключается въ сюжетѣ картины. Сюжетъ этотъ имѣетъ двухъ главныхъ представителей. Слѣдовало представить ихъ на одномъ планѣ, но отъ этого пострадала бы поэтическая мысль

автора. Изъ этого небольшого неудобства въ композиціи вышла ошибка въ выполненіи, въ рисунокѣ. Ошибка эта состоитъ въ томъ, что авторъ, желая изобразить въ Спасителѣ всетаки главное лицо картины, написалъ его рельефнѣе, нежели обыкновенно пишутъ фигуры заднихъ плановъ,—почти такъ же твердо, какъ лица, гораздо ближе къ зрителю стояща, и нарушилъ условія воздушной перспективы, такъ что надали можно подумать, что фигура Христа находится въ воздухѣ, на одномъ уровнѣ съ передними предметами картины... Между эскизами Иванова есть одинъ, изображающій тотъ же самый сюжетъ, но иначе задуманный: Иисусъ подошелъ уже къ народу на нѣсколько шаговъ, такъ что оба они на первомъ планѣ,—такая композиція едва ли не лучше той, на которой остановился Ивановъ, но красотѣ группы и правильности рисунка, но за то въ ней не выражается той поэтической задушевной мысли автора, которая заключается въ приближеніи Христа...

„Если Иванову не совсѣмъ удался ансамбль группировки, то онъ блестящимъ образомъ выдержалъ ансамбль тона. Картина его пропикнута вся одною религиозною строгостію мысли. Если онъ не вдохновлялся Евангеліемъ, то понялъ его, и превосходно передалъ его высокую простоту. Въ этомъ заключается главное достоинство картины, дающей ей право на безсмертіе.

„Недавно русское искусство обогатилось прекраснымъ произведеніемъ также пѣзъ Свящ. Писанія, выполненнымъ совершенно въ другомъ духѣ. Это картина Моллера—„Іоаннъ Богословъ на Патмосѣ“. Ея содержаніе—проповѣдь христіанина среди вакханаліи идолопоклонниковъ—гораздо сложнѣе, нежели содержаніе картины Иванова, но она лишена евангельской поэзіи, она предоставила художнику поле для его воображенія и позволила ему вмѣстѣ съ тѣмъ не только уединиться отъ окружающаго его общества, но, напротивъ, многое у него позаниматься... Картина Моллера больше правилась массѣ, нежели картина Иванова. У Моллера—драма, въ картинѣ Иванова—мысль, наконецъ произведеніе Моллера—картина, произведеніе Иванова—образъ. Отсутствіе женственности, граціозности и нѣги придаетъ картинѣ нѣкоторую сухость. Если и встрѣчаются красивыя лица и формы, авторъ старается придать имъ прозаическое выраженіе. Главная цѣль Иванова—изобразить природу такую, какъ она есть, безъ классической идеализаціи формъ.

Единственнымъ украшеніемъ природы въ его картинѣ—служитъ мысль... Ивановъ повѣилъ, что искусство, изображающее христіанскій міръ, должно быть совершенно различно отъ того, которое воспроизводитъ идеалы мѣологическаго міра...

„Безспорно прекрасна, вдохновлена и даже нѣсколько идеальна одна только личность Іоанна—перлъ картины. Красивыя группы почти положительно нѣтъ... Рядомъ съ отсутствіемъ картинности заключается еще отсутствіе разнообразія въ лицахъ. Впрочемъ, еврейскій типъ схваченъ весьма удачно.

„...Нагія фигуры, кромѣ одной,—совершенство въ полномъ смыслѣ слова: онѣ не только рельефны до осязаемости,—онѣ выходятъ изъ картины, двигаются, въ нихъ играетъ кровь. Фигура, составляющая исключеніе, бросается въ глаза своею двусмысленностью: она обращена къ публикѣ спиною... Женщина это или мальчикъ?—вопросъ этотъ задаютъ себѣ многие зрители.

„О технической сторонѣ картины не станемъ распространяться, полагая, что большая часть читателей—не спеціалисты въ живописи... наше дѣло было рассмотреть картину съ точки зрѣнія искусства, а не рисовальнаго мастерства. Все, что можно сказать о произведеніи Иванова съ этой стороны, будетъ въ ея пользу. Нѣсколько лѣтъ сразу отдѣлываемый рисунокъ вышелъ правдивъ и почти безукоризненъ, за исключеніемъ ошибки противъ воздушной перспективы, и совершенно окончена... Говоря о технической сторонѣ картины Иванова, надобно сказать нѣсколько словъ о колоритѣ ея, который болѣе всего пострадалъ отъ неодобрения публики. ...Впрочемъ, многие осуждаютъ его, не имѣя яснаго понятія о томъ, что такое колоритъ. Надобно же сказать про картину что вибуетъ съ видомъ знатока и влечетъ въ свою рѣчь техническое слово!... Но понимающіе дѣло находятъ этотъ колоритъ не только безукоризненнымъ,—даже хорошимъ. Онъ какъ-то холодеетъ, сѣрватъ, а это именно идетъ къ строгости стиля и глубоко-религиозному смыслу картины.

„Мы должны все-таки окончить статью нашу панегирикомъ. Ничтожные недостатки, которыхъ многие и не признаютъ за недостатки, исчезаютъ въ безцисленныхъ и громаднѣхъ достоинствахъ этого произведенія. Талантъ Иванова—первостепенный, имя его пользуется заслуженною

словаю въ Европѣ... Въ настоящее время Ивановъ, безъ сомнѣнія, стоитъ во главѣ пластическаго искусства въ Европѣ: какъ историческій живописецъ, онъ выше Каульбаха, Шефера, Делароша, Бруни и Шоена, какъ пейзажистъ онъ—геній въ сравненіи съ Айвазовскимъ“.

„Високій моментъ, говорилъ В. К. въ „Литерат. отдѣлѣ Моск. Вѣдом.“ 3 іюля 1858 г. (№ 79, с. 320), изображенъ на картинѣ со всѣми особенностями своего двойственнаго характера: божественно-идеальнаго и чисто историческаго. Съ перваго взгляда, прежде чѣмъ вы успѣете рассмотреть частности картины, она поражаетъ васъ чѣмъ-то новымъ, еще невиданнымъ вами. Это новое—ея мысль и характеръ исполненія этой мысли. Прежде чѣмъ вы уясните себѣ достоинства картины г. Иванова въ художественномъ отношеніи, вы видите въ ней много ума и мысли, а то и другое, сколько мнѣ извѣстно, составляетъ большую рѣдкость въ современномъ живописцѣ вообще, и въ русскомъ въ особенности. Вы всматриваетесь въ подробности картины: ликъ и вся фигура св. Іоанна, изображеннаго во весь ростъ; типическія лица и позы предстоящихъ, выражающія разнообразныя чувства и мысли, которые волнуютъ ихъ, но приведенныя въ гармонію единствомъ національности и единствомъ предмета, на который обращено ихъ вниманіе; вдали Спаситель, съ глубокою душой, медленно, спокойно сходящій съ горы; наконецъ пейзажъ, поражающій своею вѣрностью путешественниковъ, которые посѣтили Палестину, — все это строжайшимъ образомъ обдуманно и выдержано. ...Въ настоящее время механизмъ живописи дается многимъ; готовые результаты мысли тоже нетрудно подслушать у другихъ и приладить ихъ къ своему мастерству. ...Картинка будетъ написана мастерски, всѣ подробности выведены и окончены, она будетъ плѣвать своимъ великогнѣпемъ, но глубокаго содержанія все-таки не будетъ въ ней. Напротивъ, въ картинѣ г. Иванова нѣкоторыя части даже не совсѣмъ окончены; зато общій характеръ картины и другія, изумительно оконченныя части дѣлаютъ ее—произведеніемъ первокласснымъ“.

„Въ картинѣ г. Иванова,—писалъ г. А. В. въ „Русс. Вѣст.“ 1858 г. (XV, соврем. лѣтоп., 349—360),—недостатки есть и какое же чело-вѣческое произведеніе не имѣетъ ихъ множество?... Жалка критика, разбирающая преимущественно дурное и слабое; но еще хуже та,

которая только восхищается и поетъ гимны: она даже обидна, оскорбительна для художника и пимало не достигъ его самолюбію. „Общая идея, встрѣча грядущаго Христа, явственно обозначена на картинѣ... Общая идея, находя множество частныхъ, не распадается у художника и не исчезаетъ въ частностяхъ... Общее впечатлѣніе проповѣди на народъ и частныя проявленія этого впечатлѣнія задуманы вѣрно, совершенно естественно, и переданы превосходно. Многія фигуры поражаютъ своею натурою: онѣ живыя и по выраженію лица, и по движенію, и по техническому исполненію рисунка... Но когда взглянешъ на Крестителя, всѣ другія прекрасныя фигуры исчезаютъ передъ этимъ возвышеннымъ образомъ живого, библейскаго пророка... Еслибы не было идущаго вдали Христа, картина и тогда была бы превосходна... Но мы забываемъ Іоанна, когда усматриваемъ приближеніе Ангѣла Божія, вземлющаго грѣхи міра. ...Фигура Христа очень небольшая и помѣщена довольно далеко; но въ походкѣ, въ наклоненіи головы и во всемъ станѣ есть что-то необычайно-высокое, что-то не отъ міра сего... Таково общее впечатлѣніе, производимое картиною г. Иванова...“

„Вообще, во всѣхъ главныхъ фигурахъ картины, такъ ясно говорящихъ о томъ, что онѣ выражаютъ,—нѣтъ и тѣни аффектаціи, нѣтъ сильныхъ и условныхъ жестовъ и театральныхъ повъ; не видно даже, чтобы художникъ много трудился надъ ними — такъ онѣ естественны, такъ всякій жестъ ихъ необходимъ (Ивановъ много трудился при *теглическомъ* исполненіи фигуръ, какъ Пушкинъ при отдѣлкѣ стиха)... На всю сцену пролитъ теплый свѣтъ угасающаго дня жаркаго климата; гармонія свѣта выдержана повсюду съ удивительнымъ искусствомъ и знаніемъ природы... Общій тонъ дали, фіолетовый, переходящій въ тѣнхъ въ голубой, и небо, зеленое у горизонта,—все вѣрно, все обдуманно и взято у природы... Конечно, точно такъ же, какъ и на картинѣ г. Иванова группы недовольныхъ, сомнѣвающихся, худителей и завистниковъ,—топа оппозиціи уже образовалась противъ его картины; это участие всѣхъ великихъ созданій и всѣхъ возвышающихся людей, „властиелей нашихъ думъ“... Первый взглядъ на картину нѣсколько удивляетъ сухостію очертаній и цвѣтомъ тѣла нѣкоторыхъ фигуръ. Особенно бросается въ глаза рабъ съ зеленоватымъ болѣзненнымъ лицомъ и красными вѣками и обнаженный юноша съ тѣломъ нѣжнымъ и бѣлымъ, какъ у молодой

дѣвушки Сѣв. Европы. И зеленоватое лицо, и бѣлое тѣло—не противоположны, но лучше бы было, еслибы то и другое было—цѣта обыкновеннаго. Потомъ невольно замѣчаешь въ некоторую симметричность въ расположеніи группъ.. Женщины нѣтъ ни одной на первомъ планѣ.. Между тѣмъ отсутствіе женщинъ много отнимаетъ живости, разнообразія и красоты у картины.. Лицо Спасителя не идеально прекрасно.. Вода рѣки и каменный берегъ отдѣланы съ изумительнымъ стараніемъ, но, кажется, художникъ въ совѣстливомъ трудѣ изученія природы перешелъ за предѣлы, допускаемые искусствомъ... Зеленъ деревъ, трава, одежда людей показываютъ тоже неутомимое изученіе природы: въ одеждѣ, въ драпировкахъ, въ складкахъ, въ свѣтѣ и тѣняхъ, художникъ истощилъ, кажется, все искусство живописи.. Многія лица прекрасны по стилю и энергіи и написаны превосходно, но въ другихъ краски нѣсколько сухи.. Для второго плана, кисть нѣсколько свободнѣе и краски посочнѣе — были бы пріятнѣе. Нѣсколько мѣстъ на нихъ фигурахъ, даже перваго плана, не совсѣмъ кончены, по крайней мѣрѣ такъ надобно думать, сравнивъ ихъ съ другими, окончательно отдѣланными. Вообще, должно сказать, что неоконченность отдѣлки, т. е. слишкомъ тщательная отдѣлка подробностей и мѣстами неоконченность предметовъ болѣе важныхъ, составляетъ главный недостатокъ картины г. Иванова.

„Всѣ прочіе недостатки ничтожны и доказываютъ не слабость таланта или неумѣніе художника, но проявляютъ особенность и самобытность его натуры, прямой и безыскусственной, и именно эта та особенность, его безыскусственность и неравсчитливость, всего болѣе вредитъ картинѣ съ перваго взгляда.. Но для г. Иванова всѣ вопросы вѣдъ искусства и всякая забота о произведеніи лучшаго эффекта не существуютъ, для него искусство святое служеніе.. По своему высокому искусству и знанію, пріобрѣтенному 25-ти-лѣтними неуспынными трудами, и по своему великому таланту, дару Божію, г. Ивановъ стоитъ теперь во главѣ нашей художественной школы. Это бесспорно; бесспорно и то, что влияние его должно быть сильно и благотѣльно.. Не говоря о высокомъ талантѣ г. Иванова, онъ, особенностью своей натуры, составляетъ рѣдкое явленіе въ наше время. Съ одной стороны картина его есть плодъ такъ назыв. естественной школы, ея конечнѣйшее и

совершеннѣйшее произведеніе; съ другой, она показываетъ въ художникѣ натуру самобытную, даже исключительную, и не принадлежитъ сама ни къ какой школѣ. Въ стремленіи воспроизвести видиму, осязаемую природу какъ можно отчетливѣе,—художникъ принадлежитъ нашему времени; но характеромъ своего таланта и настроеніемъ своего духа—онъ стоитъ одинъ.. Г. Ивановъ кажется сыномъ первыхъ нѣковъ христіанства, эпохи религіознаго энтузіазма, съ ея теплою вѣрою, простымъ и простымъ пониманіемъ ученія Евангелія и безыскусственнымъ его выраженіемъ.. Картина его занимаетъ теперь первое мѣсто въ русской школѣ живописи, можетъ быть, и по совершенству технического исполненія.. Мѣсто, занимаемое имъ, высоко, — можетъ быть, выше мѣста Брюллова. И у Брюллова была искра гения, но натура его, при всей силѣ своей, была не столько полна: въ ней расудочная сторона была развита насчетъ чувства.. Высшая и безпристрастная европейская критика, видя огромную разницу между картиною г. Иванова и произведеніями своихъ современныхъ художниковъ, скажетъ, можетъ быть, что въ немъ отразился духъ среднихъ нѣковъ Европы, когда религіозный энтузіазмъ породилъ столько великихъ произведеній живописи. Такъ думаютъ нѣкоторые и у насъ. Но г. Ивановъ—истинный сынъ Россіи и вмѣстѣ нашего времени; въ произведеніи его нѣтъ сухости художниковъ начала среднихъ нѣковъ. Россія вдохнула въ него чистую, такъ сказать, младенческую вѣру первыхъ нѣковъ христіанства, а современное искусство дало ему свою кисть. Надобно имѣть необыкновенно богатую натуру, чтобы заключать въ себѣ два противоположные міра—міръ плзщной и пластической Греціи и духовный міръ христіанства, а въ натурѣ и въ созданіяхъ нашего Иванова они отражаются оба въ совершенной гармоніи“.

Приступая къ разбору картины Иванова, въ письмѣ къ редактору „Русс. Бесѣды“ (1858, т. III), *Хомяковъ*, послѣ нѣсколькихъ словъ воспоминанія о безвременно погибшемъ художникѣ, дѣлаетъ слѣдующую его характеристику: „Онъ былъ одною изъ тѣхъ аскетическихъ натуръ, которымъ достается великая доля въ борьбѣ вѣковой..; онъ былъ въ живописи тѣмъ же, чѣмъ Гоголь въ словѣ и Кирѣевскій въ философскомъ мышленіи. Недолго живутъ такіе люди, и это не случайность.. Ихъ трудъ не есть трудъ личный: это не бѣдныя и скудна

природы, снлящіяся выразитъ свою единичную сущность, не жалкіе дюжинные умы, стучащіе себѣ пальцами по лбу, чтобы добиться отсюда отвѣта.. Это могучія и богатыя личности, которыя болѣютъ не за себя, но въ которыхъ мы, русскіе, мы все, сдавленные тяжестью своего страннаго историческаго развитія, выбаливаемъ себѣ выраженіе и сознаніе. Какъ ни крѣпка ихъ природа, а все-таки она не долго выдерживаетъ свою внутреннюю работу. Мы видимъ пахарей и сѣятелей, а жатву трудно даже и представить себѣ. Всего вѣроятнѣе, что трудъ пашь, а жатва будетъ всемірная“. Затѣмъ, переходя къ самому замыслу картины, А. С., вложивъ вкратцѣ судьбу Израиля, какъ хранителя Божескихъ завітовъ, прибавляя въ заключеніе: „То, что было достояніемъ одного племени [до появленія Мессіа], дѣлалось достояніемъ всѣхъ племенъ, но уже въ совершеннѣйшемъ Богопознаніи. Народная исключительность разрушалась, признавая свое служебное отношеніе ко всему человѣчеству. Величайшій изъ пророковъ, представитель всѣхъ прежнихъ пророческихъ личностей, узналъ и показалъ народу Того, Кого ждали всѣ пророки: весь Ветхій Завѣтъ преклонился предъ Новымъ, вся многовѣковая жизнь Израиля сосредоточилась въ одно мгновеніе. Таковъ замыселъ картины, и исполненіе достойно замысла.

„Очевидно, — говорилъ Хомяковъ далѣе, — Ивановъ поставилъ себѣ въ этомъ отношеніи одно правило: устранить всякій личный произволъ, всякую личную прихоть. Онъ не хотѣлъ плагиатъ, ни удивлять, ни поражать зрителя: онъ вовсе и не думалъ о зрителѣ. Онъ не хотѣлъ также и того, чтобы что нибудь въ картинѣ напоминало объ Ивановѣ. Онъ думалъ, что художникъ не долженъ становиться, какъ видимое гремяе, между предметомъ и его выраженіемъ, ... и этой высокой простоты достигъ онъ такъ, какъ ее не достигалъ ни одинъ изъ величайшихъ художниковъ, потому именно, что никто изъ нихъ не постигалъ въ такой степени ея значенія и законовъ. Слѣдствіемъ и наградою этой простоты было то, что величіе избраннаго предмета дѣйствительно перешло въ его изображеніе. Въ этомъ отношеніи, безспорно, всего замѣчательнѣе то обстоятельство, что главное лицо всей картины, Спаситель, поставленъ на далекомъ планѣ... „Іоаннъ видѣлъ Иисуса идущаго“ — очевидно, въ нѣкоторомъ удаленіи, и Ивановъ такъ и передалъ происшествіе, какъ оно разсказано. Черты Спасителя остались сравни-

тельно неопредѣленными: узнать его можно только по общему характеру его образа и по какой-то странно-знаменательной поступи, въ которой видна несокрушимая сила кроткаго смиренія, идущаго на подвигъ дѣятельности и терпѣнія. За то, какъ живо и естественно сдѣлалось все движеніе передняго плана!.. Какъ наглядно выразилось все значеніе міра Ветхозавѣтнаго, радостно протягивавшаго руки къ грядущему лучшему Завѣту, къ далекому образу п, такъ сказать, иконѣ Христа...

„Есть равнина—продолжалъ критикъ—между личнымъ отношеніемъ чловѣка къ какому бы то ни было великому происшествію и отношеніемъ народнымъ или мировымъ. Есть такія явленія въ исторіи чловѣчества, которыя свидаютъ цѣлую область жизни и мысли: они дѣлаются внутренними этому народу или этой области—своему созданію, оставаясь вѣншими для всѣхъ другихъ... Когда художникъ дошелъ до такой высокой простоты, что онъ вполнѣ совоплотился съ тою жизненною областью, которая создана этими явленіями,—произведенія его освобождаются отъ всякой пригнѣси его тѣсной и скудной личности и получаютъ значеніе всемістное, какъ самоотраженіе явленій историческихъ, мировыхъ, ... и вотъ въ какомъ смыслѣ Ивановъ достигъ въ своей картинѣ до полнаго устраненія своей личности...

„Многимъ былъ обязанъ нашъ Ивановъ Овербеку, котораго онъ любилъ душевно и за котораго сильно заступался;.. (но) Ивановъ не впадалъ въ ошибку современныхъ намъ до-Рафаэлистовъ. Онъ не подражалъ чужой простотѣ: онъ былъ искренно, а не актерски простъ въ художествѣ.

„Нашъ Ивановъ стоялъ на твердой почвѣ и могъ совершить то, что было невозможно для художниковъ Европы. Онъ могъ овладѣть формою, изучить, узнать и передать все тайны тѣлеснаго образа, и остаться вполнѣ вѣрнымъ своей духовной основѣ. Онъ былъ ученикомъ иконописцевъ и въ тоже время *смѣлъ умиль*... Отъ того-то онъ и кажется чѣмъ-то такимъ новымъ въ живописи, что всѣмъ восклицаніе: „какъ это ново!“ невольно приходитъ на языкъ, даже безъ яснаго поминанія. Дѣйствительно же это новое есть только старое, нѣкогда дѣтское, а теперь пришедшее въ возрастъ совершенный... Вотъ чего долженъ былъ достигнуть Ивановъ; вотъ для чего нужны были ему многолѣтніе труды и многолѣтнее напряженіе мысли и воли. Одинъ, далеко отъ отечества, независимо отъ всякаго посторонняго

влянія, никѣмъ не поддержанный и непомятый никѣмъ, Ивановъ совершалъ и совершилъ въ области своего художества тѣ, надъ чѣмъ въ одно время съ нимъ трудилось столько горячихъ убѣжденій, столько твердыхъ воле, столько ясно-видящихъ умовъ; тѣ, на чтѣ столько положено силъ и потрачено столько благородныхъ жизней (вспомнимъ хоть Гоголя). Далеко еще до цѣли общахъ успѣй; но счастливый Ивановъ на своемъ пути достигъ своей частной цѣли. Чему обязанъ онъ этимъ успѣхомъ — большей ли гениальности, или полнѣйшей чистотѣ стремленія, или самому характеру художества, которому онъ служилъ, — не знаемъ; но его торжество есть торжество общее.

„Такъ приобрѣлъ Ивановъ силу и ясность замысла; но этого было недостаточно. Ивановъ долженъ былъ приобрѣсть взглядъ, вполне свободный отъ всѣхъ прежнихъ образцовъ, и руку, вышлѣ покорную новымъ требованіямъ мысли. Необходимость, ясно сознавая, породила тѣ десятки и сотни великолѣпныхъ этюдовъ, которые одни уже могли бы составить славу великаго живописца, но которые для него имѣли только служебное значеніе средства, ведущаго его къ высшей цѣли. Онъ соиздалъ не только картину, но школу... Ивановъ зналъ и глубоко понималъ всѣ творенія своихъ предшественниковъ; но онъ долженъ былъ отринути отъ ихъ завлечательной красоты, чтобы получить возможность созданія новаго, воплощающаго въ себѣ художественныя требованія русскаго духа.

„Я говорилъ уже подробно о замыслѣ картины, объ общемъ характерѣ исполненія и о совершенствѣ выраженія: прибавлю, что всѣ подробности и вся техническая сторона соответствуютъ общей мысли. Изъ полной сосредоточенности всей картины уже можно заключить о достоинствѣ группировки... Нѣтъ ничего натянутаго, или мертваго, или академическаго. Всякое положеніе вѣрно, всякое движеніе исполнено выразительности... Естественность типовъ такъ же разительна, какъ и естественность движеній и выраженій... Все схвачено и вырвано съ одинаковой вѣрностью и отчетливостью. Натурализмъ дадѣе идти не можетъ. Таково первое впечатлѣніе; но внимательный взглядъ еще болѣе изумляется той необычайной красотѣ рисунка, которую живописецъ умѣлъ соединить съ естественностью. Нѣтъ ни тѣни подражанія, или мертваго академизма... Ивановъ уже

не думалъ объ антивахъ; но античное чувство красоты, воспріятое имъ, перешло въ его собственную плоть и кровь. Онъ изященъ, и изящень просто, такъ сказать, невольно, какъ сама древность... Гдѣ бы ни стояла картина Иванова, всѣ остальные картины при ней будутъ казаться, по рисунку своему, или мастигами, грубыми и неблагородными, или сухими, натянутыми и мертвыми, или мелкими и маперными. У него же и совершенная естественность и полное чувство красоты являются только въ служебномъ отношеніи къ святымъ мысли духовной.

„Живопись его достойна рисунка, какъ въ отношеніи къ свѣтотѣни, такъ въ отношеніи къ краскѣ. Общій эффектъ картины приближается къ эффекту, производимому великими фресками старыхъ мастеровъ. Та же широта и величавость, то же эпическое спокойствіе масти... Какъ у старыхъ мастеровъ, въ его картинахъ приvole и просторъ. Вездѣ (кромѣ, можетъ быть, третьяго плана съ правой стороны) проникаетъ воздухъ; все облекается свѣтомъ... Но, при достоинствахъ фрески, онъ совершенно свободенъ отъ ея недостатковъ. Сухости, однообразія, скудности, которыхъ она не можетъ избѣгнуть, почти нѣтъ и слѣда. Въ каждой части картины самый взыскательный критикъ найдетъ всю мягкость и гнѣзность, все разнообразіе и богатство, возможныя въ масляной живописи. Колоритъ отличается какою-то травяною простотой и мужественною строгостью... Нигдѣ разгуливалась краска не сѣбѣтъ посягнувъ на отчетливую красоту рисунка, нигдѣ сосредоточенная опредѣленность рисунка не смѣетъ стѣснять законныхъ правъ краски. Соудство этой картины будетъ также убійственно для живописцевъ-колористовъ, какъ и для живописцевъ-рисовальщиковъ. Великое дѣло совершилъ нашъ соотечественникъ.

„Цѣлая школа патраждена въ безсмертному твореніи Иванова за свое смиренное отношеніе къ искусству... Еслибы мнѣ можно было приблизительно выразить свое мнѣніе о картинѣ Иванова относительно къ другимъ великимъ памятникамъ живописи, я сказалъ бы, что по высотѣ идеала она уступаетъ, можетъ быть, двумъ-тремъ, но что оно совершенству сочетанія всѣхъ достоинствъ: замысла, выраженія, рисунка и колорита, а еще болѣе по строгости и травянности стиля — она не имѣетъ равной въ цѣломъ мѣрѣ... Видѣть картину Иванова,

нетолько высокое наслажденіе, но гораздо болѣе. Это—простшество въ жизни.

...«Есть что-то трогательное, торжественное и великолѣпное въ жизни и смерти Иванова,— заключалъ свое письмо Хомяковъ. Одного остается желать, а именно, чтобы всѣ этюды Иванова были собраны въ одномъ павильонѣ и расположены какъ путь къ его картинѣ. Тутъ бы выразилась уже художественная жизнь, и никакая земля не могла бы представить ничего подобнаго“...

Вслѣдъ за вышеприведенной статьей, въ зачатку Иванова появилась въ Москвѣ еще другая, имѣвшая съ тою вѣчто общее по нѣкоторымъ мотивамъ. Замѣчательно, что она принадлежала перу акад. *Мокрицкаго*, ученика и и страстнаго почитателя Брюллова, и была напечатана по распоряженію Совѣта Моск. Художественнаго Общества — отдѣльною книжечкой въ 72 стр. «Сюжетъ, взятый художникомъ для своей картины,—говорилъ Мокрицкій,—есть одинъ изъ самыхъ высокихъ, самыхъ священныхъ, какіе существуютъ въ понятіяхъ христіанства. Пришествіе Спасителя—есть начало Его благодати къ міру, приближеніе момента обновленія человѣка... Предпріятіе колоссальное, требовавшее гигантской силы таланта и большого познанія искусства, со всѣми его многосторонними требованіями, и умѣнія направить эти силы къ успѣшному выполненію задуманной идеи... Свѣтлый лучъ вѣры перенесъ художника въ прошедшее, и сивовъ мракъ вѣковъ освѣтилъ, передъ очами его духа, то мѣсто, гдѣ происходило священнѣйшее дѣйствіе—обновленіе человѣка“...

Развивая свою мысль далѣе, Мокрицкій указывалъ какъ на образцы новой исторической живописи на картины Бруни «Мѣдный вмѣй» и Брюллова «Послѣдній день Помпеи», причемъ характеризовалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Одинъ, какъ глубокой мыслитель, устремился воображеніемъ въ недосыгаемую даль вѣковъ, въ вѣкъ библейскій, и тамъ нашелъ пищу для мрачной своей фантазіи; съ ужасомъ обнимаю душою страшное событіе, онъ выразилъ его на полотнѣ такъ, что зритель невольно цѣпенѣетъ отъ ужаса передъ картиной, какъ при взглядѣ на цѣлое, такъ и встрѣчая раздирающіе душу эпизоды терзанія, страха и смерти людей... Но,—прибавлялъ онъ,—отдавая полную справедливость достоинствамъ произведенія, мы, разсматривая его критически, можемъ ли почитать его вполне совершеннымъ, хотя бы требованія наши касались только условій второ-

степенныхъ и самыхъ незначительныхъ, отъ неисполненія которыхъ не зависитъ ни выраженіе идеи, ни характеръ цѣлаго. Другой, также уносясь пыльнымъ воображеніемъ въ отдаленныя вѣка, искалъ пиши для кипучей своей фантазіи въ первомъ вѣкѣ христіанства, и встрѣтилъ страшную катастрофу разрушенія и погибели Геркулана и Помпеи, участь послѣдней тронула его душу болѣе, чѣмъ участь перваго, и художникъ остановилъ на ней пронзительный взглядъ свой. ...Въ минуту всеобщаго бѣдствія людей,—говорилъ критикъ въ заключеніе своего введенія,—поэтъ и художникъ будутъ послѣдніе, которые уладутъ духомъ и, закрывъ глаза, отвернутся отъ ужасовъ, нища спасенія. Величественно-прекрасное явленіе природы и въ такую минуту наполнитъ душу его восторгомъ, который улетитъ изъ нея только съ послѣднимъ вздохомъ изъ груди. Не такимъ ли видимъ мы самого художника въ картинѣ? Неся на головѣ живописныя принадлежности, стоитъ онъ спокойнѣе, и, сдвинувъ брови, сморщить на ужасы природы“...

Привнося приведенными словами незамѣтно приговоръ надъ помянутыми двумя картинами, критикъ-художникъ переходилъ къ предмету своей статьи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Но не одно ужасное и величественно-прекрасное потрясаетъ до глубины душу художника и даетъ пищу его фантазіи: есть предметы, событія и дѣйствія, которыя движутъ его душою совѣмъ иначе,—касясь ихъ мыслью, онъ приходитъ въ благоговѣнный восторгъ... Одно изъ такихъ событій или, скажемъ лучше, самое высокое между ними есть — «Явленіе Христа народу“, взятое Ивановымъ за сюжетъ для своей картины. Для такого рода предметовъ недостаточно одного гениа и познанія искусства для художника, но необходимо и высшее настроеніе духа и способность неотлучно пребывать съ идеей, пока она вполне созрѣетъ въ умѣ его и выразится всѣми совокупными средствами искусства“...

Описывая далѣе содержаніе картины, Мокрицкій говорилъ: «Естественно, что въ такую торжественную для всѣхъ минуту воспослѣдовали всеобщее молчаніе и тишина, и мы видимъ, что спокойствіе этого момента выражено съ такимъ совершенствомъ, что слышшь, кажется, шаги приближающагося Спасителя. Что эта тишина и спокойствіе не суть только кажущіся намъ, но что это дѣйствительно было въ настрѣненіи художника,—доказывается тѣмъ, что ингдѣ не встрѣчаемъ разговора, даже и между двумя лицами“... А затѣмъ прибавлялъ: «Вотъ

то, что видно въ картинѣ съ перваго взгляда, и послѣ внимательнаго разсмотрѣнія вотъ ея содержаніе: оно такъ полно и разнообразно и такъ направлено къ выраженію идеи сюжета, что съ этой стороны успѣхъ картины долженъ вослѣдовать неминуемо.

Послѣ такого вступленія Мокрицкій разбираетъ произведеніе Иванова съ разныхъ сторонъ и дѣлалъ ему такого рода характеристику: „Если въ картинѣ „Явленіе Христа народу“, какъ мы сказали выше, все клонится къ выраженію единства мысли и всѣ фигуры проникнуты тѣмъ единствомъ, то это могло произойти только отъ естественной и обдуманной композиціи, отъ подчиненности второстепеннаго главному, при чемъ опытный и наблюдательный художникъ соблюлъ красоту линий группъ и отдѣльныхъ фигуръ: и точно, можно ли представить себѣ композицію проще, естественнѣе и художественно-прекраснѣе?.. Такую непогрѣшимость въ композиціи встрѣчаемъ мы только у Рафаэля и Леонардо да Винчи... Смотря на рисунокъ, какъ на величайшій принципъ искусства живописи, выражающей, независимо отъ красокъ, — форму, жизнь, душу, характеръ и самую даже матеріальную сущность предметовъ при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ, что доказываютъ намъ скульптура, которая, для выраженія сказаннаго нами, не нуждается въ краскахъ и есть одинъ только чистый рисунокъ, — въ картинѣ „Явленіе Христа народу“ съ удовольствіемъ видимъ мы, что этотъ главнѣйшій основный принципъ является въ высокой степени совершенства: художникъ, задавъ себѣ труднѣйшую задачу, старался выполнить ее достойно идеи сюжета и устремилъ все свое вниманіе на рисунокъ и глубокое изученіе, какому требовало разнообразіе характеровъ, возрастовъ людей, разнообразіе одеждъ и прочихъ предметовъ, усматриваемыхъ въ картинѣ... Ивановъ, глубоко изуча чужихъ древнихъ мастеровъ, умѣлъ обойти ихъ недостатки и воспользоваться достоинствами, и въ своей картинѣ ограничивался драпировками, только какъ необходимыми одеждами, въ которыхъ художникъ, не выходя изъ характера, долженъ найти прекрасную сторону и всегда прилично своему сюжету...

„Сколько потребно было званія и труда для художника, чтобы въ однихъ формахъ выразить красоту душевную и высокое значеніе лица, и гдѣ искать ему пособія — въ натурѣ, въ искусствѣ и въ воображеніи? Но можно ли встрѣтить дѣлство такого характера въ натурѣ и гдѣ ему

найти его въ искусствѣ? Одно творческое воображеніе художника и его умъ создаютъ такіе дѣлные образы: безъ нихъ его исканія останутся тщетными... Отсюда переносимъ мы наше вниманіе на фигуру Іоанна Крестителя. Подобной силы и дѣлности величаваго характера Іоанна мы не встрѣчали доселѣ нигдѣ въ искусствѣ: такое явленіе поражаетъ насъ тѣмъ болѣе, что художникъ, для выраженія его, не прибѣгнувъ ни къ особенному физическому развитію формъ, ни къ чему-либо необыкновенному, сверхъестественному, а простыми, натуральными средствами и, можно сказать, скуднымъ развитіемъ формъ достигъ поразительнаго величія и выраженія высокаго значенія фигуры... Но художникъ изобразилъ Іоанна величественно-прекраснымъ: въ его осянѣ видимъ мы явную красоту, благородство, рѣшимость, сознание внутренней силы, поддерживаемой особеннымъ покровительствомъ Божіемъ — вѣрую въ пославшаго его и въ святость своего призванія. Въ чертахъ мужественнаго лица Предтечи сочеталъ художникъ и выраженіе высокаго ума, и твердой, непоколебимой воли, набросивъ на всѣ черты идеальную красоту и выраженіе вдохновенія... Фигура Предтечи, своимъ ансамблемъ и выраженіемъ лица, такъ поразительна, что, увидѣвъ ее однажды, кажется, не забудешь во всю жизнь.

„Разсмотрѣвъ фигуру Іоанна, мы невольно устремляемъ свой взоръ на грядущаго Спасителя. На весьма выгодномъ для картины отдаленіи, идеть по жосткому крестнистому пути Тотъ, Котораго путь долженъ бы усыпая быть дѣвтами... Съ какимъ божественнымъ спокойствіемъ, тихою и твердою стопою, идетъ Онъ, взявъ на себя грѣхи всего міра, и умереть на крестѣ!.. Ни въ одной чертѣ не встрѣчаемъ мы противорѣчія понятіямъ, почерпнутымъ о Немъ изъ Евангелія, ни въ одной чертѣ не видимъ мы земного на Него пригизанія: все въ Немъ изобличаетъ божественное Его происхожденіе, все говоритъ, что человекъ Сей не отъ міра сего. Изображеніе Его въ картинѣ — какъ образъ для вѣст, которому, удивляясь могуществу искусства, можемъ и молиться, — такъ сильно говоритъ Онъ душѣ нашей, такъ Онъ божественно прекрасенъ. Неясность очертаній лица Спасителя такъ же, полагаемъ, была въ намѣреніи художника, дабы не останавливать нашего воображенія: непостижимаго величія Духа Божества не могъ воплотить объять духъ никакого смертнаго, и представить Его, каковымъ Онъ есть...

„Въ облаженныхъ, нагихъ фигурахъ Ива-

нова видимъ мы большой успѣхъ искусства въ стремленіи сочетать истину съ красотой; нагія его фигуры представляютъ людей, какъ они есть въ натурѣ: молодые—съ свѣжими, еще вѣжными формами, пожилые—съ болѣе развитыми и округлившимися, а старики—съ формами увядшими, ослабѣвшими, причемъ мы угадываемъ даже выгоды и невыгоды обстоятельства, при которыхъ развились такіа формы. Если такіа формы въ картинѣ Иванова являлись нашему глазу не въ полномъ изящной красоты и совершенства развитіи, то это было необходимо для картины; ибо, изображая народъ, какъ народъ, всѣхъ возрастовъ и состояній,—людей въ истинномъ смыслѣ живущихъ, подверженныхъ слабостямъ и недостаткамъ моральнымъ и физическимъ, а следовательно и съ уклоненіями отъ красоты, мы не знаемъ зачѣмъ ихъ дѣлать красавцами Аполлонами, Геркулесами, Гладіаторами, когда они и не были и не заслуживаютъ быть такими написаны.

„Стремленіе соединить истинное съ прекраснымъ есть достоинство нашего вѣка: успѣхъ науки и гражданственности отразился и въ искусствѣ. Такой взглядъ на историческую живопись возникъ въ современный намъ періодъ—во Франціи, Германіи и у насъ, въ Россіи... Мы имѣемъ достаточное основаніе думать, что выраженіе современныхъ требованій и взглядъ на историческую живопись достались въ удѣлъ русской школы; что сочетаніе истины съ прекраснымъ въ живописи исторической высокаго стиля выпало на долю русскихъ художниковъ. На этомъ поприщѣ трудились—Бруни, Брюлловъ и Ивановъ... „Послѣдній день Помпеи“ есть первая историческая картина, гдѣ народъ является народомъ, а пейзажъ не только штафажемъ (обстановкой), но настоящею сценою дѣйствія,—первая картина высокаго историческаго значенія, въ которой живопись рѣшилась оставить прежнюю свою условную форму и такъ назыв. академическую колею, по которой она тащилась до того времени. Нужно было имѣть гений Брюллова, чтобы рѣшиться на такой шагъ въ Римѣ, когда тамъ въ области искусства царствовали Каммучини. Заматался академическій складъ концепціи и формы, и колебаніе его показалось опаснымъ для многихъ. Не знали, что тамъ же въ Римѣ трудится еще одинъ неутомимый дѣлатель надъ тѣмъ же самымъ великимъ дѣломъ освобожденія исторической живописи отъ принятыхъ натапухъ условій. Ивановъ, трудясь надъ изученіемъ древнихъ мастеровъ и натуры и углубляясь въ

свой предметъ, совершенствовался болѣе и болѣе—это видимъ мы на картинѣ его, находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, — „Явленіе Христа Маргалитѣ“. На томъ же прекрасномъ пути видимъ мы его уже тогда, но, насколько далѣе впереди, встрѣчаемъ его въ картинѣ „Явленіе Христа народу“!

„Стремленіе Иванова создать прекрасное по новымъ современнымъ требованіямъ искусства здѣсь уже такъ ясно, положительно... Евангельскій сюжетъ: явленіе Христа народу—обновленіе человѣка крещеніемъ—далъ художнику прекраснѣйшій къ тому поводу и своимъ содержаніемъ способствовать къ рѣшительному повороту въ искусствѣ. Отсутствие всего сверхъ-естественнаго, чудеснаго, простота дѣйствія и обстановки—прямо указывали художнику на возможность триумфа въ сочетаніи истиннаго съ прекраснымъ, а святость событія, высочайшее его значеніе и вводимые въ картину образы Спасителя и Иоанна Предтечи ясно обозначали предѣлы того и другаго... Не ясно ли, что на долю русскихъ художниковъ выпало сочетаніе истины съ прекраснымъ. Къ сожалѣнію, и на поприщѣ искусства есть свои фарисеи и саддукеи: картина Иванова заставила ихъ придуматься и, можетъ быть, возстановила ихъ противъ себя; но нашли такъ же, какъ и въ народѣ, крещаемомъ во Иорданѣ, — и сердца добрыя, незакоренѣлыя, которыя, увѣровавъ въ ея достоинства, примутъ новое ученіе и просвѣтятся духомъ, и картина Иванова послужитъ имъ примѣромъ и доказательствомъ, что можно, и не слишкомъ придерживаясь старины, съ новымъ взглядомъ и по новымъ понятіямъ создать прекрасное въ искусствѣ.

„Не скроемъ, что группа господина и его раба, равно какъ и еще дѣй-три фигуры въ картинѣ, не скоро даются для объясненія настоящаго ихъ выраженія, а следовательно и намѣренія художника, не по недостатку силы и ясности выраженія, а по совпадающимъ признакамъ того или другаго внутренняго движенія, не всегда объяснимаго и въ натурѣ, тѣмъ болѣе на картинѣ, гдѣ во власти художника одинъ только моментъ, долженствующій объяснить цѣлый рядъ чувствъ или выраженій, производимыхъ однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ... Отсутствие всякой красоты въ его формахъ и въ его лицѣ (т.-е. у раба) было, какъ кажется, въ намѣреніи художника выразить этимъ безобразіемъ рабства, отнимающаго у человѣка, угнетеніемъ его натуры,—какъ физическую, такъ

и моральную красоту, данную ему Богомъ въ удѣлъ, вравнѣ съ прочими его собратами. Для возвращенія его свободы, отнятой насиліемъ, и грядетъ Спаситель міра, чтобы расторгнуть цѣли рабства, прекратить стѣнания и разорвать веревку, брошенную на выю человечества всемірной тираніей Рима.

„Куда ни обратимъ взглядъ, вездѣ видимъ, что художникъ, изучалъ лучшія произведенія великихъ мастеровъ, всего болѣе наблюдалъ и изучалъ натуру; а такъ какъ въ ней самой не на каждомъ шагѣ встрѣчается прекрасное, и не при всѣхъ обстоятельствахъ, а является рѣдко и тѣмъ самымъ болѣе поражаетъ и восхищаетъ умѣющаго подсморгнуть его, такъ и въ своей картинѣ Ивановъ не утомляетъ вниманіе зрителя непрерывными красотами формъ, но тѣмъ не менѣе, оставаясь вѣрнѣе истинѣ, вездѣ проводитъ жизнь и интересъ, то тѣмъ, то другимъ способомъ, разнообразно наслажденіе зрителя.... Въ толпѣ людей, идущихъ и стоящихъ, замѣтно постепенно продолжающееся общее движеніе: одни уже увидѣли грядущаго, другіе оглянулись, чтобъ увидѣть; иные же, не подозревая еще ничего, идутъ погруженные въ самихъ себя. Между ними двѣ женскія фигуры — одна съ груднымъ младенцемъ на рукахъ.

...„Облакъ, наконецъ, глазами и чувствомъ все, представленное на картинѣ, мы видимъ, что она дѣйствуетъ на насъ всѣми своими органами, то останавливая наше вниманіе на главномъ интересѣ, то давая ему волю переходить отъ предмета къ предмету, разнообразно наше наслажденіе отраднѣемъ, успокоительнымъ согласіемъ, естественностью и красотой. И наслажденіе наше тѣмъ болѣе становится совершеннымъ, что мы находимъ здѣсь удовлетвореніи всѣ силы нашего духа—и умъ, и воображеніе, и чувство; самое даже сердце наше не остается здѣсь безъ участія—да, сердце вѣрующаго не можетъ не найти здѣсь отраднѣйшаго утѣшенія... Картина „Явленіе Христа народу“ понятна для каждаго, и всякій, даже непосвященный въ искусство, побывъ съ нею подолѣе, начнетъ постепенно знакомиться съ нею и невольно полюбитъ ее, не будучи въ состояніи отбнить высокихъ художественныхъ ея достоинствъ. Въ картинѣ находимъ мы и Евангельскую простоту, и величіе; каждаго, услышавъ слова Евангельскія, пойметъ его и умидится сердцемъ; но тотъ, кто пойметъ высокій смыслъ его, тотъ узритъ и всю божественную его красоту и истину..

„По нашему мнѣнію, картина Иванова: Яв-

леніе Христа народу — есть первая историческая картина, въ которой является пейзажъ во всей своей простотѣ и истинѣ. Передавая и мѣстность, и характеръ страны, и почву земли, и расительность, съ такою истинною, что, существуя отдѣльно какъ пейзажъ, онъ могъ бы состязаться съ лучшими произведеніями современной пейзажной живописи,—при своей простотѣ и истинѣ, онъ служитъ вмѣстѣ и прекраснымъ фономъ для фигуръ: поддерживая своими линіями и массами общій составъ картины и оставаясь вѣрнѣе истинѣ, онъ тонами своими помогаетъ дѣленію фигуръ. Нигдѣ не видимъ мы ни малѣйшей натяжки, нигдѣ отступленія отъ природы, такъ что, если снять съ картины фигуры, онъ останется также прекраснымъ при своемъ значеніи, какъ портретъ изображаемой имъ природы и мѣстности; судя только по тому, что находится въ картинѣ, мы видимъ, съ какою глубокимъ знаніемъ составленъ, нарисованъ и написанъ этотъ пейзажъ. Линейная и воздушная перспектива соблюдены въ немъ съ такою силою и точностью, что предметы отдаленныя уходятъ отъ глазъ нашихъ или приближаются съ неподражаемою истинною..

„Въ какой исторической картинѣ и такого объема, видѣнной нами, встрѣчали мы пейзажъ такъ строго и естественно нарисованный, что, будучи передавъ фотографіей, сохранилъ бы столько силы рельефа и естественности формъ, что кажется снятымъ съ природы? А надо признаться, что немногіе пейзажисты, поражающіе насъ своими красками, выдержатъ такой строгій экзаменъ... Подумавъ долго, едва ли не сознаемся, что такого пейзажа въ исторической картинѣ мы до сихъ поръ не встрѣчали, и, находя, что онъ и формами, и линіями своими, и тонами, гармонируетъ съ фигурами и, слѣдовательно, оказываетъ большую имъ услугу, съ удовольствіемъ признаемъ, что естественность пейзажа не можетъ вредить исторической картинѣ, изображающей естественное дѣйствіе или событіе. Если же мы къ тому прибавимъ, что пейзажъ, при всей своей обдуманности и строгости художественнаго исполненія, уступаетъ въ картинѣ первенство фигурамъ человѣческимъ, то и должны согласиться, что, при такомъ изыщомъ выраженіи самого событія, Иванову, какъ живописцу историческому,—первому принадлежитъ и триумфъ сочетанія истиннаго съ прекраснымъ.

„Что касается до колорита въ картинѣ и

техники въ живописи, то послѣ такихъ достоинствъ въ композиціи и въ рисунокѣ, какими выражена идея художника, колоритъ не составляетъ важнаго вопроса. Достаточно, если скажемъ, что краски на предметахъ весьма близки къ натурѣ и расположены въ картинѣ гармонически. Разнообразие тоновъ тѣла въ фигурахъ нагихъ, сообразно племенному ихъ отличію, также показываетъ, что художникъ подумалъ объ этомъ немаловажномъ условіи. Если мы не видимъ въ картинѣ Иванова особенной силы цвѣтныхъ колеровъ, то это могло случиться отъ двухъ причинъ: во 1-хъ, художникъ не желалъ вѣшнюю сторону картины ослабить внутренняго ея выраженія и, при широкомъ освѣщеніи подъ открытымъ небомъ, достигъ этого оправданія безъ усилий, потому что сильный, широкий свѣтъ умѣряетъ въ картинѣ цвѣтность всѣхъ колеровъ; во 2-хъ, художникъ, можетъ быть, желалъ остаться вѣрнымъ мѣстной природѣ и костюмамъ страны, гдѣ, при большихъ и постоянныхъ жаркахъ, носятъ преимущественно бѣлыя и свѣтлыя одежды, отражающія солнечныя лучи; за всѣмъ тѣмъ мы видимъ, что онъ достаточно помѣстилъ въ картинѣ и самыхъ цвѣтныхъ колеровъ...

Въ техникѣ живописи этой картины мы встрѣчаемъ необыкновенную простоту и отсутствіе всякаго щегольства: видно, что технику свою художникъ подсматривалъ на самыхъ предметахъ... Довѣріе къ натурѣ у художника было при этомъ такъ велико, что техникою своею онъ никого не напоминаетъ; на этомъ пути видимъ мы его наблюдение одной только природы, и оттого въ картинѣ Иванова и встрѣчаемъ такое многостороннее разнообразіе, какъ въ самой натурѣ: у него нѣтъ такъ назыв. мазка кисти, бойкости, но незамѣтно также и робости, а вездѣ—обдуманность, соображеніе и отчетъ. Продолжителемъ былъ трудъ художника, но въ картинѣ незамѣтно утомленіе,—напротивъ, вырабатывая свои силы и совершенствуясь болѣе и болѣе, онъ, кажется, готовъ былъ еще продолжать ее, и еслибы Господь продлилъ жизнь художника, онъ бы вѣрно коснулся еще кистию тамъ, гдѣ глаза вашъ чувствуетъ ея необходимое прикосновеніе.

„Если въ художественномъ произведеніи, — заключаетъ критикъ-художникъ свою статью, — выраженіе идеи зависитъ отъ гармоническаго сочетанія всѣхъ условій искусства, равномѣрно направленныхъ въ одной цѣли, то при такомъ

сочетаніи композиціи, правильности и красоты рисунка, при такой силѣ выраженія лицъ и характеровъ, при таковыхъ круглотѣхъ и дѣленіи фигуръ и изяществѣ драпировки, при такомъ сочиненіи и исполненіи пейзажа и при естественномъ колоритѣ всѣхъ предметовъ, — художественное произведеніе не достигло-ли выраженія идеи? При такихъ высокихъ художественныхъ достоинствахъ, не заслуживаетъ ли оно стать на ряду съ первыми произведеніями искусства? И, выполняя въ такой мѣрѣ современныя требованія, можетъ ли не занять перваго мѣста въ періодѣ стремленія сочетать истинное съ прекраснымъ въ искусствѣ?“

Среди статей о картинѣ Иванова, появившихся вскорѣ послѣ ея выставки для публики, нельзя пройти молчаніемъ отпечатаннаго отдѣльной брошюрой въ СПб. въ 1859 г. отрывка изъ письма „О картинѣ Иванова Явленіе Христа міру“, извѣстнаго архим. *Феодора (Бухарова)*. „Картина Иванова, являющая свыше 20-ти лѣтнихъ трудовъ покойнаго, — писалъ достопочтенный представитель церкви, — стѣитъ изученія во всѣхъ отношеніяхъ. Предметъ картины взятъ изъ духовной дѣйствительности и едва ли не болѣе всего требуетъ изученія: вѣрно ли этой дѣйствительности онъ исполнилъ художникомъ? Но съ этой стороны слишкомъ мало и иногда совсѣмъ ошибочно судятъ о картинѣ. Инымъ, напр., показалось, что изображается Господь, идущій еще креститься отъ Иоанна, тогда какъ здѣсь Креститель уже указываетъ на Агнца Божія, какъ ему вполнѣ вѣдомаго, а до крещенія Господня такого вѣдѣнія не было у него. „Азъ не вѣдѣхъ Его“, говоритъ самъ Іоаннъ (Іоан. 1, 33), но пославый мя крестити водою, Той мнѣ рече: надъ Него же узриши Духа сходяща и пребывающа на Немъ, Той есть крестяй Духомъ Святымъ“. Вѣдь это совсѣмъ не маловажный вопросъ: въ томъ или другомъ положеніи и состояніи изобразить не только Господа, но и простаго человѣка... При томъ, въ этомъ трудѣ состояла, можно сказать, вся служба Иванова отечеству въ продолженіе 20-ти слишкомъ лѣтъ. Неблагодарно было бы съ нашей стороны не содѣйствовать, сколько можемъ, надлежащей оцѣнкѣ столь добросовѣстнаго и безкорыстнаго дѣла службъ“...

Подробно разсматривая и разбирая картину послѣ такого предисловія, духовный критикъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія о ней: „Обратимъ вниманіе сначала на общій харак-

теръ, а потомъ и на частности этой великой картины, но прежде того и другого надобно намъ выслѣдить главную мысль этого созданія. Васъ съ перваго же взгляда на картину останавливаетъ то, что на первомъ ея планѣ видна толпа народная съ Иоанномъ Крестителемъ и особенно самъ Креститель, а не Господь, который представляется еще въ нѣкоторомъ отдаленіи тихо идущимъ къ народу, спускался съ возвышенной мѣстности... Но, всматриваясь, видите, что господствующее вниманіе толпы, по указанію Предтечи Господня, уже обращено къ самому подходящему Господу. ...Вы убѣждаетесь, что здѣсь изображается собственно Явленіе Господа людямъ, а не проповѣдь Иоанна Крестителя, хотя послѣдній и всѣхъ видишь на картинѣ... Вы мысленно представляете себѣ лицо Господа на самомъ видномъ мѣстѣ картины и догадываетесь, что тогда Божественный Его ликъ, изображенный въ соответственномъ прочимъ фигурамъ совершенствѣ, увлекалъ бы и поглощалъ бы все ваше вниманіе помимо прочихъ лицъ... Покойный Ивановъ гениальнымъ инстинктомъ художника, въ которомъ вѣроятно и самъ не давалъ себѣ полного отчета, угадалъ, что изображать такимъ образомъ Явленіе Господа міру—тоже значило бы для искусства, что для науки—изучать лицо Господа, соединяющее въ себѣ съ Божествомъ и человечество, съ Божескимъ дѣйствіемъ и волею соединяющее и человеческую дѣятельность и волю, изучать безъ всякаго живого вниманія къ тому, что все это—ради насъ человѣковъ, ради того, чтобы не пропала, а спаслась наша свободная дѣятельность мысленная, сердечная, тѣлесная, какъ введенная въ Отеческую Божію любовь и благоволеніе въ самомъ лицѣ Господа нашего,—только бы намъ усвоить и удержать такую благодать. Потому художникъ, видно, рѣшилъ и справедливо рѣшилъ, что идея Явленія Господа, Агнца Божія, людямъ не для Себя, а единственно для нихъ, для ихъ помилованія и спасенія, вѣрѣте и пошлѣе выдержана будетъ, если благодать сего явленія слѣдить и выражать главнымъ образомъ въ самихъ людяхъ, если съумѣть представить Господа невидимо присущимъ уже каждому въ народной толпѣ, хотя бы Онъ видимымъ-то являлся еще въ нѣкоторой дали и потому въ уменьшенномъ видѣ. Я чрезвычайно радъ и за искусство, и за самый предметъ, выбранный художникомъ, что такъ, а не иначе, онъ задумалъ и выполнилъ свое дѣло.

„Общее всей картинны, что и поражаетъ, и улаждаетъ ваши взоры, это—свобода и непринужденность лика, ихъ выраженія и положенія: не видно ни въ комъ и ни въ чемъ ни вынужденнаго, ни духовнаго стѣсненія; всякій является вамъ просто такимъ, какимъ онъ есть, какимъ его Господь засталъ и нашелъ благодатно Своего явленія. Тутъ бросается вамъ въ глаза, можетъ быть, прежде всѣхъ рабъ съ зеленымъ лицомъ,—чему онъ радъ? Видно, почувствовалъ грядущаго Освободителя, котораго, разумѣется, не только не понимаетъ, но еще и не видитъ, смотря во всѣ глаза въ противоположную отъ него сторону, и однако знать не хочетъ, что собственную его фигуру нынѣ сочтутъ за пятно картины. Тамъ обаянный юноша—едва не въ самыхъ водахъ Иордана; онъ по гласу и указанію Крестителя: се Агнецъ Божій вземля грѣхи міра, взглянулъ на Спасителя, являющагося просто въ плоти человеческой, и въ открытомъ лицѣ и глазахъ юнаго еврея уже сияетъ живая радость и любовь. Какъ будто духомъ своимъ онъ опутилъ уже на себѣ освѣщеніе благодати, прикрывающей наготу и срамоту человеческую—плотію Богочеловѣка... и онъ уже не стыдится, не чувствуетъ своей наготы...“

„Все здѣсь просто естественно, какъ сама правда,—какъ эта прекрасная южная природа съ своими горами и видящимися вдали Иерусалимомъ. Такова и должна быть общая печать всего арльища явленія среди людей Того, Кто льна курящагося не угаситъ, трости надломленной не сокрушитъ, Кто въ собственномъ человечествѣ представляетъ человѣковъ въ любовь и благоволеніе Своего Отца, снимая съ нихъ все, оскорбительное отъ Отца,—на себя Самого. Такимъ Его и видите здѣсь—кроткаго, смиреннаго, исполненнаго мирнаго величія. Общій характеръ картины можно опредѣлить такъ, что художникъ писалъ ее, какъ будто слыша сосредоточенный на лицѣ Господа и благодатно разносящійся надъ всѣми гласъ Божій...“

„Будемъ теперь ближе и подробнѣе разсматривать самыя частности картины. Озаренное благодатію явленія Христова, каждое лицо въ отдѣльности выступаетъ на видѣ съ рѣзкою своеобразностію¹⁾. (Слѣдуетъ под-

¹⁾ „По словамъ самаго художника,—свидѣтельствовала г-жа Нина Р—ва, въ „Лучахъ“ 1858 г. (т. XVIII, № 9, стр. 150),—изъ всѣхъ лицъ на его картинѣ только три созданы имъ: Спасителя, Пред-

робный разборъ почти всѣхъ личностей, входящихъ въ составъ картины).

„Дивное созданіе — эта картина Иванова, хотя, повторимъ, само собою разумѣется, что художникъ творилъ во вдохновеніи, въ которомъ самъ себѣ не давалъ полнаго отчета. Но нужно было ему возвышаться до совершенно чистаго и святаго вдохновенія, чтобы выдерживать въ своемъ созданіи такую высокую истину, какова благодать Явленія Господа міру.

„Женщины у Иванова, дѣйствительно, возвышаются надъ бесплодною религиозною сентиментальностью. Правда, Гоголь, помнится, замѣтилъ въ ихъ выраженіи, когда картина только еще писалась, — вѣчно страстное; видно, художникъ, имѣя передъ собой образцы латинской эффектной набожности, сначала сбивался было на религиозную сентиментальность. Но теперь, въ законченномъ созданіи, не видно уже и слѣда чего-либо подобаго. Просто, непринужденное, дышащее тихимъ спокойствіемъ и чистотою, выраженіе видно во всѣхъ типахъ женскихъ, лица которыхъ открыты зрителю. Такимъ образомъ, покойному живописцу Господь далъ ощутить и творчески воспроизвестъ, какъ благодать явившагося Агнца Божія начинала устроить потребные себѣ сосуды въ израильянкахъ. Не даромъ же и браннымъ останкамъ безсмертнаго художника данъ покой въ обители обрученныхъ Христу невѣсть (т.-е. на кладбищѣ при женскомъ монастырѣ).

...„Общій видъ Христовъ взять съ православныхъ церковныхъ иконъ Спасителя: открытая голова съ длинными, орѣховаго цвѣта волосами, съ брадой такого же цвѣта, въ хитонѣ красноватомъ и верхней одеждѣ небесно-голубого цвѣта. Въ этомъ устраниеніи, въ лицѣ Спасителя, рѣзкаго еврейскаго типа — какъ прекрасно выражается, что Господь Иисусъ, принадлежа Востoku и Югу по своему происхожденію плотію отъ Авраама и Давида, — по человечеству своему есть свой и Западу, и нашему Сѣверу!.. Руки Его, поддерживая верхнюю одежду, мирно покоятся одна на другой, ноги Его, обутыя по Евангелію (Мате. 3, 11) въ сапоги, представлены въ движеніи тихаго путешествія... И общему почти вниманію, обращен-

течи и Иоанна Богослова, — всѣ остальные писаны съ натуры, всѣ портреты; только голова апостола, котораго молодой Іоаннъ увлекаетъ за собою на встрѣчу Христу, писана съ одного стариннаго медальона, хранящагося въ Ватиканскомъ музеѣ“...

ному на Него, внемлющаго своему Небесному Отцу, какъ будто сочувствуетъ чудно-прекрасная, существующая дарами восторченной Его любви, природа съ ошутительною на самой картинѣ тишиною воздуха, въ которой чувствуется тихое голубиное вѣяніе почивающаго въ Христѣ Св. Духа, съ видящимися, хотя въ одномъ углу, водами Иордана, съ этою плодосвною южною растительностью, съ этими поднимающимися отъ самаго Иорданскаго берега и идущими вдоль горами и холмами... А тамъ, на послѣднихъ предѣлахъ видной дали, открывается видъ Святого града Иерусалима, этого средоточія Ветховавѣтной церкви и обраба будущаго Новаго Иерусалима вѣчной славы. И вы понимаете, какъ этотъ видъ кстати на картинѣ Явленіе Христа міру; ибо явленіе Христово міру, провозглашаемое Предтечею и безмолвно дѣйственное со стороны самого Христа, есть зерно великихъ и чрезвычайныхъ событий, которыми разрѣшаются судьбы Ветховавѣтной церкви и открывается церковь Новаго Завѣта — эта область Благодати, имѣющей раскрыться и въ вѣчную славу.

...„Это великая и глубоко-вѣрная Блблейская картина. Если задача св. иконы, по свято-отеческимъ мыслямъ, состояла въ томъ, чтобы не только представить святыхъ лица для богоговѣйнаго чествованія, но и поучать духовнымъ истинамъ, подобно книгамъ, то картина Иванова не выходитъ, по моему мнѣнію, и изъ предѣловъ православнаго церковнаго иконописанія. ...Великая минута Явленія міру Агнца Божія, внемлющаго его грѣхи, здѣсь представлена просто въ живой дѣйствительности. Надобно замѣтить, что это Его явленіе, съ засвидѣльствованіемъ о Немъ Иоанна Крестителя, послѣдовало уже послѣ крещенія Христова на Иорданѣ (см. Еван. Иоан. 1, 31—36), послѣ чего непосредственно Онъ уединялся въ пустыню на сорокодневный постъ и борьбу съ искушителемъ. Слѣдовательно, Агнецъ Божій, съ указаніемъ на Него Крестителя, явился міру въ той силѣ духовной, въ какой онъ возвратился уже побѣдителемъ діавола съ горы искушенія (Лук. 4, 14). И какъ вѣрнѣ этому художникъ въ своей картинѣ! Могущественная сила благодати Агнчей отпечатывается у него рѣшительно на всѣхъ и на всемъ. Не даромъ онъ потрудился надъ этимъ великимъ созданіемъ 20 или 25 лѣтъ.

...„Онъ сдѣлалъ, какъ слѣдуетъ, свое великое дѣло, хотя, по замѣчанію иныхъ, и изобразилъ Крестителя Иоанна не въ одеждѣ

изъ верблюжьего волоса, какъ говорить Евангеліе, а въ верблюжьей кожѣ. ...Мнѣ думается, что 25-ти лѣтнее дѣло Иванова, сопряженное со многими, и внѣшними, и духовными, бореніями, принято отъ Господа какъ молитвенный подвигъ за Россію, которая на пути науки и искусства едва только начинаетъ служить спасенію прочаго міра, тогда какъ этотъ послѣдній въ правѣ не только ждать, но и требовать такой великой услуги отъ Россіи, какъ отъ должника передъ Востокомъ и Западомъ. Только вотъ въ чемъ наша великая бѣда: подвижникамъ просвѣщенія, не по буквѣ только православнаго, а устремляющагося къ удовлетворенію истинно-православныхъ, вопіющихъ потребностей духа нашего, — не по силамъ выносить бремя того нравственнаго одиночества, въ которомъ они по большей части остаются у насъ, — получая отъ однихъ сочувствія, но не къ тому, что требовало бы сочувствія, и будучи пренебрегаемы или даже осуждаемы другими, и именно тѣми, отъ которыхъ крайне требовалась бы поддержка сочувствія и одобренія. Въ такомъ одиночествѣ, — холерѣ или другой какой либо болѣзни или просто несчастной судьбѣ не трудно сразить человека. Это Твой гнѣвъ, Господи, праведно на насъ движимый».

Кромѣ уже указанныхъ, въ нашей печати появилось не мало еще другихъ статей, сочувственныхъ Иванову и опровергавшихъ его обвинителя изъ «Сына Отечества».

«Давно уже, писалъ художникъ *Лопатинъ* въ „Семейномъ Кругѣ“ 1859 (№ 9, с. 227), мы видимъ имя г. Толбина красующимся подъ критическими статьями художественнаго содержания, въ которыхъ только и художественнаго, что имена древнихъ художниковъ, приведенныя не кетати, какъ и въ послѣдней статьѣ. Въ статьяхъ своихъ г. Толбинъ судить и рядить, какъ понало — и вярвь, и вносъ, — о художественныхъ произведеніяхъ, и въ сужденіяхъ своихъ постоянно обнаруживаетъ совершенное незнаніе и непониманіе искусства. Какія права онъ имѣетъ на подобную расправу съ художественными произведеніями, мы не спраивались (да это было бы и напрасно) и потому уже, что одни его мнѣнія доказывали совершенное незнаніе искусства. Доказательствомъ этому — критика его на картину А. А. Иванова. При разборахъ выставокъ Академіи, мы, художники, ему, г. Толбину, прощали его кривоноліи: онъ не могъ насъ ни чему выучить, а на одобреніе его мы не обращали никакого вниманія, — мы шли своею дорогою, предоставляя воплямъ г.

Толбина раздаваться въ пустынѣ. Но когда онъ рѣшился, при своемъ незнаніи въ искусствѣ, коснуться гениальнаго произведенія покойнаго А. А. Иванова, тогда мы именно, во имя чести и славы русской живописи, жеемъ отперты глаза публики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать г. Толбину, что онъ напрасно разсуждаетъ объ искусствѣ, азбуки котораго даже онъ не понимаетъ. Также насъ удивляетъ, что г. г. издатели нѣкоторыхъ журналовъ доврѣняютъ писать статьи о художествахъ подобнымъ людямъ...

„Нашъ знаменитый художникъ А. А. Ивановъ, вмѣстѣ съ Полемъ Деларошемъ и Карломъ Брюлловымъ, сдѣлалъ эпоху въ новѣйшее время въ пластическомъ искусствѣ. А. А. Ивановъ, по нашему крайнему разумѣнію, стоитъ выше другихъ, приведенныхъ нами художниковъ. П. Деларошъ и К. Брюлловъ сдѣлали переворотъ: П. Деларошъ — какъ композиторъ, К. Брюлловъ — какъ колористъ; А. А. Ивановъ, какъ композиторъ, рисовальщикъ и колористъ, двинулъ искусство, помимо всякихъ проселочныхъ дорогъ, прямо по столбовой и тѣмъ заставилъ новое поколѣніе художниковъ прозрѣть истину въ искусствѣ. Картина его есть величайшая точка, до того достигала до сихъ поръ живопись... Въ картинѣ Иванова есть недостатки, но затѣмъ отыскивалъ мелочи тамъ, гдѣ такое громадное количество первоклассныхъ красотъ. Впрочемъ, въ картинѣ Иванова нѣтъ недостатковъ художественной техники: рисунокъ, живопись, сочиненіе, воздушная перспектива, драпировки, — все это безукоризненно. ...Н. В. Гоголь, какъ художникъ, понялъ художника и собрата, сдѣлавшаго вмѣстѣ съ нимъ эпоху въ искусствѣ у насъ въ Россіи. Онъ не могъ не сочувствовать А. А. Иванову — одна и та же божественная искра, очень для многихъ незамѣтная и непонятная, вдохновляла души двухъ гениевъ. Они, представители нашего вѣка, будутъ причиною похвалы его въ будущихъ вѣкахъ“.

„По многимъ отраслямъ, — говорилъ *Плаксинъ* въ „Семейномъ Кругѣ“ 1859 (№ 11, с. 187), — люди спеціальные почти никогда не пишутъ о своемъ дѣлѣ, а есть у насъ разныя журнальные артельщики, которые за все берутся: они пишутъ о выставкѣ орудіи сельскаго хозяйства, о выставкѣ вѣтовъ, о художественной выставкѣ, о промышленности и о многомъ другомъ, — это, такъ назыв., фельетонисты, которые мѣряютъ свой умъ не степенью важности предмета, не характеромъ его, не степенью пони-

манія того, о чемъ они пишутъ, а листами написанными. Эти-то листописатели, не имѣя не только спеціальныхъ знаній, но даже и общихъ понятій, приобрѣтенныхъ опытною и наблюденіями, толкуютъ обо всемъ врывъ и вкось; ихъ даже не останавливаетъ колоссальное величіе предмета, передъ которымъ и знатокъ съ робостію останавливается, а если рѣшается что-нибудь сказать, такъ приступаетъ къ тому послѣ долгихъ соображеній и размышленій; а эти господа не любятъ долго думать: пришель, взглянул и заговорил! Ему до того и дѣла нѣтъ; ему нужно написать листъ, а его патрону-редактору нужно, если не предупредить своихъ собратьевъ, такъ по крайней мѣрѣ не отстать отъ нихъ; слѣдоват., для одного—чѣмъ больше, тѣмъ лучше, а для другого—чѣмъ скорѣе и смѣлѣе, тѣмъ лучше. И такъ, смѣлая пустота статьи доставляетъ имъ обонитъ торжество и выгоду. Чего же больше?— Но что же выиграла читатели? Что выиграло общество? О Боже мой! Вѣдь наше дѣло шумитъ объ общественной пользѣ, а дѣйствовать и работать для общей пользы—дѣло тѣхъ труженниковъ, которые не мастера и не охотники кричать о себѣ. И вотъ люди, не отличающіеся большою смѣлостію и неизмѣннѣе твердыхъ убѣжденій, расступаются передъ смѣлчавомъ, прислушиваются къ его многимъ „потому что...“, воображаютъ себя послѣдователями передового человѣка и, въ свою очередь, въ своихъ кружкахъ шумятъ во имя прогресса, о значеніи котораго они даже не могутъ дать себѣ яснаго отчета. Что нужды, что этого смѣлчача иногда оборвутъ, уличатъ въ невѣжество,—онъ свое дѣло сдѣлалъ... У этихъ господъ есть одна держка и потому опасная уловка: они, подъ личиною скромности, всегда говорятъ отъ имени общества или, по крайней мѣрѣ,—большинства, какъ будто это вовсе не ихъ личное мнѣніе; кто же будетъ повѣрять и разбирать, дѣйствительно ли такъ большинство думаетъ...

„Прошу прислушаться къ тому, что въ продолженіе года, съ тѣхъ поръ, какъ явилась у насъ въ Петербургѣ картина Иванова, было писано и говорено о ней; попробуйте изъ всего этого составить себѣ что-нибудь цѣлое, что бы могло походить на полное характеристическое мнѣніе,—напрасный трудъ. Нѣкоторые изъ этихъ сужденій такъ странны и дики, что отъ нихъ становится какъ-то грустно. Пусть бы еще легкомысленно судили объ этомъ великомъ созданіи одни только журнальные поденщики; мнѣ случилось слышать известное сужденіе

даже художника одного... Правда, надо признаться, первое впечатлѣніе, производимое этою картиною, очень невыгодно для нея. Это я испыталъ на самомъ себѣ, это слышалъ и отъ многихъ людей, понимающихъ искусство, которые ставятъ картину такъ высоко, что не могутъ о ней говорить хладнокровно.

„Не много картинъ оставилъ намъ Ивановъ, но всѣ онѣ представляютъ неопровержимое доказательство, что онъ былъ художникъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, всѣ онѣ исполнены духомъ глубокаго благочестія... Обратимся къ той картинѣ, которую всякій можетъ видѣть въ Имп. Эрмитажѣ: Иисусъ Христосъ, по воскресеніи своемъ, встрѣчается съ Маріей Магдалиной въ саду...¹⁾ Пусть скажутъ намъ люди бывалые, много путешествовавшіе: много ли они видѣли изображеній Христа лучше этого, много ли они укажутъ намъ такихъ плачущихъ Магдалинъ?..

„Здѣсь нужно замѣтить, что произведеніе Иванова явилось въ то время, когда въ живописи господствовало эффектное направленіе... Поклонникъ К. П. Брюлловъ невinnie повредилъ многимъ художникамъ, которые хотѣли съ нимъ сравниться и даже мечтали превзойти его... Онъ создалъ картину viuцую сильными страстями, поражающую самыми разнородными чувствованіями... Это гениальное твореніе взволновало страсти художниковъ... и вотъ, воображая, что главная удача картинъ происходитъ отъ бурнаго предмета и эффектности изображенія, многие изъ нихъ принялись изображать ужасы страданій человѣческихъ... Но весь этотъ шумъ—и дѣльный, и поддѣльный, и вовсе не дѣльный,—не смутилъ твердой воли Иванова, подкрѣпленной творческой любовью къ искусству: онъ устоялъ противъ всѣхъ искушеній времени, задумалъ и произвелъ картину хотя обширную, но еще болѣе спокойную, нежели преждее его созданіе... въ которой онъ воспроизвелъ евангельское слово любви и благодати: Иоаннъ, Предтеча Христа Спасителя, проповѣдуетъ миръ и любовь людямъ; тамъ однойи идетъ Спаситель изъ пустыни...

...„Оставляя въ сторонѣ всѣ споры, я рѣ-

¹⁾ Передъ этимъ критикъ разбиралъ картину, писанную И-вымъ на 1-ю зѣл. мел.: „Патріархъ Авраамъ принимаетъ подъ дубомъ Мемрійскимъ трехъ ангеловъ“ и подаренную художникомъ своему крестному отцу—В. И. Сосоновичу, отъ котораго она перешла къ Д. К. Тарасову.

шаюсь высказать свои личные впечатлѣнія и мысли, которыя произвела и возбужда во мнѣ картина Иванова, и тѣ убѣжденія, которыя мнѣ удалось приобрести и усвоить при многократномъ разсматриваніи ея. (Слѣдуетъ подробное описаніе картины). Все въ одно и тоже время — и пустынно, и дико, и полно жизни и движенія, но движенія и жизни не шумныхъ и кипучихъ, а тихихъ, которыя подняты и одушевлены силою благодатнаго слова, дотогѣ небывалаго и неслыханнаго на землѣ..

„Посреди народа, расположившагося по берегу Иордана, стоитъ Иоаннъ Креститель.. лицо его важно, строго, но одушевленно.. Вся фигура его величественна, сильна и строга...— это человѣкъ высокой мысли и твердой воли... проникнутый божественною природой, истинный Предтеча Христовъ..

...„Сколько тутъ правды, которую художникъ извлекъ изъ наблюденій надъ человѣкомъ и его природой. О правильности рисунка я и не говорю,—это прирожденное свойство нашего великаго художника; притомъ одна правильность рисунка, хотя она и необходима въ живописи, еще не составляетъ красоты картины, но тутъ она нераздѣльно связана съ поэтическимъ творчествомъ художника: это восприниманіе дѣйствительности, какова она есть, съ ея безконечнымъ разнообразіемъ, съ ея неуловимо-волнистыми линиями. И, вмѣстѣ съ тѣмъ,—ведь и во всемъ строгая гармонія между міромъ физическимъ и духовнымъ; каждая фигура поставлена въ такое положеніе и съ такимъ выраженіемъ лица, какія причины возрасту и обстоятельствамъ,—все стройно и все согласно—и съ самимъ собою, и со всѣмъ, что его окружаетъ; тутъ не страдаетъ ни анатомія человѣка, ни исторія, ни логическая истина, ни законы красоты. Это торжество творческаго гения!

...„Художникъ хотѣлъ представить на своей картинѣ далеко не весь народъ, слушающій Иоанна, а только главныя черты факта, событія. Въ доказательство этой мысли служатъ съ одной стороны двѣ группы, помѣщенные на отдаленныхъ холмахъ надъ самымъ тѣсомъ, а съ другой — на правомъ краю картины нѣтъ конца собравшимся слушателямъ... этимъ зрителю дана возможность предполагать еще большее множество народа, слушающаго и, можетъ быть, крестящагося внѣ картины, далеко; въ противномъ случаѣ художникъ оставилъ бы пустое пространство, какъ онъ это сдѣлалъ на лѣвой сторонѣ картины.

...„Изображеніе Христа на этой картинѣ въ такомъ видѣ,—чтобы съ одной стороны можно было узанать Его, а съ другой, чтобы можно было въ Немъ видѣть величіе Богочеловѣка,—чрезвычайно трудно. Теперь смотрите на эту далекую и самую малую фигуру... Смѣло можно сказать, что всякій православный, даже простодушнѣе, скажетъ: конечно, Иисусъ Христосъ... Но этой одной вѣрности типа, конечно, недостаточно... Вы видите человѣка, чуждаго человѣческихъ страстей, далекаго отъ всякой устности и увлеченій, вы видите, что, при совершенствѣ человеческого организма, въ тѣлодвиженіи его нѣтъ ни суетности ни натянутости, ни другихъ угловеній отъ спокойно-духовной торжественности; на лицѣ его нѣтъ мѣста ни для шумной радости, ни для бурнаго гнѣва, ни для малодушной печали; на немъ поконитъ духъ божественный, который можетъ отразиться здѣсь только скорбію о паденіи человечества въ закоренѣлыхъ заблужденіяхъ, или спокойнымъ блаженствомъ при разумномъ счастьи, возвышающимъ человѣка до соверпанія Божества..“

„Впечатлѣніе, произведенное картиной Иванова на художниковъ, живущихъ въ Римѣ,—сообщалось въ „Дѣтскомъ Журналѣ“ А. Захарскаго 1859 г. (т. IV, кн. 4, стр. 123—124 и 129—130),—было весьма равнообразно. Французамъ она не нравилась, да и не могла нравиться по серьезности и строгости общей композиціи и по причинѣ отсутствія всякаго эффекта и того ловкаго „savoir faire“, на которомъ выступаетъ французская школа. Парти Овербека картина неудовлетворила потому, что въ ней не было католической сентиментальности и той искусственной угловатости и сухости рисунка, какими эта парти старается поддѣлаться подъ мастеровъ XV в. Овербекъ осуждалъ ее за „натурализмъ“,—но тѣмъ не менѣе всѣ парти высоко ставили ее и въ единогласно отдавали справедливость высокому таланту художника. Ивановъ дѣйствительно много пользовался совѣтами Овербека, какъ и онъ самъ объ этомъ открыто говорилъ, но ихъ рабѣдьяла бездна: Овербекъ—самый жаркій католикъ, убѣжденія же Иванова съ самаго начала были скорѣе мистическими и его цѣлью было написать чисто историческую картину. Въ этомъ отношеніи онъ далеко не весь высказывался передъ Овербекомъ..

„Явленіе Христа народу имѣетъ достоинство не только, какъ глубоко задуманное произведеніе, прославившее творца его,—оно также

важно, какъ школа для молодыхъ художниковъ. Представителемъ живописи до Иванова былъ Брюлловъ. Но онъ скорѣе только запуталъ русскую школу, а не создалъ ее. Брюлловъ былъ великій техникъ и великій рисовальщикъ. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ благотворное вліяніе на нее. Но, странно: ни одинъ замѣчательный талантъ не развился подъ его вліяніемъ... Выходили недурные техники, хорошіе рисовальщики, — а картинъ не было. Причина этого, кажется, заключается въ томъ, что въ этомъ великомъ, чисто вѣнскомъ талантѣ Брюллова не было никакого внутреннего содержанія, не было никакого серьезнаго возрѣвнія, въ его фантазіи не было ничего поэтическаго. Правда что лучшее время его молодости и ученія совпало съ самымъ сухимъ и бесплоднымъ временемъ для искусства: ложное классическое и академическое направленіе было преобладающимъ во всемъ европейскомъ искусствѣ; самъ Ивановъ отправился въ Италию съ этимъ направленіемъ и свернулъ его только благодаря образовавшейся въ 30-хъ годахъ нашей вѣка въ Римѣ католическо-романтической школѣ, которая и возродила потомъ и религиозную живопись въ Германіи. Если душа Брюллова лежала въ чьей-нибудь дѣйствительно, то развѣ въ эротическихъ предметахъ греческой мифологіи, — ко всему другому онъ внутренне былъ холоденъ. Въ религиозныхъ своихъ картинахъ онъ былъ послѣдователемъ Болонской школы и преимущественно Гвидо Рени, бесспорно весьма талантливаго, но сентиментально холоднаго мастера. Правда, что Ивановъ не былъ блестящимъ техникомъ, подобно Брюллову, но его этюды съ натуры могутъ считаться образцовыми произведеніями живописи. Его этюды зелени, деревьевъ, горъ, которые дѣлалъ онъ для пейзажа своей картины, исполнены съ такимъ совершенствомъ, что приводятъ въ изумленіе самыхъ первоклассныхъ пейзажистовъ“.

Затѣмъ *Ковалевскій* сообщаетъ въ „Отеч. Зап.“ 1859 г. (т. 123, № 3, отд. I, с. 116—122, 125 и 131) еще слѣд. подробности о картинѣ Иванова: „Ивановъ попалъ въ Римъ въ то время, когда школа нѣмецкой живописи была во всей силѣ: что дѣлали не нѣмцы, — отвергалось; нѣмцы предписывали законы; Корнелиусъ съ Овербекомъ управляли всуеомъ. Робкій Ивановъ не смѣлъ ихъ не признавать за силу. Между тѣмъ, Ватиканъ и Рафаэль привлекали его строгостью и прелестью линий и чистотою стіла. Съ другой стороны, Тицианъ — этого царя красокъ — дѣйствовалъ на молодое сердце еще со-

блазнительнѣй. — Что мнѣ было дѣлать, я рѣши-тельно не зналъ! — говорилъ Ивановъ, разорван-ный на части — и авторитетами, и колебаніями въ разныя стороны. Мыслительный отъ природы, недоверчивый къ своимъ средствамъ, онъ сознавалъ возможность стать на ноги, только опираясь на кого-либо [изъ силачей искусства. Первоначальная мысль картины, имъ назн-кованная, его не удовлетворяла и, надо сказать правду, — въ сравненіи съ настоящимъ мотивомъ этотъ первый отзывался отчасти академическимъ. Ивановъ уступилъ влеченію сердца и кинулся въ Венецію испробовать себя подъ вліяніемъ манеры Тициана: отсюда вытекъ второй эскизъ — съ темносинимъ, зеленоватымъ небомъ и бурнымъ деревомъ, какъ на известной картинѣ Тициана (убіеніе Петра — въ церкви S. Giovanni e Paolo). Но уже своеобразный мотивъ сочиненія является тутъ въ общихъ чертахъ — такимъ, какъ мы его и теперь видимъ; измѣненъ же онъ вслѣдствіи только въ распредѣленіи второстепенныхъ группъ и драпировокъ.

— „Когда я вернулся въ Римъ (продолжалъ Ивановъ), мнѣ показалось, что пріемъ Рафаэля ближе къ природѣ; я принялся прілежно ходить въ Ватиканъ, дѣлалъ копіи и останавливался на этомъ... — Нѣмцы, значитъ, васъ не одолѣли? — спросилъ я. — Нѣтъ-съ, какъ же это, возможно! Нѣмцы тогда все значили; не было спасенія безъ нѣмцевъ! Я много облажалъ Овербеку, онъ мнѣ весьма помогъ совѣтами. — Такъ онъ совѣтуетъ, должно быть, лучше другимъ, чѣмъ себѣ... Ивановъ улыбался и качалъ головою. — Какъ это, однакожь, вы это говорите! — бормоталъ онъ, — чрезвычайно зло... И онъ принялся похвалить Овербековскаго Іоанна Крестителя. — Я и помышлять не смѣю написать такого Іоанна, говоритъ онъ. — И хорошо сдѣлалъ, замѣтилъ я: оттого-то вы и написали *вашего* Іоанна.

„И такъ, Ивановъ приступилъ къ работѣ нерѣшительно, не вѣруя въ себя, хватался за ослоты людей съ именами. Велика же должна быть сила дарованія, чтобы заслонить въ врожденную робость характера, и воспитаніе въ умѣ поклоненіе авторитетамъ, и вытесни на полотно картину, которая показала, что искусству можно еще шагать впередъ, оставляя позади авторитеты. Нерѣшительный Ивановъ, ищущій образцовъ, когда начинаетъ работу, и Ивановъ совершитель этой работы, — какъ совмѣстить такую слабость и такую силу въ одномъ человѣкѣ? Овербекъ, имѣвшій дѣло съ робкимъ начинателемъ, проводитъ нѣсколько часовъ передъ оконченными произведеніемъ — и

только въ состояніи произносить: кто бы могъ думать, Ивановъ насъ надул!

„Самъ, доживающій 80-е свои годы, Корнелиусъ, въ полномъ раскодѣ съ правдою (натурою) въ искусствѣ, и тотъ, послѣ оговорокъ, что картина грѣшитъ противъ стиля, т. е. ничѣмъ не подходитъ къ хлмстовщинѣ старовѣровъ, пожимаетъ руку Иванова, твердя: вы большой мастеръ! А нѣмцамъ, думавшимъ угодить ему хулою, замѣчаетъ строго, чтобъ они пошли, да лучше изучили. Нѣмцы поджимаютъ хвостъ и плетутся въ Vicolo del Vantaggio (переулокъ, въ которомъ была мастерская И.).

... „Какъ ошибочно вкоренившееся мнѣніе, будто Ивановъ писалъ 20 лѣтъ свою картину,— писалъ онъ ее 7 лѣтъ, и то при безпрестанныхъ разъяздахъ за отъскиваемъ типовъ, которыхъ въ Римѣ онъ не находилъ по своему желанію, при перерывахъ отъ болѣзни и находившихъ на него припадковъ апохондріи, разочарованіи въ своемъ трудѣ, въ своихъ силахъ, при боязни за завтрашній день, за насущный кусокъ хлѣба. Въѣздъ 30.000 выдавались не опредѣленными сроками въ теченіе 30 лѣтъ, а были выпрашиваемы трудно, и за нихъ никто не могъ поручиться въ будущемъ. Остальное время отдавалось усиленному чтенію, изученіямъ древне-еврейскаго быта и подготовкѣ матеріаловъ на изображеніе всей жизни Христа въ эскизахъ...

„Вы снятае одну картину? А причтите-ка къ ней другую — меньшаго размѣра, вполне оконченную (на ней художникъ испытывалъ общее и каждую фигуру отдѣльно, и потомъ уже, удовлетворяясь пробую, наносилъ на большой холстѣ, да четыре эскиза, да этюды, которые надо считать сотнями (кажется, болѣе 300), этюды каждой головы, части тѣла, всего тѣла, въ одномъ поворотѣ, потомъ въ другомъ; ландшафтные этюды (просто отрывки природы, по совершеннѣйшей ихъ правдѣ), этюды драпировокъ; копии, картины, рисунки, чертежи, — и вы получите цѣлую академію, по которой ученикъ можетъ выучиться быть художникомъ.

„Вотъ въ какомъ видѣ только 20-лѣтній трудъ Иванова (хотя онъ даже и не 20-лѣтній, какъ мы видѣли) получаетъ все свое значеніе и становится памятникомъ. Вотъ въ какомъ видѣ Академія должна была приобрести его, а не допускать, чтобъ разорвали по страницамъ великую его исторію (извѣстно, что всѣ эскизы, этюды и проч. распроданы порознь, въ частныя руки).

... „По Брюллову учиться трудно: все, что имъ сдѣлано, не есть плодъ труда усидчиваго, добравшагося, искавшаго, но—дѣло вдохновенія, которое загоралось вдругъ и потухло только съ послѣднимъ ударомъ кисти. Брюлловъ подходилъ совсѣмъ готовый къ полотну; онъ учился тоже усидчиво и много, но не надъ большими картинами; онъ выучился сразу и уже потомъ всю жизнь не думалъ о приѣмѣ: техника и форма всегда были у него на послугахъ. Поэтому, въ Брюлловѣ можно только удивляться совершенству сдѣланнаго, но хотѣть заимствовать отъ него процессомъ творчества—нельзя: онъ творилъ по законамъ, скрытымъ отъ всѣхъ, кромѣ избранныхъ. За процессомъ же Ивановскаго творчества можно слѣдить, какъ за постепеннымъ ходомъ созрѣванія; поэтому-то отъ него и больше пользы для учащихся, чѣмъ отъ Брюллова.

„Я прислушивался къ отзывамъ о картинѣ... Первое, что выставить вамъ противъ нея,—это цѣлѣрность воздушной перспективы: отдаленныя предметы слишкомъ ясны, хлѣзутъ на первый планъ... Пусть же въ ходъ сужденіе, рассчитанное очень ловко на незнакомство сѣвернаго человѣка съ прозрачностью южнаго воздуха, который позволяетъ предметамъ, стоящимъ на нѣсколько сотъ шаговъ, быть видѣнимъ совершенно ясно, — не глупая выдумка! Подите, разувѣрите небывавшихъ хотя бы, напр., въ Неаполѣ или даже въ Римѣ, что свинцовый свѣтъ, который освѣщаетъ Петербургъ, какъ сквозь немытое окошко, не можетъ дать понятія объ освѣщеніи странъ солнцемъ!..

„Второе обвиненіе вводится на картину за зеленое лѣно раба, за синюю руку апостола Андрея, и вообще за рефлекціи драпировокъ на тѣлѣ. Всякій, кто присматривался къ дѣйствию солнечныхъ лучей на отраженіе цвѣтовъ и красокъ на ближне предметы, — знаетъ очень хорошо, что человѣкъ, наклонившійся надъ зеленою травой, какъ наклонился рабъ въ солнечный день на открытомъ воздухѣ, не можетъ не позеленѣть; что рука, простертая надъ синею одеждою, должна посинѣть и т. д. Если же отраженія эти кажутся нѣсколько усиленными, на то есть своя причина: солнечный свѣтъ въ картинѣ не довольно ярокъ для полной силы отраженія. И въ этомъ картина до нѣкоторой степени грѣшитъ дѣйствительно... Прозрачность воздуха не уменьшается этимъ... но степень рефлекціи дѣлается чуть-чуть преувеличенною...

„Картина дурно написана, говорятъ даже,—

ремесленный взгляд на произведение, полное идеала!.. Неужели жь нѣкоторая слабость колорита и не совѣсь бойкій ударъ кисти могутъ въ самомъ дѣлѣ закрыть въ подобномъ произведеніи все, что такъ недосиаемѣ и колорита, и ударовъ кисти, какіе бы онъ бойкіе ни были?..

„Еще одно: нѣтъ, говорятъ, на картинѣ ни красивыхъ фигуръ, ни женщинъ. Что нѣтъ женщинъ—это естественно: не могъ художникъ, изучивъ основательно нравы того времени, допустить общее купанье двухъ половъ, какъ въ Ост-Энде; надо было избрать одно: или мужчинъ, или женщинъ. Онъ избралъ первое и это, разумѣется, не поодому, чтобы съ женскою фигурой ему было совладать труднѣе; доказательство на лицо: его Магдалина въ Эрмитажѣ—лучшая, можетъ быть, женская наружность въ евангельскихъ картинахъ. Всякій другой художникъ не удержался бы отъ соблазна — разыграть свои строгія группы привлекательнымъ женскимъ тѣломъ и тѣмъ не только избѣжать укора (которому подвергся Ивановъ), но еще снискать сочувствіе зрителей; но Ивановъ выдержалъ—и сосредоточенная тревожность обстановки только болѣе выдвинула величіе предмета.

„Красота въ мужскихъ фигурахъ видна при первомъ взглядѣ на полотно. Середину холста занимаетъ Иоаннъ Креститель — образецъ красоты духовной, которая едва-ли могла бы отыскать себѣ болѣе прекрасную форму.. Сзади Крестителя, налѣво, — красивая голова Иоанна Богослова, миловидная наружность юноши, выходящаго изъ Иордана и отдѣляющагося отъ полотна съ поразительною силой; впереди, направо, — обнаженный торсъ молодого человѣка, красоты почти античной; бойкій, красивый мальчишъ, продрогшій отъ воды, и темная страстная голова въ толпѣ на заднемъ планѣ—все это красота линий, помимо красоты выраженія. Перечислять же эту красоту, значитъ назвать всѣ фигуры до одной..

„Съ Ивановымъ умеръ послѣдній жрецъ чистаго искусства. Когда подумаешь, *когда* онъ дѣйствовалъ, то его жизнь, его труды кажутся анахронизмомъ. Сколько лѣтъ одинъ, въ тѣсной комнатѣ, въ заштопанныхъ рубашкахъ, вызываемый громкимъ крикомъ всей Россіи, умѣлъ онъ беречь свою независимую бѣдность, не перенесъ завѣтной кисти съ избраннаго на всю жизнь поприща ни на какой заказъ, не написалъ даже ни одного портрета въ самые трудные годы лишений всякаго рода, и сошелъ въ землю образцомъ не запятаннаго служенія искусству. Къ явленіямъ такого рода могутъ

быть равнодушны современники, но, разумѣется, не останется равнодушна исторія. И вотъ кому произнести послѣднее слово объ Ивановѣ!..

Годъ спустя, тотъ же *Ковалевскій* писалъ въ „Современникѣ“ 1860 г. (т. 83, отд. III, с. 36), въ ст. „О художествахъ и художникахъ въ Россіи“ — по поводу академ. выставки: „Молодой Ивановъ отозвался совершенно иначе на то, что его встрѣтило въ Римѣ, и порыванье свое къ самостоятельности сразу и вѣрнѣе и подчинилъ старымъ и новымъ авторитетамъ вѣчнаго города искусства. Рафаэль, Тицианъ, даже Овербекъ и Корнелиусъ начали клонить его каждый въ свою сторону и колебать довѣріе къ самому себѣ, къ своимъ силамъ и къ внутреннему голосу, уже шептавшему ему новые мотивы „Явленія Христа народу“. И вотъ, по крайней мѣрѣ въ той же степени, въ какой совершенное отрицаніе образовъ нанесло однажды на всегда непогладимый вредъ Брюллову, слѣбая въ нихъ вѣра Иванова повредила ему на всю жизнь. Нѣкоторая робость нѣмкихъ частей его картины и сухость письма, вовсе не свойственныя кисти, написавшей „Магдалину передъ Христомъ“, о томъ свидѣтельствуяютъ.

„...Поклоненіе Брюллову достигло своего апогея и уже готово было, за смертію художника, нѣсколько смириться, какъ на поприщѣ живописи явился Ивановъ со своимъ „Мессіей“. Съ появленіемъ Иванова, первый періодъ исторіи русскаго художества, періодъ Брюловскій, кончился, и начинается второй—Ивановскій.

„Хотя по всѣмъ вѣроятіямъ не такъ единодушно и менѣе быстро, но Ивановская натуральность и простота должны будутъ приняты, и уже принимаются, молодыми художниками: смѣлая ятна Брюловской живописи уже уступаютъ мѣсто освѣщенію болѣе ровному (въ свѣтѣ) фигуръ Иванова. Творецъ „Явленія Христа народу“ дѣлаетъ шагъ въ искусствѣ, и за этимъ шагомъ слѣдить можно. Онъ достается и самому Иванову долготѣннимъ трудомъ, наукою и сосредоточенностью на одномъ предметѣ. Въ этомъ отношеніи Ивановъ приноситъ болѣе пользы молодому поколѣнію...

Въ заключеніе, нельзя не указать на большую, занимающую 9 столбцовъ въ листѣ, статью *Арх. Эвальда* „Иисусъ на картинѣ Иванова“ — въ „Моск. Вѣдом.“ 1860 г. (№№ 130 и 131, с. 1030—1 и 1038—9), хотя она „нѣсколько и запоздала своимъ появленіемъ въ свѣтъ“, по замѣчанію редакціи этой газеты. „Отдѣлиться отъ самого себя, — говорилъ назв. критикъ, — чтобы

пропанести рѣшеніе совершенно отвлеченное,—невозможно, потому и происходитъ вѣчная односторонность и пристрастность нашихъ сужденій... и только одна общая идея, выведенная изъ массы мнѣній, можетъ назваться безпристрастною или хотя близкою къ ней. Поэтому, да простятъ и мнѣ тѣ мысли, которыя, можетъ быть, покажутся нѣскольکو-странными или даже ошибочными. Онѣ современемъ, можетъ стать, попадутся на глаза тому, кто захочетъ сдѣлать сводъ сужденій о картинѣ Иванова, и если не дадутъ ему ничего новаго, то все-таки послужатъ матеріаломъ для болѣе вѣрной критики“. Несмотря на такое скромное мнѣніе о себѣ автора, статья его заключаетъ, однако, не мало новаго и любопытнаго, хотя и отличается нѣкоторою растянutosью и повтореніями.

„Рожденный и воспитанный въ нищетѣ,—замѣчалъ онъ,—Исусъ навсегда отказался отъ всѣхъ земныхъ благъ, отъ всякаго человѣческаго величія, отъ блеска и славы, удалился въ пустыню и тамъ готовилъ себя на страшный подвигъ, который долженъ былъ кончиться Его насильственною смертью.—Во время этого удавленія Онъ готовился къ слову, которое должно было пересоздать весь міръ... Слово это было—любовь... Этимъ словомъ Онъ разрѣшаетъ всѣ вопросы, всѣ затрудненія. Этимъ словомъ Онъ сравнивалъ людей... Совсѣмъ новымъ свѣтомъ озарилъ Онъ нашу жизнь, указалъ человечеству цѣль пребыванія на землѣ,—цѣль, которую не могъ разгадать ни одинъ изъ величайшихъ мудрецовъ древняго міра... Эта вѣчная безграничная любовь породила и идею о нѣружности Богочеловѣка, который проповѣдывалъ ее... И вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали изображать І. Х., всѣ художники устремляются придать Его чертамъ какъ можно болѣе нѣжности, мягкости, доброты, даже слабости и болѣзненности. Сколько мнѣ ни случалось видѣть, на картинахъ, изображеній Иисуса, вездѣ и всегда я встрѣчалъ одно и то же лицо,—доброе, очень доброе, и даже до того мягкое, что едва ли сообразное съ величіемъ Воссоздателя, изъ погибшаго древняго міра,—новаго человечества...

„Вотъ эта-то сторона жизни и слова Божественнаго Сына ускользнула отъ всѣхъ художниковъ, рѣшившихся передать Его черты полотну или камню... Оттого-то всѣ изображенія Его, существующія доселѣ, имѣютъ одинъ общій характеръ—нѣжности и мягкости. Оттого-то до сихъ поръ ни одно изображение Спасителя не удовлетворяло вполнѣ всѣмъ требованіямъ Еван-

гелія. Вспомните „Моленіе о чашѣ“ Э. А. Бруни, „Судъ блудницы“ Пуссена, „Укромленіе бури“ Доминикино, „Прогулку съ учениками въ Эммаусѣ“ Клода Лоррена—вездѣ вы увидите одинъ и тотъ же типъ безконечной доброты—и больше ничего. Даже Рафаэль, самъ великій Рафаэль, и тотъ увлекся односторонностью взгляда, общаго всѣмъ художникамъ. Въ его „Вознесеніи“ въ Иисусѣ опять видно все то же, что и вездѣ,—одна лишь доброта... Точно также возьмите всѣ распятія І. Х. или „Снятіе Его со креста“. Что видите вы на изображаемомъ тѣлѣ?—выраженіе падшаго подъ тяжестью мукъ, выраженіе страданія, взнеможенія. Опять художники забыли, что послѣднія слова Иисуса, вслѣдъ за которыми Онъ испустилъ духъ, были слова силы, могущества и власти, а не слабости... Художникъ долженъ помнить, что, несмотря на ужасныя физическія страданія, Богочеловѣкъ всегда былъ въ полнѣйшемъ самообладаніи до послѣдней минуты. И если страданія могли выказаться на лицѣ, то, въ тоже время и на томъ же лицѣ, должна была выказаться и побѣда духа надъ тѣломъ. Иначе лицо Спасителя будетъ исторически невѣрно и не согласно съ духомъ Его ученія. То же самое должно помнить и при изображеніи тѣла умершаго Спасителя. И на мертвомъ лицѣ, вромѣ тѣсныхъ страданій, уже прошлыхъ, мы должны читать окончательное торжество духа надъ плотью, ученія Иисуса надъ ученіями учителей равныхъ временъ и началъ.

„Но ничего подобнаго вы не увидите ни на одномъ доселѣ бывшемъ изображеніи Спасителя. Ему живому—даютъ выраженіе одной доброты, Ему на крестѣ—даютъ выраженіе страданій, а тѣлу Его—выраженіе взнемогаго мученика. При томъ всѣ художники хлопочутъ придать Иисусу во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ еще и выраженіе божественности.

„Что мы разумѣемъ подъ словомъ божественность?... Какой смыслъ должны мы придавать этому выраженію? Оно невозможно у насъ, и если существуетъ, то единственно изъ подражанія древнимъ... Сколько противоположностей (по нашимъ понятіямъ) должно выразить христіанское Божество. Еслибъ художники серьезно подумали о томъ, за что они берутся, то, вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы взять кисти въ руки для достиженія недостижимаго... Отсюда видно, что желаніе многихъ художниковъ выразить божественность еще—желаніе совершенно тщетное, даже дерзкое, если не безумное.

„Но что же послѣ того остается намъ дѣлать?.. Мы можемъ, намъ дано изображать не І. Х.—Сына Божія, а Иисуса Назорея—Галилеянина... Должно отвинуть всякую попытку на изображеніе божественнаго Его происхожденія и создавать человѣка—пастыря, учителя рода человѣческаго.

...Хотя Евангеліе и говоритъ намъ, — писать Эвальдъ дагѣ, — что І. Х. былъ Сынъ Божій воплотившійся, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Его божественность проявлялась въ лицѣ. Доказательствомъ тому можетъ служить самое же Евангеліе, изъ котораго видно, что апостолы просили Его надежды показать имъ Бога, — значить, лицо Спасителя не являло въ себѣ того, что мы, люди, подразумеваемъ подъ словомъ божественность. Воплотившись въ человѣка, Сынъ Божій былъ вполне человѣкъ. Это непостижимое и самонадѣянное желаніе выразить въ лицѣ Спасителя Его божественное происхожденіе, этотъ односторонній взглядъ на Его ученіе о любви заставили рѣшительно всѣхъ художниковъ придавать Его лицу столько слабости и мягкости, что на ихъ картинахъ изображеніе Его становится не вполне соотвѣтственно для Спасителя... Если они могли писать Иисуса слабымъ, то единственно только въ минуту моленія о чашѣ... И тутъ Онъ не замедлилъ остановить изнеможеніе и восторжествовать надъ слабымъ тѣломъ...“

Послѣ обширнаго вступленія, критикъ переходитъ къ разсмотрѣнію картины Иванова.

„Лице Юанна полно величія настоящей минуты. Движеніе его такъ сильно, такъ энергично, что онъ всѣмъ тѣломъ подался въ ту сторону, куда указываетъ обѣими руками. Вся группа, окружающая его, увлеченная его восклицаніемъ и сильнымъ движеніемъ, обратила глаза на одиноко идущаго вдали Іисуса. Тутъ дѣлая драма, описывать которую я не буду. Когда я въ первый разъ постигъ эту картину, то, оживувъ глазами огромное полотно и увлеченный движеніемъ общей драмы, невольно остановилъ свои глаза прежде всего на Иисусѣ и—сказать ли?—я вздрогнулъ.—Я увидѣлъ наконецъ типъ, близко подходящій къ тому идеалу изображенія Спасителя, который смутно рисовался въ моемъ воображеніи еще съ дѣтства. Наконецъ я увидѣлъ Иисуса такимъ, какимъ предполагалъ Его, читая Евангеліе. Я вздрогнулъ,—потому что встрѣтилъ какъ будто знакомое лицо, которое видѣлъ гдѣ-то и когда-то, какъ будто во снѣ.“

„Иисусъ идетъ вдали одинокій. Походка его

спокойная, твердая, увѣренная, но нельзя сказать—смилая. Видно, что Онъ въ первый разъ выступаетъ на общественное поприще. Лицо Его сухо—послѣ долгаго поста; волосы—небрежно падаютъ на плечи. и въ этой небрежности невидать искусственной драпировки. Глаза смотрятъ на людей, къ которымъ Онъ приближается. Въ этихъ глазахъ видно величайшее спокойствіе, надуманность, увѣренность и рѣшимость. Но они смотрятъ такъ добродушно, какъ только могутъ смотреть глаза. Я люблю васъ, люди, какъ будто говорятъ они... Сколько ласки въ нихъ, сколько мягкости, сколько участія... Онъ на все приготовленъ и теперь идетъ на проповѣдь, не страшась грозящей будущности... Поэтому-то Онъ и идетъ не какъ проситель, а какъ Судія, несокрушимый и невозмутимый Онъ идетъ посѣять въ міръ два слова: слово любви всѣмъ любящимъ и слово суда всѣмъ ненавидящимъ.

„Такоеъ Иисусъ на картинѣ Иванова плп, лучше сказать, такимъ показался Онъ мнѣ. Въ этомъ лицѣ я не прочелъ того неестественнаго стремленія изобразить божественность, какое читалъ въ картинахъ другихъ художниковъ. Изъ всѣхъ ихъ, мнѣ кажется, только одинъ Ивановъ понялъ предѣлы, доступные искусству, и благоразумно остановился на нихъ, не рѣшаяся переступить границы, за которыми начинается міръ недостижимаго. И эта умѣренность художника поставила его мысль выше всѣхъ, доселѣ бывшихъ.“

...„Вглядѣвшись хорошо въ Иисуса на картинѣ Иванова, мы увидимъ, что этотъ художникъ ближе всѣхъ подошелъ къ тому идеалу, какой даетъ намъ Евангеліе. Во 1-хъ, Ивановъ уничтожилъ всякую попытку придать лицу Иисуса божественность. У него идетъ вдали просто человѣкъ. Во 2-хъ, Ивановъ не довольствовался изображеніемъ одной любви въ глазахъ Спасителя: вы видите, что это идетъ человѣкъ глубоко и чисто-любящій, но въ то же время — пророкъ, судія и царь. Онъ идетъ съ властію—не такъ, какъ ходимъ мы... Онъ знаетъ, зачѣмъ идетъ и что будетъ дѣлать...“

...„Многіе удивлялись, какъ можно употребить цѣлыхъ 20 лѣтъ на созданіе одной картины... Еслибъ Ивановъ писалъ 100 лѣтъ, и въ эти 100 лѣтъ написалъ бы не всю свою огромную картину, а только одну небольшую фигуру Іисуса, то я бы и тогда сказалъ, что Ивановъ былъ единственный художникъ, который могъ написать намъ Христа, и что онъ обладаетъ не только огромнымъ талантомъ, но и гениемъ.“

„Восемнадцать вѣковъ прошло отъ смерти І. Х.; было много великихъ умовъ, талантовъ и гениевъ, были между ними и такіе, которые пытались изобразить Спасителя съ божественной печатью на лицѣ, — п все это исчезло съ лица земли. И попытки создать божественность также рушились въ прахъ, какъ и попытки создать всемірную монархію или построятъ Вавилонскую башню...

„И вотъ на дальнемъ Обверѣ рождается человекъ, рѣшающійся посвятить всю свою жизнь на изображение неизобразимаго. ...—Его вѣсть пишеть намъ того же Иисуса, котораго такъ давно пробовали писать гениальные его предшественники, — по пзъ-подъ кисти нашего художника выходитъ не І. Х., а Иисусъ Назорей, Галилеянинъ, выходитъ не Сынъ Божій, а человекъ. Много было пужно надуматься Иванову, чтобы дойти до убѣжденія, что хорошо создать возможное—лучше, чѣмъ плохо невозможное. По всему видно, что онъ глубоко и долго думалъ надъ своимъ произведеніемъ, съ рѣдкимъ вниманіемъ читалъ Евангеліе. Ни одна черта въ его картинѣ не измѣняетъ евангеліскому слову. Все въ ней правда, все дышетъ истиной. А его еще упрекали, что онъ 20 лѣтъ работалъ. ...Да если 18 вѣковъ со всѣми своими гениями не могли вполне понять Иисуса Назорея и создать мало-мальски подходящий къ нему образъ, то какъ же удивляться 20-ти лѣтнему труду одного человекъ. Нужно удивляться тому, что онъ достигъ цѣли, достигъ одиначъ, хотя и дѣвою всей жизни своей,— а не тому, что онъ 20 лѣтъ выработывалъ свою мысль. Двадцать лѣтъ даже слишкомъ мало для такой мысли и притомъ одному человекъ, когда надъ ней работали многіе и въ продолженіе многихъ вѣковъ.

...„Что такое божественность, чѣмъ она должна выразиться на лицѣ Иисуса,— никто изъ насъ не знаетъ, потому что никто Его не видалъ. Но, приученные прежними художниками, мы привыкли называть этимъ словомъ: доброту, мягкость, спокойствіе, которыя обыкновенно придаются лицу Спасителя. Всѣ эти качества есть въ лицѣ Иисуса на картинѣ Иванова; но художникъ рѣшился выикнуть глубже въ Евангеліе, нашелъ въ характерѣ Иисуса и другія качества, захотѣлось ему, для большей исторической вѣрности, замѣнить этими качествами прежде всѣми изображавшуюся мягкость, и вотъ изображение не подходитъ подъ тотъ типъ, къ которому мы такъ привыкли, и новосозданная фигура осуждается. Мнѣніе публики въ этомъ

случаѣ совершенно справедливо, и прямо наладать на него нельзя. Виноваты ли мы, что 1800 лѣтъ намъ изображали все одинъ и тотъ же типъ?—Нѣтъ, виноваты художники, которые въ продолженіе 18 столѣтій добивались невозможнаго.

...„Отъ созданія „встрѣчи Христа съ Магдалиною“ до послѣдней картины, о которой идетъ рѣчь, прошло много лѣтъ. Съ тѣхъ поръ Ивановъ возмужалъ мыслью и создалъ совершенно иной типъ Спасителя... Въ первой картинѣ Ивановъ слѣдовалъ еще общимъ понятіямъ и, конечно, какъ человекъ молодой, былъ увѣренъ въ своихъ силахъ, надѣялся достигнуть цѣли—выразить на лицѣ Иисуса божественность. Дѣйствительно, на этой картинѣ Спаситель все тотъ же, что и вездѣ. Но въслѣдствіи Ивановъ передумалъ, созналъ, что, не выдавъ божественнаго лица, нельзя его написать, а въ Евангеліи нашелъ многія свойства Иисуса, незамѣченныя его предшественниками. Онъ рѣшилъ, что лучше быть вѣрнымъ Евангелію, чѣмъ фантазировать, и достигъ своей цѣли, какъ никто не достигалъ. Огнень уже стыдно будетъ тому художнику, который надумаетъ писать намъ недостигаемую для искусства божественность на лицѣ Спасителя. Ивановымъ указанъ другой путь, по которому и должно слѣдовать, не дерая поднимать руку на непостижимое. Пора уже оставить эти попытки“.

Находя, что „между очень немногими описаніями картины Иванова — болѣе другихъ серьезны и дѣльны: Мысли о картинѣ Иванова, В. Плассена“, и привелъ оттуда большіе отрывки, критикъ объяснялъ попытку послѣдняго видѣть, на картинѣ Иванова, въ лицѣ Иисуса божественность—только тою же самой рутинной, которая заставила публику осудить эту фигуру, а по поводу его замѣчаній: „мы, пришедши въ области искусства, толкуемъ вкривь и вкось о требованіяхъ жрецовъ искусства“ и пр., замѣчалъ въ свою очередь, что „для насъ они создаютъ, намъ и судить ихъ“, что „дѣло художниковъ творить, а наше дѣло судить объ ихъ произведеніяхъ и наслаждаться хорошимъ“.

Мы привели въ извлеченіи всѣ болѣе или менѣе значительныя отзывы о картинѣ И—ва, современныя ей появленію передъ петербургскою публикою,—вѣстѣ, для цѣльности впечатлѣнія. Появилось большинство изъ нихъ до кратковременной болѣзни нашего художника,

увесней его отъ насъ, быть можетъ, это и по-дѣйствовало бы на него ободрительно. А тутъ, кромѣ первой статьи П. Ковалевскаго и замѣтки В. Панаева (Новаго Поэта), напечатанныхъ въ сочувственномъ тонѣ, по раньше его возвращенія на родину, явился всего одинъ большой разборъ по приѣздѣ его въ Петербургъ—именно Толбина, да и тотъ враждебный ему, не могшій не по-дѣйствовать на впечатлительнаго И—ва, чтб бы тамъ ни говорили. Къ перенесеннымъ уже неприятностямъ прибавилась какъ на зло простуда, схваченная на пароходѣ при возвращеніи изъ Петергофа, куда онъ ѣздилъ, чтобы дать свое согласіе на сдѣланное въ концѣ концовъ предложеніе: 10 т. р. одновременно и по 2000 р. ежегодной пенсіи за картину, и гдѣ онъ узналъ отъ гр. Г. А. Строганова, со словъ президента Академіи, что окончательную часть онъ можетъ узнать лишь отъ Министра Двора. Послѣднее извѣстіе въ глазахъ встревоженнаго, возбужденнаго и безъ того уже И—ва равно-сильно было потерѣ всякой надежды на хоро-шій результатъ. Въ тотъ же вечеръ, несмотря на успокоенія К. Д. Кавелина, съ нимъ сдѣла-лось дурно, такъ что онъ упалъ въ судорогахъ и у него вторично проявились холерическіе припадки. Собравшіеся къ полуночи доктора признали состояніе больного безнадежнымъ, а черезъ три дня, его уже не было на свѣтѣ.

Большія толпы народа всѣхъ званій, воз-растовъ и состояній присутствовали на отпѣ-ваніи его тѣла въ церкви Академіи Художествъ и провожали несенный на рукахъ гробъ до владѣльца Новодѣвичьяго монастыря, причемъ и при богослуженіи, и на могилѣ было сказано нѣсколько сочувственныхъ И—ву словъ. „Въ послѣднихъ проводахъ Иванова, — говорилось въ фельетонѣ „Спб. Вѣдом.“ 13 іюля 1858 г. (№ 152), — было много трогательнаго и заду-шевнаго; но не сироемъ, что они далеко не удовлетворяли насъ... Не сотнями, а тысячами пришлось бы считать народъ, шедшій за гробомъ Иванова, еслибъ народъ успѣлъ съ нимъ познакомиться“.

На тогдашней выставкѣ картины И—ва, правда безплатной, перебивало, однако, болѣе 30 т. посѣтителей и продано было болѣе 4 т. фотографій съ нея. Почти всѣ этюды къ картинѣ (до 70 №№) были распроданы, по порученію С. А., художникомъ С. П. Постни-ковымъ и потомъ М. П. Воткинскимъ за 25 т. р. (съ прежде же и послѣ проданными они составили сумму вдвое большую), а самая картина была приобрѣтена Имп. Александромъ II

за 15 т. р. и пожалована Моск. Публ. и Румянц. Музею, при самомъ его устройствѣ въ 1861 г. Туда же поступили, по завѣщанію С. А., послѣ его смерти (1877) и всѣ оставшіеся у него этюды, эскизы и рисунки его брата, а также вся переписка послѣдняго съ разными лицами, часть которой, собственно часть его писемъ къ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ, вошла въ изданіе М. П. Воткина 1880 г.

Хранившіеся у С. А. 6-ть альбомовъ (вели-чиною: 1-й—6×9 вершк.; 2-й и 3-й—по 6×8½ в.; 4-й—5½×6½ в.; 5-й и 6-й—по 6½×10½ в.) и отдѣльные листы (размѣрамъ: 9×12½, 10½×15, 10×17 и даже 13×20 в.) заключали въ себѣ, судя по его письмамъ къ В. В. Стасову отъ 2/14 апр. и 3/15 мая 1862 г.: какъ занимавшія А. А. съ 1844 г. композиціи изъ Ветхаго и Но-ваго Завѣта (см. выше стр. 69—70), такъ и сюжеты изъ древней мѣлолгии 1831 г. и совре-менной итальянской жизни 1838—42 гг. (см. выше стр. 16—17, 48 и 55), — въ общемъ 332 №№, исполненные акварелью, сепіей, углемъ, карандашемъ и масл. красками, а равнымъ обра-зомъ: эскизы и этюды (величиною 6×5 и 14×10 в.) для картинъ — „Явленіе Христа“ народу и Магдалинѣ (голова, руки и ноги, цѣлыя фигуры, драпировки, пейзажи) и копія съ Рафаэля и Тиціана (однѣ головы), въ общемъ 317 №№ (см. выше стр. 51—52, примѣч. 1), причемъ большинство послѣднихъ, вмѣстѣ съ академич. рисунками, сдѣланными въ Петер-бургѣ и Римѣ, съ рисунками со старыхъ масте-ровъ XIV—XV в., съ калками изъ разныхъ увражей для вышеонач. композицій и проч., образовали 48-мъ особыхъ альбомовъ.

О помнятихъ композиціяхъ С. А. писалъ В. В. Стасову въ маѣ 1862—слѣдующее: „Мысль брата была—сдѣлать въ композиціи жизнь и дѣянія Христа. Проектровалось исполненіе всего живописью на стѣнахъ, въ особо на тѣ посвященномъ зданіи,—разумѣется, не въ церк-ви. Сюжеты располагались слѣдующимъ обра-зомъ: главное или большое поле каждой стѣны должна была занимать картина или картины замѣчательнаго происшествія изъ жизни Христа; сверху же ея или вѣхъ (такъ сказать — по бор-дюру, хотя это слово не совсѣмъ тутъ вѣрно) должны были быть представлены, въ гораздо меньшемъ размѣрѣ,—относящіяся къ этому про-исшествію или нароста на него впоследствии преданія или сказанія, или сюжеты на тѣ мѣ-ста Ветхаго Завѣта, въ которыхъ говорится о Мессіи, или происшествія подобнаго, случив-шіяся въ Ветхомъ Завѣтѣ, и т. д.“

11. Благовѣщеніе, анвар. эскизъ А. А. Иванова 1848—57 гг.

12. Моленіе о чашѣ, анвар. эскизъ А. А. Иванова, 1848—57 гг.

Богѣ или менѣе оконченныя изъ этихъ композицій, въ числѣ 209 №№, составили 14-тъ вып. предпринятаго въ 1879—87 г. г. Германскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Берлинѣ, на проценты съ завѣщаннаго С. А. капитала, хромолитограф. изданія подъ заглав.: „Изображенія изъ Свящ. Исторіи оставленныхъ эскизовъ Ал. Иванова“, въ 1. Изъ нихъ нѣкоторыя помѣщены здѣсь въ уменьш. снимкахъ.

Послѣ Моск. Публ. и Румянц. Музея, куда поступило, кромѣ большой картины И-ва, еще множество эскизовъ, этюдовъ и рисунковъ его, наибольшее количество его работъ наход.: у брат. Боткиныхъ, главнымъ образомъ—Мих. Петр., и Третьяковыхъ (въ общемъ по 86 №№); затѣмъ: у наслѣд. Хомякова (14 №№) и Солдатенкова (6 №№); далѣе: у А. П. Боголюбова въ Парижѣ, Д. И. Менделѣева, гг. Козубеевъ (по 4 №№), у наслѣдниковъ гр. С. Г. Строганова въ Петербургѣ, гг. Мазуриныхъ и въ Моск. Учл. живописи и ваянш (по 3 №№), у Д. А. Беклемишевой и О. Ф. Кошелевой въ Москвѣ, у наслѣдниковъ акад. Вл. Ялаева, Рейтерна, Сухановой, Трапезникова, г-жи Фовелинъ и Щепочкина въ Петербургѣ (по 2 №№); наконецъ: въ Имп. Эрмитажѣ, Акад. Худож. и Публ. Вибл., у гг. Баранова, Варгуншиной, Воскобойникова, наслѣдниковъ в. к. Екатерины Михайловны и Костылева въ Петербургѣ, г-жи Барадаевской, Миндовскаго, Полѣнова и Шидовскаго въ Москвѣ, и др. (по 1 №).

Кромѣ вышеприведенныхъ разборовъ картины И-ва, со 2-й половины 1858 стали появляться общія характеристики его личности и дѣятельности, на которыхъ также нельзя не остановиться для всесторонняго опредѣленія этого художника.

„Я не видала человѣка, исполненнаго болѣе глубокой и непоколебимой любви къ искусству, совершенно преданнаго своей идеѣ, — рассказывала *Л. Павлова* въ своемъ „Воспоминаніи объ Ивановѣ“ въ іюлѣ 1858 („Русс. Вѣст.“, т. XVI, Современ. гѣтол., с. 298). Эта всесильная страсть была стыдлива, какъ всякое истинное чувство: онъ скрывалъ ее и берегъ про себя; но зато, какъ весело было видѣть его удовольствіе, когда онъ могъ говорить языкомъ своего гения... Я съ чувствомъ благоговѣнія слушала его, когда онъ мнѣ высказывалъ свои намѣренія и предпріятія. Этотъ человѣкъ, давно отрешившійся, ради своего призванія, отъ всего, что люди ищутъ въ жизни, этотъ человѣкъ — больной, извуренный работою, посвятивъ 20 лѣтъ

совершенію одной картины, говорилъ: „Я еще ничего не сдѣлалъ; теперь надо начать, надо собраться съ силами, надо учиться, достать книги, добиться свѣдѣній, надо готовиться лѣтъ сколько лѣтъ къ великому труду; надо приобрести средства къ исполненію его“. Задуманый имъ трудъ былъ неслыханный: мысль Иванова была изобразить въ рядѣ картинъ всю жизнь Христа. Это, можетъ быть, выше силъ человѣческихъ, но великъ и замыселъ подобнаго творенія, необыкновененъ духъ, который идетъ на такое дѣло. Ивановъ повѣрилъ мнѣ свое намѣреніе какъ тайну, и я общала ее хранить, — теперь уже не нужно! Онъ боялся быть осмѣяннымъ, и не даромъ боялся. Все смѣшно, что неугодно и не катаетъ, а онъ былъ человѣкъ не нашего умнаго вѣка, онъ былъ западалый современникъ людей, которыхъ уже нѣтъ давнымъ давно, вдохновенный труженикъ прежнихъ столѣтій, братъ тѣхъ наняныхъ порбниковъ, печезувныхъ съ земли со временемъ, простодушныхъ убѣждений... Такъ шелъ восторженный художникъ къ своей музѣ, еще не зная дороги, не находя помощи. Его останавливали затрудненія, не пугали безчисленныя препятствія. И шелъ онъ не съ смѣлою доврчивностью молодости, не съ свѣжими силами. Онъ успѣлъ измучиться въ безпрестанной стылкѣ съ мертвыми заботами жизни, вынести много оскорбленій, накопить въ душѣ много горестей. Онъ не обольщался надеждами: дни надеждъ для него давно прошли; онъ уже извѣдалъ всю тягость своего пути; зналъ, что его встрѣтятъ униженіе и вражда; зналъ, что люди хороши и благородны на словахъ, только для того, чтобы имѣть возможность быть тѣмъ хуже на дѣлѣ; зналъ, что долженъ будетъ бороться неотступно, и боролся онъ до конца, стоялъ до смерти“...

„Ивановъ—сообщалось въ „Дѣтскомъ Журналѣ“ А. Залѣскаго 1859 г. (т. IV, кн. 4, с. 105—6 и 131—4), откуда приведены уже были у насъ отрывки,—былъ роста пониже средняго, широкоплечъ и мускулистъ; у него были темныя густые волосы на головѣ и бородѣ, носъ съ горбомъ и съ весьма опредѣленнымъ правильнымъ очертаніемъ. Въ фізіономіи худощаваго лица его обнаруживалась большая твердость и даже упорство характера, глаза его были живые и большею частью опущены внизъ. Эту живость нашъ художникъ сохранялъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Онъ рѣдко показывался въ общество, гдѣ былъ очень дикъ, смущался при появленіи всякаго новаго лица и до того нелю-

вокъ и несвѣдушь въ жизни, что часто принималъ ласкеевъ за господъ и очень низко съ ними раскланывался. Ал. Андр., какъ въ жизни, такъ и въ обществѣ, поражалъ свою робостью, скрытностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти дѣтскими простодушіемъ. Въ разговорахъ онъ никогда не высказывалъ своего прямого мнѣнія, а говорилъ стороной, выпытывая сужденія другихъ, и только нрѣдка измѣнялъ себя, и тогда входилъ въ пассію. Въ разговорѣ онъ былъ вѣжливъ до крайности: ко всякому слову прибавлялъ „се“. Когда ему говорили о чемъ нибудь, хоть о самыхъ пустякахъ, у него постоянно вырывалось восклицаніе: „это весьма замѣчательно-се“. Ивановъ имѣлъ умъ чрезвычайно пытливый и любознательный. Но величайшей преградой этому уму было то, что Ивановъ былъ весьма мало образованъ. Общаго образованія онъ почти не имѣлъ никакого. Извѣстно, съ какими образованіемъ воспитанники нашей Академіи отправляются за границу, а для Иванова было уже и то роскошью, что онъ поѣхалъ въ Италию хотя съ самымъ поверхностнымъ знаніемъ французскаго языка. Въослѣдствіи онъ болѣе усовершенствовался въ этомъ языкѣ и вгнулся по итальянски. Болѣе никакихъ другихъ языковъ онъ не зналъ. Когда направление его ума начало принимать опредѣленный характеръ и изученіе его обратилось исключительно къ Библейской исторіи, онъ сталъ много читать по Библейской археологіи. Но такъ какъ этотъ предметъ преимущественно разрабатывался германскими учеными, то Ивановъ, къ несчастію, лишенъ былъ возможности почерпнуть свои свѣдѣнія изъ настоящаго источника. Только въослѣдствіи, кажется въ 1849 г., могъ получить онъ извѣстное сочиненіе Штрауса во франц. переводѣ, и оно стало для него главнымъ пособіемъ въ его археологическихъ соображеніяхъ.

„Ал. Андр. Ивановъ лучшими изъ современныхъ живописцевъ по технику считалъ: Брюллова и Поля-де-Лароша. Особенно восхищался онъ извѣстнымъ фрескомъ послѣдняго въ полукружьи Академіи искусствъ въ Парижѣ. Изъ германскихъ художниковъ онъ преимущественно уважалъ Каульбаха. Во французской религіозной живописи онъ въ особенности цѣнилъ Флоренда. Вообще же строгое исполненіе онъ предпочиталъ фантази и эффектамъ; а вслѣдствіе этого, трудолюбивая бездарность въ его глазахъ стояла выше произведеній необдуманнаго таланта. Когда разговоръ касался живописи, Ал. Андр. очень жалѣлъ, что художни-

камъ даютъ плохое образованіе.. — Ничего не могло быть поучительнѣе замѣчаній Ал. Андр. о различныхъ произведеніяхъ старшихъ мастеровъ. Эти замѣчанія обнаруживали самое тонкое изученіе ихъ. Какъ глубоко читалъ онъ трогательную наивность вадувенныхъ произведеній Беато Анджелико и всей религіозной итальянской школы XV в. Правда, что исключительнымъ любимцемъ его оставался Рафаэль, но далеко не во всѣхъ его произведеніяхъ. Особенно не нравились ему тѣ изъ произведеній его, въ которыхъ замѣтно было вліяніе Микель Анджео.

„По свойству своего таланта, по цѣломудренности жизни своей, по высокимъ идеаламъ, какіе жилъ въ душѣ его, и Ивановъ, можно сказать, принадлежалъ къ простодушнымъ мастерамъ XV в. Преждевременно умеръ онъ, далеко не совершивъ того, къ чему онъ стремился, и умеръ именно тогда, когда судьба начала было смягчаться къ нему. Какимъ великимъ знаніемъ искусства обладалъ этотъ человѣкъ, какіе высокіе инстинкты были въ этой душѣ! Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ, истинныхъ художниковъ, отъ которыхъ давно отвыкло наше время, да такъ отвыкло, что оно даже и не узнаётъ ихъ. Мы не возьмемъ на себя смѣлости утверждать, что онъ способенъ былъ еще произвести что нибудь, столь же замѣчательное, какъ „Явленіе Христа народу“. При его глубокомъ пониманіи искусства, ему, можетъ быть, не доставало уже свободы и силы въ технику, потому что зрѣніе его стало ослабѣвать. Онъ поѣхалъ въ Италию такимъ, какими отправляются обыкновенно воспитанники нашей Академіи Художествъ и, слѣд., долженъ былъ усиленнымъ чтеніемъ и изученіемъ приобрѣсть тѣ свѣдѣнія и ту высоту воззрѣнія, какія въослѣд. были въ немъ. А на это пошло много годовъ. Да, зрѣніе его было уже слабо, но его духъ, его воображеніе, его стремленія имѣли еще юпическую силу. Его должно оплакивать еще какъ человѣка, какъ человѣка глубокой мысли и глубокаго воззрѣнія на предметы. Но все это стало теперь ничтожнымъ прахомъ! Какая трудолюбивая, какая стойчесая жизнь окончилась! Какая высокая духовная организація была въ этомъ человѣкѣ!.. Какъ понималъ онъ живопись, ваяніе, архитектуру, какое чувство чистой красоты жило въ душѣ его! И какая необычайная твердость характера,—твердость не въ дурномъ или пошломъ, а въ томъ, что есть самаго святаго и высокаго въ жизни человѣка,—твердость въ

стремленіи къ своему идеалу. Ничто: ни страхъ голодной смерти, ни гроза потерянной репутациі, ничто не могло совратить его со священнаго пути, по которому шелъ онъ. Одна смерть совратила его!..“

„Старымъ художникамъ онъ придавалъ большое, не безотносительное, но историческое значеніе,—говорилъ П. Ковалевскій въ цитированной уже нами статьѣ „объ Ивановѣ и его картинахъ“ въ „Отеч. Зап.“ 1859 (т. 123, отд. I, ст. 129),—и, въ этомъ случаѣ, Чимабуе и Джотто по праву имѣли его уваженіе. Въ Иванъ-Белино онъ восхищался наивностью колорита, но особенно цѣнилъ Леонардо-да-Винчи, и даже ѣдилъ нарочно въ какой-то нѣмецкій городъ, гдѣ были два его рисунка. Рафаэля онъ превозносилъ за чистоту стиля, прелестъ рисунка и проч.—Это школа, говорилъ онъ обыкновенно. Въ Микель-Анджело Буонаротти онъ видѣлъ прежде всего творца купола св. Петра, и, сдѣлавъ Буонаротти *только* куполъ (прибавлялъ Ивановъ),—великое имя его было бы еще больше. О статуяхъ, кромѣ миеологическихъ, и картинахъ его онъ избѣгалъ говорить. Но, однажды, пойманный врасплохъ, высказался о нѣкоторыхъ изъ нихъ и чрезвычайно самобытно.

— „Что вы думаете о Св. Семействѣ Буонаротти, во Флоренціи, въ трибунѣ?—спросилъ я его, когда онъ никакъ не могъ ожидать этого вопроса.—Ахъ, какая скука-съ!—отвѣчалъ онъ.—А его Моисей?—Тоже премудрая статуя-съ!—Онъ даже зѣвнулъ, сказавъ это... О современной живописи и современныхъ художникахъ Ивановъ говорилъ охотнѣе. Всѣхъ выше изъ мастеровъ послѣдняго времени онъ ставилъ Брюллова.—Брюлловъ произвелъ революцію въ искусствѣ!—говаривалъ онъ. За Брюлловымъ слѣдовалъ Поль-де-Ларошъ.

Во всѣмъ родамъ живописи, кромѣ строго-исторической, Ивановъ питалъ болѣе чѣмъ равнодушіе: онъ считалъ ихъ вредными, говоря, что они превращаютъ искусство въ одну пустую забаву глазъ и не даютъ художнику развиться въ *историческо*, единственно истиннаго, по его мнѣнію, художника. Особенно враждовалъ онъ противъ сценъ изъ вседневной жизни (*жанра*), которыя зналъ болѣе по фламандскимъ рабскимъ копіямъ съ натуры, лишеннаго, по его содержанію.—Вы не видѣли сценъ Фетодова!—говорилъ я ему: иначе вы судили бы не такъ,—это Гоголь въ краскахъ.—Я до того договорился о Фетодовѣ, что послѣ, упоминая о *жанрѣ*, онъ ужъ всегда дѣлалъ оговорку: „кромѣ Фетодова-съ“.

„Но что вызывало изъ Иванова горькіе потоки рѣчей, такъ это то византійское направленіе, къ которому ведутъ архитектуру и живопись въ Россіи. Ивановъ выкладывалъ по этому поводу безцѣнные запасы данныхъ, разбивавшихъ на голову его противниковъ, и всякій разъ оканчивалъ тѣмъ, что: „вы изволите доказывать работами съ вашей стороны, а мы будемъ работать со своей“..

„Мы наканунѣ вмѣстѣ съ Ивановымъ,—писалъ Тургеневъ въ „Вѣкѣ“ 1861 г. (№ 15, с. 521), рассказывалъ о своемъ свиданіи съ нимъ въ Италіи въ октябрѣ 1857,—ходили въ Ватиканъ; но Ивановъ былъ въ удорѣ, не дичился и не ѣжился, говорилъ охотно и много. Онъ говорилъ намъ о различныхъ школахъ итальянской живописи, которую изучилъ подробно и добросовѣстно; всѣ его сужденія были тонки, дѣльны и проникнуты уваженіемъ къ старымъ мастерамъ. Передъ Рафаэлемъ онъ благоговѣлъ. Извѣстно, что на Иванова нѣкогда имѣлъ сильное и благотворное вліяніе Овербекъ: онъ уяснилъ ему Рафаэля; но когда Овербекъ пошелъ дальше, Ивановъ остановился: русскій здравый смыслъ удержалъ его на порогѣ того искусственнаго, аскетическаго, символическаго міра, въ которомъ потонулъ германскій художникъ; зато идеалистъ Ивановъ остался навсегда въ глазахъ Овербека грубымъ реалистомъ. Сентиментальность была чужда Иванову: она чужда всякому истинно-русскому человѣку; онъ глубоко сожалѣлъ о современномъ направленіи нашихъ художниковъ (одинъ изъ нихъ при мнѣ величалъ Рафаэля *бездарнымъ*), и рассказывалъ намъ кое-что о Брюлловѣ и Гоголѣ, котораго называлъ постоянно Николаемъ Васильевичемъ. Изъ его почтительныхъ, но осторожныхъ отзывовъ о нашемъ великомъ писателѣ можно было заключить, что онъ особенно хорошо изучилъ его. Ивановъ съ особеннымъ сочувствіемъ упоминалъ о страшномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Гоголя всеобщимъ осужденіемъ его „Переписки“; объ этомъ, да еще о 1848 г., Ивановъ говорилъ не иначе, какъ съ содроганіемъ: въ началахъ, которыя чуть-было не восторжествовали въ 1848 г., онъ почему то видѣлъ копецъ и разореніе всякаго художества..

„Долгое разобщеніе съ людьми, уединенное житье съ самимъ собою, съ одной и той же постоянной, неизмѣнной мыслью, наложило на Иванова особенную печать: въ немъ было что то мистическое и дѣтское, мудрое и забавное—все въ одно и то же время, что-то чистое, искреннее, и скрытное, даже хитрое. Съ пер-

наго взгляда все существо его казалось проинкнутаю какой-то недовѣрчивостью, какой-то, то суровой, то вѣселяющей, робостью; но когда онъ привыкалъ къ вамъ,—а это происходило довольно скоро, хотя и повторялось, начинаясь сънова, при каждомъ свиданіи,—его мягкая душа такъ и раскрывалась. Онъ внезапно хотѣлъ отъ самой обыкновенной остроты, удивлялся до ошмѣтнія самымъ общепринятымъ положеніямъ, пугался каждаго, немного рѣзкаго, слова,—и вдругъ произносилъ слова, исполненные правды и зрѣлости,—слова, свидѣтельствовавшія объ упорной работѣ ума замѣчательнаго. Къ сожалѣнію, воспитаніе онъ получилъ слишкомъ поверхностное, какъ большая часть нашихъ художниковъ. Усидчивымъ трудомъ онъ старался восполнить этотъ недостатокъ. Древній міръ ему былъ хорошо знакомъ, онъ изучилъ ассирійскія древности (онъ былъ ему нуженъ для его будущихъ картинъ), Бибію и, въ особенности, Евангеліе онъ зналъ отъ слова до слова. Онъ охотно слушалъ, чѣмъ говорилъ, и, несмотря на это, бесѣдовать съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ: столько было въ немъ добросовѣстнаго и честнаго желанія истины. На наши вечеринки онъ приходилъ всегда первый, и, какъ только завязывался споръ, съ напряженными и терпѣливымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ мысли каждаго... Литература и политика его не занимали: онъ интересовался вопросами, касавшимися до искусства, до морали, до философіи... Его вездѣ принимали съ радостью; одинъ видъ его лица съ широкимъ бѣлымъ лбомъ, усталыми, добрыми глазами, нѣжными, какъ у ребенка, щеками, заостренными носомъ и забавно сложенными, но пріятнымъ ротомъ,—вызывалъ невольное сочувствіе и привѣтъ въ сердцахъ каждаго. Роста онъ былъ небольшого, приземистаго, плечистаго; вся его фигура—отъ бородаки клинушкой до пухлыхъ, короткопалыхъ ручекъ и проворныхъ ножекъ съ толстыми костями—дышала Русью, и ходилъ онъ русской походкой. Онъ не былъ самолюбивъ, но о своемъ трудѣ имѣлъ высокое понятіе: не даромъ же онъ положилъ въ него все свои силы и надежды.

„Что Ивановъ во всѣхъ стремленіяхъ своихъ, продолжалъ Тургеневъ (с. 525), остался русскимъ человѣкомъ—это неоспоримо; но онъ былъ русскимъ человѣкомъ своего, т.-е. нашего, переходнаго времени. Онъ такъ же, какъ и всѣ мы, не вступилъ еще въ обѣтованную землю; онъ предвидѣлъ ее издали, онъ ее предчувствовалъ,

но онъ умеръ, не достигнувъ ея рубежа. Онъ не принадлежалъ къ числу гармоническихкихъ и самобытныхъ творцовъ-художниковъ (ихъ еще нѣтъ у насъ на Руси); самый талантъ его, собственно живописный талантъ, былъ въ немъ слабъ и шатокъ, въ чемъ убѣдится каждый, кто только захочетъ внимательно и безпристрастно взглянуть на его произведеніе, въ которомъ все есть: и трудолюбіе изумительное, и честное стремленіе къ идеалу, и обдуманность,—словомъ все, кромѣ того, что только одно и нужно: творческой мощи, свободнаго вдохновенія. И надъ Ивановымъ возымѣлъ свою силу роковой законъ, который до сихъ поръ еще тяготитъ надъ всѣмъ русскимъ искусствомъ. Имѣй онъ талантъ Брюллова, или имѣй Брюлловъ душу и сердце Иванава,—какихъ чудесъ мы были бы свидѣтелями. Но вышло такъ, что одинъ изъ нихъ могъ выразить все, что хотѣлъ, да сказать ему было нечего, а другой могъ бы сказать многое, да языкъ его коснѣлъ. Одинъ писалъ трескучія картины съ эффектами, но безъ поэзіи и безъ содержанія; другой силится изобразить глубоко захваченную новую, живую мысль, а исполненіе выходило неровное, приблизительное, неживое. Одинъ, если можно такъ выразиться, правдиво представлялъ намъ ложь; другой—ложно, т.-е. слабо и невѣрно, представлялъ намъ правду. Говорятъ, Ивановъ 30 разъ слишкомъ списалъ голову Аполлона Вельведерскаго и открытую имъ голову Византійскаго Христа и, постепенно ихъ сближая, добился, наконецъ, своего Иоанна Крестителя. Не такъ творятъ истинные художники! А между тѣмъ, если уже выбирать изъ двухъ направленій,—лучше, въ тысячу разъ лучше, пойти за Ивановымъ, пока еще не явился настоящій вождь! Мысль одарена несокрушимой силой, она сквозитъ и свѣтится даже при недостаточномъ исполненіи, особенно, когда человѣкъ безкорыстно, до самоотверженія служилъ ей, какъ Ивановъ...

„Иные могутъ возразить, что Ивановъ напрасно хватался за все, что было слыше силье; могутъ указать на первые эскизы его картины, въ которыхъ содержаніе не такъ глубоко, зато исполненіе естественнѣе и живѣе. Въ возможности этого стремленія къ недослагаемому есть конечно что-то ненормальное, что-то трагическое; но если это стремленіе происходитъ изъ источника чистаго, оно все-таки, и не удавшись вполнѣ, не достигнувъ цѣли, можетъ принести пользу великую. Молодой художникъ, поднавшій подъ вліяніе Брюллова, уже тѣмъ

самымъ, по всей вѣроятности, погибъ какъ художникъ (сколько мы видѣли тому при мѣровѣ!); напротивъ, молодой художникъ, попавшій и полюбившій внутренній свѣтъ, сквозящій въ твореніяхъ Иванова, можетъ развиться и пойти далеко, если только природа не отказала ему въ дарованіи. Ивановъ, этотъ труженикъ и мученикъ, упалъ на полдорогѣ, обезспленный, неоцѣненный, но онъ шелъ къ истинѣ, и будущій его наслѣдникъ, тотъ „еще невѣдомый избранникъ“, пойдетъ по его дорогѣ, впервые проложенной имъ.

„Предвижу еще возраженіе. Могутъ сказать: да зачѣмъ же изучать Иванова, неполного, нелюбимаго мастера, когда есть великіе, несомнѣнные, побѣдоносные образцы? Зачѣмъ намекъ, когда есть громкое слово? Но, во-1-хъ, Ивановъ, какъ самобытная русская натура, ближе и сильнѣе говоритъ молодымъ русскимъ сердцамъ: онъ имъ и понятнѣе, и дороже, а во-2-хъ, въ томъ-то и состоитъ его великая заслуга,—заслуга идеалиста, мыслителя, что онъ указываетъ на образцы, приводитъ къ нимъ, будить, шевелить, и самъ не удовлетворяется и не допускаетъ въ другихъ дешеваго удовлетворенія; что онъ заставляетъ своихъ учениковъ задавать себѣ высокія, трудныя задачи, а не удовольствоваться мастерскимъ исполненіемъ какихъ-нибудь ракурсовъ и прочихъ техническихъ фокусовъ, которыми такъ гордятся послѣдователи Брюллова. Съ этой точки зрѣнія самыя недостатки Иванова полезнѣе многихъ дюжинныхъ красотъ.

...„Я не могу окончить мою статейку, не изъявивъ желанія, чтобы оставленный имъ альбомъ рисунковъ изъ жизни Христа явился въ свѣтъ... Въ этихъ замѣчательныхъ рисункахъ явнѣе выступаетъ основная мысль, руководившая Ивановомъ; въ нихъ его не стѣсняла кисть, которой онъ не вгонялъ владѣль, особенно подъ конецъ жизни, когда самыя глаза его, изпуренные напряженнымъ и непрестаннымъ трудомъ, начинали отказываться. И въ картинѣ его, фигура Христа, какъ извѣстно, удалась ему больше всѣхъ другихъ; особенно значительна она на эскизѣ, принадлеж. В. П. Боткину. Это именно тотъ Христосъ, какимъ его понимаетъ русская душа. Фотографическіе снимки съ этого эскиза были бы истиннымъ подаркомъ для всѣхъ почитателей честнаго, добраго, несчастнаго русскаго художника Александра Иванова. Да, онъ былъ несчастливъ въ жизни; зато ему уже теперь выпала на

долю высокая награда: его картину полюбилъ народъ“.

„Въ жизни Иванова,—писалъ Г. Дестуинисъ въ „Свѣточѣ“ 1861 г. (кн. IX, отд. II, с. 80), разбирая Тургенева,—есть много исключительнаго и чуть ли не единственнаго въ своемъ родѣ, а потому о немъ нельзя судить опростетчиво и подводить его подъ мѣрку одностороннихъ теорій. Въ наше время ни литературная, ни художественная критика не дѣлаетъ уже факты и личности по одной мѣркѣ современныхъ воззрѣній, но опираются въ своихъ приговорахъ на характеристику эпохи, къ которой принадлежатъ обсуживаемые предметы. Ивановъ хоть и современникъ нашъ, но его внутренняя жизнь сложилась, какъ извѣстно, внѣ современности, которая дѣйствовала на него отчасти даже отрицательно, какъ и на многихъ замѣчательныхъ людей...

„Кто изучалъ произведенія Иванова, тотъ не могъ не замѣтить, что его „Явленіе Христа“ отдѣляется рѣзкой чертой отъ всѣхъ прочихъ его картинъ. Всѣ онѣ, съ перваго взгляда, производятъ впечатлѣніе, своеобразное съ характеромъ сюжета, избранаго авторомъ,—и творчество въ этихъ картинахъ такъ могуче, что всѣ зрители получаютъ почти тождественное впечатлѣніе. Самая техника этихъ произведеній, хотя и не бойкая, идетъ прямо къ дѣлу, не ощущую, а съ мастерской увѣренностью. Вспомните „Магдаллну“, это первое и поразительное проявленіе его дарованія. Откажетъ ли въ творческой мощи Иванову тотъ, кто былъ однажды потрясенъ скорбью и униженіемъ Магдаллины, такъ полно и прерасно выраженными и въ ея физиономіи, и въ движеніи рукъ ея, и въ положеніи всей фигуры? Кто не видитъ тутъ свободнаго вдохновенія, для того художество—мертвая буква. Вспомните „Аполлона, поющаго съ двумя мальчиками“, кто сразу не пойметъ и не оцѣнитъ этого произведенія? Взгляните на близнцу, свѣжесть и мощь божественной фигуры: это тѣло воплощеннаго бога свѣта. Какая простая, трезвая, но рѣшительная, мастерская техника, и какъ непосредственно передается она замыслу автора. Кто помнитъ этюды Иванова съ голови Доменикино и знакомъ съ достоинствами техникъ, тотъ пойметъ, что эти копии не просто копии: тутъ техника созидательная и въ то же время творческая. А оконченный эскизъ его большой картины? Кому, при взглядѣ на него, покажется, что „кисть стѣсняла Иванова“, тому вовсе не слѣдуетъ никогда судить о живописи. Таже магистраль-

ная техника видна и въ отдѣльно писанной „Головъ Иоанна“, и въ этиюдѣ вагого мальчика. Мы упоминаемъ только объ этихъ немногихъ произведеніяхъ, потому что всё видѣли ихъ въ Петербургѣ; но и того довольно для убѣжденія, что Иванову вполне дались всё условія, необходимыя для творчества, — и техника, и знанія, и наблюдательность, и чувство, и наконецъ гармонія всѣхъ этихъ условій...

„Отчего мы не видимъ этого совокущаго дѣйствія разныхъ художественныхъ условій въ его послѣдней картинѣ? Основная идея въ ней вѣрна, эпизодическія идеи выражены отчетливо, но непосредственнаго поэтического впечатлѣнія на душу онъ не производитъ. Въ рисунокѣ видна правильность, красота и поразительная вѣрность движенія, и при всемъ томъ рисунокъ болѣею частью холодеетъ. Освѣщеніе по частямъ чрезвычайно сильно и вѣрно, по частямъ слабо и ошибочно, особенно въ массѣ. Колоритъ кое-гдѣ въ высшей степени натураленъ, и въ нѣкоторыхъ нагихъ фигурахъ видна животрепещущая тѣлность, безъ всякихъ условныхъ замашекъ; но тутъ же рядомъ онъ невыносимо слабъ и доженъ. Техника частями мастерская, частями робкая, вялая. Общій атмосферическій эффектъ совершенно ничтоженъ; ландшафтъ въ аксессуарахъ глубоко изученъ, глубоко задуманъ, но выраженъ чрезвычайно плохо. Отчего всё эти противорѣчія, этотъ разладъ? Отчего при глубинѣ идеи общаа слабость впечатлѣнія? Въ картинѣ Иванова есть что-то озадачивающее зрителя: и благоговѣшь, и досадуешь, глядя на нее; чувствуешь присутствіе чего-то великаго — поражаешься какъ-то мелкой посредственностью. Назадъ, что ли, пошелъ Ивановъ? Нѣтъ! онъ постоянно шелъ впередъ; мысль его росла и крѣпла. Отчего же эта нерѣшительность, это отсутствіе впечатлѣнія? Что случилось съ Ивановымъ?“

„Смерть помѣшала Иванову носить плоды трудовъ; онъ не дожидъ до успѣха, а потому и остался неопредѣленнымъ толкою. Его большая картина ни что иное, какъ пошрце, на которомъ онъ упражнялся въ неусмысленныхъ поискахъ истины и совершенства; это только образчикъ, а не зрѣлый плодъ его саморазвитія. Отчего же такъ медленно онъ подвигался, отчего такъ мало творческой силы въ массѣ этого произведенія? Вотъ вопросы, при разрѣшеніи которыхъ мы попытаемся привести и доказательства того, что эта картина только новая школа его, а не результатъ ея.

„Художественная школа, черезъ которую прошелъ Ивановъ, не удовлетворяла его, что и бываетъ обыкновенно съ людьми даровитыми. Школа, паязымая знанія и даже готовя условныя воззрѣнія, но такое не развиваетъ личности художника, но скорѣе давить ее. Ученики, не рожденные живописцами, въ замѣнъ личнаго развитія приобрѣтаютъ только правила, и довольствуются ими. Не тѣ бываетъ съ учениками, по природѣ художниками. По окончаніи урочнаго курса, они сознаютъ необходимость дальнѣйшаго развитія, или, вѣрнѣе сказать, саморазвитія. Кто изъ нихъ даровитѣе и бойче, тотъ довершаетъ по черпнутыя въ школѣ свѣдѣнія личнымъ опечаткомъ и какъ-бы отыскиваетъ самого себя. Кто при сильномъ дарованіи склонитъ къ размышленію, тотъ подвергаетъ строгой повѣркѣ все, доставленное ему школою, забываетъ самого себя и скромно доискивается истины. Рѣдко появляются такіе художники и еще рѣже удостоиваются вѣрной оцѣнки. Такіе люди мало производятъ и часто не довершаютъ своихъ трудовъ: не за картиной они гонятся, а за правдой.“

„Брюлловъ, перевоспитывая себя въ Италіи, практиковался безпрестанно въ разныхъ родахъ живописи. Его порывистый характеръ, его страстный, чувственный и экспансивный темпераментъ гнался болѣе за вышней художественной дѣятельностью. Напротивъ, Ивановъ, поглощенный внутренней жизнью, перевоспитывалъ себя не столько практикой, сколько думой. Ни того, ни другого цѣлзя порицать за принятую систему саморазвитія: каждый изъ нихъ остался вѣрнымъ самому себѣ. Но несчастный Ивановъ вдался въ два заблужденія, которыя не только замедлили его саморазвитіе, но и дали ему губительное направленіе. Первое — что онъ приурочилъ свое развитіе къ одной огромной картинѣ, къ одной обширной задачѣ. Вращаясь все около одного центра, самые предметы его изученія втягивали его въ нѣкоторую односторонность; забота о преобладающей зачатѣ его картины ограничивала сферу его мысли; намеренное удаленіе отъ постороннихъ работъ шлоло его разнородной практикѣ. Выѣсто того, чтобы свободно упражняться въ творствѣ въ отдѣльныхъ небольшихъ картинахъ, испытывая и свои собственные склонности, и разные художественныя задачи, онъ долженъ былъ обуздывать свои приемы, приспособляя каждую выписываемую часть къ общему тону кар-

типы, къ тону перспективныхъ расстояній, къ одной и той же опредѣленной цѣли. До опыта ли ему было, когда глубокой и точной смыслъ каждаго предмета большой картины его поглощать все его вниманіе, всё его усилія... Явность колорита иныхъ частей картины Иванова — не вездѣ результатъ ея производства, но часто только слѣдствіе химическихъ реакцій самыхъ матеріаловъ. ...Второе заблужденіе Иванова было еще понятнѣе. ...Въ художнической, а притомъ русской, душѣ Иванова господствовало синтезъ; въ ней не было мѣста для отвлеченнаго анализа, тѣмъ болѣе, что и воспринятіе его не могло содѣйствовать къ его развитію. Встрѣтись впервые съ художникомъ мыслителемъ, Овербекомъ, добросовѣстнымъ и добродушнымъ Ивановъ былъ пораженъ его отвлеченными воззрѣніями и увлекся ими безъ огиадки. Оспаривая подчасъ его сужденія, онъ поднимая его вѣншію тѣмъ именно, что самъ началъ вдаваться въ германскія отвлеченности.

...Создавая свою картину и развивая ея идей отвлеченныя образы, а потомъ хладнокровно прискиывая ихъ для своихъ идей. Обращеніе живописныхъ образовъ въ механическое орудіе идеи и породило тотъ прозаизмъ выраженія, который, несмотря на глубокие и поэтическіе замыслы, такъ сильно поражаетъ всѣхъ въ его „Извѣстїи Христа“...

„Говоря, что въ русскомъ художникѣ гибельно отозвались германскія отвлеченности, мы вовсе не хотимъ сказать, что онѣ убили въ немъ творчество: онѣ только задержали его вдохновеніе, растрепывали его личный синтезъ и сбили его временно съ его родной колеи. Замѣтимъ еще, что отвлеченное, т.-е. не совсѣмъ творческое, созданіе сюжета картины втянуло Иванова въ такіа сложныя психическія задачи, которыя могли бы свободно проявляться только въ широкихъ формахъ литературы — въ драмѣ или поэмі, по которымъ не было возможности развернуться въ формахъ живописи...“

„Не вдался бы Ивановъ въ показанныя нами странности, еслибы онъ продолжалъ производить по прежнему... Вліяніе Овербека было для Иванова вредно, а не „благоотворно“. ...Если зрѣлый германскій анализъ нѣмецкаго художника повелъ его къ искусственному воспринятому до-рафаэлевской простоты, которая была въ свое время естественнымъ результатомъ незрѣлаго еще и наивнаго художества, то какъ же долженъ былъ надломить Иванова анализъ,

несвойственный ни его природѣ, ни его воспитанію. Если взять въ соображеніе совокупное таготнѣе равныхъ, враждебныхъ для волянаго вдохновенія, условій, именно: производство громадной по содержанию картины — въ виду грознаго суда современности, приуроченіе саморазвитія къ одному и тому же сюжету и вліяніе германизма на наивную душу, то намъ понятенъ будетъ тотъ озадачивающій элементъ, который господствуетъ въ его послѣднемъ произведеніи, понятно будетъ, что эта картина — не самъ Ивановъ, а только уклоненіе его отъ самого себя. Это величественный и грустный памятникъ колебаний высокой души и наивнаго самопожертвованія чело-вѣка, возлюбившаго истину болѣе самого себя. Кто скажетъ, что вліяніе Овербека на Иванова обличаетъ въ русскомъ художникѣ отсутствіе самостоятельности, тому можно напомнить, что въ колебаніяхъ и даже заблужденіяхъ чело-вѣка, страстно любящаго истину, бываетъ иногда болѣе самостоятельности, чѣмъ въ упорной выдержкѣ друго-го... Опрометчивая рѣшимость Иванова на громадное предпріятіе и на пожертвованіе ему всѣхъ своихъ силъ — это обыкновенная черта; неусыниная настоячивость въ такомъ самопожертвованіи — это героизмъ, рѣдкій на Руси, но тѣмъ не менѣе русскій; сама же картина — не болѣе, какъ грустный результатъ задержаннаго вдохновенія и потому это не русская картина...“

...„Если въ картинахъ Брюллова нѣтъ идеи, то нѣтъ ея и въ большей части историческихъ картинъ первостепенныхъ гениевъ. Конечно, у Брюллова форма преобладаетъ, по изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы у него не было идеи. Брюлловъ по натурѣ своей — материалистъ, духовность не его элементъ; но давно ли материализмъ принимается за отрицаніе идеи? Симпатичность, можетъ быть, тоже не Брюловскій элементъ, но развѣ нѣтъ поэзіи въ симпатичности? Отчего же отказываютъ Брюллову, въ идеѣ и поэзіи?“

...„Что у Брюллова не было той глубины мысли, ни душевной теплоты, которыми одаренъ былъ Ивановъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что „сказать ему было нечего“. А что Ивановъ не такъ отважно писалъ, какъ Брюлловъ, это вовсе не доказываетъ, будто у него „вяжкія кости“... Глубокая и теплая мысль Иванова не можетъ служить упрекомъ Брюллову, какъ и отважное исполненіе Брюллова — не упрекъ Иванову. Поразительный контрастъ этихъ двухъ творцовъ, рѣдкія особенности ихъ недостатковъ

и высокихъ достоинствъ ясно доказываютъ, что оба они были таланты-самородки, которые не подходятъ подъ мѣрку произвольныхъ теорій. Не потому ли такъ странно и цѣнять ихъ иначе критики?... Что касается до вліянія Брюллова и Иванова на молодое поколѣніе художниковъ, то мы замѣтимъ, что люди, идущіе по слѣдамъ великихъ мастеровъ, всегда каррикатурили ихъ мысли и формы...

„Оба знаменитые русскіе художники были въ своихъ формахъ — въ одно и то же время идеалисты и реалисты; но въ формахъ Брюллова преобладалъ реализмъ, а въ формахъ Иванова — идеализмъ. У обоихъ были идеи, только въ идеѣ Брюллова отзывался его личный материализмъ, а порывистый его характеръ не позволялъ ему углубляться въ содержаніе. Даръ Брюллова заключался преимущественно въ воспріимчивости; онъ былъ болѣе живописецъ, чѣмъ мыслитель, и при всемъ томъ мысль у него была вѣрная, мѣткая, наглядная, хотя она вовсе не отличалась глубиной и духовностью... Ивановъ былъ въ одинаковой степени — живописецъ и мыслитель, но мысль его была духовнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ у Брюллова. Смѣль и самоувѣренъ былъ Брюлловъ, потому и бойче выполнялъ свои замыслы; между тѣмъ замыслы Иванова постоянно сдерживались его наивной скромностью и страстной любовью къ истинѣ, потому и техника его не отличалась смѣлостью. При столкновеніи его наивной скромности съ отвлеченнымъ анализомъ онъ сбился, затерялся, а потому въ послѣдней его картинѣ нѣтъ той естественной полноты, которая видна въ другихъ его произведеніяхъ и даже въ частностяхъ „Явленія Христа“.

„Кому извѣстна жизнь обоихъ художниковъ, тотъ можетъ понять, что разнородность ихъ творчества была результатомъ столкновенія ихъ личнаго склада съ тяготившею надъ ними дѣйствительностью: одинъ укрывался отъ нея въ форму, другой въ мысль. И Брюлловъ, и Ивановъ высказались не вполне: въ нашей сѣверной атмосферѣ дары природы зрѣютъ нескоро и бываютъ недоготовлены“...

На ряду съ только-что сообщенными здѣсь оцѣнками Иванова, необходимо сопоставить отзывы о немъ и его картинахъ, появившіеся нѣсколькими годами позже.

Разсматривая печальную судьбу нашего художника и послѣднія сужденія о немъ и его соперникѣ — Брюлловѣ, В. Зотовъ высказывалъ въ „Свѣ. Сіяніи“ 1862 (I, 68—69 и 71—72)

слѣдующія соображенія, въ которыхъ до нѣкоторой степени отразились многіе изъ представленийъ 1860-хъ гг.

„Понятно, что, восхваляемый всѣми до небесъ, Брюлловъ дошелъ до такой степени самолюбія, что не признавалъ ничего выше себя въ живописи. Иванова, напротивъ, не баловала ни привязанность публики, ни уважанье знатныхъ; будущность его не была обезпечена; почти до послѣднихъ минутъ жизни онъ не зналъ: вознаградится ли его трудъ, которому онъ отдалъ всю жизнь.

„Тяжелѣе всего для него было то, что онъ самъ начиналъ сомнѣваться въ своемъ трудѣ. Долгую работу его надъ картиною объясняютъ тѣмъ, что онъ началъ ее совсѣмъ съ другими идеями, нежели тѣ, съ какими кончилъ ее. Съ теченіемъ времени онъ увидѣлъ невозможность осуществленія того, что задумалъ. Чувство, съ которымъ была зачата картина, слабѣло съ годами, и его постепенно замѣняло недовѣріе къ своимъ силамъ, сомнѣніе въ непреложности своихъ убѣжденій... Эскизы картины нѣсколько разъ переделывался, и, отъ этой долгой борьбы художника со своимъ сюжетомъ, исполненіе картины, тщательное, обдуманное, вышло отчасти холоднымъ, вымученнымъ, лишеннымъ жизни, вдохновенія. Передніе планы написаны слишкомъ мягкими полутонами (въ особенности фигура сидящаго нагого старика), между тѣмъ контуръ Іоанна (особенно его правой ноги) — рѣзокъ, колоритъ вообще сѣроватъ; художникъ хотѣлъ вездѣsobствѣ величайшую простоту, — и картина вышла въ общемъ впечатлѣніи суха и блѣдна. Только искреннее глубокое вѣрованіе въ идею картины, только горячее религіозное чувство въ зрителѣ могутъ заставить его восхищаться ею, слѣно, благоговѣнно восторгаться; но нельзя же предполагать такого чувства во всѣхъ, — и вотъ почему, петрогающійся идеєю обратитъ вниманіе только на исполненіе картины, а она составитъ слабую сторону ее, тогда какъ Рафаэлевы Мадонны доступны и понятны всякому, кто чувствуетъ хотя бы только одно прекрасное. Религіозная вѣрованія грековъ совершенно чужды намъ, а мы не перестаемъ восхищаться изображеніями ихъ боговъ и богинь...

„При разборѣ таланта Иванова постоянно и невольно приходитъ, какъ сравненіе, имя Брюллова — не по сходству, а, напротивъ, по совершенной противоположности ихъ произведеній. Говоря объ одномъ художникѣ, нельзя не вспомнить и о другомъ. Наравнѣ съ „Послѣд-“

нимъ днемъ Помпей⁴ можно поставить только „Явление Христа народу“. Всѣ другія большія произведенія русской живописи, какъ, напр.: „Мѣдный змѣй“ Бруни, „Иоаннъ на Патмосѣ“ Моллера—ниже картинъ Брюллова и Иванова. Поклонники того и другого видятъ въ произведеніи первого — гениальное исполненіе, второго—гениальную мысль. Художественныя критики проводятъ поневогѣ параллель между этими живописцами; но въ параллели обыкновенно важную роль играютъ антитезы, и, изъ желанія ярче обозначить особенности двухъ сравниваемыхъ лицъ, эти особенности очерчиваются обыкновенно гораздо рѣзче, чѣмъ онѣ бывають на самомъ дѣлѣ. Въ такую крайность впалъ и Тургеневъ въ воспоминаніяхъ своихъ объ Ивановѣ.

...„Иваніяна духовность въ пластическихъ искусствахъ,—говоритъ критикъ далѣе,—гораздо вреднѣе излишняго поклоненія формѣ. Да и прѣимѣ всего доказываетъ то, что не лучше идти за Ивановымъ,—совершенное отсутствіе его учениковъ, тогда какъ Брюлловъ составилъ школу, имѣвшую видѣніе на живопись, и въ числѣ послѣдователей которой было много дарованій. За Ивановымъ такъ никто и не пошелъ,—да оно и къ лучшему.“

„И между тѣмъ, при взглядѣ на его картины, мы твердо вѣримъ, что этотъ скромный художникъ, недовольный собою и своимъ капитальнымъ произведеніемъ, могъ бы сдѣлать много для искусства, еслибы не погибъ такъ рано для него. Особенно убѣждаемся въ этомъ при взглядѣ на лучшее произведеніе его молодости—„Явленіе Христа Магдалинѣ“. Въ этой картинѣ, служащей украшеніемъ отдѣла русской школы въ Эрмитажѣ,—видѣвъ весь Ивановъ; по ней можно угадывать, чѣмъ бы онъ могъ быть, еслибъ ложная идея не увлекла его на ложный путь. Какимъ высокимъ, поэтическимъ чувствомъ дышетъ эта картина... Все въ этой картинѣ, отъ лица Христа до ногъ его, отъ позы Магдалины до послѣднихъ аксессуаровъ, все проникнуто теплою вѣрой и неволью производить впечатлѣніе даже на иновѣрца, непонимающаго божественности картины, но видящаго въ ней ясное, высокое, человеческое чувство. Это одно произведеніе выдвигаетъ Иванова изъ ряда современныхъ художниковъ, заставляетъ забывать его послѣдующія ошибки и увлеченія.

„Мы не скривили этихъ ошибокъ, говоря о живописцѣ, приводя большою частью мнѣнія о немъ, уже высказанныя другими (объ немъ

писали такъ много, что трудно сказать что нибудь новое), сравнивая его съ другими, не менѣе талантливыми его предшественникомъ. Выводъ мы не дѣлаемъ, представляя его читателямъ; но думаемъ, что ни къ тому, ни къ другому нельзя быть строгимъ. Судьба, враждебная почти ко всѣмъ нашимъ дарованіямъ, не дала имъ усовершенствоваться. Съ ними умерло многое, что они, конечно, передали бы намъ на полотнѣ ярче и опредѣленнѣе того, что высказано въ оставленныхъ ими произведеніяхъ. Но если неизбѣжно сравненіе между ними и, вслѣдствіе того, предпочтеніе одного другому, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы предпочтеніе это было неслучайное. Тургеневъ увѣряетъ, что въ одно время нельзя любить „Послѣдній день Помпей“ и „Явленіе Христа народу“. ...Но развѣ нельзя, въ одно и то же время, сочувствовать идеѣ и восхищаться формою? Напротивъ, въ возможно близкомъ сліяніи мысли и исполненія, духа и матеріи, идеализма и пластичности, и заключается истинная художественная красота, къ осуществленію которой должны стремиться всѣ истинные художники. Исключительное стремленіе къ той или другой сторонѣ составляетъ причину несовершенства произведеній Брюллова и Иванова—и только въ сліяніи ихъ направленій лежитъ послѣднее слово живописца, какъ и всѣхъ другихъ искусствъ, даже всей жизни.

Другой критикъ, современный В. Зотову,—*П. Петрова* писалъ въ томъ же „Сѣв. Сіяніи“ 1864 (III, 214—5 и 225—6): „Заглянувъ въ прошлое, только и виднши, какъ совершился переворотъ во взглядѣ на искусство. Переворотъ этотъ, конечно, произошелъ не безъ жертвъ и жертвъ недюжинныхъ. Жертвами этого взгляда сдѣлались всѣ огромныя известности и знаменитости, всѣ, почему либо признанныя громкими, имена въ нашемъ искусствѣ, во имя новой идеи осужденныя на совершенное или несовершенное забвеніе. Однѣ изъ этихъ жертвъ при жизни наслаждались зато упоеніемъ славы и известности; но тотъ художникъ, весь вѣкъ котораго прошелъ въ служеніи идеѣ, въ постановленіи ея на первое мѣсто, занимавшаея прежде формою, тотъ провозвѣстникъ новаго ученія въ искусствѣ нашемъ, вынесъ на себя одну только горечь страданія и при жизни. Въ то время, когда онъ представлялъ результаты своихъ 20-лѣтнихъ думъ, надеждъ и страданій, свое ненаглядное произведеніе,—въ это именно время и подвергся горечи нарека-

ній, отравившихъ, говорятъ, послѣдніе дни его жизни.

„Вся мысль, вся теплота чувства или, лучше сказать, вся жизнь Иванова давно уже заключалась въ одной картинѣ его. Изображаемое имъ событіе постепенно зашло въ его способности: онъ сжился со своею идеею и не разставался съ нею. Всякій зритель, непредубѣжденный заранѣе, взглянувъ на картину и долго рассматривая ее, дѣйствительно выносить впечатлѣніе новое, полное и свѣжее. Самъ болѣе всего дѣян душевное спокойствіе, художникъ успѣлъ въ своемъ произведеніи выразить именно тишину высокаго мгновенія—появленія Мессіи... Единство мысли и побужденія соблюдено нашимъ художникомъ больше, чѣмъ кѣмъ-либо; независимо отъ этого, онъ успѣлъ соблюсти и красоту линий, группъ и отдѣльныхъ фигуръ. Прекрасный рисунокъ соответствуетъ вполне возвышенности и строгости всей композиціи; о выраженіи и говорить нечего... Достигнуть настолько полноты выраженія въ главныхъ персонажахъ, какъ мы находимъ у Иванова,—можетъ художникъ не легко, не безъ труда, и только при посредствѣ богатой творческой фантазіи, укрѣпленной долгимъ и серьезнымъ изученіемъ игры фціономіи. Уже одно избѣжаніе такихъ трудностей, какова естественность выраженной различныхъ ощущеній на лицахъ такого множества персонажей,—подвигъ, совершонный до нашего времени безупречно развѣ однимъ Рафаэлемъ и во все времена высокоцѣннымъ. Но за Ивановымъ есть еще новое право на почетное мѣсто въ искусствѣ—это трактованіе въ картинѣ своей и всего прочаго—также натурально, какъ выполнили онъ дѣйствующія лица священной сцены. Пейзажъ у него самъ по себѣ могъ бы доставить извѣстность своему автору. Наконецъ то, что вытѣпало въ укоръ Иванову его порицатели,—именно простота и отсутствіе яркости въ колоритѣ, эта, такъ сказать, *сдержанность* красокъ гораздо болѣе почтенна, чѣмъ усиленная яркость съ непремѣнными черными, рѣзкими тѣнями и дѣлами богами красокъ для доказательства свѣлости исполненія“.

Отзывы объ Ивановѣ 1873—93 г.г.

Прошло почти 10—11 лѣтъ послѣ напечатанія статей *Зотова* и *Петрова*, какъ и между появленіемъ статей *Гоголя* (1847) и *Ковалевскаго* (1857), а отзывомъ о нашемъ художникѣ

не встрѣчалось въ печати вплоть до выступленія *В. В. Стасова* съ его критическими разборами, которые и появились потомъ съ малыми перерывами въ продолженіе слѣдующихъ лѣтъ 20 лѣтъ (1873—93), причемъ взглядъ этого критика на Иванова подвергался нѣкоторымъ, болѣе или менѣе существеннымъ, видоизмѣненіямъ за этотъ періодъ времени.

„Уже съ конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ,—говоритъ онъ, напр., въ IV гл. своей статьи „Еврейское племя въ созданіяхъ искусства“ въ „Еврейской Библиотекѣ“ 1873 (III, 308—315),—начинается у насъ рядъ попытокъ представлять задачи Ветхаго и Новаго Завета съ непремѣннымъ присутствіемъ еврейской внѣшности въ типахъ и костюмахъ; но такъ какъ, несмотря на такую внѣшность, большинство русскихъ картинъ этого рода было вначалѣ все по прежнему поверхностно и все-таки оставалось въ глубинѣ—при прежней системѣ классической идеальности, фальши и полнаго невниканія въ исторію, то мы не будемъ ихъ перечислять, а прямо перейдемъ къ художнику, явившемуся съ истинными значительными заслугами передъ искусствомъ. Я говорю про Александра Иванова“).

¹⁾ За четыре года передъ тѣмъ *В. В. Стасовъ* писалъ въ I гл. своей статьи „Наши художественныя дѣла“ въ „Сиб. Вѣдом.“ 1869 г. (№ 29): „Подумайте хоть одну секунду и скажите потомъ со всею откровенностью: старинные наши Лосенки, Егоровы и Шебуевы, а потомъ новые наши Брюловы, Ивановы, Маргосы, Орловскіе и Пименовы—неужели это все не какіе-то иностранцы, только называвшіе себя русскими? Неужели это все не тѣ художники, въ произведеніяхъ которыхъ можно найти все, что угодно,—воспоминанія и слѣды Рафаэлей, Каррачей, антика и новыхъ итальянцевъ съ французскими,—все, кромѣ собственной своей, самостоятельной личности“... „Что за надобность будетъ помышлять,—говоритъ онъ въ III гл. той же статьи (№ 43),—не только о картинкахъ времени Енатирина II или Александра I, но даже о „Помпеяхъ“ Брюлова, „Явленіяхъ Христа народу“ и „Магдалинахъ“ Иванова, и другихъ тому подобныхъ, будто бы историческихъ картинахъ, со всѣми пожарами, свадками, чудесами, погибелами, героями, всѣмъ остальнымъ стариннымъ гардеробомъ и декорациями... когда каждому можно будетъ повисить у себя на стѣнѣ множество минаюрныхъ бриллиантчиковъ, гдѣ выскажется все

... Правда, въ началѣ и онъ держался одно время преданій художественнаго классицизма, чему доказательствомъ служить совершенно еще академическая картина его „Явленіе Христа Магдалинѣ“, но уже начиная съ 1837 г. онъ сталъ обращаться всею мыслію къ истиннымъ еврейскимъ типамъ и назначилъ имъ самое видное мѣсто въ задуманной имъ тогда большой картинѣ „Явленіе въ міръ Мессіа“... Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе прожитыхъ имъ еще 20-ти лѣтъ, онъ не переставалъ изучать не только еврейскій типъ, но и еврейскую исторію, и еврейскія древности,—и это дало блестящіе результаты для всей послѣдующей его художественной дѣятельности. На врядъ ли можно указать европейскаго художника, который бы въ такой степени усвоилъ все, сюда относящееся, который бы столько же, какъ Ивановъ, отыскивалъ и изучалъ всѣ новѣйшія ученія изданія съ рисунками, касающіяся еврейства, Палестины и странъ, которыхъ исторія близко соприкасалась съ Палестиною, т.-е. Ассирію,

самое лучшее, все самое высокое, все самое мѣкое, глубокое и поэтическое, къ чему способенъ молодой нянѣшній художникъ“.

Немного позднѣе онъ же писалъ въ своей статьѣ „Публ. Библ. и Эрмитажъ при Александрѣ I“ въ „Нов. Врем.“ 1877 (№ 648): „Эрмитажъ сыгналъ на эпохѣ Екатерины II. Все новое искусство отсутствовало въ его залахъ, точно будто его никогда не бывало на свѣтѣ... Правда, залы дѣй посылены картинамъ нѣкоторыхъ русскихъ живописцевъ; но всѣ эти „Помпей“ Брюллова, „Мѣдныя змѣи“ Бруни, „Магдалины“ Иванова не представляютъ никакой школы, никакой самостоятельности,—все это только созданія съ творчествомъ очень сомнительнаго, эклектическаго свойства, съ полнымъ отсутствіемъ оригинальности и жизненности. Это все полу-иностранцы, полу-гермафродиты академикъ, не могущіе имѣть значенія для развитія каковаго нибудь сильнаго, самобытнаго, будущаго искусства“.

„Снору нѣтъ, — говорилъ онъ еще разъ, въ статьѣ своей: „Выставка въ Академіи Художествъ“ въ „Нов. Врем.“ 1878 (№ 719),—много интереснаго, а частью талантливаго и изящнаго было въ картинахъ Ло ени, Левицкаго, Ворониковаго, Егорова, Орловскаго, Брюллова, Бруни, Иванова, Молера и т. д., но все это были люди съ отсутствіемъ таланта оригинальнаго, самостоятельнаго и національнаго“...

Вавилона, Финикій, Египта и т. д.. Для русскаго художника, особливо прежняго времени, все это выходило тѣмъ-то совершенно необыкновеннымъ. Еще никто изъ нихъ не обращался съ такою пламенною ревностію, съ такою упорною настойчивостію къ изученію своего сюжета во всѣхъ его подробностяхъ... За то, всѣ созданія Иванова, полныя слѣдовъ небывалаго у насъ изученія, выходятъ совершеннымъ исключеніемъ изъ всего того, что до него было у насъ сдѣлано по части исторической живописи.

... „Нужды нѣтъ, что письмо Иванова въ большинствѣ случаевъ жестко, сухо и каждая отталкиваетъ небывалою неприятностію колорита, дѣлающей картину („Явленіе Мессіа“) похожею на выпѣтанные гобеленовые обои; нужды нѣтъ, что многія драпировки отзываются Рафаэлизмомъ и классическою искусственностію; несмотря на всѣ эти и разныя другіе недостатки, картина Иванова представляетъ что-то и совершенно-необыкновенное, и истинно-великое. Пока его блестящій и вѣтренный соперникъ, Брюловъ, вошедшій у насъ въ моду и всѣми носимый на рукахъ, писалъ свои поверхностныя иллюстраціи во французско-итальянскомъ вкусѣ, порхая съ обѣда на обѣдъ, съ попойки на попойку, съ одного великовѣтскаго празднаго разсѣванія на другое, — Ивановъ, весь предавшійся своему дѣлу и только онемѣ одному думавшій, ушелъ далеко отъ шума и паровъ, и привикнулъ къ одной своей вадцѣтѣ... И вотъ, отъ этого-то, картина Иванова „Явленіе Мессіа“, подлѣ которой онъ прожилъ дѣлтыхъ 20 лѣтъ, съ устремленными на нее постоянно очами и всѣми помыслами, вышла пропозведеніемъ сильнымъ и живучимъ. Дѣлая масса глубокихъ душевныхъ движеній выразилась въ лицахъ и позахъ этихъ старыхъ и молодыхъ евреевъ, этихъ мужей, полныхъ думъ, и юностей-красавцевъ; дѣлая масса характеровъ, разнообразныхъ и сильно очерченныхъ, наполнила картину. И выше всѣхъ — этотъ Иоаннъ Креститель, съ грандіознымъ вдохновеніемъ въ глазахъ — эта гениальная, величаявая, горящая внутреннимъ огнемъ, личность древняго еврея, исполненнаго духомъ Божиимъ, могучаго, стремительнаго, непреклоннаго и одѣтаго чертами великолѣпнѣйшей, поразительной красоты. Навѣрное, еще никогда европейскаго искусство не создавало подобнаго типа пророка, и всѣ, до того произведенные кистью

высшихъ мастеровъ, должны преклониться передъ этимъ снѣгомъ грома, передъ этимъ глгшатаемъ воли Госовы Всевышняго. Много надо было провести лѣтъ въ тихомъ уединеніи съ самимъ собою, въ бесѣдѣ съ совершеннѣйшими созданіями искусства, среди изученія и выбора лучшихъ чертъ еврейской природы, еврейскаго лица и еврейскаго интуазма,—для того, чтобы создать подобное чудо искусства.

„Только одну эту картину (кромѣ „Явленія Магдалины“) знаетъ до сихъ поръ наша публика изъ всей дѣятельности Иванова. Но она того не знаетъ, что, несмотря на многія капитальнѣйшія совершенства, тутъ заключенныя, эта картина все-таки не главное созданіе Иванова. Гораздо выше стоятъ тѣ нѣсколько сотъ рисунковъ большого и малаго формата, карандашомъ и сепіей, которыми наполнены альбомы этого художника... Рисунки эти, на сюжеты Ветхаго и Новаго Завѣта, являются плодомъ глубокаго обдумыванія, глубокой мысли, зрѣлаго совершенства художественнаго и рѣшительно должны почитаться высшимъ созданіемъ Иванова, а вмѣстѣ — и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній европейскаго искусства...

„Все въ нихъ оригинально и ново, начиная хоть съ фигуръ ангеловъ, ничего уже не имѣющихъ общаго съ обыкновеннымъ классическимъ типомъ. Нашъ художникъ подумалъ въ первый разъ тѣ, что раньше его должны были бы подумать сотни и тысячи его предшественниковъ по искусству, — а именно: что явленія сверхъестественныя изъ исторіи такого древняго народа, какъ еврейскій, должны быть представлены не такъ, какъ они нынче являются нашему воображенію, подъ вліяніемъ нашего воспитанія и школьной дрессировки съ безчисленными ея наслоеніями и осадками, а какъ они должны были представляться прежнимъ древнимъ людямъ еврейскаго племени. Вотъ онъ и изобразилъ ихъ съ такимъ-же древне-азиатскимъ (немного ассирійскимъ и финійскимъ) характеромъ, съ какимъ древне-азиатскимъ, по возможности еврейскимъ, характеромъ являлись у него и остальные личности его сценъ. Отъ этой своеобразности, отъ этой исторической и національной вѣрности, въ соединеніи съ невиданною оригинальностью сверхъестественнаго элемента и, наконецъ, съ глубиною психологическаго выраженія, — получилось что-то такое новое,

своеобразное, что отводитъ рисункамъ Иванова на сюжеты Ветхаго и Новаго Завѣта совершенно особенное мѣсто въ ряду Библейскихъ иллюстрацій, даже въ сравненіи съ рисунками Дорѣ...

...Ивановъ преимущественно посвящаетъ себя сценамъ Новаго Завѣта: къ ихъ кроткому благодушію, къ ихъ нѣжной красотѣ направлены были все его симпатіи, но все-таки и на задачи Ветховавѣтныя у него создавалось около сотни рисунковъ, и они принадлежатъ къ числу крупнѣйшихъ созданій живописи. Фигуры Саваова, патриарховъ, протцевъ, полны необычайной грандіозности и національной своеобразности, совершенно поразительной. Онѣ дышатъ силою глубокой могучей простоты и постоянно переносятъ на древній Востокъ, въ среду его нравовъ и жизненныхъ привычекъ, въ среду его вѣрованій и представлений, и совершенно въ этомъ непохожи на тѣ Ветховавѣтныя картины, какія намъ до сихъ поръ давали прежніе художники, никогда не углублявшіеся во всю полноту своихъ задачъ...

„Таковы сдены изъ исторіи евреевъ, которая любила брать Ивановъ и которая онъ выполнялъ, хотя часто въ однихъ только наброскахъ, съ удивительнымъ поэтическимъ чувствомъ, грандіозностью и красотой. Ихъ много, но, не смотря на это, большинство ихъ отличается лучшими качествами творчества, возвращеннаго долгими годами постоянного вдумыванія въ Библию, постоянного вниканія въ еврейскую величавую лѣтопись и въ глубочайшіе тайники духа человѣческаго. Рисунки Иванова къ Библіи — одна изъ лучшихъ заслугъ русскаго искусства передъ общимъ европейскимъ и, въ то же время, одно изъ драгоцѣннѣйшихъ созданій для каждаго мыслящаго, понимающаго и чувствующаго еврея“.

Два года спустя, тотъ же критикъ писалъ въ VIII-й главѣ той же своей статьи и въ томъ же изданіи (V, 41—47) — слѣдующее, по поводу Иванова и его картины:

„Тотчасъ вошедъ за Овербекомъ, надо сказать нѣсколько словъ про одного художника, находившагося въ молодые свои годы подъ сильнымъ вліяніемъ Овербека, и даже получившаго, въ извѣстной долѣ, направленіе отъ него. Это нашъ Ивановъ... Нѣмецъ шестилѣтъ, только и мечтавшій, что о служеніи искусства цѣлямъ религіознымъ, и некогдашій знатъ дружка сюжетовъ, кромѣ Евангельскихъ, долженъ былъ

сильно приходится по вкусу нашему художнику, съ фантазію мало развитою, даже блѣдною, съ художественными планами, исключительно вращающимися въ предѣлахъ сюжетовъ Евангельскихъ, съ творчествомъ, удовлетворяющимся очень педангично. Къ тому же, въ этомъ Овербекѣ, тогдашней римской славы, Ивановъ встрѣчалъ безпредѣльное поклоненіе передъ формами и женственными изяществами Рафаэля, а это опять-таки совершенно сходялось съ его собственными понятіями, вкусамъ и симпатіями; перѣдко Овербекъ самъ въ картинахъ и рисункахъ своихъ создавалъ цѣлыя фигуры и группы, носившія отпечатки красоты и граціи истинно-Рафаэлевской или старыхъ итальянскихъ мастеровъ, такъ сильно нравившихся Иванову за паневность и религиозный складъ; наконецъ, этотъ самый Овербекъ создавалъ и что-то новое, свое: онъ вводилъ невиданный прежде до того ни у кого въ Римѣ элементъ еврейскій... Вырвавшійся изъ Петербургскихъ академическихъ классовъ, Ивановъ, не читавшій и не видавшій ничего еврейскаго, еще менѣе другихъ былъ затронутъ какимъ бы то ни было уголкою просвѣщенія и еще болѣе другихъ долженъ былъ съ вѣчнымъ обожаніемъ смотрѣть на нѣмецкаго художника, читающаго книги, водившаго съ иностранными учеными, въ разговорахъ своихъ произносящаго чуть не цѣлыя лекціи и трактаты о томъ: какъ быть искусству на свѣтѣ, и тутъ же выѣсть—строгаго поклонника всѣхъ признанныхъ классиковъ. Извѣстная всей Россіи картина Иванова «Явленіе Христа народу» сильно отовалась этимъ Овербековскимъ вліаніемъ. Правда, съ точки зрѣнія художественной, Ивановъ стоялъ во сто разъ выше Овербека—по рисунку тѣла и по драпировкамъ одежды, по индивидуальности формъ, по естественности многого, по красотѣ группировки, по отсутствію трусаваго, дѣтскаго, до-Рафаэлевскаго пошва, — и все-таки онъ далѣе Овербека и Овербекова взгляда и понятія не пошелъ. Какъ у Овербека, типы у него мало равнообразны, мало идутъ въ глубь; какъ у Овербека, краски его неестественны, тусклы и сухи, и отталкиваютъ противнымъ своимъ, безвкуснымъ сочетаніемъ; какъ всегда у Овербека, у него царствуетъ въ картинѣ, отъ головы и до ногъ, совершеннѣйшая Аркадія, повсюду глядитъ, стоитъ и сидитъ цѣлая коллекція добрыхъ агнцевъ, непорочныхъ, спокойныхъ и благодушныхъ до того, что зритель иной разъ

выходитъ, наконецъ, изъ терпѣнія и готовъ послать картину, Богъ знаетъ куда; какъ у Овербека, все у него добродѣтельно и безстрастно до тошноты (однѣ Иоаннъ Креститель дѣлаетъ поклоненіе). Живописецъ Ивановъ былъ самый, что только можно вообразить себѣ, крайній антиподъ живописцу Брюллову, живою протестъ противъ всего гнилого, фейерверчнаго и балетнаго, чѣмъ тотъ жилъ въ своихъ созданіяхъ. Слава Богу! Ивановъ, словно здоровая, освѣжающая душъ, пролила надъ русскимъ искусствомъ послѣ треска и хлопавья разноцѣтныхъ ракетъ Брюлловскихъ—пора же было отъ нихъ немножко и отвыкать,—для замѣны чѣмъ-нибудь лучшимъ; а все-таки у Иванова не было, къ сожалѣнію, хорошихъ сторонъ Брюлова: кипучести, страстности, живаго нерва, и если тотъ былъ черезчуръ итальянецъ съ оперными финалами, то этотъ являлся за то черезчуръ нѣмцемъ съ мирнопродѣлываемыми демонстраціями. Картина Иванова—сухая лекція, съ приступомъ, серединой и выводомъ. Такія вещи никого не увлекутъ и никогда не подѣйствуютъ ни на чью фантазію. А что же художеству и нужно, если не это? Вотъ, по такимъ-то соображеніямъ, и приходится сказать, что Ивановъ былъ натура, родственная Овербеку, что онъ былъ человѣкъ, по несчастію попавшій въ Италію какъ разъ во время его великой тамъ славы и наааретской пропаганды. Будъ Ивановъ настоящій художникъ, истинно живой и страстный человѣкъ, не усидѣлъ бы онъ цѣлыхъ 20 лѣтъ, какъ какой-то художественный рыцарь Тотенбургъ, передъ недокопченною и необозримыми годами тянущейся все одной и той же картиной. Возможна ли въ наше время такая безстрастность, такое отсутствіе художественнаго порыва, художественнаго нетерпѣнія, такое алатичное сученіе жизни? Тутъ передъ глазами у васъ словно человѣкъ времяя давно прошедшихъ, безъ выѣшенной крови и нервовъ. А еще находились люди, которые именно эту безстрастность и холодо ставили Иванову въ высшую заслугу.

„Таковы, на мои глаза, недочеты и недостатки въ натурѣ и жизни Иванова; вотъ то, что мѣшало ему сдѣлаться великимъ художникомъ и создать произведенія капиталныя. И однакоже, несмотря на то, что, онъ, точно также какъ его двойникъ Овербекъ, оставилъ послѣ себя что-то такое, что заставляеть иногда извинять громадные и

многочисленные недостатки мысли и художества: картины и того, и другого носят печать искренняго убѣжденія и несокрушимой привязанности къ предметамъ ихъ обожанія. Оба эти художника бѣдны духомъ, ограничены, и все-таки ярко и выпукло высказываютъ, посредствомъ художества, свою слабую, безпомощную, но до извѣстной степени все-таки симпатичную душу...

„Овербекъ и Ивановъ дѣлились на двѣ половины, на двухъ разныхъ человѣковъ, одинъ на другою непохожихъ; они фальшили кистью и выраженіемъ, они рѣзали глаза, покуда позвали съ подобострастіемъ по слѣдамъ Рафаэля, или разнивались въ сладостныхъ чувствахъ и розовыхъ слезахъ,—они бледили тутъ ничтожны и скучны. Но едва обращались они къ исторіи и національности, тотчасъ же становились значительны и интересны, и тогда же пробивались на свѣтъ лучшія стороны ихъ таланта. Много превосходнаго, правдиваго, въ смыслѣ національномъ и этнографическомъ, даетъ картина Иванова. Она очень неудовлетворительна съ той стороны, которую Ивановъ считалъ всего важнѣе, —со стороны высказыванія характеровъ и живописанія движеній душевныхъ, и очень сильна съ той стороны, которой онъ придавалъ, конечно, лишь второстепенное значеніе,—со стороны исторической и еврейской. Въ минуту перваго явленія Христа, сколько разнообразныхъ чувствъ должно было бы, кажется, наполнять толпу, собравшуюся около Іоанна Крестителя!.. Сколько разнообразныхъ тоновъ, сколько гаммъ душевныхъ должно было пробиться тутъ наружу и громко зазвучать. Но ни съ чѣмъ изъ всего этого не сдѣлалъ Ивановъ, ничего подобнаго не возникало даже — въ его тощей, ограниченной фантазіи... У него одинъ общій хоръ, совершенно однородная толпа добрыхъ и недалекихъ людей, доброудно и доверчиво поворачивающихся туда, куда ведетъ уважаемый учитель. Покорное повинновеніе чужой рекомендаціи — вотъ въ чѣмъ состоитъ вся картина. Навѣрное, Ивановъ рассчитывалъ на что-нибудь другое, болѣе высокое и важное: звалъ онъ, что только то и будетъ во всей картинѣ, что мы теперь въ ней находимъ, врядъ ли, кажется, подиалъ бы онъ и кисти къ своему холсту. Одинъ Іоаннъ Креститель, вдохновенный, полный огня и убѣжденія,—одинъ онъ выдѣляется изъ среды остальной толпы, столько плохой и сла-

бой по психологіи. Но какъ я ни люблю фигуру Іоанна, сколько достоинствъ ни нахожу въ ней, а все-таки скажу, что легче схватывать и передавать эффектные, нѣсколько театральные, сильно сосредоточенные и крупные моменты, представляющіе человѣка, вышедшаго изъ всѣхъ павовъ,—чѣмъ тѣ, болѣе сложные, неопредѣленные, измѣнчивыя состоянія души, гдѣ тысячами подробностей и переливовъ выражаются характеръ и натура даннаго человѣка, съ ихъ колебаніями и нерѣшительностью, съ ихъ смѣшаныи силы и слабости, съ ихъ ежедневнымъ и ничуть негероическимъ ходомъ. Тутъ гораздо менѣе колоритности и эффекта, за то болѣе глубины и правды; въ этихъ, ничуть неидеальныхъ и невысокихъ представленіяхъ всего болѣе нуждается наше время. Но Ивановъ, точно также, какъ и Овербекъ, ничуть не принадлежалъ нашему времени,—они архаические обломки прежнихъ, уже сошедшихъ со сцены эпохъ, и потому-то нечего и адресоваться къ Иванову съ нынѣшними вопросами и требованіями. Но за то, какую капитальную роль играетъ у него еврейское племя, еврейскій типъ, еврейская личность. Ни одна картина до него не содержала такой массы глубоко-реальныхъ, совершенно живыхъ евреевъ, скопированныхъ съ натуры. Такія картины, какъ „Мѣдный вѣдъ“ проф. Бруни, — живой натуры не содержатъ: вѣдъ все тутъ передѣлано, перелажено на оперный и академическій ладъ и, не то что національности, но простой и естественной правды остается въ нихъ едва-едва седьмая вода на киселѣ. Куда ни посмотри, всюду одинъ условный, искусственные формы и выраженія. Съ этими картонными фигурами, лишенными жизни, невозможно и сравнивать дѣйствующія лица Ивановской картины: тутъ у васъ передъ глазами истинные, живые евреи, изученные съ натуры... Оттого она явилась слово великолѣпная хрестоматія, чудесный сборникъ лучшихъ изящества и совершенствъ еврейской человѣческой природы. Точно у него только одна и была цѣль: прославить еврейское племя во всѣхъ безподобнѣйшихъ видахъ его, вовсе забытое другими. Какая неожиданная, какая удивительная роль для русскаго благочестиваго художника, нахристіаннѣйшаго между всѣми своими товарищами прошедшаго и настоящаго времени. Кто бы это могъ вообразить? И, однакоже, это почувствуетъ всякій, взглянувъ на картину Иванова.. Все здѣсь переноситъ въ еврейскій міръ красоты, и беретъ такой ак-

кордъ, какого до Иванова никто еще не бралъ.

„Ивановъ долго и строго вдумывался въ подробности своей картины (замѣчалъ В. Стасовъ въ X т., стр. 57), положилъ безконечныя старанія на то, чтобы придать ей отъ начала и до конца всевозможное еврейство, и, однако же,—что такое фонъ, пейзажъ его картины? Ни что иное, какъ отрывки Итальянской природы, окружающей Римъ,—и только отрывки. Послѣ Иванова осталась дѣлая куча пейзажныхъ этюдовъ, очень любопытныхъ и даже, въ большинствѣ случаевъ, очень художественныхъ, но все-таки они ровно ничего не вносятъ на всѣхъ того человѣка, который требуетъ для Евангельской картины—Евангельской обстановки. Однакоже, пусть мы даже вообразимъ себя на одну минуту, что эти тонія и жадкія струйки передняго плана дѣйствительно изображаютъ воды Иордана, или эти олинвы и плоскій песчаный холмикъ воскрешаютъ передъ нашими глазами дѣйствительныя деревья и горы Палестинскія,—какъ далеко все-таки отъ этихъ бѣдныхъ отрывковъ до равнообразія, красоты или угрюмости природы еврейской страны во времена Христовы“..

Еще черезъ три года, тотъ же критикъ говорилъ въ своихъ „Письмахъ изъ чужихъ краевъ“ въ „Нов. Врем.“ 1878 (№ 873) относительно Иванова и его композицій изъ Ветхаго и Новаго Завѣта:

„Но если рѣчь пойдетъ о томъ, чтобы выдѣлить изъ толпы остальныхъ нашихъ талантовъ такого человѣка, который болѣе другихъ наклоненъ былъ къ монументальному и великому, чей духъ искалъ съ особенною любовью грандіозныхъ сценъ и тиновъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и чья рука способна была болѣе и лучше другихъ выполнять эти важныя задачи, несмотря на то, что онъ мало приходится по способности и вкусу нынѣшнихъ поколѣній, то такой человѣкъ у насъ былъ — Александръ Ивановъ. Нѣтъ у насъ ни одного настоящаго и дѣльнаго художника, который бы не понималъ его важнаго значенія для насъ, несмотря на то, во многомъ неподходящія для насъ и нашего времени, стремленія, его робкій умъ, не смѣвшій и неумѣвшій летѣть орломъ, несмотря на многое, что намъ способно нынче казаться во всей его натурѣ бѣдными или ограниченными. Всѣ наши художники, а вмѣстѣ съ ними и всѣ любящіе и цѣнящіе истинное искусство, знаютъ очень хорошо всѣ нехватки

Иванова, въ самомъ существѣ его таланта,—точно также, какъ видятъ съ перваго же раза многие техническіе его недостатки: слишкомъ малую способность къ колориту, пристрастіе къ сочиненію какъ бы барельефному, т.-е. (что) большинствомъ дѣйствующихъ лицъ картины почти постоянно все на одномъ и томъ же планѣ, и т. д., и т. д. Но все это не мѣшаетъ тому, что все-таки Ивановъ былъ талантъ истинный и глубокий и что его картина, единственная почти его картина „Явленіе Христа народу“, есть явленіе, выходящее изъ ряда вонъ между всѣми подобными же созданіями подобнаго рода дѣлой Европы. Устадая, быть можетъ, во многомъ разными товарищамъ по искусству, онъ превосходилъ ихъ всѣхъ пламеннымъ одушевленіемъ къ неподдавшему его сюжету и силою искренности, водившему его рукою.

„За все это Ивановъ стоилъ бы у насъ въ будущемъ „народномъ музее“ еще гораздо болѣе почетнаго и въ возмнѣнномъ мѣстѣ, чѣмъ какое отведено въ нѣмецкомъ „національномъ музее“ Корнелиусу... Если надо кому-нибудь положить золотой вѣнецъ на голову за глубоко-искреннее и полное красоты тиновъ, выраженія и чувства предствленіе сценъ Евангелія, такъ это — крохотку, скромному, вѣчно не вѣрившему въ самого себя и мучившемуся сомнѣніемъ истиннаго таланта Иванову.

„Но представьте же себѣ, что этотъ золотой вѣнецъ принадлежитъ Иванову за что-то еще въ большей степени, чѣмъ за его картину.

...„Въ антрактахъ между писаніемъ своей картины Ивановъ рисовалъ, то карандашомъ, то красками, наброски разныхъ сценъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и послѣ его смерти такихъ рисунковъ, большихъ и малыхъ, нашлось свыше 300. Я ихъ видѣлъ 20 лѣтъ тому назадъ, тотчасъ послѣ смерти Иванова, видѣлъ теперь, въ Берлинѣ, нѣкоторые изъ нихъ снова, и все, что я могу сказать, это—что тутъ оставлена Россіи въ наслѣдство огромная коллекція шеф-d'oeuvre'овъ. Когда я просматривалъ все собраніе въ первый разъ, осенью 1858 г., я такъ былъ пораженъ этими оригинальными, чудесными созданіями, далеко превосходившими, на мой глазъ, большую картину по свободѣ и самостоятельности творчества, что я долго не могъ придти въ себя отъ волненія... Умирая, Сергѣй Ивановъ оставилъ завѣщаніе, которымъ отдалъ Московскому Румянцевскому музею всѣ оставшіяся у него на рукахъ произведенія своего брата, но съ тѣмъ, что напередъ всѣ

рисунки и эскизы его должны быть изданы въ Римѣ или Берлинѣ, подъ надворномъ Прусско-ромскаго Археологическаго Общества, котораго долго былъ членомъ, съ которымъ былъ много лѣтъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ. Денегъ своихъ и братинныхъ онъ на это оставилъ довольно; люди, кому онъ довѣрилъ предпріятіе, — надежные, умѣлые и знающіе, — значитъ, желаніе его будетъ непремѣнно исполнено, и, что всего важнѣе, хорошо исполнено...

„Мнѣ удалось видѣть въ Берлинѣ оригиналы всѣхъ рисунковъ, имѣющихъ войти въ первый выпускъ, и во мнѣ, при первомъ же взглядѣ, громко заговорило то же самое чувство, которое я слышалъ въ себѣ 20 лѣтъ назадъ... Тутъ у меня передъ глазами явилось что совершенно необыкновенное, совершенно своеобразное, ничуть не похожее на все, что дѣлали другіе европейскіе художники, иллюстрируя Библию. Этотъ Ивановъ былъ робокъ и недовѣрчивъ, когда разговаривалъ съ другими, когда рассказывалъ имъ свои мысли и намѣренія, — да, онъ въ сношеніяхъ съ другими былъ робокъ и тихъ, какъ ребенокъ, но въ тиши своей римской комнаты или студіи, наединѣ самъ съ собою, онъ былъ смѣлѣе почти до дерзости и предпринималъ, безъ всякихъ примѣровъ и образцовъ, тѣ, что едва-едва теперь начинаютъ пробовать самые смѣлѣе нѣмецкіе и французскіе иллюстраторы Вибліи и Евангелія.

...Многихъ изъ числа этихъ ценъ никто, даже и нынче, не третируетъ такъ своеобразно, а вмѣстѣ такъ просто, такъ этнографически вѣрно, какъ Ивановъ. Сколько ему нужно было успій, ученія, разысканій, занятій библиотечныхъ и чтенія, чтобы добраться до той еврейской правды и вѣрности, которая ему, русскому, казалась необходимою и о которой никто кругомъ него еще тогда и не думалъ!

„Да, подвигъ его великъ, необыкновененъ и талантливъ. И теперь, хотя бы даже черезъ 20 лѣтъ послѣ его смерти, соотечественникамъ его предстоитъ возможность оцѣнить и признать, уже окончательно и навсегда, все его значеніе и крупность на страницахъ исторіи. А когда дѣла дойдеть до „народнаго музея“, то пусть должное мѣсто будетъ уже заранѣе и безъ записки, безъ сомнѣнія и безъ спора, отведено тому, кто при жизни не сподобился вкусить даже и тѣни сочувствія и благодарности своихъ современниковъ и соотечичей“.

Затѣмъ, черезъ два года, въ своихъ „Воспо-

минаніяхъ объ Ивановѣ“, напечатанныхъ въ изд. М. П. Вотикина 1880 г. (с. 418, 421 и 424), *В. Стасовъ* высказывалъ о картинѣ нашего художника слѣдующее:

„Мнѣ эта картина, несмотря на ея шероховатый и жесткій колоритъ, казалась великимъ произведеніемъ искусства, и меня только самымъ невыразимымъ образомъ обѣсили нелѣпые отзывы публики, которыхъ тогда довольно таки ходило по городу, всѣ эти разносимые съ такимъ аппетитомъ по всѣмъ домамъ смѣшки и подтруниванья людей апатичныхъ или глупыхъ. „Да это не апостолы и вѣрующіе, а просто семейство Ротшильдовы!“ — самодовольно повторялъ, гдѣ только могъ, извѣстный тогда поэтъ Тютчевъ. „Что за краски! что за гобеленовскій коверъ!“ — твердилъ всѣмъ въ уши одиный извѣстный петербургскій болтувъ, летавшій со своимъ неутомимымъ жужжаньемъ изъ дому въ домъ, всего чаще къ графу Кушелеву-Безбородко, гдѣ тогда гостила и ораторствовала колоссальная европейская знаменитость, самъ великій *Alexandre Dumas*! Мнѣ было ужасно досадно на всю эту чепуху, на всю эту публику, еще новыи разъ отвернувшуюся отъ всего самаго важнаго въ отечественномъ искусствѣ и у своихъ художниковъ... Я былъ доловъ негодованія на этого, все одиный и тотъ же, поминутно повторяющійся, ничѣмъ неисправимый фактъ. Увидавъ теперь, наконецъ, самого Иванова, я не могъ удержаться, чтобы тотчасъ же не высказать ему и свои восторги отъ его картины, гдѣ для меня существовало столько совершенства, и мою злбу на печальную нелѣпность большинства публики. И тутъ, я живо это помню, Ивановъ меня поразили своимъ широкимъ, великодушнымъ взглядомъ. Я не могу теперь, черезъ 20 слшскомъ лѣтъ, привести подлинныя его слова, но смыслъ ихъ былъ тотъ, что отчего же винить сейчасъ публику, а не лучше ли взглядѣться хорошенько въ ея слова и мысль, — можетъ быть, она и права, нападая на его картину; что онъ и самъ теперь видитъ, что иное въ ней не такъ, и, будь онъ моложе, принялся онъ за эту самую картину теперь, онъ многое сдѣлалъ бы совершенно иначе. Но я ему отвѣчалъ съ величайшимъ ошудевленіемъ, что я не знаю, что такое онъ могъ бы сдѣлать иначе и лучше, но то, что есть въ его картинѣ дѣйствительно хорошаго, — такъ хорошо, такъ высоко, что уже ни съ чѣмъ на свѣтѣ сравнено быть не можетъ, и ничего подобнаго нигдѣ и ни у какого живописца я не видалъ. Я всего болѣе рассказы-

валъ ему, со всѣмъ жаромъ, къ какому только былъ тогда способенъ, про то неописуемое впечатлѣніе, которое производилъ на меня его Іованъ Креститель...

„Это могучее вдохновеніе, этотъ восторгъ проповѣдника, поднятаго и усеснаго выхремъ энтузіазма, этотъ огонь въ глазахъ, — гдѣ еще, кромѣ вашей чудесной картины, увидишь что нибудь подобное? Да гдѣ и искать! (спрашивалъ критикъ И—ва). Вѣдь прежніе живописцы всего меньше думали о томъ, что всего важнѣе. Доброе моральное чувство, благочестіе, всяческія кротости и самоуниженія, граціи,— развѣ кто-нибудь изъ нихъ дальше этого ходилъ?— Ивановъ не совсѣмъ то со мною соглашался, и ему понемножку придакивалъ И. И. Горностаевъ, мой тогдашній пріятель, тоже служившій въ Публичной Библіотекѣ, и именно при художественномъ отдѣленіи; Ивановъ указывалъ мнѣ на старыхъ флорентинцевъ XIV-го и XV-го вѣка, которыхъ я и самъ до страсти любилъ, потому что цѣлыхъ три года безъ перерыва видѣлъ ихъ у себя, во Флоренціи, передъ глазами и изучалъ довольно основательно, но все-таки я не могъ сравнивать ихъ дѣтскаго, робкаго чувства, ихъ все еще, несмотря на весь талантъ, безпомощной неумѣлости, — съ тѣмъ великолѣпнымъ чувствомъ, вдохновеніемъ и глубокимъ душевнымъ выраженіемъ, какое я находилъ у него въ картинѣ.

„Въ августѣ, М. П. Боткинъ, послѣ тысячи моихъ просьбъ, пригласилъ насъ къ себѣ на вечеръ, меня и И. И. Горностаева, посмотреть альбомы, привезенные Ивановымъ съ собою изъ Рима, и заключавшіе въ-соболю сотъ его рисунковъ на сюжеты изъ Библии и Евангелія. Мы такъ и ахнули съ Горностаевымъ. Какой геній, какое могучее творчество появлялись тутъ, въ этихъ рисункахъ, передъ нашими глазами!“

О тѣхъ же Библейскихъ композиціяхъ Иванова, какъ и о его картинахъ, а равно о письмахъ и, наконецъ, о немъ самомъ, тотъ же критикъ писалъ въ своемъ обширномъ, обнимающемъ почти 5 печатныхъ листовъ, этюдѣ о нашемъ художникѣ въ „Вѣст. Европы“ того же 1880 г. (№ 1, стр. 112—113, 138, 140, 146 и 150, 169, 171 — 188), а именно во вступленіи и въ главахъ—II-й, III-й и VI-й:

„Мнѣ казалось, что эти рисунки — произведенія таланта гениальнаго и ума глубокаго и широко образованнаго; мнѣ казалось, что въ этихъ рисункахъ заключается такая новизна и своеобразіе, съ которыми не мо-

гутъ равняться никакія созданія всѣхъ остальныхъ художниковъ нашего времени, на сюжеты Ветхаго и Новаго Завета. Я глубоко былъ убѣжденъ, что въ этихъ рисункахъ (часто даже едва набросанныхъ, но всегда отдѣланныхъ) заключается самое неоспоримое его право, уже и въ настоящее время, на одно изъ самыхъ высочайшихъ и почетныхъ мѣстъ на странницахъ исторіи искусства.

...„Но, послѣ кончины Сергѣя Иванова, дѣло не ограничилось однимъ изданіемъ рисунковъ его брата: М. П. Боткинъ рѣшился издать и всѣ письма его. Для Иванова—это истинный памятникъ, для насъ всѣхъ—это истинное откровеніе. Несмотря на небрежность въ слогахъ, производящая подчасъ запутанность и неясность, письма его отличаются чрезвычайною своеобразностью и выразительностью, нерѣдко доходящею до истинной силы, образности и мѣткой сжатости. Что же касается до содержанія, то въ этихъ письмахъ высказывается такая свѣтлость и глубина мысли, такая оригинальность взгляда на искусство и его задачи, такая самостоятельность и независимость характера, какіихъ не только никто изъ насъ почти никогда не встрѣчалъ у русскихъ художниковъ стараго и новаго времени, но какіихъ лишь самыя рѣдкіе и немногіе примѣры можно встрѣтить во всей исторіи европейскаго искусства...

...„Къ современнымъ художникамъ, находившимся въ это время въ Римѣ, Ивановъ относился точно также совершенно независимо и самостоятельно. У насъ всѣ убѣждены, что онъ слѣпо подчинился Овербеку и другимъ нѣмецкимъ религіознымъ художникамъ 40-хъ годовъ. Но это совершенно невѣрно. Онъ чувствовалъ ихъ талантливость, ихъ, до нѣвѣстной степени своеобразный, починъ среди всеобщаго европейскаго обмеленія художества, принималъ отъ нихъ, тотъ признавалъ хорошимъ, но никогда работѣнно не шелъ по ихъ пятамъ, и самыя даже ихъ совѣты или указанія принималъ всегда съ величайшею осмотрительностью: иное бралъ, иное отбрасывалъ...

„Все, до сихъ поръ приведенное, доказываетъ, что Ивановъ не находился ни въ чьей зависимости, не былъ рабомъ людей, ни мнѣній, и постоянно жилъ и работалъ единственно своимъ умомъ. Фактъ рѣдкій въ нашемъ искусствѣ,—не только въ то время, но даже и въ нынѣшнее. Что было тому причиной? Конечно, раньше всего — его натура, природный складъ души и ума. Но, безъ сомнѣнія, столь же важную роль въ жизни Иванова игра-

ло и то воспитаніе, которое онъ постарался самъ себѣ дать, а также благотворное соприсносовіе съ образованными и тысячами людьми, съ которыми онъ искалъ сближенія.

„Что касается воспитанія, то наврядъ ли изъ всѣхъ нашихъ художниковъ, прежнихъ и настоящихъ, которыйнибудь такъ много читалъ и изучалъ, по своей части, какъ Ивановъ...“

...„У живописца Иванова, даромъ что онъ долженъ былъ доходить до всего самъ, и что все ему (говоря словами его отца) „доставалось съ бою“, у Иванова, кромѣ таланта и ума, была въ молодости еще одна мысль въ головѣ, которой не было въ головѣ ни у одного русскаго художника—это *мысль о народности*. Казалось бы, эта мысль всего дальше должна бы быть у человѣка, который во всю жизнь только и бралъ сюжеты, что изъ Библии, у художника, который всю жизнь высшими образцами своими считалъ Рафаэля и Леонарда-да-Винчи, т.-е. идеалистовъ по преимуществу, никогда и во снѣ не видавшихъ ничего національнаго, другими словами—дѣйствительно существующаго въ природѣ, въ живой дѣйствительности. Но въ томъ то и дѣло, что Ивановъ всю жизнь, на дѣлѣ, работая кистью на полотнахъ, шелъ гораздо дальше всѣхъ, имъ самымъ проповѣдуемыхъ теорій и системъ. Онъ воображалъ себѣ высшимъ блаженствомъ и вѣщью всей своей дѣятельности—приблизиться къ лучшимъ итальянскимъ художникамъ XVI вѣка, а самъ, на дѣлѣ, разламывалъ ихъ рамки и устремлялся къ такимъ далекимъ горизонтамъ формы, мысли и чувства, о какихъ тѣ, по условиямъ своего времени, неспособны были и мечтать. Повидному, онъ во многомъ и самъ не сознавалъ всей важности иныхъ своихъ идей. Онѣ сидѣли у него въ головѣ безотчетно, невольно; онъ ихъ высказываетъ словеско, но не останавливается на нихъ и не развиваетъ ихъ.“

...„Высокое понятіе о Россіи и ея будущей роли существовало въ мысли у Иванова гораздо раньше его знакомства съ кѣмъ бы то ни было изъ москвичей: это несомнѣнно доказываютъ письма. Сверхъ того, въ мысли Иванова вовсе не было ни того „общенароднаго и индивидуальнаго смиренія“, ни того безпредѣльнаго „возвеличенія“, которыя принадлежатъ къ числу отличительнѣйшихъ чертъ славянофильства 30-хъ и 40-хъ годовъ. Ивановъ былъ гораздо проще и естественнѣе всѣхъ этихъ господъ, у него въ тысячу разъ болѣе было естественнаго здраваго смысла. Онъ никого и ничего не идеализировалъ, онъ старался каждую вещь, каждое дѣло, каждого человѣка (хотя бы и русскаго),

увидать въ настоящемъ его свѣтѣ, и съ его хорошей, и съ его дурной стороны. Внутренняя его критика, даже въ отгонеи въ близкимъ людямъ, или къ дорогому народу, никогда у него не замолкала. Онъ не боится напасть и на Гоголя, и на Мюллера, и на Чижова, когда находитъ въ нихъ что-нибудь „не такъ“, худо сказанное, или худо сдѣланное, неспособность или неумѣнье ихъ къ чему-нибудь. Такъ точно и въ отношеніи къ русскому народу: онъ его цѣнитъ высоко, а все очень хорошо знаетъ и видитъ его недостатки...“

„Ивановъ въ послѣднее свое время такъ высоко вдругъ поднялся, такъ шагнулъ вперёдъ, что его уже не пугало то, что въ прежнее время заставляло бы его робѣть и теряться: новыя требованія и запросы публики, сильная критика, направленная противъ иныхъ частей его картинъ. Онъ не только теперь не робѣлъ и не терялся, но находилъ голосъ публики—справедливымъ и законнымъ.“

„На мои глаза, Ивановъ—одна изъ величайшихъ художественныхъ личностей, когда-либо появившихся на свѣтѣ, и вмѣстѣ—одна изъ самыхъ крупныхъ и необычайныхъ личностей русскія. Если даже оставить на минуту въ сторонѣ мысль о томъ, что Ивановъ былъ живописецъ, все-таки онъ представляется человѣкомъ, совершенно выходящимъ изъ ряду воиъ. Сила мысли, сила характера, золотая душа, заботливое попеченіе не только о близкихъ, но и о самыхъ далекихъ людяхъ, кому онъ могъ быть полезенъ, строгость жизни, необыкновенная серьезность настроенія, поэтичность и глубина всяческаго постиженія, презрѣніе къ внѣшнимъ выгодамъ самолюбія и наживанія, отсутствіе эгоизма, безконечная неподкупная справедливость ко всѣмъ, въ томъ числѣ къ людямъ совершенно противоположнаго себѣ направленія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непримиримая ненависть къ тому, что низко и мелко, непримиримая и самая мужественная вражда съ бездарностью, пропой и жлобностью, поразительная правдивость, искренность и важность; наконецъ, безпредѣльная любовь къ родинѣ и посвященіе всего себя будущему ея возвышенію и просвѣтленію—какое соединеніе, въ одномъ человѣкѣ, самыхъ рѣдкихъ, самыхъ дорогихъ и необыкновенныхъ качествъ!“

„Но прибавьте къ этому ту черту, которая чудесною нитью проходитъ сквозь всю жизнь Иванова,—жажду самоусовершенствованія и изшедшее изъ нея развитіе, никогда не оста-

навливавшееся, даже и въ тѣ годы, когда болшинство людей говорить себѣ: „довольно!“ и ложится на гнѣвный, недостойный покой, — и передъ вами возникнетъ личность, которая принадлежитъ къ числу самыхъ утѣшительныхъ и высокихъ явленій не только одного нашего, но и всѣхъ другихъ столѣтій.

„Если, затѣмъ, мы обратимся къ Иванову какъ художнику, то мы открываемъ, что здѣсь Ивановъ состоитъ изъ двухъ крупныхъ половинъ: Ивановъ до 1848 г. и Ивановъ послѣ 1848 г.

„До своего переворота, Ивановъ былъ наполненъ множествомъ ложныхъ понятій и предразсудковъ. Какъ ни свѣтла была, по натурѣ, голова его, а все-таки рожденіе въ старинномъ патриархальномъ семействѣ, воспитаніе въ стѣнахъ заведенія, способнаго развивать только механическую технику и ничего не подготавливающаго объ интеллектуальномъ, внутреннемъ человѣкѣ, наконецъ, долгое пребываніе въ Италіи среди маленькаго кружка людей, изъ которыхъ одни были талантливы, другіе умны и образованы, по-своему даже люди мысли, но которые, всѣ вмѣстѣ втятые, ничуть не принадлежали къ европейской современности и прямо должны быть признаны людьми безусловнаго консерватизма,—все это не могло не вліять задерживающимъ, и даже нѣсколько пагубнымъ, образомъ на Иванова. Выборъ сюжетовъ, преданность лишь одному и тому же извѣстному кругу идей, какъ въ религиозномъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ направленіяхъ, должны были неминуемо быть результатомъ такихъ неблагоприятныхъ условий. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посяпанное съ раннихъ лѣтъ какъ-бы идолопоклонническое благоговѣніе передъ „недосягаемостью“ двухъ эпохъ искусства, греческой стараго міра и итальянской XVI-го вѣка, тоже наложило на него печать свою, не только сильную, но даже неувладимую, и на всю жизнь... Не болѣе какъ въ нѣсколько мѣсяцевъ до смерти своей, Ивановъ писалъ въ одномъ письмѣ, въ высшей степени искреннемъ какъ всегда, что въ своей главной картинѣ „желалъ показать, до какой степени русскій понимаетъ итальянскую школу, — домогался въ ней, преимущественно, подойти, сколько можно ближе, къ лучшимъ образцамъ этой школы, подчинить имъ русскую переимчивость и составить свое“. Какъ еще невѣжняя и недостаточная дѣла для такого ума и таланта, какъ Ивановъ! Стоило на такую „преимущественно“ задачу употребить

столько лучшихъ лѣтъ своей жизни, хотя бы даже съ одной технической стороны!

„Однако же, такъ именно и случилось. Чтѣ дѣлать? Остается только глубоко сожалѣть объ этомъ. И, однако же, обѣ картины Иванова, обѣ единственныя его картины, полны громадныхъ совершенствъ.

„Явленіе Христа Магдалинѣ, картина еще наполовину академическая, полна избитыхъ, почти рутинныхъ мотивовъ. Христосъ этой картины очень ординаренъ и неудаченъ — и лицомъ, и тѣломъ, и драпировками своими! Въ Магдалинѣ одно только превосходно: это глубокое чувство, выраженное въ залакавшихся и вдругъ обрадовавшихся глазахъ. Все остальное — посредственно.

„Вторая (и послѣдняя) картина Иванова: „Явленіе Христа народу“ — уже совершенно другое дѣло. Здѣсь Ивановъ поднялся на громадную вышину, и создалъ такое созданіе, которому подобнаго не только никогда не представляло до тѣхъ поръ русское искусство, но которое, во многомъ, достигло высшихъ предѣловъ, какіхъ достигало итальянское искусство XVI вѣка, т.-е. высшее искусство старинной Европы.

„Ивановъ никогда не достигъ великолѣпнаго колорита старыхъ венеціанцевъ, Тициана и другихъ, на чтѣ такъ надѣялся и о чемъ такъ постоянно хлопоталъ: кто не родился колористомъ, тотъ имъ, конечно, не сдѣлается, несмотря ни на какія старанія и усилія. Въ этомъ, впрочемъ, Ивановъ раздѣляетъ общую участь новыхъ народовъ... Значитъ, коритъ одного Иванова, преимущественно передъ всѣми другими, еще нельзя. Притомъ же, самъ Ивановъ, даже въ 1858 г., считалъ свою картину „далеко неоконченною“, и привезъ ее въ Россію, принуждаемый къ тому недостаткомъ средствъ и сильно пострадавшимъ арміею.

„Но, кромѣ колорита, все остальное въ его картинѣ представляетъ рядъ совершенствъ, высоко возносящихъ и его самого, и его созданіе, въ ряду художниковъ и художественныхъ твореній, признаваемыхъ повсюду наисовершеннѣйшими и наивысочайшими.

„Нельзя не видѣть разныхъ недостатковъ картины Иванова — они бросаются въ глаза. Такъ, напр., крестъ въ рукахъ Іоанна Крестителя, присовѣтованный классикомъ Торвальдсеномъ, „мантія“ на немъ же, присовѣтованная пѣтистомъ-классикомъ Овербекомъ, — портятъ

общее впечатлѣніе. Затѣмъ, мудрою также похвалитъ общее расположеніе фигуръ, которое имѣетъ видъ какъ-будто бы скульптурный, почти барельефный; эту массу народа, искусственно притянуто и сгруппированную на уакомъ (въ планѣ) и продолговатомъ пространствѣ; дагѣе — искусственно, хотя и чудесно и взятно, расположенныя склады драпировокъ (вапр., на Христвѣ, апостолахъ Иоаннѣ и Андрѣ, и на ерехъ съ косами на головахъ, въ правомъ углу картины). Но развѣ эти самыя недостатки не присутствуютъ у наивысшихъ, нантаангли-вѣйшихъ итальянскихъ живописцевъ XVI вѣка, даже у Рафаэлей, Леонардовъ-да-Винчи и проч.

„Но Ивановъ намъ дорогъ не за идеальную и придуманную сторону своего таланта. Онъ намъ дорогъ, какъ глубокой и правдивый наблюдатель существующаго, какъ необыкновенно-талантливый выразитель въ природѣ, и людей, и типовъ, и характеровъ, и выраженія душевнаго, и движеній сердца. Здѣсь онъ ставится вдругъ такъ высоко, какъ немногіе изъ всѣхъ его предшественниковъ.

„Письма Иванова... а еще болѣе — безчисленные этюды съ натуры, всѣ въ дѣлности сохранившіеся, доказываютъ, какъ много изучалъ Ивановъ живую натуру для своей картины, какъ онъ, чтобы найти живую красоту нагого тѣла, усердно посѣщалъ купальни въ Римѣ и Перуджѣ, ѣздилъ къ берегамъ рѣкъ, къ морю („видѣть купающихся различнаго званія людей“); какъ онъ, проникнутый идеею національности, посѣщалъ синагоги и дѣлалъ дѣлныя путешествія, чтобы увидеть и схватить истинныя еврейскія типы...

...„Ивановъ много разъ порывался на Востокъ, въ Палестину, — и, случись это, конечно, онъ далъ бы въ своей картинѣ подлинный Иорданскій пейзажъ; но ему не удалось выполнить свою задуманную мысль, поэтому, естественно, онъ вынужденъ былъ остановиться на описаніяхъ, на рисункахъ путешественниковъ, на Субіано, который пришелся какъ нельзя болѣе по мысли, какую онъ себѣ составилъ о берегахъ Иордана. Другія мѣстности Италіи помогли ему дополнить и довести ее до возможной близости къ оригиналу, глубоко постигнутому.

„Истиннаго типа Христа, вѣрнаго исторически, Ивановъ съ изумительною вѣстойчивостью искалъ во всѣхъ старѣйшихъ изображеніяхъ, живописныхъ и мозаичныхъ, а когда, наконецъ, остановился на нѣкоторыхъ визан-

тійскихъ изображеніяхъ, и всего болѣе на одной мозаикѣ Палермскаго собора, то потомъ долго искалъ его же въ живой натурѣ, наконецъ нашелъ живой итальянской субъектъ (по странной игрѣ природы — женщиной), чьи черты лица до нѣкоторой степени напоминали, издавала, черты Палермской мозаики. Такъ было и съ другими главными личностями картины, апостолами: Иоанномъ-Богословомъ, Андреемъ и друг.

„Такимъ образомъ, во всемъ своемъ созданіи Ивановъ поступалъ какъ глубокой и истинный реалистъ. Онъ не хотѣлъ ничего выдумывать, ни въ чемъ фантазировать, какъ это обыкновенно дѣлается: онъ прежде всего и болѣе всего искалъ твердой, прочной опоры исторіи, жизни, дѣйствительности...

...„Дурное все остается въ пробныхъ этюдахъ, — пишетъ Ивановъ Гоголю въ 1844 г. — одно лучшее вносится въ настоящую картину“. Все остальное — выраженіе, глубокой внутренней смыслъ, глубокое содержаніе — были ему подсказаны великою и широкою его душою, и такимъ-то образомъ вышло, что уже и рядъ безчисленныхъ, многолѣтнихъ этюдовъ Иванова составлялъ бы великую, необычайную картинную галерею, полную первоклассныхъ красотъ. Но картина, совокупишася, какъ въ сжатомъ фокусѣ, все лучшее изъ лучшаго, собранное словно драгоценныя жемчужины многими годами, — представляетъ такое соединеніе необычайныхъ достоинствъ, которое не превзойдено никакимъ на свѣтѣ живописцемъ одного съ Ивановымъ рода и направленія.

„Смысло можно сказать, что во всей европейской живописи не существуетъ другого подобнаго Христа, какъ Христосъ Иванова, — какъ по своей величавости, простотѣ и глубокой душевности, такъ и по всѣмъ, собственно художественнымъ, совершенствамъ исторически-типичнаго и въ высшей степени оригинальнаго изображенія.

„Точно также, во всемъ европейскомъ искусствѣ нѣтъ другого Иоанна Крестителя, равнаго Иоанну Крестителю Иванова: дикая красота этого пророка пустыни, вдохновеніе, горячее въ его глазахъ и неподнимающее вихремъ косматую гриву на головахъ, могучій жестъ указующей руки, могучая поступь и поза — все это своеобразно, ново и поразительно красотой и выраженіемъ — болѣе, чѣмъ всѣ до сихъ поръ существовавшія на

свѣтъ изображенія Иоанна, грознаго проповѣдника покаянія.

„Стремительный, полный женственной красоты и юношескаго жара, Иоаннъ-Богословъ, исполненный кроткой благости старецъ Андрей, фарисей, косищся въ беснуйный злобѣ и мучущіе люте взгляды, увѣровашіе старикъ и молодые, зрѣлые мужи и мальчишки-красавцы, упорные въ старой вѣрѣ упрямыя, которыхъ, явно, ничто на свѣтъ не сдвинетъ съ ихъ неподвижной точки, богатые сибариты съ изнѣженнымъ тѣломъ и ихъ клейменне рабы, вдали пѣсколько любопытныхъ и робкихъ женщинъ въ восточныхъ чадрахъ, наконецъ, цѣлая толпа равнодушныхъ и безучастныхъ, радость и пробуждающаяся надежда на счастье и новую жизнь, равнодушіе, любопытство, злая душа—вотъ какіе богатые, безконечно разнообразныя элементы парисовалъ Ивановъ въ своей картинѣ. Какъ онъ здѣсь выросъ, въ сравненіи съ прежнимъ Ивановымъ, — тѣмъ, что принимался за эту картину въ 1836 г. и набрасывалъ что-то довольно, пожалуй, и пящущее въ общемъ, особенно въ колоритномъ ландшафтѣ и дѣлахъ, но Ивановымъ, который все еще оставался наполовину академическимъ Пуссеномъ съ условными позами и жестами, невозможно даже багательными мотивами фигуръ, положеній, лицъ и костюмовъ (см. первоначальный эскизъ картины, описанный Ивановымъ въ отрывкѣ изъ записной книги 1836 г.).

„Надо быть челоуѣкомъ совершенно подавленнымъ предрассудками, чтобы не схватить простымъ и свѣтлымъ глазомъ всей красоты, правды и значительности того, что наполняетъ картину Иванова. Казалось бы, такъ легко понять, что если ты любишь старыхъ итальянскихъ мастеровъ, Рафаэлей и Леонардовъ-да-Винчи, то ты не можешь, оставаясь послѣдователемъ, не любить всей душой, не цѣнить всѣмъ разумѣніемъ Иванова. Въ своей картинѣ онъ принадлежитъ къ одной съ ними категоріи: въ иномъ онъ съ ними равенъ, въ иномъ ниже, но въ иномъ и гораздо выше,—и это послѣднее сдѣлали три столѣтія, протекшія не даромъ со времени тѣхъ, авачительныхъ по своему времени, художниковъ, сдѣлали—выпѣшная мысль, знаніе, наука. Такъ глѣтъ же: люди, считающіе за особенную честь и вѣдобность доказывать у насъ, что они никакъ не ниже Европы и никимъ образомъ не отстаютъ отъ нея, полагаютъ, что это ихъ долгъ—указывать на достоинство Иванова, но

благоразумно осаживать тотчасъ же всякій излишній порывъ, точно опредѣливъ всю разницу, что существуетъ между нашимъ выпѣшнымъ живописцемъ и старыми итальянцами. Такихъ людей, говорившихъ и писавшихъ въ этомъ родѣ, у насъ было до сихъ поръ не мало..

...„Забудете на секунду предрассудки, очерпнутые изъ учебниковъ, изъ рабски боготворимыхъ авторитетовъ,—и живое чувство покажетъ вамъ тотчасъ, что такое эта чудная, вликопѣпная страница исторіи, перенесенная Ивановымъ на полотно съ такою геніальною могучестью. Ивановъ—Рафаэль и Леонардо-да-Винчи нашего времени. И недостатки, и совершенства у всѣхъ трехъ—общіе, или, по крайней мѣрѣ, одной и той же категоріи: извѣстная классицизмъ и условность, неполное откровеніе себя потоку жизни, стремленію живой природы, добровольное ограниченіе себя однимъ народомъ, однимъ направлениемъ, одною стороною духа. Что для нашего времени кажется недостаточнымъ, неудовлетворительнымъ въ твореніяхъ этихъ крупныхъ художниковъ—все это происходитъ отъ этихъ недостатковъ ихъ точки отравленія.

...„Что касается до Иванова, то онъ всю жизнь оставался при навѣянномъ на него пивѣ классицизмѣ, столь чуждомъ кореннымъ основамъ его духа. Нравственный и художественный маскарадъ его продолжался лишь до 1847—48 года. Тутъ произошелъ для Иванова громадный переломъ въ жизни и творчествѣ, и отъ сихъ поръ начинается для него новая эра..

„Ближайшими причинами, условившими новое занятіе, былъ матеріальный недостатокъ, ограниченность денежныхъ средствъ, болѣе сильныя и безнадѣжныя, чѣмъ во всѣхъ прежнія времена. Но въ рѣшимости Иванова стать на новый путь была еще другая причина, въ тысячу разъ болѣе глубокая и сильная. Это—великій нравственный и интеллектуальный переворотъ, конечно, равнѣ всего обусловленный глубочайшими потребностями его собственной природы, но развитый и возранный современнымъ движениемъ тогдашней Европы, и серьезными, многосторонними „новыми“ чтеніями Иванова, начавшимися вдругъ въ этотъ періодъ его жизни..

„Горизонтъ Иванова расширился и углубился. Онъ уже не довольствовался тѣмъ, чтобы представлять сцены изъ Библии съ возможнымъ реализмомъ, историчностью и національностью, и, въ то же время, со всею сердечностью и вдохновеніемъ, какія давалъ ему искренній та-

лантъ его... Нѣтъ, Ивановъ уже не хотѣлъ и не могъ довольствоваться однимъ только этимъ. Его мысль и талантъ устремлялись къ еще новымъ горизонтамъ, и, въ формѣ иллюстрированія жизни Христа, онъ задумывалъ предпріятіе громадное, объемлющее цѣлыя широкія пространства исторіи...

„Значитъ, 1848-й годъ вывелъ Иванова изъ заколдованнаго круга все одной и той же, одной единственной картины, къ которой до тѣхъ поръ были прикованы вся мысль, упованія, надежды и усилія Иванова. Теперь прогнаны были разомъ все плотныя, задерживавшія его въ теченіе 12-ти лѣтъ на одномъ мѣстѣ, и все, накопленное въ немъ за это время изученіемъ, уединеннымъ размышленіемъ, чувствомъ,—разомъ хлынуло громаднымъ, неудержимымъ потокомъ. Въ эти новыя 8 лѣтъ онъ создалъ болѣе, нежели во всю остальную жизнь свою. Нельзя было бы уже упрекать его въ медленности, мѣшкотности. Ивановъ съ головы до пятъ весь переродился. Это былъ новый человекъ, совсѣмъ не тотъ, какой за 18 лѣтъ передъ тѣмъ прѣбывалъ въ Италію, робкій ученикъ своего отца и Петербургской Академіи, ищущій приблизиться къ великимъ образцамъ стараго времени, и достигающій ихъ въ своей картинѣ. Это былъ новый человекъ, новый художникъ, переставшій быть полу-итальянцемъ, какъ всѣ, долго засидѣвшіеся въ Италіи, это былъ художникъ, приносящій свою собственную мысль и свое собственное искусство, отъ всѣхъ независимый и пробующій новыя формы для новой мысли. Въ 8 лѣтъ онъ создаетъ легко, свободно, безъ малѣйшаго признака усилія и ватуги, цѣлыя сотни сценъ и изображеній, мгновенно вырывающіяся изъ его пламеннѣющей фантазіи. Эти рисунки, принадлежащіе теперь Москвѣ (по завѣщанію его брата), составляютъ главное его право на безсмертіе. Не говоря уже о томъ, что они стоятъ неизмѣримо выше „Явленія Мессіи народу“, не взирая на все великія достоинства этой картины, нельзя не убѣдиться, рассматривая альбомъ Иванова, что подобной глубокой и всеобъемлющей иллюстраціи Вѣблин и Евангелія до сихъ поръ нигдѣ не бывало. Я живо помню то ошеломляющее дѣйствіе, какое произвели на меня альбомъ эти... Я долго не могъ придти въ себя отъ эти новизны и свѣжести творческой фантазіи, отъ этой оригинальности формъ и представлений...

„Я не имѣю возможности рассматривать здѣсь многія сотни композицій и рисунковъ,

наполняющихъ альбомы послѣднихъ лѣтъ жизни Иванова: для этого нужна о обая книга, и повѣрное она въ свое время будетъ написана. Но уже и теперь, мнѣ кажется, всякій, кто имѣлъ великое счастье рассматривать эту галлерею созданий великаго человека (безъ сомнѣнія, не лишенную и недостатковъ), долженъ уже и теперь сказать себѣ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что рѣдко можно встрѣтить въ исторіи искусство такой рядъ созданий, соединяющихъ величіе и глубину духа—съ красотой и граціей, такую силу въ изображеніи вдохновенія Ветховавѣтнихъ пророковъ—съ такою жизненностью и изяществомъ при воплощеніи сценъ изъ домашней жизни евреевъ... Это все, наполненное живыми чувствами и характерами, выраженіемъ разнообразнѣйшихъ состояній и движеній душевныхъ, образуетъ такую великую и глубоко правдивую эпопею, какой мы до сихъ поръ не встрѣчали нигдѣ и ни у кого въ живописи.

„Но Ивановъ не остановился даже и на этой второй ступени своего развитія. Въ 1857 и 1858 г. онъ замышлялъ еще что-то новое, двигался еще впередъ. Въ Германіи, Лондонѣ и Петербургѣ онъ рассказывалъ близкимъ по душѣ и уму людямъ, что уже не можетъ останавливаться долѣе на одной религіозной живописи. Конечно, онъ не думалъ совсѣмъ оставить въ сторонѣ эту послѣднюю...

...Нѣтъ, Ивановъ оставалъ за собою, несомнѣнно, и религіозную живопись, и напрасно онъ считалъ, что утратилъ всю прежнюю свою вѣру, и не видитъ болѣе выхода. Напрасно—то доказываютъ его собственныя слова: „Я мучусь о томъ, что не могу формулировать искусствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться я считаю преступнымъ,“—прибавлялъ онъ съ жаромъ. Кто касаться до стараго считаетъ преступнымъ, тотъ, ясно, съ этимъ старымъ не разорвалъ, а шцегъ только для него новую формулу. Ивановъ, весь вѣкъ занятый Библіей, не могъ же вдругъ съ нею совершенно расстаться—разрывъ со всѣмъ прежнимъ въ возрастѣ болѣе чѣмъ 50-лѣтнемъ не проходилъ безнаказанно, они могутъ быть только смертельны. Но Ивановъ не падалъ и не умиралъ, онъ своей вѣры не терзалъ: онъ сохранялъ за собою все старое, но шелъ впередъ и забиралъ по дорогѣ громадныя новыя задачи. Онъ только памѣренъ былъ не приносить долѣе въ жертву религіи всѣ остальные сюжеты и задачи, подобно тому, какъ онъ дѣлалъ это до тѣхъ поръ.

... „Конечно, мудро и дерзко отгадывать душу художника, когда он и сам не мог дать себе яснога отчета въ ея горячемъ стремленіи; но все-таки, мнѣ кажется, нѣкоторые мѣста изъ писемъ Иванова даютъ намъ возможность до нѣкоторой степени понять, куда направился бы его талантъ, оставшись Ивановъ живъ, и примисъ онъ, наконецъ, за тѣ „новыя“ картины, о которыхъ онъ рассказывалъ въ 1858 г.

... „Долго ему мѣшала въ этомъ исключительно религіозная живопись, вложенная въ него патриархальнымъ семействомъ, старымъ Петербургомъ Александровскаго времени и Академіей. Но пришла такая минута, что приклеенная чужими руками шелуха лопнула и отвалилась, и Ивановъ потянулся жаднымъ взоромъ и рукой къ тому, что составляло, въ продолженіе всей жизни его, весь интересъ, всю жажду и стремленіе его ума, — великія событія всемірной и отечественной истории. И на этомъ новомъ пути онъ предсказывалъ успѣхъ, если не самому себѣ, то другимъ, будущимъ русскимъ художникамъ, „готовящимся на большой путь искусства живописнаго“. Вотъ каковы были замыслы Иванова, вотъ каково было чудное, свѣжее, энергическое настроеніе этого 52-лѣтняго человѣка, стараго годами, но молодого духомъ, какъ никто изъ всѣхъ его товарищей!

„Ивановъ не зналъ и не понималъ того реалистическаго движенія, которое въ его время уже начинало существовать въ художествѣ Европы, всего болѣе во Франціи... Ивановъ понималъ одно искусство — „монументальное“, и въ его не въ состояніи было понимать что-либо еще другое. Потому-то искусство, берущее себя зацачи изъ ежедневной, будничной жизни, казалосъ ему мелкимъ, ничтожнымъ или „штучнымъ“. Но безумно было бы требовать отъ природы, хотя бы и великой, — того, чего въ нее не было вложено и что ей было чуждо.

... „Пора, кажется, хотя теперь начать узнавать и любить Иванова, сначала непонятаго, а потомъ — забытаго.

Спустя годъ послѣ того, В. Стасовъ писалъ въ своей статьѣ „Художественная выставка за 25 лѣтъ“ — въ „Порядкѣ“ 1881 г. (№ 119), указывая на отрицательныя стороны прежнихъ русскихъ художниковъ: „Понятно, какъ противъ такого художественнаго безобразія и безсмисля возставалъ, со всею страстью и силою ума, такой истинный художникъ и великій умъ, какъ Александръ Ивановъ. Его едва-едва признала Академія — „академикомъ“, но, тѣмъ не менѣе, онъ создалъ такіе небывалые

у насъ, по красотѣ, глубокому душевному и духовному выраженію, типу, какъ его „Иоаннъ Креститель“, „Христосъ“, всѣ „Апостолы“; онъ впервые началъ у насъ понимать, чѣмъ должно быть серьезное, великое, исторически-бытовое и національное искусство, помимо формальныхъ академіи (презираемыхъ имъ), банальныхъ влассовъ (считаемыхъ имъ вредными), помимо той „художественной“ жизни, которую вели на его глазахъ наши художники и въ Италіи, и въ своемъ отечествѣ. Когда сравнишь Иванова съ тѣмъ, что вокругъ него дѣлалось, — и во время Брюллова, и послѣ Брюллова, право скажешь себѣ: это нашъ великій реформаторъ, это апостолъ настоящаго искусства, это проповѣдникъ новой художественной мысли и жизни, это человѣкъ, сбросившій старую шкуру и стремившійся къ новымъ горнознтамъ. Только 20 лѣтъ, прожитыхъ на Васильевскомъ Островѣ, и 20 лѣтъ въ Италіи (что соприкасается), да позднее знакомство съ европейскимъ движеніемъ не дали ему подняться на ту высоту, для которой онъ былъ рожденъ“...

Еще черезъ годъ, тотъ же критикъ говорилъ въ I гл. своей статьи „25 лѣтъ русскаго искусства“ въ „Вѣст. Европы“ 1882 (№ 11, с. 230—9):

... „Рядомъ съ Мюллеромъ перешелъ въ эпоху русскаго художества и тотъ нашъ живописецъ, который составляетъ крайнюю противоположность всей нашей школѣ профессорсов. Это — Ивановъ, являющийся точно какой-то островъ среди остальнаго моря, не связанный никакими перешейками съ прочимъ нашимъ материкомъ. Послѣ 20-ти лѣтъ жизни въ Италіи, ни разу не покинутой, онъ въ 1858 г. пріѣхалъ въ Петербургъ съ своей картиной, минутою побился противъ обстоятельствъ и людей, которымъ все не годился, и — умеръ, съ глубокой ранюю въ душѣ.

„А Ивановъ былъ — натура капиталная, совершенно выходящая изъ ряду вонъ, среди всего нашего художественнаго міра, и прежняго, и нынѣшняго. Онъ ни на кого не похожъ между всеми нашими художниками, и жизнь его представляетъ такое трагическое явленіе, какого болѣе не бывало ни въ чьей жизни изъ числа всѣхъ этихъ художниковъ. Кому еще привелосъ, какъ ему, страшно работать много десятковъ лѣтъ надъ собою и надъ своимъ искусствомъ — для того только, чтобы въ послѣдніе годы, съ сѣдиной въ головѣ, сказать себѣ: „Чѣтъ, все это не то! Все это была ошибка и заблужденіе, надо было

начинать съизнова, совѣсъ съ другого конца. Да, но гдѣ взять время, гдѣ взять силы?"

„Ивановъ былъ истинный художникъ, но, къ несчастію,—недостаточно художникъ. Элементъ ума, размышленія, искавшаго истины, бралъ въ немъ почти постоянно верхъ надъ вѣсьмъ, а слабость и робость характера замедляли всякій рѣшительный шагъ; отъ этого-то онъ и въ состояніи былъ промучиться 20-ть лѣтъ надъ одной и той же картиной, а между тѣмъ эта картина вовсе не была такой всеобъемлющей и колоссальной по содержанию картиной, которая оправдывала бы подобное приписаніе себя въ жертву; отъ этого-то онъ такъ страдалъ и метался, такъ сомѣвался въ себѣ самомъ; отъ этого-то онъ никогда не могъ найти себѣ ни покоя, ни удовлетворенія. Будъ въ немъ сторона непосредственной талантливости сильнѣе и шире, онъ, навѣрное бы, такъ не разбѣдалъ и не преслѣдовалъ самъ себя, какъ это съ нимъ постоянно было; онъ, конечно, давно бы уже довѣлъ свою картину до конца и создалъ бы потомъ многія другія, и въ то же время не унижался бы всю жизнь выпрашиваніями себѣ подачекъ и пособій на тѣ, чтобы еще пожить въ Италіи и продолжать все одну и ту же вѣчную свою картину. А то, вертѣться десятками лѣтъ все въ одномъ и томъ же кругу, тягостно гроизодитъ одну мелкую подробность на другую мелкую подробность, ожидать отъ нихъ всего спасенія, безизменно тысячу разъ то прискивать, то отбрасывать детали очень второстепенныя,—что это, какъ не явное доказательство слабости и далеко неполнаго владѣнія своимъ матеріаломъ... На картинѣ Иванова ярко отраилась исторія ея происхожденія на свѣтъ и, какъ она создавалась безъ огня, такъ и вышла безъ него, совершенно холодною, въ общемъ своемъ впечатлѣніи. Она общемо сложностью, общимъ составомъ своимъ, несособна нѣкого вдохновить и востанить; ничей духъ она не потрясетъ, ничье воображеніе не захватитъ, и только будетъ дѣйствовать отдѣльными великими своими красотоми и совершенствами. Впечатлѣніе отъ этой картины спокойно и мозаично, какъ было само созданіе ея. У Иванова всего меньше было громадной фантазіи, объемляющей и создающей цѣлыя сцены, многосоставныя событія,—оттого картина его не будитъ фантазіи ея зрителей. ...Въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ, она растеряла многіе важныя элементы, сначала въ ней присутствовали. Было время, когда въ картинѣ Иванова было столько

ко же мужскихъ, сколько женскихъ дѣйствующихъ лицъ, да на придатокъ еще не мало дѣтей. Могло ли оно и быть иначе, когда въ этой картинѣ долженъ быть представленъ „народъ“, —и чѣмъ разнообразнѣе будетъ его масса, тѣмъ лучше. Но Ивановъ, въ извѣстный періодъ своей жизни, не хотѣлъ больше этого знать, и замѣнилъ массу народную, Богъ знаетъ по какимъ пуританскимъ или ханжескимъ соображеніямъ, очень искусственно подобранными группами. Но что это за „народъ“ у него жалкій вышелъ, безъ женщинъ и безъ дѣтей,—одни мужчины, и то большею частью все зрѣлыхъ лѣтъ, или пожилые, неизвѣстно какого сословія — высшего, низшаго или средняго. Потомъ, прежнюю широкую и великую мѣстность, раскинувшуюся среди горъ и деревьевъ на берегу рѣки, онъ замѣнилъ узенькой полоской земли, гдѣ разстановилъ свои дѣйствующія лица, искусственно и условно, по вѣсьмъ правиламъ скульптурнаго барельефа. Прибавьте къ этому полную неспособность Иванова къ краскамъ, его рыжий, пестрый, несносный, кричащій, неестественный колоритъ,—понятно, что, при такомъ соединеніи столькихъ невыгодныхъ условий, картина его не могла производить сильнаго впечатлѣнія, и многихъ, вмѣсто того, отталкивала. Все это было слѣдствіемъ недостаточности таланта и тѣхъ вредныхъ вліяній, которымъ подвергался въ Италіи Ивановъ, постоянно замученный въ кружкѣ людей ограниченныхъ и мало развитыхъ, хотя и талантливыхъ — въ лицѣ нѣкихъ отдѣльных художниковъ.

„Но, рядомъ съ крупными недочетами и несовершенствами, въ натурѣ Иванова было много такихъ качествъ, которыя дѣлали его художникомъ высокимъ, необыкновеннымъ. У него былъ талантъ, доходившій до гениальности, когда дѣло шло о созданіи отдѣльных личностей, типовъ, характеровъ,—тѣхъ именно, къ достиженію и глубокому обожанію которыхъ способна была его натура. Тутъ уже у него была глубокая и мыслящая голова, тутъ уже у него былъ глубокой пылливый духъ, не удовольствовавшійся тѣмъ, чѣмъ удовлетворяется большинство художниковъ, когда они творятъ свои созданія. Онъ хотѣлъ до послѣднихъ корней разумѣть тѣ, что бралъ себѣ задачей, онъ смотрѣлъ на исторію людей и событія не съ одной только вишней стороны, какъ всѣ его предшественники и товарищи,—все это не было для него однимъ безразличнымъ матеріаломъ, пазъ котораго можно

брать, что ни пошло, любые куски, любые субъекты и сцены, что закажутъ другіе, или что самому по нечаянности взойдетъ въ голову. Для него каждая его задача, каждый его типъ и личность были дѣломъ важнымъ и серьезнымъ, дѣломъ жизни; на созданіе ихъ онъ вложилъ все свои силы и способности. Онъ изучалъ глубоко и полно, что предстояло изображать его кисти. Онъ погружался въ задачу свою всѣмъ существомъ своимъ, онъ искалъ правды и исторической вѣрности во всемъ, — и въ подробностяхъ сцены, и въ костюмѣ, и въ лицахъ, и въ самомъ глубокомъ неѣзиковомъ являющемся доступнымъ и дорогимъ ему личности. Такое исканіе вѣрныхъ формъ, такое стремленіе къ исторической и психологической правдѣ началось у Иванова съ молодыхъ лѣтъ, когда онъ былъ еще юношей, еще въ Петербургѣ, еще въ Академіи Художествъ. Въ такое время, когда другіе молодые художники, его сверстники, только и думали, что о медальяхъ и какъ бы поскорѣ попасть на волю и въ Италію, какъ бы поскорѣ „пожить“, — Ивановъ думалъ: какъ бы себя образовать получше и пребывать поскорѣ отъ той жизни глубокаго неѣзиковства, которая на нихъ всѣхъ лежала, но только для другихъ была нечувствительна и безразлична, а ему казалась невыносимымъ грузомъ. Въ Италіи ему тоже не приходило въ голову „пожить хорошенько“. Его наполняло совсѣмъ другое: онъ только о томъ и думалъ, что такое его будущая картина, и какая глубочайшая правда мысли и выраженія должна въ ней заключаться. Пусть онъ глубоко ошибся на счетъ всеобщности и безконечной грандиозности задуманнаго имъ сюжета. Изъ его картины не вышло изображенія величайшаго въ мірѣ событія, какъ онъ думалъ въ своемъ кроткомъ, нѣсколько ограниченномъ религиозномъ воодушевленіи. Картина его только выразила „рекомендацію“, Ивановъ Крестителемъ, появляющагося вдали и никому еще неизвестнаго въ народѣ Христа. Что же въ такомъ моментѣ великаго и мирового? Въ картинѣ мы свидѣтели только глубокой, сердечной „довѣрчивости“ еврейскаго народа, и больше ничего. Тутъ не представлено обращеніе народа къ Христу вслѣдствіе его проповѣди и вслѣдствіе совершенныхъ передъ глазами великихъ дѣяній, сверхъестественныхъ чудесъ: вѣтъ, народъ только увлеченъ проповѣдью Иоанна Крестителя, одинъ уже крестится, другіе готовы сію же минуту креститься, но что же касается до Христа, то никто изъ всѣхъ присутствующихъ его еще не знаетъ и

не вѣдаетъ, и только потому обращается въ его сторону, къ нему на-встрѣчу, что на него указалъ Іоаннъ. Смѣю сказать, такой моментъ выбрать вовсе не къ авантажу главнаго лица, и первымъ въ картинѣ все-таки не Христосъ, но Іоаннъ; а если такъ, то содержаніе картины вовсе не „Первое повлеченіе Христа народу“, — Христосъ самъ ровно ничѣмъ еще не проявляется здѣсь своей личности, своего значенія, своего вліянія, онъ виденъ лишь вдали, онъ только *идетъ*, и ничего болѣе. Содержаніе картины: проповѣдь Іоанна Крестителя и впечатлѣніе, произведенное ею на толпу еврейскаго народа. А въ этомъ далеко еще нѣтъ того великаго, мирового содержанія, какое приписывалъ своей картинѣ Ивановъ. Пускай такъ. Но все-таки онъ наполнилъ картину эту такими элементами, которые дѣлаютъ ее созданиемъ истинно великимъ, необыкновеннымъ.

„Ивановъ достигъ тутъ своихъ давнишнихъ учителей и идеаловъ, Рафаэля и Леонардо да Винчи. Надо прямо сказать: онъ сущій Рафаэль и Леонардо да-Винчи нашего времени. Только къ тому, что есть важнаго и значительнаго у тѣхъ двухъ мастеровъ, онъ прибавилъ все то глубокое, вѣрное и правдивое по вѣншей формѣ и по внутренней психологіи, что нашъ вѣкъ способенъ быть прибавить къ созданіямъ этого рода. Въ сравненіи съ Ивановымъ, очень мало значутъ всѣ нѣмцы Корнелиусы, Овербеки и Каульбахи, Шпорры и Фюрихи, всѣ французы Фландренны, Орсели и иные, стремившіеся дать религиозную живопись нашему времени и примѣвать къ „великимъ мастерамъ прошлыхъ эпохъ“. Они выжили всѣ подражателями и мадернистами, несовершенными по художественнымъ своимъ средствамъ и еще болѣе несовершенными по коренному духу своему... Всѣ они остались далеко позади своихъ задачъ и не создали ничего самостоятельнаго, новаго и великаго. Одному Иванову это удалось. Онъ былъ истинно благочестивъ и наивенъ, какъ Рафаэль и Леонардо да-Винчи: онъ, какъ они, искренно вѣровалъ въ правду и глубину того, что писалъ, но онъ всею душою погруженъ былъ въ создаваемую его кистями сцену, даже, можетъ быть, еще больше и еще искреннѣе ихъ, и оставался религиознымъ и благочестивымъ даже въ послѣдніе годы своей жизни, когда вдругъ воображалъ про себя, что пересталъ „вѣрить“ и „быть религиознымъ“. Онъ говорилъ и думалъ одно, — а по всѣмъ дѣламъ, предпріятіямъ, планамъ и намѣреніямъ, выходило

совсѣмъ другое. Даже въ послѣдніе дни жизни онъ только объ одномъ мечталъ: поѣхать въ Палестину и писать жизнь Христа. Но, кромѣ того, его незя было бы ни за какія деньги „нанять“ для писанія какой угодно религиозной картины, какъ это всегда возможно было сдѣлать, въ любой день и часъ, съ его товарищемъ и сверстникомъ, столько же блестящимъ, сколько и равнодушнымъ риторомъ, Брюловымъ. Нѣтъ, сюжетъ картины долженъ былъ быть выбранъ, взятъ и сочиненъ имъ самимъ, и никому Ивановъ никогда не позволилъ бы вѣшаться въ это глубоко, истинно-душевное его дѣло.

„Но, кромѣ серьезности сюжета и задачи, у Иванова были еще своеобразныя и самобытныя формы. Въ красотѣ, во вѣщности мастерствѣ изображенія, въ рисункѣ тѣла и одежды, онъ навѣрное не уступалъ (относительно фигуръ мужскихъ — однихъ только и изученныхъ, и созданныхъ Ивановымъ) ни въ чемъ произведеніямъ старыхъ мастеровъ, но еще сюда прибавилъ то, что давало новое время: реальную вѣрность и національность типовъ. Этихъ элементовъ еще не знали прежніе періоды искусства. Этого никому еще не приходило въ голову не только у насъ, нашимъ Брюловымъ, Буруи и инымъ равнодушнымъ академическимъ копистамъ того, что прежде въ искусствѣ дѣлалось, но даже живописцамъ европейскимъ, несравненно болѣе мыслящимъ и образованнымъ.

...Цѣлые годы и пропасти отдѣляли Иванова отъ этихъ поверхностныхъ, легкомысленныхъ и прайдныхъ игрушекъ. У него все было серьезно и глубоко. Ему не блеснулъ новизной и остроуміемъ надо было, — ему надо было добратся, путемъ созданія, путемъ изученія, выбора и вдумыванія, до тѣхъ фигуръ, лицъ и типовъ, которые бы воссоздавали сцену на Иорданѣ, совершившуюся 1800 лѣтъ раньше. И онъ достигъ, чего хотѣлъ. Онъ создалъ, если не все, то многое въ своей картинѣ, такъ, какъ до него никто еще не создавалъ въ цѣлой Европѣ. Такого Іоанна Крестителя, истиннаго еврея съ головы до ногъ, но облытаго тѣмъ огнемъ вдохновенія, какого никогда еще не написала ничья кисть; такого Христа, тоже чистаго еврея по вѣщному виду, но великую, необычайную личность, полную глубины, благодати, мысли и чуднаго спокойствія, тоже никогда не создавала кисть ни одного другого европейскаго живописца; многіе изъ апостоловъ и изъ присутствующей массы народа — все это оригинальные еврейскіе типы,

передающіе не одну вѣщность, но и душу, характеръ взятаго лица, и останутся навсегда великими, глубокими созданіями въ ряду всего, что только европейское искусство произвело до сихъ поръ самаго важнаго и вѣчнаго.

„Придетъ, навѣрное, однажды то время, когда и Европа узнаетъ Иванова по настоящему, оценитъ его лучше, чѣмъ было до сихъ поръ — по легкомыслию или незнанію, и поставитъ его на вѣки, на великую, истинно-классическую технику, красоту, благородство, величавость, — рядомъ съ Рафаэлемъ и Леонардо да-Винчи, а за его гевіальныя, его историческіе и психологическіе типы, характеры, душевное выраженіе, — можетъ быть, еще выше да-Винчи. Кто любитъ и высоко цѣнитъ этихъ двухъ, не можетъ не любить всей душой и не цѣнить Иванова, — это ихъ современное воплощеніе. Ивановъ — это второе, такъ сказать, пересмотрѣнное и дополненное изданіе старыхъ двухъ итальянцевъ.

„Что было бы съ Ивановымъ дальше, еслибъ онъ еще нѣсколько лѣтъ прожилъ, — мудро, конечно, отгадать. Но, кажется, несомнѣнно то, что онъ никогда не осуществитъ бы того, про что въ послѣдніе свои годы столько говорилъ и писалъ. Ивановъ былъ натура странная, сложная. Одно онъ думалъ и желалъ, а другое — производилъ. Это въ особенности чувствовалось въ послѣдніе его годы. Мысли, высказанныя имъ въ письмахъ къ разнымъ знакомымъ, насчетъ необходимости кореннаго переворота въ искусствѣ, — велики и высоки по правдѣ, но свѣтлости; но что же мѣшало ему осуществить ихъ? Онъ прожилъ цѣлыхъ 10 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ эти мысли появились у него въ головѣ, и, однакожъ, онъ ничего даже и не попробовалъ въ новомъ духѣ и смыслѣ, даромъ что 10 лѣтъ — это очень много для человѣка, наполненнаго новою мыслью. Если смотрѣть на словъ разговоры и выраженія писемъ, — надо было бы позазать, что Ивановъ оторекался отъ прежняго направленія своего, оторекался отъ своей картины. Но, на дѣлѣ, Ивановъ все-таки выставлялъ эту картину въ концѣ, — въ 1857 г. въ Римѣ, въ 1858 г. въ Петербургѣ, — какъ нѣчто самое важное и значительное, и, въ тоже время, въ промежуткѣ между 1848 и 1858 гг., набрасывалъ сотни чудесныхъ эскизовъ; но всѣ они, какъ ни чудесны по формамъ и подробностямъ, принадлежать все къ одному и тому же разряду — иллюстрированію жизни Христа; что же касается до будущаго направ-

ленія и задачъ своихъ, то въ самые даже послѣдніе дни жизни своей онъ разсказывать близкимъ и знакомымъ о томъ, какъ желаетъ сдѣлаться главой и руководителемъ новой школы искусства, но все-таки на основаніяхъ, положенныхъ „великими старыми мастерами Италіи“. Мыслимо ли это? Возможны ли новыя сюжеты, новыя задачи, выраженные въ формахъ и складѣ стараго, классическаго искусства? Ивановъ, явно, вовсе не сознавалъ этой невозможности, и, во всякомъ случаѣ, признавалъ единымъ настоящимъ искусствомъ—искусство на темы религиозныя и историческія, а все прочее считалъ не только чѣмъ-то не важнымъ, но настоящимъ, вовсе не выпадающимъ истиннаго привапія искусства, но униженіемъ, развратомъ и гибелью искусства. Въ чемъ же, спрашивается, состоялъ бы тотъ переворотъ въ искусствѣ, который проповѣдывалъ Ивановъ? Онъ, явно, сводился къ нулю. Онъ могъ бы, конечно, касаться частностей, отдѣльныхъ подробностей, способа представленія тѣхъ или другихъ задачъ и личностей, — самыя же эти задачи и личности все таки оставались бы на первомъ и единственномъ мѣстѣ, и искусство, непрежнему, закрывало бы глаза на все остальное. Не велика же была бы кореннойъ переломъ, проповѣдуемый Ивановымъ!

Иванова можно порицать не за то, что онъ сдѣлалъ, и не за то, что въ немъ было, а единственно за то, чего онъ не сдѣлалъ и чего въ немъ не было. Что онъ сдѣлалъ и создалъ на своемъ вѣку, то прекрасно и высоко, но, какъ ни свѣтелъ и силенъ былъ его умъ, какъ ни глубоко и ни искренно его исکانіе правды, онъ все-таки не раздвинулъ рамокъ предразсудковъ и предрасудковъ, въ которыхъ былъ замкнутъ съ малолѣтства, и не шагнулъ дальше. На то уже не хватало его натуры. Натура его прінадлежала старому міру, старому настроенію и образу мыслей, и никакія реставраціи, подчистки и поправки въ этомъ настроеніи и образѣ мыслей не могли ничего подѣлать. Нужна была другая, отъ самыхъ корней, натура.

„Пожалуй, иной подумаетъ: при его ненависти ко всему невольному, рутинному, нечестному и легкомысленному въ искусствѣ, при его глубокомъ взглядѣ на жизнь и задачу художника,—онъ, вѣроятно, пошелъ бы далеко и высоко, еслибъ все дѣтство и юность не провѣлъ въ томъ узкомъ и ограниченномъ семействѣ, къ которому принадлежалъ по рожденію.

еслибъ не просидѣлъ много лѣтъ на тогдашней академической скамѣ; и въ тогдашнемъ академическомъ класѣ, еслибъ не провелъ потомъ много лѣтъ среди ханжей и моралистовъ, среди захлгало тогдашняго пастсака и „классическаго“ ума, и совершенно отрыванный отъ Европы. Когда на него пахнуло, наконецъ, европейскимъ современнымъ духомъ,—было уже поздно, и онъ могъ только платонически чего-то желать, путаться въ сталкивающихся требованіяхъ стараго и новаго, и не понимать, что и какъ именно можетъ вновь осуществиться.

„Нѣтъ, это не такъ. Ни другое воспитаніе, ни другая среда, ни отсутствіе ханжей и людей ограниченныхъ вокругъ него, въ теченіе лучшихъ и важнѣйшихъ годовъ его жизни, ни отсутствіе Рима,—не могли бы сдѣлать изъ него другого человѣка. Чтобы создать иное,—ему надо было родиться совершенно инымъ человѣкомъ. По этому-то и вышло, что Ивановъ — одно изъ величайшихъ явленій русскаго художественнаго міра, онъ достоинъ всѣхъ восторговъ и уваженій, но уже—какъ отжившая историческая величина. Для нашего будущаго развитія онъ не имѣетъ никакого значенія, развѣ только какъ примѣръ и вставленіе—для тѣхъ, кому придется и впоследствии трагтовать сюжеты, подобные его сюжетамъ, ничуть, впрочемъ, не придавая этимъ сюжетамъ того всеобъемлющаго, исключительнаго значенія, какое придавалъ имъ Ивановъ. Со времени Иванова нельзя уже давать, при воспроизведеніи такихъ задачъ, — менѣе того, что давалъ въ нихъ Ивановъ. Онъ вѣха, отъ которой невозволители вѣ поворотъ назадъ, но всѣмъ нашимъ Брюловымъ, Бруни, Сорокинмъ, Марковымъ, невозможны даже повороты къ Корнеліусамъ, Каульбахамъ и Овербекамъ, Фландренамъ и инымъ,—онъ ихъ всѣхъ убилъ на вѣки своею глубокою, правдою, сердечностью и вдохновеніемъ, въ извѣстномъ смыслѣ историчностью и реальностью, но его искусство и созданіе все-таки не есть искусство и созданіе нашего времени. Оно принадлежитъ иному направленію и понятіямъ, инымъ вѣусамъ и симпатіямъ.

„Цѣныхъ четверть столтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ картина Иванова въ Россіи, но она не породила ни школы, ни продолжателей, вообще осталась безъ послѣдствій. Она была уже несвоевременна. Она являлась словно бабушка среди внуковъ и внучекъ: они могутъ ее уважать и любить, но дѣло ихъ жизни уже не связано съ ея прошлымъ, давно отжитымъ дѣ-

домъ жизни, и она уже не поведетъ ихъ ни къ какимъ новымъ, драгоценнымъ для нихъ горизонтамъ. Картины Иванова надо было переселиться изъ Рима въ Петербургъ десятью годами раньше, — не въ 1858, а въ 1846 или 1847 г., когда Ивановъ остановился съ писаніемъ ея и дальше потомъ не двигался, оборотивъ спину къ своему прошлому и устремивъ очи къ раскрывавшемуся передъ нимъ зрѣніщу новой Европы. Его поправки и дополненія 1856 и 1857 г. не имѣютъ никакого особеннаго значенія. Поэтому-то выходитъ, что его картина понапрасну простояла лишнхъ 10 лѣтъ въ Римѣ. Тамъ ни одна душа, ни единый художникъ и ни одинъ человѣкъ изъ публики не пользовался и не наслаждался ею за все это время. Въ Россіи было бы тогда, напротивъ, совсѣмъ иначе, и, навѣрно, она произвела-бы на свѣтъ школу и подражателей. Въ 1858 г. было уже поздно. Ивановъ былъ величайшимъ, заключительнымъ словомъ прежняго, стараго искусства. Но въ это время нарождалось уже искусство новое“.

Нѣсколько позже *В. В. Стасовъ* писалъ въ III главѣ своей статьи „Тормазы русскаго искусства“ въ томъ же „Вѣстникѣ Европы“ 1885 (№ 2, с. 234—5):

„Стоило явиться художнику настоящему, глубокому, — Иванову, стремившемуся къ выраженію истинны и правды, — и почти всѣ отъ него отвергивались, кто съ негодованіемъ, кто съ антипатіей. Если оставить въ сторонѣ москвичей, повторявшихъ только восторженныя рѣчи Гоголя, продиктованныя, впрочемъ, не постиженіемъ искусства, а фанатизмомъ ханжества, да если оставить еще въ сторонѣ небольшую группу людей, въ самомъ дѣлѣ любившихъ и понимавшихъ искусство, — остальные всѣ сдѣлались на Иванова и бранили его картину. А нападали они на нее вовсе не за тѣ недостатки и недочеты, которые дѣйствительно отсутствовали въ картинѣ по неполнотѣ таланта Иванова, — о вѣтъ! а только — за подробности внѣшняго исполненія.. Но во всемъ этомъ только одно было забыто — главное: глубокое, искреннее и вѣрное чувство, разлитое въ картинѣ; было одно только пропущено: созданіе такихъ типовъ и фигуръ Христа и Иоанна Крестителя, съ которыми не можетъ сравниться никакое другое олицетвореніе этихъ личностей во всемъ европейскомъ искусствѣ съ самаго его существованія и по сей день; выраженіе такого вдохновенія и мощи въ лицѣ Иоанна, выраженіе та-

кихъ глубокихъ чертъ души и вмѣстѣ правдивѣйшей натуральности у молодого Иоанна Богослова и у многихъ изъ числа другихъ апостоловъ и присутствующихъ зрителей, съ которыми не можетъ идти въ параллель никакое другое выраженіе подобныхъ же личностей во всѣхъ картинахъ, написанныхъ равнѣ Иванову. Иванову пожалѣли какъ неудачника и — позабыли на много лѣтъ. Но никому не приходило въ голову, что если есть у кого учиться новому художественному поколѣнію на счетъ серьезности и правдивости выраженія, такъ это у Иванова, а не у поверхностнаго и моднаго Брюллова“.

Наконецъ, *В. В. Стасовъ* писалъ въ своей большой статьѣ „Русскія иллюстраціи въ Библіи и Евангелію“ въ „Сѣв. Вѣстникѣ“ 1888 (кн. 8, отд. II, с. 6—11, 14—17, 20—26):

„И дѣйствительно, если сравнивать ту картину („Явленіе Христа народу“) съ этими эскизами и набросками, легко увидѣть, что картина и эскизы — двѣ разныя величины, два разныя настроенія, почти два разныя міра.. Тамъ — онъ (Ивановъ) только мечтаетъ о томъ, чтобъ приблизиться къ великимъ прежнимъ живописцамъ и показать, что русскій въ состояніи сдѣлать; здѣсь — почувствовавшій свою натуру и силы художникъ наполненъ только тою мыслью, какъ бы выразить свои собственные мысли и взгляды. Ему надо теперь открыть „новый путь“. И хотя задачи его вѣчны все-таки только изъ одной Свят. Исторіи, но теперь онъ начинаетъ осуществлять старинную свою мысль, долго заторможенную, долго задвленную, — это мысль, что „если я и сверстники не будемъ счастливы, то слѣдующее за нами поколѣніе пробьетъ себѣ непремѣнно столбовую дорогу къ славѣ русской, и потомки увидятъ блестящія эпохи изъ всемирной и отечественной исторіи“. ...Не только въ 1837 г., но и долго послѣ, эта мысль его оставалась неосуществленною: онъ весь ушелъ въ свою картину, весь сосредоточился на единой дѣлѣ и намѣреніи... Но внутренняя работа шла да шла впередъ, вопреки намѣреніямъ самого художника, онъ росъ и вѣрнѣе на пользу не одной только своей картинѣ, но и другимъ, еще болѣе крупнымъ будущимъ созданіямъ, а когда внѣшнія обстоятельства заставили его оставить картину, онъ взялся за другое дѣло, но какъ совершенно уже новый человѣкъ, съ новыми, тайно для него самого выросшими, силами.

„Онъ теперь принялся изображать не одинъ единственный моментъ изъ исторіи, но безчис-

ленное множество всемирно-исторических моментов и событий. Ему теперь мало уже было останавливаться на одном изображеніи того, какъ нѣсколько вѣрующихъ переходятъ изъ учениковъ Иоанна Крестителя въ ученики Христа... Какъ ни многозначителенъ этотъ моментъ, но все-таки это еще одинъ только моментъ; гамма чувствъ, могущихъ войти въ составъ такой картины, еще очень немногосложна. Вмѣсто того, Ивановъ избираетъ теперь себѣ горизонты самые обширныя: исторію дѣлаго народа за много сотенъ лѣтъ его существованія. ...Уже самыя задачи не позволили художнику, ввязавшемуся за подобный трудъ, оставаться въ предѣлахъ одного только религиозно-нравственнаго настроенія, какъ бы оно, впрочемъ, высоко и значительно ни было; художнику необходимо было выходить на болѣе широкіе пути, самъ предметъ тянулъ его въ даль. Но, даже помня сюжета, самъ Ивановъ былъ уже другой — овъ болѣе не удовлетворялся тѣмъ, чѣмъ прежде могъ удовлетворяться, овъ глядѣлъ зорче и дальше.

Если сравнивать его картину „Явленіе Христа народу“ съ его эскизами на Библейскіе и Евангельскіе сюжеты даже съ одной только художественной стороны, то почувствуешь великую равнину между ними и ею. ...У него теперь былъ свой собственный стиль. Въ эскизахъ не существуютъ болѣе почти всѣ тѣ недостатки, которые были достойными всякаго сожалѣнія пятнами его картины... Изображенны въ его новыхъ композиціяхъ лица являлись въ самыхъ свободныхъ, простыхъ, ничѣмъ не стѣсняемыхъ поворотахъ и положеніяхъ... Въ новыхъ композиціяхъ точно также является на лицо все разнообразіе многочисленныхъ сословій народныхъ.

...„Могучею своею мыслью и собственнымъ починкомъ критическаго духа Ивановъ освободился отъ многого, навѣяннаго школою и музеями, — отъ многого, что привычки принимать и продолжать, не разсуждая и не выникая, — и въ этомъ собственно починѣ великая его заслуга... Къ числу такихъ предметовъ относились внѣшній обликъ типа, тѣла и пейзажа... Ни Иоаннъ Креститель, ни всѣ другія личности, являющіяся вокругъ него въ картинѣ, не представляли всю этнографическую правду Палестины, еврейскихъ людей и еврейскаго пейзажа. ...И тѣла, и мѣстность остались слишкомъ европейскими и итальянскими. Другое совсѣмъ дѣло было, когда Ивановъ, лишенный и моделей, и пал-

янскихъ видовъ (вовсе къ его дѣлу неподходящихъ), сидѣлъ передъ своей бумагой, и набрасывалъ на нее быстрыми карандашомъ или перомъ то, что говорила ему одна творческая фантазія, что диктовало ему — уложившееся могучимъ пластомъ знаніе, долгая наука. Ни копированія, ни робости болѣе не было. Ивановъ прямо творилъ окрѣпшими силами таланта, мысли и соображенія.

...„Это созданія необыкновенно оригинальными, воплощившія сюжеты Библии и Евангелія въ такихъ формахъ, какихъ не пробоваешь, быть можетъ, еще ни одинъ художникъ въ Европѣ. Эти, часто лишь набросанные, рисунки казались мнѣ несравненно выше, новѣе и самобытнѣе оконченной картины „Явленіе Христа народу“... Хотя Ивановъ не произвелъ того полного переворота во всей живописи, на который овъ надѣялся, потому что все-таки не выходилъ за предѣлы одной только Свящ. Исторіи и одного только еврейскаго народа и потому что, какъ бы ни было, а все-таки никогда не могъ окончательно оторваться отъ первоначальныхъ своихъ учителей — итальянцевъ XVI в., но, не взирая на все это, овъ, во всякомъ случаѣ, въ лицѣ своихъ „Эскизовъ“ совершилъ дѣло великое, своеобразное, и ни съ какимъ другимъ художникомъ въ этомъ отношеніи сравниваемъ быть не можетъ. Рисунки эти составляютъ главное право Иванова на бессмертіе. Но этими рисунками овъ шель прямо наперекоръ всѣмъ преданіямъ школы, всѣмъ принятымъ художественнымъ привычкамъ.

...„Его талантъ взялъ верхъ надъ холодною разсудочностью, и увлекъ его туда, куда овъ и самъ сначала не думалъ. Овъ было собирался рисовать карандашомъ и кистью схоластическій трактатъ, а вмѣсто того нарисовалъ живую, горячую эпопею. Можно придти къ такому убѣжденію, разсматривая послѣдовательность этихъ композицій. Въ ихъ числѣ есть, конечно, не мало такихъ, которыя прямо назначены для „параллелей“ и „сравненій“... Но тутъ же рядомъ есть множество другихъ спесъ Ветхаго Завета, которыя, однакоже, ни при какой натяжкѣ не могутъ, кажется, быть приняты для сравненія съ Евангельскими сдѣлаными...

„Значитъ, можно, кажется, съ полною достовѣрностью изъ всего этого предполагать, что Ивановъ мало-по-малу отступилъ отъ первоначальной мысли, холодной и вычурной, и просто отдался увлеченію — сочитать на темъ

высоко интересныя, важныя, глубокія, поэтическія и живописныя.

„То, что особенно поражает при общемъ обзорѣ „Эскизовъ“ Иванова, — это чрезвычайное богатство и разнообразіе, т. е. какъ разъ тѣ качества, которыхъ у него недоставало въ его оконченныхъ, писанныхъ на большихъ холстахъ красками, двухъ картинкахъ. При всей талантливости отдѣльныхъ фигуръ и отдѣльныхъ частей, чувствуется здѣсь въ общемъ что-то сдавленное, съжившееся, не свободное у художника. Никакая высокая художественность и многозначительность этихъ отдѣльныхъ частей неспособна изгладить неудовлетворительности, получаемой зрителемъ отъ общаго впечатлѣнія. Свободы нѣтъ, и слишкомъ много замучено. — Такъ и слышишь черезчуръ долгое пребываніе мысли надъ однимъ и тѣмъ же, въ продолженіе долгихъ лѣтъ. — Прямо наоборотъ, въ „Эскизахъ“ — вездѣ чувствуешь свободу, фантазію, живль.

... Надо только удивляться, какъ академики 50-хъ годовъ до такой степени сплошь нападали на всю картину Иванова („Явленіе Христа народу“), и не чувствовали, сколько въ ней было остатковъ любезныхъ имъ правилъ, привычекъ, преданій. Видно, слышкомъ уже рѣзало имъ глаза тѣ необыкновенное, тѣ новое и дѣйствительно взятое изъ природы, или дарованное талантомъ, что присутствовало въ картинѣ Иванова. Но картина эта все-таки была еще недостаточнымъ шагомъ Иванова впередъ. Далеко еще было до такихъ истинно „новыхъ“ его созданій, какъ, напр., его эскизы: „Моисей, дающій свѣтъ“. Это въ самомъ дѣлѣ созданіе, несущее съ собою свѣтъ — послѣ долгой тьмы. Это сущее новое открытіе. Тутъ столько таланта, — нѣтъ, не таланта, а просто гениальности, — что, мнѣ кажется, каждый, самый простой, даже мало художественный, человекъ будетъ пораженъ... Вотъ гдѣ торжество новаго искусства, къ которому стремился Ивановъ, вотъ та настоящая историческая живопись, которой ему хотѣлось, которую онъ уже носилъ внутри себя и которой раньше его не было, въ такой силѣ и значеніи, еще нигдѣ въ Европѣ. Бѣдшаго разрыва съ преданіемъ и академіей — нельзя себѣ вообразить. Здѣсь Ивановъ является тоже и великимъ колористомъ, не смотря даже на всю „эскизность“ этого великолѣпнаго наброска. Вдохновенность художника выше всякой въ мѣрѣ оконченности.

„Приведенный примѣръ разности, конечно, не единственный въ изданныхъ теперь „Эскизахъ“ Иванова. Можно указать еще не мало другихъ. Такъ, напр., такъ и вѣтъ академіей и старинной ѣзъ трѣхъ композицій: „Господь благословляетъ Адама и Еву на владѣніе землею“ и „Изгнаніе изъ рая“. Эти сочиненія Иванова явно принадлежать еще молодому его времени. Тутъ передъ нами нѣчто школьное, робкое, на половину образное, хотя на половину уже отзывающееся — и пребываніемъ въ Италіи, и знакомствомъ со старыми итальянскими мастерами XIV и XV вѣка. Навное идетъ рядомъ съ класснымъ...

„Еще одинъ примѣръ самаго коренного диспарата въ альбомахъ Иванова — это такіе рисунки, какъ, напр., „Благовѣщеніе“ № 7: это опять сочиненіе вполне академическое. О еврейскихъ типахъ, костюмахъ, бытовой обстановкѣ нѣтъ и помпы.

„Какъ на послѣдній примѣръ композицій, совершенно отличающихся отъ лучшихъ созданій Иванова послѣдняго его времени, я приведу 8 его рисунковъ на тему: „Воскресеніе Христова“. Они явно относятся къ 1845 году... Его композиція (эскизы) представляется чѣмъ-то крайне не интереснымъ и не симпатичнымъ. Иванову хотѣлось избѣжать въ ней „академизма“ — онъ его и избѣжалъ, но не избѣжалъ другого зла, не менѣе горшаго (посредственности и ординарности). ...Навѣрно, и эскизовъ къ этой композиціи не приходится ни жалѣть, ни желать. Ихъ съ сожалѣніемъ видишь теперь въ такомъ собраніи рисунковъ Иванова, гдѣ бы хотѣлось встрѣчать только chefs d'oeuvre'ы лучшей и совершеннѣйшей поры Иванова. — По счастью, его „Изображенія изъ Свящ. Исторіи“ содержатъ, сравнительно говоря, немного композицій, относящихся къ 30-мъ и 40-мъ годамъ и потому еще очень несовершенныхъ. Главная масса здѣсь — тѣхъ рисунковъ, которые относятся къ послѣднимъ 10-ти годамъ его жизни.

„Въ этихъ произведеніяхъ поразителенъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, превосходенъ, новъ и оригиналенъ у него пейзажъ, потому что пересталъ быть снимкомъ съ итальянскихъ мѣстностей, римскихъ и иныхъ, какъ прежде у него всегда было — и въ рисункахъ, и въ большой картинѣ. Теперь Ивановъ приблизился, какъ только можно ему было, къ пейзажу дѣйствительно еврейскому, который онъ прилежно изучалъ по снимкамъ множества европейскихъ путешественниковъ, всего болѣе англичанъ. Отъ этого-то такъ всегда интересны у него изобра-

женія и сельскихъ, и городскихъ видовъ, и пустыхъ и населенныхъ мѣстностей. Все эти изображенія носятъ на себѣ отпечатокъ не только Востока вообще, но Палестины въ особенности, и живо переносятъ въ мѣстности Вибліи и Евангелія. ...Вездѣ Ивановъ даетъ намъ такое впечатлѣніе еврейской „историчности“ и еврейскаго древняго быта, какого мы никогда не получали отъ созданій никакого другого живописца стараго и новаго времени на Библейскіе и Евангельскіе сюжеты. Никакія иллюстраціи другихъ европейскихъ художниковъ, даже въ періодъ времени послѣ Иванова, когда такъ разрослось археологическое изученіе всяческой жизненной и бытовой обстановки историческихъ народовъ, не можетъ приближаться къ тому, что мы встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи у Иванова: онъ болѣе всѣхъ нихъ былъ углубленъ въ свой предметъ, потому что весь жила своею картиной, а потомъ Библейскими рисунками, какъ единственной задачей цѣлой своей жизни, и потому каждое отдѣльное знаніе, ведшее его къ выполненію этой задачи, было ему безмѣрно важно, дорого и интересно...

„Въ отношеніи изображеній костюмовъ этого (еврейскаго) народа, онъ тоже всѣхъ другихъ опередилъ. Никто изъ живописцевъ не пользовался еврейскимъ костюмомъ такъ живописно, такъ ново, но вмѣстѣ и такъ вѣрно, какъ Ивановъ, особенно въ своихъ „Эскизахъ“. А почему это вышло такъ? Оттого, что у Иванова не только таланта и фантазіи было больше, чѣмъ у его товарищей по части „историческихъ еврейскихъ сценъ“, но и истиннаго знанія. Да онъ къ тому же болѣе изъ всѣхъ былъ истинный и глубокой реалистъ.

„Всякій, кто станетъ изучать „Изображенія изъ Свяд. Исторіи“ Иванова, скоро придетъ, наѣ кажется, къ тому убѣжденію, что ири множество великихъ достоинствъ какъ въ Ветховавтнхъ, такъ и Новозавѣтныхъ изображеніяхъ, перевѣсъ остается все-таки на сторонѣ первыхъ. И по силѣ творчества и по вдохновенію, и по глубинѣ изображеннхъ типовъ и цѣлхъ сценъ, картины изъ Вибліи вышли у Иванова въ большнствѣ случаевъ выше и многозначительнѣе — картинъ Евангельскихъ. Большинство тѣхъ сценъ отъ Евангельскихъ повѣствованій, которыя могутъ быть изображаемы посредствомъ художества, имѣютъ ха-

рактеръ мягкости и задумчивости, нравственной красоты и сердечности,—все качества, которымъ, казалось бы, особенно соответствовала мягкая и кроткая натура Иванова. Его всю жизнь наполняла идея изобразить Христа, его жизнь, его ученіе, его вліяніе на массы народныхъ, распространеніе его проповѣди. И онъ многое изъ этого выполнилъ, но только не главное, не самую сущность дѣла. Правда, еще въ своей большой картинѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ онъ создалъ такой типъ Христа, выше и глубже котораго не найдешь ни у одного живописца во всемъ европейскомъ искусствѣ, и этимъ великодушнымъ типомъ онъ уже потомъ постоянно пользовался во всѣхъ своихъ композиціяхъ. Въ „Эскизахъ“ онъ нарисовалъ съ великимъ талантомъ и совершенствомъ не мало разнообразныхъ сценъ изъ жизни Христа и его учениковъ; но все, что тутъ есть самаго значительнаго и великаго, коснулось только исторической и бытовой стороны событій, коснулось только живописности, національности и художественности ихъ провленій... Что же касается душевной стороны, то въ этихъ композиціяхъ выразились только тѣ душевныя движенія, которыя высказывають моменты спокойнаго, безъ особенно сильнаго возбужденія и полета. ...Нигдѣ не встрѣтите порыва, сильно высказавшагося движенія душевнаго и тѣлеснаго, а одинъ изъ немногихъ оживленнхъ моментовъ: „Игнаніе торжниковъ изъ храма“ вовсе даже не удался ему: онъ выходилъ у него всегда нѣсколько ординарнымъ, не взирая на то, что Ивановъ принимался за эту тему нѣсколько разъ; почти всѣ сверхъ-естественныя событія, какъ, напр., „Преображеніе“, „Вознесеніе“, „Воскресеніе“, точно также мало удавались ему, потому что въ нихъ онъ еще самъ не довѣрялъ своимъ новымъ силамъ и, Богъ знаетъ почему, считалъ себя обязаннымъ прідерживаться старыхъ разницъ—итальянскихъ. Одинъ явленій ангеловъ составляютъ исключеніе. Такимъ образомъ все, что наиболѣе кажется интересовао Иванова въ текстахъ Евангелія, выбраннымъ имъ для иллюстрацій,—вся сторона собственно религіозная, душевный переломъ, совершавшійся въ ту минуту въ мірѣ, внезапный разрывъ съ прежними вѣрованіями и невозвратно, непоколебимое покиданіе ихъ, страстное обращеніе къ новымъ,—этого-то и не выразили ни большаѣ картина, ни всѣ Евангельскіе „Эскизы“ Иванова...

13. Захарій становится нѣмъ передъ ангеломъ.

14. Господь Богъ яляется Аврааму.

Эскизы А. А. Иванова изъ Свящ. Исторіи, 1848—57 гг.

„Какую противоположность всему этому представляють иллюстраціи Иванова къ Ветхому Заѣту. Здѣсь присутствуетъ вся та „историчность“, національная характерность и вѣрность вѣшной обстановки, которыя придаютъ такой оригинальный колоритъ Евангельскимъ изображеніямъ Иванова, но, сверхъ того, тутъ же мы встрѣчаемъ безконечное разнообразіе сценъ и выраженій душевной жизни представленнаго народа, такое богатство этихъ сценъ и выраженій, въ сравненіи съ которыми сцены и выраженія въ Евангельскихъ иллюстраціяхъ покажутся бѣдными. Здѣсь передъ нами народъ, живущій всѣми сторонами жизни, не одной религіозной, но совсѣми разнообразными и разнокалиберными своимизапятіями и интересами, національными и племенными. Передъ нами вся масса народная, то ликующая въ радости и счастья, то бующая отъ злости или страха, отъ негодованія или фанатизма; передъ нами этотъ народъ, то горделивый и заносчивый, то придавленный и смиренный; передъ нами — и добрые, и худые люди, и наивные, и коварные, и простые, и хитрые. ...Есть сцены изъ самой простой ежедневной жизни, но есть тоже и сцены съ явленіями мистическими, то кроткими, то грозными,—и всѣ онѣ удавались на этотъ разъ Иванову. Получился, такимъ образомъ, результатъ совершенно неожиданный: дѣлую жизнь свою Ивановъ всего богѣе заботился и хлопоталъ о выраженіи Евангелія, но выразилъ онъ всего совершеннѣе, полнѣе и глубже именно не его, а Ветхій Заѣтъ, о которомъ онъ почти не говорилъ никогда... На дѣлъ вышло самое неожиданное: его призваніемъ оказалось выразить не кроткое, благодущное Евангеліе, столько соответствующее всему его характеру и душевному строю, а суровыя, строгія, иногда грозныя, иногда почти дикія сцены изъ исторіи древняго еврейскаго народа. Какъ мало себя зналъ и созпавалъ самъ Ивановъ!...

...Крамской видѣтъ только первые три выпуска изданія, съ сюжетами еще все только Евангельскими, но что бы онъ сказалъ, если бы узналъ и остальные выпуски Евангельскихъ иллюстрацій и, еще того богѣе, послѣдніе выпуски альбома, гдѣ накопились всѣ величайшія сокровища творчества Иванова, гдѣ уже поразительны и прелестны не одни только колоссальныя, свѣтащіяся какъ видѣнія, ангелы съ ассирийскими, столь знакомыми евреямъ, крыльями, въ древне-азиатскихъ одеждахъ и съ

древне-азиатскимъ обликомъ, являющіеся то кроткой Дѣвъ-Маріи въ ея горенкѣ, то оумѣвшему въ глубокомъ благочестіи, среди сверкающаго золотомъ храма, старцу Захарію. Самъ Іегова, въ чудныхъ величавыхъ формахъ, среди своихъ крылатыхъ, почти ассирийскихъ, керувимовъ является здѣсь, грозный и милостивый,—то Аврааму, то Моисею, то Саррѣ, и каждое изъ этихъ явленій поразительно и великолѣпно, какъ нѣчто сверхъестественное. Фигуры пророковъ, этихъ „людей Божіихъ“, какъ ихъ любить называть Бибія, такъ характерны, величественны, какъ никогда еще не являлись у остальныхъ живописцевъ до нашего времени... Эти (фигуры) въ самомъ дѣлѣ переносятъ въ далекія эпохи человечества, въ Азію, и шевелятъ воображеніе, какъ этого неспособна была дѣлать ни одна прежняя картина на Библейскіе сюжеты... А первосвященникъ въ великолѣпномъ своемъ убранствѣ, среди сіяющей богослужебной утвари, внутри храма или на дворикахъ, гдѣ готовится жертвоприношеніе; левиты и народъ, дочери Іевоаевы, идущія встрѣчать отца въ своихъ длинныхъ развѣвающихся покрывалахъ и ступая на высокія деревянныя подошвы сандалій, всѣ прелестныя еврейки, хлопочущія въ тактъ въ ладоши по восточному обычаю, кроткая и смиренная Сарра, внимающая Господу подт. кушей, пока Авраамъ, истинный іудей древней, наивной, патриархальной эпохи, стоитъ, опершись на свой жезлъ, а три ангела (между ними и самъ Савоаотъ) лежатъ на землѣ передъ шатромъ и принимаютъ гостепріимное угощеніе—все это рядъ живописныхъ Палестинскихъ картинъ.

„Но, вмѣстѣ, множество чудесныхъ картинъ, множество національных и историческихъ сценъ — представляютъ и Новій Заѣтъ Иванова. Всего лучше и всего выше здѣсь, какъ я уже говорилъ раньше,—не сцены душевныя и нравственныя, не сцены религіозныя и психологическія, а сцены эпическія, народныя, гдѣ Христосъ является среди учениковъ или толпы народной. Поэты, группы, движенія безконечно разнообразны и вѣрны по своей простотѣ и натуральности. Христосъ вездѣ благъ и величавъ, внушаетъ необычайную симпатію и притягиваетъ всѣ сердца; толпа народная выражаетъ безконечное множество разнообразныхъ влеченій и движеній — за или противъ Христа... злобные книжники и фарисеи въ высокіхъ волпкахъ и живописныхъ одеждахъ

съ бахромою, Лазарь, (который) въ минуту воскресенія своего съ трудомъ и согнувшись выдѣваетъ изъ низенькой двери еврейской гробницы, ... — все это дѣлаютъ „Эскизы“ Иванова однимъ изъ высочайшихъ и драгоцѣннѣйшихъ созданій всего искусства за все время его существованія, съ самаго его начала.

... „Его (Иванова) пора пришла теперь лишь, когда наконецъ изданы лучшія произведенія всей его жизни, его „Изображенія“, и, надо надѣяться, его теперь вспомнать и никогда уже болѣе не забудутъ“.

Для полученія цѣлостнаго впечатлѣнія отъ всѣхъ, высказанныхъ въ разное время В. В. Стасовымъ отзывомъ объ Ивановѣ, намъ пришлось опять немного отступить отъ хронологіи въ изложеніи различныхъ взглядовъ нашей критики на нашего художника. Поэтому, необходимо будетъ вернуться къ статьямъ о немъ, напечатаннымъ въ началѣ 80-хъ годовъ, прежде чѣмъ перейти къ появившимся въ 90-хъ годахъ.

„Повѣрите ли свидѣтельству иностранцевъ, что вотъ оно—настоящее русское творчество?“ — ставилъ вопросъ *И. Н. Крамской* въ своей статьѣ объ „Изображеніяхъ изъ Свящ. Исторіи“, появившейся безъ его подписи въ „Худож. Журналѣ“ 1881 (№ 1), говоря о предисловіи къ нимъ Гельбига. — Невольно спрашиваешь, неужели иностранцы больше насъ самихъ знаютъ нашу фязіономію? А почему бы имъ и не знать ее? — писалъ онъ далѣе. Вѣдь они насъ знаютъ уже не одно столѣтіе! Было время (до Петра), когда мы, появившись въ Европѣ, вели себя по своему. Хороши ли мы были, или дурны,—это вопросъ другой, но мы были сами по себѣ. Вотъ уже два столѣтія, какъ въ Европѣ мы усиленно стараемся, чтобы насъ не отличили отъ иностранцевъ. Раса, однако, насъ всегда выдавала и выдаетъ. Европейцы, видя наши, для нихъ комическія, усилія поправить свой носъ, упирать скулы, сдвигать свое лицо и т. д., только съ сожалѣніемъ смотрѣли на насъ, а за собственное наше презрѣніе къ своей фязіономіи презирали насъ вдвойнѣ. Но, въ чести нашей надобно сказать, мы въ это же время учились у нихъ,—и, слава Богу, что природа оказалась прочнѣе. Благодаря ей, намъ теперь говорятъ: вотъ что сдѣлалъ одинъ изъ нашихъ сыновей!

„Надобно повѣрить въ этомъ нѣмцамъ, потому что какой же имъ интересъ скрывать правду? Не скажутъ они,—скажутъ французы, скажутъ англичане, турки, наконецъ! Всѣ зна-

ють насъ въ лицо, одни мы никогда себя не видали.“

„Посмотримъ же, что заключается въ эскизахъ Иванова, столь полныхъ, какъ говорятъ, „чисто русскаго духа“.

„И для насъ, пока, какъ и для иностранцевъ, это столь же ново и исключительно оригинально. Мы все подражали, и до такой степени къ этому привыкли, что намъ странно видѣть что-либо хорошее и, въ то-же время, ни на что европейское не похожее. Передъ нами, дѣйствительно, что-то невиданное; мы въ недоумѣніи: какому народу приписать созданіе этихъ эскизовъ? Съ своей стороны, мы готовы предположить, что эти рисунки современны Библии и Евангелію,—потому что въ каждомъ изъ нихъ до такой степени наивно просто изображены сцены, фигуры до того тишины, бытовалъ обстановка, при своей фязіономіи, кажется до такой степени древней, что это рѣшительно рисунки съ натуры того времени. Всего же больше насъ убѣждаетъ въ томъ, что передъ нами двухтысячелѣтняя древность, это—смѣсь изображеній сверхъестественныхъ съ дѣйствительными: ангелы и видѣнія такіе странные, какіе только и могли приписаться и привидѣться такому простому старцу, какъ Іосифъ, или такому вѣрующему, какъ первосвященникъ Захарія. Эти ангелы, при реальности формъ,—и прозрачны, и сіяютъ на манеръ изображеній солнца у египтянъ, или ассирійскихъ божествъ, знакомыхъ намъ по уцѣлѣвшимъ памятникамъ. Въ то-же время сверхъестественныя явленія до такой степени перемѣшаны съ дѣйствительными, что, глядя на рисунки, чувствуешь себя современнымъ далекаго дѣтства человечества, полнаго мистическаго ночного страха и чудеса, и реализма сверкающаго солнечнаго дня. Современный взрослый человекъ рѣшительно не можетъ вообразить себѣ ничего подобнаго. Только хорошей рисунокъ, сдѣланный опытной рукой, и заставляетъ насъ предполагать, что это дѣйствительно современная поддѣлка; но, въ такомъ случаѣ, это гениально“.

Въ другой статьѣ своей „объ Ивановѣ“ въ „Историч. Вѣст.“ 1880 г. (V, 806—820), *Крамской* писалъ о немъ слѣдующее:

„О значеніи Иванова въ исторіи русской живописи было говорено хотя и очень много, но нельзя сказать, чтобы довольно человѣку этому, очевидно, суждено обращать на себя вниманіе. Въ свое время казалось, что дѣло его было проиграно безусловно, а между тѣмъ, теперь приходится заниматься чуть не на-ново

разбором: что такое Ивановъ, и какое его значение въ искусствѣ?

...Несомнѣнно, что исторія русской живописи не можетъ обходить именъ: Бруни, Брюллова, Ѳедотова, Иванова.; однакожъ, слѣдуетъ признать за фактъ, что въ настоящую минуту не осталось никакихъ слѣдовъ вліянія на наше искусство не только чуждаго намъ по духу Бруни, но даже и Брюллова. Вліяніе Ѳедотова приходится считать также оконченнымъ, тогда какъ значеніе Иванова возрастаетъ и можно съ увѣренностью пророчить ему еще большее возрастаніе въ будущемъ... Глухая внутренняя работа, возбужденная Ивановымъ въ умахъ русскихъ художниковъ, ни на мигъ не прекращалась.

...Даже теперь, т.-е. когда, кажется, улеглись страсти, есть еще много людей, которые не согласны не только съ тѣмъ, чтобы работы Иванова превосходили все, что имѣетъ Россія, но даже и съ тѣмъ, чтобы дѣятельность этого человѣка была плодотворна и знаменательна. Мало того, можно слышать, что Ивановъ и его картина—нѣчто неудавшееся, а масса наивно и искренно свидѣтельствуютъ о своемъ равнодушіи къ произведеніямъ этого художника.

„Несомнѣнно, что талантливые художники, какъ, напр., Брюлловъ, воспитываютъ цѣлое общество въ извѣстномъ направленіи; несомнѣнно, что художественные вкусы и привычки, вслѣдствіе этого, образуются въ массѣ; но несомнѣнно также и то, что всякій разъ, для образованія новыхъ вкусовъ и привычекъ въ дѣлѣ живописи, необходимо, чтобы новое произведеніе поправило, притянуло глазъ и остановило на себѣ такимъ образомъ вниманіе зрителя...“

...„Современники могутъ не понять всю глубину и значеніе художественнаго произведенія, по отношенію къ будущему, къ школѣ, по всегда поймутъ и оцѣнятъ живенность и талантъ, т.-е. именно тѣ качества, безъ которыхъ художественныхъ произведеній вовсе не существуетъ для публики и въ которыхъ зритель останется равнодушнымъ не можетъ... Привлекательность художественныхъ произведеній требуетъ правильной гигиены нашей духовной природы.“

„Будь произведеніе глубокимъ, новымъ, имѣй оно первокласснаго достоинства ума, и не имѣй оно этого популярнаго качества, оно не будетъ принято съ распростертыми объятіями. Одна свобода исполненія и, такъ сказать, легкость труда, не говоря уже о богатствѣ козорита, есть и составная часть обворожительности, и

необходимое качество для приковыванія глаза. ...Стало быть, художникъ обязанъ скрыть отъ публики тѣ усилія, которыхъ ему стоить произведеніе... Къ несчастію для художниковъ, живописи, кромѣ того, еще тѣмъ опасна, что равновѣсіе между содержаніемъ, если такое есть у художника, и исполненіемъ, какъ слѣдствіемъ таланта, не всегда совпадаютъ и даже не всегда зависятъ отъ личныхъ усилій художника.

...„Если для немедленнаго, сегодняшняго успѣха онъ пожертвуетъ содержаніемъ и чувствомъ, онъ очутится въ необходимости безъ отдыха развлекать публику и ежeminутно ей о себѣ докладывать, чтобы его не забыли... Попробуетъ художникъ уйдти весь въ содержаніе, — онъ рискуетъ потерять единственный путь къ человѣческому сердцу и, быть можетъ, никогда не дождется справедливой оцѣнки. Единственный компасъ въ этомъ лабиринтѣ, разумѣтся, — глубочайшая увѣренность, сидящая внутри каждаго серьезнаго дарованія, увѣренность въ себѣ и въ своемъ дѣлѣ, дающая ему силу перенести это нештучное испытаніе, называемое творчествомъ. У Иванова эта увѣренность была. Умъ его отъ природы былъ глубоокъ, талантомъ онъ одаренъ былъ первокласснымъ, а между тѣмъ обворожительной вѣрности на лицо вѣтъ, и даже, что самое опасное, трудъ не скрытъ... Для того, чтобы искусство произвело свою долю вліянія, внутреннее его содержаніе должно быть выражено просто, легко и свободно, мало того — обворожительно...“

„Привлекательная вѣрность въ картинѣ выходитъ только въ то время...“ когда есть извѣстная однородность умственной атмосферы между художникомъ и обществомъ, для котораго онъ работаетъ... Но въ исторической жизни общество бывають моменты извѣстной умственной анархіи... Ивановъ жилъ на зарѣ нашей умственной анархіи, но и теперь далеко еще то время для русскаго искусства, когда долженъ наступить высшій моментъ его развитія.

„Талантъ Иванова, въ связи съ его общимъ развитіемъ, давалъ нѣкоторымъ приготовительнымъ его работамъ ту особую окраску привлекательности и легкости исполненія, даже колоритности, и такой непокражаемой талантливости, какую встрѣчаемъ только у самыхъ большихъ художниковъ и виртуозовъ въ одно и то же время.“

„Есть нѣсколько этюдовъ головъ и пейзажей, исполненныхъ съ дѣйствительнымъ огнемъ, такъ что очевидно, что талантъ его былъ перво-

класснымъ, но его умъ былъ еще богѣ таланта. Эготъ умъ, соврѣвая, и былъ причиною выхода изъ узкой умственной атмосферы, его окружавшей. Благодаря ему, онъ и разошелся съ господствовавшими воззрѣніями въ живописи того времени, его умъ натолкнулъ его на необходимость черновой исторической работы... Въ его мозгу появилось оригинальное представленіе о картинѣ, въ которой бы все было основано, такъ сказать, на законахъ. По условіямъ времени, подобныя образцовъ въ то время еще нигдѣ не появлялось; стало быть, приходилось начинать сначала во всемъ. Ивановъ принимается за трудъ, который былъ подъ силу только такому уму и характеру. Историческая заслуга Иванова—та, что онъ сдѣлалъ для всѣхъ насъ, русскихъ художниковъ, огромную просьбу въ непроходимыхъ до того дебряхъ, и именно въ томъ направленіи, въ которомъ была нужна большая столбовая дорога, и открылъ такимъ образомъ новые горизонты. Убрать срубленные деревья и щепки, а тѣмъ болѣе укатать и шоссировать самую дорогу—ему не пришлось, потому что въ концѣ своей работы, когда для его радостнаго вора стали, наконецъ, открываться новые виды, талантъ его оказался раздавленнымъ его умомъ—и это ясно повѣствуетъ его картина. Словомъ, онъ оказался жертвой за русское искусство, онъ достигъ вѣнчаности противъ своей воли—фатально и по необходимости. Вотъ почему его картина популярною быть не могла при своемъ появленіи, да едва ли будетъ и впоследствии, но она останется надолго, если не навсегда, предметомъ удивленія и изученія для специалистовъ.

...Ни одинъ художникъ не слѣлалъ для русскаго искусства больше его... Определите идеалы искусства теперяшняго времени, и вы увидите, что Ивановъ уже 50-тъ лѣтъ тому назадъ понималъ ихъ, опредѣлялъ для себя и стремился къ осуществленію. Чего бы вы ни коснулись; композиція, рисунокъ, содержанія, — вы найдете, что Ивановъ удовлетворялъ имъ въ своихъ работахъ сознательно... Но вотъ это-то сознание—великое въ художникѣ его времени—и было тѣмъ тормазомъ, который лишаетъ талантъ свободы исполненія, пока не усвоены приемы до механической безсознательности. Это сознание было ядомъ, разложившимъ элементъ художника на составныя его части. Всѣ изъ выдающихся людей его времени были на сторонѣ его труда и его почина; они только не могли понять необходимости избраннаго Ивановымъ

пути... Но теперь ясно, что избранный имъ путь—былъ путь научный, который одишь способенъ привести къ благотворнымъ результатамъ, если мы желаемъ изучить и вывести на сцену дѣйствительный, а не призрачный характеръ...

...У Иванова во всемъ, чему онъ давалъ значеніе подготовкъ къ самому дѣлу, оказалось гораздо болѣе научнаго, художественнаго, живописнаго элемента, чѣмъ въ картинѣ... Съ новымъ поколѣніемъ, воспитаннымъ уже въ школѣ Иванова, съ первыхъ шаговъ много, стоявшее ему такой цѣны, будетъ усвоено легко.

...Посмотримъ теперь, чтѣ внесено Ивановымъ въ русское искусство новаго... Въ сочиненіе или композицію онъ внесъ идею не пропала, а внутренней необходимости, т. е. соображеніе о красотѣ линий отходило на послѣдній планъ, а на первомъ мѣстѣ стояло выраженіе мысли, красота же являлась сама собой, какъ слѣдствіе. Въ рисунокъ—чрезвычайное разнообразіе, т. е. индивидуальность, не только лица, но и всей фигуры, по анатомическому построенію, и исканіе, какое анатомическое строеніе должно отвѣчать задуманному характеру. Въ живописи—совершенно натуральное освѣщеніе всей картины, сообразное мѣсту и времени, а во вѣнчаній видъ картины—необходимость эпохи... Нельзя сказать, разумеется, чтобы указанная сторона искусства не встрѣчались вовсе прежде, но не одно и то же—встрѣчается ли это, какъ счастливый придадокъ, или какъ принципъ. И потому, реформаторская смѣлость перваго почива Иванова—изобразить всю сцену дѣйствительно въ воздухѣ и дѣйствительно въ пейзажѣ—должна быть подчеркнута. Я уже не говорю о самомъ главномъ—о характерахъ... Идею характеровъ—невмышленныхъ, а дѣйствительныхъ, если онъ и могъ заимствовать, то только у Леонардо-Винчи, у котораго одного, изъ всѣхъ художниковъ стараго и новаго времени, и есть эта черта... (но) Ивановъ пошелъ дальше на столько, на сколько передвинулся вѣкъ... Картины Иванова—первая и вторая, а затѣмъ этюды и, наконецъ, эскизы—показываютъ, какъ, шагъ за шагомъ, онъ долженъ былъ до основанія сломать въ себѣ стараго художника съ академическимъ фундаментомъ, и вся его жизнь есть печальная повѣсть о томъ, какъ ни одно знаніе, вынесенное изъ Академіи, не принесло ему пользы, а все служило помѣхой... Картину свою онъ началъ еще въ то время, когда

былъ полонъ уваженія къ авторитетамъ, не только давно сошедшимъ уже со сцены, но и къ тѣмъ, — къ современникамъ смотрѣли какъ на такихъ, — къ Корнелиусу, Овербеку, Торвальдсену и даже (о ужасъ!) къ Камуччини¹⁾. Не имѣя ни одной черты въ своей духовной натурѣ, сродной названнымъ господамъ, онъ въ началѣ слушается замѣнителей и портитъ свою вещь равными аллегорическими бездѣлницами, и только мучительно медленно освобождается отъ не сроднаго и мертваго академизма...

...Къ чему оказался готовъ человѣкъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, свидѣтельствуютъ его „Апостола“, составляющие огромный шагъ впередъ отъ знаменитыхъ итальянцевъ XVI в., его рѣшительно невиданный типъ Христа, его монументальный Креститель и, наконецъ, его эскизы изъ Библии и Евангелія. Эти композиции такъ далеко захватили будущее, что и теперь, черезъ 20 слѣдующихъ лѣтъ послѣ его смерти, ни одинъ европейскій художникъ еще не смѣетъ трактовать Евангеліе такъ серьезно-просто, такъ реально, — безъ профанаций, въ уровень предмету. Теперь это можно сказать положительно: послѣдняя всемірная выставка (1878 г.) съ поразительно очевидностью доказала бѣдность европейскіхъ художниковъ въ этомъ отдѣлѣ...

Появленіе въ свѣтъ писемъ Иванова въ изд. М. П. Боткина въ 1880 г., какъ и его эскизовъ изъ Свящ. Исторіи за годъ передъ тѣмъ, снова возбужди въ печати равные толки о нашемъ художникѣ.

Такъ „Нов. Время“, признававшее въ 1879 г. (№ 1085), въ своей замѣткѣ подъ заглав.: „Рисунки А. Иванова“, что „эскизы дѣйствительно оригинальны и совсѣмъ не напоминаютъ собою тѣхъ картинъ изъ Свящ. Исторіи, которыхъ всегда было такъ много“, и что „оригинальность бросается въ глаза, начиная съ еврейскихъ костюмовъ и кончая изображеніями ангеловъ“, почему „они составятъ драгоценное приобрѣтеніе для всѣхъ любителей художества“, высказывало въ 1880 г. (№ 1409), въ статьѣ „Знаменитый художникъ“ за подписью NN, — слѣдующія соображенія:

„Ивановъ напоминаетъ отшельника, глубоко вѣрующаго, но не увѣреннаго въ своихъ силахъ для совершенія великаго подвига, не увѣреннаго до мнѣтельности. Все, что вращалось

внѣ его идеи, было ему такъ чуждо, что онъ силою и рядомъ не понималъ самыхъ обыкновенныхъ явленій и, разумѣется, отъ этого страдалъ, приходилъ къ противорѣчіямъ, къ недоразумѣніямъ, къ странностямъ, къ униженіямъ даже. Но онъ былъ силенъ тѣмъ здравомысліемъ, которое вдругъ иногда сходило на него, и тѣмъ чувствомъ, которое постоянно обличало въ немъ русскаго человѣка. ...Широкой, большой талантъ, рядомъ съ мнѣтельностью и неувѣренностью въ своихъ силахъ, рядомъ съ неваніемъ самыхъ простыхъ жизненныхъ отношеній, онъ вдругъ говоритъ вещи очень хорошия, даетъ характеристики, поражающія вѣсь своей правдою, — характеристики не только талантовъ художниковъ и искусства, но даже и явленій жизни, свойствъ народнаго характера, свойствъ отдѣльныхъ лицъ. Такихъ замѣчаній, такихъ яркихъ мыслей, разсѣяно много въ его письмахъ, къ которымъ необходимо будетъ прибѣгать и историкъ литературы, не говоря объ историкѣ художества. Навность въ лучшемъ смыслѣ этого слова, простота и доброта души, неалобіе, любовь къ близкимъ, случайные капризы, жалобы на свое положеніе, слышки негодованія и какія-то странныя выходки, рядомъ съ преданностью своей идѣе, своей работѣ, рядомъ съ вѣрою въ необходимость неустаннаго труда, требующаго регулярной, порядочной жизни, рядомъ съ уваженіемъ къ великимъ мастерамъ прошлаго и настоящаго, — все это такъ и мелькаетъ въ письмахъ, оставшая послѣ себя впечатлѣніе о какомъ-то несложившемся, но тѣмъ не менѣе хорошо знакомомъ и симпатичномъ вамъ характерѣ русскаго человѣка.

„Въ жизни Иванова, главнымъ образомъ, есть двѣ эпохи. Онъ трудился надъ своей картиной много лѣтъ, будучи глубоко-религиознымъ человѣкомъ. Это одна эпоха. Затѣмъ начинаются сомнѣнія и паденіе вѣры. Ивановъ, исполненный вѣры, гораздо симпатичнѣе и, — главное, — сильнѣе Иванова, потерявшаго вѣру. Глубокая религіозность, одушевленіе религіей давали ему силу выносить все невзгоды, работать надъ воплощеніемъ своей идеи...

„Ивановъ обладалъ натурою глубоко-вѣжною, душевною, мягкою, — такою натурою, которая едва ли способна была опускаться на землю... Не даромъ онъ не вполне владѣлъ своимъ умомъ. Да, въ мозгу его совершилось пѣчто такое, что испортило ему жизнь еще, быть можетъ, болѣе, чѣмъ паденіе вѣры и работа надъ новыми идеалами въ такую пору жизни, когда пересодавать себя трудно. Ива-

¹⁾ Это даже предписывалось данными ему изъ Петербурга инструкціями, прибавивъ ми отъ себя.

новъ думалъ, что его хотѣтъ отравить, и эта идея такъ глубоко засѣла въ него, что онъ не только ни у кого не обѣдалъ, но даже обѣдалъ только тѣмъ, что могъ самъ себя приготовить.

...„Мы того мнѣнія, что этотъ скептицизмъ, это паденіе вѣры сказалось и на его произведеніи, его „Явленіи Христа народу“, которое не даромъ въ значительной степени охладило общество, думавшее встрѣтить что-то необыкновенно высокое и великое въ картинѣ, такъ долго ожидаемой. Художникъ странствуетъ, изучаетъ, ищетъ массу этюдовъ, тратитъ большую часть времени на подготовительные этюды, хочетъ взять изученіемъ то, что дается лишь вдохновеніемъ, восторгомъ, вѣрою, и, кто бы что ни говорилъ, печать холоднаго изученія невольно обдаетъ зрителя, внимательно стоящаго передъ картиной. Онъ видитъ всю эту группу вѣрующихъ, можетъ съ поученіемъ разсматривать по одиночкѣ каждаго, отгадывать его мысли, его социальное положеніе, причину, почему онъ крестится и вѣритъ, онъ понимаетъ необычайную мощь Крестителя, но въ то же время картина обдаетъ его значеніемъ исторической, а не религиозной картины; она не внушаетъ зрителю ни вѣры, ни восторга, потому что въ ней нѣтъ ни того, ни другого; съ другой стороны, она не отвѣчаетъ даже на историческій вопросъ: почему эта скромная фигура, столь далеко поставленная и обратившая на себя вниманіе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ картины,—такая дивная и великая, что этотъ пламенный пророкъ, этотъ Креститель, недостойны развязать ремешъ у обуви этого человека? Какая-то вынужденная, а не искренняя религиозность лежитъ на этой картинѣ и разочаровываетъ зрителя, который пришелъ сюда не съ Штраусомъ въ кармайтъ...

...„Самыя сомнѣнія въ вѣрѣ не были ли сомнѣніями не ума сильнаго, которымъ не обладалъ Ивановъ, а шатавшейся воли, пошатнувшегося ума? Мы ставимъ только эти вопросы, не отвѣчая на нихъ; когда дѣло идетъ объ опредѣленіи личности замѣчательнаго чело­вѣка—необходимо, по нашему мнѣнію, обращать вниманіе на все то, что такъ или иначе характеризуетъ эту личность“.

Нѣсколько иныя характеристики дѣлали Иванову другіе журналы по поводу выхода въ свѣтъ книги М. П. Воккина.

„Письма эти (т.-е. Иванова)—говорилось въ „Кругозорѣ“ И. Павлова отъ янв. 1880 г. (№ 4, с. 13)—въ высшей степени разнообразны по выражающемуся въ нихъ настроенію духа,

по содержанію, даже по языку. Вся виѣшняя и внутренняя жизнь, весь характеръ художника, искренній, первенный, впечатлительный, странное сочетаніе могучей силы и слабости—ярко рисуются въ нихъ. Слишкомъ часто, къ сожалѣнію, сказывается разладъ съ окружающимъ, слишкомъ часто слышится скорбь, вызываемая равнодушіемъ, непониманіемъ, мелочными заботами, нуждою; но горячая любовь къ своему дѣлу, живое чувство высокаго призванія торжествуетъ надъ невзгодами, надъ временнымъ упадкомъ духа...

„Великій интересъ придаютъ также этимъ письмамъ отзывы Иванова о многихъ извѣстныхъ въ искусствѣ и литературѣ людяхъ, съ которыми встрѣчался и болѣе или менѣе общался онъ...

„Вездѣ и во всякое время такая книга была бы драгоценнымъ вкладомъ въ исторію и литературу. Въ настоящее время у насъ она вѣрой драгоцѣнна. Если жизнь и труды истиннаго, высокодаровитаго художника составляютъ всегда одинъ изъ интереснѣйшихъ, благотворнѣйшихъ предметовъ для изученія, то для насъ теперь такое изученіе въ особенности интересно и благотворно. Всѣ тѣ свойства духа, всѣ тѣ силы, въ которыхъ слишкомъ склонны мы сомнѣваться, всѣ тѣ интересы, которыми слишкомъ склонны мы пренебрегать, наглядно предстаютъ передъ нами. Не одни только новыя свѣдѣнія, но и новое сознаніе новыхъ истинъ вынесетъ тотъ, кто внимательно прочтетъ эту книгу“.

„Ивановъ, несомнѣнно, имѣлъ склонность къ психическому разстройству, — сообщалось въ „Русс. Мысли“ 1880 (№ 4, Библиогр., с. 1—7), а извѣстно, что на такихъ людей болѣзненная душевная жизнь другихъ дѣйствуетъ чрезвычайно заразительно, особенно же, когда она сопровождается, какъ у Гоголя, кованіемъ въ самомъ себѣ, убѣжденіемъ для разстройной нервной организаціи... Характеристично для Иванова, однако, не это аскетическое настроеніе, а, напротивъ, то, что онъ имѣлъ достаточно трезвости мысли и силы, чтобы не остаться навсегда такимъ, какимъ остался Гоголь, и чтобы прервать, наконецъ, близкія отношенія съ нимъ...¹⁾“

¹⁾ „Намекъ на то, что европейская цивилизація можетъ еще ожидать отъ Франціи важныхъ услугъ, — по свидѣтельству П. В. Амненкова въ его статьѣ „Замѣчательное десятилітіе“ (1838—48 гг.) въ „Вѣст. Европы“ 1880 (№ 2,

„Ивановъ, дѣйствительно, не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ эцикуреисту, дѣйствительно велъ въ послѣдніе годы почти отшельническую жизнь; но это не вытекало у него изъ религіознаго чувства,—онъ просто былъ человѣкъ, смотрѣвшій на жизнь очень серьезно и не любившій тратить ее на мелочи. Большую часть своей жизни Ивановъ былъ искренно вѣрующимъ человѣкомъ, но объясненія его работы надъ картиной (а, следовательно, и его жизни) надо искать не въ религіозномъ чувствѣ. Изъ его писемъ дѣдается совершенно яснымъ, что стремленіе, одушевлявшее его въ теченіе всей жизни, побудившее его принять за 28-лѣтній трудъ и довести его, несмотря на всѣ внутреннія и внѣшнія трудности, до конца— было стремленіе патріотическое. ...Художественное развитие Россіи было его преобладающей мыслью...

„При всей увѣренности въ томъ, что Россія должна занять равное съ другими мѣсто въ европейской культурѣ, замѣчательна трезвость, съ которой онъ смотрѣлъ на ея права на это положеніе. ...Собиравсь создавать школу, онъ вовсе не считалъ себя человѣкомъ необыкновеннымъ...

„Та же трезвость и глубокая серьезность отличали его и въ его отношеніи къ ближайшей задачѣ—живописи. Онъ одинаково отрицательно

с. 590), прибавимъ отъ себя, — не разъ имѣлъ силу приводить невозмутимаго Гоголя въ нѣкоторое раздраженіе...

„У Иванова доля убѣжденія въ той же самой несостоятельности французской жизни была ничуть не менѣе, но, какъ часто случается съ дѣтьми глубоко-эстетической природы, — искусства и сомнѣнія жили у него рядомъ со всѣми вѣрованіями его. Онъ никогда не выходилъ изъ тревоги совѣсти. Можно даже сказать про этого замѣчательнаго человѣка, что всѣ самыя горячія полнѣе его выразить на дѣлѣ въ творчествѣ своихъ вѣрованій и убѣжденій рождалась у него также точно изъ мучительной потребности подавить, во чтобы то ни стало, волновавшая его сомнѣнія. И не всегда удавалось ему это. Притомъ же, наоборотъ съ Гоголемъ, онъ никакъ загаенную неуверенность къ себѣ, къ своему сужденію, къ своей подготовкѣ для рѣшенія занимавшихъ его вопросовъ, и потому съ радостью и благодарностью опирался на Гоголя, при возникшихъ безпрестанно затрудненіяхъ своей мысли, не будучи, однакоже, въ состояніи умиротворить ее вполне и съ этой поддержкой“.

относился къ риторикѣ академической живописи и къ крайностямъ романтизма. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ реалистъ. ...Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на воспроизведеніи дѣйствительности онъ не могъ остановиться. ...И это совершенно понятно съ его точки зрѣнія на искусство. Картина должна производить глубокое и благотворное впечатлѣніе на зрителя; надо, чтобы ея дѣйствие окупило 28-лѣтній трудъ; художникъ—проповѣдникъ идеи.

„Въ этомъ отношеніи въ высокой степени замѣчательенъ переломъ, совершившійся въ немъ около 48 года... Его прежне мировоззрѣніе колебалось. ...Вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, долженъ былъ намѣниться и взглядъ его на свою картину. Переходъ, конечно, былъ болѣзненный. ...Картины своей, однако, онъ не оставилъ, но отнесся къ ней съ новой точки зрѣнія. Всѣ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни онъ постоянно искалъ идей для новаго искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сталъ чутче къ современному состоянію умовъ и къ политическому движенію въ Европѣ...

„Ивановъ умеръ, не успѣвъ найти принципа новаго искусства, какъ, можно сказать, не найдеть онъ и до сихъ поръ. Можно замѣтить, однако, что не одной отсталостью искусства, какъ думалъ Ивановъ, объясняется вѣроисторическое значеніе его въ современной жизни. Самъ Ивановъ платилъ дань одной изъ существенныхъ особенностей современнаго духовнаго развитія, парализующихъ силу творчества и интенсивность художественнаго впечатлѣнія. Мы говоримъ о господствѣ мысли надъ чувствомъ...

„Этотъ рефлективный характеръ творчества— есть знаменіе эпохи, и эпохи неблагоприятной для искусства. Но Ивановъ искалъ, и если при этомъ заблуждался, то самое это исканіе новаго ставитъ его выше тѣхъ художниковъ, которые мирялись и мирятся съ дѣйствительностью, но оказываются, очевидно, почти никакого вліянія на общество. Но нельзя сказать даже, чтобы Ивановъ дѣйствительно заблуждался: въ своемъ творчествѣ онъ вовсе не находилъ осуществленіе искусства будущаго; онъ самъ глядѣлъ на него какъ на исканіе, на попытку...

„Переписка Иванова, конечно, интересна для человѣка знакомаго съ искусствомъ, потому что въ ней разсѣяно множество замѣчаній о различныхъ художникахъ и произведеніяхъ искусства, но для большинства читателей она, безъ сомнѣнія, покажется довольно скучной.

Она не даетъ почти никакихъ матеріаловъ для характеристики эпохи, и это совершенно понятно. Ивановъ велъ жизнь уединенную, да, кромѣ того, не любилъ говорить ни о чемъ, что не касалось прямо его, или, правильнѣе сказать, его задачъ..

„Стиль Иванова отличается полнѣйшей правильностью; но это равнодушіе въ формѣ, по нашему мнѣнію, возмущаетъ впечатлѣніе искренности, производимой его письмами“.

„Переписка Иванова съ родными и друзьями имѣетъ глубокой нравственный интересъ. Она богата очерчивая эту дѣльную, младенчески простую и глубокую натуру — говоритъ А. П. въ своей „биографіи Иванова“ въ „Русс. Вѣст.“ 1880 (т. 147, № 5, с. 436—446). История Иванова — это история одной картины. Мы увѣрены, что можно обозрѣть тысячу биографій художниковъ, и не найти второго примѣра такой глубокой вѣрности одному и тому же, развѣ блеснушему идеалу. Никто не вынашивалъ своей мысли съ такою фанатической страстью, какъ Ивановъ, никто не приступалъ къ ея исполненію съ такою всестороннею художественно-нравственной подготовкой.. Ивановъ былъ всецѣло преданъ своему призванію. Его могучій гений ежечасно возносилъ его надъ будничною дѣйствительностью и не давалъ времени заниматься пустыми дѣлами вседневными.. Взглядъ Иванова на искусство былъ самый возвышенный. Онъ не терпѣлъ манерности, не терпѣлъ въсѣхъ тѣхъ внѣшнихъ пріемовъ и условій, которыми такъ богата новѣйшая школа. Его душа вѣчно летѣла въ облака самаго строгаго классицизма, и никто изъ живописцевъ не прельщалъ его такъ, какъ бессмертный Рафаэль. Это обстоятельство крайне важно. Оно сразу очерчиваетъ Иванова какъ глубокаго, дѣйствительно одареннаго огнемъ гения—творца, но какъ ремесленника, гоняющагося за мимолетною славой, или мелкаго слугу толпы, разслабленнаго мимолетными, рабски у природы заимствованными эффектами.. Естественная область, въ которой онъ былъ истиннымъ царемъ, — была живопись историческая. Замѣчательно, что, такъ высоко цѣняя итальянцевъ лучшаго періода, онъ положительно презиралъ итальянцевъ новѣйшихъ.. Пробывъ 28 лѣтъ вдали отъ Россіи, Ивановъ въ сердцѣ своемъ всегда оставался глубоко русскимъ человѣкомъ.. Ивановъ ощущалъ постоянную потребность освѣщать свои художественные полеты философскими и научными идеями. Сначала, въ первую половину его дѣ-

тельности въ Римѣ, Евангеліе было ему этою нравственною философіей. Онъ весь былъ погруженъ въ Священное Писаніе; имъ только жилъ, имъ только питался. Но впоследствии онъ увлекся Штраусомъ. Думая изъ него извлечь новыя идеи для своего искусства, изучилъ его сочиненія, и имѣлъ случай лично съ нимъ бесѣдовать.. Вслѣдствіе лица развѣшенія сомнѣвшихся его художественныхъ вопросовъ, Ивановъ, на обратномъ пути своемъ въ Россію, даже ѣздилъ въ Лондонъ къ Герцену.. Такъ-то акакалъ истинны этотъ человѣкъ, этотъ вѣчный мученикъ собственнаго произведенія, и такъ-то метался онъ изъ стороны въ сторону, не зная, гдѣ найти разрѣшеніе своихъ сомнѣній, своихъ идей. Причина его метанія отъ Евангелія къ Штраусу и Герцену — не иная, какъ недостатокъ образованія. Будь Ивановъ образованный человѣкъ, онъ совершилъ бы великое.. Онъ самъ сознавалъ себя недоучкой, самъ чувствовалъ, какъ это состояніе пагубно для истинныхъ успѣховъ врожденнаго таланта.

„..Въ началѣ мая 1858 г., послѣ 28-лѣтняго отсутствія, Ал. Андр. Ивановъ высадился въ Петербургѣ. Его картина прибыла тоже, и была выставлена въ Вѣной залѣ Зимняго Дворца. Для публики ее перенесли въ Академію Художествъ. Тамъ она была помѣщена неудачно. Ея колоссальныя размѣры требуютъ тщательнаго устройства подставокъ и очень удачнаго освѣщенія, притомъ необходима зала обширная, дабы зритель могъ отойти на то разстояніе, съ котораго удаленная фигура Христа перестаетъ казаться маюю въ сравненіи съ группами перваго плана. Этимъ обстоятельствомъ, мы думаемъ, и объясняется отчасти не вполне восторженная оцѣнка со стороны публики этого единственнаго въ своемъ родѣ произведенія живописи“.

„Типъ Христа, Иоанна Богослова, Иоанна Крестителя и Андрея, — говоритъ № въ „Искусствѣ“ 1883 (№ 18, с. 202),—можно сказать, положительное созданы русскимъ художникомъ и непохожи ни на одинъ подобный типъ другихъ мастеровъ.. Во всей европейской живописи едва ли можно найти подобнаго Христа, какъ Христосъ Иванова, — какъ по его величавости, такъ и по всему собственно-художественному совершенству типичнаго и въ высшей степени оригинальнаго изображенія. Точно такъ же едва ли во всемъ европейскомъ искусствѣ найдемъ другого Иоанна Крестителя, равнаго Крестителю Иванова.. Рисунокъ, типъ, выра-

женіе въ картинѣ — равно удивительны. Ее нельзя не причислить къ первокласснымъ историческимъ картинамъ. О колоритѣ говорить много не приходится, потому что вся картина не приведена въ общей тонъ, но есть частности, написанныя превосходно. Драпировки всё чрезвычайно натуральныхъ и полны стила. Пейзажъ выполненъ съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла...

„Въ исторіи русской живописи, — писалъ В. Чуйко въ „Нови“ 1887 г. (т. т. XIII — XV, №№ 1, 7, 5, и 9, Мозаика, с. 108 и 110 — 111, 276, 195 и 329 — 330), — два имени выдвигаются особенно ярко впередъ: Брюлловъ и Ивановъ. Въ наше время въ русской художественной критикѣ установился странный и ничѣмъ не оправдываемый обычай сопоставлять эти два имени, въ ущербъ, разумется, первому... Ивановъ, начавшій и закончившій свою дѣятельность позднѣе (Брюллова), — натура созерцательная, глубокая, страстно увлекавшаяся идеей, — представляетъ явленіе, до такой степени особенное, одиночное, что между нимъ и Брюлловымъ не можетъ быть никакого сравненія. Одинъ представляетъ собою чистаго художника, хотя, можетъ быть, и поверхностнаго, но съ большимъ творческимъ даромъ; другой — созерцательнаго мечтателя, безъ творческаго дара, хотя глубокаго по задачамъ и требованіямъ. Брюлловъ, былъ, конечно, до известной степени условенъ, — какъ было въ то время условно все искусство на Западѣ Европы: онъ усвоилъ себѣ приемы и технику, доведенные до совершенства на Западѣ, и, не желая быть главою новой школы, просто былъ талантливымъ художникомъ. Ивановъ, напротивъ того, задавался болѣе серьезными цѣлями: онъ думалъ о реформѣ, коренной реформѣ въ искусствѣ. Брюлловъ, какъ натура въ высшей степени художественная и реальная, довольствовался тѣмъ, что воспринималъ красиво въ природѣ, а Ивановъ, натура по преимуществу созерцательная, даже мистическая, болѣе углублялся, искалъ выраженія не внѣшности, а внутреннихъ, душевныхъ движеній. Тургеневъ еще въ концѣ 60-хъ годовъ очень мѣтко опредѣлилъ какъ Брюллова, такъ и Иванова... Характеристика эта — очень вѣрная въ общемъ — не исчерпываетъ, однако же, задачъ Иванова. Задачи эти имѣютъ огромную важность не для одного лишь русскаго искусства: онѣ захватываютъ собою

самые существенные вопросы современной эстетики и тѣсно связаны, — можно сказать органически, — съ самою жизнью Иванова, съ психическимъ процессомъ его мысли и чувства, съ его работами. Жизнь Иванова объясняетъ эти задачи и, наоборотъ, задачи объясняютъ жизнь художника. Такъ что, неинтересная въ смыслѣ внѣшнихъ событій, эта жизнь представляетъ громадную важность вообще для исторіи современнаго искусства... Необходимо замѣтить, что материалы біографіи Иванова, имѣющіяся въ русской литературѣ, далеко не богаты и почти совершенно молчатъ именно о тѣхъ фактахъ и обстоятельствахъ, которые имѣютъ особую важность при опредѣленіи развитія художника“.

Излагая далѣе жизнь нашего художника, главнымъ образомъ на основаніи воспоминаній о немъ разныхъ лицъ въ изданіи М. П. Боткина, критикъ замѣчалъ, между прочимъ, по поводу взаимныхъ отношеній Гоголя и Иванова: „Исторія психическаго развитія Гоголя почти противоположна развитію Иванова. Въ то время какъ Гоголь, если не отъ невѣрія, то во всякомъ случаѣ отъ индифферентизма, все болѣе и болѣе склонялся къ вѣрѣ, пока къ концу жизни имъ не овладѣлъ полный мистицизмъ, — Ивановъ, напротивъ, отъ простодушной, но глубокой вѣры шелъ, процессомъ умственной работы, если не къ невѣрію, то къ индифферентизму. И тутъ-то, главнымъ образомъ, находится трагическая черта въ жизни Иванова, какъ и въ жизни Гоголя. Великій писатель подъ конецъ жизни отрицалъ свои сочиненія, хотѣлъ уничтожить свое прошлое и выпустилъ знаменитую „Переписку съ друзьями“. Ивановъ же, глубоко преданный христіанской идее въ первую половину своей жизни, посвятивши ей почти 20 лѣтъ труда, усилій, творческаго духа, чтобы воплотить ее въ великомъ художественномъ произведеніи, вдругъ увидѣлъ, что все его прошлое — одно лишь заблужденіе и что его картина есть только свѣдѣтельство этого заблужденія! Не трагизмъ ли это? Но нельзя забывать, что во время ихъ сближенія Ивановъ находился въ религиозномъ періодѣ, и вліянія Гоголя, который уже клонился къ мистическому міровоззрѣнію, не могло не быть. Разладъ между ними начинается именно съ той минуты, когда Ивановъ, во время 1848 г., началъ отрѣшаться отъ христіанской идеи, когда сомнѣнія, которыя, вѣроятно, и прежде были у Иванова, овладѣвали все болѣе и болѣе его душой. Тутъ уже вліяніе Гоголя оказалось бессильно и отношенія

между великимъ писателемъ и великимъ художникомъ, по необходимости, должны были измѣниться“.

Переходя къ картинѣ Иванова, послѣ разбора эскизовъ къ ней, *Чуихо* дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Нельзя сказать, чтобы перемены, произведенныя Ивановымъ въ своей картинѣ по совѣтамъ Корнелюса, Овербека и Торвальдсена, были особенно счастливы. Пейзажъ перваго эскиза превосходить и придаетъ теплую поэзію всей сценѣ; затѣмъ, группировка фигуръ перваго эскиза значительно лучше и разнообразнѣе: Ивановъ имѣлъ несчастную мысль въ картинѣ окончательно уничтожить всѣ женскія фигуры, что придаетъ группамъ нѣкоторую сухость; возможно также остаться довольнымъ общимъ расположеніемъ фигуръ — расположеніемъ, которое имѣетъ видъ какъ бы скульптурный, барельефный; далѣе, хотя чудесно и изящно, но искусственно расположили складки и драпировки, напр.: на Христѣ, на Апостолахъ, Иоаннѣ и Андрѣ. Крестъ Иоанна Крестителя, присовѣтованный Торвальдсеномъ, мантія, присовѣтованная Овербекомъ, — портятъ общее впечатлѣніе“.

„Несмотря на свои несомнѣнныя достоинства, — оканчивая критикъ свою статью, — картина Иванова не производитъ впечатлѣнія непосредственнаго, эстетическаго. Она холодна, не трогаетъ, и, если и говорить многое уму, то не говорить чувству... Картина, очевидно, не вылилась въ воображеніи художника какъ органическое цѣлое, которое художнику потомъ приходилось только выполнить, воплотить на холстѣ. Картина создавалась, напротивъ того, — по частямъ, или, вѣрнѣе, если цѣльность въ картинѣ и была первоначально, то она тердалась и, наконецъ, совсѣмъ ступсвдалась, вслѣдствіе слишкомъ большой тщательности въ обработкѣ частности: частности, детали, мелочи, слишкомъ увлекали художника, и онъ упустилъ изъ виду цѣлое. Не будемъ вдаваться въ слишкомъ детальный анализъ картины, но нельзя, напр., не замѣтить, что „народа“ въ картинѣ нѣтъ, а есть только группы, — правда, превосходно выполненные, но мелкія, какъ-бы подобранныя: здѣсь нѣтъ ширины дѣйствительной, живой сцены, а есть условности, искусственное размѣщеніе, съ цѣлію произвести впечатлѣніе красоты по принципамъ академической школы. Съ другой стороны, колоритъ, если даже принять во вниманіе то, что картина не приведена въ общій тонъ, — очень

плохъ. Вообще, какъ колоритъ, Ивановъ никогда не выдавался: это рыжій, нестрій, неестественный колоритъ... Съ другой стороны, однако, нельзя не замѣтить необыкновенныхъ, поразительныхъ детальныхъ достоинствъ картины. Личности, типы, характеры, — изумительны не только по выполненію, но и по творческой мысли. Реальность и вѣрность типовъ, рисунокъ тѣла и одежды — все это верхъ совершенства. Все это оригинальные еврейскіе типы, передающіе не одну вѣишность, но и душу, характеръ даннаго лица, и останутся навсегда великими, глубокими созданиями въ ряду того, что европейское искусство произвело до сихъ поръ самаго вышшаго и вѣчнаго. — Такимъ образомъ, въ картинѣ Иванова мы видимъ какъ-бы нѣкоторую раздвоенность: удивительный, почти до гениальности доходящій талантъ въ деталяхъ, въ тинахъ, и несостоятельность въ цѣломъ. Какъ это объяснить? Отчасти, конечно, — продолжительностію работы, недостаткомъ фантазіи, недостаткомъ того, что называется творчествомъ. Но къ этому присоединяется еще и другое обстоятельство, которое внесло, безъ всякаго сомнѣнія, дисгармонію въ картину, — это то, что онъ писалъ свою картину въ двѣ различныя эпохи своей жизни: тогда, когда „вѣрнѣе“, и тогда, когда „пересталъ быть религиознымъ“.

...Его картина уже не говоритъ ему ничего, въ его глазахъ это — не религиозная картина, какъ была прежде, а лишь историческая, и онъ заботится не о чувствѣ, не о впечатлѣніи, а лишь объ исторической вѣрности, объ археологической несомнѣнности деталей. Онъ уже увлеченъ въ другую сторону, далеко отъ своей первоначальной точки зрѣнія, онъ ищетъ новыхъ задачъ въ искусствѣ, — тѣхъ задачъ, которыя, по его мнѣнію, должны отвѣчать современному состоянію науки и философіи. ...Недостатокъ поэту таланта, какъ вообще полагаютъ, дѣлаетъ картину Иванова неудовлетворительною, а тотъ душевный разладъ, который произошелъ въ Ивановѣ. Какъ художникъ, Ивановъ является намъ недоконченнымъ, раздвоеннымъ и даже, въ концѣ концовъ, неудачнымъ, если принимать въ соображеніе только то, что онъ произвелъ. Но, съ другой стороны, это явленіе почти небывалое въ наше время, — явленіе художника, который сумѣлъ поставить свое искусство на тотъ высочій, почти недосыгаемый пьедесталъ, на

которомъ искусство должно стоять и па которомъ оно давно уже не стоитъ“.

„Въ исторіи нашего искусства личность Ал. Андр. Иванова стоитъ мощно и опредѣленно, на грани старой академической рутинѣ, и представляетъ какъ бы поворотную точку къ истинному реализму и исканію живой правды,—замѣчалъ Н. (Новицкій?), печатая „Незд. письма А. А. Иванова“ въ „Русс. Вѣст.“ 1890 (т. 208, № 5, с. 38—56).—Художникъ-аскетъ, всю жизнь положившій на двѣ картины, онъ является для насъ типомъ истиннаго работника своей кельи, полною вдохновенныхъ образовъ и чуждаго суетъ міра. Едва-ли не единственный изъ тогдашнихъ живописцевъ, онъ смѣло возсталъ противъ Академіи Художествъ, какъ „итальянскаго“ изобрѣтенія, и прямо говорилъ, что въ академическомъ мундирѣ съ высокими шптымъ воротничкомъ — ничего нельзя дѣлать, какъ только стоять вытянувшись. Это былъ человекъ стойкихъ убѣжденій. Когда ему предложили роспись стѣнъ храма Спасителя въ Москвѣ, онъ пришелъ въ ужасъ отъ мысли, какъ онъ съ потнувшимся религиознымъ взглядомъ рѣшится ваять за иконой. Онъ отвергъ все выгодные предложенія и заказы, и умеръ бѣднякомъ, когда его товарищи составили уже капиталы и положеніи.“

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилось собраніе его писемъ. Книга эта произвела большую сенсацію въ художественномъ мірѣ. Въ письмахъ порою мало грамотныхъ и напыщенныхъ, порою горячихъ и полныхъ тонкой критикой и здравыхъ мыслей,—раскидано столько интересныхъ мыслей и положеній, что собраніе ихъ вскорѣ сдѣлалось у многихъ художниковъ настольною книгою.“

„Оставшись безъ работы (во время бомбардированія Рима въ 1848 г.),—писалъ А. Новицкій въ своей статьѣ „А. А. Ивановъ, какъ иллюстраторъ Свящ. Писанія“—въ „Русс. Обзор.“ 1893 (т. XII, июль, с. 325),—Ивановъ, и раньше склонный къ чтенію и углубленію въ философскіе и социальныя вопросы, теперь сталъ заниматься ими еще болѣе прежняго, и результатомъ этого получился тотъ, всѣмъ известный, нравственный переворотъ, который оказался потомъ въ самой неоконченности его великаго труда.“

„Мы, не постигшіе вполнѣ мысли Христовой и не въ состояніи будучи до такой степени очистить отъ беззаконой и пороковъ, чтобы тоже создать изъ сердецъ нашихъ храмовъ

Богу,—полагаемъ, что наши безпрестанныя преступленія могутъ выкупиться соблюденіемъ обрядовъ, символически Его славящихъ. Вотъ отсюда-то и нужно, чтобы мудрый художникъ русскій создалъ намъ Библию въ изящныхъ видахъ и приложилъ къ ней свои ученія историческія разъясненія. Въ нихъ-то будетъ проявляться истинно-народное образованіе русское“,—записывалъ Ивановъ въ одномъ изъ альбомовъ, хран. въ кабинетѣ изящныхъ искусствъ при Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ, повидимому, равше 1848 года.

„Желательно бы было, чтобы люди просвѣднѣйшіе ускорили свой шагъ къ нравственному совершенству или, что все равно, примирились бы съ Евангеліемъ Иоанна... разобрали бы критически и стали бы продолжать или пополнять ученіе Христова знаніями, купленными вѣками и теперь приведенными въ порядокъ такой, какого нужно бы, чтобы увѣчать зданіе земли. Свѣтъ сей мы видимъ въ Германіи, но началомъ его распространенія должна кончиться сама Германія—по закону рожденія, мужества и смерти. Какая же нація должна принять итогъ вѣковыхъ трудовъ державъ нашихъ?—святая, возстающая, колоссы Россія. Арааратъ, новая колыбель человѣческаго рода послѣ ужаснаго переворота,—уже въ рукахъ нашихъ. Умѣй русскій ученый воспользоваться симъ скорѣе, и вотъ—уже въ рукахъ нашихъ новыя открытія, новыя поясненія къ известнымъ началамъ!“—отмѣчалъ онъ въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же альбомовъ.

„Славянское племя, сосредоточивъ жизнь въ Россіи, богатымъ языкомъ своимъ призвано, какъ послѣднее въ теченіи образованій народовъ, чтобы заключить цѣль созданія человѣка на землѣ...—При увидѣ націй (Израильской), Онъ (Спаситель) явился и тѣмъ, такъ сказать, заключилъ ея существованіе, давъ способъ челоуѣчеству—вѣроу держаться до тѣхъ поръ, пока, въ ходу образованія сѣверныхъ народовъ, не дойдетъ оно до нашего отечества, вѣроу же достигающаго до яснаго понятія и Его, и другихъ пророцествъ, до назначеннаго ему совершенства святости собственной жизни всѣхъ и каждаго...—Съ чего же начнемъ? какъ приступимъ къ такой благодати и истинѣ, дарованной намъ самимъ Спасителемъ? Не изящными ли прозведеніями всѣхъ книгъ откровенія? Таковыя изображенія, созданныя со всѣмъ самоотверженіемъ русскаго, при разсказахъ и историческихъ доказательствахъ, будутъ самыми ясными наставниками для исправленія и раз-

внѣ нравственныхъ способностей. — Чтобы подкрѣпить и олицетворить такое прочное образование нашего отечества, мы, по праву избранныхъ, указанныхъ въ Евангеліи, предлагаемъ все это на милостивое усмотрѣніе законнымъ помощникамъ царскимъ, дабы они, кромѣ способовъ, еще снабдили насъ своею силой покровительства отъ поддѣшатаго чиновничества, насъ на каждомъ шагу угнетающаго», — излагалъ онъ въ третьемъ мѣстѣ, въ видѣ обращенія къ какому-то высокопоставленному лицу, всего вѣроятнѣе, къ кв. П. М. Волконскому.

„Мы не будемъ входить въ оцѣнку мнѣній Иванова, — прибавлялъ Новикій послѣ сообщенія приведенныхъ отрывковъ изъ тетрадей его, — и разбирать ихъ справедливость или значеніе. Ивановъ насъ интересуетъ не какъ философъ-мыслитель, каковымъ онъ, конечно, и не былъ; намъ интересны эти мнѣнія для того, чтобы составить себѣ возможно ясное понятіе о его мировоззрѣніи, которое неминуемо должно было отразиться на его художественныхъ работахъ. Кромѣ того, эти приведенные отрывки ясно показываютъ намъ и внутреннія причины, побудившія художника заняться интересующими насъ рисунками.

...Рисунки эти исполнялись какъ бы между дѣломъ, но, несмотря на это, побуждаемый такими идеальными стремленіями, художникъ относился къ нимъ съ такою любовью, такъ тщательно обдумывалъ каждую подробность, столько изучалъ и костюмы, и обычаи евреевъ, и такъ старался выникнуть въ духъ Писанія, что композиція эти становилась chef-d'oeuvre'ами его творчества. Онъ является здѣсь уже не тѣмъ першительнымъ, робкимъ, все еще ученикомъ, несмотря на прекрасную технику, каковымъ мы видимъ его въ большой картинѣ, гдѣ онъ, рѣшивши написать лучше всѣхъ другихъ художниковъ, видѣлъ постоянно, что не достигаетъ такой высокой цѣли, и все былъ недоволенъ собой, все передѣлывалъ и переменялъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, необходимость не заставила его прекратить работу. И въ результатѣ такъ и получилось, несмотря на всю мощь техники, что-то такое робкое, даже ученическое, — мы не говоримъ, конечно, объ отдѣльныхъ частяхъ картины, а про общее впечатлѣніе. Другое дѣло здѣсь. Тутъ онъ не думалъ превзойти всѣхъ другихъ художниковъ, потому что не думалъ даже выставлять это въ такомъ видѣ публикѣ: онъ рисовалъ, такъ сказать, для себя, — рисовалъ, потому что рисовалось. И здѣсь никто не можетъ отказать ему не только

въ красотѣ композиціи, но даже и въ мощной фантазіи, которую нельзя и предположить въ немъ, судя по его картинѣ, и особенно въ необыкновенной оригинальности, съ какою онъ трактуетъ Библейскіе и Евангельскіе сюжеты.

...Ни одна книга, конечно, не привлекала столько иллюстраторовъ, какъ Библія и Евангеліе. За нихъ брались самые известные и самые талантливые художники. Но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ никакого сходства съ нашимъ художникомъ — онъ является здѣсь вполне оригинальнымъ. Напр., какъ оригинальны всѣ его ангелы, изображенные многокрылыми и въ одно и то же время могучими и легкими! Какъ оригинальна Пресв. Дѣва, которую ангелъ приводитъ къ пробуждающемуся Иосифу... Потомъ, сколько могущества и движенія передано въ фигурѣ Христа, когда Онъ проходитъ среди разяреннаго народа!.. А какъ реально и вмѣстѣ поэтично трактовано у него искушеніе Христа въ пустынѣ!.. — Въ бичеваніи Спасителя художникъ далъ тоже вполне реальную обстановку, взятую имъ изъ разныхъ специальныхъ сочиненій.

„Вездѣ онъ вноситъ тотъ же реализмъ, каковой мы видимъ и въ картинѣ... Такимъ образомъ только теперь, ознакомившись съ этими композиціями, можно имѣть понятіе о талантѣ Иванова. Вся сила его сказалась именно въ нихъ, и сужденіе о немъ по его картинамъ, даже по этюдкамъ, является самымъ вѣрнымъ“.

Теперь посмотримъ, какъ отзывались объ Ивановѣ иностранные художественные писатели. *Vaazew* въ своемъ изданіи: „Die Gemälde-Sammlung in der Kaiserl. Ermitage“, 1864, замѣчалъ насчетъ карт. Иванова „Явленіе Христа Магдалинѣ“, что „голова Христа — слаба и слаба“, но что „прекрасные осянка и рисунокъ, тщательная отдѣлка, не смотря на нѣсколько холодный колоритъ, составляютъ несомнѣнная заслуги“. Затѣмъ, печатавъ въ „Сиб. Вѣдом.“ 1874 г. (№ 117) выдержки изъ книги *Atkinsona* „An art tour to northern capitals of Europe“ въ русск. переводѣ, В. В. Стасовъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ англ. критика о нашемъ художникѣ:

„Явленіе Христа народу, А. А. Иванова, — созданіе мастерское, — есть самый важный прирѣвъ національной школы живописи въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ. Тридцать лѣтъ тому назадъ, известный художественный писатель, *гг. Рачинскій*, судя по однимъ этюдкамъ, предсказывалъ, что эта картина составитъ эпоху въ русскомъ ис-

куствѣ. Концепція нящана... Фигуры (числомъ 35) заслужили много похвалъ за хорошей рисунокъ и сильное выраженіе, но возражалъ также, что формы монотонны, а краска сыра и преувеличена. Я помню, какъ 15 лѣтъ тому назадъ картина эта, только что кошеная, была предметомъ разговоровъ всего Рима; художники изъ Café Gresco расхвалили ее въ одинъ голосъ; но краски были такіа невольнительныя, что одинъ англійскій фотографъ, получившій порученіе снять картину для Россіи, отказался отъ этого, какъ отъ вещи невозможной.. Но бѣдный Ивановъ не дожидъ до той популярности, которая ожидала его. Я точно вижу его передъ собой, молчаливаго и грустнаго, убитаго заботой, съ надломленнымъ здоровьемъ, какъ онъ стоитъ передъ громаднымъ своимъ холстомъ, на который онъ потратилъ дѣльшъ 20 лѣтъ жизни“.

Пять лѣтъ спустя, въ предисловіи къ издаваемымъ „Изображеніямъ изъ Свѣц. Исторіи оставленныхъ эскизовъ Ал. Иванова“, по порученію Центральной дирекціи Германскаго Археологическаго Института, Гельмъ, секретарь послѣдняго, высказывалъ такой взглядъ на Иванова:

„По глубинѣ содержанія, по силѣ выраженія, Иванова можно сравнить съ самыми замѣчательными мастерами нашего вѣка. Кроме всего этого, композиціи его, несмотря на ихъ художественную дѣлность, еще въ другомъ отношеніи способны возбудить самый живой интересъ, такъ какъ онѣ проникнуты духомъ совершенно самобытнымъ, не имѣющимъ ничего общаго съ произведеніями вѣднскихъ, французскихъ и итальянскихъ художниковъ. Духъ этотъ, мы полагаемъ, можно назвать *чисто-русскимъ*“.

Совершенно иначе взглянуть на тѣ же эскизы Иванова профессоръ исторіи искусства въ Аграмской художественной школѣ, Креляви, хотя и славянивъ родомъ,— въ „Zeitschrift für bildende Kunst“ 1882.

Хвала нашего художника за серьезность направленія, строгое изученіе, за равныя техническія достоинства — отличный рисунокъ, мастерскую группировку большихъ массъ, интереснй архитектурный и ландшафтнй фонъ, гдѣ Ивановъ является, по его замѣчанію, какъ бы предтечею новѣйшихъ французскихъ живописцевъ на Библейскій темы, и признавая у нашего художника задатки дарованія по части колорита, онъ нападалъ на него за все то,

что у того есть самаго своеобразнаго, новаго, оригинальнаго, причеиъ признавалъ его „новый типъ Христа — совершенно промахнувшимся“. „У Иванова всегда неудача съ фигурами ангеловъ,— замѣчалъ онъ также. То онъ представляетъ ихъ какими-то привидѣніями, колоссально большими существами—по вивантійской манерѣ изображать въ сверхъестественныхъ раамѣрахъ сверхъестественныя существа, то онъ дѣлаетъ изъ нихъ ассирійскія крылатыя созданія. Только въ одномъ случаѣ („Благовѣщеніе“ № 15) мы встрѣчаемъ нѣчто въ родѣ идеальнаго изображенія. Гдѣ въ композиціи являются ангелы, Ивановъ производитъ сверхъ того какіе-то странные эксперименты свѣтовыхъ эффектовъ, которые почти все сплосъ ему не удаются.“

„Удалось ли бы Иванову,—говорилъ тотъ же критикъ въ заключеніе,—еслибы онъ прожилъ, найти новыя стороны для своихъ новыхъ идей, какъ онъ самъ надѣялся, пріяи къ убѣжденію, что ему надо „отдѣлаться отъ укоренившихся понятій и представлений“, — это сомнительно, потому что, по словамъ самаго его биографа, М. П. Вотивна, это „отдѣлываніе“ плохо ему удавалось: онъ слишкомъ высоко цѣнилъ традиціи и продолжалъ находить въ высочайшихъ созданіяхъ XVI-го вѣка самое высокое и желательное выраженіе живописной красоты. Онъ —еще робкій, теоретическій ингилистъ, у котораго недостаточное образованіе и великая жажда знанія дѣлали невозможнымъ всякій шагъ впередъ, и который совершенно угодобляется тѣмъ превосходно изображеннымъ у Тургенева невинно сомнѣвающимся, которые добрались только до отрицанія существующаго, а сами всей душой привязаны къ нему“.

Подводя итогъ всему, высказанному Ивановымъ и его критиками, нельзя не придти къ заключенію, что какъ бы субъективно ни относился къ нему критика и при его жизни, и послѣ его смерти, все-таки надо признать его въ искусствѣ истиннымъ реформаторомъ, надѣленнымъ великимъ умомъ и не малымъ талантомъ. Если онъ могъ просидѣть много лѣтъ надъ одной картиной, то причина этому заключалась въ томъ, что онъ, задавшись извѣстною, не мало-важною цѣлю, долженъ былъ доходить до всего сама, встрѣчая при этомъ всевозможныя то нравственныя, то матеріальныя препятствія на своемъ пути, и не имѣя передъ собой другихъ предшественниковъ, да и то только относительно техники, кроме великихъ итальянцевъ старыхъ времени, давно позабытыхъ, однако, бла-

годара наставшей и долго державшейся жемчужины классической эпохи въ искусствѣ. Въдъ до него у насъ, можно сказать, не было и настоящей литературной критики, оказавшей, безъ сомнѣнія, не мало вліянія на его преемниковъ, вмѣстѣ со всѣмъ интеллигентнымъ обществомъ; да и самая литература только что начинала освобождаться при немъ отъ своихъ оковъ, а известно, какое значение она имѣла на слѣдовавшихъ за нимъ мыслящихъ художниковъ. Затѣмъ, не одной большой картиной занять онъ былъ все время: черезъ 8 лѣтъ послѣ ея начала, его стали занимать и другіе сюжеты, на этотъ разъ Библейскіе. Созданные имъ типы Христа, Иоанна Предтечи, апостоловъ, пророковъ, ангеловъ, Бога Саваога и другихъ святихъ личностей — всегда останутся памятниками не только его глубокой мысли и изучения, но и сильной творческой способности. Если его большая картина не производитъ того дѣйствія, какое по настоящему должна бы была производить, то причина этому заключается больше всего въ одновременномъ исполненіи ея по частямъ, при чемъ неизбежно должно было утрачиваться общее. А что Ивановъ не лишень былъ дара глубоко трогать душу и сердце зрителя, лучшимъ доказательствомъ тому служатъ многія изъ его композицій на Евангельскія и Библейскія темы. Даже и въ техническомъ отношеніи, не смотря часто на всю ихъ эскизность, онѣ обнаруживаютъ, не только по рисунку, а и по колориту, — великаго мастера. Но мысли Иванава еще изумительнѣе ихъ графической передачи имъ, а его воззрѣнія на задачи искусства, его критическій разборъ разныхъ художественныхъ произведеній могутъ похвастаться началомъ художественнаго развитія и художественной критики у насъ. Поэтому его преемникамъ, при извѣстной долѣ ума, не трудно уже было слѣдовать по начертанному ранѣе пути, итти передъ глазами такой образецъ, какимъ является Ивановъ, такъ что отношеніе къ нему послѣднихъ можно приравнять отношенію копій къ оригиналу. И такъ, Ивановъ опередилъ вѣкъ, послѣдующіе же художники уже слѣдовали за вѣкомъ, платя, такъ сказать, смотря по своимъ способностямъ, большую или меньшую дань охватившимъ литературу и общество порывамъ и стремленіямъ. Вотъ съ этой-то стороны, т.-е. со стороны начинателя, Ивановъ и пріобрѣтаетъ громадное значеніе въ нашемъ искусствѣ, да, пожалуй, и въ обществѣ, и значеніе это не только никогда не уменьшится, а должно еще болѣе

возрасти по мѣрѣ распространенія его писемъ и его композицій въ популярныя изданія.

Въ заключеніе, считаемъ небезполезнымъ, помимо упоминанія произведеній Иванава въ текстѣ біографіи, въ ихъ хронологической послѣдовательности, приложить еще перечень его работъ въ систематическомъ порядкѣ, съ обозначеніемъ, гдѣ таковыя находятся ¹⁾.

До 1824 г. 1 bis) — 3 bis) „Отдохновеніе св. Семейства въ Египтѣ“ — копія, „Божія Матерь съ Младенцемъ“ — оригиналь и „св. Александръ Невскій“ (наход. у Н. А. Дежера); 1824 г. 1) „Блудный сынъ“; 2) „Моксей, дающій во второй разъ законъ“; 3) „Иоаннъ Креститель, проповѣд. въ пустыни“ (неизвѣстно гдѣ наход.); 4) „Пріямъ испраш. у Ахиллеса тѣло Ректора“ (у К. Т. Солдатенкова въ Москвѣ); 1826 г. 5) „Взгожденствіе Россіи подъ скипетромъ имп. Николая I“, аллегор. рис.; 5 bis) „Патріархъ Авраамъ приним. подъ дубомъ Мемврійскимъ трехъ ангеловъ“, прогр. на 1 з. м. (подар. художникомъ крестному отцу его В. И. Сосоновичу, а отъ него переш. — къ Д. К. Тарновскому); 1827 г.: 6) „Іосифъ, толкующій въ темницѣ снъ виночерпій и хлѣбодаръ“ (у насл. Костяева въ Петербургѣ); картоны: 7) „Лаоконъ съ дѣтьми“, 8) „Венера Медицейская“, и 1829 г. 9) „Борецъ Боргесскій“ (въ Моск. Училищѣ японскія, ваянія и зодчества); 10) „Беллерофонтъ отправл. въ походъ противъ Химеры“ (2X1½ арш., — у М. П. Боткина въ Петербургѣ); 11) „Діогенъ“ (уничтож. Моллеромъ, по просьбѣ художника, въ 1848); 12) „Милосерд. Самарянинъ“, эскизъ (у М. П. Боткина); 13) „Голова Шиллера“ съ Давкенера, рис. (у М. П. Боткина); 1831 — 32 г. 16) „Аполлонъ, Кипарисъ и Гіадантъ, заним. музыкой“ (эскизъ: 7X9 в. — у М. П. Боткина; картина: 22½X30½ в. — у наслѣд. А. С. Хомякова въ Москвѣ); 8-мъ эскизовъ: 17) „Сусанна“, 18) „Ахиллесъ уок. Париса“, 19) „Самсонъ и Далила“, 20) „Давидъ утѣш. Саула игрой на гуслияхъ и пѣніемъ“, 21) „Іосифъ съ женой Пентефрія“, 22) „Братья Іосифовы находятъ чашу въ мѣшкѣ Веніаміна“ и пр. (въ 4-мъ альбомѣ въ Моск. Публ. и Румянц. Музей; кромѣ того: 1 рис. послѣдняго сюжета и еще 2 эскиза масл. краск. — 11 X 14 и 8 X 12½ в. — въ гал. Третьякова въ Москвѣ); 23) „Воспитаніе Юпи-

¹⁾ См. выше, стр. 7—10, 13—18, 23, 25, 31.

1. Мессія. — 2. Юаннъ Крестивель. — 3. Юаннъ Богословъ. — 4. Наванна (глухой). — 5. Ал. Андрей. — 6. Сомнѣвающийся. — 7 и 8. Выходяще изъ воды мальчикъ и старикъ. — Смотряще вверхъ: 9. воинъ, 10. человекъ въ колпакѣ, 11. мальчикъ, 12. старикъ и 13. съ поднятыми руками. — 14. Богачъ. — 15. Молокъ человекъ съ пейзажи, въ снѣгѣ. — 16. Поднимающийся старикъ. — 17. Рабъ. — 18. Слушающий, съ Дрампронской черепъ плечо. — 19 и 20. Дрожкаміе мальчикъ и взрослый. — Головы для дальняго плана: 21. въ бѣлой чалмѣ, въ профилѣ; 22. въ чалмѣ и голубой дрампронскій; 23. мужская въ профилѣ; 24. старикъ; 25. воинъ; 26 — 28. женщины; 29. старика въ сезонножѣ, въ молчаніи влущаго съ опушк. глазами; 30. старика съ токуб. глазами; 31. старика въ профилѣ. — 32. Старикъ въ чалмѣ. — 33. Насорѣ или человекъ съ косами. — 34 и 35. Воинъ на голеной и бѣлой лошади.

тера", чертеж; 24) картонъ „Сотвореніе чловѣка“ съ Микелъ-Анджело, въ велич. оригина. (2 а. 15 в. \times 7 а. 7 в.—въ Имп. Акад. Худож. въ Петербургѣ); 25) этюды головъ и драпировокъ съ картины „Преображеніе“ Рафаэля (5-ть головъ масл. краск.—у М. П. Боткина; голова „Форнарины“—у наслѣд. в. к. Екатерины Михайловны); 1834—35 г. 26) „Явленіе Христа Магдалинѣ по воскресеніи“¹⁾ (эскизы: $6 \times 7\frac{1}{2}$ в.—у М. П. Боткина и $9\frac{1}{2} \times 13$ в.—въ гал. Третьякова; картина: 3 а. 7 в. \times 4 а. 8 в.—въ Имп. Эрмитажъ въ Петербургѣ; этюды Христа и Магдалины въ отдаленности—у Солдатенкова; 2 аквар. эскиза и 5 рис. головъ, рувъ и проч.—въ 3-мъ альбомѣ въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ); 27) „Явленіе Христа народу“²⁾ [24 разныхъ композицій: рисунки въ контурѣ, углемъ, карандашемъ, акварелью, сепей, по 6×9 в., 10×17 в. и 18×20 в.—въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ; рис.—у наслѣд. М. Х. Рейтерна (отъ В. А. Жуковскаго); рис. первой, второй и третьей мысли— $13 \times 20\frac{1}{2}$ в. и небольшой эскизъ лѣв. стороны— $10\frac{3}{4} \times 8\frac{1}{4}$ в.—въ гал. Третьякова; 1) Эскизы: 1-й— 14×20 в.—у наслѣд. Д. П. Боткина въ Москвѣ, 2-й— 11×15 в., со св. Духомъ надъ Христомъ,—у наслѣд. гр. С. Г. Строганова въ Петербургѣ, 3-й— 12×17 в., ближайшій къ картинѣ,—у М. П. Боткина и одной верх. части—у него же, 4-й— $12 \times 16\frac{1}{2}$ в., въ колоритѣ венед. школы,—у наслѣд. А. С. Хомякова въ Москвѣ, 5-й—2 а. 7 в. \times $3\frac{1}{2}$ арш., окончательный, 1836—51 г.г.—у К. Т. Солдатенкова; картина 1837—56 г.г.—7 а. $6\frac{1}{2}$ в. \times 10 а. $8\frac{1}{2}$ в.—въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ; 2) Фигуры, головы и драпировки³⁾: 1 „фигура Христа“— 18×14 в. и другая поколѣнная—у М. П. Боткина, меньш. размѣра—у Петра П. Боткина, $17\frac{1}{2} \times 12$ в.—у наслѣд. Хомякова, $17 \times 9\frac{1}{2}$ в.—въ гал. Третьякова подъ № 1062; „голова Христа“— $9\frac{1}{2} \times 7\frac{1}{2}$ в.—тамъ же, въ 2-хъ экземпляхъ, подъ №№ 1060 и 61 (отъ Боткина); „женская голова для Христа, съ натуры. Ассунти“— $11 \times 9\frac{1}{2}$ и 14×10 в.—тамъ же подъ №№ 1058 и 59 (тоже) и въ больш. размѣрѣ—у М. П. Боткина; „драпировка для Христа, съ манекена“—у Воскобойникова въ Петербургѣ; 2. „голова Иоанна Крестителя“—въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ (отъ в. к. Елены Павловны), 14×13 в.—у М. П. Боткина, у наслѣд. М. С. Мазурина въ Москвѣ, 10×14 и $11 \times 12\frac{1}{2}$ в.—въ гал. Третьякова подъ №№ 1067 и 66 (1-я отъ К. С. Мазурина); „жен-

ская голова при переходѣ въ типъ Иоанна“— 18×10 в.—тамъ же подъ № 1065; „женская голова для Иоанна Крестителя“ 2-хъ разныхъ типовъ— $5\frac{1}{2} \times 5\frac{1}{2}$ и $5\frac{1}{2} \times 4\frac{3}{4}$ в.—тамъ же, подъ №№ 1064 и 63, и въ Моск. Румянц. и Публ. Музеѣ; 3. „голова Иоанна Богослова“—въ 2-хъ видахъ: 10×14 и 5×6 в.—у М. П. Боткина и 10×11 в.—въ гал. Третьякова подъ № 1070; „женская голова для Иоанна Богослова“— 5×6 в.—у первого, въ 3-хъ видахъ: 10×13 и 11×9 в.—у второго подъ №№ 1069—68 и 1120, и у наслѣд. П. А. Кочубея въ Петербургѣ; 2—3. „драпировки обонхъ Иоанновъ“— 6×5 в.—въ гал. Третьякова подъ № 1094; 2—4. „драпировки ихъ же и Навананна“—у В. Д. Польнова въ Москвѣ; 4. „двѣ головы для сомнѣвающейся“ (Навананна)“ и „онѣ же, вмѣстѣ съ 7. двумя головами мальчика, выход. изъ воды“— $11 \times 14\frac{1}{2}$ в.—въ гал. Третьякова подъ №№ 1096 и 1078 (1-я отъ К. С. Мазурина); 4. „двѣ головы Навананна“ и 4—6. „драпировки Навананна, Андрея и сомнѣвающейся“— 13×10 в.—у М. П. Боткина; 5. „голова Андрея“— 13×10 в. и 6×5 в.—у него же, 14×10 в.—у Миндовскаго въ Москвѣ, Менделѣева, наслѣд. гр. С. Г. Строганова, Трапезникова въ Петербургѣ—въ 2-хъ видахъ, въ гал. Третьякова—въ 2-хъ экземпляхъ подъ №№ 1074—75 (отъ К. С. Мазурина) и, какъ этюды 3-хъ разныхъ типовъ,— $12\frac{3}{4} \times 10$, 12×10 и 11×9 в.—подъ №№ 1071—73; 6. „женская голова въ овалѣ, для сомнѣвающейся“— 5×4 в.—у наслѣд. Хомякова; „голова въ чалмѣ, въ овалѣ, для сомнѣвающейся“— $4\frac{1}{2}$ в. въ квадр.—въ гал. Третьякова подъ № 1076; „двѣ головы для него же“— 10×13 в.—тамъ же подъ № 1077; „одна голова“—у М. П. Боткина; 7. „голова мальчика, выход. изъ воды“— 10×14 в.—у М. П. Боткина; „женскій профиль для него же“— $10\frac{1}{2} \times 14\frac{1}{2}$ в.—въ гал. Третьякова подъ № 1079; „тогъ же мальчикъ“— 6×5 в.—у А. П. Боголюбова и въ 2-хъ видахъ— 13×10 в.—въ гал. Третьякова подъ №№ 1080—81; „двѣ фигуры его же“— 5×6 в.—тамъ же подъ № 1084 (отъ К. С. Мазурина); 7—8. „фигуры старика и мальчика, выход. изъ воды“— 12×6 в. и тоже, въ обрат. стор.— 12×14 в.—у М. П. Боткина; „онѣ же, съ водой и камнями“, и также въ обрат. стор.— $14\frac{1}{2} \times 10$ в.—въ гал. Третьякова подъ № 1083; 8. „фигура старика, выход. изъ воды“,— 12×14 в.—у М. П. Боткина; „голови того же старика“— 14×10 в.—у него же и 11×10 в.—въ гал. Третьякова подъ № 1082; „двѣ головы для того же старика“— 13×9 в.—у Менделѣева; 10. „сидящая фигура въ коллѣкѣ, для сред. плана“— $13 \times 8\frac{1}{2}$ в. и „двѣ головы для той же фигуръ“— 10×13 в.—въ гал. Третьякова подъ №№ 1085—86; 11—13. „голови смотрящихъ

¹⁾ См. выше стр. 23 и 32—44.

²⁾ См. стр. 23, 62—63, 120—174, 187 и сл.

³⁾ См. стр. 51—52.

вверхъ, въ тѣни, тамъ же: „дѣвочки для мальчика“ — 5×5 в., старика“ — 7×9 в. и „въ шапочкѣ, съ поднят. руками“ — 13×10 в. — всѣ три въ той же галерей подъ №№ 1087—89; 11. „голова мальчика съ рыжими волосами“ — 6×5 в. — В. А. Кочубей и М. П. Боткина (прод.); тотъ же „мальчикъ въ тѣни, изъ сред. группы“ и 12—13. „дѣв. головы отсюда же“: старика и съ поднят. руками — по 14×10 в. — у М. П. Боткина (первый — отъ В. А. Кокорева); 12. „ищущій взорами Христа“ — старикъ въ срединѣ — у граф. Кочубей въ Петербургѣ; „7-мъ сидящихъ фигуръ, пис. на солнцѣ“ — 10×14 в. — у М. П. Боткина; „6-тъ фигуръ, пис. на солнцѣ для сред. групп“ — ок. 1 арш. выш. — у наслед. Хомякова; „группа изъ нѣск. фигуръ, съ нат., для сред. плана“ — $7 \times 10 \frac{1}{4}$ в. — въ гал. Третьякова подъ № 1095; 15 — 16. „дѣв. фигуръ, пис. на солнцѣ: для молод. человѣка съ пейзажемъ, и для подним. старика“ — у наслед. Хомякова; „драпировки того же молодого человѣка и старика“ — 13×10 в. — у М. П. Боткина; „драпировка одного старика“ — у наслед. акад. Бѣляева въ Петербургѣ; 16. „голова подним. старика“ — 10×14 в. — у М. П. Боткина (отъ С. А. Мазурина) и $11 \times 12 \frac{1}{2}$ в. — въ гал. Третьякова подъ № 1091; „дѣв. головы для того же старика“ — 10×13 в. и „тоже, въ отдаленности“ — 10×7 и $8 \frac{1}{2} \times 7$ в., послѣдняя въ шапочкѣ; — тамъ же подъ №№ 1092—93 и 1090; „этудь для того же старика“ — 10×14 в. — у г-жи Фовелинъ въ Петербургѣ; 17. „голова раба“ — 10×14 в. — у нея же, у К. Т. Солдатенкова и 10×7 в. — въ гал. Третьякова подъ № 1097; „дѣв. головы раба“ — 11×15 в., „женская голова для него“ — 5×6 в. и „драпировка его“ — $6 \times 8 \frac{1}{2}$ в. — у М. П. Боткина; 17 — 18. „фигуръ раба и слушающаго съ драпировкой черезъ плечо“ — 17×14 в. и 18. „спина послѣдняго“ — 14×10 в. — тамъ же; „полуфигура его же“ — $16 \frac{1}{2} \times 13$ в. — въ гал. Третьякова подъ № 1098; 19. „плохоинная фигура мальчика дрожащаго“ и „дѣв. цѣльныхъ фигуръ его на темномъ фонѣ“ — по 14×10 в. — у М. П. Боткина; „тѣ же фигуръ“ на бѣломъ фонѣ — 14×11 в. и „дѣв. головы“: „того же мальчика“ и „дѣвочки для него“ — $5 \frac{1}{2} \times 5$ и $9 \times 7 \frac{1}{2}$ в. — въ гал. Третьякова подъ №№ 1099—1101; „голова того же мальчика“ — 6×5 в. — у наслед. К. С. Мазурина и П. А. Кочубей; 20. „голова для дрожащаго, надѣв. рубашку и ушибающагося“ на бѣломъ фонѣ — въ 2-хъ видахъ: 7×6 и $9 \times 8 \frac{1}{2}$ в., на сбромъ — $8 \frac{1}{2} \times 7$ в. и еще „голова его же“ — $12 \frac{1}{2} \times 10$ в. — въ гал. Третьякова подъ №№ 1102—05; „та же голова“ — 14×10 в. — у Вартукиной въ Петербургѣ и у Боголюбова; „она же“

и еще „дѣв. такихъ же голова“ — по 14×10 в., а также „дѣв. драпировки въ рукахъ того же старика“ — $10 \frac{1}{2} \times 7$ в. — у М. П. Боткина; „головы для прав. стор.“: 21—22. „въ бѣлой чалмѣ, въ профиль“ — $11 \frac{1}{2} \times 9 \frac{1}{2}$ в. и „въ голубой драпировкѣ“ — $9 \frac{1}{2} \times 7 \frac{1}{2}$ в. — въ гал. Третьякова подъ №№ 1006—07; „головы для дальняго плана“: 23. „въ профиль“ — 7×6 в., 24—25. „дѣв. мужскихъ“ — $9 \frac{1}{2} \times 13$ в. и 23—25. „три тѣхъ же головы“ — 10×14 в. — тамъ же, подъ №№ 1108, 1112 и 1115 (послѣднія отъ К. С. Мазурина); 24—25. „старика и воина“ — $9 \frac{1}{2} \times 13$ в. — у наслед. Хомякова; „дѣв. головы мужскихъ и дѣв. женскихъ для разныхъ фигуръ“ — $4 \frac{1}{4} \times 9 \frac{1}{4}$ в. — въ гал. Третьякова подъ № 1116; 26—27. „дѣв. женскихъ“ — $7 \frac{1}{2} \times 11$ в. — тамъ же подъ № 1113 и у М. П. Боткина (прод.); 28—29. „женщины и старика“ — $9 \frac{1}{2} \times 11 \frac{1}{2}$ в. — у наслед. Хомякова; по „дѣв. головы старика“: 29. „въ зеленомъ“, съ ошущ. глазами, для идущаго въ молчаніи, и 30. съ корч. и голуб. глазами, для сред. фарисея въ чалмѣ, а также — одна „голова послѣдняго“ — всѣ по 10×14 в. — въ гал. Третьякова подъ №№ 1009—11 (отъ Воскобойникова, докт. Милутина и К. С. Мазурина); 30—31. „дѣв. головы стариковъ фарисеевъ: выпрям. съ голуб. глазами, и въ профиль“ — 10×14 в. — у Шяловскаго въ Москвѣ; 32—33. „дѣв. крайнія головы съ прав. стор.“ — 10×13 в. — въ гал. Третьякова подъ № 1114; „голова старика съ Назареемъ“, т.-е. человѣкомъ съ косами, — у Сухановой; 32. „голова фарисея съ прав. стор.“ — 10×14 в. и 33. „задрапированная спина человѣка съ косами“, т.-е. Назарей, — 8×6 в. — у М. П. Боткина; драпировка его же — у наслед. акад. Бѣляева; 34—35. „воины на лошадахъ“: „темной“, какъ этюдъ съ франц. драгуна, — 15×8 в. и „бѣлой“ — 14×10 в. — у М. П. Боткина, въ 3-хъ экземпляхъ; „франц. солдатъ для фигуры послѣдняго воина“ — 14×10 в. — въ гал. Третьякова подъ № 1117; сверхъ того: „голова, неизмѣняющаго мѣста въ картинѣ“, — 14×10 в. и „дѣвочка албанка въ джерахъ“ — тамъ же, подъ №№ 1119 и 1057 (отъ К. С. Мазурина); „головы“: „дѣвочки у стола“ и „мальчика“ — по 6×5 в. — прод. у Шелочкина въ Петербургѣ; „дѣтская голова“ и „мальчикъ инфантери“ — 7×9 в. — въ гал. Третьякова подъ №№ 1118 и 1056; „мальчикъ, спиной къ зрителю, съ поднят. руками“ — у наслед. гр. С. Г. Строганова; „профиль натурщика“ — у П. А. Боголюбова; „дѣв. женщины съ кипарисами въ фонѣ“ — у Д. И. Менделѣева; „этудь, пис. на солнцѣ съ голыхъ мальчиковъ“: одного, 3-хъ съ Альбанскимъ пейзажемъ и 4-хъ — по 10×14 в. — у М. П. Боткина; „7 рис. гипсовъ и драпи-

ровокъ для картин" — у него же; альбомы: 5-й — съ 64-мя рис., 50-ю типами и драшировками, а также калками головъ, и 6-й — съ 51-мъ этюдомъ голога тѣла, т.-е. рукъ, ногъ и проч., и 51-мъ набросъ этюдомъ, кромѣ 39-ти альбомовъ съ набросками разныхъ частей чело-вѣч. тѣла, пейзажей и проч., а также рисунками съ разныхъ мастеровъ XIV в., отъ 1837 г. — въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ; III. Этюды для пейзажа 1836—41 г.г.): 1. „Повитиския болога“ — 10×20 в. — у М. П. Боткина и $6\frac{1}{2} \times 20$ в. — въ гал. Третьякова подъ № 1121; 2. „Земля въ Тиволи“ — $6\frac{1}{2} \times 20$ в. — тамъ же подъ № 1122; 3. „Монтичелли“ = Тиволийскія горы — 6×20 в. — у М. П. Боткина и въ гал. Третьякова подъ № 1124; 4. „Подножіе Виковары, по дорогѣ изъ Тиволи въ Субіано“ = камни на берегу рѣки — 6×20 в. — тамъ же подъ № 1123 и у Д. А. Беклемишевой въ Москвѣ; 5. „Вода съ камнями подъ Палаццуоло“ — въ 2-хъ видахъ по $10 \times 13\frac{1}{2}$ в. — у наслѣд. Хомякова; 6. „Камни съ водой“ и 7. „Вода съ рефлексомъ на Лаго ди Неми“ — по 10×13 в. — у М. П. Боткина; 8. „Дерево у озера Неми“ — 17×15 в. — въ гал. Третьякова подъ № 1180; 9. „Этюдъ дерева“ — у наслѣд. М. С. Мазурова; 10. „Вилла Адриана“ и 11. „Этюдъ земли, съ воротами св. Павла въ Альбано“ — по $6\frac{1}{2} \times 20$ в. — у наслѣд. Хомякова; 12—13. „Земля на верху кладбища Капуциновъ въ Альбано“: „съ зеленью“ и „съ камнями“ — по 6×20 в. — у М. П. Боткина (отъ г.г. Барадавскаго и Баранова); 14. „Камни съ дорогой изъ Альбано“ и 15. „Дерево на Альбанскомъ озерѣ“ — по $7\frac{1}{2} \times 10\frac{1}{2}$ в. — у него же; 16. „Зелень въ Монте Савелии“ — $5 \times 13\frac{1}{2}$ в. — тамъ же; 17. „Низъ дороги изъ Альбано въ Ариччи, съ моремъ“ — $5 \times 13\frac{1}{2}$ в. — у наслѣд. Д. П. Боткина; 18. „Пейзажъ въ Альбано“ — у А. П. Боголюбова; 19. „Этюдъ верхушки дерева, изъ нижней галлерей въ Альбано“ — $10 \times 13\frac{1}{2}$ в. — у наслѣд. Хомякова; 20. „Нижняя галлерей въ Альбано, со входомъ на виллу Варберини“ — 10×14 в. — у Д. А. Беклемишевой въ Москвѣ; 21. „Оливн у кладбища въ Альбано“ — 10×14 в. — у О. Ф. Кошелевой въ Москвѣ; 22. „Дорога въ тѣни надъ водой у Капуциновъ“ и 23. „Кастель Гандольфо въ Альбанскихъ горахъ“ — въ гал. Третьякова подъ №№ 1127—28; 24. „Дерево въ тѣни надъ водой у Капуциновъ въ Кастель Гандольфо“ — у Павла П. Боткина въ Москвѣ; 25. „Оливковое дерево въ долинѣ Ариччи“ — $13\frac{1}{2} \times 10$ в. — у наслѣд. Хомякова; 26. „Дерево у фонтана между Ариччи и Дженсано“ — у Баранова въ Петербургѣ; 27. „Паркъ

Ариччи, внутренность“ и 28. „Наружное дерево парка Гиджи“ — по $10 \times 13\frac{1}{2}$ в. — въ гал. Третьякова подъ №№ 1125 и 1129; 29. „Паркъ Гиджи, внутренность“ — у Солдатенкова; 30. „Лѣсной этюдъ, съ частью строеній дворца Гиджи“ — у О. Ф. Кошелевой; 31. „Вѣтка парка Гиджи въ Ариччи“ — 10×13 в. и 32. „Выходящая зелень по деревьямъ“ — 10×7 в. — у М. П. Боткина; 33. другая „Вѣтка“ — 10×14 в. — въ гал. Третьякова подъ № 1131; 34. „Дорога Анниа при закатѣ солнца“ — $10 \times 13\frac{1}{2}$ в. — тамъ же подъ № 1126; 35. „Вилла Дориа“ — 6×10 в. и 36. „Лѣсная чаща при солнечномъ освѣщеніи“ — $6\frac{1}{2} \times 10$ в. — тамъ же подъ №№ 1133—32; 37. „Видъ изъ Помпеи на Кастелла-Маре“ — 10×14 в. — тамъ же подъ № 1134 и 38. „Кастелла-Маре“ — 6×20 в. — у наслѣд. Д. П. Боткина; 39. „Дорога въ Байю“ — у М. П. Боткина; 40. „Неаполь съ дороги въ Позитано“ — 9×13 в. — у Менделѣева, — въ общемъ: 190 эт. и 225 рис.; 28) — 30) исполненны въ Венеціи копіи съ карт. Тициана: „Ассунта“ или „Взятіе Богіей Матери на небо“ и „Приташеніе Петра Доминиканца“, и Тинторетто: „Мученіе Св. Андрея“ (у М. П. Боткина) и 30 bis) „Три нимфы“ (у него же); 31) и 32) Этюдъ съ натур. Витторія, вышедъ замужъ за живон. Лаиченко, для „Богородицы всѣхъ скорбящихъ“, и портретъ ея же (послѣдній — у М. П. Боткина); 33 bis) и 34 bis) Копіи съ карт. Рафаэля: „Ассинская школа“, лѣв. стор., и „Disputa“, лѣв. и прав. стор.; 33) и 34) Эскизы: „Господь благословляетъ Адама и Еву на владѣніе землей“ и „Изгнаніе изъ рая“ (въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ); 1838 г. 35) акварель: „Ате Магіа“, съ изображеніемъ римской толпы изъ 26 фигуръ, поющихъ передъ образомъ Богоматери на углу улицъ (въ альбомѣ е. и. в. Александра Николаевича); 1841 г. 36) Портреты Гоголя: рисов. карандашомъ (въ Импер. Публ. Библ.) и 2-пис. масл. красками (въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ — отъ Погодина у наслѣд. М. Х. Рейтерна — отъ Жуковскаго); 1842 г. 37) Копія съ „Неаполит. Мадонны“ Рафаэля (со сред. части — у Петра П. Боткина въ Москвѣ; съ Младенца Христа — у М. П. Боткина, и съ головы Богородицы и Св. Анны, каранд., — у Сухановой въ Петербургѣ); 38) — 41) акварели: „Женыхъ Campragnuolo, выбир. серьги для слоев не-

1) См. выше, стр. 25.

2) См. стр. 81.

3) См. стр. 48.

4) См. объ этомъ письмѣ Гоголя къ Иванову отъ 25 дек. 1841 (въ „Соврем.“ 1858, № 11, с. 133).

1) См. выше стр. 30, 45, 46, 51, 53, 54, 69, 102.

вѣствя" (въ гал. Третьякова — изъ альбома Жуковскаго), „Октябрскій танецъ на одной изъ loggia"—2 рис., „Октябрскій праздникъ у Ponte Molle"—8 рис., „Октябрскій праздникъ у Testaccio въ Римѣ" (исполн. въ альбомѣ в. к. Маріи Николаевны и герц. Лейхтенбергскаго)¹⁾; 1845 г. 42) вслѣзъ „Воскресенія Христова" (10-ть композицій — въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ)²⁾; 43) „Рѣчь Христа на горѣ Элеонской о второмъ пришествіи" (10 × 14 в., — у М. П. Вотикина)³⁾; 1844—57 гг. 44) и 45) „Композиціи на сюжетахъ изъ Свящ. Писанія" (въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ)⁴⁾: 1. Изъ „Новаго Завѣта": 1. (1, 2), „Пророчество о Рожденіи Христа" (Исаія съ синозмъ передъ ц. Ахазомъ": Ис. вч. и Марк. I, 2.—2 рис.; 2. (3, 4), „Захарій становится нѣмъ передъ ангеломъ": Лук. I, 20.—2 рис.; 3. (5), „Нѣмой Захарій передъ народомъ": Лук. I, 22; 4. (7, 8), „Благовѣщеніе": Лук. I, 28.—6 рис. (2 углемъ); 5. (12, 13), „Привѣстіе Маріи Елизаветой": Лук. I, 40.—3 рис.; 6. (6), „Рождество Иоанна Предтечи" („Иоаннъ имя ему"): Лук. I, 63; 7. (9), „Сонъ Иосифа" („Не бойся принять Марію": Матв. I, 20); 8. „Волхвъ, увидавшіе звѣзду на Востоцѣ" (рис. углемъ); 9. (10), „Ангель возвѣщ. пастухамъ о Р. Х.": Лук. II, 11; 10. „Поклоненіе пастуховъ": Лук. II, 16; 11. (16, 17), „Рождество Христово" („Поклоненіе волхвовъ"): Матв. II, 11.—2 рис.; 12. (11), „Пастухи славящие Р. Х.": Лук. II, 20; 13. „Обрѣзаніе": Лук. II, 21 (рис. углемъ); 14. (18), „Срѣщеніе" (Младенца Иисуса приносятъ въ храмъ къ Симеону Богопріимцу): Лук. II, 28; 15. (14), „Сонъ Иосифа" (Ангель говоритъ ему: „Бѣги въ Египетъ"): Матв. II, 13; 16. (15), „Повелѣніе Иосифу возвратиться въ Иудею" („Изъ Египта воззвахъ сына Моего"): Матв. II, 19; 17. (19), „12-лѣтній отрокъ Иисусъ въ храмѣ среди учителей": Лук. II, 46.—2 рис.; 18. (20), „Проповѣдь отрока

¹⁾ См. выше: стр. 54 и 55.

²⁾ См. выше, стр. 71.

³⁾ См. стр. 75.

⁴⁾ См. стр. 69, 176.—Въ виду того, что нѣкот. рисунки могли исчезнуть послѣ смерти А. А. Иванова, мы влючили въ нашъ списокъ какъ упомянутые въ письмѣ С. А. Иванова къ Стасову отъ 2/14 апр. 1858, такъ и исчисленныя М. П. Вотикинымъ въ его изданіи, поставивъ въ скобкахъ нѣмъ вслѣзъ, воспроизведенныхъ въ изданіи Германскаго Археолог. Института и развѣстивъ ихъ въ послѣдovat. порядкѣ Евангельскаго и Виблейскаго разсказа, со ссылками на соответств. мѣста Свящ. Писанія.

Иисуса"; 19. (24—28), „Проповѣдь Иоанна Крестителя въ Виваарѣ при Иорданѣ" и „Крещеніе имъ народа" („Се Ангель Вожій"): Матв. III, 1 и 6; Марк. I, 4 и 5; Лук. III, 3 и 7; Иоан. I, 29 и 36.—24 композ.; 20. (29, 30), „Крещеніе Иисуса отъ Иоанна": Матв. III, 13; Марк. I, 9; Лук. III, 21.—3 рис. (1 контур.); 21. (21—23), „Искушеніе Иисуса — въ пустынѣ, на крылѣ храма и на вершинѣ горн": Матв. IV, 3, 5, 8; Марк. I, 13; Лук. IV, 2, 5, 9; 22. (81), „Иисусъ, окруж. свѣтами пророчествъ о Мессіи": Лук. IV, 17; 23. (61), „Иисуса хотять свергнуть съ горн въ Назаретѣ": Лук. IV, 29; 24. „Приваніе Петра": Матв. IV, 18; 25. „Сотворю васъ ловцами человѣковъ": Матв. IV, 19; Марк. I, 17; Лук. V, 10.—2 рис.; 26. (46, 47), „Бракъ въ Канѣ Галилейской": Иоан. II, 7.—2 рис.; 27. (51), „Нагорная проповѣдь": Матв. V, 1 и сл.; 28. (207), „Молева и раздача милостынн": Матв. V, 3; 29. (36), „Иисусъ, идущій на проповѣдь" въ сопровожд. массы народа; 30. (35), „Иисусъ, идущій съ проповѣдью для испѣванія бѣсноватаго (?); 31. (52), „Исцѣленіе прокаженнаго" (послѣ сошествія съ горн): Матв. VIII, 2—4; Марк. I, 40—45; Лук. V, 12; 32. (62), „Исцѣленіе бѣсноватаго въ Капернаумской синагогѣ": Марк. I, 23; Лук. IV, 33; 33. (34), „Исцѣленіе бѣсноватахъ": Матв. VIII, 28—32; Марк. V, 2—20; Лук. VIII, 27; 34. (39a), „Исцѣленіе расслабленнаго въ Капернаумѣ": Матв. IX, 2—7; Марк. II, 3—12; Лук. V, 18, или въ Иерусалимѣ: Иоан. V, 5; 35. (50), „Приваніе митаря" (ап. Матвѣя): Матв. IX, 9; Марк. II, 14; Лук. V, 27; 36. (86), „Иисусъ за трапезой съ мытарями и грѣшниками": Матв. IX, 10; Марк. II, 15; Лук. V, 29; 37. „Исцѣленіе кровоточивой": Матв. IX, 20—22; Марк. V, 27—34; Лук. VIII, 43; 38. (64), „Никольямъ у Иисуса": Иоан. III, 2.—2 рис.; 39. (49), „Иисусъ у колодезя Іаковлева": Иоан. IV, 6; 40. (48), „Иисусъ и Самарянка": Иоан. IV, 7, 41. „Приваніе апостоловъ" для наставленія ихъ: Матв. X, 1 и сл.; Марк. III, 14 и сл.; Лук. IX, 1 и сл.; 42. (60), „Проповѣдь Христа" (сравненіе фарисеевъ съ дѣтьми): Матв. XI, 16; 43. (63), „Проповѣдь въ лодкѣ": Матв. XIII, 2; Марк. IV, 1; Лук. V, 8; 44. „Притванія братьевъ къ Иисусу, углубленному въ смыслъ прор. Исаія и Давида": Матв. XII, 46; Марк. III, 31; Лук. VIII, 19 (рис. углемъ); 45. (66), „Иродіада отдаетъ матери главу Иоанна Предтечи": Матв. XIV, 11; Марк. VI, 28; 46. (55, 56), „Умноженіе хлѣбовъ" („Чудо съ 5-ю хлѣбами": „Иисусъ раздѣляетъ народу хлѣбъ и рибу" и „велитъ роздать ихъ народу"): Матв. XIV, 19 и XV, 36; Марк. VI, 41 и VIII, 25; Лук. IX, 16; Иоан. VI, 11.—2 рис.; 47. „Хоженіе по водамъ" („Иисусъ подаетъ руку

утоп. Петру“: Матв. хiv, 25; Марк. vi, 49; Иоан. vi, 19; **48.** (67). „Жена хананейка проситъ Иисуса объ исцѣленіи блѣсн. дочери“: Матв. хv, 22; Марк. viii, 25; **49.** (37?). „Призваніе Петромъ Христа“ (или „Симонъ Петръ, любяшь ли ты меня?“): Матв. хvi, 16; Марк. viii, 29; Иоан. vi, 68; **50.** (68, 69 а — 6, 70 — 72). „Преображеніе“: Матв. хvii, 2 и сл.; Марк. ix, 2; Лук. ix, 29. — 6 рис.; **51.** (53). „Человѣкъ, просящій Иисуса пойти исцѣлить его сына блѣснущагося“: Матв. хviii, 15; Марк. ix, 17; Лук. ix, 38; **52.** (57, 58). „Проповѣдь о дѣтяхъ“ („Наибольшій въ царствіи небесномъ“): Матв. хviii, 4; Марк. ix, 36. — 2 рис.; **53.** (65). „Благословеніе дѣтей“ („Не прелестуйте дѣтямъ приходи въ Мивъ“): Матв. хix, 13 — 15; Марк. x, 13 — 15; Лук. хviii, 15 — 17; **53 bis.** „Иисусъ, окруж. дѣтьми“ — 2 рис.; **54.** (88). „Посланные фарисеями и первосвященниками служители, чтобы схватить Иисуса въ храмъ“: Иоан. vii, 32; **55.** (92). „Иисуса хотятъ побить камнями въ храмъ“: Иоан. viii, 59 и x, 39. — 3 рис.; **56.** „Иисусъ уход. изъ храма отъ разъяреннаго народа“; **57.** (39 б — в, 40). „Иисусъ и блудница“: Иоан. viii, 3. — 3 рис.; **58.** (76). „Просьба матери снневой Заведевыхъ“: Матв. xx, 20; Марк. x, 35; **59.** (75). „Исцѣленіе слѣплаго отъ рожденія“: Марк. x, 46 — 52; Лук. хviii, 35; Иоан. ix, 1; **60.** (77). „Заквѣй примин. у себя Иисуса“: Лук. хix, 6; **61.** (78). „Приготовленія ко входу въ Иерусалимъ“ (Апостолы берутъ ослицу для Иисуса): Матв. хxi, 2; Марк. xi, 2; Лук. хix, 30; **62.** „Иисусъ узнаетъ о смерти Лазаря“ (контуръ); **63.** (74). „Воскрешеніе Лазаря“: Иоан. xi, 4 и 43; **64.** (79, 80). „Вшествіе въ Иерусалимъ“: Матв. хxi, 8 — 9; Марк. xi, 8 — 10; Лук. хix, 36 — 40; Иоан. хii, 12 — 14. — 3 рис.; **65.** (41 — 43). „Изгнаніе торжниковъ изъ храма“: Матв. хxi, 12; Марк. xi, 5; Лук. хix, 45; Иоан. ii, 15. — 3 рис.; **66.** (89). „Совѣщаніе фарисеевъ, какъ бы уловить Иисуса“: Матв. хxii, 15; Марк. xi, 18 и хii, 13; **67.** (87). „Подсланные фарисеями коварные люди, чтобы уловить Иисуса“: Лук. хx, 20; **68.** (90, 91). „Осужденіе книжниковъ и фарисеевъ“ („Проповѣдь у монумента“): Матв. хxiii, 13 — 35; Лук. xi, 42 — 52. — 2 рис.; **69 — 78.** (38, 44 — 45, 54, 59). „Проповѣди Иисуса въ храмѣ Соломоновомъ“ (въ притворѣ; при воинахъ; при фарисеяхъ; фарисеямъ о дѣтяхъ; народу) и (81 — 85). „Иисусъ во храмъ“ (окруж. народомъ и вопрош. фарисеями — 2 рис.; на ступеняхъ лѣстницы — 2 рис.; въ галлерей); **79 — 80.** „Иисусъ съ учениками“ — 2 рис.; **81.** (32, 33). „Иисуса спрашиваютъ о второмъ пришествіи“ („Иисусъ между учениками“): Матв. хxv, 3 и сл.; Марк. хiii, 3; Лук. хxii, 8. — 3 рис. (1 кон-

тур.); **82.** (93, 94). „Притча о 10-ти дѣвахъ“: Матв. хxv, 1. — 4 рис.; **83.** „Притча о ворѣ“; **84.** „Страшный судъ“ и „Христосъ въ словѣ“ (2 рис. углемъ); **85.** „Иисусъ за трапезой у Симона въ Капернаумѣ“; **86.** (73). „Магдалина возмываетъ мурю на ноги Иисуса въ домѣ Симона“: Матв. хxxiv, 3; Лук. vi, 7; Марк. vii, 37; Иоан. хii, 3. — 2 рис. (углемъ); **87.** „Иоаннь и Петръ идуть приготовить Пасху“ (рис. углемъ); **88.** „Иоаннь и Петръ вход. въ горницу для приготовленія Пасхи“ (рис. углемъ); **89.** „Ан. Петръ и Иоаннь у Ананія“; **90.** (95 — 98). „Тайная вечеря“: Матв. хxvi, 20 и сл.; Марк. хiv, 18; Лук. хii, 14. — 5 рис. (1 углемъ); **91.** (99). „Омовеніе ногъ“: Иоан. хiii, 4; **92.** (100, 101). „Иисусъ съ учениками послѣ Тайной вечери“ — 4 рис. (1 углемъ); **93.** „Иисусъ говоритъ Петру, что тотъ отречется отъ него“ (рис. углемъ); **94.** „Иисусъ съ учениками въ Геесиманскомъ саду“ (оставляетъ ихъ, идя на молитву): Матв. хxvi, 36; Марк. хiv, 32; Иоан. хviii, 1. — 3 рис.; **95.** (102, 104). „Моленіе о чашѣ“: Матв. хxvi, 39 и 42; Марк. хiv, 35; Лук. хxii, 43. — 5 рис. (3 углемъ); **96.** (103, 105). „Иисусъ наход. учениковъ спящими“: Матв. хxvi, 40, 43, 45; Марк. хiv, 37, 40, 41; Лук. хxii, 45. — 4 рис. (2 углемъ); **97.** (106). „Обозаніе Іуды“: Матв. хxvi, 49; Марк. хiv, 45; Лук. хxii, 47. — 2 рис. (1 углемъ); **98.** „Взятіе Иисуса подъ стражу“ (рис. углемъ); **99.** (107). „Вѣгство учениковъ“: Марк. хiv, 50; **100.** (108). „Иисусъ передъ Анной“: Иоан. хviii, 13; **100 bis** (109). „Иисусъ передъ Каиафой“: Матв. хxvi, 57; Марк. хiv, 58; Иоан. хviii, 24. — 2 рис.: **101.** „Троекратное отреченіе Петра“ — 3 рис. (углемъ); **102.** (111). „Оплеваніе Христа“: Матв. хxvi, 67; Лук. хxii, 63; **103.** (112, 113). „Бичеваніе Христа“ — 2 рис.; **104.** (116). „Иисусъ передъ Пилатомъ“ („Се человѣкъ“); Матв. хxvii, 2, 11; Марк. хv, 2; Лук. хxiii, 1; Иоан. хviii, 29. — 2 рис. (1 углемъ); **105.** (117). „Пилатъ умыв. руки передъ народомъ“: Матв. хvii, 24; **106.** (110). „Иисусъ передъ Иродомъ“: Лук. хxiii, 7. — 2 рис.; **107.** (114, 115). „Поруганіе Христа“: Матв. хxvii, 29; Марк. хv, 17; Иоан. хix, 2. — 3 рис. (1 углемъ); **108.** (118). „Иисусъ, ведомый на Голгоу, обращается къ женамъ“: Лук. хxiii, 28; **109.** „Иисуса ведутъ на проплатіе“ (контуръ); **110.** „Иисусъ, упавшій подъ ношею креста“ (рис. углемъ). **111.** (119 — 125). „Расплатіе“ (Привожденіе ко кресту; Поднятіе креста; Поруганіе распятаго Иисуса. — 2 рис.; „Се мать твоя!“; „Жажду“; Одинъ изъ воинъ копьемъ пронзаетъ ребро; Смерть Иисуса): Матв. хxvii, 34 и сл.; Марк. хv, 23; Лук. хxiii, 33 и сл.; Иоан. хix, 18 и сл. — 8 рис.; **112.** (126). „Жены смотр. со двора на Голгоу“: Матв. хxvii, 55; Марк. хv, 40; Лук. хxiii, 49; **113.**

„Иосифъ Аримасей проситъ у Пилата тѣла Иисуса“ (рис. углемъ); 114. (127). „Снятие со креста“ (Приготовление къ погребенію): Матв. ххvii, 59; Марк. xv, 46; Лук. ххш, 53; Иоан. хii, 40; 115. „Несеніе тѣла Иисуса во гробъ“ (рис. углемъ); 116. (128). „Погребеніе Христа“; 117. „Ангель отвалив. камень отъ гроба“—3 рис. (1 углемъ); 118. (142—149). „Воскресеніе Христово“: Матв. ххviii, 2.—3 рис.; 119. (129, 130). „Ангель возвѣщ. жеманъ о воскресеніи“: Матв. ххviii, 5; Марк. хvi, 6; Лук. ххiv, 6; Иоан. хх, 13.—2 рис.; 120. (131). „Петръ и Иоаннъ во гробъ Христа“: Лук. ххiv, 12; Иоан. хх, 5—8; 121. (132). „Явленіе Христа Магдалинѣ“: Матв. ххviii, 9; Марк. хvi, 9; Иоан. хх, 17.—2 рис.; 122. (133—136). „Явленіе Христа ученикамъ о воскресеніи“ и „Невѣріе Фомы“: Матв. ххviii, 16; Марк. хvi, 14; Лук. ххiv, 36; Иоан. хх, 19, 26 и ххi, 1.—4 рис.; 123. (137, 138). „Вознесеніе“: Лук. ххv, 51.—2 рис.; 124. (139). „Сшествіе Св. Духа“; 125. (140). „Апостолъ Павелъ креститъ народъ“; 126. (141). „Апостолъ Павелъ въ темницѣ“—2 рис.; 127. „Апостолъ Павелъ, ведомый въ Дамаскъ; II. Изъ „Ветхаго Завѣта“: 1. (150—152). „Сотвореніе міра“—6 рис.; 2.—3. (153). „Оживленіе Адама“ и „Легендія Саваоесъ съ ангелами“ или „Богъ—Творецъ“ („Ипочилъ въ девъ седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ“): Витіе ii, 2).—2 рис.; 4. (154). „Созданіе Евы“ (Господь приводитъ ее къ Адаму): Витіе ii, 22; 5. (155—157). „Господь благословляетъ Адама и Еву на владѣніе землей“—3 рис.; 6. „Адамъ и Ева“—2 рис.; 7. (158). „Грѣхопаденіе“ или „Искушеніе“—2 рис.; 8. (159). „Богъ—Карающій“, узнавший о грѣхопадении Адама и Евы; 9. (160). „Изгнаніе изъ райа“; 10. (162). „Жертвоприношеніе Авраамово“: Витіе х, 8—11.—2 рис.; 11. (161). „Господь являетъ Аврааму“ (Объясняетъ ему великое потомство и подтверждаетъ ему о большомъ потомствѣ)—2 рис.; 12. (163). „Господь обмѣняетъ Аврааму сына отъ Сары“ (Авраамъ приним. трехъ странниковъ): Витіе хviii, 15; 13—14. (164). „Рождество Исаака“ (Сара кормитъ его грудью) и „Ворьба Иакова съ Богомъ“; 15. (165). „Иосифъ рассказываетъ своимъ отцу и братьямъ“—2 рис.; 16. (166—169). „Братья Иосифа находятъ зачу въ мѣшкѣ Вениамина“: Витіе хliv, 12—5 рис.; 17—18. (280). „Отпущеніе прокаженнаго“: Левит. хiv, 2, и „Козель отпущенія“: Левит. хvi, 8; 19. „Господь являетъ родителямъ Моисея“ (рис. углемъ); 20. (170). „Моисей даетъ свѣтъ послѣ тьмѣ“; 21. „Фараонъ отпущ. Израильтянъ изъ Египта“; 22. „Моисей приноситъ жертву Богу по переходѣ черезъ Красное море“; 23—24. (171). „Моисей раздѣляетъ воду Краснаго моря“ и „Ропотъ Израиля въ пустынѣ“; 25. „Господь

общ. Моисею напитать народъ“: Чис. хi, 24—25; 26. (172—173). „Сборъ манны и переловъ въ пустынѣ“—4 рис.; 27. (174). „Народъ, плащущій вокругъ золотого тельца“; 28. (175). „Моисей получаетъ законъ отъ Господа“; 29—30. (176). „Моисей со скрижалями Завѣта“ и „Пророчество Моисея и Аарона“: Чис. хi, 25; 31. „Моисей въ Скиніи проситъ совѣта у Господа“; 32. „Священники говор. народу“; 33. „Народъ говоритъ священникамъ“; 34. „Моисей превращ. желъ въ змѣя“ (контуръ); 35—36. (177). „Мѣдннй змѣй въ пустынѣ“ и „Валаамъ и его звѣзда“: Чис. ххii, 17; 37—38. (178). „Ангель возвѣщ. женѣ Магоя зачатіе Сампсона“ и „Жена Магоя указыв. мужу на ангела“; 39. (181). „Самсоель, валаамій послѣ битвы“: Кн. Судей хv, 15—19; 40. (182, 183). „Мать посвящ. Самуила на служеніе Господу Богу“—2 рис.; 41—42. (184). „Самуилъ помазанъ Саула на царство“ и „Сауль у гроба Рахили“ (Встрѣча пророческая: Сам. х, 2); 43—44. (185). „Сауль въ дубравѣ Фаворской“ (Встрѣча пророческая) и „Сауль и пророки съ музыкой“ (Сам. х, 4—5); 45. „Сауль“—2 рис. (углемъ); 46. (188). „Ахимелекъ даетъ Давиду мечъ Голиава“; 47—48. (186). „Давидъ призываетъ Саулу“ и „Давидъ у Саула“; 49. (187). „Самуилъ помазанъ Давида на царство“; 50. (189). „Самуилъ избир. Давида на царство“: 1 Кн. Царей i, 85; 51. „Давидъ съ полководцами и Нааномъ“: 1 Chron. хviii, 15; 52. (190). „И одеревнѣла рука его“: 1 Кн. Царей хii, 4; 53—54. (191). „Прор. Илія въ пустынѣ“ и „Прор. Илія у вдовы Сарептской“; 55. (192). „Тоже“ и „Илія воскреш. сына вдовца“; 56. (195). „Тоже“: 1 Кн. Царей, хvii, 21; 57—58. (193). „Илія даетъ деньги матери воскреш. имъ мальчика“: 1 Кн. Царей хvii, 23, и „Прор. Илія съ ангеломъ“; 59. „Прор. Илія на пути къ Хореву“; 60. (194). „Прор. Илія надѣв. плащъ на Елисея“: 1 Кн. Царей хix, 20.—2 рис.; 61. (196). „Елисей плащемъ Ілія раздѣляетъ воду Иордана“: 2 Кн. Царей ii, 14; 62. (197). „Елисей бросаетъ соль у истока воды“: 2 Кн. Царей ii, 24; 63. (198). „Прор. Елисей у царя Израильскаго“ (сочин. подъ звуки музыки, или призванъ музыканта): 2 Кн. Царей iii, 15 и 16.—2 рис.; 64. (199). „Елисей приговоряется воскрес. сына Сунамитянки“: 2 Кн. Царей iv, 32; 65. (200). „Елисей насыщ. 20-ю хлѣбами—100 чел.: 2 Кн. Царей iv, 42—44; 66. (201). „Мертвецъ воскрес. отъ прикоснов. къ костямъ Елисея“: 2 Кн. Царей хii, 21; 67. (202). „Взятіе гор. Гитсахъ“ (?): 2 Кн. Царей хv, 16; 68. „Іосія низвергаетъ идоловъ, поставл. Манасіей“; 69. (203). „Побѣненіе камнями Захарія, сына свѣщ. Іосія“: 2 Chron. (Паралином.) ххiv, 19—22; 70. (209). „Пророкъ Іезекииль“; 71. (201).

„Даниилъ съ ангеломъ“; 72. (205). „Юиѣ объявл. царю Воюжю“; Кн. Прор. Юиля 1; 73. „Юарамъ при-
ним. совѣтъ начать войну противъ Азаила“—2 р. и с.;
74. „Partisans en haïne“; „Изъ осады Иерусалима“
(углемъ); 75. „Голодъ, или скорбь и стенанія наро-
да“; изъ Иос. Флавія (гоже); 76. (206). „Голодъ во
время осады Иерусалима Титомъ“; Мать жарить
собственного ребенка; 77. „Тить распоряжается
плѣнными для игръ“ (рис. углемъ); 78. „Сцены изъ
послед. времени жизни Ирода“.—2 рис. (углемъ).

Далеко не всѣ произведенія Иванова вос-
произведены к. л. графическимъ способомъ, но глав-
ная изъ нихъ все-таки были гравированы и лито-
графированы. Старѣйшими гравюрами въ этомъ
отношеніи являются снимки съ „Явленія Христа
Магдалинѣ“; на жѣдѣ (въ очеркѣ), 1837 г. —
при „Худож. Газетѣ“ Н. Кукольника (№ 6) и на
стали (раб. *H. Robinson*), 1846 г. — при
его же книгѣ „Картины русск. живописи“ (къ
стр. 101), а изъ литографій — исполненная *Серг.
Бружскимъ* и печатанная Полеми въ 1844 г.;
затѣмъ слѣдуютъ гравюры на стали: печ. у *Ф. А.
Брокгауза* въ Лейпцигѣ, 1862 г. — при „Сѣв. Сіа-
ніи“ В. Генкеля (т. I, № 2), и на деревѣ: раб.
П. Куренкова съ рис. *П. Анненскаго*, 1858 г. —
при „Сивѣ Отец.“ (№ 25), раб. монограммиста „*Р.
К.*“, 1875 г. — при „Чтенія для дѣтей“ (№ 2, с. 63),
раб. *И. Матюшина*, 1889 г. — въ „Сѣверѣ“ (№ 8,
с. 145). Почти одновременно съ послѣдними по-
являются и снимки съ „Явленія Христа народу“:
сперва — литографически: *А. Мюнстера*, 1858 г.,
съ общаимъ видомъ Античной залы Акад. Худож.,
гдѣ была выставлена помян. картина, — при „Русс.
Худож. Лист.“ В. Тимма (№ 22), и очень плохой,
1859 г., — при „Дѣтск. Журн.“ В. Залѣскаго (т. II,
кн. 4); потомъ — гравированные: на стали, печ. у
Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ, 1864 г. — при
„Сѣв. Сіаніи“ В. Генкеля (т. III, № 4), и на де-
ревѣ: раб. „*Henri Linton*“ съ рис. „*Gus. Ja-
net*“ — въ „Воскрес. Дос.“ 1863 г. (№ 2) и при
„Живох. Обзор.“ 1888 г. (т. I), раб. *Г. В. По-
корнаго* — въ „Иллюстрир. Газ.“ 1864 г. (№ 3,
с. 40 — 41), и въ мал. видѣ — при „Биографич.
Очеркѣ“ А. И. Цомакіонъ въ изд. Павленкова,
1894 г., а также съ отдѣльныхъ этюдоевъ для той
же картины — въ „Пчелѣ“ 1875 г.: Головы ап. Ан-
дрея (№ 18, стр. 213) и Иоанна Крестителя (№ 23,
стр. 273), обѣ раб. *Rannemaker-fils* съ рис. *М.
К. Елопта*, и Рабовъ, раб. Варшавской полици-
пашни съ рис. *В. Васнецова* (№ 23, стр. 275;
переч. всѣ три — въ „Нови“ 1887, т. XIII —
XV); навоонецъ, — фототипія, исполн. *Шереръ,
Наволицъ и К* въ Москвѣ, 1879 г., какъ съ
первонач. эскиза, такъ и съ оконч. картины, а

равнымъ образомъ: съ фигуры Христа, голову
Иоанна Крестителя, Иоанна Богослова, ап. Андрея
и Рабовъ — при изд. М. П. Боткина „Жизнь и
переписка А. А. Иванова“; и фотолитографія съ
одной картины, исполн. *Скамони* и *Честерна-
номъ*, 1882 г. — въ „Иллюстрир. Каталогѣ Моск.
всеросс. выставкѣ“, Н. П. Собко (II, 32). Въ до-
вершеніе всего, въ названномъ изданіи Боткина
была помѣщена гравюра крѣпкой водкой, исполн.
И. Крамскимъ, 1879 г. — съ эскиза Иванова:
„*И. Х. говоритъ ученикамъ о 2-мъ пршествіи*“;
въ Экспед. Заготовл. Госуд. Вумагъ былъ испол-
ненъ *Скамони* въ 1879 г. гелиограф. снимокъ со
сдѣл. Ивановымъ карандашемъ портрета Гоголя; къ
„Русск. Стар.“ 1878 г. (№ 5) приложена была
хромолитографія съ пис. имъ масл. краск. порт-
рета того же писателя, а Германскимъ Археоло-
гическимъ Институтомъ въ Берлинѣ въ 1879—
87 гг. изданы были въ хромолитографіяхъ „Эскизы
изъ Свят. Исторіи“ Иванова (232 сним., изъ 332-хъ,
— на 209 листахъ, въ 14-ти вып.).

Что касается портретовъ нашего худо-
жника, то они могутъ быть подраздѣлены на слѣд.
категоріи, не считая сдѣланнаго съ него *Штернбер-
гомъ* въ Римѣ въ 1844 г. въ заррикатурѣ — въ аль-
бомѣ Кривцова, поступ. потомъ къ М. М. Орлову въ
Москвѣ, и нарисованнаго имъ самимъ съ себя по
грудь въ 1846 г. — для отца, отъ котораго онъ
попалъ къ Ек. Андр. Сухихъ, по словамъ *Ф. И.
Юрдана*: 1) полевой, почти профилью вѣзбо, съ
отросшей бородой и вьющимися волосами, рисов.
С. А. Ивановымъ въ Римѣ въ 1846 г. помощью
диаграфа и снимки съ котораго были помѣщеніи:
въ видѣ плохой гравюры на деревѣ, въ овалѣ, —
въ „Воскрес. Дос.“ 1863 (№ 2, с. 28) и въ видѣ
гравюры крѣпкой водкой, исполн. *И. Крам-
скимъ*, — при изд. М. Боткина 1880 г.; 2) полей-
ной, $\frac{3}{4}$ вправо, съ небольшою бородой, гладкими
волосами и со слож. руками, сдѣл. дагерротипомъ
въ Римѣ же, въ томъ же 1846 г. ¹⁾ и снимки съ
котораго наход.: литографированный *А. Мюнсте-
ромъ* (съ рис. *Бореля*) — въ его „Портретной
галлерей русск. дѣятелей“ 1869 (т. II), гравирован-
ный на стали, въ овалѣ, — при изд. Баумана „Наши
дѣятели“ 1879 (т. V) и на деревѣ, раб. *Э. Шмидта*,
— въ „Нивѣ“ 1880 (№ 12, с. 245), фототипингъ — при
назв. изд. Боткина, еше литографически — въ
„Искусствъ“ 1888 (№ 18) и въ нѣм. изд. „*Gnom*“
1888 (№ 1, с. 1), автографический — въ изд. *Ф. Булга-
кова* „Наши художники“ 1890 (I, 157) и еше

¹⁾ Другой разъ И. — въ быль снятъ дагерротипъ
тогда же, среди русск. художниковъ въ Римѣ
(наход. въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ).

гравированный на деревѣ, раб. *Г. Гедана*,—при вышеупом. брошюрѣ Помакинъ 1894 г. 1); 3) полой, почти профилью вправо, съ отрослей боро-дой и зачесанными назадъ волосами, въ кругу,— литографиров. въ „Русс. Худож. Лист.“ В. Тимма 1858 (№ 22) 2); 4 и 5) одна голова съ мертвого, гравиров. на деревѣ *Ф. Р.*,—кажется, для „Орна Отеч.“ 1858, и полой, профилью вправо, уже мертвымъ на постели, снимки съ котораго появи-лись: въ видѣ гравюра на деревѣ, въ обрат. стор.,— въ „Воскр. Дос.“ 1867 (№ 231, с. 84) и фото-типий, въ ту же стор.,—при изд. Боткина; 6) тоже, профилью вправо, въ гробу,— литографиров. *Гр. Сидовымъ* (съ собств. рис. съ нат.) и печат. И. Корелинымъ въ СПб., въ 1858 г.

■ Обратимся теперь къ источникамъ для биографіи Иванова.

„Жизнеописаніе такого художника, какъ А. А. Ивановъ, представляетъ немаловажную задачу“,— писалъ еще скульпторъ *Н. А. Рамазановъ*, печата-тая въ „Моск. Вѣдом.“ 1858, № 84 (а также въ своихъ „Матер. для исторіи художествъ въ Россіи“, М., 1863, I, 215) его письма къ К. И. Рабусу, изъ Петербурга въ Москву, отъ 1829—30 гг., какъ матеріалъ для будущей его биографіи: „не-обыкновенное дарованіе; чистое, высокое стрем-леніе къ изящному; саморазвитіе; твердая воля и вмѣстѣ чувствительность и другія рѣдкія качества, соединенныя въ одной избранной личности. На-конецъ, продолжительная жизнь въ Римѣ; глубо-кое изученіе памятниковъ искусства; короткость съ знаменитыми представителями художествъ, въ Римѣ въ особенности; дружественныя отношенія съ русскими людьми, отличающимися талантами и свѣдѣніями; малое число почитателей Ива-нова и большое число противниковъ, даже завистниковъ; все это вмѣстѣ—требуетъ какъ можно большаго собранія матеріаловъ для его биографіи, а также безпристрастнаго ихъ раз-смотрѣнія и слѣженія. Если мнѣ посчастливится написать его биографію, то въ основаніе ея я положу вопросъ: т. е. художнику всегда доводится

бороться съ понятіями и направленіями окружа-ющаго его общества и много терпѣть прежде, не-жели онъ достигаетъ своей благородной цѣли, то достигъ ли ее Ивановъ жизнью своей и трудами? Достигъ,—торжественно, смѣло говоримъ мы,—и не въ одномъ этомъ онъ можетъ служить отря-днымъ примѣромъ художникамъ“.

Рамазанову не довелось написать желаемой биографіи, хотя онъ и прожилъ послѣ того еще нѣсколько лѣтъ—до декабря 1867 г.; другой ни-кто не брался за подобную задачу, и только въ послѣднее время моск. фотографъ К. А. Фишеръ сталъ готовить фототипическое изданіе всѣхъ произведеній А. А. Иванова, начиная съ его мал. картинъ и кончая карандашными рисунками, съ подробнымъ жизнеописаніемъ этого великаго художника, принадлежащимъ перу *А. П. Новицкаго*. Какого объема и направленія будетъ этотъ текстъ—вопросъ будущаго, но едва ли онъ представитъ собою то, о чемъ мечталъ Рамазановъ, т. е., ви-димо, Новицкій держится нѣсколько иного взгляда на Иванова, судя по написанному имъ краткую очерку послѣдняго въ его изданіи: „Художеств. галерея Моск. Публ. и Румянц. Музея“, М. 1889.

„Много писало и говорило и за, и противъ него (т. е. Иванова)“,—читаемъ мы тамъ на стр. 143,—„и, какъ всегда бываетъ, и та, и другая сторона, въ нѣлу спора, переходила въ крайность: одни прославляли его, впаивая въ грязь всѣхъ прочіихъ русскихъ, современныхъ ему, художниковъ; другіе, напротивъ, готовы были самого его затоптать въ грязь, — какъ то, такъ и другое, конечно, равно несправедливо. Если дѣйствительно Ивановъ стоить особнякомъ въ исторіи русскаго искусства, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ вполне оригиналенъ и самобытенъ,—онъ примыкаетъ къ школѣ когда-то обо-жаемаго имъ нѣмецкаго романтика Овербека. Въ то время, какъ К. Брюлловъ, вслѣдъ за поэзіей, внесъ и въ живопись нашу—французскій романтизмъ, Ивановъ, и по натурѣ, и по технику, и по стилю, и по своимъ художественнымъ идеа-ламъ, является истиннымъ нѣмецкимъ романти-комъ, слѣдуя за Овербекомъ, а потомъ за Корне-люсомъ. Только, во то время, какъ нѣмецкій ром-антизмъ, съ Овербекомъ во главѣ, ограничился изученіемъ лишь до-рафаэлевской эпохи и средне-вѣковаго искусства, болѣе чуждой и воспримчивый Ивановъ постоянно изучалъ Леонардо-да-Винчи и др. мастеровъ Возрожденія и, мало-по-малу отрѣ-шавшяся отъ религіозной точки зрѣнія, становился на строго научную почву. Изученіе его дѣя-тельности почти цѣлкомъ заключается

¹⁾ Съ того же оригинала были сдѣланы, уже по смерти Иванова: живоп. портретъ, раб. *С. П. Листникова* (наход. въ гал. Третьякова), карандашный (въ Моск. Публ. и Рум. Музеѣ) и алебастр. бюстъ (наход. у М. П. Боткина).

²⁾ По груди, въ профилѣ, въ медальонѣ, — исполн. *Н. А. Лаврецкимъ* мраморн. барельефъ на надгроб. памятникѣ И.—въ, въ Новодѣв. мона-стырѣ; гравиров. на деревѣ *В. Матѣ* (по рис. *П. Гурморева*) снимокъ съ этого памятника — можно видѣть въ изд. Богяна.

въ изученіи картины, которая, во всякомъ случаѣ, есть главное украшеніе нашей галлерей...“ (т.-е. Публ. и Румянц. Музея).

Изъ приведенныхъ мѣстъ ясно видна вся разница во мнѣніяхъ объ Ивановѣ обоихъ названныхъ лицъ; на чьей же сторонѣ болѣе правды—не трудно будетъ рѣшить при ближайшемъ и подробнѣйшемъ разборѣ и изученіи всего, что представляютъ собою произведенія Иванова, помимо его большой картины „Явленіе Мессіи народу“, а также его собственныя письма и замѣтки, гдѣ заключается такой богатый матеріалъ для его полной и всесторонней характеристики; наконецъ, отзывы его современниковъ, т. к. трудно, вѣдь, судить о настоящемъ значеніи дѣятельности какого бы то ни было выдающагося лица по однимъ только позднѣйшимъ понятіямъ, легко измѣняющимся, при томъ, съ теченіемъ и подъ вліяніемъ времени.

Къ рѣдкимъ исключеніямъ въ данномъ случаѣ можно отнести статью пок. *И. Н. Крамского* объ Ивановѣ въ „Историч. Вѣстн.“ 1880 г., но Крамской былъ самъ выдающагося личностью, особенно въ художественномъ мірѣ,—по своему уму и самообразованію, да къ тому же онъ имѣлъ много общаго съ нашимъ художникомъ ¹⁾.

Вше мы привели большія извлеченія изъ этой статьи, заключающей въ себѣ, какъ не трудно видѣть, довольно полную и при томъ не голословную, а, основанную на фактахъ, характеристику Иванова,—чтобы обратить на приведенныя тамъ обстоятельства особое вниманіе будущихъ его биографовъ.

¹⁾ „Конечно,—писалъ *В. В. Стасовъ* въ своей статьѣ „Ив. Ник. Крамской“ въ „Историч. Вѣст.“ 1887 (№ 5, с. 326),—Ивановъ никогда не былъ портретистомъ, а Крамской, напротивъ, былъ по преимуществу портретистъ, и въ этомъ главное различіе между ними. Другое различіе — объемъ таланта. Ивановъ далеко превосходилъ Крамского въ способности къ созданіямъ, и именно въ созданныхъ на сюжеты историческіе. Но, въ остальномъ, въ натурѣ этихъ двухъ художниковъ много было общаго. Оба посвящали себя, въ дѣлѣ создаваемыхъ картинъ, всего болѣе сюжетамъ, взятымъ изъ Евангелія. Оба были сильно талантливы, но интеллектуальная, познавательная и сообразительная способность стояла у нихъ гораздо выше собственно художественной. Исканіе правды, истины и типичности было сильнѣе, чѣмъ данная природою способность выражать эту правду, истину и типичность. Отсюда—вѣчное у обоихъ недовольство самимъ собою, мучительное сомнѣніе въ себѣ и въ своемъ призваніи, томленіе и душевная боль

Въ ожиданіи полной біографіи Иванова съ всесторонней оцѣнкой его дѣятельности—художественной, критической, нравственной и общественной, наиболее подробными и обстоятельными являются пока составленныя: художникомъ *В. Толбинымъ*—для „Русс. Писат.“ 1858, № 225, с. 963—5 (главн. образомъ—на основ. писемъ И—ва къ Рабуусу и воспом. о немъ К. Павловой); неизвѣстнымъ авторомъ—въ „Дѣтск. Журналѣ“ Б. Залѣскаго 1859, т. II, кн. 4, с. 104—134 (собств. „Очерки худож. дѣятельности И—ва“); извѣстнымъ художеств. писателемъ *П. Н. Петровымъ*—для „Свѣ. Сіянія“ 1864, т. III, № 4, с. 213—226 (глав. образомъ—на основ. писемъ И—ва къ Рабуусу и въ Общ. Поощр. Худож. и перенески съ нимъ Гоголя), и для „Портретной галлерей русс. дѣятелей“ А. Мюнстера, СПб. 1869, т. II, с. 257—9 (перечен. почти дословно въ изд. Ваумана: „Наши дѣятели“, СПб. 1879, т. V, с. 148—155); академ. *М. П. Боткинмъ*—для его изд.: „Ал. Андр. Ивановъ, его жизнь и перенеска 1806—58“, СПб. 1880, с. I—XXXIX, а также для изд. Германскаго Археолог. Института: „Изображенія изъ Слѣд. Исторіи оставленныхъ эскизовъ Ал. Иванова“, Берлинъ 1880, съ перевод. на нѣмец. языкъ (на основ. личнхъ воспоминаній и разныхъ документовъ, съ вѣск. выписками изъ статей: Погодина, Гоголя, Герцена и, въ особенности, Чернышевскаго); наконецъ, писателемъ, скрывшимся подъ буквами *А. П.*, — въ „Русс. Вѣст.“ 1880, № 5, с. 436—446.

Начетанный *В. В. Стасовымъ* въ „Вѣст.

виродолженіе всей жизни... Оба были одарены мучечу, пытливою мыслью; оба не могли довольствоваться существовавшими въ ихъ время художественными порядками и страстно искали выхода изъ нихъ, и для себя самихъ, и для товарищей по искусству, и для будущихъ художественныхъ поколѣній. И это была въ ихъ существѣ такая могучая, такая правдивая струна, что звонъ ея не прошелъ безслѣдно. Мысли Иванова и Крамского о художествѣ и художникахъ и, главное, поставленныя ими, словно путевыя вѣхи, требованія отъ художества и художниковъ — дорогое достояніе наше. Мы можемъ гордиться имъ передъ члѣмъ свѣтомъ. Замѣчу еще, что взгляды Крамского во многомъ даже шире и идуть болѣе взглядовъ Иванова, потому что Крамской не считалъ религиозныхъ сюжетовъ единственно возможными и обязательными для художества. Онъ жилъ уже въ другую эпоху, и современная культура, еще почти неизвѣстная Иванову, вошла уже широкимъ и могучимъ пластомъ въ натуру Крамского“.

Европн" 1880, № 1, с. 111—186, „биограф. очеркъ“, въ видѣ продолж. его статей въ „Русс. Вѣст.“ 1861, №№ 9 и 10, с. 5—48 и 341—406, — „О значеніи Брюллова и Иванова въ русс. искусствѣ“, представляетъ собою скорѣе обстоат. сводъ независимыхъ воззрѣній И—ва на отношенія къ близкимъ, на задачи художниковъ и искусства, на художества, образование, на обществ. положеніе и проч., а также разныхъ взглядовъ на него самого — публики и критики, чѣмъ собственно жизнеописаніе нашего художника.

Болѣе критическое, нежели биографич. значеніе имѣетъ и статья *И. Крамскою* въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1880, т. V, с. 806—820 (перепеч. въ изд. Суворина 1888 г.). Что же касается до статьи *В. Чуйко* въ „Ноши“ 1887, т. XIII—XV, №№ 3, 5, 7 и 9, с. 108, 191, 275 и 329, то въ биограф. отношеніи она является пересказомъ очерка Воткина, съ приведеніемъ выписокъ изъ воспом. Тургенева, Юрдана, Стасова, С. Иванова, Ковалевского, Чернышевскаго и пр.

Дальше идутъ краткія біографіи: самая первая, появившаяся въ „Справ. Энциклопед. Словарѣ“ К. Крайя, СПб. 1847, т. VI, с. 8—9; вторая — въ книгѣ *А. Н. Андреева*, „Живопись и живописцы главнѣйшихъ европ. школ.“, СПб. 1857, с. 551—2, и третья, напечатанная вышеупом. *В. Толбинымъ* въ „Синѣ Отеч.“ 1857, № 37, с. 893—4. Къ нимъ примыкаютъ некрологи и сообщенія о похоронахъ, 1858 г. въ „Моск. Вѣдом.“ 5 іюля, № 80, с. 734 (*В. Боткина*); въ „Русс. Вѣст.“, т. XV, июнь, кн. 2-я, соврем. лѣтоп., с. 417, и т. XVI, іюль, кн. I, совр. лѣт., с. 70—71 (*К. Кавелина*); въ „СПб. Вѣд.“, 6 и 13 іюля, №№ 146 и 152, с. 851 и 883—4 (причемъ въ 1-й фельет. включено письмо Кавелина безъ его имени и съ нѣкот. измѣненіями); въ „Свѣтошисн.“, № 7, с. 193—4 (изъ 2-го фельет. „СПб. Вѣд.“); въ „Синѣ Отеч.“, № 27, с. 766 (тоже изъ „СПб. Вѣд.“); въ „Иллюстр.“, № 27, с. 31; въ „Русс. Иыва.“, 9 іюля, № 147, с. 648 (*П. Гюрова*); въ „Русс. Худож. Листкѣ“, 26 іюля, № 22; въ „Вазѣ“, 15 іюля, № 23, с. 22—3 (*Ш. Бильякано*); въ „Отеч. Зап.“, т. CXIX, № 8, отд. V, с. 57—9 (изъ предѣл. источника).

Затѣмъ слѣдуютъ явившіяся еще позже замѣтки (до 1880 г.) и статьи (послѣ 1880 г.): въ „Мѣсяцесл.“ на 1860 г.; въ „Настольн. Словарѣ“ Ф. Толля, СПб. 1864, т. II, с. 235 (очень краткая); въ „Воскрес. Досугѣ“ 1863, т. I, № 2, с. 26—27, и 1867, т. X, № 281, с. 84; въ „Иллюстр. Нед.“ 1874, № 13, с. 202—3; въ „Чтенія для дѣтей“, М. 1875, № 2, с. 22—25 (*М. А. Балааса*); въ „Русс. Энциклопед. Словарѣ“ Березина, СПб. 1877, отд. II, т. II, с. 322; въ изд. *Ю. Б. Поверова* „Медали въ честь русс. дѣятелей“, СПб.

1877, I, 255—6; въ „Нивѣ“ 1880, № 12, с. 242—4 (*А. Н. Невельскою*, безъ подл., — довольно обстоятельна); въ нѣм. изд. „Gnom“ 1883, №№ 1 и 2 (почти сплошная перепеч. изъ критич. статей проф. *Е. Доберта* въ „National-Zeitung“ 1881, №№ 530 и 532, безъ указ. источника); въ журналѣ „Искусство“ 1883, № 18, с. 201—3 (*Низ*); въ „Сѣверѣ“ 1889, № 8, с. 154; въ „Худож. галереѣ Моск. Публ. и Румянц. Музея“, *А. Новичкаю*, М. 1889, с. 143—157 (изъ которыхъ болѣе полов. занята выпис. изъ писемъ И—ва и ст. Крамскою, а также описаніемъ его картинъ „Дяленіе Мессіи“); въ изд. *Θ. Булакова* „Наши художники на академ. выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія“ (1865—87), СПб. 1890, I, 156—3; въ „Настольномъ Энциклопед. Словарѣ“ А. Гарбеля и К^р, 1891, вып. 39, с. 1827; въ „Энциклопед. Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, 1894, XII, 760 (*А. Сомова*) и, наконецъ, *А. И. Помакинъ* „А. А. Ивановъ, его жизнь и художеств. дѣятельность“, СПб. 1894, 86 стр., при чемъ послѣднія біографіи, начиная съ 1880 г., руководствуются уже изданіемъ Воткина. Сюда же надо прибавить еще и рецензій назв. книги въ различныхъ журналахъ того же года, какъ-то: въ „Нов. Врем.“ (№ 1409, ст. XV), „Голосѣ“ (№ 28), „Кругозорѣ“ (№ 4), „Русс. Мысли“ (№ 4) и др.

Потомъ идутъ воспом. разныхъ лицъ объ И—вѣ, а именно: отъ 1858 г. — *Карол. Павловой* въ „Русс. Вѣст.“, т. XVI, августъ, кн. I, соврем. лѣтоп., с. 297—300; *А. Герцена* въ „Колокольцѣ“, 1 сент., № 22; *Нимъ Р-вой* въ журналѣ для дѣвчъ „Луча“, т. XVIII, № 9, с. 145—151; *Н. Чернышевскаго* въ „Современ.“, т. LXXII, № 11, отд. I, с. 175—180 (безъ его имени); отъ 1861 г. — *Ив. Тургенева* въ „Вѣсткѣ“, № 15, с. 521—6, подх. заглав. „Побѣда въ Альбано и Фраскати“ (разборъ этой статьи, *Г. Дестуниса* — въ „Свѣточѣ“, кн. IX, отд. II, с. 79—93); отъ 1862 г. — архит. *С. А. Иванова* и отъ 1879 г. — граф. *Θ. И. Юрдана*, *В. П. Гаевского*, *К. Д. Кавелина*, *В. В. Стасова* — въ видѣ „Дополн.“ къ изд. Воткина.

Къ этому должна быть прибавлена и взаимная переписка между И—вымъ и разными лицами, какъ-то: Погодинымъ — въ „Москвитинѣ“ 1862, ч. IV, № 15, смѣсь, с. 110 (письмо И—ва къ нему о портр. Гоголя); Рабусовымъ — въ „Литерат. отдѣлѣ Моск. Вѣдом.“ 1858, № 84, с. 337—9, въ ст. *Н. Раманова* „Нѣск. словъ воспом. объ А. А. И—вѣ и его письма къ Н. И. Рабусу“ (перепеч. въ его „Матер. для исторіи худож. въ Россіи“, М. 1863, I, 201—213; извлеч. — въ „Сѣв. Цвѣткѣ“ 1866, № 9); А. И. Демертомъ — въ „Моск. Вѣдом.“ 1860, № 143, въ ст. *Ник. Демерта* „Неизвѣст. картинны Иванова“ (письма И—выхъ къ Д.; из-

влеч.—въ „Русс. Инв.“ 31 июля, № 164, въ фельет. „Иго, и се“, за подл. *Ивкто*), и въ „Библиограф. Чтенія“ 1860, т. СХЛ, июль, соврем. лѣтоп., с. 45—46 (тоже); Гоголемъ—въ „Сочин. и письмахъ“ послѣдняго, въ изд. Кулиша, СПб. 1857, т. V, с. 385—6, 402, 448—9, 451—2, 454—5, 472—4, 492—4, и VI, с. 26, 40, 54—6, 157—8, 182—3, 362—3, 432—3, 440—1, 446—7, 503—4, 526—7 (письма велик. писателя къ нашему художнику отъ 1839—51 гг.), въ „Современ.“ 1858, т. LXXII, № 11, отд. I, с. 123—174, въ ст. *П. Кулиша* „Переписка Н. В. Гоголя съ А. А. Ивановымъ“ (отвѣтныя письма И.), въ „Библиограф. Записк.“ 1859, т. II, № 4, с. 98—100 (два письма Г. къ И. и одно объ И.), въ „Вѣст. Европы“ 1883, № 12, с. 611—654, въ ст. *Е. Некрасовой*, „Н. В. Гоголь и А. А. Ивановъ, ихъ взаимныя отношенія“ (письма Г. 1846—47 гг.); Жуковскимъ, Шевыревскимъ, Черкасской и Чижовымъ—въ „Русс. Архивъ“ 1875, № 11, с. 365—8 (письма И.—ва къ Ж.—му, 1841—47 гг.), 1878, № 5, с. 59—60, и № 7, с. 271—2 (письма къ Ш.—ву 1836 г. и Ч.—ву 1858 г.), 1884, т. I, с. 391—422 (письма Чижова къ И.—ву), В. И. Григоровичемъ—въ „Русс. Вѣст.“ 1890, № 5, с. 38—56; отцомъ—въ „Русс. Худож. Архивъ“ 1892—93, I, 22—33, II, 87—108, III—IV, 152—184, V—VI, 321—331 и 345—368 (письма А. И. И.—ва къ сыну А. А. И.—ву). Сюда же надо отнести и пѣют. др. документы, напр.—письма разныхъ лицъ объ И.—вѣ: *Гоголя* къ М. Вильгоровскому—въ „Выбран. мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, СПб. 1847, ст. XXIII, и въ разн. изданіяхъ его „Сочиненій“, и къ Жуковскому—въ „Русс. Архивъ“ 1871, № 4—5, с. 1945—9 (письмо 11-е отъ 1842 г.); *А. С. Дарюмижскою* къ А. И. Карякиной, отъ 1860 г.—въ „Русс. Стар.“ 1875, т. XIII, с. 430 (о перемѣнѣ въ характ. И.—ва); *кн. Г. П. Волконскою* къ В. К. Маріи Николаевнѣ, отъ мая 1857 г., *С. А. Иванова* къ В. В. Стасову, и проч.—въ „Пчелѣ“ 1875, № 23—24, с. 283 и 293—5, а также въ автобіогр. *И. К. Айвазовскою*—въ „Русс. Стар.“, 1878, т. XXIV, № 7, с. 424.

Наконецъ, длинный списокъ матеріаловъ для біографіи и характеристики И.—ва заключающій описат. и критич. замѣтки и статьи объ его произведеніяхъ—картинахъ и рисункахъ, то—въ общицхъ отчетахъ о выставкахъ въ Имп. Акад. Худож. и проч., какъ-то: *Вор. Федорова*—въ „Отеч. Зап.“ 1824, XX, № 55, с. 315—7, и *В. Григоровича*—въ „Журн. Изящ. Искус.“ 1825, № 1, с. 61; *П. Свинина*—въ „Отеч. Зап.“ 1827, XXXII, № 90, с. 146 и 156, и *З.—въ*, „Свѣ. Пчелѣ“ № 114, с. 4; *В.—въ*, „Свѣ. Пчелѣ“, 1836, № 228, с. 912;

Семлювскою—въ „Библиот. для Чтен.“, т. XVIII, изд. VI, с. 57—8; *А. Кораблинскою*—въ „Литерат. Прибавл. къ Русс. Иппал.“, т. XXI, № 90—91, с. 725 (въ видѣ замѣч. на пред. статью); въ „Журналѣ Общепол. Свѣд.“, № 43, с. 356; *П. Кукольника*—въ „Худож. Газ.“, № 9—10, с. 146—7; *Е. И. К.* (Елиз. Ив. Крутиковой?)—въ „Москвитян.“ 1848, т. VI, № 11, Моск. лѣтоп., с. 5—6 (въ ст. объ Айвазовскомъ); то—въ статьяхъ о „Русс. художникахъ въ Римѣ“, какъ-то: въ „Библиот. для Чтен.“ 1835, т. XI, отд. III, с. 82—4 (*А. Тимовскаго*); въ „Худож. Газ.“ 1837, № 6, с. 93—94 и 96, и 1840, № 6, с. 12—13 (неизвѣстныхъ); въ „Свѣ. Пчелѣ“ 1841, № 243 (*Н. Греча*); въ „Москвитян.“ 1841, т. VI, № 11, с. 150—2 (*С. Шевырева*), и 1842, т. II, № 4, с. 312—3 (*М. Пододина*); въ „СПб. Вѣдом.“ 1842, № 224—с. 979—980, 984—6 и 988, и въ „Моск. Литерат. и Учен. Сборн.“, М. 1846, с. 56—74 (*Ф. Чижова*); то въ Обзоряхъ о состояніи художествъ въ Россіи, какъ-то: *Н. Кукольника*—въ „Библиот. для Чтен.“ 1843, т. XVI, отд. III, с. 52—53, и въ „Картинахъ русс. живописи“, СПб. 1846, с. 101 (два соверш. разн. отзыва объ И.—вѣ); то—въ отд. статьяхъ о послѣд. картинѣ И.—ва и въ общ. фельетонахъ, какъ-то: *неизвѣстныхъ*—въ „Библиот. для Чтен.“ 1857, т. CXIV, июль, с. 289, и въ „Отеч. Зап.“ 1857, т. CXIII, отд. III, с. 20, и 1858, т. CXIX, № 7, отд. V, с. 53; *К. Ковалевскою*—въ „Русс. Вѣст.“ 1857, т. IX, июль, кн. 1, соврем. лѣтоп., с. 210—5 (франц. перев.—въ „Le Nord“, 8 août, № 220, variétés), въ „Отеч. Зап.“ 1859, т. CXXIII, отд. I, с. 103—132, и въ „Современ.“ 1860, т. LXXXIII, отд. III, с. 368—370; *Новая поэтца (Панасва)*—въ „Современ.“ 1858, т. LXVIII, № 3, отд. II, с. 84—85; *М. З.—въ*, въ „Свѣ. Пчелѣ“, № 24, с. 681—2, и № 26, с. 788—9; *В. Толбина*—тамъ же, № 25, с. 710—3; *И. Х.—въ*, „Иллюстр.“, № 26—27, с. 10—11 и 19 (отчасти въ видѣ замѣч. на пред. статью), и *Н. И.—ва*—тамъ же, № 30—31, с. 68 и 83; *В. К.—въ*, „Моск. Вѣдом.“, № 79, с. 320; *А. В.—въ*, „Русс. Вѣст.“, т. XV, июль, кн. 2, соврем. лѣтоп., с. 349—360; *А. Хомякова*—въ „Русс. Вѣстѣ“, т. III, кн. 11, с. 1—22, и въ I т. „Собр. его сочин.“; *Донатина*—въ „Семейномъ Кругѣ“ 1858—59, т. II, № 9, с. 226—246 (по поводу ст. Толбина); *В. Плаксина*—тамъ же, № 11, с. 185—208; *Анол. Мокрицкаю*—отдѣльно: М. 1858, 8°, и *А. Феодора*—тоже, СПб. 1859, 8° (изъ книги: „О православіи въ отнош. къ современности“); извѣст. изъ предм. статьи—въ „Школѣ Рисов.“ Д. Струкова 1862, № 5—6, с. 36—39 и 46—48; *Арх. Эвальда*—въ „Моск. Вѣдом.“ 1860, № 130—1, с. 1030—1 и 1038—9;

О.—въ „Русс. Худож. Лист.“ № 25, с. 94 (по поводу выст. въ И. А. Х.); *одно изъ подписчиковъ*, „Моск. Вѣстн.“, не художника, — въ назв. издав., № 39; *В. Зотова*—въ „Сѣв. Сіяніи“ 1862, т. 1, № 2, с. 65—74 (съ разборомъ разныхъ статей объ И-вѣ); *С. Заряно*—въ „Соврем. дѣлится Моск. Вѣдом.“ 1864, № 20, с. 14—15 (въ видѣ отвѣта Погдину на его статью въ „Русс. Вѣд.“, № 57,—о выст. въ Учл. живон.); *В. Стисова*—о картинахъ и иллюстраціяхъ къ Библии—въ „Еврѣйск. Библиот.“ 1873, III, 308—315, и 1878, V, 41—47, въ ст.: „Еврѣйское племя въ созданіяхъ европ. искусства“, гл. IV и V; въ „Нов. Врем.“ 1878, № 873, во II-мъ „письмѣ изъ чужихъ краевъ“; въ „Вѣст. Европ.“ 1882, № 11, с. 228—239, въ ст.: „25 лѣтъ русс. искусства“, гл. I; въ „Сѣв. Вѣст.“ 1888, кн. 8, отд. II, с. 1—26; *Гельбига*—о тѣхъ же иллюстраціяхъ—въ видѣ предисл. къ изд.: „Изображенія изъ Свящ. Исторіи оставл. эскизовъ Ал. Иванова“, Берл. 1879, вын. I; *И. Грамско*—о томъ же—въ „Худож. Журналѣ“ 1881, № 1, безъ подт.; *неизвестнаго*—тоже—въ „Нов. Врем.“ 1879, № 1085; *А. Новицкаго*—тоже—въ „Русс. Обзор.“ 1893, т. XII, июль, с. 321—332; въ довершеніе всего—о портр. Гоголя, раб. И-ва; въ ст. *П. Ефремова*—въ „Русс. Стар.“ 1878, т. XXIII, № 5, с. 158 и 160, и *Н. Собоко*—въ „Древ. и Нов. Россіи“, т. II, № 7, с. 259.

Хронологическій обзоръ печатныхъ источниковъ объ И-вѣ, заключающій въ себѣ до 100 №№ за первая 55 лѣтъ со времени выступленія его на художеств. поприщѣ (1824—79 г.г.) и составленный авторомъ настоящаго „Словаря“, былъ напечатанъ при изданіи подъ его ред. и съ его примѣч. (М. П. Вогткннхъ) книгъ: „Ал. Андр. Ивановъ, его жизнь и перенеска“, СПб. 1880 г. Списокъ этотъ удалось составить тогда настолько подробно, что, не смотря на незначеніе стѣхъ поръ: „Русск. историч. библиографіи“ *В. И. Мезюева* за 1800—54 и 1865—76 г.г. и „Опыта русс. историографіи“ проф. *В. С. Иконникова*, не оказалось никакихъ дополненій къ нему и только *М. Ф. Федорова*, просматривая въ Имп. Публ. Библиотекѣ всѣ русс. період. изданія для своего „Перечня журнальныхъ статей объ академическихъ выставкахъ за 130 лѣтъ“ (1764—1894), могла указать штукъ пять, да и то второстепенныхъ, замѣтокъ объ И-вѣ, которыя были пропущены тамъ.

Въ помѣщенномъ здѣсь обзорѣ, при расположеніи тѣхъ же источниковъ уже въ систематич. порядкѣ, прибавлены, кромѣ помин. статей, также и появившіяся въ нашей литературѣ съ 1880 г., т.-е. со времени выхода въ свѣтъ книги Вогткина.

Основаніемъ нашего очерка служили б. ч. собств. письма А. А. Иванова, а также—его отца, Гоголя, Чижова и др., такъ что зачастую расказъ переданъ даже ихъ подлинными словами—для лучшей характеристикъ какъ самого Иванова и постепеннаго развитія его взглядовъ, такъ и исторіи взаимныхъ отношеній его съ извѣст. людьми того времени, съ которыми ему приходилось только сближаться. Затѣмъ, для полноты расказа, туда включены и извлеченія изъ разн. архивныхъ документовъ: Общ. Поощр. Худож. (дѣла о пенсионерахъ), Имп. Акад. Худож. (дѣла 56/1817, 128/1828, 111/1830, 109/1835, 67/1842, 41/1845, 95/1847, 64/1849, 40/1858, 116/1858, 159/1858, 33/1861, 177/1877 и Президентскія: 61/1826, 36/1836) и Мин. Имп. Двора (дѣла: 1836, оп. 906, № 31; 1858, оп. 217, № 71; оп. 685, № 71; оп. 943, № 68; 1861, оп. 688, № 50), равно какъ данія изъ разныхъ офиц. изданій, въ родѣ: „Сборника матер. для исторіи И. А. Х., изд. подъ ред. *П. Н. Петрова*“, 1865—66 (II, 98. 172. 196. 215—6. 233. 345. 441. 445; III, 32. 49. 50. 53. 58. 441); „отчетовъ“ Общ. Поощр. Худож. (1824, 14 и 18; 1827, 16—18 и 20—22; 1828, 14—15; 1829—31, 6—7; 1832—33, 6; 1835—36, 9—10; 1836—37, 146—7, въ „Худож. Газ.“; 1837—38, 8; 1838—39, 6; 1839—40, 13; 1840—41, II—III; 1844—45, 8) и Имп. Акад. Худож. (1844—45, 5; 1845—46, 3; 1846—47, 8); „указателей и каталоговъ выставокъ“: въ Имп. Акад. Худож. (1833, 408; 1836, 401; 1859, 30; 1861, 202—„произвед., принадлеж. частнымъ лицамъ“; 1881, 274—304), въ Общ. Поощр. Худож. (въ извѣ 1867, №№ 38. 50. 95, и въ сент. №№ 45. 53—изъ собр. *Ф. И. Принишикова*), въ Моск. Общ. Любит. Худож. (1872, 8); „каталоговъ и описей карт. собраній и галлерей“: Имп. Эрмит. 1863 г. (№ 1593), Моск. Публ. и Румянц. Музеевъ 1877 г., *Д. П. Вогткина* 1875 г. (№№ 85—86), бр. Третьяковскихъ, 1894 г. (№№ 89—93 и 1052—113), Солдатенкова (въ изд. *А. Н. Андреева* „Карт. галлерей Европ.“ 1862, I, 20). Далѣе, изъ воспоминаній разныхъ лицъ объ Ивановѣ, мы включили въ себя только тѣ, что действительно относились къ нашему художнику и могли служить необходим. дополненіемъ или объясненіемъ въ извѣстіямъ, заимствованнымъ нами изъ друг. источниковъ, оуставивъ наротивъ все тѣ, что казалось скорѣе самихъ расказчиковъ, чѣмъ лицъ, о которомъ расказывалось, а также и все тѣ, гдѣ проглядывало скорѣе чувство зависти или мести, чѣмъ стремленіе къ истинѣ (какъ, напр., у *Тордана*). Наконецъ, большое мѣсто отведено у насъ, для болѣе полной характеристикъ трагической личности, — и отрывкамъ изъ критич. взгля-

довъ разныхъ худож. писателей на Иванава и его произведенія, за 70-ти-лѣтній періодъ времени (1824—93 г.г.),—въ гѣхъ выдахъ, что многія изъ изданій, гдѣ высказаны были эти мнѣнія, могутъ быть недостуны читателямъ, особенно въ отдаленныхъ отъ столицъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, въ нашемъ очеркѣ получился какъ-бы экстрактъ на 265 стран.) въ томъ числѣ 155 стран.—критическихъ отзывовъ) изъ всего того, что, помимо рукописныхъ источниковъ, занимаетъ въ печати, по приблизит. расчету,—около 1,200 стран. въ 8-ку (свыше 500 стр.—разн. писемъ и документовъ въ различ. изданіяхъ и около 700 стр.—разныхъ воспоминаній и статей объ И—въ, не считалъ чисто биогр. очерковъ). Для полученія еще лучшаго понятія о нашемъ художникѣ, у насъ помѣщены списки съ его произведеній (картинъ и эскизовъ), шарочно взятыхъ изъ различныхъ эпохъ его дѣятельности.

Ивановъ, Александръ Васильевичъ, архитекторъ. Род. 1845. Сынъ СПб. мѣщ. Вас. Сергѣева, обуч. въ А. Х. въ 1863—69, а по удостоеніи въ 1872 г. званія кл. художника 2-й степ. за проектъ „кам. рынка“, былъ помощникомъ у проф. Вернигартна—при сооруж. Козловской церкви и у М. А. Макарова — при постройкахъ домовъ: Антонова на Литейномъ пр., Рота въ Кузнецкомъ пер., маршала Паулуцци по В. Морской ул. и Маргиновой въ Чернышевскомъ пер., при чемъ послѣдніе два оканчивалъ самъ, по смерти профессора.

См. въ Арх. А. Х. дѣло 19/1863 и рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Александръ Васильевичъ, живописецъ на фаянсѣ. Род. 1785 г. и былъ, 12-ти-лѣтн., принятъ въ Имп. Акад. Худож. въ 1797 г.; затѣмъ, находясь въ 3-мъ возрастѣ, препровожденъ, въ февр. 1801, вмѣстѣ съ друг. 5-ю учениками, въ учрежд. при фаянсов. заводѣ гимназію для изученія живописи на фаянсѣ, по требованію управляющаго заводомъ кн. Н. Б. Юсупова, во исполненіе Высочайшей воли, а по уничтоженіи завода въ 1802 г., выпущенъ 1-го сент. 1803 съ аттестатомъ 3-й степ.

См. въ Арх. И. А. Х. дѣла 10/1801 и 56/1803, и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, I, 328 (№ 64), 420 и 432.

Ивановъ, Александръ Николаевичъ, скульпторъ. Род. 1788 г. Сынъ дьячка въ с. Матокѣ, Шацельбургскаго у., онъ былъ, принятъ въ Имп. Акад. Худож.—7 февр. 1797, 9-ти лѣтн., а по полученіи 6 сент. 1804 г. (выд. 1 сент. 1805)—2-й сереб. медали за дѣленіе съ пат., выпущенъ 1 сент. 1806, изъ 4-го возраста, съ аттестатомъ 2-й степ.

См. „Сборникъ матер. для истор. И. А. Х.“ *П. Н. Петрова*, I, 327 (№ 85), 467 и 474, 486.

Ивановъ, Александръ Тимофѣевичъ, медальеръ? Вероятно сынъ известн. медальера Тимое. Иванова (1729—1802), онъ состоялъ въ 1806, въ чинѣ тит. сов., „при медальерномъ дѣлѣ“ на СПб. Монетномъ Дворѣ.

Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Александръ, архитекторъ. Род. 1816 г. Воспитанникъ Строит. Училищ. на счетъ Тамбовской губ. съ 9 нояб. 1832 по 16 февр. 1833, онъ былъ выпущенъ отсюда съ чиномъ 14 кл. и поступилъ на службу по Мин. Внутр. Дѣлъ съ званіемъ гражд. инженеръ.

Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Алексѣй Алексѣвичъ, архитекторъ. Род. 1749, ум. въ сент. 1802. Сынъ флотскаго комиссара, онъ былъ принятъ въ Акад. Худож. въ янв. 1759, 10-ти лѣтн., и тогда же назначенъ, по экзамену, въ архитет. классъ. По прохожденіи полного курса и полученіи медалей: 2-хъ серебряныхъ—за исполненій, согласно заданной 1 апр. 1763 для 2-го класса программѣ, „проезждъ внутр. украшенія большой Академич. залы“ (30 июня, съ выдачею самой медали 8-го іюля) и за слѣд. архитектурую композицію (21 сент. 1765), и 2-хъ золотыхъ—за проекты: „внутр. украшеній Академич. строенія по апробов. плану и фасаду“ (10 іюля 1766) и „училища для воспитанія и обученія 150 чел. благороднаго юношества, на основаніи генер. учрежденія“ (5 іюля 1767), онъ былъ выпущенъ съ аттестатомъ 1-й степ. и шпагой (по опред. 20 іюня того же года), и съ званіемъ художника съ отряженіемъ, неисповеримъ, за границу. Во время своего 6 лѣтняго пребыванія въ чужихъ краяхъ, И-въ занимался у проф. Королевской Академіи Дюмона и Ковтана въ Парижѣ (куда прибылъ 27 сент. 1767), а затѣмъ работалъ самостоятельно въ Римѣ (гдѣ пробывалъ съ 5 нояб. 1769 по 13 февр. 1772; подробности о пребыв. заграничцею см. ниже въ биогр. его брата Ив. Ал. И—ва). Возвратясь въ отечество, онъ получилъ академич. званія: „назначеннаго“—за планъ, фасадъ и профиль „увеселит. дома“ (2 сент. 1773, вслѣд. просьбы отъ 4 февр.), вмѣстѣ съ опредѣленіемъ на службу при архитет. классѣ (26 окт., вслѣдствіе его просьбы 17 окт. дать ему запитіе при Акад., „чтобы оказалъ усерднѣйшія услуги и чтобы его званіе не оставалось втуне“), и „академика“—за чертежи „публ. театра“ (17 окт. 1776, по задачѣ проф. Фельтена отъ 25 апр. 1775), а вслѣдъ затѣмъ былъ приглашенъ для обученія

въ перспектив. классѣ (22 марта 1777) и утверждёнъ въ званіи адъюнкты-профессора (13 авг. 1779). Первые годы по возвращеніи въ СПб., И—въ имѣль, кромѣ того, заняты по постройкамъ: у камерг. Ф. И. Балка (оранжереи и банн); И. И. Шувалова и гр. З. Г. Чернышева. Возведенный въ званіе профессора (20 іюля 1785), онъ просилъ Совѣтъ Акад. (въ мартѣ 1789) объ увольненіи его отъ службы по слабости здоровья, главн. образ. зрѣнія (т. к., „не находилъ себя болѣе способнымъ къ отправленію предорученной ему отъ Акад. должности“), а также о принятіи его двухъ сыновей: Павла, 18-ти лѣтъ, и Ивана, 10-ти лѣтъ, въ Академич. училище, но и по выходѣ въ отставку онъ строилъ еще нѣкот. время у оберъ-штабмейст. Л. Д. Нарышкина. Онъ былъ женатъ дважды: съ 21 іюля 1773 на дочери бывш. дьякона Моск. епархіи, Маріи Егор. Старовой († 4 іюля 1787 г., 33 лѣтъ) и съ 18 февр. 1788—на дочери умерш. священника Преображ. собора, Александрѣ Никол. Тумаповской.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“—*Д. Н. Петрова*, I, 627 и 13. 19. 84—86 и 113. 116 и 121. 184. 137. 221 и 223. 139. 143. 299 и 300. 430, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 45/1772 и 10/1789, а также 9/1785.—Съв. Вѣстникъ 1804, I, 356—7 (†).—*Nagler's „Kunster-Lex.“*, VI, 515.

Ивановъ, Алексѣй, скульпторъ (квадраторъ). Род. 1734. Изъ каменщицкихъ дѣтей, поступ. на службу въ Кантору Строенія въ 1748 и наход. тамъ еще въ 1797.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 122/556, д. 5, с. 96; д. 6, с. 195; д. 7, с. 22; д. 8, с. 17.

Ивановъ, Алексѣй, архитекторъ. Род. 1764, ум. .. Изъ садовническихъ дѣтей, поступ. на службу въ Гофъ-Интендант. Кантору, въ Моск. команду, ученикомъ—20 іюня 1780, произведенъ былъ въ помощника—1 янв. 1789 и въ колл. регистр.—31 дек. 1796.

См. формуляры въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 122/556, д. 2, с. 24 и 90; д. 3, с. 47, 61, 58 (1779—88 г.г.); д. 5, с. 86; д. 6, с. 184; д. 7, с. 15 (1797); д. 8, с. 6; д. 9, с. 96, 121 и 127; оп. 382/818, д. 1, с. 37 об. и 233—4 (1799 г.).

Ивановъ, Алексѣй, рѣшникъ. Род. 1772, ум. 1798. Изъ мастеровыхъ дѣтей, поступ. на службу при Гофъ-Интенд. Канторѣ въ 1786 и наход. въ командѣ мастера Ив. Патрикѣева.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 122/556, д. 6, с. 35; д. 8, с. 68 (1798 г.).

Ивановъ, Алексѣй, орнаментный живописецъ. Изъ рейтарскихъ дѣтей, онъ наход. на службѣ въ конной гвардіи съ 8 сент. 1790, а 16 янв. 1797, вмѣстѣ съ Ив. Барвовымъ, Губ.

Макаровымъ и Дан. Никитинимъ, былъ выключенъ, по Высочайшему повелѣнію, изъ коннаго полка въ качествѣ живописца и посланъ въ Акад. Худож. гдѣ Совѣтъ определялъ ихъ всѣхъ въ орнам. классъ съ жалов. по 36 р. въ годъ; наконецъ, 18 авг. 1800 выпущ. былъ съ аттест. 2 ст. и шлагой.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 4/1797, и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ...*Д. Н. Петрова*, I, 356 и 415.

Ивановъ, Алексѣй Ивановичъ, ученый рисовальщикъ при Моск. театрѣ (?) въ 1880 г. Род. 1859 г.
Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Алексѣй Михайловичъ, живописецъ. Род. 1820 г. Сынъ губ. секрет., онъ былъ принятъ, по Высочайше апробов. запискѣ управляющаго Александр. Мануфактурой, г.-л. Вильсона, отъ 26 авг. 1821, въ число питомцевъ СПб. Воспитат. Дома; по положенію же Опека. Совѣта отъ 21 сент. 1833, въ уваженіе къ замѣч. въ немъ способности къ рисов., отданъ въ обученіе къ учнт. рисов. И. А. Х., акад. Я. Васильеву, на 6 лѣтъ, съ мая мѣсяца, а вслѣдствіе прошенія его въ Акад. отъ 28 мая 1838, съ представленіемъ Совѣтца „Блудный сынъ“, ему задано было Экзѣмпомъ 31 авг. написать по этому эскизу программу на аваніе художника, которая, вмѣстѣ съ его друг. работами: картиной, представл. „дѣтей, пускающихъ мыльные пузыри“, и эскизомъ на бумагѣ, изобраз. „Іакова и Ревекку“, была доставлена въ Акад. при отношеніи Хозяетса. Экспедиціи Воспитат. Дома отъ 25 авг. 1839 и находилась, вмѣстѣ съ назв. выше картиной, на Академ. вѣст. того года; послѣ чего 19 сент. онъ былъ удостоенъ искомаго званія съ выдачею ему аттестата 5 марта 1840 г.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 143/1838 и „Указатель вѣст. въ И. А. Х.“ 1839, стр. 5, столб. 2.

Ивановъ, Алексѣй Хрисанфовичъ, живописецъ. Род. 1822 г. (т. к. имѣлъ въ 1848 г.—26 лѣтъ). Ученикъ Моск. Училища живоп., важнаго и содвѣства, онъ получилъ отъ СПб. Акад. Худож. 9 апр. 1855 г. званіе некл. художника—за представл., при прошеніи преподавателей, портретъ „старика-садовника“, который и наход. потомъ на вѣст. Училища.

См. рукоп. матер. *П. Н. Петрова*; „Сборникъ матер. для истор. И. А. Х.“, его же, III, 233—4, и Литер. отд. „Моск. Вѣдом.“ 1856, № 26, с. 203 (упом.).

Ивановъ, Андрей, живописецъ. Принятый по прошенію изъ вольноотпущенныхъ въ вольно-

приход. ученики Акад. Худож. 25 окт. 1841 г. (на 6 лѣтъ), онъ былъ ученикомъ проф. М. Н. Воробьева и выстав. въ 1846 г. — два вида о. Вазаама: „при закатѣ солнца“ и „при восходѣ солнца“.

См. опредѣл. Академ. Совѣта 25 окт. 1841 и „Указат. вѣст. вѣ П. А. Х.“ 1846, стр. 7, столб. 2.

16. Собств. портретъ А. И. Иванова (въ Моск. Публ. и Румянц. Музетъ).

Ивановъ, Андрей Ивановичъ, живописецъ. Род. 18 декабря 1772? (24 ноября 1775) въ Москвѣ, ум. 12 июля 1848 г. въ Петербургѣ, отъ холеры. Онъ былъ принятъ въ Акад. Худож. изъ Воспитат. Дома, въ числѣ 32-хъ мальчиковъ, въ 1779? (1782), и занимался, по крайней мѣрѣ послѣднее время, подъ руководствомъ проф. Угрюмова (съ 1790-хъ гг.). Товарищъ Егорова и Шебуева, онъ, находясь въ 5 возрастѣ, получилъ на 4-хъ мѣсячномъ экзаменѣ 29 дек. 1795 г. — 1-ю серебрян. медаль за рис. съ нат., какъ наиболѣе заслужившій похвалы, судя по опредѣленію большаго 4-хъ-мѣсячнаго собранія 12 янв. 1796; за исполненіе же, по задачѣ, картины собств. сочиненія: 1. „Ной въ выходѣ изъ ковчега приноситъ жертву Богу“ удостоился поученія, въ чрезвычайн. собраніи 19 дек. 1797, — 1-я зол. медали, при аттестатѣ 1-й степ. со шпагою, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставленъ пенсионеромъ „для вынужденія въ художествахъ познанія“,

съ причиннымъ содержаніемъ отъ Акад. — по 150 р. въ годъ жалованья съ 1 янв. 1798, при готовой квартирѣ съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и столомъ совмѣстно съ учениками. Затѣмъ, съ выходомъ въ отставку художниковъ М. Воннова и В. Родчева изъ учителей, опредѣленъ былъ 20 дек. 1798 для обученія учениковъ рисованію, одновременно съ двумя назв. выше товарищами своими и Пав. Ивановымъ. Вскорѣ послѣ того, 18 июля 1799 г., тѣмъ же лицамъ объявлена была похвала за сдѣл. ими работы и задана программа для поступленія ихъ въ „назначенные“, въ которые они и возведены 18 авг. 1800, а 6 окт. 1802, въ виду слишкомъ большаго числа учениковъ въ натур. классѣ — до 80 челов., они опредѣлены были въ помощь къ дежурнымъ проф. Угрюмову и Прокофьеву, — для того, чтобы тѣ заставляли ихъ подъ руководствомъ своимъ ставить поведенію модели и тѣмъ пріучали къ усилѣннѣйшему отращиванію адъюнкты-профессорской должности. Наконецъ, по постановленію 18 апр. 1803, Андр. И. — въ „пока заданная ему программа о. него представлена будетъ“, долженъ былъ вступить съ 1 мая въ назв. должность, какъ назначенный на нее, съ жалов. по 300 р. въ годъ; 1-го же сент. онъ былъ удостоенъ званія академика за исполненіе бывшей на академ. выставкѣ 1804 г., вмѣстѣ съ друг. его картиною: 2. „Христосъ въ пустынѣ“, — программы по задачѣ; 3. „Адамъ и Ева съ дѣтьми подъ деревомъ по изгнаніи изъ Рая“, а 1-го сент. 1806 — званія адъюнкты-профессора. Къ торжеств. собранію 15 июля 1805 г. въ „Вольномъ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ“, гдѣ онъ состоялъ членомъ и депутатомъ съ 24 нояб. 1801, онъ представилъ бывшій на Академ. выставкѣ эскизъ собств. изобрѣтенія: 4. „Петръ В. въ лагерѣ при р. Прутѣ“, по еще съ 1804 г. онъ начинаетъ дѣлать рисунки съ цѣлю исполненія ихъ въ гравюрахъ, иногда на маперѣ краснаго карандаша, для рисов. класса, получая за это особое вознагражденіе. Такъ имъ выношены были: въ томъ году — 5. голова Сибиллы съ карт. Доменикино за 25 р. — къ 20 февр. (грав. Ник. Плаховымъ), 6. руки за 10 р. — къ 10 сент. (грав. А. Ухтомскимъ), 7. „Стоящая фигура съ розгами“ съ Доменикино и 8. „Сидящій циклопъ“ съ Караччи за 40 р. — къ 24 сент. (грав. имъ же); въ 1807 г. — 9. голова Маріи Магдалины за 80 р. — къ 9 марта (грав. тѣмъ же художникомъ) и 10. голова Михаила Архангела съ карт. Гвидо Рени въ гал-

17. Единоборство кн. Мстислава Удалаго съ Коссож. княземъ Редедею.
Нартина *А. И. Иванова* 1812 г. (въ Имп. Акад. Худож.).

18. Подвигъ молодого Кіевлянина въ 968 г.
Картина А. И. Иванова (въ Имп. Эрмит. съ 1814 г.).

лереѣ гр. Строганова тоже за 30 р.—къ 11 ман; въ 1808 г.—11. „Правосудіе“ съ карт. Лосенко за 350 р.—къ 29 февр. (перед. было для хран. въ Академ. библиот.). Затѣмъ онъ принималъ участіе въ составленіи проспектовъ медалей: 12. большой

и малой—въ 1808 г., съ надписью „Отечество за усердіе 1807“, согласно съ Высочайше утвержд. представленіемъ Комитета о милиціи, для выдачи въ награду дѣльнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе своими

пожертваніями къ образованію врем. земскаго ополченія, и 13. одной—въ 1809 г., по случаю заключенія мира со Швеціею въ Фридрихсгамѣ.

Нѣсколько рабѣ И—въ стлѣ писать иконы для церквей, а именно: а) при Копиѣ полку—14 и 15. „Арханг. Гавриила и Михаила“ для стѣв. и южныхъ дверей за 300 р. въ 1803 г.; б) при замкѣ Св. Михаила.—16. „Моленіе о чашѣ“; в) при Больницѣ для бѣдныхъ, съ дозволенія имп. Маріи Феодоровны,—17. „Воскресеніе Христово съ хоромъ ангеловъ“, въ видѣ запрест. образа (принес. имъ въ даръ) и 18. половину иконостаса въ 1804—5 гг.; г) Казанской Богоматери—19. „Рождество Богородицы“, 20. „Срѣтеніе Господне“ и 21. „Крещеніе Спасителя“—въ главномъ предѣлѣ, 22. „архидіак. Лаврентія“—въ предѣлѣ Рождества Богородицы, 23. „Спасителя“, 24. „Богоматери“, 25. „Преображеніе Господне“, 26. „Христа въ пустынѣ, которому служатъ ангелы“, 27. „Христа, воскресающаго сына вдовицы“—въ предѣлѣ св. Антонія и Феодосія, 28. „Св. ап. Андрея“—въ иконостаса, всѣ въ 1804—11 гг. За послѣднія работы оны получили, послѣ освѣщенія собора въ 1811 г., Высочайшее благоволеніе, наравнѣ съ Безсоновымъ, Варнекомъ и Черновымъ, работавшими для той же церкви, тогда какъ другіе участники въ украшеніи этого храма, а именно: Боровиковскій, Евренновъ, Егоровъ, Шебуевъ, Демуть-Малиновскій, С. Пименовъ, Ажи, заслужили брилліант. перстни, замѣненные потомъ для Егорова и Шебуева—знаками ордена св. Владимира 4-й ст.; почему Совѣтъ Акад. просилъ Министра Нар. Просв. объ исходатайствованіи к. л. награды и для Иванава, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что оны—„не только художники съ дарованіями, старательный, трудолюбивый, поведенія наилучшаго и для обученія воспитанниковъ весьма полезный, но, вступая въ службу при Академіи 3 годами прежде товарищей своихъ Шебуева и Егорова, если не произведеніями своими, то сею службою своею заслужилъ право на равную съ ними милость Монарха“; однако, прошеніе это осталось, по видимому, безъ послѣдствій.

И—въ пользовался въ то время уже такою извѣстностью, что когда оны подалъ въ сент. 1811 г. прошеніе въ Совѣтъ Акад., „о назначеніи ему для производства въ профессорское званіе историческаго предмета для картинъ“, Совѣтъ тогда же опредѣлялъ: „по извѣстнымъ его способностямъ и искусству отдать на его произволь выбрать себѣ предметъ для

живописной картины на профессорское званіе“, а въ авг. 1812, послѣ представленія имъ самой картины—29. „Единоборство кн. Мстислава Владиміровича Удалого съ Коссожскимъ кн. Редею“ (при Переяславѣ), размѣр. 64½ × 45½, верш. (наход. нынѣ въ И. А. Х.), „по достоинству сего художника и по разительному его отпавленію своей должности допустить—къ балотированію въ профессоры живописи въ будущемъ торжественное собраніе, и дабы не сдѣлать чрезъ то обиды сверстникамъ его, адъюнкты-профес. Шебуева и Егорова, столь извѣстными по искусству и трудамъ своимъ не только Академіи, но и всей публикѣ, и дѣлающимъ честь мѣсту своего воспитанія, то балотировать равно и сихъ двухъ въ тоже званіе“; послѣ же балотировки 1 сент., опредѣлено было Совѣтомъ: „на ваканціи младшаго профессора живописи намѣнить старшаго изъ трехъ произведенныхъ изъ адъюнкта-профессоровъ въ профессоры—Андр. Иванова, сколько по старшинству его службы и оказаннымъ уже трудамъ по адъюнкты-профессорской должности, столько и по большинству полученныхъ имъ балловъ, почему и слѣдующее по штату жалованіе 800 р. начать производить ему съ 1 сент.; профессоры же Шебуевъ и Егоровъ, по неимѣнію ваканціи, остаются на адъюнкты-профессорскомъ окладѣ, пользуясь впрочемъ всѣми почестями профессоровъ, наравнѣ съ Ивановымъ, равно и классы, какъ натурныя, такъ и писовыя, должны держать они всѣ трое по очереди“.

Изъ работъ, исполненныхъ И—вымъ до 1820-хъ годовъ, извѣстны только: 30. „Подвигъ молод. Киевлянина при осадѣ Кіева печатными въ 968 г.“ размѣр. 48×40 верш. (поступ. въ Имп. Эрмитажъ въ 1814 г.) и 31. большая прозрачная картина, написанная имъ при помощи 4-хъ другихъ художниковъ по заказу сундурги капит. 1 ранга Лисенской къ 20 іюля 1814 для предполагавшейся тогда иллюминаціи по случаю возвращенія имп. Александра I въ отечество и за которую оны получили лишь задатокъ въ 500 р., въ счетъ условленной платы въ 2000 р.,—кромѣ исполненія равныхъ порученій, вродѣ освидѣтельствованія поврежденныхъ пожаромъ 2-хъ плафоновъ въ Царскосельскомъ Дворцѣ (въ февр. 1818) или написаннаго акад. Д. Антонелли образцовъ для иконостаса въ церковь Сошествія Св. Духа въ Александрово-Невскій заврѣ (въ маѣ 1822).

Когда наконецъ, съ поступленіемъ Угрюмова въ ректоры, открылась въ Академіи ваканція старшаго профессора историч. живо-

писи, на нее тотчас же былъ помѣщенъ А. И—въ, по опредѣленію Академ. Совѣта 29 января 1821. Въ этомъ послѣднемъ званіи онъ прослужилъ дѣлныхъ 10 лѣтъ, исполняя въ тоже время разные общественныя и частныя заказы, вродѣ: 32. альфреско по собств. рисунку на одной изъ стѣнъ новой чугуаной лѣтницы въ Акад. Худож.—, Минерва, парящая въ эфирѣ небесъ“, размѣр. 6 арш. 11½ верш. × 6 арш. (1820), и иконъ для церквей: въ 1823 г.—а) во имя Нерукотвор. образа Спаса при Гг. Конюшенномъ Дворѣ въ СПб., именно: 33—34. „Арханг. Гавриила и Михаила“ на сѣверн. и южн. дверяхъ, 35—36. „Преображенія“ и „Воскресенія Господня“, и б) во имя Срѣтенія Господня при росс. мисіи въ Пекинѣ, именно образа—37. запрестольный „Христа Спасителя, сидящаго на престолѣ Славы и окруженнаго Сланими небесными“ (выш. 2 а. ¼ в., шир. 1 а. 10 в.), въ царскія врата: 38—39. „Пречистой Дѣвы Маріи и благовѣстующаго ей Арханг. Гавриила“ (выш. по 1 а., шир. по 6 в.), а также: 40—43. четырехъ Евангелистовъ (по 6 в. въ попереч.)—послѣдніе съ рисунковъ Варнека (эскизы—въ гал. Третьякова подъ № 33), мѣстнае: 44. „Воскресшаго Спасителя со знаменемъ победы надъ смертью въ рукахъ“ и 45. „Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ“ (выш. по 1 а. 10 в., шир. по 12 в.), 46. „Срѣтенія Господня“ и 47. „Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго“—послѣдній съ оригина. Шебуева (выш. по 1 а. 12 в., шир. по 10 в.), въ сѣв. п. южн. двери: 48. „Св. Арханг. Гавриила“, съ Гвидо Рени, и 49. „Михаила“ (выш. по 1 а. 10 в., шир. по 12 в.), въ особ. полукругѣ: 50. „Тайныя Вечерн“, съ Л. да-Винчи (выш. 1 а. 3 в., шир. 2 а. 6 в.), и, кромѣ того,—51. „Плащаница“ (длин. 2 а., шир. 1 а.); въ 1828—30 гг.—для той же церкви: 52. „Моисея, пріемлющаго законъ на горѣ Синаѣ“, 53. „Рождества Спасителя“, 54. „Поклоненія волхвовъ“, 55. „Амвросія Медиоланскаго, воспредающаго Θεодосію входъ въ храмъ“, г) для Казанской церкви—4 чертежа: 56. запрестольнаго образа „Божіей Матери“, 57. „Положенія во гробъ“, 58. „Воскресенія Христова“, 59. „Маріи Магдалины“, для церквей полковъ: д) Измайловскаго (Св. Троицы)—60. „Плащаница“, е) Преображенскаго—61—66. шести образовъ, изображ. 12 Апостоловъ и 4 Святителей: Петра, Алексія, Іону и Филиппа; ж) 1-го Карабинернаго—5 образовъ: 67. Спасителя, 68. Божіей Матери, 69. Арханг. Михаила и 70. Гавриила, запрестольный—71. „Святія со креста Спасителя“, наконецъ, оконч. эскиза—72. „благодарность Христу

одного прокаженнаго изъ 10 исцѣленныхъ“ и историч. картины—73. „Смерть генер. Кузьнева“ (начатъ въ 1827). Послѣдняя причинила И—ву не мало непріятностей и, наравнѣ съ нѣкоторыми произведеніями друг. художниковъ, бывшими, вмѣстѣ съ нею, на Академ. выставкѣ 1830 г., имѣла довольно значит. послѣдствія въ тогдашнемъ художеств. мірѣ, а именно: имп. Николаѣ I, будучи недоволенъ этою картиною, равно какъ бюстами его самаго и имп. Александры Θεодоровны, раб. проф. С. С. Пименова, и программами учениковъ архитект. класса, руководимаго проф. Ал. Ал. Михайловымъ 1-мъ и репт. Андр. Ал. Михайловымъ 2-мъ, и „находъ въ оная картинѣ недостатки и несообразности непростительныя, доказывающія, что И—въ не можетъ съ пользою быть при классѣ историч. живописи въ Академіи, повелѣлъ подать ему просьбу объ увольненіи отъ званія должност. члена“, также какъ и остальнымъ тремъ художникамъ, и сказалъ, что „передъ выставкой работъ членовъ Академіи и ея питомцевъ для публики, будетъ предварительно самъ ихъ осматривать, дабы изъ оныхъ исключить все тѣ, что не достойно быть публичной выставкѣ“.

А. И—въ, какъ доносилъ президентъ Оленинъ министру Имп. Двора кн. Волконскому 26 декабря того года, въ отвѣтъ на его предписаніе отъ 19-го числа, „особенно и, можно сказать, до глубины сердца былъ пораженъ Высочайшимъ къ нему неблаговоленіемъ, и имѣя большое семейство, будучи состоянія самаго недостаточнаго и даже бѣднаго, рыдаючи осмѣлился только просить объ одной милости: чтобы исходатайствовать у Его Величества милосердное вниманіе къ 32-хъ лѣтней службѣ его и даровать ему содержаніе, которое могло бы дать слободы къ существованію его, при неминувшихъ потеряхъ при увольненіи—квартиры, отопленія, освѣщенія и малаго стараго профессорскаго жалованья“. Онъ даже почти безъ памяти лежалъ въ постели, когда ему вручено было 29-го числа раннимъ утромъ письменное требованіе президента отъ имени министра о подачѣ рѣшительнаго отвѣта до новаго года для представленія Государю Императору. Тѣмъ не менѣе на другой же день онъ, вмѣстѣ съ другими, подалъ формальную просьбу объ увольненіи по домашнимъ обстоятельствамъ, а Оленинъ, представивъ ее на благоумотрѣніе кн. Волконскаго при послужномъ спискѣ, почелъ долгомъ объяснить ему насчетъ ректора Михайлова 2-го, „равно какъ и несчастнаго профессора живо-

писи И—ва (болѣе 18-ти лѣтъ въ той же категоріи находившагося, относительно образованія достойныхъ художниковъ, въ томъ числѣ Карла Брюллова и нѣсколько другихъ), что по симъ уваженіямъ сдѣлалось бы спихъ устарѣвшихъ художниковъ въдовало съ пенсіею по нынѣшнимъ окладамъ новаго штата, особливо И—ва, обремененнаго, можно сказать, нищетой и, сверхъ того, большимъ семействомъ“, т. к. „сія мѣра, прибавляя оныя, ободрить оставшихся и успокоитъ будущихъ г.г. профессоровъ, пришедшихъ въ уныніе отъ несправедливой, но несчастной участи г.г. Михайловыхъ, И—ва и Пименова“. Вслѣдствіе этого, трое уволены были 2 января 1831 г. съ половинной протизы новаго оклада пенсіей, а послѣдній изъ поименованныхъ—съ третной, причемъ И—ва назначено было по 1500 р. въ годъ, и всѣ съ надлежащими аттестатами отъ Академіи (26 февр.).

Совѣтъ иное впечатлѣніе, чѣмъ изъ вышепривед. официальныхъ документовъ, выносилъ изъ написаннаго по тому же поводу письма И—ва къ сыну отъ 18 янв. 1831 г. „Касательно здоровья мы всѣ, благодаря Бога, находимся здоровы, несмотря на жестокой ударъ, приключившійся мнѣ въ недавнее время... Новостей по Академіи много, но не для всѣхъ приятныя, какъ-то: А. Х. имѣетъ новый штатъ, подписанный 19 декабря прошлаго 1830 г. Сіе, по видимому, пріятное событіе было громознымъ ударомъ для нѣкоторыхъ членовъ Акад., а въ томъ числѣ и мнѣ, но не сразило совершенно; давно уже собирались тучи на горизонтъ и казалось, что проблудъ стороною, но оныя, по направлеئیю бури, прошли надъ нами. „Незабвенный день посѣщенія Акад. Худож. Государемъ Императоромъ, во время открытія оной для публики, было, такъ сказать, предзнаменованіемъ нашего несчастія, приготовляя къ оному. „Я три семь случаевъ выставилъ вторично свою картину, представляющую „Смерть г-м. Кузьнева“, и эскизъ „Исцѣленіе прокаженныхъ“... Проф. Пименовъ выставилъ заказ. ему министромъ Двора, кн. Волконскимъ, бюсты Государя и Государыни... Государь, взглянувъ на оныя, сказалъ: „Не похожъ“,—и только; въ то же самое время Пименовъ его и убралъ, и, когда пріѣхала Императрица, „бюста ея не было, и это такъ и кончилось ничѣмъ. Проектами архитект. класса былъ весьма доволенъ и говорилъ лично съ Андр. Ал. Михайловымъ касательно оныхъ съ похвалою и вообще, можно сказать, былъ стольнисходителенъ къ художествамъ, что никакъ того предпо-

лагать было не можно по всему тому, что намъ о томъ винуено было... Къ несчастію моему, я видѣлъ равнодушіе монарха—ни то, ни другое мое произведеніе не обратило на себя его вниманія. Богъ знаетъ, что было тому причиною... Вскорѣ послѣ сего посѣщенія, служащія по Акад. получили ордена безпорочной службы, въ томъ числѣ и я оный имѣю за 30 лѣтъ, за что и благодарилъ президента, а записи послѣдовалъ и новый штатъ Академіи“.

„Особую повѣстку дано знать мнѣ, г. ректору Михайлову, а также г. Пименову, чтобы мы ожидали пріѣздія президента въ Акад.;... спрашиваю (у конференціи-секретаря Григоровича); не знаетъ ли оныя, по какому бы это было дѣлу?—въ отвѣтъ получаю нѣчто несвязное, и это несвязное достаточно для меня было понять, что хорошаго по новому штату для меня ожидать нечего. На утро являюсь къ президенту; оныя начинаетъ мнѣ объявлять поспененно ту непріятность, что Государь картиною моею очень недоволенъ и приказалъ подавать прошеніе объ увольненіи отъ службы. Дѣлать было нечего: воля Высочайшая должна быть исполнена, — прошеніе подано, и болѣе не въ службѣ, какъ и прочіе вышеупомянутые мои сослуживцы: два брата Михайловы и г. Пименовъ; вина же ихъ, подобная моей, т.-е. неудовольствіе Государя по архитект. классу и бюсты Императрица. Надежда, подаваемая мнѣ начальникомъ на будущее время, и участіе прочіихъ г.г. ко мнѣ особенно облегчаютъ меня въ сихъ обстоятельствахъ, и ты, узнавъ о семъ, не предавайся унынію, отъ котораго пользы никакой не будетъ ни для тебя, ни для насъ, но вооружись терпѣніемъ, по моему примѣру, и съ бодростью стремись къ своей дѣлу, — время впередъ найдется, и будущее извѣстно одному только Богу“.

Въ другомъ письмѣ отъ 5 марта И—въ прибавляетъ насчетъ перваго: „Ты можешь усмотрѣть изъ онаго несообразности причинъ, по которымъ я и прочіе мои сослуживцы должны были подавать прошенія объ увольненіи насъ отъ занимаемой нами должности. Тебѣ не безизвѣстно, что уже съ давняго времени оное неготовилось, но отлагаемо было, по ожиданію способнѣйшаго къ тому времени, которое и наступило съ помощію людей, имѣвшихъ мою къ нимъ довѣренность, возымѣло своей успѣхъ,—я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю и, кажется, не ошибаюсь“.

Злосчастная картина „Смерть г-м. Кузьнева“ (убитаго подъ Клястицами при защитѣ

пмъ отъ непріятеля пути къ Москвѣ въ 1812 г.) была исполнена И—вымъ для брата храбраго генерала, помѣщика Витебской губ. Рѣшницкаго у., оставш. ротмистра Мих. Петр. Кульнева, заказавшаго сперва (въ 1813 г.) художнику 14 кл. А. Скобину за 800 р. асс. портретъ пок. генерала въ ростъ, въ рубашкѣ, съ георгиевскимъ крестомъ на шеѣ и въ гусарскихъ рейтузахъ, и перемѣнившаго его потомъ, послѣ передачи этого заказа (въ 1815 г.), по рекомендаціи послѣдняго, И-ву за 1200 р., уже на историч. картину, за которую А. А. и потребовалъ съ заказчика (въ 1826 г.) 5000 р. въ виду трудности сюжета, требовавшаго спеціальн. изученія.

Благодаря встрѣтившимся неуразумѣніямъ, Кульневъ обратился 31 марта 1831 съ жалобой къ ген.-ад. Бенкендорфу, препроводившему его письмомъ къ Оленину, а Правленіе Академіи, потребовавъ письменныя объясненія отъ обоихъ художниковъ насчетъ принятыхъ ими на себя работъ, опредѣлило 2 июня, что „послѣ заказа оныхъ протекло болѣе 10 лѣтъ, въ теченіе коихъ Ак—ин Худож. отъ г. Кульнева приносимо жалобъ не было, а притомъ дѣло оказывается спорнымъ, слѣдовательно подлежащимъ разбору гражд. суда, почему г. Кульневъ долженъ вѣдаться посредствомъ оного съ вышепомянутыми художниками“, о чемъ и было сообщено, какъ Бенкендорфу, такъ и Кульневу, по полученіи отъ него вторичной жалобы на имя президента (отъ 22 дек.), при чемъ прибавлено было, что „И-въ нынѣ не служитъ въ Академіи и дальѣйшее посредство оной не можетъ имѣть мѣста, тѣмъ болѣе, что худ. Скобинъ, на кого ссылается оный, умеръ (24 июня 1831), и никакихъ бумагъ, могущихъ объяснить дѣло, въ виду не имѣется“. И только Спб. Совѣстный судъ, къ которому обратился Кульневъ, постановилъ въ мартѣ 1834, чтобы И-въ, по продажѣ картинъ, возвратилъ ему ввзятый отъ него задатокъ въ размѣрѣ 600 р.; но картина, кажется, такъ и осталась непроданной,—по крайней мѣрѣ еще въ нояб. 1837 расчѣтеть ихъ не былъ поконченъ.

Ивъ работъ, исполненныхъ А. И—вымъ въ выходѣ въ отставку, извѣстны по собств. письмамъ его къ сыну и Академич. отчетамъ: 74. „Плащаница“ для Академич. церкви (копію съ которой оный сдѣлалъ для вновь постр. церкви въ Ахалцихѣ, — вмѣсто Сазонова, но предложенію Токарева) и образа для церквей: а) Киевскаго полка—75. „Тайной Вечери“ за 1500 р. и 76. запредельный „Святія со креста“ (1831); б) Сенатской—77. „Воскресенія Христова“, размѣр.: 4×2 арш., за 1800 р. (въ 15 мая 1833); в) Смол-

наго монастыря—78. „Тайной Вечери“, діам. 4³/₄ арш., за 5000 р., 79. „Преображенія Господня“ и 80. „Взятія Б. М. на небо“, размѣр. по 5×2³/₄ арш., ц. по 4500 р. (къ 1835); г) Измайловскаго полка, т.-е. Троицкой,—81. „Иоанна воина“ (къ 1835); д) соборны: д) сооруж. въ Варшавѣ, греко-росс. Александровскаго,—82. „Преображенія Господня“ и 83. „Сочествія Св. Духа“, размѣр. по 2×1¹/₂ арш., за 1500 р. кажд. (1835—36), е) Сіонскаго въ Тифлисѣ—84. „Прор. Моисея“ и ж) для Академич. церкви—85. „Несенія тѣла Спасителя ко гробу въ сопровожденіи Божіей Матери и св. мужей и жель“, размѣр. 4 а. × 2 а. 6 в. (1836—37); наконецъ: 86. картина по задатк., предлож. А. Н. Демидовича,—„Петръ Вел.“ (1837—38) ¹⁾, 87—88. два образа—

¹⁾ А. И. И—въ такъ описывалъ содержаніе послѣдней картины въ письмѣ къ сыну отъ 1 июля 1838, оспаривая его мнѣніе, „что аллегорія выдумана при удачѣ искусства и что скульптура имѣеть въ оной болѣе права по своей ограниченности противъ живописи“: „Представляется обширное круглое зданіе, украшенное нишами, въ коихъ видны поставленныя статуи, бронзовыя. Это зданіе есть наше отечество, въ которомъ знаменитые мужи имѣють свои памятники въ приличныхъ мѣстахъ; тутъ, разумѣется, нельзя всего высказать, но въ виду находится памятникъ Минину и Пожарскому, по модели Маргоса. Среди сего обширнаго зданія воссѣдаетъ колоссальная статуя Россіи, которой, какъ нѣкому божеству, всякій изъ соотечественниковъ, смотря по своему понатію или дѣйствующимъ въ немъ страстямъ, приноситъ жертву, отчего въ исторіи народовъ бываетъ много безпорядковъ, габельныхъ для государства. Въ одномъ изъ отвертій сего зданія происходитъ главное дѣйствіе — Петръ уничтожаетъ вредный предрасудокъ, который представленъ въ видѣ валастна народнаго ума, который оны держитъ въ заключеніи, имѣя связку ключей отъ всякаго званія людей при себѣ, (и) не давая имъ свободы поучаться и размышлять. Сія фигура, въ видѣ старика еще бодрого, имѣеть на головѣ желѣзный вѣнецъ съ замочною скважиною, на груди—дощечку, какъ у первосвященника іудейскаго, (но) только съ изображеніемъ эмбѣ, шипающа злобою, въ правой рукѣ—сокрушенный желѣзъ; повергла отъ ужаса, навѣденнаго ей рѣшимостью Петра, связку ключей на землю и сама также повержена остается; во взорѣ ея еще видно желаніе мести, но не можетъ. Петръ, сидя за столомъ, занимается тѣми великими предметами, которые долженъ возвести нѣкогда Россію на высшую степень образованнаго госу-

„ап. Петра и Павла“ и „св. Константина и Елены“ (1841), и 89. проект, по конкурсу, памятника имп. Петру въ Полтавѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ овъ отдыхалъ отъ трудовъ послѣ Полтавской битвы (1845—46).

Кромѣ того, въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ есть его работы, принесенная въ даръ М. П. Боткиннѣ, картина во вѣсѣ голландцевъ—90. „Смерть Пеллоида“, знаменитого Фиванскаго вождя и

дарства; при сихъ-то его занятіяхъ пожаловалъ къ нему вышеозначенный гость и безъ доклада, (и), по дерзости и власти своей прежней, сталъ его уговаривать не вводить новизны вредной; но, видя его, Петра, непреклонность, осмѣлился угрожать ему собственною его лаубою,—сіе наиболѣе тропило Петра“. Но, „за немѣнимъ удобнаго мѣста для производства такой картины, за основкою въ натурщикахъ“ и проч., какъ предполагалъ авторъ въ друг. писмѣ — отъ 3 марта 1839 г., „она не имѣла окончат. вида, coloringъ оной оказался блесловатымъ и требовалъ большей силы и общей гармоніи, ...на выставкѣ въ большихъ залахъ Академіи“, почему овъ и долженъ былъ получить, по журналу собранія Академ. членовъ (происходившаго по случаю назначеннаго на 10 декабря конкурса), всего лишь 500 р., т.-е. меньше друг. конкурентовъ: Лифляндца Г. Каринга, Демидова (уч. Брюлова), Венеціанова, Ив. Левшина, Боне изъ Рима, и протомъ за 2 картины, т. к. еще ранѣе, слыша неблагоприятные отзывы объ аллегоріи, овъ, въ промежуткахъ времени, когда имѣлъ остановку въ натурщикахъ, написалъ на холстѣ меньшаго размѣра другой моментъ, „когда Петръ, при взятіи Нишанца, что былъ на Охтѣ, осматривая окрестности этихъ мѣстъ, избираетъ мѣсто для построения С.-Петербурга, прибывъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ находится церковь Св. Троицы и маленькій его домики, построенный изъ остатковъ тѣса рыбачьей избы, бывшей на семь мѣстѣ, (и) говорятъ: *Здѣсь будетъ столица моя*“.—Первобытное состояніе мѣста плоскаго,—прибавляетъ овъ въ томъ же писмѣ для объясненія сюжета,—не много доставляетъ выгодъ для картинъ въ одной почти фигурѣ, ибо въ недалекомъ разстояніи находящаяся лодка съ девятикомъ его не много оную занимаетъ, отчего она дѣлается пуста (будто-бы), какъ по идеѣ своей, такъ и по предметамъ въ оной; но зато фигура самого Петра оживляется своею рѣзкостью отъ свѣтлаго грунта неба глѣниго“. По смерти А. И., сынъ его А. А. просилъ Мольера, письмомъ отъ 25 дек. 1843, сжечь обѣ эти картины, равно какъ и иллюминацію, писанную для Лисинскаго.

друга Эпаминонда (размѣр.: 32 × 27 верш.), и 91—92. Портреты жены художника — въ видѣ весталки съ лападой въ лѣв. рукѣ, передъ жертвенникомъ съ горящ. огнемъ, и его самого — въ плащѣ поверхъ мундира, съ книгой и карандашемъ тоже въ лѣв. рукѣ (размѣр.: по 9 × 10³/₄ верш.), а въ залѣ вѣнчаній Академіи. Совѣта имѣется покол. портретъ его въ натур. величину, писанный И. С. Бугаевскимъ—Благодарнымъ на званіе академика въ 1824 г.

Современная критика отзывалась о худож. дѣятельности А. И. И.—ва слѣдующимъ образомъ: „Свѣ. двери и южныя (въ Конош. церкви), на коихъ изображены Арханг. Михаилъ и Гавриилъ, а надъ ними Зосаніе Христа Спасителя изъ гроба и Преображеніе Господне“, собиравъ П. Свинынъ въ своихъ „Отеч. Зап.“ 1823 (XIV, 149), „писаны проф. И.—вымъ. Сн 4 образа исполнены своихъ собств. красотъ, свойственныхъ кисти г. И.—ва, отличающейся или, лучше сказать, превосходящей всѣ другія со стороны драпировки одежды, легкости и прозрачности облаковъ“. „Произведенія г. проф. историч. живописи И.—ва“, писалъ В. И. Григоровичъ въ своемъ „Журн. Извѣщ. Искус.“ 1823 г. (I, 86), давая отчетъ объ украшеніи той-же церкви Конош. Двора, „заслуживаютъ вниманіе, несмотря на то, что въ рисункѣ и расцвѣчиваніи они имѣютъ нѣкот. недостатки. ...По всей справедливости можно сказать, что какъ сія (т.-е. образа для означ. церкви), такъ и другія его картины свидѣтельствуютъ о способности его сочинять, давать фигурамъ округлость, отдѣлять ихъ отъ поля картины, хорошо располагать складки одежды, отлично выражать свойства тканей и искусно выполнять околнности“, а затѣмъ, представляя перечень образовъ, исполн. для рос. миссіи въ Пекинѣ (тамъ-же, с. 425), — „прочіе же всѣ (образы) оригинальные; сочиненіе ихъ принадлежитъ г. И.—ву и, какъ по оному. такъ и по исполненію, всѣ заслуживаютъ большое вниманіе (sic), а въ особенности же образъ Срѣтенія: фигуры расположены изъ ономъ, при всѣхъ неудобствѣ мѣры образа, прекрасно; перспектива въ семь образѣ, равно какъ и вообще въ произведеніяхъ г. И.—ва, вѣрна; все дѣлится, всему видны разстояніе; складки въ одеждахъ брошены съ отличнымъ искусствомъ; въ отдѣлѣ видно тканіе, но нѣтъ сухости; словомъ, во всемъ есть свои достоинства“. „И.—въ особенно достоинъ вниманія“, говорилъ тотъ-же худож. писатель въ своемъ обзорѣ „О состояніи художествъ въ Россіи“ въ „Свѣ. Цвѣтахъ“ на 1826 г. (с. 82), „по тому

усердію, съ которымъ онъ печется объ образованіи молодыхъ художниковъ. Воспитывался вмѣстѣ съ Егоровымъ и Шебуевымъ, онъ былъ ихъ соперникомъ, но, по обстоятельствамъ семейнымъ, не могъ быть въ Римѣ и образованъ, какъ они, свой вкусъ классич. твореніями мастеровъ великихъ. Впрочемъ, онъ произвелъ много вещей прекрасныхъ. И—въ сочиняетъ хорошо, драпировать фигуры со вкусомъ, даетъ силу картинамъ своимъ и имѣетъ надлежачіи свѣдѣнія въ перспективѣ*.

„Вольная историч. картина: „Смерть генер. Кузьнева“, писалъ г. Z въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1827 г. (№ 113), въ обзорѣ Академич. выставкн того года, „хороша какъ по сочиненію, такъ и по группировкѣ и выраженію лицъ... Героическое разставаніе съ жизнью сего неустрашимаго воина выражено съ правдоподобіемъ...; (за то) лошади вообще въ этой картинѣ нарисованы не весьма удачно,—но мы слышали, что картина сія еще не совсемъ кончена. Замѣтимъ, что убитый солдатъ, лежащій на самомъ переднемъ планѣ картины, есть одна изъ лучшихъ фигуръ по вѣрности, съ какою онъ положенъ: взглянувъ на него, почти нельзя не вздрогнуть“. Иначе, однако, отзывался *II. Сегилинъ* въ своемъ отчетѣ о той же выставкѣ въ „Отеч. Зап.“ (1827, XXXII, 156—7): „Картина проф. И—ва, Смерть генер. Кузьнева“, говорилъ онъ, „подтвердила собою истину, что на судъ публики не должно выставлять неоконч. картинъ, ибо онѣ вводятъ зрителей, не разбирающихъ, въ какомъ положеніи представленны имъ произведенія,—въ неосновательныя, а можетъ быть и неприятныя насчетъ художника предположенія... Вотъ почему я оставлю безъ малѣйшаго примѣчанія сію картину, долженствующую, при окончаніи своемъ, выйти совершенно въ другомъ видѣ“.

Наконецъ, въ „Указателѣ наход. въ Акад. произведеній“, изд. Чишера 1842, говорилось, что „произведенія его (И—ва) отличаются естественностью и легкостью живописи, удачнымъ сочиненіемъ и приятнымъ, но не вполне строгимъ рисункомъ“ (это замѣчаніе повторено Андреевымъ и Новицкимъ въ упомян. ниже изданіяхъ ихъ).

Въ собствен. письмахъ А. И. И—ва къ его сыну А. А., напеч. въ „Русс. Худож. Архивѣ“ 1892—93 гг., заключаются не только свѣдѣнія о разныхъ домашнихъ и академическихъ дѣлахъ и замѣчанія на предпринятыя молодымъ И—вымъ картины: „Аполлонъ, Кипарисъ и Гяцпанъ, занимающіеся музыкой“ (с. 24, 25), „Посланные Иосифа находятъ его чапу въ мѣшкѣ

у Веліампа“ (с. 28, 29, 94—96, 99, 106—8, 152), „Явленіе Христа Маріи Магдалинѣ по воскресеніи“ (с. 161, 162, 179, 180), „Явленіе Мессіи народу“ (с. 176—7, 183, 323, 345—6), по также критическія замѣтки о произведеніяхъ друг. художниковъ, какъ-то: Моллера („Подѣлуи“ и „Русалка“—с. 26), Бруни („Гораций, убивъ сестру свою“—с. 91; „Мѣдный змій“—с. 173—4 и 371; „Моленіе о чашѣ“ и „Благовѣщеніе“—с. 325; „Тайная вечеря“—с. 362), Егорова („Истязаніе Спасителя въ темницѣ“—с. 93; образа для Троицкой церкви—с. 169—170 и 184 и для Академической—с. 328; „Бѣгство въ Египетъ“—с. 354), Шебуева (тоже и тамъ же; „Тайная вечеря“ и „Новгор. купецъ Иголкинъ“—с. 354), К. Брюлова („Итальянское утро“—с. 103; „Послѣдній день Помпеи“—с. 155—6, 163 и 358; „Распятіе“ для лютер. церкви—с. 360), Кипренскаго (разн. произвед.—с. 104, 164, 181), Лапченко („Сусанна“—с. 154), А. Маркова („Фортуна и индій“—с. 323), Варнека (образы для Академич. церкви—с. 328—9), Риса („Бытъ во время чумы въ Москвѣ“—с. 353), Венеціянова („Причашеніе умирающей“—с. 354), Яковлева (Исцѣленіе слѣпого“—с. 354), въ томъ числѣ и старыхъ великихъ мастеровъ: Караваджо („Положеніе Христа во гробъ“—с. 91, 93), Корреджіо („Ночи“—с. 91), М. Анджели („Сотвореніе человѣка“—с. 104), и проч.

Во всѣхъ появившихся до сихъ поръ біографіяхъ Андр. И—ва встрѣчаются нѣкоторыя неточности въ хронологич. отношеніи. Такъ, въ вышедшемъ еще при его жизни „Справ. Энциклопед. Словарѣ“, изд. К. Крайя, СПб. 1847 (V, 8), про него сказано, что онъ род. въ Москвѣ въ 1777 и 6-ти лѣтъ поступилъ въ Акад. Худож. (слѣдоват. въ 1783); замѣтъ, въ книгѣ *А. Н. Андреева* „Живописъ и живописцы“, СПб. 1857 (с. 499), время его рожденія отнес. въ 1775 г., а въ „Каталогѣ картинъ Имп. Эрмитажа“, СПб. 1863 (с. 381), къ этому свѣдѣнію прибавленъ, какъ время его смерти,—1847 г.; дальѣ, въ „Каталогѣ оригн. произведеній русс. живописи“ (Картиной Галлерей И. А. X.), *А. И. Сомова*, СПб. 1872 (с. 163),—гдѣ показ. тотъ же годъ рожденія,—опредѣленіе его въ А. X. помѣщ. между тѣмъ подъ 1782; наконецъ, тѣ же данныя повтор. и въ изд. *А. П. Новицкаго*: „Худож. Галлерей Моск. Публ. и Румянц. Музея“, М. 1889 (с. 158). Однако, уже *Ю. В. Иверсенъ*, въ своемъ трудѣ: „Медали въ честь русс. госуд. дѣятелей и частныхъ лицъ“, СПб. 1880 (I, 256—7), обратилъ вниманіе на неточность всѣхъ этихъ цифръ, хотя и у него вкраснѣ нѣкот. не-

вѣрности; въ рукоп. же замѣткахъ *П. Н. Петрова* сохр. извѣстѣ, что Андр. И—въ род. 18 вѣк. 1772, а изъ его „Сборника матер. для исторіи И. А. Х.“ (I, 167, № 5) видно, что онъ принятъ былъ въ Акад. изъ Воспитат. Дома въ 1779. Последнее могло быть похоже на истину, т. к. въ Акад. принимали въ то время мальчиковъ 6—7 лѣтъ и они оставались тамъ лѣтъ 15-ть, распределяясь на 5 возрастовъ; по 8 года въ каждомъ, причемъ иногда воспитанники выпускались немного поздѣе, если въ какомъ либо году не бывало почему нибудь торжеств. собранія, по раньше—лишь не кочившіе курса. Между тѣмъ, по формул. спискамъ Андр. И—ва 1812 г. въ Акад. Архивѣ (дѣла за №№ 68 и 84 того года), онъ вступилъ ученикомъ въ Акад.—30 сент. 1782, изъ Воспитат. Дома, и вмѣль въ 1812 г.—36-ть лѣтъ.

Настоящій очеркъ составленъ главн. образ., на основ. Архивныхъ дѣлъ И. А. Х.: 58/1797, 44/1798, 5/1804, 17/1804, 9/1805, 53/1805, 41/1806, 15/1807, 25/1807, 15/1808, 33/1811, 57/1812, 64/1812, 68/1812, 84/1812, 86/1816, 13/1818, 76/1821, 25/1822, 31/1827, 58/1831, 157/1831, 76, 1837, и М. И. Д. 1824, оп. 673, № 14 (объ улатѣ 2500 р. за „Молод. Кіевлянина“); „Сборника“ *Петрова* (I, 167, 346—7, 365—7, 378, 390, 415, 431, 444, 451, 577, 457, 468—70, 484, 495, 499, 500, 508, 515—6, 539, 665; II, 11—15, 33—34, 37, 78, 107, 187); „Отчетовъ И. А. Х.“: 1828—30 (с. 21—21); въ „Снѣгъ Отеч.“, т. XV, с. 205—6), 1830—31 (с. 4); въ „Снѣгъ Отеч.“, т. XXIII, 236), 1835—36 (с. 9), 1836—37 (с. 12); въ „Худож. Газ.“ 1837, с. 280), 1837—38 (с. 577—въ „Худож. Газ.“ 1838), 1845—46 (с. 10), 1847—48 (с. 29); разныхъ періодич. изданій того времени, какъ-то: „Періодич. Изд.“ 1804 (ч. I, с. 3, V, XXII, XIX), „Сѣв. Вѣст.“ 1804 (III, 226—8) и 1805 (VII, 362—3), „Сина Отеч.“ 1820 (LXIV, 312), „Отеч. Зап.“ 1820 (III, 286), 1823 (XIV, 149) и 1827 (XXXII, 156—7), „Журн. Извѣст. Искус.“ 1823 (I, 86, 424—6, 501), „Сѣв. Цѣлѣгов.“, бар. Дельвига, 1826 (с. 81—82), „Сѣв. Пчелы“ 1827 (№ 113, с. 4, столб. 2), не считая болѣе мелк. замѣтокъ; наконецъ, писемъ къ нему сына Ал. Андр. 1833—46 г.г.—въ книгѣ: „Ал. Андр. Ивановъ, его жизнь и переписка“, изд. М. Боткина (подъ ред. Н. П. Собоко), СПб. 1880 (с. 30—38, 36, 39—40, 44—48, 79—84, 86—87, 91—104, 353—4, 111—8, 120—4, 126—9, 181—8, 140—3, 154—9, 161—3, 165—8, 187—9, 215—6, 219, а также 254—7) и его собственныхъ къ последнему отъ 1831—46 г.г.—въ „Рус. Худож. Архивѣ“ 1892—93 г. (I, 22—33; II, 87—108; III—IV, 152—184; V—VI, 321—331 и 345—388). Изъ иностр. источниковъ можно указать на *Налера*, „Künstler-Lex.“, VI, 516.

Ивановъ, Андрей, живописецъ. Изъ мастер. дѣтей, поступилъ на Казенный кирпичный заводъ въ 1766, живописцемъ на Имп. Фарфор. Заводъ—28 февр. 1803; получ. жалованья—315 р. 91 к. въ годъ. См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. дѣла Кабин. 1809, оп. 151/320, № 18/67, л. 33 об.

Ивановъ, Андрей, скульпторъ. Род. 1749 г., ум. ... Изъ мастеровыхъ дѣтей, поступилъ на службу при Гофъ-Интендант. Канторѣ въ 1765; отправленъ былъ, вмѣстѣ съ другими 6-ю художниками (Вас. Андреевичъ, Ив. Козыревичъ большими, Ив. Савельевичъ, Акин. Степановичъ, Ив. Часовничковъ и Степ. Черныкъ), изъ Канторы Строенія въ Екатеринбургское намѣстничество, въ янв. 1786 г., вслѣдствіе письма ген.-фельдмаршала, кн. Г. А. Потемкина, къ И. И. Бекдоуму; числился подмастерьемъ еще въ 1800 г.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 84/518, л. 179; оп. 122/556, л. 3, с. 129; л. 4, с. 40; л. 6, с. 99; л. 8, с. 114; оп. 382/815, л. I, с. 132 об. (формул.).

Ивановъ, Андрей (Ондрушка), кормовой мастеръ Серебр. Палаты въ Москвѣ XVII в. Онъ дѣлалъ 14 февр. 1622 два серебрян. креста для мощей, вызолоч. 23 апр. того же года Ив. Булгаковичемъ.

См. *А. Викторовъ* „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Двор. приказ.“, II, 510.

Ивановъ, Андрей (Андрюшка), дѣлалъ дерев. дѣла мастеръ при Моск. Оруж. Палатѣ XVII в. Послѣ продолжит. переписки, за немѣнѣемъ въ с. Дедовѣ, въ 25 верст. отъ Коломны, рязанчиковъ, онъ былъ посланъ туда изъ Оруж. Палаты, за мѣсто назпач. сперва Никиты Сидорова, 23 іюня 1668 съ предѣлимъ содержаніемъ по 6 коп. поделной платы въ дни работы, для вырѣзанія на строившемся, одновременно съ нѣск. мелкими порохов. судами, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, кораблѣ „Орелъ“—коровы и орла, вмѣсто которыхъ ему велѣно было одною 27 авг. вырѣзать травы и льва на носу. Поздѣе, въ 1676—77 г., онъ получалъ жалованья отъ 10 до 7 р.

См. „Дополн. къ Актамъ исторіи.“, V, 241, 243, 245, 251—4, 256—7, и *А. Викторовъ* „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 443.

Ивановъ, Андрей, живописецъ. Онъ наход. въ 1668 у „Саввинскаго письма“, вмѣстѣ съ Автон. Ивановичемъ.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школѣ иконопис.“, 147.

Ивановъ, Андрейчъ, иконописецъ. Онъ былъ посланъ въ 1670 въ Ростовъ къ митроп. Іоанѣ.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для истор. русс. икон.“, 118, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школъ икон.“, 147.

Ивановъ, Антонъ, живописецъ XVIII в. Изъ команды маст. Вишнякова, будучи оставленъ для опернаго дома, вмѣстѣ съ Ал. Вировскимъ, Ав. Ершовскимъ и Ан. Исаковымъ, онъ былъ назначенъ, какъ и послѣдніе трое, состоять при Анчиковскомъ домѣ въ мартѣ 1750, за мѣсто Ал. Антропова, П. Сергѣева и Ив. Фирсова, посланныхъ къ Валеріани.

См. „Архивъ дирекціи Ими. театровъ“, I, ц. 9 и 11.

Ивановъ, Антонъ Андреевичъ, скульпторъ. Род. 1815 г., ум. 3 іюля 1848 г., 33-хъ лѣтъ, отъ холеры. Сынъ комиссіонера 12-го кл., онъ былъ принятъ въ Акад. Худож. въ 3-й разрядъ—20

между преподавателями послѣ увольненія 23 академистовъ 1 и 2 степ.,—къ академ. Гальбергу, 30 окт. того же года. По свидѣтельству *И. А. Рамазанова*, „Ивановъ рѣзалъ уже на стали, во Б. И. Орловскій, только что возвратившійся тогда изъ Италіи, замѣтилъ въ немъ способности, которыя требовали болѣе обширнаго поприща, и, въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ, неоднократно совѣтовалъ ему заняться скульптурой; однако Ивановъ сталъ ученикомъ Гальберга, потому что Орловскій имѣлъ уже своихъ учениковъ“. Оказывая на новомъ поприщѣ большіе успѣхи, онъ заслужилъ отъ Академ. Совѣта серебря. медали: 2-ю за зѣлненіе съ натуры—24 дек. 1832 и за „программу по скульптурному художеству“: 1. „Пигмалионъ и Галатея“—31 окт. 1833, а, послѣ полученія за статую Германна денежнаго награды 1 сент. 1834 г.,—1-ю тоже за зѣлненіе съ натуры—1 мая 1835, и зѣтѣмъ—золотыя: 2-ю за барельефъ по программѣ—2. „Іоаннъ Креститель, проповѣдующій народу“—21 сент. 1835, а, по полученіи отличной похвалы за хорошо выѣлненный по задачѣ барельефъ: 3. „Построеніе Ковчега“ и аттестата на званіе художника 14 кл., съ окончаніемъ курса ученія 24 сент. 1836, — 1-ю за колос. статую по программѣ: 4. „Играющій въ городки“—19 сент. 1839, послѣ чего былъ назначенъ 22 іюля 1840 къ отпавкѣ въ 1841 за границу для усовершенствованія. Тѣмъ временемъ онъ былъ учителемъ рисов. въ СПб. Даринской гимназій. Въ Римъ онъ прибылъ 7 сент. вышеознач. года.

Когда произведенія Иванова появились въ Академ. выставкахъ, современная худож. критика пріятствовала ихъ похвалами и предсказывала ихъ автору большую будущность. „Два бюста Ант. Иванова (б. и б.—съ Безсонова и мальчика, снят. съ нат.) и два А. Теребенева, — писалъ *И. Букольникъ* въ своей „Худож. Газетѣ“

1836 г. (стр. 142), — останавливали знакомыхъ съ оригиналами — сходствомъ и тщательною чистотою отдѣлки. Но оба молодые скульптора являются несравненно въ пріятнѣйшемъ важнѣйшемъ блескѣ — въ барельефахъ, изображающихъ „Построеніе Ковчега“ и „Проповѣдь Іоанна Крестителя въ пустынѣ“. Сочиненіе оживлено занимательностью, распо-

19. Играющій въ городки, статуя А. А. Иванова 1839 г.

сент. 1824; при переименованіи въ академисты 2-й степ. назначенъ въ классъ рѣзбы на камняхъ и на стали къ академ. Доброхотову—3 февр. 1831, а при новомъ распределеніи воспитанниковъ, въ виду неравнаго раздѣленія ихъ

Словарь художниковъ, II.

20. Памятникъ Нарамзину въ Симбирскѣ, со статуей Кляо, музы исторіи, раб. *А. А. Иванова* 1840 г.
(Съ грав. *Н. Аванасьева* по рис. *Н. Брюллова*, 1835 г.).

ложеііе умно, естественно; выраженія въ лицахъ весьма много; у Терехенева оно можетъ быть сильнѣе, у Иванова благородно; тѣпка очень хорошая; по нашему разсужденію, А. Ивановъ и А. Терехеневъ принадлежатъ къ блестящѣйшимъ надеждамъ русс. художествъ“. Про бюсты его, выставл. въ 1839 г. (7—9. протопресвит. Музовскаго, старухи—г-жи Венуа, и 1837 г. дитяти Эртеля), другой критикъ *Н. Менцовъ* заявлялъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ 1840 (№ 1), что они „исполнены такъ отчетливо, что, кажется, только не говорятъ“, а про его фигуру „Парня, играющаго въ городки“ — что „она поставлена събыло и отличается вѣрнымъ изученіемъ формы“. Но въ „Худож. Газетѣ“ того же года, подъ нов. ред. *А. Н. Ступовицкова* (№ 5, с. 10—11), говорилось уже про послѣднее произведеніе Иванова, что „прекрасное по частямъ, оно въ цѣломъ не выдерживаетъ испытанія: фигура слишкомъ напоминаетъ патурщика; нѣтъ свободы въ движеніи, нѣтъ игры въ мускулахъ; въ цѣломъ нѣтъ выраженія того молодчества, которое должно быть въ русск. парнѣ, когда онъ тѣнится въ русск. игру“, хотя при этомъ прибавлялось въ заключеніе, что „не надобно забывать о трудности задачи (дѣло третьяго товарища статуямъ Пименова—„Бабочникъ“ и Логановскаго — „Свячникъ“): она если не оправдываетъ самаго произведенія, то, по крайней мѣрѣ, смягчаетъ опасенія за самого художника“.

Нѣсколько иной отзывъ давался въ „Указателѣ наход. въ Академіи произведеній“, изд. Е. Финера 1842 г. гдѣ высказывалось, что „хотя въ общемъ положеніи фигуры—мало выраженія той силы и того удовольствія, которыми отличаются размашистая игра нашего просто-народья, тѣмъ не менѣе оно прекрасно: недостатковъ не въ отсутствіи движенія, а въ выборѣ его момента. Но въ этомъ видна всегдашняя скромная осторожность художника, который предпочелъ исполнить совѣтливо то, что соотвѣтствовало силамъ, а не браться за предметъ, выполненіе котораго потребовало бы профессорскихъ познаній и опытности. Въ отношеніи художеств. выполненія, статуя Иванова отличается замѣчат. правильностью и прекрасною тѣпкою. По крайней мѣрѣ, въ этомъ произведеніи можно подозрѣвать со временемъ еще отличнаго русс. ваятеля“.

До отъѣзда въ чужіе края, Ивановъ успѣлъ еще выполнить: 10—11. модели бюстовъ ск. С. И. Гальберга и ком. сов. Солодовникова— съ маски; 12—13. бюсты адмир. А. С. Шиш-

кова изъ мрам.—для Росс. Акад. (всѣ 1840 г.) и Петра В.—съ маски и портретовъ; 14—15. два мрам. медальона Гнѣдича — 1 для Дондукова-Корсакова; 16. медсли каріатиды для каминовъ въ комнаты наслед. пesar, внослѣд импер. Александра Николаевича; 17—19. барельефы „Вѣстиво Наполеона за Нѣманъ“, съ медали гр. Толстого, — въ Александр. залу Зимняго Дворца, „Иисусъ исцѣляетъ слѣпое“ и „Исцѣленіе бѣснующагося“—въ церковь Акад. Худож.; 20—23. головы святыхъ п. Константины и матери ея Елены, Маріи Магдалины и Николая Чудотворца — въ Петергоф. церковь, постр. К. А. Тономъ; 24. небольш. статую св. ап. Петра—въ Парголово. церковь, постр. А. П. Брюлловымъ; наконецъ, совместно со своимъ товарищемъ Ставассеромъ, 25. статую „Клію, музы исторіи“, для памятникъ Карамзину въ Симбирскѣ (по одобреніямъ Совѣтомъ Акад. 22 іюля 1840 и 2 мая 1841 пробамъ) и 26. барельефъ „Иисусъ Христосъ, выведенный Пилатомъ къ народу“—для Исаіевскаго собора (1841), которые и находились на Академ. выставкѣ 1842 г., вмѣстѣ съ 27. надгробнымъ барельефомъ С. Ф. Щедрина, ваяткимъ еще Гальбергомъ и окованнымъ Ивановымъ уже въ Римѣ.

По поводу статуи „Клію“ говорилось опять въ „Литерат. Газетѣ“ 1842 г. (№ 50, с. 1016), что „Муза исторіи прекрасна—по строгому рисунку, выраженію головы, имѣющей отличныя формы, искусной драпировкѣ, наконецъ, по постановкѣ самой статуи“.

Но въ Италіи Иваново душевно болѣлъ по отчизнѣ, что заставляло его въ минуты отдыха искать забвенія въ vino nostrale. „Странно, говоритъ *Рамазановъ*, что всѣ знали объ этомъ: и наше посольство, и художническое начальство, — и никто не озаботился представить благовидный предлогъ художнику для скорѣйшаго его возвращенія на родину“. Это было, однако, не совсѣмъ такъ. Еще въ концѣ 1842, согласно съ мнѣніемъ Академ. Совѣта, министръ Имп. Двора предоставилъ начальнику надъ русс. художниками въ Римѣ Кривцову, „если госка св. Ивана по родинѣ не будетъ облегчена занятіями и временемъ,—дозволить ему прежде срока возвратиться въ Россію, исполнивъ сіе однакожъ только въ крайности и не предвзятаго его прежде времени о семъ разрѣшенія“, но т. е. въ началѣ 1843 имъ уже представлены были рисунки статуи: 28. „Париса“ и 29. „Ломоносова въ видѣ молод. рыбака“, то Совѣтъ Акад., „зная силу нашего художника и что

модель первой из этих статуй, по свидетельству Кривцова, выдана отличию, нашел справедливым выдать ему деньги на производство оной из мрамора, равно одобрил и идею второй статуи, будучи уверен, что И. в состоянии оную произвести съ полным успехом², о чемъ и былъ уведомленъ министр.

Всѣмъ за двумя назв. статуями (наход. теперь въ Имп. Эрмитажѣ) вскорѣ послѣдовала третья—30. „Молод. простолоудина, убивающаго змѣю камнемъ“. Имп. Николай I, обративъ, при посѣщеніи его мастерской въ Римѣ въ декабрѣ 1845, особ. вниманіе на мрам. статую „Ломоносова“, былъ очень доволенъ сходствомъ, сохраненнымъ въ лицѣ юноши рыбака съ портретомъ, на которомъ онъ изображенъ въ преклонныхъ лѣтяхъ.—это было дѣйствительно лучшее и наиболѣе симпатичное его произведеніе; другая мрам. статуя „Париса“ была отправлена въ Петербургъ еще въ іюлѣ, и у И.—ва оставался только алебастр. слѣпокъ съ нея. Затѣмъ Государь велѣлъ художнику оканчивать сдѣланную имъ въ глинѣ 3-ю статую, а потомъ, по случаю его отъѣзда въ Россію, разрѣшилъ поручить надзоръ за ея производствомъ изъ мрамора художнику Климченко, причемъ за свою работу И.—въ долженъ былъ получить, согласно его желанію и мнѣнію Акад. Совѣта, — 2500 р. с.; однако намѣреніе его исполнить ее изъ чернаго мрамора—не удалось. Но еще раньше окончанія послѣдней статуи, онъ былъ, въ уваженіе извѣст. познаний и работъ по части художествъ, возведенъ въ званіе академика (27 сент. 1846).

Когда миновалъ для И.—ва 6-ти-лѣтній срокъ времени назначенія его въ Римъ (срокъ пребыванія истекалъ собств. 23 авг. 1847) и онъ возвратился въ Петербургъ, его встрѣтила старушка мать, крѣпко любившая единств. сына, который щедро поддерживалъ ея существованіе, и онъ занялся рисунками барельеф. образовъ для наружной стороны сооружавшагося тогда, по проекту К. А. Тона, храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ. По представленіи ихъ, Совѣтъ А. Х. предложилъ ему сдѣлать: 31. св. Марію Магдалину—моложе, а композицію 32. св. великомуч. Екатерины передѣлать и представить вновь на разсмотрѣніе (20 дек. 1846), Государь же не одобрилъ ни одного изъ представленныхъ Тономъ рисунковъ и велѣлъ составить новые проекты барельефовъ; наконецъ, Совѣтъ, разсмотрѣвъ вновь составленные И.—вymi. и др. эскизы, предоставилъ строителю представить ихъ на благоусмотрѣніе министра Имп.

Двора (въ окт. 1847). Въ это время имъ были исполнены съ вышеознач. цѣлью рисунки скульпт. образовъ: 33. св. Иоанна Крестителя, 34. Григорія Двоеслова, 35—36. муч. Лавра и Хрисанфа, 37. преп. Сергія Радонежскаго, и выдана изъ глины 38. икона „Иверской Б. М.“, а также составленъ 39. проектъ памятника гр. Платову въ Новочеркасскѣ (1846—47). Послѣдней работой его можно считать: 40. модель изображ. св. Иоанна Крестителя, освидѣтельствованную Академ. Совѣтомъ, по просьбѣ Тона, 24 апр. 1848. Проекты его украшеній для храма Спаса исполнялись уже изъ мрамора, за его смертью, Логановскимъ.

Въ произведеніяхъ И.—ва, по отзывамъ современниковъ, видны были умное сочиненіе и расположеніе фигуръ, основат. познаніе анатоміи и рисунка, направленіе къ серьезному роду, хорошая лѣпка, въ соединеніи съ вѣжностью и естественностью, большое умѣнье въ наглядываніи и исполненіи драпировокъ; при этомъ, по свидетельству *Рамазанова*, „прямоте, честности и необикн. трудолюбіе отличали этого скромнаго ваятеля“; но „въ тоскливыя минуты своей римской жизни, онъ удалялся отъ товарищей, а если и являлся въ ихъ кружокъ, то одѣтый и настроенный совершеннымъ циникомъ, отчего породилось относит. его не мало анекдотовъ“.

Въ скульпт. музеѣ И. А. Х. сохран. въ гипс. слѣпкахъ—произведенія И.—ва за №№: 3 (по описи № 3186), 4 (по оп. 128), 7 (по оп. 91), 12 (по оп. 35), 27 (по оп. 2244); кромѣ того, въ рукоп. матер. *П. Н. Петрова* ему приписаны—наход. тамъ же гипс. барельефы, исполн. по эскизамъ Гальберга: „Силомская Купель“, „И. Х. въ пустынѣ“, „И. Х. въ домѣ Марен“, „Исцѣленіе слѣпого“, „Бѣство въ Египетѣ“, „Исцѣленіе прокаженнаго“, „Избраніе апостоловъ“, „И. Х. съ Самаритянкой“ (по оп. 3175—82).

Единственное, да и то очень краткое, биограф. извѣстіе объ А. А. И.—вѣ было помѣщ. *Н. Рамазановымъ* въ „Худож. Газ.“ А. Струговщикова 1841, № 12, с. 4—5 (откуда извлек. пошло въ „Указателъ наход. въ Акад. произведеній“, изд. Е. Фишера, СПб. 1842, подъ буквой И.), и перепечат., съ доп., въ его „Матер. для исторіи художествъ въ Россіи“, 1863, I, 52—54. Нашъ очеркъ составленъ, главн. образ., на основаніи: „Сборника матер. для исторіи И. А. Х., изд. похр. рек. *П. Н. Петрова*“, СПб. 1865—66, II, 197. 259. 263. 293. 314. 319. 325. 328. 345—6. 388. 404. 414. 446. 449, и III, 26—27. 50—51. 65. 69—70. 80. 86; „Указат. вѣст. въ И. А. Х.“: 1833, № 3, 1836, №№ 6. 27. 78—81, 1839, стр. 2, столб. 1, 1842, стр. 4, столб. 2 и стр. 5,

столб. 1—2; „Отчетовъ И. А. Х.“: 1846—47, с. 15, и 1847—48, с. 30 (†); дѣлъ Архива И. А. Х.: 61/1837 (л. 4, 15 и 22), 63/1840 (л. 20—22 и 31—32), 111/1846, 131/1846, 74/1847, 132/1850, и Общаго Архива Мин. Имп. Двора по Канцел. Мин.: 1850, оп. 940, № 109/162, и по Кабин. 1851, оп. 203, № 2, не считалъ вышепривед. замѣтокъ, причѣмъ приняты во вниманіе и отзывы современной худож. критики въ: „Худож. Газ.“ 1836, с. 142, и 1840, № 5, с. 10 — 11; „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1840, № 1, с.; „Литерат. Газ.“ 1842, № 50, с. 1016, и даже упоминанія его работъ: въ „Библиот. для Чит.“ 1843, т. 57, отд. III, с. 35; „Сынъ Отеч.“ 1841, кн. I, № 7, отд. II, с. 180, и 1847, кн. 10, отд. V, с. 22; Иллюстр.“ 1846, № 14, стр. 221, столб. 3; „Москвитин.“ 1851, № 2, с. 106, и 1852, № 3, русс. слов., с. 239; въ „Музеѣ Имп. Эрмитаж.“, 1861, с. 372.

Ивановъ, Антонъ, живописецъ. Род. 1821. Изъ крѣпостныхъ помѣщика Владимирской губ., подполк. Домашнева, онъ былъ ученикомъ бр. Г. и Н. Чернецовыхъ и сопутствовалъ имъ въ ихъ путешествіи по Волгѣ въ 1838, а въ 1840, передъ отправл. ихъ въ Италію и Палестину (съ Высочайшаго соизволенія), былъ выкупленъ ими у помѣщика, для каковой дѣли они внесли въ Общ. Поопр. Худож. 2000 р. асс. и предлагали еще своихъ трудовъ на 1000 р., въ случаѣ недостаточности означ. суммы. По докладѣ объ этомъ всеподданнѣйшаго донесенія Комитета Общ.—ва, Высочайше повелѣно было 28 апр.: „поблагодарить Чернецовыхъ за столь похвальный поступокъ“. И — въ выстав. въ Акад. Худож.: въ 1839 г. — „Пещеру въ Волжскихъ горахъ въ Симбирской губ.“, „Видъ на Волгѣ въ Симбирской губ.“, „Видъ мастерской художниковъ Чернецовыхъ на лодкѣ въ путешествіи ихъ по Волгѣ“; въ 1842 г. — „Пейзажъ“; въ 1844 г. — „Видъ Тучкова моста и набережной Вас. Острова“, за который онъ получилъ 2-ю серебрян. медаль (27 сент.) и по поводу котораго критикъ „Литерат. Газ.“ (№ 43, с. 723) говорилъ, что „картина эта весьма хорошо написана“ и что „не должно приписывать этому художнику 5-ти или 6-ти пейзажей, написанныхъ его однофамилецемъ“. Затѣмъ онъ участвовалъ въ 1845 г. въ 6-й худож. лотерей Общ. Поопр. Худож. (пенсіонеромъ котораго онъ состоялъ) — двумя оригинальн. пейзажами и одной копіей со Щедрина и за свои „пейзажи“ признанъ былъ нек. художникомъ 13 нояб. того же года, занимаясь въ то же время аквар. живописью, а весною 1846 г., по ходатайству президента Акад., Высочайше разрѣшено было акад. Г. и Н. Чернецовымъ отправиться на три года, съ ихъ ученикомъ Ив-мъ, въ Италію для усовершенствованія, съ сохра-

неніемъ старшему брату — жалованья изъ Кабинета Е. И. В. по 1500 р. асс. въ годъ во время отпуску и съ производствомъ младшему — таковаго же содержанія изъ Госуд. Казначейства. Вѣроятно, тому же И.—ву принадлеж. 4 копій изъ 10-ти, исполненныхъ, совместно съ Алексѣевымъ, Зельхеймомъ и Славянскимъ, съ доставленныхъ книгъ Бутерѣ видовъ Палермо, по указанію предсѣд. О. П. Х., тайн. сов. Прыпинникова, съ платой по 75 р. сер. за каждую, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 1 сент. 1846, для храненія ихъ въ Александрію. Сопутствуя въ чужіе края своимъ наставникомъ и покровителямъ (см. „Иллюстр.“ 1847, № 13, стр. 204, столб. I, и „Сынъ Отеч.“ 1847, кн. 10, науки и худож., с. 21), И.—въ прислалъ на Акад. выставки слѣд. виды: въ 1851 г. — „Неаполя“, „Изъ окрест. Тиволи“, „Арчици“, „Альбано“, „Росса ди Пара“, „Изъ окрест. Рима“ („Сцена передъ часовней“, — см. „Москвитин.“ 1852, № 2, смѣсь, с. 33); въ 1854 г. — тоже и „Волжскій видъ“; въ 1857 г. — Римскіе виды: „Внутренность церкви“ и „Piazza del Popolo“ съ горы Пинчо (описанный архит. А. Алевкс-ымъ въ „Русс. Вѣст.“ того года, № 6, мартъ, кн. 2-я, „соврем. лѣтоп.“, с. 150); въ 1858 г. — „Римскій дворикъ“; въ 1862 г. — „Русс. пѣсенники въ Римѣ“. Кроме того, въ галлерей гр. Н. А. Кушелева-Везбородко (нынѣ въ Имп. Акад. Худож.) находитъ его „Видъ Венеціи — входъ въ большой каналъ“. Еще въ 1856 г. А. Алевксъ писалъ про него въ своей статьѣ „Мастерскія русс. художниковъ въ Римѣ“ („Русс. Вѣст.“ 1856, № 10, май, кн. 2-я, „соврем. лѣтоп.“, с. 146), что онъ, занимаясь болѣе жапрами и костюмами“, а *Новый Поэтъ (Панаевъ)* отзывался о немъ въ своихъ „Замѣткахъ“ въ „Современникѣ“ (1858 г., № 4, с. 213), какъ о „даровитомъ художникѣ“.

Биографія Ант. Иванова, хотя и краткая, является здѣсь впервые, будущи наисс. по архив. дѣламъ М. И. Д.: 1840, оп. 935, № 104/184; 1846, оп. 938, № 131/180; 1852, оп. 1311, №№ 7, 61, 100, и И. А. Х.: 4/И; „Сборнику матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, III, 23. 41. 55—56, 169, „Указат. вѣст. въ И. А. Х.“: 1839, стр. 3, столб. 1, и стр. 9, столб. 1; 1842, стр. 6, столб. 2; 1851, №№ 149—154; 1854, №№ 234—5; 1857, №№ 215 и 253; 1858, № 209; 1862, 1-я антич. гал. № 28; „Отчетамъ О. П. Х.“: 1843—44, с. 17, и 1844—45, с. 15, 18, и по вышепривед. журнальнымъ статьямъ. — Даже въ составл. *Б. Ж. Веселоскимъ*, подъ наблюд. А. И. Сомова, „Каталогъ галлерей гр. Н. А. Кушелева-Везбородко“, СПб. 1838 (стр. 95), о немъ нѣтъ никакихъ биограф. свѣдѣній.

Ивановъ, Антонъ Петровичъ, архитекторъ.

Род. 1849 г., ум. 1881 г., 32-хъ лѣтъ. Воспитанникъ Стронт. Учил. (съ 1867 по 1872), онъ былъ удостоенъ, при выпускѣ, званія архитект. помощника съ правомъ начитъ X кл. и тогда же опредѣленъ въ Мин. Внутр. Дѣлъ съ откомандированіемъ для занятій въ Технич.-Стронт. Комит., а затѣмъ занималъ послѣдовательно должности: Петропавловскаго город. архитектора, техника при Губ. Стронт. Комиссіи въ Томскѣ (со слѣд. года), младш. инженера въ Херсонѣ (съ 1875), младш. архитектора Губ. Правленія Тамбовскаго (по 1877) и Симбирскаго (по 1880), послѣ чего снова причисленъ къ Технич. Стронт. Комит.; въ послѣдніе же два года, но болѣзни, оставилъ совсѣмъ занятія.

См. составл. *Г. В. Барановскимъ* Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92^а, с. 131.

Ивановъ, Артеміѣ, Троицкій иконописецъ, уном. въ докум. подъ 1670 г.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для истор. русс. икон.“, 113, и *Д. Говинскаго* „Истор. русс. школъ иконоп.“, с. 148.

Ивановъ, Артемонъ, иконописецъ XVII в. при Моск. Оруж. Палатѣ. Онъ писалъ „стѣннымъ письмомъ“, вмѣстѣ съ Герас. Ильиннымъ и Меркушкой Яковлевымъ, во 2-й половинѣ сентября 1676 г. образъ Знаменія Пресв. Богородицы, чтд на Каменномъ мосту.

См. *А. Викторова* „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказовъ“, II, 444 (изъ прирхасх. кн. Оруж. Пал. за № 958/284).

Ивановъ, Архипъ Матвѣевичъ, скульпторъ. Род. около 1749, ум. 28 сентября 1821 въ СПб-гѣ. Сынъ солдата Семеновскаго полка, онъ былъ принятъ въ Акад. Худож. по цюшенію 3 авг. 1762, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Михаиломъ, и, оказавъ въ маѣ 1764 хорошіе успѣхи въ классѣ рисованія „съ академіей“, получилъ 3 янв. 1766 и 11 мая 1769 г., въ качествѣ ученика 4-го возраста,—2-ю и 1-ю серебрян. медали за рис. съ природы, а 29 іюля 1769 г.—1-ю зол. медаль за исполн. по программѣ барельефа: 1. „Крещеніе св. Ольги въ Константинополѣ“ подъ именемъ Елены“. Послѣ того онъ вышущенъ былъ 30 іюля слѣд. года съ аттестатомъ на званіе художника и, наконецъ, 13 авг. отправленъ въ Парижъ съ рекомендац. письмомъ къ Ив. Ив. Шувалову, одновременно съ Ив. Акимовымъ, Мих. Ивановымъ и Гавр. Серебряковымъ, посланными въ Дюссельдорфъ, Мих. Ветогняковымъ, Ил. Нефловымъ и Степ. Сердюковымъ, ѣздившими въ Римъ, и Ал. Мелентьевымъ, назначеннымъ въ Венецію. **Выѣхавъ** изъ Петербурга 18 авг. на Ростовъ

скомъ кораблѣ Sophia Elisabeth, И—въ прибылъ въ столицу Франціи 7 окт. и, по опредѣленію Совѣта тамошней Академіи, поступилъ къ проф. Пажу (рапортъ 18 дек. 1770). У него въ 1771 И—въ „упражняется въ рисованіи и глѣбненіи“ (рап. 16 марта) и „дѣлаетъ съ природы равныя бюсты и фигуры круглыя, а иногда рисуетъ и глѣбитъ съ кунштовъ, т.-е. эстамповъ, чтобъ чрезъ то узнать порядокъ композиціи и по приличностямъ одѣвать фигуры, а потомъ ходитъ въ Корол. Акад. для рисованія и глѣбненія съ поставленной профессоромъ модели“ (рап. Серебрякова отъ 5 нояб.). Но въ рапортахъ Акимова говорится, что Арх. И—въ „болѣенъ съ ноябра мѣсяда (1771) и по настоящее время (2 марта 1772) податрою — скорѣе ревматизмомъ,—которая, по объявленію лекарей, причинилась отъ застуженія кровавыхъ мочекъ, т.-е. влажностей или умъюровъ (humeurs), и столь прискорбно и трудно ее вылечить, что, выгнавъ опую изъ одного сустава, она въ другой переселяется“, а затѣмъ (2 іюля),—что онъ, „будучи болѣенъ тою же болѣзнію, о которой въ прежнемъ письмѣ упоминаю, отъ нѣкотораго времени началъ выздоравливать, а между тѣмъ у себя рисуетъ и глѣбитъ съ эстамповъ хорошихъ мастеровъ и дѣлаетъ разныя эскизы, изъ которыхъ нѣкоторые произведетъ въ большой видъ по совершенномъ выздоровленіи“, и, наконецъ, (16 нояб.),—что онъ „выздоровливая и начинаетъ работать, упражняясь утреннее время въ глѣбненіи, вечернее же ходитъ рисовать въ Академію“. Оправившись отъ болѣзни, Арх. И—въ послалъ въ Петербургъ 2 нис. статую „Плутона“, скопировъ съ произвед. Пажу, и три рисунка „академіи“, а самъ, вмѣстѣ съ братомъ и Бѣльчешковымъ, направился 19 іюня 1773 въ Римъ.

Тамъ, пишетъ Мих. И—въ (7 авг. того года), „за разсмотрѣніемъ удивительныхъ вещей, не упускаемъ работать, а именно: Арх. И—въ рисуетъ съ антиковъ и ходитъ во Франц. Акад. работать съ поставленной модели“, самъ же онъ доноситъ (23 нояб.): „барельефъ („Крещеніе Ольги“), которой И. А. Х. соблагволяетъ переслать ко мнѣ, еще мною не полученъ, а какъ скоро получу оный, то примусь его работать (изъ мрамора) и всѣ мои силы употреблю для приведенія его въ лучшее состояніе, чтобъ не постыдно было представитъ оный всемилостивѣйшей нашей Монархинѣ; ...въ ожиданіи же не упускаю съ прилежностью продолжать мое обыкновенное ученіе, т.-е. въ вечернее время хожу во Франц. Акад. глѣбитъ съ по-

21. Крещеніе в. к. Ольги въ Константинополѣ.
Мрам. барельефъ, раб. А. М. Иванова 1774—75 г.

ставленной модели, а день хожу рисовать съ Карраччевыхъ картинъ во Фарнесскихъ палатахъ у его эминенціи кардина. Орсини; ...притомъ же не упускаю времени сдѣлать разныя эскизы для изобрѣненія способности" (см. въ Архивѣ А. Х. дѣло 139/1773). Въ дальнѣйшихъ рапортахъ И—въ сообщаетъ: 20 мар. 1774—„работы свои показываю директору Франц. Академіи Натюару, отъ котораго и получаю наставленіе, и имѣю также дружество съ искусными скульпторами"; 12 апр.—„получилъ въ Римѣ барельефъ, который Акад. поручила произвести изъ мрамора, и занялся передѣлкою его съ натуры, у себя на квартирѣ, ходя въ Папскую Академію рисовать съ натуры, т. к. во Франц. Акад. съ Пасхи до Сочетанія Св. Духа—вакація"; „работы свои показываю искуснымъ людямъ, которыхъ дружество я имѣлъ счастье приобрести, и пользуюсь ихъ мѣткими"; 13 авг.—„барельефъ вынуть уже изъ алебаstra, но еще не совсемъ высохъ, такъ что дней черезъ 8 собираюсь приступить къ работѣ изъ мрамора"; „при дѣлѣтѣ все, отъ меня зависящее, упущено не было, и пользовался, сколько могъ, мѣткими искусныхъ людей, которыхъ дружество мною приобретено; принималъ для одѣяніевъ штить древній, который весьма предпочтенъ, также и

для благородства характеровъ, художники другой модели не имѣя какъ антикъ, оной употреблялъ и, все оное соединя съ натурою, кончилъ, сколько мои силы могли произвести" (см. въ Архивѣ А. Х. дѣло 129/1774); 30 нояб.—„къ рублѣ изъ мрамора барельефа приступилъ 26 августа и уже во время отсылки рапорта изъ пунктовъ показався король (императоръ), а за нимъ находящійся воишь; барельефъ произвожу въ мастерской Томаса Рин (который уступилъ и свой кусокъ мрамора), что мнѣ имъ было предложено безъ всякаго интереса и со всѣми коммодами (т. е. удобствами) для моего художества, въ прочемъ же оныя человекъ не безъ искусства, а особливо для практики, т. е. для произвоженія изъ мрамора, я весьма отъ него пользоваться могу; вечерами же хочу для рисованія или дѣленія съ постав. модели въ Папскую Академію, называемую Капитоль, поехать во Франц. Акад. теперь хорошаго натурщика нѣтъ; при всемъ же ономъ не упускаю компоновать, хотя весь день и нахожусь занятъ моимъ барельефомъ, однакоже вечернее и праздничное время изощряюсь особенно въ компонованіи 3. группъ круглой „Побѣдѣ російской" чрезъ двухъ борцовъ, изъ которыхъ росіянинъ, стоющій въ движеніи, колетъ пораженнаго къ

вогамъ его турку, закрывающагося отъ ужаса, не могли богѣе противиться; сдѣлалъ еще 4. барельефъ, представляющей „Время, держащее медальонъ съ портретомъ всемістивѣйшей Монархини, и Исторію, которая, сидя на облакахъ, замѣчаетъ достойнѣйшія ея дѣла“—все оное, связанное разными гениусами, представляющими разныя художества, а вверху надъ онымъ портретомъ—лежитъ трубачія Слава; покаже изобразилъ гениуса художества, который, держа вензель своего Покровителя, любитъся имъ и идетъ впередъ подѣ его правленіемъ, и многіе прочіе“; 5 мая 1776—„дѣлой день съ утра до вечера нахожусь надъ онымъ барельефомъ,—не уступаю только ходить въ натурный классъ Панской Академіи пользоваться съ поставленной модели, да еще, насколько время позволяеть, упражняюсь по вечерамъ въ изощреніи себя композированіемъ“; 1 авг.—„хожу въ праздничные дни обозрѣвать достопамятности, чему веду вѣрную записку“; 9 сент.—„рисую эскизами славнѣйшія оперы, т.е. произведенія, древнія или нынѣшнія, которыхъ практика сильно просвѣщаетъ“ и т. д. (см. въ Архивѣ А. X. дѣло 69/1775); 24 янв. 1776—„барельефъ окончили и теперь его заставилъ лощить, гдѣ нужна требуется для отдѣленія, ... теперь же все продолжаю обыкновенное ученіе, т.е. хожу въ натурный классъ рисовать и изощряюсь въ композированіи, а днемъ копирую изъ мрамора 5. бюсты, представляющій молодую Фаустину, и работаю въ томъ же мѣстѣ, гдѣ лощатъ мой барельефъ,—на то, чтобы видѣть, и какъ оное дѣлается, и чтобъ скорѣе поснѣшить оного совершеніе“; 16 марта, по отсылцѣ за день передъ тѣмъ барельефа, виѣсть съ друг. вещами,—что алебастровая форма барельефа, съ которой производилась рубка изъ мрамора, разбилась, а барельефъ гипсовый, приланный Академіей, не хотѣлъ оное отравлять, находя его слишкомъ слабымъ противъ той композиціи, съ которой исполнялся изъ мрамора, тѣмъ болѣе, что, оныя полагаетъ, въ СПб.—гѣ снята была съ него форма (см. въ Архивѣ А. X. дѣло 68/1776).

По возвращеніи въ отечество, Арх. И.—въ обратилъ 6 іюля къ Совѣту Акад. съ просьбой объ оказаніи ему какого либо вспомошествованія на первое время—съ возвратомъ, когда окажется возможность; но Совѣтъ, въ засѣданіи 11 іюля, положило: выдать ему, вмѣсто просимой сумы,—100 р. въ награжденіе за произведенный изъ мрамора барельефъ, за который признаеть его „назначеннымъ“ (хотя оныя признаеть былъ имъ еще въ чрезвыч. собраніи 17

окт. 1776, за гипс. статую Плутона—копію съ Пажу). Въ томъ же году, опредѣленіемъ, состоявшимся 26 нояб., положено было дать ему программу на званіе академика—исполнить 6. круглую фигуру, представляющую „Торжествующій въ побѣдахъ городъ Петербургъ“ съ атрибутами, а 5 мая 1777, очевидно въ виду его безработицы, ему дано было свидѣтельство отъ Акад., что оныя „по выставленнымъ въ сей Академіи лѣпнымъ и мраморнымъ его работамъ—въ исторіи, статуяхъ и орнаментахъ, признанъ за искуснаго художника, почему Акад. и рекомендуетъ его, Иванова, что оныя можетъ всякія работы исправлять съ надежнымъ знаніемъ и успѣхомъ“; наконецъ, въ публичномъ собраніи 7 окт. оныя удостоены были, по баллотировкѣ, искомаго званія за исполненіе назв. программъ ввидѣ фигуры изъ алебастра (см. въ Архивѣ И. А. X. дѣло 54/1776).

Но мрам. барельефъ „Крещеніе св. Ольги“ (въ Акад. Худож. по описи № 1472), будучи первымъ русс. произведеніемъ изъ мрамора, остался и единств. памятникомъ худож. дѣятельности И.—ва. Большаго успѣха, при Шубинѣ и Козловскомъ, оныя, очевидно, не имѣлъ, и потому скоро перешель съ худож. поприща на служебное, поступивъ переводчикомъ въ Иностр. дѣл. Коллегію (1778), гдѣ и служилъ до самой смерти своей секретаремъ Азиатскаго Деп.—та, дойдя до чина ст. сов. Любовь къ искусству заставила его, однако, заняться, кромѣ службы, еще переводомъ и изданіемъ птал. книги: „Поняте о соврем. живописцѣ“ (1789), 368-мъ экз. которой, оставшіяся у него на рукахъ, были приобретены, по его просьбѣ, Акад. Худож. за 184 р. (1795).

Довольно обстоят. біографія Арх. Матв. Иванова, хотя нѣсколько туманно изложенная, была помѣщ. *П. Н. Петровымъ* въ „Приблѣженіяхъ“ къ его „Сборнику матер. для исторіи И. А. X.“ (стр. 758—9, примѣч. 94 къ стр. 98); въ прежнихъ же источникахъ, какъ-то: у *Фюрлаа* (см. „Худож. Газ.“ 1838, с. 590 и 594), *В. И. Григоровича* (см. „Мѣсяцесловъ на 1840 г.“, с. 176), *Е. Фишера* (см. его „Указатель наход. въ Акад. произведеній“, подъ буквою И.), *Паллера* („Künstler-Lex.“ VI, 515),—оныя только упоминаетъ, въ качествѣ автора мрам. барельефа „Крещеніе св. Ольги“. При составленіи настоящей статьи были приняты въ соображеніе, кромѣ означ. біографіи, еще вышеупом. „Сборникъ“ т. I, с. 98. 113. 124—6. 190. 214. 188. 342, и дѣла Архива И. А. X.: 189/1773 (64/1773), 129/1774, 69/1775 (29/1775), 54/1776 (28/1776), 68.1776 (33/1776) (все рапорты изъ-за границы) и 33/1795 (19/1795)—по стар. и нов. нумер.

Ивановъ, Астафій, серебряникъ Моск. Оруж.

Палаты XVII в. Въ 1624, февр. 24—мар. 25, дѣлалъ и золотилъ 6 вѣшцовъ серебр., рѣзныхъ, къ запрест. образу Знаменія В. М.; апр. 30—июня 10, 4-е такихъ же вѣнца къ Корсуевскому образу Знаменія Пречистой Богородицы; мая 6—июля 9, еще 7-мг. „образовыхъ“ въ „Государинину молеельню“; мая 12—сент. 7 и окт. 13, такіе же вѣнци мелкіе и надписи, а также 4 поля къ образу св. Феодора „иже въ Пергін“; 1652, янв. 22—февр. 12, 18-ть дробяницъ.

См. А. Викторова „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 512. — „Древности“ 1874, IV, Матер. для Археол. Слов., 82 (изъ кн. Ор. Пал. № 781/1021).

Ивановъ, Аѳанасій (Аеоцька), серебряникъ XVII в. Астраханскій стрѣлецъ, онъ дѣлалъ въ 1662 серебр. и золот. „червеныя дѣла“.

См. И. Забѣлина „О металл. производствѣ въ Россіи“, с. 119.

Ивановъ (Поновъ?), Аѳанасій, иконописецъ Московскій XVII в. Онъ писалъ въ 1665 иконы во дворѣ Н. И. Романову.

См. Д. Ровинскаго „Исторію русс. школъ иконопис.“, с. 148.

Ивановъ, Аѳанасій, иконописецъ Московскій XVIII в. Онъ ваялся въ 1740, въ сообществѣ съ С. Дмитріевымъ, росписать алтарь и сѣнь въ церкви Знаменскаго мон.

См. архим. Сергія „Историч. описаніе назв. мон.—ря“, М. 1866, с. 62.

Ивановъ, Аѳанасій, живописецъ XIX в. Изъ Моск. мѣщанъ, онъ получилъ отъ Акад. Худож. 31 марта 1859 званіе непл. художника за портретъ съ нат.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“ П. Н. Петрова, III, 326.

Ивановъ, Борисъ, архитекторъ. Занимаясь постоянно съ 1845 г. у Казанскаго губ. архитектора, акад. Безсонова, теоріею и практикою строит. искусства и изучивъ это дѣло, онъ исполнилъ удовлетворительно и съ усердіемъ, по сообщенію послѣдняго, всѣ его порученія по должности архитектора, при похвальному и отличному поведенію и доброй нравственности“, а потому, по увольненіи изъ Ланшевскаго купеч. общества и представленіи въ Акад. Худож. „проекта частнаго дома со смѣтою, практич. рисунками и рисунками фигуръ и орнаментовъ“, удостоенъ былъ 10 мая 1852 званія непл. художника съ правомъ производить строенія.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“ П. Н. Петрова, I, 173—174.

Ивановъ, Борисъ, иконописецъ Ярославскій

въ Москвѣ XVII в. Былъ въ 1652 г. у Архангельскаго письма, а затѣмъ писалъ, вмѣстѣ съ Костром. иконописцами: Акс. Ионинымъ, Вас. Кузьминимъ, Вас. и Клим. Осиповыми и Арт. Тимофѣевымъ, съ 10 по 13 мая 1673, въ набережныхъ хоромахъ, въ хоромы къ ц-чу и в. к. Петру Алексѣевичу — потѣшную книгу, за что получалъ государ. жалованья кормов. денегъ, противъ указа его вел. государя и прежнихъ дачъ, по 2 алтына по 2 деньги на день.

См. И. Забѣлина „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 13; Д. Ровинскаго „Исторію русс. школъ иконопис.“, с. 148, и (Д. В. Есипова) „Сборникъ выпис. изъ архив. дѣла о Петрѣ Вел.“, М. 1872, I, 4—5 (изъ столбца 181 г. № 460).

Ивановъ, Бѣляйка, кормовой басменный мастеръ при Моск. Оруж. Палатѣ XVII в. Выѣстъ съ Гриш. Исаевымъ и Миклиф. Перфильевымъ, золотилъ сус. золотомъ, 19 марта 1624, оклады образные, поля и опечки басменные—къ обравамъ: Николы Чуд., Благовѣщенія Богородицы, арханг. Михаила, Преч. Богородицы—запрестольному.

См. „Древности“, М. 1874, IV, „Матер. для Археолог. Слов.“, 82 (изъ кн. Ор. Пал. № 781).

Ивановъ, Василій, литейщикъ въ Псковѣ, работалъ въ 1599 колоколъ на Хутынь.

Изъ рукоп. зам. П. Н. Петрова.

Ивановъ, Василій (Васька), серебряникъ Патриаршіи въ Москвѣ въ 1621 г.

См. И. Забѣлина „О металл. производ. въ Россіи“, 118.

Ивановъ, Василій (Васька), сканщикъ при Моск. Оруж. Палатѣ съ 1660 г. Ученикъ Павла Видмана, онъ дѣлалъ сканныя серебр. оправы съ живописью: въ 1662 — на братину рыбей шедры (наход. въ Оруж. Пал. подъ № 2418 и воспроизвед. въ „Древн. Росс. Госуд.“ V, № 5), и въ 1682—на черкасс. арчаки.

См. И. Забѣлина „О металл. производ. въ Россіи“, 119 (упом.), и „Историч. обзоріе финифт. дѣла въ Россіи“, с. 52 и 75, № 23.

Ивановъ, Василій, знаменщикъ при Моск. Оруж. Палатѣ въ XVII в. Упоминается въ документахъ съ 1664—65 по 1681—82 г. Дѣлалъ, вмѣстѣ съ Ив. Андреевымъ, Лар. Аѳанасьевымъ, Ром. Ивановымъ, Ив. Кульпой и Фед. Прокофьевымъ, между 10 апр. и 11 мая 1676, для царевичей Іоанна и Петра Алексѣевичей по рукомоинку со вставленными на бокахъ серебр. съ финифт. мишенями и по локани съ вырѣ. на нихъ травами.

См. А. Викторова „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Двор. приказ.“, II, 516 и 520,

517 и 519 (изъ прих.-расх. книгъ Ор. Пал. за №№ 1026/850; 1029/251, л. 8; 1027/799, л. 11, и 1028/867).

Ивановъ, Василій, иконописецъ при Моск. Оруж. Палатѣ въ XVII в. Упом. какъ „икононаго дѣла мастеръ старше починикъ“ въ 1670, получ. жалованья по 12 р. въ 1676—77 и служеце въ 1686—87 г.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 148, а также *А. Викторова* „Описаніе запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 442 и 452 (изъ прих.-расх. кн. Ор. Пал. за №№ 958/234, л. 20, и 964/434).

Ивановъ, Василій Вас., архитекторъ. Род. 1835. Изъ мастеровыхъ дѣтей, обучался на казенный счетъ въ школъ Гофъ-Интенд. вѣдомства, по выцусѣй откуда поступ. на службу архитект. помощникомъ къ Кузьмину—21 апр. 1852, а 24 мая 1857, по собств. желанію, опредѣленъ канцеляр. служителемъ въ Канцелярію Мин. Имп. Двора.

См. въ *Общемъ Архивѣ* М. И. Д.: 1850, оп. 122/556, л. 73, с. 55, и 1857, оп. 233/687, л. 68/84.

Ивановъ (собств. Семеновъ), Василій Ивановичъ, граверъ на мѣди. Род. въ 1773, ум. послѣ 1809¹⁾. Изъ вольноотпущенныхъ, онъ былъ принятъ въ Акад. Худож. въ 1779, и выпущенъ оттуда съ малюю сереб. медалью и съ званіемъ художника I ст. въ 1794 (21-го окт.), а съ 1 янв. 1795 опред. помощникомъ преподавателя въ кл. гравированія, съ жалованьемъ по 150 р. въ годъ, но въ авг. 1796 уже уволенъ, по просьбѣ, отъ академич. службы для поступления въ Акад. Наукъ. Находясь въ Акад. Худож., онъ награвировалъ, кромѣ: 1)—2) „Ревекки“ съ К. Лота и „Богоматери со Спасителемъ“ съ Рафаэля (обѣ въ л.), 3)—4) 1-й географ. карты и 2-хъ изображеній артиллер. инструментовъ (для типографіи Корпуса чужестран. единоѣднѣцевъ),—еще: 5) 3 „вида Царскаго Села“, съ рис. граф. Эстергазана (въ томъ числѣ ферма и Дворецъ); 6)—8) портреты: архим. Иоанна Раича для его „Исторіи разныихъ славянскихъ народовъ“ (напеч. въ назв. типогр.) и купца Григ. Ив. Шелихова для „Страствованія въ

¹⁾ Въ рукоп. матер. *П. Н. Петрова* встрѣч. другой Ивановъ, Василій, печатникъ гравиръ при И. А. Н., ум. въ сент. 1806 г., 60 л.; наконецъ, въ книгѣ приѣма учениковъ въ Акад. Худож. 1785 г. (№ 6) упом. 3-й Ивановъ, Василій Михайловичъ, род. въ СПб. 24 апр. 1780, сынъ вольноотпущ., отъ жены капит. артил. М. Ф. Козляниновой, служителя.

1783 изъ Охотки по Вост. Океану къ Американскимъ берегамъ“ (оба изд. 1795 г., въ 8-ку), а потомъ—куница Филиппа Косцова († 1804), съ оригин. М. Шамшина. Ему же принадлежатъ: 9) „Атменданъ или Гиподромъ, гл. площадь въ Константинополь“ (№ III въ изд. „Reise ... an die Ottoman. Pforte im J. 1793“, von Reimers (St. Pbg. 1803, 4°); 10) „Видъ Симферополя“ (рис. 4) и „Развалины втораго Херсонеса“ (рис. 20) къ I ч. „Досуговъ Крымскаго суды“, П. Сумарокова (1803, въ 4—ку); 11) „Фронтисписъ съ венеземъ Александра I“ къ „Придв. Мѣсяцеслову“ на 1804; 12) 30-лѣ картинокъ къ IX и X т. „Естеств. Исторіи“ гр. де Бюфона, въ перев. акад. И. Лепехина (1806, въ 4—ку); 13) Картинка къ кн. „Иоанна Грей“ (1807, въ 8—ку); 14) Загл. листъ и карт. „Мининъ и Пожарскій“ къ „Русс. Анедотамъ“ (1809, въ 8—ку); 15) „Три Ореады“ въ изд. того же назв. (1809 г., ч. I); 16) 4 вида въ с. Надеждинъ кн. А. В. Буракина † 1818 (дома: Господскій и Молчанова въ саду, Китайская бѣсѣдка и Храмъ Истинны), съ рис. Мамотина и В. Приченикова († 1809) для изд.: „Vues des chateaux, temples, jardins et parcs de S. A. le Prince Alex. Boriss. Kourakin, a Nadédjedino“ (S. I. et a., fol. obl.). И—въ былъ женатъ на сестрѣ Г. П. Угрюмова и имѣлъ сыновей: Григорія (род. 1799) и Николая (род. 1801).

См. формул. спис. въ Акад. Наукъ 1799 г. (гдѣ онъ показ. — 26 л.) и въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 1795, № 10 (7) и 51.—„Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ... *П. Н. Петрова*, I, 168 (№ 42), 335, 338 и 352.—*Д. Ровинскаго* „Подробный Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав., а также: „Систематич. и алфав. указатель изд. И. А. Н.“, 1875, №№ 2629 и 5985, и Солпикова №№ 1566 и 1974—*Ник. Собоко* „Русс. и Слав. Календари и Мѣсяцесловы“ за 100 л. (1725—1825), Берл. 1880, с. 47.—Рукоп. каталоги Ими. Публ. Библ.

Ивановъ, Василій, граверъ на деревѣ. † 1843. Ученикъ Бернардаккаго, бѣтъ можетъ, онъ и получ. отъ Акад. Худож.—2 с. м. за рис. съ нат. на экзам. 27 авг. 1812 г.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 1863, № 116, и ср. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“ ... *Петрова*, II, 33.

Ивановъ, Василій Максим., скульпторный мастеръ. Волѣдствіе службъ его, въ качествѣ подмастерья, при Канцеляріи отъ строенія, малолѣтній сынъ его Николай бѣлъ принятъ въ іюль 1764 копистомъ въ Контору строенія Зимняго дома.

См. въ *Общемъ Архивѣ* М. И. Д. оп. 78/190, д. 110 и 112 (1764).

Івановъ, Гаврила, знаменщикъ и рѣзчикъ при Моск. Оруж. Палатѣ въ XVIII в. Поступивъ въ знаменщики въ 1648 на мѣсто умершаго Фил. Антипова, онъ перевод. былъ въ рѣзцы въ сент. 1652 на мѣсто Фехд. Ів. Попова, улом. же въ послѣдній разъ въ окт. 1653. Онъ производилъ и словолитныя работы, по главнымъ образомъ гравировалъ (на деревѣ) для равныхъ книгъ: „слова (прописныя), и строки, и заставки“, а въ 1653, съ февраля по апрѣль включит., „рѣзалъ...лицо Луи Евангелиста въ Апостолъ Тетръ (налево въ томъ же году, 23 мая, въ деств) —на грушевой доскѣ“, — съ изображенія полулуннаго размѣра, которое знаменилъ Никита Петр. Колепиновъ.

См. *Б. Румянова* „Свѣдѣнія о гравиров. и граверахъ при Моск. Печатномъ Дворѣ въ XVI и XVII ст.“, М. 1870: А, 6 и Б, 11, и тоже въ „Русс. граверахъ“ *Д. Ровинскаго* (изъ расх. кн. № 42, лл. 155 и 332; № 51, л. 81 об. и 81, 107, 111, 132 об., 133, и № 54, л. 79 об.).

Івановъ, Гаврила, серебряникъ Моск. Оруж. Палаты XVII в. Упом. въ док.м. годъ 1675 г. См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 119.

Івановъ, Герасимъ, живописецъ. Род. 1799 въ Москвѣ, ум. 18. г. Воспитанникъ Моск. Воспит. Дома (№ 320), онъ, будучи аттестованъ иконописцемъ тит. сов. Скорослѣбовымъ, у котораго обучался живописному искусству, — въ знаніи послѣдняго и хорошему поведеніи, опредѣленъ, по повелѣнію имп. Маріи Феодоровны отъ авг. 1826 и Высочайше опробованному Ея И. В. докладу Моск. Опеку. Совѣта отъ 6 октября, — въ Имп. Акад. Худож. и, по доставленіи въ Петербургъ 3 янв. 1827, принятъ въ 4-й возрастъ, съ платой по 600 р. въ годъ, которые и вносились затѣмъ Моск. Совѣтомъ. По окончаніи же курса въ Акад. съ аттестатомъ 2-й степ. и званіемъ класснаго художника 14 кл. (12 окт. 1830), онъ былъ утверждёнъ, согласно прошенію, учителемъ рисованія и черченія въ Оловенской губ. гимназіи 20 июля 1836, съ содержаніемъ по 900 р. въ годъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х., дѣла 59/1826, 4/1828, 6/1829, 10/1830 и 11/1830, 33/1836.

Івановъ, Григорій, иконописецъ царскій меньшей статьи въ Москвѣ XVII в. Былъ вызванъ изъ Новгорода отъ Ивана Предтечи (другой — изъ Ярославля) въ 1660 г., въ 1665 — писалъ иконы во дворѣ кн. Н. И. Романову; въ 1666 — чинилъ икону „Апокалипсисъ“ въ Успенскомъ соб., въ 1668 — былъ у письма въ Саввинскомъ мон., въ Успенскомъ и Архангельскомъ соборахъ, п, наконецъ, съ Абр. Тимофеевымъ, писалъ: „на

кормовомъ дворѣ доски прясныиши и кадныяишныя травами, стволы — травами же, рѣшетки и шесты, и въ Чудовомъ мон. — школу пагріархамъ“, трубы, печи, и т. п.

См. въ Архивѣ Оруж. Пал., столб. 691; *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 28, 35, 55, 73, 91, 120, 118, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школь иконопис.“, 143; у *И. Снегирева* въ „Памятникахъ Моск. древности“, стр. LXV, онъ только упом.

Івановъ, Григорій, серебряникъ. Родомъ Каванецъ, дѣлалъ въ 1653 оклады въ Успенскій соб. въ Москвѣ.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 118.

Івановъ, Григорій (Гришка), серебряникъ. Родомъ Новгородецъ, онъ „чеканнаго дѣла не умѣеть, а дѣлаетъ мелкое крестовое дѣло“, какъ про него сказано въ док.м. 1653 г., т. е. работалъ: кресты, серьги, перстни, кольца и проч.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 118—9, и *И. Сахарова* „Обозрѣніе русс. археол.“, 33 (въ „Записк. отд. русс. и слав. археол. И. А. О.“, 1850, I).

Івановъ, Григорій, купаннйи и колокольный мастеръ XVII в. въ Москвѣ. Въ 1694 дѣлалъ 7 лампадъ мѣдныхъ, а въ 1696 (въ окт.) илль, илздив. бр. Семеновиковыхъ — дѣлка Порфирія и гости Матвѣя Трофимовичей, въ церковь св. Троицы (что нынѣ св. Николая) на Берсенева въ Москвѣ два колокола: одинъ въ 100, другой — въ 40 пуд.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 119, и „Русс. Стар.“, *Мартынова* и *Снегирева*, изд. 3-е, годъ 1-й, с. 34—35.

Івановъ, Григорій, рѣзчикъ по камню и изъ дерева XVII в. Въ 1686, по указу Всероссий. самодержцевъ Іоанна, Петра и Софіи, онъ высѣкъ изъ бѣлаго камня — 3 львовъ и 2 орловъ на Красное крыльцо Кремлевскаго дворца въ Москвѣ, а затѣмъ вырѣзалъ изъ дерева иконостасъ готич. архитектуры въ строившюся въ 1689—97 г.г., 6 ч. иностранными мастерами, илздив. именитаго человѣка Григ. Дм. Строганова, великолѣпную церковь Введенія Б. М. во храмъ, въ Сольвычегодскомъ Введенскомъ монастырѣ.

См. *И. Снегирева* „Памятники Моск. древности“, М. 1842, с. 239, и „Исторію росс. іерархій (Амвросій)“, VI, 182.

Івановъ, Григорій, живописецъ, † 6 июля 1789. Въ бытность его на службѣ при Конторѣ строенія Е. И. В. домовъ и садовъ, живоп. ученикомъ, 9-тилѣтній сыноъ его Федоръ уведенъ былъ въ 1-й деп. Верхняго Набв. Суда для занятія мѣста канцел. служителя, согласно

отношению СПб. Губ. Правления отъ окт. 1786, а послѣ его смерти, другой его сынъ Александръ (15-ти лѣтъ) уволенъ былъ для опредѣленія въ штатъ в. к. Константина Павловича въ янв. 1797.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 83/517, л. 352 (1786 г.); оп. 84/518, л. 219; оп. 122/556, л. 8, с. 77 и 286 (1797).

Ивановъ, Григорій Васильевичъ, архитекторъ. Род. 1842. Сынъ отставного кровельнаго мастера, онъ былъ избранъ архит. Кузьминимъ, по окончаніи полного курса ученія въ школѣ придворно-служит. и мастеровъ дѣтей, какъ оказавшійся наиболее способнымъ, по удостовѣренію директ. Коробка, на открывшюся, съ уходомъ Вас. Иванова, ваканцію чертежника Придв. Контуръ и принять туда 4 июля 1857. Состоя тамъ на службѣ, онъ заним. между прочимъ, вмѣстѣ съ архит. помощниковъ Соколовымъ и двумя друг. учениками, проверкою съ натурой и исправленіемъ 86 плановъ всѣхъ Дворцовъ и др. зданій Придв. вѣдомства, именно: Таврич. Дворца, домовъ духовенства, садовъ мастера и оражера, Елагинскаго Дворца, домовъ садовъ мастера и кавалерскаго (до окт. 1861), а 7 нояб. 1861 опредѣленъ, согласно изъязв. желанію, капеллар. служителямъ въ Канцел. Мин. Имп. Двора, на мѣсто же его назнач. былъ А. Вутуринъ.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Придв. Конт.: 1857, оп. 233/667, № 77/133; 1861, оп. 237/671, № 85/130, и оп. 334/768, № 146/96.

Ивановъ, Григорій Михайловичъ, архитекторъ. Род. 5 янв. 1820, ум. въ 1877. Сынъ тит. сов. (по указ. П. Н. Петрова—скульпт. Мих. Ив. Иванова, 1772—1848 гг.), онъ былъ принятъ въ штатные академиксы на казенное содержаніе—15 нояб. 1833; во время прохожденія курса, получ. за свои композиции сереб. медали: 2-ю—30 апр. 1838 и 1-ю—29 апр. 1839, и работалъ на золотыя—проекти: „Театральнаго училища“ (бывш. на Академ. выст. 1839 г.)—на 2-ю, которую и заслуж. 19 сент. 1839 (вмѣстѣ съ званіемъ класснаго художника 14 кл.), и „Театра для 1500 челов. въ столиц. городѣ“—на 1-ю, по утвержд. 11 сент. 1841 эскизу, который онъ долженъ былъ обвести тушью къ 15 окт. для представленія и д. ректора арх. Мельникову. Осенью 1846 онъ представ. въ Акад. Худож. съ просьбой объ исходатайствованіи у Августѣйшаго Превидета особія на изданіе, въ случаѣ принятія его книги за руководство для архитекторствъ, или о напечатаніи ея на казенный счетъ съ посвященіемъ Президенту,—„Записки объ исторіи архитектуры“, которыя Совѣтъ и

поручилъ 6 сент. рассмотреть, для подачи мнѣнія о достоинствѣ этого сочиненія,—проф. Р. И. Кузьмину, но только послѣ неоднократнаго напоминанія Академ. Правленія объ ускореніи сего дѣла (25 сент. 1846, 15 окт. 1847, 25 мая 1848 и 22 февр. 1850), былъ получ. отзывъ объ ихъ неудовлетворительности, а 25 сент. 1850 И—въ былъ возвед. въ званіе академика за „искусство и познанія, доказанныя извѣст. трудами и многими, произведенными по собств. проектамъ, строеніями“ (постройкой 5 кам. и 18 дерев. и перестройкой 41 дерев. церквей въ Сѣв.-Зап. краѣ). Онъ служилъ архитекторомъ: въ 1839—45 при Коммиссаріат. Деп-тѣ Воен. Мин., Дворян. полку в Харьк. Коммиссіи, въ 1846—51 при постройкѣ церквей въ казен. имѣніяхъ 4-хъ Сѣв.-Зап. губ., въ 1852—57 Тифлисе, и въ 1858—60 Астрах. городскимъ и при Управл. Кавказ. Инжен. Окр., въ 1860—64 при СПб. Страх. отъ огня Общ-вѣ и опять Коммиссаріат. Деп., въ послѣднемъ—по ремонту госпит. зданій (при чемъ, по новости для него этого предмета, собиралъ материалы для перемотки и дополненія уроч. положенія на всѣ вообще строит. работы и составлялъ десятич. таблицы въ облегченіе составителей смѣтъ, а также вѣдомости на отпов. производства для руководства госпит. контуръ при составленіи смѣтъ на ремонт. исправленія), а въ 1864—66 гг.—при Гл. Интенд. Управл. Воен. Мин. Имѣ составлены были проекты на постройку: дворца въ Тифлисѣ для Август. Намѣстника Кавказа—по конкурсу (1863—64); кам. 5-ти главой церкви на 300 челов. въ гор. Плодѣ—по поруч. намѣстника Царства Польскаго, гр. О. О. Берга (1864—65); разныхъ построевъ въ имѣніи ст.-секр. В. А. Головина въ Рязанской губ., какъ-то: павильона для библиотеки, бани, помѣщенія для дворовыхъ конюшни съ сараемъ для экипажей и съ сѣноваломъ надъ ними; сельскихъ школъ примѣнительно въ полосуамъ, материалу и климату Россіи—по конкурсу, согласно Высочайше одобренной программѣ Мин. Нар. Просв., въ видѣ 3-хъ проектовъ (1864—65); каменнаго 3-хъ этажнаго дома со службами для купца 1-й гильдіи А. Кожевникова въ Кутаисѣ, одноврем. съ ремонтомъ дома наслѣдницъ Ивановыхъ подъ № 8 въ 17 лин. Вас. Острова въ СПб. (1865—66); холод. службъ во дворѣ того же дома (вплотъ до 1873—74 гг.) и камен. службъ во дворѣ дома вдовы колл. сов. Т. Д. Молчановой подъ №№ 76, 28 и 30 по Сред. Мѣщанской, по Вознесенскому просп. и до Екатерининскому кан.,—одноврем. съ капитальными исправленіями домовъ: надв. сов. Н. В. Корсакова подъ

№ 28 по Глазовой ул. (1868—69), колл. сов. Т. М. Заушкевича под № 7 по 16 лн. Вас. Острова (1868—70), бар. В. А. и А. И. Шмидтъ—маюра и есаула—под № 7 по Гуляной ул. на Петерб. Стор. (1868—70 и 73—74), а также отст. капит. А. Скиндера под №№ 6—8 по той же ул., отст. тит. сов. Д. И. Попова под № 8 по Б. Дворянской ул. на Петерб. же Стор. (1869—70 и 73—74) и Шимкевича под № 9 по Ждановкѣ (1873—74).

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“ *П. Н. Петрова*, II, 310, 369, 383, 385, 390, 419, 421; III, 63—64 и 143.—Указат. вост. въ И. А. Х.“ 1883, стр. 16, столб. 1.—Дѣла 78/1839, 113/1846, 54/1850 и 32/И въ Архивѣ И. А. Х.—Отчеты И. А. Х.“: 1860—61, 75; 1861—62, 65; 1863—64, 65; 1864—65, 61; 1868—69, 68; 1869—70, 79; 1873—74, 59; 1876—77, 8 (†).

Ивановъ, Григорій Фаддѣевичъ, граверъ на мѣди †). Род. 1754, ум. 18 марта 1778. Сынъ солдата Семеновскаго полка и воспитанникъ Имп. Акад. Худож. съ 21 авг. 1766 по 17 мая 1773, онъ учился сперва рѣзьбѣ на камняхъ у П. Л. Вернье (1737), а потомъ гравированію и оставилъ послѣ себя, кромѣ исправленія, вмѣстѣ съ Андр. Янимоновичемъ, гравиров. досокъ въ 4-мъ уставамъ: Акад. Худож., Воспитат. Дома, Кад. корпуса и Монастырскаго, и гравированія: 1—2. двѣхъ изображеній стрѣлокъ для кружевъ, еще свѣд. работы; 3—4. портреты в. к. Рюрика и Игоря (1769), 5—6. двѣ фигуры—колониста²⁾ и голланд. шивкарки, или женщины съ чашею и рюмкою въ рукахъ, во вкусь Мьерса (1770), 7. „Водопадъ“ съ карт. Дидриха (за который онъ получ. 2 серебр. мед. въ 1772), 8. „Явленіе ангела пастырямъ“ съ карт. А. Коллони (за которую онъ получ. 2 зол. мед. въ 1773).

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 1774, № 8; 1778, № 5, и рукоп. катал. эстампамъ 1777 г.—„Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, подъ ред. П. Н. Петрова, I, 755 (прямъч.).—*Nagler's „Künstler-Lex.“*, VI, 555.—„Журналъ Искус.“ Буле 1807, I, 52.—„Худож. Газ.“ 1838, 474 (въ ст. „о русс. граверахъ“).—У Д. Ровинскаго въ „Подборникѣ Словарѣ русс. гравиров. портретовъ“, 1889 (алфав.), ему припис. портретъ артиста Имп. театровъ А. С. Яковлева, съ рис. В. Лукьянова, но Яковлевъ сталъ актеромъ лишь съ 1794 г.

Ивановъ, Демьянъ, иконописецъ. Родомъ Ростовецъ, входилъ, еще въ бытность ученикомъ, въ 1644 г. у Успенскаго письма въ Москвѣ.

¹⁾ Другой Ивановъ, Григорій (род. 1742 и ум. 23 марта 1788), хотя и былъ живописцемъ, находясь въ Акад. Худож. (1758—59), но потомъ служилъ тамъ же писаремъ (съ 1761), см. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 1773, № 3.

²⁾ Скорѣе раб. его брата Степ. Фад. Иванова.

См. Д. Ровинскаго „Исторію русс. школь иконописц.“, 148.

Ивановъ, Дмитрій (Митька), иконописецъ. Родомъ изъ Юрьева Повольскаго, принималъ участіе, вмѣстѣ съ таври. Савкой Ивановымъ, знаменщ. Прокоф. Ильинимъ и др., а также съ упом. у *И. Забѣлина* въ „Матер. для исторіи русс. иконоп.“ (стр. 8—9) иконописцами, — въ возобновл. стѣннаго письма въ Моск. Успенскомъ соборѣ въ 1642—43 гг.

См. А. Викторова „Описание записи книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 400, 407, 413 (изъ прих.-расх. вн. Оруж. Пал. за № 944/973).

Ивановъ, Дмитрій, иконописецъ. Възв. въ Москву въ 1659; упом., въ качествахъ отставнаго Троицко-Сергіевой лавры, въ 1670 г. (хотя Дм. Ивановъ встрѣчается тамъ и въ 1684 г.); служилъ при Посольскомъ Приказѣ въ 1672.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 19, 113, и Д. Ровинскаго „Исторію русс. школь иконописц.“, 148.—Архим. *Леонида* „Надписи Троицкой лавры“ (въ „Записк. отд. русс. и слав. археологій И. А. О.“, 1882, III), № 11 (ср. выше Андреевнъ, Ив.), и рукоп. замѣтки П. Н. Петрова.

Ивановъ, Дмитрій, архитекторъ при Оруж. Палатѣ въ Москвѣ въ 1703 г.: 9-го авг. онъ, въ качествахъ „архитект. дѣла мастера“, былъ награжд. 5-ю рубл. „за его многую у цеховскаго строенія работу, которую особливо онъ показывалъ въ дѣлѣ положенія воротъ, которыя противъ Троицкаго подворья“.

С. А. Викторова „Описание записи книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 478 (изъ расх. докум. Оруж. Пал. за № 989/521, л. 661).

Ивановъ, Дмитрій, рисовальщикъ Род. 1796. Изъ мастеровъ дѣтей, поступ. въ завод. гимназію въ 1800, въ завод. училище—20 апр. 1804, рисовальщикомъ на Имп. Фарфор. заводъ—31 авг. 1808; получ. жалованья 96 р.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. дѣла Кабинета 1809, оп. 151/320, № 18/67, л. 40 об.

Ивановъ, Дмитрій Андреевичъ, живописецъ. Род. 1813. Выпущенный изъ Акад. Худож., въ качествахъ академика 2-й степ., въ 1831, онъ просилъ 13 нояб. 1835 объ удостоеніи его званія рисов. учителя, но Правленіе опредѣляло поручить напередъ акад. Басину проэктаменовать его въ рисованіи.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 109/1835, л. 86—87.

Ивановъ, Дмитрій Ивановичъ, живописецъ и архитекторъ. Род. 1782, ум. послѣ 1810 г. Воспитанникъ (съ 1803) Имп. Акад. Худож., гдѣ онъ былъ ученикомъ проф. Угрюмова, Дм. Ив., находясь въ 4 возрастахъ, получилъ 1

сент. 1806—2-ю зол. мед. за исполнение заданной гр. С. О. Потоцким программы: 1. „Мужество, подвигъ патр. Никона при укрощеніи народ. бунта“. Затѣмъ, въ мартѣ 1806 ему заданы были двѣ программы: 2. „Пріемъ Владиміромъ Мономахомъ въ Кіевѣ греч. пословъ съ парск. вѣнцомъ Константина Мономаха и др. драгоценностями“ (3-го числа) и, по предлож. гр. Потоцкаго, — „Сцена изъ Русс. Правды“ (17-го

нникомъ Θεοδοσίємъ Боредскимъ меча Ратира юному вождю Новгородцевъ Мирославу, назнач. Марою Посадницею въ мужья своей дочери Кеселіи“, но ему объявлена была лишь похвала за 2-ю изъ этихъ картинъ, за полученіемъ имъ уже 2 зол. мед. (1 сент.), и вѣнчекъ съ тѣмъ выданъ аттестатъ объ окончаніи курса.

Поэтому, не получивъ 1-й зол. медали за картину 3. „Марѳа Посадница“ (36¹/₂×44 в; на-

23. Марѳа Посадница и Мирославъ у Θεοδοσία.
Картина Д. И. Иванова 1808 г. (въ Импер. Эрмит.).

числа); за выдачей, однако, золот. медалей 1-го дост. въ бдльшемъ противъ положеннаго количества, ему дана была 1 сент. опять 2-я зол. мед. за исполнение 1-й изъ этихъ программъ, одновременно съ 2-ю и 1-ю сереб. медалями за рис. съ натуры. Наконецъ, въ мартѣ 1807 ему задано было написать, въ видѣ прогр. на 1-ю зол. мед.: „Отказъ Седраха, Мисаха и Авденага поклониться поставл. Навуходоносоромъ кумиру“, а въ мартѣ 1808—„Врученіе пустып-

ход. теперь въ Имп. Эрмитажѣ подъ № 1572 и воспроизвед. въ литогр. раб. Р. Жуковскаго, — въ изд. П. Пети: „Имп. Эрмит. Галлерей“, СПб. 1845, въ б. л., подъ № 61), Ивановъ уѣхалъ изъ Петербурга и поселился, кажется, въ Москвѣ, откуда и предпринялъ поѣздку по Россіи.

Въ „Библиограф. Листахъ“ П. Кеттена 1825 (№ 31, с. 455—7) находимъ слѣд. извѣстіе объ этомъ путешествіи:

„Въ 1809 и 1810 гг., по Высочайшему Е. И. В. повелѣнію, предпринято было ученое и живописное путешествіе по Россіи. Главою этой экспедиціи назначенъ былъ ст. сов. (нынѣ д. ст. сов.) Конст. Матв. Бороздинъ; сопутниками же его и участниками въ занятіяхъ были: Александръ Ив. Ермолаевъ и Дм. Ив. Ивановъ. Первый, опытный археологъ, занимался историческими и топографическими изслѣдованіями и снятіемъ съ натуры какъ архитектурныхъ, такъ и другихъ древностей; послѣдній, искусный художникъ, снималъ виды и изготавлялъ чертежи. Плодомъ сего путешествія, простершагося на большую часть Европ. Россіи, было собраніе рисунковъ и чертежей. Представленные въ оныхъ изображенія заслуживаютъ вниманія какъ по точности своей, такъ и по чистотѣ отдѣлки, и вѣтъ сомнѣнія, что сія коллекція рисунковъ принадлежитъ къ первымъ украшеніямъ Публ. Библіотеки. Какой россиянинъ, какой просвѣщенный иностранецъ, не пожелаетъ, чтобы драгоценное сіе собраніе современемъ было издано съ надлежащими изъясненіями?“

Изъ письма *Д. В. Полънова* къ М. И. Погдину о К. М. Бороздинѣ, въ „Трудахъ I-го Археолог. Съѣзда въ Москвѣ 1869 г.“ (стр. 71 и сл.), мы узнаемъ, что „ему соуправствовалъ еще Максютинъ, архитекторъ, впоследствии служившій въ Моск. Кремлевской Экспедиціи и скончавшійся въ Москвѣ глѣтъ 10 тому назадъ“. „Если не ошибаюсь,—прибавлялъ Полъновъ,—то въ снаряженіи этого путешествія принималъ участіе Валуевъ, бывший начальникомъ Кремлев. Экспедиціи... Бороздину дана была инструкція на совершеніе этого путешествія. Плодомъ этого путешествія было собраніе великолѣпнѣйшихъ рисунковъ красками, составившихъ 4 огромнѣйшихъ альбома.

„Бороздинъ началъ путешествіе съ сѣв. части Россіи и побылъ: Сѣверную Ладугу, Тихвинъ, Устюжну, Череповецъ, Вѣлозерскъ и Вологду. Этими мѣстами посвящены 2 части рисунковъ, въ числѣ 48-ми [по 24 въ каждой].

„Съ Сѣвера Бороздинъ проѣхалъ прямо въ Кіевъ, изслѣдованію котораго посвящена почти вся 3-я часть (I-я 1810 г.). Здѣсь изображены и описаны: самый городъ, Десятинная церковь, Софійскій соборъ съ его мозаиками и Ярославовою гробницею, Спасъ на Берестовѣ, Кіево-Печерская лавра съ ея пещерами, гор. Любечъ, Остеръ, Вѣловѣжскій городокъ и Нѣжинъ. Въ части 4-й (II-я 1810 г.) описаны: Черниговъ, Елецкій и Ахтырскій монастыри, нѣсколько

городищъ, каменные бабы, Курскъ, Боровскъ и Тула“ [еще 48 рис.].

Подробные перечни рисунковъ помѣщены въ обоихъ назв. изданіяхъ.

Затѣмъ въ запискѣ *Н. В. Закровскаго* отъ 9 нояб. 1865 обь издав. „описаніи Кіева“, представленной имъ въ Моск. Археолог. Общество (См. „Древности“, М. 1870, II, 182), мы читаемъ: „художникъ Ивановъ представилъ рисунки и чертежи въ 3-хъ частяхъ, въ большую продолговатую четверть листа... Особенно рисунки этого незабвеннаго художника съ Кіевскихъ мозаикъ составляютъ теперь единственную, извѣстную мнѣ, въ Россіи копію этихъ древнихъ изображеній; они переданы красками подлинника, даже означены направленія мозаическихъ камешковъ, показаны мѣста отпадевшей мозаики, какъ на изображеніяхъ, такъ равно и на золотомъ фонѣ, и составляютъ самый точный, рабски копированный рисунокъ оригинала, характеръ коего переданъ съ неподражаемою вѣрностію, какъ было въ 1810 г.; теперь же мозаики подновлены и подмалеваны. Въ числѣ многихъ знатковъ, видѣвшихъ оригиналы, восхищался этими рисунками и Пётръ Ив. Кенпезъ и крайне сожалѣлъ, что такое драгоценное сокровище скрывается подъ сукномъ. (См. „Списокъ русс. памятниковъ“, с. 14). Можетъ быть, просвященной ревности Моск. Археолог. Общества предоставлено удовлетворить желанію читателей отечественныхъ древностей и вывести на свѣтъ рисунки Иванова, именно въ томъ видѣ и величинѣ, какъ они сдѣланы художникомъ, потому что всякое уменьшеніе испортитъ ихъ“. Наконецъ въ своемъ „Описаніи Кіева“ (М. 1868, с. 800—801), *Н. Закровскій* сообщалъ еще слѣдующее:

„Было сдѣлано нѣсколько попытокъ передать Кіевскія мозаики всё или по частямъ—въ рисункахъ. Ихъ копировали, сколько намъ извѣстно,—Ивановъ, Свининъ, Шуруповъ, Вольнеръ, Вельчинскій.

...„Несравненно лучше всѣхъ, доселѣ нами видѣнныхъ, скопировалъ архитекторъ и живописецъ Дм. Ив. Ивановъ... Копія Иванова замѣчательно тѣмъ, что передаетъ характеръ Кіево-Византійскихъ изображеній съ удивительною вѣрностію и неподражаемою тщательностію и въ томъ видѣ, въ какомъ мозаики были въ 1810 г., слѣдуват. — безъ всякихъ новѣйшихъ поновленій. Поэтому копія Иванова могутъ считаться теперь единственными въ Россіи. П. И. Кенпезъ въ своемъ „Спискѣ русс. памятниковъ“ пишетъ: „Всѣ сіи изображенія, которыя я не-

однократно имѣлъ случай видѣть въ Кіевѣ, наилучшимъ образомъ срисованы г. Ивановымъ... Крайне жаль, что драгоценное собраніе сихъ превосходныхъ рисунковъ поныѣ остается неизданнымъ" (1822 г., с. 14). Оно носитъ слѣд. заглавіе: „Рисунки и чертежи къ путешествію по Россіи, по Высочайшему повелѣнію, К. Вороздина, А. Ермолаева и художника Д. Иванова въ 1809 и 1810 г.ч, 3 час., въ большую продолгов. четверть листа. Рисунковъ, относящихся къ Кіеву и находящихся въ 1-й части, всего 19-ть...

...„Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, въ октябрѣ 1847 г., скопировалъ я ихъ для себя... При настоящемъ „Описаніи Кіева“ изданіе этихъ рисунковъ, какъ они вышли въ 1810 г. изъ руки славнаго художника Иванова, было бы сопряжено съ огромнѣйшими издержками и сдѣлало бы наше сочиненіе недоступнымъ по цѣнѣ для большей части публики. Сообразивъ эти обстоятельства, Общество (Моск. Археолог.) подошло доволствоваться одними очерками рисунковъ и при томъ въ уменьшенномъ видѣ“), а для большой бібліотеки гр. Алексѣя Серг. Уварова сдѣланы въ 1866 г. художникомъ И. Н. Медвѣдевымъ превосходныя копіи съ рисунковъ Иванова. Итакъ, теперь существуютъ эти драгоценныя изображенія въ 2-хъ, извѣстныхъ намъ, экземплярахъ, въ кои-хъ: одинъ—въ Петербургѣ, а другой—въ Москвѣ (собств. въ Порчьѣ)“.

Въ рукоп. матер. *П. Н. Петрова* упом. мѣстный образъ въ иконостасѣ, селіею,—„Христосъ держащій крестъ“, какъ бы съ моногр. того же Иванова и съ подписью: „1811 декабря 13 дня въ Москвѣ“, а въ „Подробномъ Словарѣ русс. гравиров. портретовъ“ *Д. Ровинскаго*, 1889, приведены 3 гравиров. пувтиромъ портрета съ подписью Д. Иванова, именно: И. И. Хемвицера (при его „Васняхъ и сказкахъ“, СПб. 1820, 8°), съ рис. И. Иванова; ген.-фельд-маршала гр. В. Х. Витгенштейна и кн. И. Ѳ. Паскевича, съ оригин. дау (оба изъ кн.: „Спасеаема Гречія“, СПб. 1829, 8°).

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, I, 473, 476—8, 485—6, 498, 516, 522, 524, и указ. выше изданія.

¹⁾ Въ настоящемъ видѣ они не изданы и до сихъ поръ, т. е. въ изданіи Имп. Русс. Археолог. Общ. „Кіево-Софійскій соборъ“, СПб. 1871—87, въ б. л., служащемъ продолженіемъ „Древностей Росс. Государства“, воспроизведены рисунки Ѳ. Г. Солнцева 1843 г., т. е. сдѣланные уже съ реставрированныхъ мозаикъ,—прибавимъ мы отъ себя.

Ивановъ, Долмать, иконописецъ XVII в. въ Москвѣ. Родомъ Ярославцевъ, онъ былъ: въ 1660—у Архангельскаго письма, въ 1666—въ ц. Спаса, а въ 1670—въ с. Коломенскомъ.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 31, 68, 75, 120, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школь иконоп.“, 148.

Ивановъ, Дороевъ, иконописецъ XVIII в. въ Москвѣ. Поновлялъ поврежденную послѣ пожара 1752 г. икону Иерусалимской Б. М. въ церкви св. Георгія на Вспольѣ.

См. „Чтенія въ Общ. ист. и архив. Росс.“ 1875, I, 19.

Ивановъ, Дружна, иконописецъ. Родомъ Вологжанинъ, въ качествѣ городов. иконнаго знаменщика, онъ полу. плату въ 1643 за возобнов. стѣнной иконостаса въ Моск. Успенскомъ соб., вмѣстѣ съ Моск. иконописцемъ Вас. Игнатьевымъ и знаменщикомъ Прокоф. Ильинимъ, а въ 1644 пожалов. за Архангельское письмо.

См. *А. Викторова* „Описаніе запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 413 (изъ прих.-расч. кн. Оруж. Пал. за № 944/973).—*И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконописц.“, 9, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школь иконописц.“, 148.

Ивановъ, Евдокимъ (Овдокимъ), рѣзчикъ по кости при Оруж. Палатѣ въ Москвѣ въ 1656: въ качествѣ „достоянаго рѣзанаго дѣла токаря“, полуц. жалованья 12 р. и кормовыхъ 3 р. 5 алт. въ мѣс.

См. *А. Викторова* „Описаніе запис. книгъ и бумагъ старія. Дворц. приказ.“, II, 425 (изъ прих.-расч. кн. Оруж. Пал. за № 946/827).

Ивановъ, Елисей, иконописецъ при Моск. Оруж. Палатѣ XVII в. Упом. въ докum. 1676—77 г. въ числѣ получавшихъ жалованье мастеровъ; а въ 1685 участвов., подѣ смотрѣніемъ Ив. Безмина, въ раскраскѣ „стѣнныя иконописныя письма“ вновь встроенныхъ камен. и дерев. хоромъ цар. Натальи Кирилловны и царевнѣ, вмѣстѣ съ Леонт. Ивановымъ и др. учениками, а также живописцами. Въ 1695—96 Елисей Ивановъ числился еще ученикомъ, но, быть можетъ,—другой.

См. *А. Викторова* „Описаніе запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 443, 451, 455 (изъ прих.-расч. кн. за №№ 958/234, л. 20; 963/263, л. 36, и 967/457, л. 5).

Ивановъ, Ефимъ Тимофеевичъ, живописецъ. Въ качествѣ художника-любителя, выставялъ въ Авад. Худож. въ 1869 г.—„Огород. овицъ“ и въ 1870—„Плоды“.

См. „Указат. вѣст. въ И. А. Х.“: 1869, № 61, и 1870, № 114.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 165/1870.

Ивановъ, Захарій, серебр. и золот. дѣлъ мастеръ при Моск. Оруж. Пал. Въ 1622 г. дѣлалъ: окладъ (къ иконѣ) Богородицы Тихвинския; 19-го сент., вмѣстѣ съ Кузьмой Ондрушковымъ, — серебр. съ позолотой верхъ прорѣзной къ кадилу, лѣтописцы и крестъ въ Черниговскимъ Чудотвор., а 2 дек. золотилъ, вмѣстѣ съ Ив. Тимоѣевымъ, — сдѣл. послѣднимъ (16 июля) крестъ благословенный, серебр. чеканный; въ 1624, апр. 1, — 7-мъ колокольцевъ серебр. крестыхъ въ Цареградъ, посылку; сент. 18—4-е достакана, вѣнды и поддоны; сент. 29—потиръ рѣзаной; нояб. 13—дѣлалъ нарядъ верх. пояса съ чернью и порѣзкою; дек. 15—золотилъ братину невеликую; въ 1625, февр. 11, — поясъ саадачный; марта 11-го—10-тъ гнѣздъ крючочковъ съ петельками; мар. 25-го—30-тъ колечекъ въ Кызылбашскую посылку; мая 16-го—6 серебр.ные ковшовъ, вмѣстѣ съ Пав. Киселемъ.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 118.—*А. Викторова* „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 507. 508. — „Древности“, М. 1874, IV, Матер. для Археолог. Слов., 82. 84. 104 (изъ кн. Ор. Пал. № 731/1024).

Ивановъ, Захаръ Федоровичъ, архитекторъ. По окончаніи курса въ Акад. Худож. съ званіемъ художника 14 кл. (19-го сент. 1839), служилъ архитект. въ Севастополѣ по вѣдомству Черном. флота (до 1852), по упраздненіи же этого мѣста, переводъ былъ производителемъ работъ въ Симбирскую, а затѣмъ въ Оренбургскую Губ. Строит. Комиссію по вѣдом. Путей Сообщ.; но, по случаю снесенія въ 1860 весеннею водою моста, постр. имъ хозяйств. способомъ, былъ увол. отъ службъ и преданъ угоду; получивъ отпускъ въ Петербургъ, занялся част. образомъ въ качествѣ помощника у арх. Пранга и потомъ Жибера — при перестр. Аничкова Дворца, за что получилъ бриліант. перстень отъ Наслѣд. Цесаревича. Между тѣмъ въ 1866 Угол. Палата представ. его дѣло въ 6 Делъ Правит. Сената, который запросилъ мнѣніе у мин. Пут. Сообщ., самъ же онъ былъ заключ. въ Моск. Тюрем. замокъ, а для выслушанія рѣшенія по дѣлу, нач. въ Уфѣ, отправл. туда въ 1868 этап. порядкомъ. По рѣшенію Оренб. Палаты, утвержд. Сенатомъ, былъ посланъ на житье въ Тобольскую губ., гдѣ былъ част. архитекторомъ гор. Кургана съ 1869, а въ 1872, въ виду похв. отзывовъ о немъ, вторично просилъ А. Х. объ исхдат. ему помилованія.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, №подъ ред. *П. Н. Петрова*, II, 386, а также въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 78/1839 и 9/И.

Словарь художниковъ, II.

Ивановъ, Зиновій, учитель рисованія съ 1833 — въ уѣзд. учил. и съ 1837—въ гимн.; предств. въ А. Х., кромѣ рис. и чертежей, еще портреты: миниат. (1833) и 1-го Казан. ахува (1837).

См. въ Арх. И. А. Х., дѣло 123/1833, л. 159—165.

Ивановъ, Иванъ, пушечный литейщикъ въ Москвѣ. Родомъ нѣмчинъ, былъ ученикомъ Ив. Фалька и слылъ въ 1642 на опытъ—пищаль. См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 118.

Ивановъ, Иванъ, серебряникъ въ Москвѣ. Родомъ полякъ, упом. въ докум. 1662—75 гг. См. *И. Забѣлина*, тамъ же, 119.

Ивановъ, Иванъ (Иванка), иконописецъ. Родомъ Псковичъ, былъ высланъ въ 1660 въ Москву. — Другой Иванъ Ивановъ, иконописецъ изъ Ростова, Моск. садовникъ (?), былъ въ 1660 у Архангельскаго письма.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 149 и 148.—*И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 36. 67. 28.

Ивановъ, Иванъ, иконописецъ въ Ярославѣ. Росписывъ. въ 1681 ц. Ильи Прор. (по сохраненіи тамъ).

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 149.

Ивановъ, Иванъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ въ Москвѣ. Дѣлалъ въ 1709 для царевны Натальи Алексѣевны—алмазные пятерной складенъ, два пера, пряжки и 8 перьевъ.

См. *Викторова* „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 486 (изъ прихр. расх. кн. Ор. Пал. № 1006/489, л. 393).

Ивановъ, Иванъ, граверъ на деревѣ при Моск. Синод. типографіи въ 1763—85 гг. Былъ ученикомъ мастера Степ. Ягодкина; работы его наход. въ собраніи Моск. любит. Безсонова. См. *Д. Ровинскаго* „Русс. граверы“, М. 1870, с. 17.

Ивановъ, Иванъ, каменнаго дѣла мастеръ (архитекторъ?). Наход., въ качествѣ ученика, въ командѣ итал. мастера Валерія Тортарія на ялов. по 30 р. въ годъ и, вмѣстѣ съ другими, участвов. въ 1774 въ постановкѣ въ Царскомъ Селѣ привезенной изъ Екатеринбурга мрам. галлерей, за что получ. добавочнаго содержания по 54 р.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д.: оп. 73/187, л. 122, л. 187 и 185 (1774 г.), а также: оп. 122/556, л. 2, с. 9 и 28 (1779).

Ивановъ, Иванъ, скульпторъ (квадраторъ). Род. 1768 г., ум. 18.. г. Изъ мастеровыхъ дѣтей, поступ. на службу при Ревельскомъ Екатеринподольскомъ Дворцѣ 1 мая 1793 г. и числился въ окт. 1799 квадраторнымъ ученикомъ.

См. въ Общест. Архивѣ М. И. Д.: оп. 122/556, л. 6, с. 238 (1796 г.), и л. 7, с. 86 (1798 г.); оп. 382/315, л. 1, с. 28 об. (1799 г.).

Ивановъ, Иванъ (?), живописецъ. Род. 1753. Ум. въ 1804, какъ домовладелецъ въ Петербургѣ на Пескахъ, въ прих. Рождества.

Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Иванъ Алексѣевичъ, архитекторъ. Род. 1747, ум. 18. г. Сынъ флотскаго комиссара, онъ поступ. въ Акад. Худож. въ 1758, и на экзам. 1759 г. былъ назнач. въ архитект. классъ, гдѣ, имѣя 14-ть лѣтъ отъ роду, получ. въ 1761 отъѣздки: 4—въ сент. (30-го) и „хорошаго поведенія“—въ дек. (19-го), когда наход. уже во 2-мъ классѣ. Къ аягу 28 дек. 1762 онъ представилъ „проектъ парадной лѣстницы“; затѣмъ, исполнивъ, по утвержд. 7 апр. 1763 пробы, согласно заданной 1 апрѣля программѣ,—„планъ и фасадъ великоколѣпной церкви съ прилич. украшеніемъ“, удостоенъ былъ 30 іюня награжденія 2-ю преміей (меньшою зою. мед.), которую и получил. 8 іюля, а 21 сент. 1765 заслуж. за свою архитект. композицію—1-ю серебр. мед. и, наконецъ, 10 іюля 1766 за составленіе, по утвержд. плану и фасаду Академ. строенія,—„проектъ вънутр. украшеній“: нижнимъ снялѣмъ и лѣстницѣ, верх. снялѣмъ съ верх. окнами и средней круглой залѣ тоже съ верх. окнами,—признанъ достойнымъ 1-го награжденія зою. мед. послѣ чего 7 мая 1767 объявленъ пенсіонеромъ и получил. шпату, 20-го іюля присужд. ему аттестатъ 1-й ст. (съ выд. 28 числа), а 5 іюля онъ считался уже выпущ. изъ Акад. съ аттест. и шпатою. Выѣхавъ же онъ изъ Петербурга, съ братомъ Алексѣемъ (судя по ихъ рапортамъ отъ 12 авг. 1767 и 2 мар. 1768)—еще 23 мая и, черезъ Кропшадтъ, отправился 25 числа въ Любекъ, куда прибылъ, благодаря противному вѣтру, лишь 17 іюня; на слѣд. день направился въ Гамбургъ, пробылъ тамъ два дня, а затѣмъ, стремясь поскорѣе въ Парижъ и не найдя скорого корабля ни въ Амстердамъ, ни въ Руанъ, поѣхавъ сухимъ путемъ сперва въ Амстердамъ, гдѣ остановился тоже всего на два дня, и потомъ въ Антверпенъ, куда прибылъ повидно вечеромъ, почему и не могъ осмотрѣть тамошней Академіи художествъ.

Прибывъ въ Парижъ (12 іюля), бр. Ивановы опредѣлились (съ платой по 10 р. въ мѣс. съ важдаго, за столъ и ученіе)—къ проф. Академіи Дюжону, у котораго проходили ежедневно до полудня курсы перспективы, а послѣ обѣда—рисовали и чертили „разныхъ родовъ виды“. Продолжая такое ученіе дальѣ, они (по

рап. 16 іюня 1768) надѣялись скоро вступить въ „композицистѣ“, а когда это случилось, стали (какъ видно изъ рап. 7 нояб. 1768) упражняться „въ дѣланіи сюжетовъ по задаваемымъ Корол. Академіей архитектуры программамъ, которыя обучающимся въ оной ученикамъ всякій мѣсяцъ задавались, также въ то время присылаемы бывали и къ ихъ профессору, который отдавалъ имъ, съ чего они, дѣлая нѣкоторые эскизцы, а иные производя въ настоящіе рисунки по произволенію ихъ учителя, настоящія задачи производили слѣдующія: 1) требована была наружная декорация аванпоу (avant-corps) Королевскаго замка; 2) планъ и фасадъ публичнаго мѣста, гдѣ поставлена должна быть статуя принцова; 3) планъ, фасадъ и профиль театра; 4) планъ и фасадъ темницы и проч.“. Когда же Иванъ Ивановъ сталъ болѣть (какъ мы узнаемъ изъ рап. отъ 24 мар. 1769) „припадками грудной болѣзни“, прoderжавшей его 10 недѣль въ постели, пользовавшій его медикъ предписалъ ему провести весну за городомъ, но въ февралѣ онъ выдоронѣлъ и намѣренъ былъ, оставивъ архитектуру, заняться „гравированіемъ архитектурнымъ“ у гр. Choffard'a, рекомендованнаго проф. Dupont'омъ; однако, совѣты этого учителя и другихъ завстали его оставить это намѣреніе, т. к. онъ долженъ былъ „не слишкомъ пристально нѣсколько времени сидѣть, а упражненіе гравированіемъ этого бы ему не дозволило“; въ крайности думалъ онъ даже просить о возвращеніи въ Россію, но остался при одномъ желаніи. Вообще выдороненіе было медленно (судя по рап. 2 іюля), и братья провели время „въ обзорнѣхъ производствахъ построекъ, иногда со строителямъ, обяснявшими имъ практику—теорію“. Прибывъ затѣмъ въ Римъ въ концѣ 1769 (7-го дек.) и проведя первую треть въ прогулкахъ и узнаваніи мѣстности, братья (по рап. 9 янв. 1770) занялись измѣреніями древнихъ и новыхъ зданій и снимаемъ въ планъ—памятниковъ искусства, церкви и проч., упражняясь также въ собств. композиціяхъ и замѣчая „употребленіе самыхъ матеріаловъ“ (рап. 19 мая). Иванъ Ивановъ приводилъ въ то время къ окончанію свой „проектъ лѣтнаго дворца Государа“ для представленія въ Акад., а Алексѣй (какъ видно изъ рап. отъ 5 авг.), „по окончаніи сдѣланныхъ своей композиціи чертежей“, отдалъ ихъ прибывавшему тамъ (въ Римѣ) И. И. Шувалову, который „съ прочими вещами вышереченныя чертежи“ отправилъ въ Россію. Пробывъ за границей въ общемъ 4 года 11 мѣс., братья верну-

лисъ въ Петербургъ 12 марта 1772; но о дальнейшей судьбѣ Ив. Ивановъ ничего не извѣстно.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, I, 627. 13. 19. 634. 84—86. 113. 116. 119—121, а также въ Архивѣ И. А. Х. рапорты пенсіонеровъ 1767—70 и дѣло 45/1772.

Ивановъ, Иванъ Алексѣевичъ, архитекторъ, перепетивный живописецъ, рисовальщикъ и гравёръ. Род. 3 февр. 1779 въ Москвѣ; ум. 25 іюня 1848 въ Петербургѣ, отъ холеры. Сынъ колл. ассес., профессора Акад. Худож., оны былъ принятъ туда 19 мая 1789 г. (прямо во 2-й возрастъ); находясь въ 5 возрастѣ, удостоенъ 31 авг. 1798, на 4-хъ мѣс. экзаментъ, — получения 2-й серебрян. медали за архитект. композицію, а 11 окт. выпущенъ съ аттестатомъ 1-й ст. и званіемъ художника 14 кл., какъ назначенный на службу въ Экспедицію угольныхъ приисковъ и работъ, вслѣд. Высочайшаго указа изъ Правит. Сената отъ 30 сент. за № 17631 и письма д. ст. сов. Н. А. Львова къ конфер.-секретарю. Тамъ оны поступилъ въ вѣдомство Н. А. Львова, для производства чертежей, — 26 дек. 1798, медаль же вид. была ему 18 авг. 1800. Произведенный въ бергъ-шворены — 10 окт. 1799 и въ губ. секретари — 1 мая 1803, оны сопровождалъ Львова въ его походы на Кавказскую дліну и обратно, черезъ Тавриду, — для снятія видовъ и чертежей, которые и были, за смертью Львова въ декабрѣ того же года, представлены, въ черномовъ, недоконч. видѣ, министру внутр. дѣлъ, гр. Кочубею; два „Крымскихъ вида“: 1) и 2), — пис. имъ на холстѣ масл. краск. (по 17×11½ в.), и подпис. имъ, съ изобраз. южнаго берега, со скалами и горными потоками на одномъ, и лѣса, за который зашли тучи, на другомъ, — наход. въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ (оны приписыв. Мих. Матв. Иванову).

По упраздненіи вышеупом. Экспедиціи, И—въ былъ уволенъ изъ Бергъ-Коллеціи — 20 апр. 1806, а Высочайшемъ указомъ на имя Кабинета Е. И. В. отъ 21 авг. того же года повелѣно было ему находиться въ вѣдомствѣ послѣдняго, съ жалов. по 800 р. въ годѣ, и считаться при особопоруч. должности. Согласно этому Высочайшему повелѣнію, оны состоялъ при надв. сов. Гаттенбергерѣ, занимавшемъ его рисованіемъ разныхъ изображеній и копированіемъ рисунковъ на Имп. Стекл. Заводѣ; но, вслѣд. приказанія управляющаго Кабинетомъ, по резолюціи 31 дек. 1812, — былъ черезъ 6 лѣтъ исключенъ изъ оклада (въ чинѣ колл. секр.), а 19 марта 1813 назначенъ въ Имп. Публ. Библ. — съ званіемъ почетнаго бібліотекаря.

Гурьевъ же, „находя приличнымъ, чтобы числящійся въ вѣдомствѣ Кабинета худ. Ивановъ занимался составленіемъ рисунковъ для назв. Завода“, предложилъ Кабинету 29 окт. 1815 вытребовать его къ инспектору Завода, ст. сов. Комарову, и продолжать ему производство жалованы по прежнему (съ 8 нояб.). Затѣмъ, 5 дек. 1817 оны былъ опредѣленъ въ Акад. Худож. смотрителемъ за рис. классами, съ оставленіемъ на прежнихъ мѣстахъ (въ чинѣ тит. сов.); состоя съ 1 авг. 1818 по 1 мая 1820 при врем. Комиссіи строенія сада к. в. Николая Павловича, былъ временно причисленъ 1 іюня 1820 къ архит. Менеласу по садов. строеніемъ Царскаго Села; тогда же на Академ. выставкѣ появились: 3) „перспект. видъ новаго Академ. строенія“, его работы; 1 авг. И—въ получилъ въ завѣдованіе отъ Акад. классъ перспективы; 16 сент. 1822 былъ принятъ той же Акад. въ „назначенные“, съ задачей въ авг. 1823 программы на званіе академика; въ 1825 исполнял: 4) рис. хрустальной враты, предназначавшейся Имп. Николаемъ I въ подарокъ Персид. шаху, а за участіе въ трудахъ по устройенію сада Дворца в. к. Михаила Павловича получилъ 1000 р. — 30 апр. 1826. Наконецъ, когда вмѣсто предполагавшейся первоначально полной попорамы Царскаго Села съ башни, назыв. „I' Hermitage“, предположено было сдѣлать только: 5) 4е попорамч. вида, а именно: а) Александровскаго дворца съ частью Ц. С., б) части города отъ Католич. церкви, в) скотнаго двора на Пулковскую гору и г) отъ Дутергофской горы, съ заказомъ ихъ Н. А. И—ву, оны тотчасъ же принялся за работу и исполненный имъ къ 3 февр. 1827 г. 1-й изъ этихъ рисунковъ „весьма понравился Его Величеству“, — какъ сообщалъ о томъ мпн. Имп. Двора, кн. Волконскій, президенту Акад. Худож., Оленину, спрашивая о слѣдующемъ за него вознагражденіи. — „Ивановъ, восхищенный тѣмъ, что работа его имѣла счастье понравиться Е. И. В., объявилъ Оленину, — какъ доносилъ послѣдній министру, — что оны всякою наградою, въ чемъ бы она ни состояла, будетъ доволенъ, а потому, не назначая самъ никакой цѣны, полагаея совершенно на Высочайшее благоизволеніе“. Поэтому Оленинъ же отъ себя опредѣлилъ платъ въ 300 р. за рисунокъ и высказалъ при этомъ слѣд. предположеніе кн. Волконскому, что „если бы Е. И. В. соизволилъ признать за благо поручить ему (Иванову) такъ же снятіе видовъ др. окрестныхъ мѣстъ, гдѣ находятся загородные и увеселительныя Импер. Дворцы, какъ-то: видовъ Петергофа,

Ораніенбаума, Cottage, то онъ могъ бы выполнить сіе съ хорошимъ успѣхомъ, при определенномъ ему постоянномъ, хотя бы небольшомъ содержаніи, сверхъ окладовъ, получаемыхъ имъ по друг. мѣстамъ... Однако, на послѣднее Высочайшаго соизволенія не послѣдовало, „а можетъ онъ,—какъ писалъ кн. Волковскій,—снимать виды съ окрест. мѣстъ С.-Петербурга и представлять ихъ Е. И. В., за кои и будетъ ему производиться слѣд. плата“. Но все ограничилось, повидимому, одними Царскосельскими видами: за представленные Госуд. Императору черезъ годъ остальные 3 рисунка, Высочайше повелѣно было 20 февр. 1828 объявить Иванову — Монаршее благоволеніе и заплатить изъ комнатной суммы, какъ и за 1-й рис.—900 р.; самые же рисунки вручены были по Высочайшей волѣ Наслѣднику Цесаревичу, а И.—у было приказано министромъ сдѣлать вновь тѣхъ же 4 вида, изъ которыхъ два и были представлены имъ во 2-й половинѣ апрѣля 1829, другіе же два въ сент. Вмѣстѣ съ уплатой за нихъ 1200 р. изъ Кабинета, Высочайше повелѣно было сдѣлать еще копии со всѣхъ 4-хъ.

Во то же время, съ 1811 по 1828 г., Ивановъ исполнялъ рисунки, а иногда и гравюры крѣпкой водкой или рѣзцомъ, подъ раскраску,—для народ. картинокъ, какъ, напр.: 6) бытовныя сцены (грав. изъ по рис. И. Терехинева): а) „Бесѣда мѣщанъ“, б) „Игроки“, в) „Рябачъ читаетъ свои стихи“; 7) на событія 1812—16 гг.: а) „Изгнаніе изъ Москвы непріятеля отрядомъ легкой кавалеріи подъ командою ген.-майора Иловайскаго 4-го, составляющаго авангардъ корпуса ген.-лейт., барона Винценгероде, окт. 10-го 1812“ (въ собр. гр. Д. И. Толстого), б) „Разбитіе Неаполит. короля Мурата при сел. Дмитровскомъ“ (образъ. экз. Ѳ Тюлева), в) „Руской Курціи — ратникъ, жертв. живящю... во время вторженія французовъ въ Москву“—изъ журн. „Сынъ Отеч.“ 1812, № 6, с. 244, г) „Руской Спевоза, лишающій себя руки, чтобы не служить Наполеону, врагу Отечества“—изд. 11 янв. 1813, д) „Хлѣбосольство русскихъ—великодушные воины гр. Витгенштейна отдають свою порцію голод. плѣнникамъ французскимъ“ — журн. „Сынъ Отеч.“ 1813, № 6, с. 295, изд. февр. 14, е) „Вѣгство Наполеона“, ж) „Наполеонъ формируетъ новую армію изъ уродовъ и калекъ“, з) „Сцѣна послѣ знаменитой Лейпцигской баталии—кн. Шварценбергъ поздравл. государей съ побѣдою 1813 окт. 6 д.“ (въ собр. П. Я. Дашкова), и) „Александръ I при Монмартрѣ“, 1814, съ 6-ю стих.

изъ 2-й „Оды“ Ломоносова и съ посвящ. имп. Маріи Феодоровнѣ (въ собр. Д. А. Ровинскаго), і) „Возраженіе СПб. ополченія на Исаакіевскую площадь 12 июня 1814“, к) „Слава Россіи“ — имп. Александръ I съ аллегор. изображ. Россіи и Голеншищева-Кутузова въ образѣ Михаила Арханг. по сторонамъ, съ объясненіемъ Вас. Андріевского, 1816 (грав. А. Грачовымъ; въ собр. гр. Д. И. Толстого); 8) „Виды Петербурга“, 1815, по собств. рис. съ нат.: а) „Прибытіе имп. Александра II въ Казанскій соборъ“ (безъ имени), б) „Цариц. Лугъ въ верх. сада“ (1814), в) „Ц. Владимірской Богоматери, съ изображ. Троицына дня“, г) „Невскій мон.“, д) „Имп. Зимній Дворецъ“, съ изображ. имп. Александра I и в. к. Константина Павловича верхами передъ фронтомъ войскъ на побѣдѣ; 9) „Видъ Александро-Свирскаго мон.“ (въ собр. Даяя П, 821, въ Имп. Публ.

24. Посѣщеніе Публ. Библиотекы имп. Александромъ I, съ рис. И. Иванова (грав. А. Ухтомскій) 1812 г.

25. Безбожники (изъ басни Крылова),
съ рис. И. Иванова, грав. С. Галактионовъ, 1815 г.

Библ.); 9 bis) „Перевозъ тѣла имп. Александра I въ Москвѣ“, 1826 (въ собр. Д. А. Ровинскаго); а также дѣлалъ рисунки для разныхъ Петерб. изданій (въ 8—ку), какъ, напр., виньетки и картинки къ: 10) „Баснямъ и сказкамъ“ И. Хемницера, 1811 и 1820 (портреты его, грав. А. Ухтомскимъ—для 1-го изд. и Д. Ивановымъ— для 2-го, а также картинки, грав. С. Галактионовымъ и И. Ческимъ), 11) „Актамъ, относ. до новаго образованія Имп. Публ. Библ.“, 1812 („Посѣщеніе Библиотеки имп. Александромъ I“, грав. А. Ухтомскимъ), 12) „Жизни...“ кн. М. Л. Голенщикова-Кутузова“, Г. Синельникова, 1813 (8-мъ карт., грав. самимъ И.—вымъ), 13) „Баснямъ“ И. Крылова, 1815 и 1825 (грав. С. Галактионовымъ, Мих. Ивановымъ, Кулибнымъ и А. Петровымъ—въ 1-мъ изд.; С. Галактионовымъ, Ф. Горданомъ и И. Ческимъ—во 2-мъ), 14) „Баснямъ и сказкамъ“ А. Измайлова, 1816 (грав. С. Галактионовымъ и И. Ческимъ), 15) „Сыну Отеч.“ 1816, ч. I („Вѣсть имп. Александра I“, съ Демута-Малиновскаго), 16) „Стихотв.“ и

26. Зеленый Осель (изъ басни Хемницера),
съ рис. И. Иванова, грав. С. Галактионовъ, 1820 г.

„Сочин.“ В. Жуковского, 1815 и 1817 (4-е фронтисписа, грав. М. Ивановымъ), 17) „Опыту о придѣлкахъ къ древ. статуѣ Купидона, натягив. лукъ“, А. Озенина, 1815 (2 гравюры съ подп.: „I. Ivanow fec.“ и „I. Ivanow del. et sculp.“) и 18) „Опыту о правилахъ медальернаго искусства“, его же, 1817, въ л. (10 лист. съ 15-ю медалями на событія 1812—16 гг., по проектамъ автора книги, грав. А. Ухтомскимъ), 19) „Сочиненіямъ“ В. И. Озерова, 1817 и 1828 („Вѣсть его“, съ подп.: „I. Ivanow f.“ въ 1-мъ изд. ¹⁾; 7 виньет., грав. М. Ивановымъ,—во 2-мъ), 20) „Онытамъ въ стихъ и прозѣ“, К. Батюшкова, 1817 (грав. И. Ческимъ), 21) „Походъ запискамъ русс. офицера“, И. Лажечникова, 1820 („Смерть Энгельгарта“ и „Кульское сраженіе“, грав. тѣмъ же), 22) „Русланъ и Людмила“, А. Пушкина, 1820 (загл. виньет., грав. М. Ивановымъ), 23) „Стихотв.“ А. Востокова, 1821 (3 виньет., грав. М. Ивановымъ и И. Ческимъ), 24) „Прозѣ и стих.“ Вл. Филимо-

¹⁾ Съ тою же подп. есть портретъ Велиingtonа.

нова, М. 1822 (грав. И. Ческиньмъ), 25) „Поларной Звѣздѣ“, 1824 (виньет, грав. С. Гагактоновымъ), 26) и 27) „Путешествіямъ“ Тимковского, 1827, и Бороздина, 1828, 28) „Рассказы моего отца“, И. Пущкарева, 1836 (з. л., грав. М. Ивановымъ).

Произведенный въ академики по живописи перспективной 12 окт. 1830 (за: 29) аквавр. видъ въ перспективѣ „внутренности великолѣпныхъ стѣнъ и парадной гѣстницы въ Акад. Худож.“ (7×12 в., наход. въ И. А. Х. со времени выст. 1830 г.) и гравиров. имъ въ контурѣ), И—въ былъ награжденъ за 30) составленіе рисунковъ для Имп. Стекл. Завода (сандельбровъ, вазъ и пр.)—брильянт. перстнями: 26 дек. 1830—32 г. и 25 мая 1834, а за 31) раскрашиваніе фигуръ въ „положенію о гражд. мундирѣхъ“ единокрѣм. выдачею въ 3000 р.—15 апр. 1834 г.; накопецъ, за 35-тилѣтнюю службу пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 4 степ.—5 нояб. 1835, по преобразованіи же Академ. училища уволенъ 19 марта 1840 отъ должности учителя перспективы, какъ оставшіяся за штатомъ, а 18 сент. 1842 произвед. въ колл. ассес., продолжая все время дѣлать рисунки какъ для производившихся подъ его надзоромъ вещей на Стекл. и Фарфор. Заводѣ для представленія Госуд. Императору въ дни Пасхи и Рожд. Христ., такъ и для гражд. мундировъ (въ томъ числѣ—по Собств. Е. И. В. Канцелярїи; послѣ его смерти, вдовѣ его Еленѣ Ильиницнѣ была назнач. пенсія изъ М. И. Д. въ размѣрѣ 282 р. 90 к.

Источниками помѣн. здѣсь биогр. очерку этого художника, являющемуся у насъ впервые, служили: „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, подъ ред. П. Н. Петрова, I, 377—8 и 415; II, 103, 169, 171—2, 242 и 419.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 10/1789, 74/1817, 58/1819, 41/1820, 79/1822, 78/1823, 15/1828, 22/1828, 32/1828, 102/1829, 171/1829, 6/1830, 46/1830, 158/1830, 166/1831, 86/1835, 48/1843, и Превѣдствїя: 67/1817, 52/1827, а также рукоп. каталоги Ухтомскаго подъ №№ 363 и 1809; въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. дѣла по 2-й Экспед.: 1827, оп. 1/898, № 72/10, и Кабин.: 1815, оп. 151/320, № 50; 1848, оп. 452/1732, № 407/768 (формуляръ) и оп. 51, № 770.—„Сынъ Отеч.“ 1816, ххvii, 217—8; 1820, lxi, 240, и 1821, lxxv, 190, 282.—„Вѣст. Европы“ 1820, сxi, 163.—„Отеч. Зап.“ 1820, цз, 276, и 1826, ххvi, 281.—„Моск. Телегр.“ 1825, vii, I, 153.—„Сѣв. Пчела“ 1825, № 140, с. 4, и 1826, № 10, с. 2, свѣсь.—„Атеней“ 1828, т. I, № 1, с. 168.—„Библиот. для Чтен.“ 1835, xi, III, 86 (все о картинкахъ къ соч.: Имайлова 1816, Даженинова 1820—21, Крылова 1825, Бороздина 1828).—„Сынъ Отеч. и Сѣв. Архивъ“ 1831, ххiii, 304 („Отч. И. А. Х.“), и 1844, кн. 7-а, отд. VI (VII), с. 27 (о рис. и эскиз. въ

Арзамас. школѣ).—„Отчеты И. А. Х.“: 1830—81, 20; 1836—37, 13; 1836—37, 15; 1837—38, 530 (въ „Худож. Газ.“); 1839—40, 15; 1842—43, 20; 1844—45, 15; 1845—46, 15; 1846—47, 21 (все о рис. мундировъ, а также стѣлъ и фарфор. предметахъ); 1847—48, 30 (+)—„Указатель наход. въ Акад. произведеній“, изд. Е. Фишера, 1842, подъ буквой И.—А. Н. Андреева, „Живонисъ и живописца“, 1857, с. 546.—А. Новицкаго, „Худож. Галлерей Моск. Публ. и Румянц. Музей“, 1869, с. 160.—Д. Ровинскаго „Русск. Нар. Карт.“, 1881, и „Подробный Словарь русск. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав.

Ивановъ, Иванъ Григорьевичъ, архитекторъ. Род. 1831, ум. послѣ 1886. Воспитанникъ Строит. Училища съ 1 февр. 1843 по 24 июня 1852 на счетъ суммъ Гл. Управл. Пут. Сообщ., онъ былъ выдуч. отсюда съ званіемъ губ. секр. и назначенъ въ Минскую губ. строит. и дорожн. Коммиссію, сначала—помощникомъ начальника искусств. стола (28 іюля 1852), потомъ—производителемъ работъ (1857), по преобразованіи же этой комиссіи—мл. инженеромъ (1865).

Служа тамъ, онъ наблюдалъ, кромѣ устройства водопровода по 2 улицамъ въ Минскѣ, еще за постройками: собора въ Борисовѣ и дерев. церкви въ с. Песочномъ, а также—за перестройками: камен. церкви въ Новогрудкѣ, ватолич. монастыря въ Минскѣ—въ православный и костела въ с. Юрвичахъ, Рѣжицкаго у.—въ православную церковь.

Определенный черезъ 3 года архитекторомъ Щучинскаго у., Ломжинской губ., И—въ былъ съ 1874 Костромскимъ губ. архитекторомъ, а въ 1886 вышелъ по болѣзни въ отставку, и вскорѣ затѣмъ скончался.

См. Г. В. Барановскаго „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—12“, I, 131, и, служ. ему доволн., рукоп. зам. П. Н. Петрова.

Ивановъ, Иванъ Ивановичъ (?), граверъ (?) Род. 20 окт. 1791, ум. 18. г. Сынъ поручика Ивана Матв. Иванова, онъ былъ принятъ въ Акад. Худож., уже по смерти отца, — 6 окт. 1802 и, будучи въ 3-мъ возрастѣ, получ. за рис. съ нат. 2-ю серебр. мед.—28-го авг. 1809 (выд. 1 сент.) и, въ 4-мъ возрастѣ, 1-ю — 7 мая 1810 (выд. 1 сент.), въ февр. же 1812 наход. въ числѣ бывшихъ при Акад. пенсионеровъ по гравированію. Быть можетъ, ему и принадлежать вѣкот. гравюры съ подл.: „И. Ивановъ“ (ср. выше: Ивановъ, Иванъ Алексѣевичъ).

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 30/1802 и „Сбор-

1) Другой Ивановъ, Иванъ Александровичъ, сынъ церк. сторожа, наход. въ маѣ 1801 г. въ 1-мъ возрастѣ академич. учениковъ (см. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 19/1801).

никъ матер. для исторіи И. А. Х. ... П. Н. Петрова, I, 430 и 566. 535 и 538. 545 и 543; II, 14.

Ивановъ, Иванъ, живописецъ. Род. 1824, ум. 1 апр. 1869 въ СПб. (погреб. на Волковомъ кладбищѣ). Ученикъ проф. М. Н. Воробьева въ Акад. Худож., онъ получ. за свои „пейзажи съ нат.“—серебр. медали: 2-ю—27 сент. 1844 и 1-ю—13 нояб. 1845; затѣмъ выставялъ въ 1846, въ Акад., свои пейзажи и картины подъ загл.: „Утро“, „Озеро“, „Рыбаки“, „Изба“, „Солдатъ съ крестьянкой и Овцы“, „Группа деревьевъ у ручья“, „Озеро при лучномъ освѣщеніи“, „Озеро при дневномъ свѣтѣ“, „Домашнія животныя“ (все они были „хороши“, въ нихъ было „весьма много основ. достоинства“—по отзыву соврем. критики); наконецъ, 4 апр. 1847 ему задано было, въ видѣ прогн. на 2-ю зол. мед., написать „пейзажъ по собств. выбору мѣста, съ тѣмъ, чтобы одна часть была видна сквозь дождь, другая же освѣщена солнцемъ“, а 26 сент. того же года онъ (будучи въ чинѣ тит. сов.) заслужилъ за свой „пейзажъ съ нат.“ особ. похвалу.—Быть можетъ, ему же принадлеж. бывшія на Акад. выставкахъ картинки съ именемъ (некл.) худ. Иванова: „Два мордовки, продающія грибы и ягода“—въ 1849 и „Голова старушки съ нат.“—въ 1850.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, подъ ред. П. Н. Петрова, III, 23. 43. 74. 79, и рукоп. зам. его же.—„Указат. выст. въ И. А. Х.“: 1846, стр. 6, нояб. 2, а также: 1849, № 119, и 1850, № 23.—„Иллюстр.“ 1846, № 16, с. 244, и № 83, с. 606; 1847, № 40, с. 256.

Ивановъ, Иванъ Максимовичъ, архитекторъ. Род. 1784, ум. 25 нояб. 1829. Изъ мастеровъ дѣтей, вступ. на службу въ черешную Гофъ-Интенд. Канторы 13 янв. 1801 н, находясь въ командѣ арх. Пав. Писцова, произвед. былъ въ колл. регистр.—31 дек. 1813, въ губ. секрет.—въ 1818, въ кол. секрет.—въ 1821 и въ тит. сов.—въ 1825; кромѣ единовремен. награды за усерд. службу, получалъ еще, по Высочайшемъ повелѣніямъ, особыя—за труды по устройству иллюминацій въ Петергофѣ въ 1814, 1817, 1822—23 и 1825 гг.; по смерти оставилъ трехъ сыновей: Александра (15 л.), Василія (12 л.) и Якова (9 л.).

См. формуляры въ Общемъ Архивѣ М. И. Д.: оп. 122/556, д. 18, с. 5 (1813 г.); д. 22, с. 198 (1817 г.); д. 24, с. 143; 25, с. 29 и 37 (1818 г.); д. 29, с. 115 (1819 г.); д. 31, с. 143 (1820 г.); д. 32, с. 128 (1821 г.); д. 85, с. 125, и д. 86, с. 139 (1825 г.); д. 37, с. 135 (1827 г.); д. 28, с. 112—4; д. 33, с. 133; д. 39, с. 119 (1829 г.).

Ивановъ, Иванъ Николаевичъ, декораторъ при Имп. Моск. театрахъ. Род...., ум. 18 нояб. 1854 въ Петербургѣ, куда переѣхалъ незадолго передъ тѣмъ. Прослуживъ 20 лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку и получалъ, по Высоч. повелѣнію отъ 15 апр. 1835,—пенсію въ 2400 р. асс. въ годъ.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Кабин.: 1863, оп. 265/1, № 24.

Ивановъ, Иванъ Семеновичъ, живописецъ. Род. 1811, ум. 25 февр. 1853 въ Новгородѣ н погреб. на Петровскомъ кладбищѣ, гдѣ и отецъ его, тоже живописецъ.

Изъ рукоп. зам. П. Н. Петрова.

Ивановъ, Иванъ Юдинъ, рѣзчикъ. Род. 1793, † 25 сент. 1851. Изъ незаконнорожд., онъ былъ припис. по Высоч. указу, къ Имп. Фарфор. Заводу навсегда, въ мастерские,—21 окт. 1811; состоялъ ученикомъ рѣзнаго искусства—съ 1819, подмастерьемъ—съ 16 янв. 1836, мастеромъ—съ 1 апр. 1838; получ. задѣльной платы по 300 р. въ годъ; по слабости здоровья, въ продолж. службы былъ неспособ., а потому увол. съ пенс. по 120 р. въ годъ (1843).

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Кабин.: 1843, оп. 442/1599, № 20, лл. 8 об. и 46.

Ивановъ, Илья, архитекторъ. Род. 1776, ум. Изъ садовническихъ дѣтей, вступ. на службу въ Гофъ-Интендант. Кантору, въ Моск. команду, ученикомъ 8 июня 1796; наход. на службѣ еще въ 1811.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 122/556, д. 6, с. 185; д. 7, с. 15; д. 8, с. 7 и 191 (1796—99), и оп. 382/815, д. 1, с. 38 об. (формул.).

Ивановъ (Ревельской), Илья Никитичъ, живописецъ. Род. 1782†, ум. Гынъ старшаго ученика, онъ былъ опредѣленъ въ 1800 (нояб. 28) въ живоп. команду къ маст. Ѳеодору Данилову, а въ 1803—19 наход. въ командѣ живоп. маст. Шербакова.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 382/815, д. 1, с. 261, 273, 277, и оп. 122/556, д. 11, с. 3; д. 13, с. 25 и 121; д. 16, с. 27 и 94; д. 18, с. 9 и 92; д. 21, с. 7 и 119; д. 27, с. 9; д. 30, с. 2 (формуляры 1803—19 г.).

Ивановъ, Илья Степановичъ, рисовальщикъ и литографъ въ Псковѣ. Род. 1792 (3), умъ въ половинѣ февраля 1845 г., 52—53 лѣтъ, отъ гнилой горячки. Состоя 33 года по Межев. вѣдомству, въ томъ числѣ 12 лѣтъ—губ. землебрѣмъ, онъ подъ конецъ совсѣмъ ослабилъ себѣ арбѣне утомит. чертежными работами, но, имѣя собств. литографію, издавалъ въ 1837—39 гг.—2 театр. „Галлерей видовъ Пскова и его окрестностей“, съ объяснит. текстомъ, и былъ награжденъ за

нихъ брильянт. перстнемъ, а въ 1838 г. выдалъ въ свѣтъ „Атласъ Псковской губ.“, въ б. л.; въ качествѣ же члена-корреспондента Статистич. отдѣленія Совѣта Мин. Внутр. Дѣлъ, составилъ въ 1839 записку „о средствахъ улучшенія льнопроизводства“, разсмотрѣнную и одобренную Учен. Комитетомъ Мин. Госуд. Имущ., а въ 1843—проектъ „возстановленія водяного сообщенія между Псковомъ и Ригию или Перновымъ“. Последней работой его были рисункъ подробнаго памятника А. С. Пушкину, но онъ не успѣлъ отлитографировать этотъ видъ.

См. Вѣдом. СПб. Полиціи 1845, № 57, въ фельет. (некрол.).—Синь Отеч. 1837, т. 187, с. 331, и „Библиог. для Чтен.“ 1837, т. 24, отд. vi, с. 68; 1838, т. 27, отд. vi, с. 47; т. 28, отд. vi, с. 72; 1839, т. 33, отд. vi, с. 17 („виды Пскова“), а также Систематич. реестръ „М. Д. Ольхина, № 2887 („Атласъ“) и „Иллюстр.“ 1848, № 9, с. 132—3, 137—9, и № 11, с. 164—5 („виды имѣнія Пушкина“ и гравюры съ Псковскихъ видовъ).

Ивановъ, Илья, архитекторъ. Служа въ Деп. Мин. Нар. Просв. (14-тъ лѣтъ), олъ посѣщальнѣкот. время натурный классъ Акад. Худож., а въ авг. 1833, вслѣд. представленія имъ archit. рисунка собств. работы, ему заданы были „проектъ небольшого великокняж. загороднаго дворца“—на званіе своб. художника, въ которое и былъ введ. 30 сент., съ выдачей аттестата въ окт. См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 143/1838.

Ивановъ, Илья (Илюха), серебряникъ при Моск. Оруж. Палатѣ XVII в. Золотилъ 21 іюля 1613, вмѣстѣ съ Назар. Родіоновымъ и 15-ю товарищ., 45-тъ рублей къ Государю на верхъ. См. А. Викторова „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, I, 63 (изъ расх. кн. Ор. Пал. за № 65/889).

Ивановъ, Ипполитъ Ив. живописецъ. Род. 1811. Принятый осенью 1821 г. въ Акад. Худож., въ воспитанниковъ СПб. Воспитат. Дома, для усовершенствованія въ живописномъ художествѣ, по утвержденному имп. Маріей Θεодоровной всеподд. докладу Опеж. Совѣта, онъ былъ, за неспособностью, вовсе уволенъ отсюда съ аттестат. 3-й степ., вмѣстѣ съ выпущенными, по окончаніи курса, учениками 4 возраста, — 16 сент. 1824. Прослуживъ вѣтъ 7 лѣтъ преподавателемъ рисов. при Александровской Мануфактурѣ, онъ получилъ 7 марта 1835, по прошенію, свидѣтельство на званіе рисов. учителя въ гимназіяхъ и проч. средннхъ учебн. заведеніяхъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 47/1821, 35/1824, и 109/1835, и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, II. Н. Петрова, II, 190 и 196.

Ивановъ, Карлъ, живописецъ XVII в. въ Москвѣ,—собств. Золотаревъ, см. это имя.

Ивановъ, Кирилъ, иконописецъ (изуграфъ) Московскій XVII в. Писалъ въ 1642, вмѣстѣ съ Тимоф. Тимофеевымъ, икону св. Николая Чудотворца „въ чудесахъ“—въ церковь Никольскую „что въ Галеѣ“ въ г. Владимірѣ, по общанію Ѳед. Петр. Масленикова; въ 1650, состоя кормов. иконописцемъ средней статьи, былъ у письма въ Саввинскомъ мон., а въ 1652—въ Архангельскомъ соб.; вѣтъ въ 1656—57, съ 4-мя товарищ., равно какъ: Ѳед. Елизаровъ съ 8 товарищ. и жалов. иконописцы Степ. Рязанецъ, Сим. Ѳед. Ушаковъ и Ѳед. Ковловъ, заним. раскраской „стѣннымъ письмомъ“ спальной комнаты и надъ нею подлѣтъ; наконецъ, въ 1690—96 г. Кирилъ Ивановъ члплся въ иконоп. ученикахъ, но б. м.—другой.

См. іер. Гоасафа „Историч. описаніе Владимірскихъ достопамятностей“, 1857, с. 117. — И. Задълнна „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 13, и Д. Ровинскаго „Исторію русс. школь иконоп.“, 149 (подъ именемъ Кириа И—ва). — А. Викторова „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 428—9 и 454—5 (изъ праж. расх. кн. Оруж. Пал. за №№ 946/827 и 947/1003, 965/271 и 967/457).

Ивановъ, Кирилъ, серебряникъ при Моск. Оруж. Палатѣ. Родомъ Новгородецъ, онъ дѣлалъ въ 1653 оклады въ Моск. Успенскій соб. См. И. Задълнна „О металлч. производствѣ въ Россіи“, 118.

Ивановъ, Кондратій, рѣзчикъ, пунсончикъ и наводчикъ при Моск. типогр. XVII в., † передъ 23 окт. 1628 (когда женѣ его выдано было „Государ. жалов. на поминъ—10 р.“). Въ первый разъ имя его упом. въ док.ум. Оруж. Палаты подъ 12 апр. 1614, когда онъ получ. Государева жалов.—4 арш. сукна; такимъ же сумномъ пожалов. его Государь и 24 мая 1616,—оба раза въ качествѣ „Оружейнаго приказа мастера, рѣзца и наводчика“.—При переводѣ типографн въ 1620 изъ Кремл. дворца на старшій Печатный дворъ, онъ былъ уже мастеромъ печатнаго дѣла и управлялъ двумя типограф. станками, имъ же введенными, получаа денежнаго жалов. сначала по 20 р., а съ 1621—по 30 р., и хлѣбнаго за 40 кофтей (считая 15 алт. за юфть)—по 18 р. въ годъ, да поденнаго корму—по 1 р. въ мѣсяцъ. Онъ сдѣлалъ въ 1620 къ печатному книжному дѣлу двѣ формы: „летью да бойчу“. Памятниками его „художества и трудовъ“ являются также двѣ печ. книги, въ 1.: „Трѣдъ Цвѣтная“, въ 269+372 лист., нач. 1620 марта 25 и оконч. 1621 авг. 13,

и „Апостолъ“, въ 16+312 лист., нач. 1622 мая 19 и оконч. 1623 янв. 25, съ рѣз. на деревѣ изображ. еванг. Луки. Устроенныя имъ двѣ каткопеч. азбуки долго потомъ употреблялись въ Моск. печати, именно: полууставная, которою напеч., между прочимъ, двѣ помин. книги, и уставная крупная, сдѣланная для Евангелія на престольнаго 1627, въ л., и за которую онъ получ. въ награду 10 р. Для этого Евангелія, на 351+144 лист., нач. 1625 апр. 23 и оконч. 1627 мар. 19, имъ вырѣз. были оброчно: прописныя слова, заставки и лицев. изображенія 4-хъ Евангелистовъ, повторявшіяся потомъ неоднократно въ последующихъ издаваніяхъ,—подслѣвія по рис. Прок. Чирна.

См. *А. Викторова*, Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ. ч. I, 106 (изъ расх. кн. Арх. Оруж. Пал. за № 199/717). — *П. Стрובה*, Описание старопеч. книгъ славян. служ. дополи. къ описанію библиот. гр. Тогого и Царскаго“, М. 1841, с. 245 (изъ такой же расх. кн. за № 903, л. 123 об.) и 50—51 (№ 25), и „Описание... книгъ...“, наход. въ библ. И. Н. Царскаго“, М. 1836, с. 83—84 (№ 66). — *И. Сахарова*, Обзорные русс. археологіи“, 1851, с. 33, и *И. Забѣлина*, „О металл. производ. въ Россіи“, 118.—„Древности“, II, 5. 26 и 28, прим. 27 и 41; IV, Матер. для Археолог. Слов., II.—*В. Румянцова*, Свѣдѣнія о гравиров. и граверахъ при Моск. Печ. Дворѣ въ XVI и XVII ст., М. 1870, въ отд. изд. и въ изд. *Д. Ровинскаго* „Русс. гравера“, подъ № А, 3 (изъ расх. кн. Печат. Прик. № 1, л. 98 об.—106; № 2, л. 21 об.; № 3, л. 281 и 301; № 4, л. 124; № 5, л. 225 об. и 120; № 6, л. 1 об.; № 7, л. 96).

Ивановъ, Константинъ Гавриловичъ, архитекторъ. Род. 1854. Воспитаникъ училищ.: Харьк. реальнаго и СПб. Строительнаго (1880—85), онъ занялся, по выходѣ изъ послѣдняго гражд. инженеромъ съ правомъ на чинъ X кл.,—част. работами, прежде всего осуществіемъ, посред. дренажа, кораб. верфи Журавлева въ Рыбинскѣ, а затѣмъ служилъ съ дек. 1885—городскимъ архитекторомъ въ Бердичевѣ (гдѣ имъ построены, кромѣ 10-ти 2-хъ-эт. кам. домовъ для равныхъ лицъ и 7-ми тапихъ же особняковъ, 2-хъ дерев. особняковъ и 3-хъ дачъ, еще кам. зданія: для помѣщенія обществ. библиотеки, торгов. рядовъ Дехтеревского и Бродецкаго, торгов. бань, сущиленъ на кожев. заводахъ Кобылянскаго и Шленкера, магазиновъ при кожев. заводѣ Вурка, табачной фабрики Кадера и Гривинера, почты и телеграфа съ магазинами, и деревянными: для склада муки, Обильныхъ и кожев. заводовъ Гольдмана и др.); наконецъ, съ 1891—архитекторомъ при унив. св. Владиміра въ Кіевѣ (гдѣ имъ произвед. дост-

ройка 3 эт. кам. корпуса химич. лабораторіи и надстройка 2 эт. зданія клиники, не считая занятій въ управленіи постройки Новоселицкихъ вѣтвей юго-зап. ж. д.).

См. *Г. В. Барановскаго*, „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 132.

Ивановъ, Константинъ Кириловичъ¹⁾, живописецъ. Род. 15 сент. 1832 въ с. Сластухѣ, Атнарскаго у., Саратовской губ. Сынъ канцеляриста и ученикъ Имп. Акад. Худож., онъ получилъ серебр. медали: двѣ 2-го дост.—4 мая 1857 за рис. съ нат. п 28 сент.—за живоп. съ нат. и одну 1-го—23 дек. 1859, тоже за этюдъ съ нат., а затѣмъ, какъ награжд. тремя медалями, удостоенъ былъ 8 мая 1861, вслѣдъ прошенія,—званія художника по историч. живоп. съ правомъ на чинъ 14 кл., съ утвержд. въ Общемъ Собраніи 18 сент.—На Акад. выст. 1864 наход. „Портретъ матери художника“, раб. Конст. Викт. (?) Иванова.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 8/И и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. И. Петрова*, III, 285. 293. 349. 372, а также „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1864, III, 24.

Ивановъ, Константинъ Матвѣевичъ, живописецъ. Род. 19 сент. 1859 въ СПб. Сынъ колл. секр., служившаго въ СПб. Сохрп. Капит., онъ поступ. въ ученики А. Х. въ сент. 1874, оконч. курсъ въ янв. 1880, получ. 2 мал. серебр. медали и 1 большую за сочи. „декорацій“ и удост. званія кл. художника 3 ст.—31 окт. 1884. См. въ Архивѣ И. А. Х., дѣло 114/1874.

Ивановъ, Лаврентій, архитекторъ. Род. 1803 г., ум. 18.. г. Изъ маршайдерскихъ учениковъ Нерчинскихъ горныхъ заводовъ, онъ, будучи присланъ съ караваномъ золота въ 1820, не могъ быть включенъ въ число казенныхъ воспитанниковъ Имп. Акад. Худож., имѣя отъ роду 17 лѣтъ, но былъ помѣщенъ 21 мая въ число оставленныхъ при Акад., для усовершенствованія въ художествахъ,—съ цѣлью обученія рисованію и архитектурѣ на счетъ Кабинета Его Величества. На запросъ послѣдняго въ юлѣ 1825 г.: „пріобрѣлъ ли Ивановъ столько познаній въ архитектурѣ, чтобъ заниматься оюю на практикѣ“, Акад. увѣдомила, что „отданный для обученія архитектурѣ и рисованію Лавр. Ивановъ оказалъ и въ томъ, и въ дру-

¹⁾ Другой Ивановъ, Константинъ Николаевичъ, сынъ проживавшаго у княз. Е. П. Вагратионъ дворов. челоѣка А. Г. Попова, род. 21 мая 1834, въ с. Горбуновѣ, Дмитровскаго у., Московской губ., и поступ. въ А. Х. въ 1864; см. дѣло 11/И въ ея Архивѣ.

гомъ хорошіе успѣхи, но по части архитектуры практикою, безъ руководства, еще не можетъ заниматься, ибо еще не совсѣмъ кончилъ курсъ ученія, на который положенъ 6-тилѣтній срокъ, а онъ обучается сему художеству тожко 5 лѣтъ; впрочемъ уже началъ заниматься практикою и, судя по его способности, можно ожидать, что вскорѣ окажетъ желаемые успѣхи и въ семь отношеніи". Наконецъ, удостоенный за выказанныя въ композиціяхъ (въ томъ числѣ и въ „проектъ кад. корпуса на 1500 чело.“) отличные успѣхи по части архитектуры: 2-й, а потомъ и 1-й серебр. медали (16 сент. 1824 и 2 мая 1825), онъ хотъ и заслуживалъ бы на этомъ основаніи аттестата 1-й степ., съ званіемъ художника 14 кл. и прочими правами, получалъ однако 12 іюля 1827, по требованію Кабинета, лишь свидѣтельство о поведеніи и успѣхахъ для опредѣленія его на службу при Чернискихъ заводахъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 22-1820, 35/1825, 52/1827, а также 29/1823, 37/1824, 46/1826, и „Сборникъ матер. для истор. И. А. Х.“ ...
И. Н. Петрова, II, 187, 191, 196, 207.

Ивановъ, Лазарь, иконописецъ царскій въ Москвѣ XVII в. Упом. съ 1671; въ 1679 писалъ и золотилъ, съ товарищ., гладкіе дерев. иконостасы въ церкви: соборную Покрова Богородицы и придворную Всѣхъ Святыхъ и св. Иоасафа царевича въ с. Измайловѣ близъ Москвы, а въ 1684 написалъ, по царскому указу, свѣтила небесныя на потолкахъ въ Госуд. Посольскомъ приказѣ въ Москвѣ.

См. *Д. Ровинскаго* „Подробный Словарь русск. гравиров. портретовъ“, 1869, алфав. — *Мартынова* и *Снегирева* „Русск. Старину“, изд. 2-е, годъ 4-й, с. 110—111, и *И. Снегирева* „Памятники Моск. древности“, LXVII — „Древности“, II, 21.

Ивановъ, Левъ, архитекторъ. Принятый въ Акад. Худож. въ 1809, онъ, находясь въ 4 возраста, получ. за архитект. композиціи двѣ серебр. медали 2 дост. — 1 мая 1820 и 29 апр. 1822.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“,
И. Н. Петрова, I, 568 (№ 48); II, 148, 167.

Ивановъ (Чулковъ?), Леонтій, живописный ученикъ при Моск. Оруж. Палатѣ. Росписыв. въ 1679—80 Книгохранг. и Правильную палаты Печ. двора, и участвов. въ 1684—85, вмѣстѣ съ друг. живописцами и учениками, подъ наблюд. Ив. Безмяна, въ раскраскѣ „стѣннымъ живописнымъ письмомъ“ вновь выстр. камен. и дерев. хоромъ цар. Натальи Кирилловны и царевнѣ.

См. „Древности“, II, 15, 21. 35—36 (прим. 83, 84, 88, 91, 92); на основ. расх. кн. 1680,

л. 395—8), съ образ. стѣноп. (какъ единств. примѣръ отдѣлки гражд. зданія XVII в.) — *Д. Викторова* „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 451 (изъ прих. расх. кн. Арх. Оруж. Пал. за № 963/263, л. 36).

Ивановъ, Логиновъ, серебряникъ при Моск. Оруж. Палатѣ въ 1675.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 119 (упом.).

Ивановъ, Лука, иконописецъ XVII в. Приним. участіе въ 1684, вмѣстѣ съ Ярославскими кормов. и Троицкими дозов. иконописцами, въ стѣнописи ц. Успенія въ Троице-Серг. Лаврѣ, а въ 1702 (окт. 18) чухлонцы: иконописецъ Лука Ивановъ, да посад. челоуѣвъ Мар. Ивановъ, оба съ женами и дѣтми, были сосланы на вѣчное житіе въ Азовъ за воровство, „что подписывали на простой бумагѣ воровскіе гербы и ту бумагу продавали воровски“.

См. Архим. *Леонида* „Надпись Тр.-Серг. Лавры, № 11 (въ III т. „Зап. отд. русск. и слав. археол. И. А. О.“, 1862). — *Д. Викторова* „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 475 (изъ дѣлъ и докум. Оруж. Пал. за № 987/469, л. 232).

Ивановъ, Любимъ, иконописецъ въ Москвѣ XVII в. Писалъ въ 1665 иконы во дворѣ къ Н. И. Романову, а въ 1666 былъ у письма въ ц. Спаса и въ Арханг. соборѣ.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русск. иконоп.“, 55 и 67 — 8, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русск. школь иконоп.“, 149. — У *И. Снегирева* въ „Памятникахъ Моск. древности“, LXVI, онъ лишь упом.

Ивановъ, Маваръ, серебряникъ Моск. Оруж. Палаты 1653. Дѣлалъ оклады въ Успенскій соб. См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 118.

Ивановъ, Макарій, иконописецъ Костромскаго Ипат. мон. 1684. Участвов. въ роспис. тамошняго собора, какъ свидѣтельствуеетъ сохр. надпись на стѣнахъ.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русск. школь иконоп.“, 149. — *Островскаго* „Описание Костром. Ипат. мон.“, 1870, с. 186 и сл.

Ивановъ, Максимъ, иконописецъ 2-й полов. XVII в. Написалъ, какъ видно изъ его подписи, изображ. Михаила Арханг. на стѣв. алтарной двери въ ц. Воскресенія Христова, что въ Кадашевѣ въ Москвѣ.

См. „Русск. Стар.“ *Мартынова* и *Снегирева*, изд. 2-е, годъ 4-й, с. 12—13.

Ивановъ, Максимъ, дѣшникъ. Род. 1757. Поступ. на службу въ Контору Строенія въ 1774, былъ ученикомъ шугат. дѣла у Грп. Волкова въ 1791. См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 122/556, л. 5, с. 18 об.

Ивановъ, Маркушъ, иконописецъ 1643. Писалъ, авг. 14, на слодов. дверяхъ въ Москв. Успенской церкви—травы, „которыя почерчены были“.

См. *А. Викторова* „Описание запис. книги и бумага стар. Дворц. приказ.“, II, 418 (изъ кн. Ор. Пал. за № 944/973, л. 663 и сл.).

Ивановъ, Матвѣй, иконописецъ 1644. Родомъ Ярославецъ, былъ пожалованъ за роспис. Успенскаго соб. въ Москвѣ.

См. *И. Забылина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 9, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школы иконопис.“, 149.

Ивановъ (собств. Серебряковъ?), Михаилъ, живописецъ на финифти. Род. въ пояб. 1724, ум. 5 марта 1803 (78-ми лѣтъ).

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Михаилъ, граверъ 1729 г. въ СПб. Былъ, въ августѣ, единств. русс. ученикомъ по рисов. у мастера „тридоровальщика разныхъ маперовъ литеръ, прощпектовъ и кунштотвъ“ Упферцахта.

См. „Матер. для исторіи И. А. Н.“ I, 538.

Ивановъ, Михаилъ Андреевичъ ¹⁾, или Аванасевичъ ²⁾, граверъ. Род. 1781 (т. к. въ 1802 ему былъ 21 г.), ум. 12 іюля 1839, въ отставку послѣ службы въ Госуд. Библиотекѣ (съ 1812). Воспитанникъ А. Х., онъ, по полученіи за рис. съ нат.—2-й и 1-й серебр. медалей — 31 авг. 1801 и 28 авг. 1802 (выд. были ему 11 дек.) и, пакоонецъ, аттестата 1-й ст. со шнагой и званіемъ художника 14 кл. — 1 сент. 1803, былъ оставленъ при Акад., въ числѣ другихъ, „для пріобрѣтенія вѣщихъ успѣховъ не яко уже ученикъ, а какъ художникъ“, и работалъ подѣ наблюд. Клаубера. Подѣ смотр. М. И.—ва были ретуширов. въ 1806 отданныя для храненія въ Акад. библиотеку доски 4-хъ видовъ Павловска, гравиров. Ухтомскимъ (3) и Галактионовымъ (1). Ему принадлеж. гравюры: 1) „Диогенъ и Александръ“ съ карт. П. П. Рубенса, въ б. л.; 2) 25-ть очерковъ съ картинъ для изд. „Collection d'estampes d'après quelques tableaux de la galerie de S. E. M-r le Comte A. Stroganoff“, St. Ptg, 1807 (и 1835), f^o (со стат. Тассард „Минерва въ видѣ Екатерины II“— по рис. О. Кириенскаго; съ картинъ: 4—6. А. дель-Сарто, А. Бронзино и В. да Карофало, изображ. „Св. Семейство“,—по рис. Е. Скотинкова; 8. Домин. Фети „Сельск. жизнь“ — по собств. рис.; 9. эск. А. Корреджо „Ночь“, 17.

¹⁾ По рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

²⁾ По „Росписи“ *Смирдина*, 1828, алфав., стр. ххviii, № 5653.

Юл. Цез. Прокачини „Б. М. съ млад. Исусомъ и св. Иоанномъ“, 18. Бартол. Скидоне „Св. Семейство“, 19. Гв. Рени „Христосъ на горѣ Элеонской“, 20. Фр. Альбани „Вѣгство въ Египетъ“, 21. К. Чивьяни „Плодородіе“, 22. П. П. Рубенса „Собств. портретъ съ сынкомъ“ — все по рис. Е. Скотинкова; 36. Бартол. фант-дербъ Гельста „Мужской портретъ“—по рис. А. Егорова; 37. Г. де ла Нотте „Урокъ пѣвца“ — по рис. Е. Скотинкова; 38. Рембрандта ваят Рина „Философъ въ раздуміи“ — по собств. рис.; 39. его же „Портретъ юности въ костюмѣ св. Франциска“ — по рис. А. Егорова; 40. Гольбейна „Портр. Эразма Роттердамскаго“, 43. Фр. Шампана „Портр. кардин. Ришелье, 54—55. Г. Нечера „Турокъ у окна“ и „Плясчикъ у окна“— все по рис. Е. Карпѣва; 58. Анр. ванъ деръ Верфа „Noli me tangere“, 63. Ник. Пуссена „Св. Семейство“, 64. Э. Лесюера „Св. Цецилія“— все по рис. Е. Скотинкова; со скульптуръ: 70. мед. гр. Строганова съ А. Леберехта и 72. греч. саркофагъ—оба по рис. Е. Карпѣва; 3) „11 portraits nationales de Nukativa“, по собств. рис. 1807 г., — къ „Путеш.“ Крузенштерна, 1812, 4°; 4) з. л. съ изображ. „Истинны“, по рис. А. Шустова,—къ „Васнямъ“ И. Дмитриева, СПб. 1810, 8°; 5)—7) портреты: ген.-ад. гр. Орлова и г.-м. Войска Донскаго Илювайскаго IV, оба въ изд. Вас. Логина въ Москвѣ, и ген.-лейт., начальника гл. штаба 5-й дѣйстви. арміи, И. В. Сабанѣва (1814); 8) з. л., по рис. А. Шустова же, къ изд. „Святославъ, вышиски изъ древнихъ русс. лѣтописей и визант. историковъ съ 946 по 972 г.“, СПб. 1813, въ л.; 9) двѣ вшивет. къ стих. Жуковского „Пѣвецъ въ станѣ русс. воиновъ“, СПб. 1813, 8°; 10) фронтисписъ съ стат. Мемнова, по рис. И. Иванова,—къ I ч. „Стих.“ Жуковского, 1815, 8°; 11) три з. л.: двѣ музык. двѣ музыканта и уснувшій пѣвецъ, по рис. И. Иванова же,—къ 3 част. „Сочин.“ Жуковского, 1817, 8°; 12) 4-е грав.: з. л. съ сфинксомъ, фронтисписъ съ изображ. Мудрости и стат. Истинн, „Осезъ и Соловей“ и „Демьянова уха“, по рис. того же И. Иванова,—къ „Васнямъ“ Крылова, 1815, 8°; 13) з. л. съ изображ. Минервы на пушкѣ у бер. моря, по рис. К. Зейделя,— для „Изъясненія принадлежностей къ вооруж. корабля“, А. Глотова, 1816, 4°; 14) карт. съ изображ. летящей къ храму, надъ водою, Славы съ вѣнкомъ и свиткомъ въ рукахъ, гдѣ напис. имена: Минина, Пожарскаго, Сусанина и Палицына,—къ „Историч. воспомин. о нашествіяхъ на Россію“, А. Оленина, 1816, 4°; 15) з. л. съ изображ. памят.

Хемпшеру—къго, „Баснямъ“ 1820, 8°; 16) вишет., по рис. И. Иванова,—къ „Руслану и Людмилѣ“ Пушкина, 1820, 8°; 17) 3 грав. съ изображ. „Амура, натягив. лукъ“, по рис. Богучарова и Камескаго, — къ „Новому омыту о придѣлкахъ къ древ. статуямъ“, А. Оленина, 1820, въ л.; 18) изображ. Ермака (оконч. послѣ Богучарова), по рис. К. Брюло, — къ 1 ч. „Лѣтописи Сибирской“, изд. Спасскаго, 1821, 8°; 19) карт. „Дѣло при р. Калалахъ 1774 г.“ и др.—къ изд. „Жизнь и подвиги гр. Платова“, Н. Смирнова, М. 1821, 8°; 20) 2 вишет., изображ. Фантазю и Поззію, по рис. И. Иванова,—къ „Стих.“ А. Востокова, СПб. 1821, 8°; 21) вишет. съ 3 купидонами, изъ которыхъ двое съ нотами (въ 1у наниѣ Уткина въ Эрмит.); 22) „Росс. прописи чистоснаия, пис. Томашиевскимъ“, 1822, въ л.; 23) фронтоны и метоны Пареенова (оконч. послѣ Богучарова и Федорова), по рис. Брюло, — для одного изъ изданій А. Оленина (?); 24) 7-мь грав. въ контур. з. л. I—III. „Планъ храма Минервы, назван. Парееновъ“, „Фасадъ и метоны“ и „Метоны“— по рис. Н. Ефимова и П. Михайлова, „Мученіе св. ап. Петра“—съ М. А. Каравака (sic), „Душенька“ — по рис. гр. О. Толстого, стат. Гальберга „Ахиллесъ“ и Крылова „Гекторъ“— по рис. Н. Тверскаго и М. Крылова,—къ „Журналу Ияц. Искусствъ“, В. Григоровича, СПб. 1823—25, 4°; 25) вишет. „Ермакъ и Мегметъ-Куль“, по рис. И. Иванова,—къ „Поляр. Звѣздѣ“, 1824, 16°; 26) 7-мь вишет.: „Поликсена“ (2), „Дмитрій Довской“ (1), „Фингалъ“ (2), „Эдипъ въ Афинахъ“ (?), по рис. И. Иванова же,—къ „Сочин.“ В. Оверова, 1828, 8°; 27) портр. Н. М. Карамзина въ „Альбомъ Сѣв. Музъ“, 1828, 16°; 28) вишет., по рис. А. Нотбека,—въ „Невскій Альманахъ“, 1829, 16°; 29) карт. съ изображ. воина, сид. у жертвенника, по рис. А. Меркулова,—къ „Досуамъ Марса“, 1834, 16°; 30) 20-тъ грав. въ контур.—къ „Мнеолог. галлерей“ Миллена, въ перев. съ франц. М. Кирѣва, 1836; 31) в. л., по рис. И. Иванова,—къ „Разскаванъ моего отца“, И. Пущкарева, 1836, 12°; 32) Памятникъ Ломоносову въ контурѣ — къ предирн. В. И. Григоровича къ под. произведетей Маргоса, 1836—38 гг., въ л.

См. рукон. матер. *И. Н. Петрова* и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *его же*, I, 424, 430, 434, 451—2, 501.—Журн. опред. Совѣта И. А. Х. 1805, л. 74 об., и дѣло въ Архивѣ 69/1812.—*Д. Роинская*, „Похробрный Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1869, алфав. (гдѣ, однако, у него имени поставл. датъ скульпт. М. И. Иванова).

Ивановъ, Михаилъ Ивановичъ, скульпторъ. Род. 1772, ум. 12 сент. 1847 (76-ти л.). Принятый въ Акад. Худож. изъ Воспит. Дома въ 1779, онъ былъ выпущ. оттуда подмастеремъ формов. и оглин. дѣла—21 окт. 1794 съ опредѣленіемъ „для исправленія разныхъ, по знанію своему, работъ“, а 2 мая 1799, по засвидѣтельствванію проф. М. И. Козловскимъ и И. И. Маргосомъ, что „въ разсужденіи прилежности и успѣха его въ формованіи и оглинаніи разныхъ гипсовыхъ штукъ, достоинъ произведенъ быть мастеромъ“, утверждень въ этомъ званіи Академ. Совѣтомъ; затѣмъ, за его рачит. службу, ему увеличено было 16 янив. 1804 жалов. съ 150 до 200 р., а 10 июля 1809 выдано было по 25 к. съ рубля за прод. изъ мастерской въ теченіе 1808 г. гипс. статуи и бюсты съ антиковъ на сумму 672 р. Кромѣ исправленія хранившихся въ А. Х. античныхъ формъ (1804—10), онъ занимался также глѣбою бюстовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, появляясь на Академ. выставкахъ, какъ напр. Державина — по портр. Тончи (1822), Шиллера (1824), или Маріи Феодоровны, графа Строганова, Борнианскаго, Рональда, малолѣт. сына художника (1827), возбуждали похвалы соврем. критикъ. Въ 1827 онъ назнач. былъ въ Госуд. Адмиралт. Коллегію, вмѣсто акад. Соколова; но удаленный почему-то, при вступленіи Оленина въ президентъ, отъ заним. имъ должности смогртеля за дѣловыя статуи, бюстовъ и формъ въ форматор. мастерской И. А. Х., онъ, состоя въ 9 кл., опред. былъ снова, по его прош., завѣдывать и наблюдать за отливкою вещей, съ жалов. по 150 р.—съ 1 сент. 1843.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“ *И. Н. Петрова*, I, 168 (№ 31), 335, 369, 459, 552.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 7/1795, 20/1799, 18/1803, 7/1804, 24/1809, 97/1818, 57/1827, 66/1843, 33/1844, 109/1848 (+), 136/1848, 54/1849, и Президентскія: 35/1818, 32а/1824, 24, 1829.—Отеч. Зал. 1822, XII, 406; 1824, XX, 320; 1827, XXXII, 146.—Журн. Ияц. Искус. 1825, 70—71.—„Сѣв. Пчела“ 1827, № 119.

Ивановъ, Михаилъ Ивановичъ, скульпторъ (квадраторъ). Род. 1810. Изъ военныхъ каваліеровъ Владим. отдѣленія, поступ. на службу 15 сент. 1827.

См. въ Общ. Арх. М. И. Д., оп. 122/556, л. 49, с. 84.

Ивановъ, Михаилъ Ивановичъ, архитекторъ. Воспитанникъ И. А. Х., онъ, находясь въ 3 возрастѣ, отлич. на экзам. въ дек. 1811 г. успѣхами въ наукахъ, а 1 сент. 1813 получ. 2 с. м. за archit. композицію. Выпущенный художникомъ 14 кл.—11 нояб. 1814, онъ былъ

опред. архитекторомъ Исполнит. Экспедиціи Адмиралт. Коллеги—4 янв. 1815, а съ 16 июля 1819 назнач. въ штатъ Тульскаго Оруж. завода, гдѣ служ. еще въ 1830. Отъ жены Вѣры Мих., рожд. Оералонтовой, у него было въ то время два сына: Иванъ (7 л.) и Петръ (5 л.) и 3 дочери.

См. „Сборникъ матер. для истор. И. А. Х.“
...И. Н. Петрова, II, 10. 49, и рукоп. зам. его жсс.

27. Портретъ М. М. Иванова,
раб. Я. И. Васильева. 1818 г. (въ И. А. Х.).

Ивановъ, Михаилъ Матвѣевичъ, живописецъ. Род. 1748 (т. е. по списку отъ 28 дек. 1762 показ. 14-ти лѣтъ); ум. 16 авг. 1823 въ СПб., 75-ти лѣтъ отъ роду, въ чинѣ ст. сов. Сынъ солдата л.-гв. Семеновскаго полка (служившаго съ 1751 г.), онъ, вмѣстѣ съ млад. братомъ Архипомъ, былъ принятъ въ Акад. Худож. 3 авг. 1762, по прошенію, гдѣ прописывалось, что они оба „несовершеннолѣтны, а потому не въ службѣ, но желаютъ служить въ Импер. Университетѣ“, и ходатайствовалось, „дабы именovaných ихъ принять въ науки, въ какія, по рассмотрѣнію, способны явятся“. Отличаясь меньшими успѣхами, чѣмъ его братъ, М. И. былъ назначенъ, по представленію рис. съ академіи на экзам. 18 мая 1764, къ лакирному мастерству, но это, повидимому, такъ и осталось въ проектѣ, а онъ сдѣлался ученикомъ живоп. І. Ф. фонъ Грота. Въ 1769, находясь уже въ 5-мъ возрастѣ и состоя по кл. живописному пейзажей, онъ получ. на экзам. 11 мая—2-ю серебр. мед., а 30 июля 1770, за исполненіе напис. по прогаммѣ картины, изображ.: 1. „оливковое дерево,

на которомъ повѣшаны кирасы, сумы и др. военные знаки съ именованіемъ на оныхъ Ея Вел., а подъ онымъ—нѣсколько военныхъ людей и пастуховъ съ пастушками, играющихъ на инструментахъ и веселящихся, (все вмѣстѣ)—украшенное солнечнымъ сіяніемъ, дѣсомъ, полями и ручьями“, заслуж. 2-ю зол. мед., и тогда же выпущ. съ аттест. на званіе художника; послѣ чего, 18 авг., долженъ былъ отправиться въ качествѣ пенсіонера, вмѣстѣ съ Г. Серебряковымъ и Ив. Акимовымъ, въ Дюссельдорфъ, братъ же его Архипъ—въ Парижъ.

Выйдя изъ Кронштадта 18 авг. и прибывъ въ Амстердамъ 21 сент., М. Ивановъ направился, однако, тоже въ Парижъ, котораго и достигъ 23 окт. Тамъ онъ (судя по рап. отъ 1 дек.) опредѣлился въ ученики къ Лепренсу (Le Prince), бывшему въ Россіи при Елизаветѣ Петровнѣ и познакомившему Зап. Европу съ русс. бытомъ, правда нѣсколько офранцузеннымъ въ его рисункахъ. Какъ видно изъ рап. И—ва отъ 16 марта 1771, онъ „упражняется по совѣту своего мастера и всю зиму будетъ упражняться въ копированіи пейзажей“, изъ рап. же Серебрякова отъ 5 нояб.,—что онъ „съ показаніемъ г. Лепренса дѣлаеть эскизы и производитъ ихъ въ большой видъ, а остатоки для препровождаетъ въ рисованіи съ модели“, затѣмъ, изъ рап. Акимова отъ 2 марта 1772,—что онъ „окончилъ композицію: 2. пастуха съ пастушкою, в. о. возвращающихся съ паствы (рис. наход. въ Моск. гал. Третьякова; см. „Опись“ 1894, № 4), и началъ надѣвать (pendant) къ оной: 3. домашнее упражненіе, ...а вечернее время упражняется въ рисованіи съ моделей у г. Пажу“, далѣе, изъ его же рап. отъ 2 июля,—что онъ „оканчиваетъ начатую имъ композицію, которая изображаетъ: 4. время послѣ полудня, вечернее же время препровождаетъ въ рисованіи съ поставленной природы, и посылаетъ въ И. А. Х. картину его композиціи, представляющую домашнее упражненіе во дворѣ“ („Домнее коровы“, размѣр.: 9×12 в.); наконецъ, изъ рап. отъ 16 нояб.,—что онъ „началъ для И. А. Х. картину, представляющую: время, приближающееся къ полудню“, которая и была послана въ СПб. еще до 15 мая 1773 (какъ можно заключить изъ рап. отъ того числа, см. дѣло 1773, № 64, л. 3, въ Академ. Архивѣ).

Изъ Парижа бр. Ивановы, вмѣстѣ съ Ив. Бѣльченковымъ, отравились 19 июня 1773 въ Римъ, судя по рап. отъ того же числа (см. тамъ же, л. 5) и, какъ видно изъ рап. отъ 7 авг., по приѣздѣ туда, М. И. сталъ рисовать съ нат. пей-

28. Доеенье коровы, карт. М. М. Иванова 1772 г.
(наход. въ Анад. Худом.).

зажи, а 28 сент. положено было Академ. Совѣтомъ послать всѣмъ имъ аттестаты и деньги на возвратный путь въ Россію, отказавъ въ просьбѣ оставить ихъ тамъ до весны. Однако, М. Ивановъ, какъ видно изъ дѣла о пенсіонерахъ 1775 г. (№ 29), счелъ за благо все-таки остаться въ Италіи съ братомъ, оставленнымъ тамъ съ цѣлю исполненія мрам. барельефа „Крещеніе Ольги“, предначавшимся Академіей для поднесенія Императрицѣ.

Черезъ 2½ года, 19 дек. 1775, онъ обратился къ *Alma Mater* съ новой просьбой, гдѣ изъяснялъ, что: „для довершенія начатаго художества, по прошествіи оныхъ, т.-е. назначенныхъ, лѣтъ, чувствовалъ слабость мою, что, возвратясь въ отечество, пользы оному ни мало принести не могу, (и) для сей причины остался въ Италіи, чтобы сдѣлать лучшихъ успѣховъ, теперь же болѣе здѣсь содержать себя не могу и желалъ бы возвратиться въ свое отечество,

но не имѣю способа никакого на оное“, и просилъ перевести ему 200 руб. „для возврата вмѣстѣ съ братомъ сего апрѣля 1776 г., а я по возвратѣ моемъ въ Россію непременно внести оную сумму со всѣмъ ущербомъ, который будетъ отъ переведенія оныхъ денегъ“ (см. тамъ же, л. 45). Несмотря на столь уважит. доводы, Совѣтъ Акад., гѣмъ не менѣе, отказалъ въ этомъ 30 янв. 1776 „за не находяніемъ на таковые расходы по штату никакой суммы“.

Въ томъ же году Рейфенштейнъ, какъ можно видѣть изъ дѣла 1776 г. (№ 27, полул. 10), писалъ 15 іюня, что „М. Ивановъ прибавитъ къ послыжкѣ съ картиною Соколова „Меркурій и Аргусъ“,—5. копію съ Бенедетто Кастильоне и 6. нѣсколько рисунковъ, сдѣланныхъ съ натуры, послѣ того, что онъ послалъ уже, по его словамъ, съ скульптурными произведеніями Архипа Иванова, своего брата, другія копіи (въ томъ числѣ, б. м.,—7. „Видъ моста“ съ Бергема,

размѣр: $10\frac{1}{2} \times 14$ в.) и оригиналъ собств. работы. Т. е. его манера рисовать казалась черезчуръ робкой и неопредѣленной,—добавлялъ Р., то я ему далъ нѣскольکو этюдовъ, рисов. съ натуры перомъ и тушею. бистромъ г-мъ Гагертомъ, который рисуетъ очень умно и отчетливо, — для того, чтобы Ивановъ могъ заимствовать то, что ему нехватаетъ и что ему подойдетъ, а также приобрести болѣе точности въ своихъ контурахъ, и чтобы онъ, тушу свои рисунки бистромъ вмѣсто карандаша, могъ приобрести въ тоже время практику работать кистью⁴. Четыре дня спустя, самъ Ивановъ писалъ 19 июня, какъ видно изъ дѣла 1776 г. (№ 28, л. 56, гдѣ находитъ и рап. Соколова о томъ же): „Я послалъ мою работу въ И. А. Х.—одну копію съ мастера, назыв. Benedetto Castiglione, которая представляетъ тотъ моментъ, когда Гаковъ отправился въ путь съ Рахилью; съ оной же еще послано 8 рис. („руны“), дѣланныхъ съ нат., изъ которыхъ два писаны видными красками; оная же находитъ вмѣстѣ съ работою г. Соколова. При семъ, прибавляя онъ, мнѣ весьма чувствительно, что успѣхи мои не соответствуютъ тому, чего И. А. Х. ожидала отъ меня, за все ея матернее обо мнѣ попеченіе“.

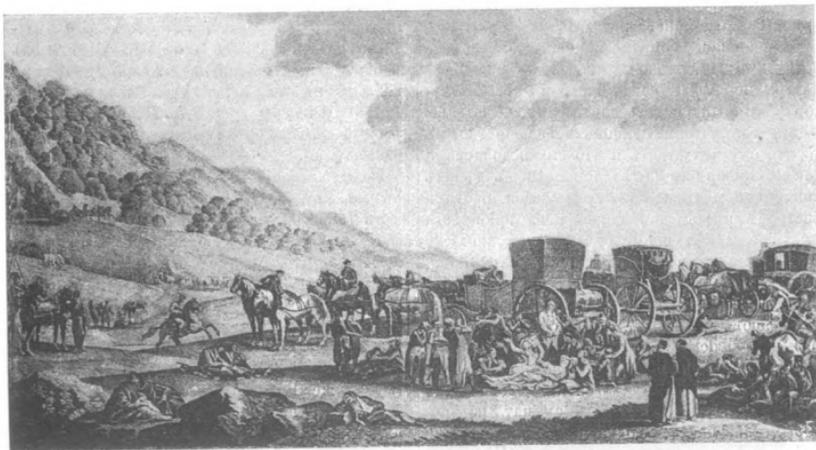
Успѣвъ нарисовать виды Сициліи, Испаніи и Швейцаріи, преимущ. съ изображ. береговъ моря и горъ, М. Ивановъ, по возвращеніи въ Россію, былъ признанъ Акад. Худож. въ публ. собраніи 13 авг. 1779—„назначеннымъ“, на основаніи представл. имъ 8 композицій по живою ландшафтовъ, а 14 янв. 1780 Г. И. Козловъ писалъ конфер.-секрет. Фелькнеру, что „его свѣтлость кн. Г. А. Потемкинъ опредѣляетъ къ себѣ въ штатъ сего письмотелца, т. е. Иванова, и для того требуется въ его канцелярію справка: что подлинно ли онъ назначенъ въ академики“, вслѣд. чего ему тогда же было выдано необход. свидѣтельство съ уломин., что представл. имъ работа возвращ. ему (дѣло 1780, № 28), а 20 іюля 1785, по представл. 9. работъ, онъ былъ произвѣд. въ академики.

Взятый Потемкинскимъ на югъ, съ чиномъ премьеръ-маіора и съ званіемъ квартирмейстера, Ивановъ долженъ былъ изображать, по его указанію, всѣ мѣстности и событія, чѣмъ либо замѣчательныя. Такъ онъ перерисовалъ 10. виды Тавриды, а затѣмъ, находясь, съ открытіемъ третьей Турецкой войны, при г. квартирмейстеръ фельдмаршала, изображалъ 11. виды Дунайскихъ крѣпостей: Измаила и Кали и произвелъ акварелью — громадныя, по сложности плана, 12. изображенія штурма Очакова (6 дек.

1788 г.), въ 2-хъ моментахъ, изъ которыхъ лучшимъ является „подвозъ на судахъ подкрѣпленній осаждающимъ“ (съ его рис.: „Потемкинъ на берегу моря по взятіи Очакова“¹)—гравир. Г. Харитоновъ, а „штурмъ Измаила 11 дек. 1790“ — Шифляръ, см. *Д. Ровинскаго*: „Подробный Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав.).

По одушевленію, смѣлости и вѣрной передачѣ историч. момента художникомъ-очевидцемъ, его картины штурма оставляютъ далеко за собою собственно виды мѣстностей, лучшими изъ которыхъ могутъ считаться виды Крыма (одинъ изъ таковыхъ находитъ у гр. Д. Н. Шереметева; см. „Указат. худож. выст. рѣдк. вещей“ 1851, № 122), а изъ нихъ особенно — виды Бахчисарая; 13. виды Константинополя уступаютъ имъ въ силѣ, страдая нѣкомъ монотонностью, 14. виды же Кавказа (въ томъ числѣ два, по 12×20 в., съ изображ. 3-хъ церквей у г. Арабата на каждомъ — въ Примор. Эрмитажѣ, въ Петергофѣ), исполненные въ тому же очень успѣшно, оказываются самыми слабѣйшими, также, какъ и 15. виды Мал. Азіи, кажется, исполнявшіеся вдобавокъ съ гравюръ. Главныя достоинства акварелей Иванова — картинныи выборъ пункта и вкуса, недостатки же — слабость колорита и недостаточно исправный рисунокъ, хотя перспектива и не представляется ошибочной. Но картины его масл. красками, вмѣсто изображенія живой натуры, даютъ только переднюю, да заднюю декорачіи, промежутки которыхъ наполнены довольно слабо, не сдвигая сашкомъ рѣзкихъ, доведенныхъ почти до черноты, первыхъ плановъ — съ блѣдными очертаніями выше горизонта. Это не помѣшало, однако, соврем. поэту *Н. Жаркову*, брату миниатюрнаго живописца, въ 1789 не только сравнивать Иванова съ Клодъ-Лорреномъ, но даже ставить его выше этого живописца (см. стих. „Данъ знатнѣйшимъ художествамъ — къ талантамъ М. М. Иванова“, въ концѣ изд. А. М. Ивановскихъ перев.: „Понатіе о соврем. живописцѣ“). Вообще о немъ отзывались, что онъ „весьма замѣчательный русс. пейзажистъ, заслуживающій особ. вниманія по искусству, съ какимъ изображалъ животныхъ, и по мягкости манеры, которая приближ. къ живописи лучшихъ фламандск. художниковъ“ (см. *Е. Финера* „Указат. находитъ

¹) У кн. П. В. Вяземскаго былъ грав. портр. Потемкина, масл. краск., въ овалѣ, — типа Иванова (см. *П. Петрова* „Катал. истор. вост. портрет.“, 1870, № 340).

29. Смерть кн. Потемкина-Таврическаго въ Бессараби.
Съ рис. М. Иванова, грав. Г. Скородумовъ 1791 г.

въ Акад. произвед.“, 1842, подъ буквой И., и А. Андреева „Живопись и живописцы“, 1857, с. 517—8).

Послѣдней работой И—ва на югѣ было, вѣроятно, 16. изображеніе смерти Потемкина въ Молдавіи 5 окт. 1791, гравиров. съ его рис. — Гавр. Скородумовымъ и, въ меньшемъ размѣрѣ, Ник. Соколовымъ (1796 г., см. „Сынъ Отеч.“ 1852, VIII, ч. 65). Вернувшись со смертію князя въ Петербургъ, И—въ состоялъ консерваторомъ рисунковъ при Имп. Эрмитажѣ, гдѣ наход. въ то время много видовъ Таврич. области и изображеній изъ Турецкой войны (судя по „Разсужденію о свобод. художествахъ“ П. Чекалевскаго, 1792, с. 153 — 4), — въ видѣ альбома изъ 65 рисунковъ (по замѣч. П. Н. Петрова).

Въ 1800 г., марта 6, уже въ званіи совѣтника Акад. и въ чинѣ надв. сов., И—въ былъ опред. членомъ Академ. Совѣта; 14 авг. ему препоруч. былъ вл. живописи баталической, съ производ. жалованья въ размѣрѣ 600 р. въ годъ (дѣла 1800, №№ 23 и 41), а по смерти адъютант-рект. С. Ѳ. Шедрина — также и вл. живописи ландшафтной съ сент. 1804 (см. дѣло 1804, № 44).

Кромѣ указ. выше работъ, П. Н. Петровъ приводилъ, какъ произведенія М. Иванова: два Крымскихъ вида, поступ. съ галлерей Прииш-

никова въ Моск. Музей¹⁾; эскизъ „В“ для образа Арханг. Михаила въ свѣт. двери перв. иконостаса въ Казанскомъ соб., который художникъ брался написать за 1200 р., въ 1804 г., и который былъ исполненъ потомъ Угрюмовымъ; исполненный бистромъ и акварелью для одного изъ конкурсовъ, предлож. Академіи граф. Потоцкимъ въ 1806, — сцены въ русс. лагерѣ при Прутѣ въ 1711, изъ которыхъ лучшая представляла Петра I, посылающаго въ Турецкій лагерь Шафирова. Но первыя изъ этихъ работъ принадлеж. кисти Ив. Ал. Иванова, подписи коего и наход. на нихъ, а послѣдующія — скорѣе Андр. Ив. Иванову.

Наконецъ, въ 1807, авг. 29, М. Иванову поручено было Академ. Совѣтомъ, во исполненіе

¹⁾ Тоже встрѣч. и въ кн. А. Ивановскаго: „Ѳ. И. Приишниковъ и его карт. русс. галлерей“, СПб. 1870, с. 126 и 179 (заямкъ изъ изд. А. Андреева: „Карт. галлерей Европы“ 1862, № 10), хотя тамъ же, на стр. 88, замѣч., что пейзажи эти „принадлеж. къ весьма удачнымъ опытамъ развивавшагося таланта живоисца, въ двѣдѣ лѣтъ умершаго“ (заямкъ изъ брош. И. Амичкова: „Описаніе карт. галлерей т. с. Ѳ. И. Приишникова“, СПб. 1853, с. 7 — 8), чего никакъ нельзя бы было сказать про М. М. Иванова, сконч. въ глубокой старости.

Высочайшей воли, рассмотрѣніе и необходимое исправленіе, отъ замѣчен. Императоромъ погрѣшностей,—чертежей, принадлеж. къ издан. Правительствомъ на русс. языкѣ сочиненію объ овцеводствѣ и преспровожд., выстѣпѣ съ опис., Мин.—ствомъ Внутрен. Дѣлъ къ Президенту Академіи.

М. Ивановъ былъ женатъ на вдовѣ грав. Скородумова († 1792), Маріи Ив., родомъ англичанки, очень хорошей гравершѣ карандашной манерой, и домъ ихъ посѣщался лучшими людьми того времени.

Изъ учениковъ Иванова известны были: Ермол. Исаковъ (1809), Сильв. Щедрицъ, Владимиръ Мошковъ, Николаи Мышинъ и др. (1812). Портретъ его, напис. „взвѣченнѣмъ“ Васильевымъ въ 1818, наход. въ Акад. Художествъ.

Довольно подробная біографія этого художника, написанная, правда, нѣсколько кудраво, была помѣщ. П. Н. Петровымъ въ „Примѣч.“ къ его „Сборнику матер. для исторіи И. А. Х.“ 1864 г. (подъ № 95). Она послуж. источникомъ для болѣе краткаго извѣстія, напечат. А. И. Сомовымъ въ его „Барг. Галлерей И. А. Х.“, 1872 (I, с. 149), съ прибавленіемъ нѣкотор. свѣдѣній изъ того же „Сборника“. Некрологъ же Иванова появился еще въ „Отчетъ Зап.“ 1823, (XVI, 141). — При составленіи нашего очерка были приняты въ расчетъ, какъ назв. статьи, такъ и „Сборникъ“ Петрова, I, 742, 98, 124, 776, 126—7, 140, 141, 630, 190, 389, 411, 414, 468, 503, 540; II, 36, 188 (†), а равно дѣла Архива И. А. Х.: 28/1780, 28/1800, 41/1800, 44/1804, 36/1805, вышеупом. изданія и отзывы соврем. критикъ. — У *Наллера* въ его „Künstler-Lex.“, VI, 515, онъ лишь упомянутъ, да и то безъ имени.

Ивановъ, Михаилъ Павловичъ, архитекторъ. Сынъ кол. асс., онъ обучался съ 18 авг. 1852 до 18 дек. 1864 въ Москв. Дворц. Архитект. Училищѣ и, по собств. желанію, вышелъ изъ послѣд. его отдѣленія, а въ 1865, за „проектъ тюремнаго пересыльнаго замка“ (бывшій на Акад. выст. того года), удостоенъ былъ званія некл. художника отъ Имп. Акад. Худож. и служивъ архитекторомъ при Голицынской больницѣ въ Москвѣ (вышло до 1885).

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 14/И.—Указат. выст. въ И. А. Х. 1865, 2.—Ср. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, III, 437.

Ивановъ, Михаилъ Петровичъ, живописецъ. Род. 1836, ум. 16 марта 1875. Сынъ отстав. унтеръ-офиц. Корнуса Инжен. Путей Сообщ., послѣ первонач. обученія въ СПб. Рисов. школѣ для вольноприход., поступ. съ 1 янв. 1856 въ ученики Акад. Худож., представивъ, кромѣ

рисунковъ, скопиров. нѣмъ головку масл. краск., и просилъ объ увольненіи его изъ воен. вѣдомства для безпрерывнѣе занятій въ Акад. и полученія званія художника; но, по Высоч. повелѣнію, ему разрѣшено было, оставаясь рядовымъ I роты I отд. I округа П. С., обучаться въ Акад., а въ 1862 (нояб. 15), находясь въ нат. класстѣ, онъ былъ удостоенъ званія учт. рисов. въ уѣзд. училищахъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 13/И.

Ивановъ, Михаилъ Федоровичъ, живописецъ. Род. 14 нояб. 1850 въ СПб. Сынъ СПб-го 3-й гильдіи купца, онъ, по увольненіи СПб. Купеч. Управою, поступ. въ авг. 1868 въ вольнослушающіе Акад. Худож., гдѣ и продолж. занятія до 1875 включит.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 2/И.

Ивановъ, Михаилъ, пущенный мастеръ 1622—42 въ Москвѣ. Ученикъ Алексѣя Якимова.

См. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 119.

Ивановъ, Михаилъ, рѣзного и столярнаго дѣла мастеръ 1696 въ Москвѣ. Упом. 14 сент., въ числѣ другихъ, какъ отосл. изъ Оруж. Палаты во Владимирскій Судъ. Приказъ, для посылки въ Воронежъ къ кораб. дѣлу.

См. (*Г. В. Есипова*) „Сборникъ выписокъ изъ архив. дѣлъ о Петрѣ В.“, I, 162—3, § 593 (изъ ст. 206 г. № 9).

Ивановъ, Михѣй, иконописецъ сред. статьи 1636—70 въ Москвѣ. Родомъ изъ Пскова, былъ у письма: въ 1666 — въ Арханг. соб. и въ ц. Спаса, въ 1670 — въ с. Коломенскаго.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 68, 75, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 149.

Ивановъ, Модестъ Александровичъ, архитекторъ. Род. 2 окт. 1849 въ Езатерингофѣ. Сынъ кол. сов., служившаго въ Коммисаріат. Деп. Воен. Мин., вѣтѣмъ въ Туркестан. Воен. Округѣ (помощникомъ округ. начальника), обучался съ 27 окт. 1860 по 18 окт. 1867 во 2-й СПб. гимназіи, до IV кл. включит., — пенсионеромъ Гл. Интенд. Управл., а въ авг. 1868 поступ. въ ученики Акад. Худож. По полученіи же серебрян. медалей: 2-й, окт. 2-го 1871, за проектъ „биржи“ и 1-й, марта 2-го 1874, за проектъ „театра на 500 чел.“, возвед. былъ 29 сент. 1877 въ званіе кл. художника 3-й степ. съ предств. въ 1878 проекта „кам. часовни во имя св. равноап. кв. Владимира“, 29 окт. 1882 — въ званіе худ. 2 ст. съ предств. проекта „церкви на 1000 чел.“ въ Яросл. губ., 2 нояб. 1885 — въ званіе худ. 1 ст., а 4 июня 1887 — въ званіе академика худ.

проекту „пассажирскаго зданія конеч. станци жел. дороги“, состоя на службѣ при Мин. Внутр. Дѣл. Ему принадлеж.: 1) постройка и 2) перестройка домовъ — Андриянова по Преображенской ул., 2-хъ гр. Шувалова по Миліонной ул., Дьяконова по Торговой, бывшаго Воейковой и гр. Менгена по Невскому пр., и до 10 дачъ въ окрест. Петербурга (на Камен. Островѣ, въ Колпняѣ и др.). Кроме того, участвов., въ качествѣ помощника инжен. полк. Покатилова, при разныхъ казен. постройкахъ, какъ, напр., домовъ Краснаго Креста въ Инженерной ул., для Инжен. Управления въ Караванной, Штаба Гвард. Корпуса по Миліонной и др., а также въ худож. отдѣлѣ квартиръ: кв. Васильчикова по Дворцовой набер., кв. Волконскаго по Мойкѣ, въ д. Николаева на Невскомѣ, и въ декорат. работахъ по 2-мъ конскимъ выставкамъ въ большомъ манежѣ; наконецъ, въ устройствѣ кад. лагерей въ Петергофѣ и въ передѣлѣ чертежей церквей, по порученію Технич. Комит. М. В. Д.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 3/И.

Ивановъ, Моисей (Мосейка), знаменщикъ. Упом. въ дѣлахъ Моск. типогр., вмѣстѣ съ Д. Исаевымъ, только однажды—11 дек. 1620. См. *В. Румянцова* „Свѣдѣнія о гравиров. и граверахъ при Моск. Печ. дворѣ“, Б, 4, въ отд. изд. и въ кн. *Д. Ровинскаго* „Русс. граверы“, М. 1870.

Ивановъ, Несторъ, колокольныхъ дѣлъ мастеръ, Псковской художникъ. Его литья колоколѣ: одинъ, 1557 г., наход. въ Моск. Вознес. мон.; другой, 1559 г., подъ назв. „Татаринъ“, — на колокольнѣ Иванъ Великій.

См. *И. Сахарова* „Обозрѣніе русс. археол.“, 1851, с. 33.

Ивановъ, Нехорошій, иконописецъ Балахонскій въ Москвѣ. Въ 1642, іюня 6, писалъ, вмѣстѣ съ Эраст. Прокофьевымъ Балахонскимъ и Род. Григорьевымъ изъ Юрьева Повольскаго, „стѣнное писмо“ въ Успенскомъ соб., за чтѣ получ. „государ. жалованья, поденнаго корму 6 алт. 4 деньга“, а въ 1643, апр. 1-го, одифиль, съ 5-ю товарищами, слюдов. двери тамъ же.

См. *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 410 и 411 (изъ прих.-расх. кн. Ор. Пал. за № 944/973).—*И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 9, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 149.

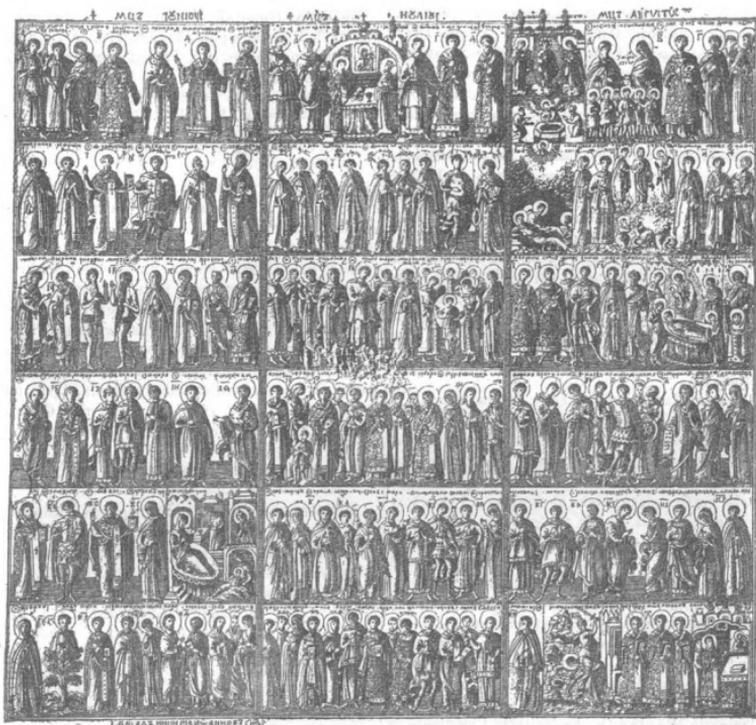
Ивановъ, Никита, золот. дѣлъ мастеръ при Моск. Оруж. Палатѣ. Упом. въ докум. 1677—82 гг. См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 119.

Ивановъ (собств. Іоанновъ-Пинторовъ), Никита, Моск. иконописецъ, одинъ изъ исполнителей такъ назыв. „Каппониановыхъ досокъ“, 1668—89. Доски эти представа. лицевые святцы, пис. на 5-ти дерев. квадратахъ изъ Ливанскаго кедр. (?), расположенныхъ крестомъ, и изъ которыхъ средній содержатъ изображенія праздниковъ, а 4 конечные — святыхъ грекоросс. церквы по мѣсяцамъ, съ обозначеніемъ имени и чиселъ. На трехъ изъ нихъ есть надписи художниковъ: подъ сентябремъ, октябремъ и ноябремъ—„писалъ Сергій Васильевъ“; подъ мартомъ, апрѣлемъ и маемъ—„писалъ Андрей Ильинъ“; подъ іюнемъ, іюлемъ и августомъ—„писалъ Никита Иованновъ с-нтъ.“ Изображ. тутъ святые — тѣ же, чтѣ и въ Визитанскомъ или Греч. Менологий, распис. по повелѣнію имп. Василия Порфиророднаго греч. художникомъ около 984 г. и изд. стараніемъ кардина. Анниб. Альбани въ Урбино въ 1727, въ л. („Menologium Ecclesiae Graecae“),—кромѣ св. Кирилла, апост. славянъ, и св. Саввы, патр. Сербскаго. Необыкновен. блескъ письма, нѣжность или тонкость красокъ, и даже правильность рисунка удивляли итальян. художниковъ, а ученые думали, что такія краски могли быть составлены единственно изъ сока неизвѣст. травъ, или к. л. химич. смѣшенія. Но гладкость и тонкость красокъ, столь удивительная для нихъ, происходитъ отъ того, что наши иконописцы, разводя оныя личнымъ бѣлкомъ, послѣ ложили обыкновенно одежду и лица на образахъ — зубомъ или др. подобнымъ веществомъ.

По преданью, назв. доски принадлежали сперва Петру I, который подарилъ ихъ своему духовнику (?), свящ. Герасиму Фокѣ, родомъ изъ Кефалоніи, бывшему нѣск. лѣтъ пресвиторомъ въ ц. св. Георгія въ Венеціи; послѣдній, возвращаясь въ отечество, ум. въ Константинополѣ отъ язвы и оставилъ эти картины своему брату Марину Фокѣ, а тотъ, вернувшись въ Италію, продалъ ихъ за 30 скуди (300 червонцевъ) маркизу Маркію Александру Григорію Каппонию, подарившему ихъ потомъ въ Ватиканскую бібліотеку, какъ бѣднѣное пропавшее древняго русс. искусства.

Въ Имп. Публ. Библ. въ СПб. хранятся мѣдныя гравиров. доски и старинные отпечатки съ нихъ, крестообразно располож., съ воспроизведеніемъ Каппониановыхъ картинъ.

Западные ученые долго спорили о времени ихъ исполненія. По *М. Каппони* (издававшему о нихъ дѣлую книгу на итальян. языкѣ въ 1731) и по *Им. Кульчинскому* (Ign. Kulczynski „Specimen

30. 4-я из Наппонановых досокъ,

раб. Никиты Иванова Пикторова, 1668 г.

Ecclesiae Ruthenicae“, Roma 1738, p. III), онѣ могли явиться въ книгъ св. Владимира (980—1015), или искорѣ послѣ его смерти, когда Греч. Имперія была еще въ дѣтущемъ состоянн; по *Н. К. Фальконио* (Nic. Carmin. Falconius „Ad Sapporianas Rathen. tabulas commentarius“, R. 1755), *I. C. Assemani* (Jos. Sim. Assemani „Kalendaria Ecclesiae universae, Roma 1755, t. I, p. 1. 43. 82) и *Фиорилло* (Fiorillo „Versuch einer Gesch. der bild. Künste in Russland“, Götting. 1806, S. 5; русс. перев.—въ „Худож. Газ.“ 1838, с. 517 и сл.), онѣ могли быть писаны въ половинѣ или подѣ конецѣ XIII в.,—г. к. на нихъ представлены святые, празднованія которыхъ установлены въ XIII в., напр.: Савва, патр. Сербскій († 1250), но нѣтъ

святыхъ, прославившихся послѣ XIII в.,—и исполнены афонскими монахами, въ в. л. сербскомъ или болгарскомъ мон., ибо русские основались тамъ лишь послѣ XIII в.; по *Винкельману* онѣ относ. къ XV в.; по *Барамзину* же („Исторія Госуд. Россійск.“, III, прим. 258) онѣ могли быть произведеніемъ XVII в., потому что до послѣд. времени у насъ писались святцы съ изображеніемъ только греч. святыхъ. Но въ „Журналѣ Изящныхъ Искусствъ“ и *Н. О. Буле* 1807 г. (II, 26—50, перев. съ лат.: „De antiquissima pictura Russica, in primis de tabulis pictis Sapporianis, auct. Th. Buhle“, M. 1807, 4°), и *В. И. Григоровича* 1823 г. (I, 53—61), а также въ „Справ. Энциклопед. Слов.“ Крайя, 1847 (VI, 506) и въ кн. *А. Андреева* „Живопись и живопис-

цы", 1857 г. (с. 470), — назв. картинамъ приписыв. бблшая древность. Однако уже въ „Худож. Газ.“ 1888 (с. 318) и 1841 (№ 22, с. 3) подтверждалось предполож. нашего историка, а *И. Снегиревъ*, въ своихъ „Памятникахъ Моск. дрепности“, 1842 (с. LXVI и CX), доказ. уже несомнѣнно, на основ. стоаиновъ объ иконопис. дѣлахъ Придв. Архива 1660—74 гг., что подписавшіяся подъ Каппоніан. досками иконописцы жили въ Москвѣ въ 1667—89 гг., что повтор. и *И. Некрасовъ* въ „Древностиахъ, или Археолог. Вѣст.“, М. 1867—68 (с. 164), Между тѣмъ въ новыхъ „Энциклопед. Словаряхъ“: *А. Гарбеля* (А. Граната), М. 1894 (IV, 2050), и *Брокгауза—Ефрона*, СПб. 1895 (XIV, 394, въ зам. *А. А. С.*), благодаря, очевидно, перепечаткамъ изъ прежнихъ подобныахъ же изданій, по-намъ, образа опять вид. за произведенія XII в. или вообще за „древнѣйшія изъ русс. иконъ визант. пошба“.

Доски Каппоніановы, какъ наруж. видомъ и содержаніемъ, такъ и живописью, отличаются отъ друг. подобныахъ же святцевъ: 1) извѣст. подъ назв. „Болладіанскихъ картинъ“, „пис. отъ сотвор. міра въ л. 7136“ (какъ помѣч. подъ 30 сент.), т.-е. 1628, — болѣе грубо; расположен. по порядку 12-ти мѣсяцевъ и представл. — тоже изображенія святыхъ, въ тоаъ числѣ и признанныхъ послѣ XIII в., съ обознач. именъ и дней; приобрѣт. въ Москвѣ ок. 1673 іезуитомъ Дан. Палехрохіемъ, бывшимъ чрезвычай. посланникомъ отъ Голландіи при русск. дворѣ; издан. имъ съ отцами Болладіанскими, съ приложеніемъ гравиров. изображеній (см. „Acta Sancto-ru“, I, Mai, 43 sq.), и хран. теперь въ Лейденѣ; 2) такъ назв. Менологіемъ Маркіа Локателліа, по имени новаго владѣльца ихъ, и гравиров. въ соч. Патривдіа (Pasciaudi „Antiquitates Christianae de cultu S. Ioannis Baptistae, dissert.“, I, 112—124). Къ этому не мѣшааетъ прибавить, что, по свидѣтельству *Іоанна Комнена*, медика конца XVII в., въ его Описаніи Аѳонской горы, на ново-греч. языкѣ (*Ioanes Commenus*, „Diessertatio montis Atho“, lib. VIII, ар. Montfaucon „Paleographia Graeca“, р. 486), тамъ были въ то время, кромѣ 100 сликомъ серебр. и визолоч. образовъ Московскихъ — на влоросѣ и въ алтарѣ мон. Ватопедія и многихъ такыахъ же изображеній, иску. но и совершенно отдѣланныхъ, — въ храмѣ мон. св. Павла, еще — 12-ть изображеній Московскихъ, кои представл. святыхъ, праздниаемыхъ каждый мѣсяца, и украш. правый влоросъ въ храмѣ мон. Симона Петра.

Помимо исчисл. выше изданій, см. также *И. Забѣлина*, „Матер. для исторіи русс. иконопис.“, 99; *Д. Ровинскаго*, „Исторію русс. школъ иконопис.“, 149, 174, и „Русс. Народ. Карт.“, IV, 686.

Ивановъ, Николай, скульпторъ (квадраторъ). Род. 1779. Изъ мастеровъ дѣтей, вступ. на службу въ 1796 и наход. въ 1811—14 въ командѣ маст. М. Мохначева.

См. формуляры въ Общемъ Архивѣ М. И. Д.: оп. 122/556, д. 11, с. 49 (1803 г.); д. 13, с. 68 и 171 (1806 — 07 г.г.); д. 16, с. 65 и 136 (1811—12 г.г.); д. 18, с. 46 и 123 (1813—14); д. 20, с. 5 (1814 г.).

Ивановъ, Николай Александровичъ, живописецъ. Художникъ-любитель, лишенный возможности посѣщать И. А. Х., но имѣя привязанность къ живописи, онъ отдавалъ ей все свобод. отъ службы время, въ теченіе 18 лѣтъ, а по выходѣ въ отставку (кол. регистр.) смотрѣлъ на нее какъ на единств. средство къ пропитанію. Представляя на Академ. выст. 1872 этуаъ съ нат. „1-е Парголово“, онъ вросъ отъ удостоенія его званія своб. художника, но прошеніе это было оставл. безъ уваженія. Грав. на деревѣ съ его рис. (раб. С. и К^о, т.-е. Стрякова) помѣч. во „Всеи. Иллюстр.“ того же года (т. VIII, с. 181. 308—9. 324).

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 74/1872 и „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1872, 136.

Ивановъ, Николай Алексѣевичъ, живописецъ (?). Ученикъ И. А. Х., онъ получ. въ 1796 званіе отличія; затѣмъ, находясь въ 5 воорастѣ, — 2 с. м. за рис. съ нат., 18 мая 1801 (выд. 11 дек. 1802), и аттестат. 1 ст., 1-го сент. 1803, а по оконч. курса съ званіемъ художника 14 кл., поступ. на службу переводчикомъ и помощникомъ бібліотекаря тамъ же — 1 мая 1804; произвед. въ губ. секр. — 31 дек. 1807 и въ кол. секр. — 31 дек. 1810; увол., по прошенію, для опредѣленія къ др. мѣсту — 1 іюля 1812; служ. съ 10 янв. по 30 іюня 1820 — канцел. чиновникомъ при Деп. Дух. дѣлъ; поступ. съ 1 іюля т. г. гувернеромъ и учителемъ русс. языка, а съ 1 мар. 1821 на прежнее мѣсто въ Акад.; произвед. въ тип. сов. — 10 іюля 1821; увол., по прошенію, — 15 окт. 1830.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, I, 347. 422 и 434. 451. — Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 25/1804, 37/1812, 27/1831 и Президент. 54/1824.

Ивановъ, Николай Григорьевичъ, граверъ Морской типогр. Род. 1779, ум. послѣ 1830. Сынъ бывшаго воспитанника И. А. Х., въ бытность гравировальн. ученикомъ (Дружинина?) при Морской типогр. — съ 10 нояб. 1793, ему дозволено было учиться рисов. и гравиров. въ Акад. Худож., а „за извѣст. степень достигнут. искусства“, онъ произвед. былъ 17 апр. 1810 въ граверы, затѣмъ 12 дек. 1816 — въ 14-й кл.,

наконецъ (послѣ получения наградъ въ 1813, 17, 19 и 29 г.г.), 21 апр. 1830 — въ 12-й кл., служба граверомъ Гидрограф. Депо Морск. Штаба. Ему, вѣроятно, принадлеж.: ладнафтъ со строениями, въ м. л., въ дл., съ подп.: „гравировалъ Никол. Ивановъ“.

См. формул. спис. по мѣсту его служ.

Ивановъ, Николай, граверъ пунктиромъ Бекетовской школы. Ученикъ А. Осипова, онъ гравиров. портреты для Моск. падаий: 1) „Собрание портретовъ, издав. П. Бекетовымъ“ (гр. О. А. Головинъ; размѣр.: 3.9×3¹/₂), и А. Л. Ординъ-Нащокинъ, — въ „Собрании портретовъ россианъ знаменитыхъ“, 1821, 4^е; гр. Г. И. Головинъ; кн. В. А. Долгоруковъ-Крымскій, 1811; гр. А. Г. и Г. Г. Орловы; гр. А. И. Остерманъ; гр. П. И. Панинъ; гр. П. С. Солтыковъ; кн. А. М. Черкасскій — въ числѣ неизд. портретовъ; 2) „Папгеонъ рос. государей“, Е. Филиповскаго, въ тип. П. Бекетова, 1810, 4^е (в. к. Василій II); 3) „Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ... Петра В.“, соч. Д. Вангышъ-Каменскаго, 1812, и во 2-мъ изд. 1821, 8^е (2. Ф. Я. Лефортъ; гр. О. А. Головинъ, размѣр.: 4. ¹/₂ × 3. 2 ¹/₂ во франц. дюйм. и лин.; 5. кн.-кесарь О. Ю. Ромадновскій; 6. гр. О. М. Апраксинъ; кн. А. Д. Меншиковъ; 11. гр. Я. В. Брюсъ; 12. Я. О. Долгоруковъ; 23. гр. А. И. Ушаковъ, — всѣ съ рис. Я. Аргунова); 4) Вас. Логанова, 1815 и 1822 (Имп. Александръ I, размѣр.: 18.7 ¹/₂ × 15. ¹/₂ и 19.6 ¹/₂ × 15. ¹/₂), оба съ рис. L^{as} de St. Aubin).

См. *Д. Ровинскаго* „Подробный Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав., и „Библиограф. замѣтки“ о немъ *И. Остроглазова* въ „Русс. Худож. Архивѣ“ 1892, I, 43, № 12 (дѣ у фамилии этого гравера поставл., однако, инициалъ: К.).

Ивановъ, Николай Николаевичъ, архитекторъ. Род. 1834, ум. . . . г. Воспитанникъ Строит. Учил. съ 23 авг. 1847 по 17 июня 1854, на счетъ Гл. Управ. Путей Сообщ., онъ былъ выпущ. оттуда съ чиномъ XIV кл. и назнач. городо-вымъ архитекторомъ въ Петропавловскъ, Тобольской губ.

См. *Г. Барановскаго* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 131, и, служ. ему дополн., рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Николай Павловичъ, архитекторъ. Род. 1858. По окончаніи курса Строит. Учил. въ 1882, онъ былъ назначенъ млад. инженеромъ Строит. отд. Нижегород. губ. Правл., по въ 1883 вышелъ въ отставку и вскорѣ опред. на должность архитектора Нижегород. Ярмар.-Гостин. двора.

См. *Г. Барановскаго* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 131.

Ивановъ, Николай Петровичъ, живописецъ. Изъ вольвоулицъ, состоя ученикомъ 4 возраста въ Акад. Худож., онъ выстав. тамъ въ 1830 картину: „Крестьянинъ учитъ своего сына грамотѣ“, и, наконецъ, по представл. нмъ (на Академ. выст.), въ качествѣ постор. ученика Акад., 2-мъ портретамъ съ пат. (мужскому и женскому), удостоенъ былъ 19 сент. 1839 — званія свобод. художника.

См. „Списокъ худож. произвед., выставл. при открытіи И. А. Х.“ 1830, № 232 (въ „Русс. Инвал.“ того года, № 329); „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1839, стр. 5, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 67/1839, л. 136.

Ивановъ, Николай, живописецъ. Ученикъ Моск. Худож. класса (впоследствии — Учил. живописи и ваинія), онъ, за успѣхи въ рисов. и живоп., получилъ похв. листъ 2-го дост. — въ 1835; а въ 1839 выстав. въ томъ же Учил. — своен рис. карандаш. и въ Акад. Худож. — этюды: „Старуха съ дѣвочкой“ и „Старикъ опир. на палку“, послѣ чего удост. былъ 15 дек. того года (съ утвержд. въ Общемъ Собраніи въ сент. 1840) — званія некл. художника и поступ. учителемъ рисов. въ Рязанскую гимназію. Затѣмъ на Акад. выст. 1849 представилъ пис. съ нат. картину своей раб.: „Двѣ Рязанскія крестьянки въ ихъ народ. костюмахъ“ (размѣр.: 1 а. 13 ¹/₂ в. × 1 а. 6 в.), съ просьбой о задатъ ему прогн. на званіе академика; но ему предлож. было въ нолб. — написать впередъ карт. на званіе „назначеннаго“.

См. „Моск. Наблюдат.“ 1835, II, 174, и 1839, II, свѣсь, 51. — „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, III, *П. Н. Петрова*, II, 391. — „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1839, стр. 11, а также рукоп. катал. Академ. Музея, № 2087. — Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 4/1849, л. 62, и 8/1849, л. 269.

Ивановъ, Николай, живописецъ. За представл. нмъ на Академ. выст. 1853 портр. NN, онъ получ. 24 сент. — званіе некл. художника, а въ 1857 выстав. въ А. Х. портретъ гр. Д. Н. Толстаго.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, III, *П. Н. Петрова*, III, 203. — „Указат. выст. въ И. А. Х.“: 1853, 135, и 1857, 183.

Ивановъ, Николай Федоровичъ ¹⁾, рѣзчикъ по дереву и скульпторъ. Род. 3 дек. 1767. Привлеченъ въ А. Х. въ 1773, 6-ти л., онъ былъ художникомъ съ 1782

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, III,

¹⁾ Другой **Ивановъ**, Николай Филиповъ, род. въ 1758 и былъ прии. въ А. Х. въ 1764; см. „Сборникъ“ *Петрова*, I, 159, № 8.

П. Н. Петрова, I, 164 (№ 51) и рукоп. зам. его же.

Ивановъ, Обросимъ, см. Абросимъ.

Ивановъ, Олферъ, серебряникъ при Моск. Оруж. Палатѣ. „Амбургскіе земли иноземець“, онъ былъ отпущ. въ 1861 „за море по жену“, а въ 1864 выѣх. изъ Москвы съ женою, троими дѣтьми и ученикомъ.

См. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 119.

Ивановъ, Осипъ, Моск. пушечный мастеръ. Въ 1679 вылилъ, находитъ на Кремл. площади въ Москвѣ, пишалъ двухфунт. калибра („ядро 2 гривенки“), вѣс. 23 пуда 30 фунт., дл. 3 арш. 10 верш., съ изобраз. двугл. орла и льва на дульной части и съ надп. — на казенной. Кроме этой, такихъ пушекъ въ СПб. и Моск. арсеналахъ сохр.ан. 6-ты: всѣ онѣ сходны по формѣ и надписямъ, но различны по вѣсу.

См. *Н. Мурзакевича* въ „Ж. М. Н. П.“ 1833 XIX, 550. — *И. Сахарова* „Обозр. русс. археол.“ 33. — *И. Забѣлина*, „О металл. производ.“, 119 (только упом.)

Ивановъ, Осипъ Александровичъ, живописецъ. Род. 1783 г. Привытый въ Акад. Худож. въ 1795 г., онъ выстав. тамъ въ 1804 свою карт. „Лѣтній жаръ въ полдень“, а затѣмъ, состоя въ 4 возрастахъ, былъ уволенъ по прошенію, опредѣленіемъ Совѣта 14 апр. 1806, изъ учениковъ ладшафтнаго класса, съ аттестат. 1-й ст. и шпагою, для поступленія учителемъ рисов. къ гр. Ѳ. В. Растопчину.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ... *П. Н. Петрова*, I, 328 (№ 52) и 476. — „Сѣв. Вѣстн.“ 1804, III, 226. — Въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 10/1806, л. 30—31.

Ивановъ, Павель, скульпторъ (квадраторъ). Род. 1727, поступ. на службу въ Контору Строепія въ 1749 и, послѣ нахождения при постройкѣ Александра Невскаго мост., былъ присланъ 8 іюля 1790 въ команду Тимофея Насонова.

См. формуляръ въ Общемъ Архивѣ М. И. Д.: оп. 122/556, л. 5, с. 22 (1791 г.).

Ивановъ, Павель Алексѣевичъ, миниат. живописецъ. Род. во 2-й полов. 1776, ум. 10 марта 1813 въ СПб., 35-ти лѣтъ (?), отъ водяной. Сынъ проф. И. А. Х., онъ былъ принятъ туда по прошенію отца, 19 мая 1789 г., 13-ти лѣтъ, прямо въ 3-й кл.; 26 янв. 1790, находясь въ 3 возрастахъ, назнач. въ кл. живописи на финифти къ совѣт. Жаркову; 14 авг. 1791 получ. за рис. съ нат. — 2-ю с. м. и 21 окт. 1794 г. — 1-ю, а также 2-ю в. м. за исполненіе зад. 31 дек. 1793 программы: „Женщина, играющая на арфѣ“; наконецъ, 19 дек. 1797 г. — 1-ю з. м. за „Жертвоприношеніе

Ноево“, выѣстѣ съ аттест. 1 ст. и шпагою. Оставленный пенсіонеромъ при Акад. „для вящшаго въ художествахъ познанія“, съ назнач. ему жалованья по 150 р. въ годъ, начиная съ 1 янв. 1798, онъ былъ опред. 20 дек. того года для обученія учениковъ рисованію. По полученіи похвалы 18 іюля 1799 за сдѣл. работу, ему задана была прогр. на званіе „назначеннаго“, въ которое онъ и былъ возвед. 18 авг. 1800. Оставаясь попрежнему при живоп. классѣ, въ помощь профессорамъ, онъ былъ допущ. 8 дек. 1802 къ баллотировкѣ въ академію по миниат. живописи, а 11 дек. удостоенъ этого званія „по работѣ, представл. въ миниатюрѣ группы разныхъ персонъ“; 12-го же октября 1804 ему препоруч. быть кл. живописи миниатюрной, выѣстѣ съ отпавл., за смертью Родчева, должности адъюнкта-проф. „до прибытія дѣйствит. адъюнкта-профессора изъ отпавившихся въ чужіе края пенсіонеровъ“, съ жалов. по 400 р. въ годъ (вмѣсто прежнихъ 200), при кварт. съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Произведенный въ совѣтники 1 сент. 1806 „по отличному усердію въ отпавленіи должности и по признан. способностямъ“, И — въ сталъ получать съ 8 февр. 1808 штатное жалованье по 600 р., а послѣ его смерти ученики его перечислены были, впредь до распоряз., въ кл. портретной живописи. Т. к. „въ послѣдніе годы службы его, какъ сказ. въ опред. Совѣта А. Х. отъ 14 іюля 1814, онъ былъ поведенія не такового, которое бы заслуживало одобренія и при каковомъ онъ могъ бы исправно отправлять свою должность, то ...еда ли бы заслуживать пенсіона“, а потому и вдовѣ его Розѣ Ивановой, вышедшей къ тому же вскорѣ замужъ за Клаверкова, отказано было не только въ назнач. пенсіи, но и въ единораз. выдачѣ годов. жалованья ея перваго супруга.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, I, 151, 503, 335, 365 — 7, 378, 390, 415, 431, 433—4, 484; II, 41. — Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 10/1789, 115/1803 (?), 41/1806, 9/1808, 23/1813 и 73/1813. — „Мѣсяцесл.“ 1840, с. 176, и *Nagler's „Künstler-Lex.“*, VI, 515. (лишь упом.)

Ивановъ, Павель Иван., архитекторъ. Ученикъ И. А. Х. (съ 1788), онъ получ. 23 авг. 1802 — 2-ю с. м. за архитект. композицію, а въ мартѣ 1803 былъ увол., по прош., изъ уч. — въ 4 возрастъ, съ аттест. 2 ст. Ему, въ бытность его архитект. помощникомъ, принадлеж., быть можетъ, бывшіе на Академ. выст. 1804 два вида: „Балаклавы въ Таврихѣ“ и „церкви въ Липецкѣ“ (см. „Сѣв. Вѣст.“ 1804, III, 232).

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, II, 430, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 3/1803.

Ивановъ, Павелъ, живописецъ въ Москвѣ до 1848. Род. 1828.

Изъ рукоп. зам. П. Н. Петрова.

Ивановъ, Парфентъ, рисовальщикъ. Былъ ученикомъ А. Шхонебека 1705 г. въ Москвѣ.

См. А. Викторова „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказовъ“, II, 482 (изъ дѣл Ор. Пал. за № 995/315, л. 585 и сл.).

Ивановъ, Петръ, иконописецъ кормовой при Моск. Оруж. Пал. Въ 1615, іюня 30, получ. жалов.

См. А. Викторова „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“ I, 129 (изъ расх. кн. Ор. Пал. за № 277/896).

Ивановъ, Петръ, иконописецъ Изуграфской Палаты въ Москвѣ. Въ 1659 былъ присл. изъ Тр.-Серг. мон.; въ 1670 работ. тамъ; 25 сент. 1725 похоронилъ въ Ямской мал. сына Ивана.

См. И. Забѣлина „Матер. для истор. русс. икон.“, 18, 113, и Д. Ровинскаго „Исторію русс. школь иконоп.“, 149, а также рукоп. зам. П. Н. Петрова.

Ивановъ, Петръ, золот. дѣлъ мастеръ въ Москвѣ. Въ 1658 дѣлалъ, по указу патр. Никона, золот. ризу на чудот. икону Владимірскія Богоматери, чтѣ въ Успенскомъ соб.

См. „Древности Росс. Госуд.“ I, 71 (изъ кн. Патриарш. Казен. Прик. 7166 г., № 64). — И. Сазарова „Обозр. русс. археол.“, 33, и И. Забѣлина „О металлич. производ. въ Россіи“, 119.

Ивановъ, Петръ, серебряникъ при Моск. Ор. Пал. 1662, родомъ полякъ; другой (?)—1687 г. См. И. Забѣлина, тамъ же, 119.

Ивановъ, Петръ, архитекторъ, Род. 1738 г., ум. . . . г. Изъ разночинцевъ, наход., въ качествѣ „архитектурнн ученика“, на службѣ при Конторѣ строенія Села Царскаго, въ командѣ архит. Неѣдова, съ 1752 г., на жалов. по 102 р. въ годъ, и оказалъ хорошія способности какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, почему былъ представл. въ февр. 1772 къ проповедству въ помощникъ 2-го кл., съ соответств. содержаніемъ, которое и было увеличено ему до 120 р. въ годъ (въ нояб. 1773).

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 73/187, л. 122 (Книга по Конторѣ Села Царскаго за 1772—76 г.), л. 4—7 и 161 об.

Ивановъ, Петръ Александровичъ, скульпторъ. Сынъ мѣщан., онъ былъ принятъ въ И. А. Х. 6 окт. 1802 г., находясь въ 4 возрастѣ, получ. за глѣнне съ нат. 2-ю сер. мед.—27 авг. 1810

(вѣд. 1 сент.), по выпускѣ же былъ учителемъ рисов. въ Таврич. гимназій съ 1814.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, I, 430 и 566 (№ 21), 546 и 549, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 14/1814.

Ивановъ, Петръ, рисовальщикъ и граверъ на камнѣ при Военной типогр. въ СПб. Былъ ученикомъ А. Х. съ 1809. Имъ литографиров.: 1—6. „Памятшки Кутузову и Барклаю де Толли“, съ рис. Садовникова (деч. у Превю), а также Петру I, Полицейскій мостъ, Елагинскій дворецъ, ц. Владимірской В. М.; 7—8. „Вьютъ“ и „Ангелъ въ Исавя. соб.“, раб. Виталл; 9—16. церкви: Преображенія въ Переславѣ Залѣтскомъ, св. Николая въ столнахъ въ Москвѣ, Спасо-Евѣмievскаго мон. въ Суздаль, св. Троицы въ Троицкой Лаврѣ, св. Николая въ Березневкѣ, домовая водворѣ Нарышкина, Рождества Іоанна Предтечи и двери епископ. дома въ Крутицахъ,— всё съ рис. А. Мартынова (по соч. Снегирева: „Русс. Старина“), — для изд. „Artiste russe“, par J. Guillou, 1847 (№№ 7—16, съ франц. подпис.). Ему же принадлеж., вѣроятно, рисунки съ подл.: „P. Iw. del.“ для грав. на стали рѣзцомъ: портрета имп. Александры Ѳеодоровны въ ростъ, $\frac{3}{4}$ вѣдво, въ русс. костюмѣ (Le Couturier sc.—Imp. Immer)—передѣл. съ оргн. Крюгера 1838 г., и картинки „наказаніе влудомъ Лонухиной“ (Geoffroy sc.—Imp. Chardon.—Publ. par Pagnerres)—въ изд. Lacroix „Les Mystères de la Russie“, Paris, 1845.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, I, 569 (№ 50), и „Сборникъ Имп. Русс. Истор. Общ.“, LX, 290.—Оглавл. въ изд. „l'Artiste russe“ 1847, 12-me livr.—Ср. Д. Ровинскаго „Подробн. Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав., подъ „P. Iw.“.

Ивановъ, Петръ, живописецъ. Изъ вольноотпущ. Березна, занимался живописью подъ руковод. проф. А. И. Иванова и писаніемъ портретовъ, а въ 1847 г. представ. этюдъ съ нат., подъ видомъ „Ап. Матвѣя“, для получ. званія своб. художника, но раб. его была найдена неудовлетворит.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 1/1847.

Ивановъ, Петръ Юдинъ, мастеръ скульптуры и цвѣтвовъ на Имп. Фарфор. заводѣ. Род. 1803, ум. 10 февр. 1856. Изъ мѣщанъ, онъ былъ прине. по Высоч. указу навсегда „въ мастеровые равнаго искусства“ ученикомъ—21 окт. 1812, состоялъ рѣзчикомъ съ 1816, подмастерьемъ съ 26 апр. 1835, мастеромъ съ 28 апр. 1837, получ. медали „за усердіе“: серебр.—4 дек. 1838 и золот.—5 апр. 1847. Оставилъ послѣ себя, кромѣ жены и двухъ дочерей, еще 3 сыновей, сост.

учениками при заводѣ: Ивана (19 л.), Николая (18 л.) и Андрея (10 л.); вдовѣ его была назнач. пенсія по 75 р. въ годъ.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Кабин.: 1856, оп. 412/1490, № 17/844.

Ивановъ, Порфирій Михайловичъ, художникъ до 1833. Род. 1816. Смыкъ тит. сов., формов. мастера А. Х., онъ былъ принятъ въ А. Х. въ окт. 1827, а въ 1832 увол. оттуда изъ гипс. фигурнаго кл.

См. рукою, зам. *П. П. Петрова* и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *ею же*, II, 226 (№ 81), а также въ Архивѣ И. А. Х. дѣло: 6/1832.

Ивановъ (собств. Ильичъ?), Прокофій, травщикъ въ Москвѣ. Въ 1659 присл. былъ изъ Тр.-Серг. лавры.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 18, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 149.

Ивановъ, Романъ, серебряникъ Моск. Оруж. Палаты съ 1660. Родомъ Полякъ, онъ дѣлалъ, вмѣстѣ съ Вас. Ивановымъ и друг., между 10 апр. и 11 мая 1676, для ц-чей Иоанна и Петра Алекс. по сереб. рукоприкладнику и лохани.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 119. — *А. Викторовъ* „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, 516. 517. 519 (ср. Ивановъ, Вас.).

Ивановъ, Романъ, камен. дѣла рѣвецъ, упом. подъ 7142, т.-е. 1634 г.

См. „Древности“, I, Матер. для Археол. Слов., 64 (зам. *И. Забѣлина*).

Ивановъ, Савка, травщикъ и иконописецъ 1643—64 гг. въ Москвѣ. Въ 1643, іюля 19—22, писалъ травы на стѣнахъ въ Успенской церкви, вмѣстѣ съ Фед. Васильевымъ и съ Митькой Ивановымъ (см. это иял); въ 1662, іюня 11, серебряилъ мал. органы наверхъ къ ц-чу Алексію Алексѣевичу; въ 1664 былъ у иконнаго письма въ ц. Евдокія мученици.

См. *А. Викторовъ* „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 400 и 414. 433. 435 (изъ прих.-расч. вл. Ор. Пал. за №№ 944/973, 951/835, 952/837). — *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 53 (7172 г.), и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 149.

Ивановъ, Сементъ, иконописецъ. Въ 1670 онъ отосл. былъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ Филип. Ивановымъ, къ Іовѣ митроп. въ Ростовъ.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 113, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконоп.“, 149. — *И. Снегирева* „Памятники Моск. древности“, LXV (лишь упом.).

Ивановъ, Сементъ, живописецъ. Род. 1773,

ум. 11 окт. 1858, на 85-мъ г., въ Новгородѣ и погреб. на Петров. кладбищѣ тамъ же.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Сементъ, медальеръ. Воспитанникъ Горной Технич. школы и ученикъ и. д. проф. Дялина, онъ служ. кондукторомъ I кл. при СПб. Монет. Дворѣ и, по представл. на Академ. выст. 1854 медальонамъ изъ воску: „голова старушки“ и „портретъ NN“, и свинц. слѣску кони лицев. стороны съ коронам. медалямп. Александра II, раб. Лебрехта, получ. званіе некл. художника — 6 окт. того года. Извѣстна также его копія съ обор. стор. медали на уничтоженіе стрѣльцовъ, воспроизвел. въ изд. *Ю. Иверсена* „Медали на дѣянія имп. Петра В.“, 1872 (IX, 2).

См. „Указат. выст. въ И. А. Х.“: 1854, 58—60. — „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, III, 224. — *Ю. Иверсена* „Словарь медальер.“, 1874, с. 18.

Ивановъ, Сергій, серебряникъ при Моск. Оруж. Пал. въ 1675.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 119 (упом.).

Ивановъ, Сергій Андреевичъ, архитекторъ. Род. 9 іюля 1822 въ СПб., ум. 10/22 февр. 1877 въ Римѣ. Младшій сынъ профессора И. А. Х. и братъ знаменитаго автора „Явленія Мессіи народу“, онъ, какъ видно изъ писемъ А. И. И.—ва къ сыну А. А., отъ 5 іюня и 16 сент. 1837 (см. въ „Русс. Худож. Архивѣ“ 1892, V—VI, 324—5), былъ отданъ, за похов. плату по 375 руб. въ годъ, въ Академ. классы, для обученія архитектурѣ, съ апр. 1837 и, начавъ (въ качествѣ постор. или вольвоприход. ученика) рисовать съ гипсов. головъ, за 1-й же рисунокъ перевед. на гипс. фигуры по 4-хъ мѣс. экзамену, а на слѣд. третемъ экзаменѣ— въ натуральн. классъ. Заслуживъ сереб. медали за рис. съ нат.: 2-ю—23 дек. 1839 (13 янв. 1840) и 1-ю—4 мая 1840, и еще 1-ю сереб. мед. 27 сент. того года—за рис. „Академич. парадлъстница“, который и былъ оставленъ въ А. Х. для образца ученикамъ, а затѣмъ, удостоенный награжденія сереб. медалями за архитект. композици: 2-я—24 дек. 1840 (25 янв. 1841; см. также „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1839, стр. 2; „Проектъ театр.-училища“), и 1-я—10 мая 1841, онъ былъ допущ. 2 дек. 1841 къ конкурсу на 2-ю зол. мед., которую и получ. за исполненный, но утверж. 28 янв. 1842 эскизу, „Проектъ гостиного двора въ столицѣ“ — 26-го сент. того года (см. еще „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1842, с. 5); по утвержденіи же 12 мар. 1843 эскиза прогр. на 1-ю

зол. мед. — „Проектъ публ. библиотеки“, заслужилъ и ее 24 сент., съ правомъ на загранич. пенсионерство (см. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, II. Н. Петрова, II, 394. 400. 406. 413. 415. 422. 424. 438. 452).

Но еще за нѣск. мѣсяцевъ передъ тѣмъ А. Оленинъ писалъ кн. Волконскому 11 янв. 1842: „у насъ въ Академіи наклеивается такой архитекторъ, какова еще не имѣли. Ему теперь *осмнадцатый только годъ*, а чувство нечаявости, il grandioso, въ немъ уже гнѣздится. Ему вдумалось потрудится, въ родѣ программы, въ сооружеіи (на бумагѣ) пяти главнаго храма. Я препровождаю при семъ чертежъ *ученика Иванова* въ вашей свѣтлости. Можетъ быть, въ удостоеніе взглядомъ вашимъ, что возбудитъ молодого художника! На запискѣ этой министръ И. Д. положилъ резолюцію 12 янв.: „возвративъ прилагаемый чертежъ, объявить, что Е. В. изволилъ найти (его) довольно хорошимъ, но зачѣмъ не подписанъ: кѣмъ и когда сдѣланъ и чѣмъ ученикомъ, равно не показана фигура челоуѣка“ (см. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла 3-го отд., 1842, оп. 3/935, № 305/28).

Подробности о ходѣ ваяній С. А. въ Акад. Худож. мы узнаемъ изъ писемъ его брата А. А. (привед. у насъ, въ отрывкахъ, въ биогр. послѣдняго) и отца къ старшему сыну (напеч. въ „Русс. Худож. Архивѣ“ 1892, V—VI). „Чтожь до того, что онъ рисуетъ уже довольно хорошо, — писалъ старикъ Ивановъ сыну Александру про его брата Сергѣя, еще 9 мая 1839 (с. 352), — но, по общему замѣчанію, „рисуетъ манерно“, то я сего не понимаю, чего хотятъ люди, а слова ихъ: „манерно, безхарактерно“ не вразумляютъ ни молодыхъ, ни старыхъ, когда они употреблены бывають нехстати, т.-е. если ученикъ рисуетъ съ натуры и видитъ въ ней явные недостатки, которые поправить умѣетъ по антикамъ, съ которыхъ онъ предварительно и учился для того, чтобъ въ подобныхъ случаяхъ могъ ими руководствоваться, и если онъ это дѣлаетъ, а не копируетъ въ точности друпую часть въ натурѣ, то это значить уже, что онъ рисуетъ манерно; но, кажется, это слово „манерно“ имѣетъ другое значеніе и—всегда непонятное, котораго объяснить или не хотятъ, или сами не умѣютъ, а умѣютъ имъ только пользоваться, для прикрытія своихъ поступковъ противъ тѣхъ, кому, по к. л. причинамъ, не хотять отдать справедливости... Братъ твой съ нѣкотораго времени началъ слѣдовать правилу копировать натуру, что, впрочемъ, онъ и всегда дѣлалъ, но,

какъ всегда имѣли подозрѣніе, будто я ему рисую и, при малѣйшемъ неходствѣ портрета съ натурщикомъ въ лицѣ и др. частяхъ, ставили ему это за великое, а особенно одинъ изъ членовъ Академіи, то разошелся слухъ и между учениками его, что онъ не самъ рисуетъ, или рисуетъ, не копируя, манерно, и, вѣроятно, что это мнѣніе его было принято во время экзаменовъ и всѣми др. членами; ...братъ твой надѣялся получить серебр. медаль 2-го дост., и рисунокъ его, по моему мнѣнію, былъ бы того достоинъ, а особенно сравнивая его съ тѣмъ, за который ты былъ удостоенъ оной же медали, но не получилъ ее...

„...Братъ твой удостоенъ по 4-хъ мѣс. экзамену большой серебр. медали за рис. съ нат., чего я никакъ не могъ надѣяться, — сообщалъ А. И. старшему сыну насчетъ меньшаго въ маѣ 1840 (с. 357),—чтобъ по прошествіи одной только трети года по полученіи мал. серебр. медали могъ его удостоить большой. Что же касается до архитектуры, то онъ также можетъ ихъ надѣяться получить въ скоромъ времени, ибо онъ и по сей части успѣваетъ значительно, но, правду сказать, долго облудывать академич. задачъ, которыя до сего времени задавались имъ заблаговременно, слѣдоват., было достаточно для того времени. Последняя задача была: составить „проектъ путевого дворца“, въ задачѣ опредѣлено было мѣсто полиціи, нѣск. комнатъ для проживающихъ, комнаты содержателю и смотрителю. Различное понятіе о такомъ зданіи самихъ г.г. профессоровъ архитектуры много сбивало учащихъся и имѣло свое дѣйствіе въ экзаменованіи ихъ рисунокъ. ...Никто не былъ удостоенъ медали по оному, и братъ твой получилъ № 8 за свой проектъ, который мнѣ, однакожъ, нравился болѣе дружекъ его проектовъ, по отлѣлкѣ своей. Прежде же сего, т.-е. на апрѣль мѣсяцъ, задана была программа—„сочинить губ. церковь“, которой онъ дѣлалъ два проекта, и оба они получили № 1 А и № 1 В. —До сего времени онъ рисовалъ съ натуры съ возможною точностью, даже съ видимыми недостатками въ оной, чего и требовалось отъ учащагося; но теперь, имѣя уже двѣ медали по сему классу, я даю ему совѣтъ мой заимствовать по возможности, смотря по значенію позы, или натурщика употребляемаго, давать въ рисунокѣ нѣкоторый идеалъ тому, что бы думалъ изобразить въ ней, а сего иначе нельзя пріобрѣсть, какъ подражая въ томъ антикамъ, и поправлять видимые недостатки въ натурѣ по онимъ; разумѣется, что когда натура хороша,

тогда надлежит копировать ее съ точностью...

„Четвертое собраніе было 29 сентября,—это было годовое собраніе Академіи,—писалъ старикъ Ивановъ въ Римъ 7 нояб. того же 1840 года (с. 359).—Братъ твой приготовилъ на выставку къ оному рисунокъ на свѣтной бумагѣ — „парадной лѣстницы Акад. Худ.“ и удостоенъ за оный 1-й серебр. медали, которую и получилъ, вмѣстѣ съ друг. медалями за рис. съ нат., въ этомъ собраніи, всѣ три разомъ; рисунокъ же его Академія оставила у себя, для образца учащимся. Сей рисунокъ—мѣрою: въ шир. 1 ариш. 6 верш., въ выш. 1½ ариш. и представляетъ часть лѣстницы; пунктъ взять отъ одной вазы, почему другая ваза становится первоначалою. Одноцѣлность предмета сего весьма удачно могла быть выражена посредствомъ тона бумаги и бѣлаго карандаша, что оны и исполнить съ возможною вѣрностью въ тонахъ и съ несомнѣнымъ выгоднымъ освѣщеніемъ, каковое представляетъ лѣстница парадная въ натурѣ.—По третнему экзамену, бывшему въ августѣ мѣсяцѣ, ему не посчастливило(сь) въ програмѣ по архитектурѣ; задано-жь было — составить „проектъ царскаго павильона“. Хотя проектъ его и былъ очень не худъ, но другіе сверстники его перебили у него первенство, отчасти съ помощью постороннею, а отчасти и по протекціи своихъ профессоровъ, и получили за оныя медали до 3-хъ №№, а оны получилъ за свой— № 8, что его много обезпокоило, но означенная выше награда за рисунокъ успокоила совершенно.

„По третнему экзамену, бывшему въ А. Х. передъ праздникомъ Рожд. Христ., — писалъ А. И. сыну Александру 11 янв. 1841,—братъ твой получилъ за проектъ архитектурный серебр. медаль 2-го дост. Задача состояла въ сочиненіе фасада, плана и разрѣза „полнаго архіерейскаго дома“, со всѣми принадлежностями оному, означенными въ задачі... Долго оны подумался надъ сочиненіемъ сего проекта и, въ особенности, его плана; фасадомъ же имѣлъ два проекта, и оба были одобрены профессоромъ его, Алекс. Тонъ, и другой, и выставить на экзаменъ; но силъ у него не достало въ исполненію того, ибо, будучи къ тому жъ озабоченъ и рисунками съ натуры, которыхъ отъ него требуютъ и самъ профессоръ его А. Тонъ, чтобы представлялъ оныя на экзаменѣ, несмотря на то, что имѣеть по сему классу уже всѣ награды отъ Акад. Оны рѣшился сдѣлать одинъ фасадъ, который ка-

зался ему лучшимъ по своему характеру архіерейскаго дома, и со всѣмъ этимъ едва успѣлъ окончить оный проектъ къ экзамену, употребляя нѣск. ночей для того. Что же касается до рисунка въ натур. классѣ, то оны не проускалъ положеннаго на то времени, но не могъ пользоваться прибавоч. часами, сверхъ означ. часовъ даваемыхъ отъ дежур. профессора живописца для окончанія, а потому и не кончилъ оного, какъ бы слѣдовало, и не представлялъ его на экзаменѣ... Надобно мнѣ тебѣ сказать нѣчто о предшествов. экзаменѣ, бывшемъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ дежурство г. Басина. Братъ твой представилъ въ оный экзаменъ препорядочный рисунокъ съ новаго натурщика, но, не знаю почему... (оны) получили по сему экзамену за свой рисунокъ первоначально № 10, но и сей вымаранъ, ибо другой рисунокъ найденъ лучшимъ его, и потому поставленъ 10-мъ, а рисунокъ брата 11-мъ №.; всѣ остальные, до 10 №, не столько-то хороши, чтобы могли превзойти рисунокъ брата, а къ тому-жь оны, какъ имѣющій 1-ю серебр. медаль, не долженъ бы былъ и равняться, или экзаменоваться, съ прочими... Ты можешь себѣ представить, сколь огорченъ былъ сей поступокъ для твоего брата, который стараніемъ своимъ, по части рисов. съ нат., совсѣмъ того не заслуживалъ!.. но, благодаря Бога и совѣтанъ общимъ, а равно и собственному разуму, оны не преминетъ идти по сей части своимъ путемъ,—будетъ рисовать всегда, какъ должно, до окончанія своего курса при Акад., но не будетъ представлять своихъ рисунковъ на экзаменѣ;... дежурный же профессоръ въ классѣ будетъ видѣть его всегда исправнымъ, какъ это и было въ означ. третней экзаменѣ, гдѣ рисунки его и не требовали...

„По архитектурѣ, изъ учениковъ Академіи братъ твой обратилъ на себя вниманіе, можно сказать, всего собранія,—сообщалъ старикъ Ивановъ въ Римъ 5 окт. 1841, описывая годич. актъ въ А. Х. (с. 367 — 8): оны выставилъ свой „проектъ вокзала“, за который удостоенъ большою серебр. медали по экзамену, бывшему въ маѣ сего года, но, въ особенности, — „проектъ соборной церкви“ его, по задачі академической на 2-ю треть сего года; при выставкѣ на экзаменѣ, отъ Совѣта сдѣлана на рисунокѣ надпись за подписью ректора по части архитектуры, что Сов. Акад. проектомъ его очень доволенъ.—Сей-то проектъ его и обратилъ на него въ особенности вниманіе друг. членовъ Акад., посѣтившихъ пынѣе собраніе ея, и въ особенности архитекторовъ, которые нашли

его и новымъ, и соразмѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ частей къ цѣлому; но были сдѣланы и замѣчания вѣкторными изъ членовъ Акад., на службѣ состоящихъ при оной, что тумбы, на которыхъ долженъ стоять куполь,—легки и не удержатъ оный, что оны и поправитъ тотчасъ на планѣ, перемѣнивъ масштабъ, послѣ экзамена, чрезъ что проектъ получилъ болѣе огромности въ размѣрѣ своемъ, и былъ такимъ выставленъ въ собраніе. Если бы оны сдѣлать такой проектъ на послѣдній курсъ академическій, то, конечно, могъ бы надѣяться быть удостоенъ зол. медали... Но во вслѣдствіе случая, для меня и для него самого, было пріятно такое лестное вниманіе всѣмъ на проектъ его, потому что оны не ожидали такого успѣха въ этомъ дѣлѣ, не могли ни съ кѣмъ совѣтоваться, какъ только со мною, но я не архитекторъ; и такъ, оны долженъ былъ его производить самъ собою, получивъ одобреніе эскиза своего отъ проф. К. А. Тона, и то слегка успѣшнаго взглянуть на оный, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ изъ Москвы, гдѣ оны строитъ храмъ Спаса и куда во время дѣла часто отправляется для смотрѣнія за производствомъ дѣла. Надобно тебѣ сказать, что эта задача отъ Акад. посылалась на канцеляр. время, когда при Акад. уже не бываетъ никакихъ классовъ и всѣ унѣжаютъ, кто куда можетъ... При всемъ этомъ, ему должно было помогать г. Кузьмину въ программѣ его, что его весьма отвлекало отъ своей работы, и оны долженъ былъ дѣлать время по поламъ: утро—у него, послѣ обѣда—для себя. А если еще прибавить къ сему и др. толки, то, конечно, очень было трудно его положеіе въ это время, и мнѣ стоило большаго труда убѣдить его, что ему необходимо надлежитъ производить проектъ сей съ надлежащимъ исполненіемъ его, по обыкновенію, и представить на экзаменъ Ак. Худ., хотя бы, послѣ полученія 1-й серебрян. медали за архитект. проектъ, ему поставили и 10-й или 15-й № за оный, потому что, послѣ отъѣзда за границу г. Эпингера, товарищи его не думали-бъ, что много было его помощи для него, о чемъ уже вѣкторы и начинали подгруппать, не столько, однакожъ, надъ нимъ, сколько надъ братомъ его, говоря, что „а, чай, жутко вамъ безъ него“.— Но и то сказать, что задача сія, и не мало-важная сама по себѣ, но, однакожъ, составляла въ себѣ все, что могъ обнять оны, видѣвъ изъ многихъ существующихъ державей—ихъ красоты и недостатки; въ особенности же въ семь случаяхъ служила ему примѣромъ строящаяся и

приведенная почти къ окончанію церковь Исаакіи Далматскаго, въ память рожденія Петра В., на Сенатской площади... Но не подумай, чтобъ братъ твой сдѣлалъ свой проектъ церкви и не-вѣсть какой: нѣтъ, оны самый обыкновенный,—точно также, какъ и твоя картина „Явленіе Спасителя Маріи Магдалины по воскресеніи своемъ“, нѣсколько разъ трактованный всѣми художниками; ...въ архитектурѣ есть также своя поэзія, возвышающая мысль нашу своею красотою и соразмѣрностію частей относительно къ цѣлому зданію,— вотъ чѣмъ проектъ брата твоего и отличается, и смотрѣть на него пріятно всегда будетъ, къ тому-жъ позаботился оны и о внутренности оного, по плану и разрѣзу, который будетъ весьма интересенъ въ перспективномъ своемъ видѣ—по эффекту свѣта и тѣни...

„Насчетъ брата твоего могу сказать тебѣ,— писалъ А. И. старшему сыну въ дек. 1841 (с. 371),— что оны до сего времени ведетъ себя, какъ должно, съ большою осторожностію при случаѣ разгуга другихъ его товарищей, къ которому и его приглашать имъ случалось, по случаю полученія награды академической за программу... Что же касается до него, то оны давно отступилъ товарищей своихъ требовать отъ него правника (попойки), при полученіи имъ награды академическѣхъ, въ которыхъ никто изъ нихъ не участвовалъ ни малѣйшимъ образомъ, а достигали оныхъ оны самъ своимъ стараніемъ. И такъ, будь спокоенъ насчетъ его поведенія: оны еще, можно сказать, не имѣлъ до сего времени случая выработать собств. денегъ, но что имѣетъ, то крайне бережетъ на свои потребности по лучшую своему по архитектурѣ.

„Братъ твой Сергѣй, при выставкѣ программы сего года на зол. медаль,— сообщалъ старикъ Иванова въ Римъ 23 нояб. 1842 (с. 375),— удостоенъ Академіей 2-й зол. медали, а другіе его сверстанки, но задачъ той же программы, ничего не получили,—это только преимущество передъ другими его и утѣшаетъ, ибо оны самъ видитъ свои силы и, преимущественно, въ трудахъ своихъ противъ всѣхъ ихъ, и что это справедливо. Можно сказать безъ хвастовства о семъ, что оно такъ и есть. Въ предварит. же собраніи Совѣта Акад. рассуждено было много о томъ, давать ли ему 1-ю зол. медаль прямо, а 2-юю наградить другихъ его товарищей по архитектурной задачѣ; но на послѣднее не состоялось согласія, а потому и оны долженъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ удостоенъ. Слѣдоват., ему предлежитъ еще испытаніе на 1-ю зол. медаль.

„...Тебѣ надлежитъ знать,— писалъ А. И.

старшему сыну 23 дек. 1842 (с. 375),—что братъ твой съ первыхъ чиселъ декабря мѣсяца сего года поступилъ въ помощники къ г. Тону, Конст. Андр., и будетъ находиться при сооруж. церкви для Конногвард. полка. Дѣло начнется немедленно съ наступлениемъ способнаго къ тому времени, а теперь г. Тонъ занимается его изготовлениемъ чистаго рисунка проекта оной, долженствующаго поступить на утверждение Е. В. Госуд. Императора. По сей службѣ, братъ твой будетъ получать 2000 р. (асс.) жалованія въ годъ; хотя это дѣло и временное, ибо должно продолжаться не болѣе 2-хъ лѣтъ и быть приведено къ окончанію, но, во всякомъ случаѣ, для брата твоего весьма полезное на предбудущее время,—гдѣ, какъ не у г. Тона, могъ бы онъ научиться практикѣ строит. части?!—находясь при самомъ началѣ отвъ фундамента до самой вершины зданія, должежь многому научиться изъ опыта личнаго“.

Ими. Николай I, найдя, однако, проектъ С. И. на 1-ю зол. мед., не совершенно удовлетворительнымъ, не изъявляя соизволенія на отправленіе его за границу и повелѣвъ, чтобы художникъ оставался при Анад. до 1845. Въ этомъ смыслѣ послѣдов. и отвѣтъ кн. Волконскаго на ходатайство новаго Президента, герц. Лейхтенбергскаго, отъ 29 нояб. 1843 передъ Государемъ о назначеніи И—у содержанія въ течение 6 лѣтъ изъ Госуд. Казначейства по 300 черв. въ годъ и на путев. издержки за границу и обратно по 100 черв. въ виду того, что въ смѣту расходовъ на 1844 онъ не вошелъ, за представл. оной министрѣ еще 25 авг. (см. въ Общемъ Архивѣ М. В. Д. 1843, оп. 5/937, № 21/66).

По окончаніи курса ученія собств. 6 февр. 1843, съ званіемъ художника 14 кл., какъ награжденный сереб. медалями за рис. съ натуры и архитектур. композиціи, а также и 2-ю золотою, С. А. былъ опред. къ строенію церкви л.-гв. Коннаго полка, помощникомъ архит. К. А. Тона, по утвержд. министромъ И. Д. журналу Кабинета Е. И. В. отъ 2 марта, съ жалов. по 487 р. 28 к., а по рап. Тона отъ 15 мая 1845 увол., по случаю отправленія его пенсіонеромъ за границу, и замѣщ. Х. И. Фольратомъ (см. тамъ же, дѣла Строит. отд. 1843—51, оп. 1/501, № 418/3, л. 113—115). За это время, послѣ полученія 1-й зол. мед., онъ долженъ былъ, по указу своего проф., представить въ 1844 еще проектъ по собств. выбору (фасады „Правещнаго дома“ на Сергѣевоу ул., такъ и выстроеннаго впоследствии), который онъ не въ силахъ былъ, однако, окончить къ сентябрю того года,

хотя чистый эскизъ его и былъ готовъ уже, т. е., вслѣд. усилившейся, за годы его ученія, глухоты на оба уха, онъ принужденъ былъ подвергнуться въ Москвѣ у докт. Иноземцева операціи извлеченія полипныхъ наростовъ изъ прав. уха и леченія разстройства барабанной перепонки на золотушной почвѣ—искусственными минер. водами Крейдлахъ, въ продолженіи 7 недѣль въ лѣтвіе мѣсяца.

Снабженный, наконецъ, въ маѣ 1845 заграниц. паспортомъ и подробной инструкціей отъ Акад., представившей ему на выборъ, для осмотра извѣст. зданій, отправиться изъ Петербурга черезъ Пруссію во Францію и Англію и оттуда черезъ Германію по Рейну въ Италію, или же прямо въ Англію и загѣвъ черезъ Францію въ Италію, а оттуда черезъ Германію въ Россію, С. А., какъ видно изъ его рап. отъ 6/18 нояб. 1845 изъ Париза, выѣх. за границу 1 іюня и „рѣшился тотчасъ же высмотрѣть зап. край Европы, чтобы на возврат. пути въ Отечество имѣть возможность пробѣхать друг. уже странами, и тѣмъ самымъ удовлетворить основ. цѣли данной ему инструкціи“. „Осмотрѣвъ все достойное въ части Германіи, лежащей по всей длинѣ Рейна, потомъ почти всеѣ глав. города Бельгіи и Сѣверъ Франціи,—прибавляя онъ,—я приѣхавъ въ Парижъ, гдѣ думалъ остаться на необход. время, для осмотра примѣчательнаго, но теперь, осмотрѣвъ, нахожу весьма. для себя полезнымъ остаться еще на нѣск. времени въ Парижѣ, для занятій въ здѣшней публ. библиотекѣ, представл. мнѣ въ гравюрахъ и описаніяхъ все то, что я уже видѣлъ существующимъ и что еще долженъ буду увидѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ, за наступившимъ позднимъ дождливымъ временемъ выждать болѣе благоприятное, для дальнѣйшаго путешествія моего по Луарѣ и Югу Франціи, съ цѣлію окончат. изученія и осмотра этого края Ервоиц“... Въ слѣд. рап. отъ 26 марта—7 апрѣля 1846 уже изъ Рима, И—въ сообщ., что, получивъ въ Парижѣ въ скор. времени послѣ 1-го рап. пенсіонерское содержаніе за 1-ю треть (ислѣд. пресбыи его отъ 26 нояб. 1845), онъ „могъ исполнить путешествие по Луарѣ, для осмотра лучшихъ замковъ Франціи, а въ остальной части пути въ Италію высмотрѣть замѣчательный римск. постройки Югъ Франціи и входъ, уже въ Римѣ“. Изъ рап. же отъ 15 дек. 1846 изъ Рима же, мы узнаемъ, что „первое время въ Римѣ онъ употребилъ на разсматриваніе многочисл. образцовъ произведеній, какъ древне-римскихъ, такъ равно и

средне-вѣковыхъ зодчихъ, (а) въ послѣдствіи преимущ. уже занявъ изслѣдованіями, въ существующихъ развалинахъ, — чисто-римскія произведенія. „Когда же, приготовленный изученіемъ, — прибавлялъ онъ, — я рѣшительно остановился выборомъ, то не премину увѣдомить Совѣтъ И. А. Х.“ (см. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 65/1845).

Но въ 1848 послѣдовало Высоч. повелѣніе о высылкѣ его, наравнѣ съ проч. пенсионерами, изъ Рима, по случаю смут. обстоятельствъ, съ выдачею изъ Госуд. Казначейства для расплаты съ хозяевами и на дорогу—400 черв. Поэтому, не смотря на два рап. его, рассмотрѣнныхъ въ Академ. Совѣтѣ 12 авг. и 22 сент. 1849, съ просьбой объ исходатайствованіи ему дозволенія остаться въ Римѣ для окончанія предпринятаго имъ разысканія термовъ Антонина Каракаллы, гдѣ онъ открылъ, кромѣ прекрасныхъ мозаикъ, древ. систему отопленія банъ и способъ устройства сводовъ (см. объ этомъ „Сынъ „Отеч.“ 1847, кн. 10, отд. V, с. 24), министръ Двора не нашелъ возможнымъ ходатайствовать объ пзнятїи его изъ общаго распоряженія (см. „Сборникъ“ Петрова, III, 7—8. 11. 56. 96. 101. 106—7).

Тогда С. А., получившій небольшое наследств. имущество послѣ отца (см. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 64/1849), рѣшилъ остаться съ братомъ въ Италїи на собств. счетъ и прожилъ тамъ до самой смерти своей.

Получивъ черезъ 10 лѣтъ пособие отъ вдовствующей Императрицы Александры Феодоровны, онъ могъ осуществитъ и давнишнее желаніе свое изучитъ греч. древности въ Аѳинахъ, гдѣ онъ, во время своего 7-ми мѣс. пребыванія, какъ сообщ. нашъ посланникъ въ Греціи, Озеровъ, товарищу мин. пностр. дѣлъ 3 мая 1858 „съ неутомимымъ усердіемъ и примѣрною добросовѣстностію, успѣвъ вымѣрять храмы: Парѳенонъ, Эректелъ, Тезея, безкрылой Побѣды и Пропилеи...; силъ съ крайнею точностію планы этихъ зданій и детали капителей, карнизовъ, фризовъ и колоннъ, а также разобралъ и изучилъ приемы строит. производства древнихъ, (а) къ концу пребыванія своего, видѣлъ оконченными разрытіе театра Ирода Аттика, (и) побудился снѣтъ планъ съ этого зданія. Съ портфелемъ, полнымъ новыхъ и любопытныхъ данныхъ, архитекторъ нашъ возвратился въ Римъ, гдѣ, съ помощью прекрасной бібліотеки Археолог. Института, занялся начертаніемъ чистыхъ рисунковъ вымѣренныхъ имъ памятниковъ и разборомъ ихъ... Его основат. образованность, при скромности и благовоспитан-

ности.. оставили въ Греціи самое благоприят. понятіе о нашихъ художникахъ, и можно только желать, — прибавлялъ посланникъ, — чтобы здѣсь позаче появлялись соотечественники съ такимъ направленіемъ и съ такою любовью къ наукѣ, каковыми отличался Ивановъ“ (см. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 80/1858, и сл. „Сборникъ“ Петрова, III, 312).

Направляемый въ своей дѣятельности совѣтами старшаго брата, имѣвшаго большое вліяніе на его развитіе, — не на практич. почву, а на научную, онъ, помимо двухъ изслѣдованій о термахъ Каракаллы и о троѣхъ знаменитой статуи Юпитера Олимпійскаго, раб. Фидїя, изъ которыхъ первое было напечат. на итальянскомъ языкѣ, а второе осталось въ рукописи, прочелъ еще нѣск. докладовъ архитектурно-археологич. содержанія въ засѣданіяхъ Германскаго Археолог. Института въ Римѣ, членомъ котораго онъ состоялъ много лѣтъ, а умирая, оставилъ духъ завѣщаніе, вторымъ назначилъ всѣ свои капиталы на изданіе, а на проценты съ нихъ, тѣмъ же Институту, коему онъ пожертвовалъ и свою бібліотеку, какъ композиціи изъ Свящ. Писанія, раб. его брата, такъ и собств. реставраціи, поступ. загѣмъ въ Моск. Публ. и Румянц. Музей, и потомъ — на выдачу премій СПб. Академіей Наукъ за естественновѣстич. сочиненія (см. „Русс. Обзор.“ 1893, № 7).

Некрологи его были помѣщ. въ 1877 г.: въ „Нов. Врем.“ 23 февр., № 355 (В. Стасовъ, гдѣ ему по ошибкѣ припис. „Записки объ исторїи архитектуры“ Г. М. Иванова); въ „Иллюстрир. Газ.“, с. 104; въ „Пчелѣ“, № 8; въ „Зодчеств.“, № 50; а извѣстіе о смерти въ „Отчетѣ И. А. Х.“ 1879 — 80, 8.— Источники, послужившіе для настоящаго біограф. очерка, указ. выше въ соотвѣств. мѣстахъ.

Ивановъ, Сергій Васильевичъ, живописецъ
Род. 4 іюня 1864 въ Рузѣ. Сынъ колл. асс. служившаго надзирателемъ 4 округа Моск. Анциз. Управл., онъ, по оконч. курса весной 1882 въ гипс. фигурномъ классѣ Моск. Училища живописи и ваянія, поступ. осенью того же года въ А. Х., но, „не желая болѣе продолжать образованіе“ въ ней, просилъ, по переводѣ въ натурн. кл. 12 мая 1884, о выдачѣ ему въ томъ свидѣтельства. Изъ его работъ появлялись на выставкахъ: „ученическихъ“, въ Училищ. живоп. и ваянія: IV-й, 1882 г. — „Крестьянщїи“ и „Создатель“ (№№ 1 и 106), VII-й, 1886 г. — „Болыня“ (№ 135), X-й, 1887 г. — „Мірское дѣвище“ и „Изъ острога на допросъ“ (№№ 41 и 43), XII-й, 1889 г. — „Этюдъ“ и „Заборъ“ (№№ 309 и 310); „періодическихъ“, Моск. Общества любит.

Худож. IX-й, 1889 г.—„Въ вагонѣ IV класса“; „этиодовъ“, тамъ же: I-й, 1889 г.—2 эт. „Арестанта“ (№№ 91 и 92), II-й, 1890 г.—„Арестантка“ (№ 259); „передвижныхъ“, Товар. передвиж. выставокъ: XV-й, 1887 г.—„Переселенка“ (№ 111), XVI-й, 1888 г.—„Обрат. переселенцы“ (№ 117), XVII-й, 1889 г.—* „Въ дорожѣ“=Переселенцы (№ 53, наход. въ гал. Третьякова подъ № 1284), XVIII-й, 1890 г.—* „Бродяга“ (№ 77). Во „Всемир. Иллюстр.“ 1890 (I, 264) былъ помѣщ. снимокъ съ его карт.: „На заработки“. Въ мартѣ 1895, „желая предпринять путешествіе по Россіи съ худож. цѣлью и съ цѣлью снятій съ натуры остатковъ старинн. зданій, утвари и т. п.“, И—въ просилъ А. Х. объ оказаніи ему въ этомъ содѣйствіи выдачей соответств. документа.

31. Бродяга, карт. С. В. Иванова 1890 г.

Отзывы газетной художественной критики о произведеніяхъ Иванова были самые равно-

образные. Такъ, по поводу его перваго дебюта на передви. выставкѣ 1887 г., въ „Южномъ Краѣ“ (6 сент., № 2295) писали про „Переселенку“: „Въ ней есть жизнь и простота. Это скоуфе этюдъ, нежели картина, но этюдъ прекрасный. Особенно хорошо переданъ этотъ, раскалившейся на солнцѣ, красный вагонъ 4-го класса,—чувствуется, что онъ раскаленный, — въ которомъ такъ просто и естественно расположены и сама старуха переселенка, и повозка съ будкой, и лошаденка. Все это живетъ и дышетъ, все это очень оригинально и правдиво“. „Написана „Переселенка“, замѣчалъ *Будничій Горюкъ* въ „Новорос. Телегр.“ (1 нояб., № 3885), — детально и очень правдиво. Главный ея недостатокъ — это огромное пространство картины, занимаемое рыже-краснымъ вагономъ, (оно) неприятно рѣжетъ глазъ и производитъ кричащее впечатлѣніе“.

— На счетъ картины И—ва 1888 г. появилось уже больше различныхъ отзывовъ. „Переселенцы, по нашему мнѣнію, — провозглашала *В. Воскресенскій* въ Академич. органѣ „Худож. Новости“ (15 марта, № 6, с. 154—6), — весьма характерный образецъ газетной живописи. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ если надо показать во всей силѣ бѣдствія переселенцевъ, брошенныхъ на произволъ судьбы администраціей и обществомъ, то, разумѣется, красокъ жалѣть не слѣдуетъ... Мы остановились на этой картинѣ единственно потому, что на ней, какъ въ каррикатурѣ, яснѣе отражаются всѣ особенности расуодно-публицистичной живописи; въ Переселенкахъ — все сочинено, измышлено, притянуто за волосы, только для того, чтобы лишній разъ указать на, известныя всѣмъ, слабыя стороны переселенческаго вопроса. Авторъ не догадывается, что сочинительство въ области искусства очень нерѣдко приводитъ совсѣмъ не къ тѣмъ заключеніямъ, на которыя онъ рассчитываетъ. На самомъ дѣлѣ, если найдется такой сумасбродный и глупый человѣкъ, который, какъ переселенецъ г. Иванова, съ кучей малолѣтнихъ дѣтей, итѣшій, пустится въ безводную и безлюдную степь на вѣрную смерть, то, спрашивается,—причемъ тутъ переселенческой вопросъ? Передъ нами — не переселенческой вопросъ, а, съ одной стороны,—преступная глупость мужаика, ведущаго ребятишекъ на неизбежную и близкую смерть, а съ другой—легкомысліе художника, вдохновляющагося газетными статьями. Между тѣмъ, г. Ивановъ — художникъ не безъ таланта; поэтому и нельзя не пожалѣть, что онъ усвоилъ такіа „новыя“ воззрѣнія на иску-

ство, благодаря которым оно обращается въ иллюстрацію газетной хроники происшествій. Убийство, самоубійство, грабежъ, несчастные случаи и т. п. рубрики полицейской газеты — вотъ, къ сожалѣнію, единственные источники вдохновенія для художниковъ такого направленія, какъ г. Ивановъ. Иначе взглянула на картину независимая печать.

„Картина г. Иванова Обратные переселенцы — говорилъ *И. Ясинскій* въ „Всемир. Иллюстр.“ (19 марта, № 1000, с. 234), — напоминаетъ чѣмъ-то „Бурлаковъ“ Рѣпина. Она очень недурно написана; но мужикъ чертучуръ Некрасовскій — идетъ онъ, „солнцемъ палимый“, а за нимъ тлущаю крошки-дѣти. Зпой въ пустынной степи передавъ на картинѣ хорошо“. Описывая то же произведение въ „Русск. Курьерѣ“ (27 апр., № 114), *С. Ф.* — въ заключеніе свои слова — замѣчаемъ: „Эта картина принадлежитъ г. Иванову и называется: Обратные переселенцы. Недостатковъ въ ней много, но тема ея не заурядна и заставляетъ, пожалуй, забывать недостатки“.

Еще болѣе толковы возбудила картина Иванова 1889 г. „Къ числу картинъ, внушающихъ чувство ужаса, — повѣствовала „Петербург. Газ.“ (1 марта, № 58), — относимъ произведение С. В. Иванова, названное имъ: Въ дорогѣ. Въ общемъ, впечатлѣніе, производимое картиною, — очень неприятно“. „Изъ вещей газетнаго характера — возвѣщаль оныя *В. Воскресенскій* въ „Худож. Новостяхъ“ (15 марта, № 6, с. 149) — можно указать только на одну: это — Въ дорогѣ, г. Иванова. Г. Ивановъ — художникъ талантливыи; кисть его не лишена драматизма, а сердце — человѣколюбія и воспримчивости къ злѣбъ дна; если бы ко всему этому присоединились — строгость мысли къ самой себѣ и серьезный трудъ въ дѣлѣ изученія природы и человѣка, то мы, безъ сомнѣнія, получили бы отъ г. Иванова нѣчто болѣе продуманное и цѣнное, чѣмъ его Въ дорогѣ, для которой онъ не потрудился перешагнуть порога мастерской, и которую состряпалъ „отъ себя“, по старому и уже достаточно исчерпанному матеріалу (предполагаемъ, что такой матеріалъ у него былъ, хотя и въ этомъ можно еще сомнѣваться)“...

Не лучше отзывались и нѣкоторые изъ Московскихъ газетъ. Въ „Русск. Курьерѣ“ (21 апр., № 107) *С. Ф.* писалъ, напр.: „Г. Ивановъ (экспон.) фигурируетъ съ вымученною картиною, которая, конечно, осталась бы совершенно незамѣтной, если бы не одно маленькое обстоятельство, заставившее на нее взглянуть...

Вспомнивъ, что г. Ивановъ уже не въ первый разъ трактуетъ „переселенческій вопросъ“, я сразу сообразилъ, въ чѣмъ тутъ дѣло. Значитъ, фхаль бѣдный переселенецъ степью и умеръ. Можетъ быть вдругъ, можетъ быть медленно хирѣя. Ну, и что же изъ этого? При чѣмъ тутъ гражданская скорбь, которая, очевидно, свѣдала г. художника, писавшаго эту картину? Люди вѣдь умираютъ вездѣ и всячески, — это ихъ удѣлъ, но не назначеніе искусства осквернить тайну смерти въ погонѣ за дешевыми эффектами. А это несомнѣнная погоня, рассчетъ на потрясеніе нервовъ зрителя иллюстраціей къ модному вопросу. Не говорю уже объ отвратительномъ впечатлѣніи и безцѣльномъ воспроизведеніи такихъ „сюжетовъ“, нельзя не указать на недомыслие нѣкоторыхъ художниковъ, которые „чудятъ“ себя терзаемъ „скорбно-гражданскихъ“ темъ, мало ими обдуманныхъ“. „Сильное впечатлѣніе, — говорилъ напротивъ *В. С.* въ „Русск. Вѣдом.“ (22 апр., № 109), — производитъ картина г. Иванова: Въ дорогѣ, изображающая смерть крестьянина-переселенца въ дорогѣ, среди пустынной мѣстности. ...Лезущая вдова, намъ кажется, уже своимъ положеніемъ чертучуръ поддерживаетъ сцену и врядъ ли отличается правдивостію, — это положеніе, далеко не въ первый минуть смерти мужа, ослабляетъ, по нашему мнѣнію, характеръ матери, какимъ онъ является въ народѣ. Тяжелые тоны при яркомъ солнцѣ еще болѣе подчеркиваютъ сюжетъ картинъ“. „Совѣсьмъ другой характеръ носитъ на себѣ картина г. Иванова: Въ дорогѣ — отмѣчалъ *Н. К.* въ „Моск. Лист.“ (2 мая, № 121). Художникъ сразу поражаетъ зрителя выборомъ сюжета, который, самъ по себѣ, уже интересенъ. Онъ рисуетъ зрителю безконечную голую степь, пробираясь черезъ которую небольшая семья „переселенцевъ“ потеряла главнаго своего вожака и главу семьи — отца и мужа. Повторяю, что сюжетъ самъ по себѣ слишкомъ трагиченъ и крикливъ, чтобы не производить извѣстнаго чисто-вернаго впечатлѣнія, если же къ нему присоединился еще и талантъ художника, хорошии рисунокъ и живыи, хотя и нѣсколько сухія краски, то въ результатѣ несомнѣнно получилась сильная картина“. „Въ числѣ такихъ курьезовъ, произведеніямъ г. Иванова принадлежить бесспорно первое мѣсто, — провозглашалъ напротивъ *Ам.* въ „Русск. Мысли“ (май, с. 193). На его картинѣ: Въ дорогѣ — все желто-желто, какъ въ несочинѣ. ...Изъ этого познавъ свѣдѣетъ, что мужики иногда умираютъ дорогой

въ полѣ, бабы отъ того въ огорченіе приходятъ и падаютъ вничкомъ, дѣти же пичкомъ не падаютъ, а сидятъ и ничего не понимаютъ. Нечего сказать, блестящая идея и весьма плодотворная. Хорошо, что эта картина попадетъ въ галерею П. М. Третьякова въ вѣчное пазиданіе молодымъ художникамъ, чего изображать не должно. „Вотъ еще одна изъ такихъ же картинъ, но только бьющая на другую струну человѣческой души, — говорилъ *В. П. Карповъ* въ „Харьк. губ. вѣд.“ (17 сент., № 240). Картина г. Иванова: На дорогѣ рисуется передъ нами бѣднаго переселенца, умершаго въ пути. Сюжетъ дѣйствительно потрясающей душу зрителя, и нельзя не сказать, что онъ исполненъ художникомъ очень хорошо. Но что же говорить этотъ сюжетъ? Такія несчастія беспрестанно бывають съ людьми. Есть прекрасная польская поговорка — въ жизни, какъ на дворѣ, т.-е. все бываетъ — и снѣгъ, и дождь, и солнышко, и градъ. Но смерть на пути въ дорогѣ — составляетъ (ли) характерную, такъ сказать, повальную черту въ жизни переселенцевъ. Конечно, нѣтъ. Конечно, это спорадическій случай. Зачѣмъ же брать его для сюжета картины? Зачѣмъ этимъ сюжетомъ разбивать у переселенцевъ послѣднія надежды на лучшее, а зрителю картины вводить въ разочарованіе жизнью“.

Совсѣмъ иначе отнеслись въ этой картинѣ Одесс. и Киев. газетн. „Ивановъ“ — писали, напр., въ „Новоросс. Телегр.“ (8 янв., № 4589), — выставилъ очень хорошую, хотя и недостаточно колоритно и сочно написанную картину: На дорогѣ, — картину, полную драматизма по своему сюжету. Эта печальная исторія переселенцевъ, которые, разчитывая на лучшую долю, со всѣмъ своимъ скарбомъ потащались въ далекій путь. И вотъ струсилъ бѣда: кормилецъ семьи умеръ въ дорогѣ. Лежитъ онъ съ накрытымъ лицомъ, съ старой иконой на груди. Съ ужасомъ смотритъ на него, вытаращивъ глаза, дочка-похростокъ и рыдаетъ жена, припавъ лицомъ къ землѣ. Картина эта очень плохо повѣшена и много отъ этого проигрываетъ: впрочемъ, то же самое можно сказать и о многихъ другихъ картинахъ, совсѣмъ не у мѣста и не по свѣту повѣшенныхъ“. „Г. Ивановъ — колористъ съ тонкимъ чутьемъ, — замѣчалъ *А. Эртель* въ „Кіевлян.“ (15 дек., № 273). Въ его картинѣ: Въ дорогѣ — нѣтъ игры и блестящаго разнообразія сочетанія цвѣтовъ, но зато — есть характерность и полная правда. Что касается сюжета картины, то онъ простъ, и

эта простота только усиливаетъ потрясающую драму, которую художникъ проводитъ предъ нами. Фигуры тутъ говорятъ сами за себя“. „Весьма интересной картиной, какъ по письму, такъ и по содержанію, — говорилось въ „Кіев. Словѣ“ (1 янв. 1890, № 854) — представляется: На дорогѣ, С. В. Иванова. Среди пустой степи стоитъ повозка, пароможденная убогимъ скарбомъ переселенческаго семейства. Незачѣмъ теперь ѣхать дальше, ибо дорогою случилась страшная катастрофа — умеръ кормилецъ семьи. Его трупъ съ накрытою головою и съ святою иконой на груди положенъ около дороги — а воевъ проѣзжія жертвуетъ что нибудь въ пользу сиротъ. Убитая горемъ жена и обаятая невыразимымъ ужасомъ дочь дополняютъ содержаніе этой картины. Исполненіе ея твердое, ясное нѣсколько напоминающее манеру Верещагина“.

Наконецъ, если не болѣе, то и не менѣе, толковъ явилось въ печати по поводу произведенія, выставленнаго нашимъ художникомъ въ 1890 г. — „Выдается картина г. Иванова: Бродяга по своему сюжету, — признавалъ *Художникъ* въ „Снѣгъ Отеч.“ (13 февр., № 41); но только эту картину только было хорошо написать и въ сотую часть теперешней ея величины, и она отъ этого нисколько бы не потеряла“. „Болѣе удовлетворительною, — говорилось въ „Петерб. Газ.“ (14 февр., № 43), — оказалась намъ картина С. В. Иванова, съ изображеніемъ молодого бродяги, котораго привезъ городской въ участокъ“. „Бродяга“ Иванова и „Что есть истина?“ принадлежатъ къ числу наименѣе удачныхъ, — замѣчалъ „День“ (14 февр., № 604). „Ивановскій Бродяга не далеко ушелъ отъ Вѣнчанія (Матвѣева), — писалось въ „Петербург. Лист.“ (14 февр., № 43). Мальчишка-оборванецъ, приведенный въ участокъ изображенъ не дурно, почти рельефно, — также, какъ и приведенный его городской, но, въ общемъ, картина ничего не доказываетъ, кромѣ того, что г. Ивановъ рисовать умѣетъ. А вѣдь художникъ, очевидно, желалъ заставить зрителя придумать, пожалѣть бродягу“. „Въ области жанра остается сказать нѣсколько словъ о Бродягѣ, г. Иванова, и Въ ожиданіи найма, г. Зоменка, — замѣчалъ *М. Соловьевъ* въ „Моск. Вѣд.“ (16 февр., № 46). На первой, въ профиль и натуральную величину, — городской и мальчуганъ. Письмо — плоско, типы не характерны. Вѣзлый или свѣтлый фонъ картинъ рѣзко выдѣляетъ контуры и съдѣляетъ всю модельировку, рельефность. Испанскіе художники XVII в. любилъ писать этюды въ полную

фигуру въ натуральную величину. Подъ такими картинами подписывались имена: Сурбарана, Вальасеза, Рибери, но далеко до нихъ и „бродягъ“, и „городовому“, да и времена не тѣ: кого соблазнить искусство занять чуть не цѣлую стѣну городовымъ и бродягой, если только картина не писана художникомъ для собственнаго употребленія; если же такъ — зачѣмъ она на выставкѣ? „Въ совершенно-передвижномъ духѣ задуманъ Бродяга, Иванова — по отзыву „Недѣли“ (18 февр., № 7). Городовой, на лицѣ котораго написана исполнительность и повиновеніе начальству, привелъ въ полицейскій участокъ оборваннаго мальчишку, у котораго испорченность и пороки (среди заѣла) отпечатаны во всѣхъ чертахъ лица и даже выглядываютъ изъ боковаго кармана, въ видѣ пачки напросъ. Если хотите, вся эта сцена написана хорошо и даже очень, — но она и очень мало интересна.“

„Картина С. И. Иванова: Бродяга — замѣчалъ *Н. Сн* — въ „Живоп. Обзор.“ (18 февр., № 8, с. 131), — также написана съ „идеей“. Идея эта выражена въ видѣ мальчишки-бродяги, олицетворяющаго развращенное городское молодое поколѣніе. Здѣсь же предстаетъ идея порядка и исправленія въ видѣ невозмутимаго городского“.

Особаго отъ всѣхъ мнѣній держался *В. Стасовъ*, давая въ „Сѣв. Вѣст.“ отчетъ о „передв. выставкѣ и ея критикахъ“ (№ 3, с. 89—90). „Наконецъ, и еще одинъ изъ новоприбылыхъ, Ивановъ, до сихъ поръ исаившій (и прекрасно) все только переселенцевъ на далекій нашъ Востокъ, выступилъ съ большой картиной на самый, что ни на есть, русскій общій, повсюдшій сюжетъ: Городовой приводитъ въ участокъ мальчишку-бродягу. Иные жалуются на то, что обѣ фигуры стоятъ въ профиль, одна за другой; я не могу жаловаться на это. Отчего бы имъ не стоять обомъ въ профиль, когда такъ по минутно бываетъ въ натурѣ, и что это за академическія недѣлиныя правила! Всѣ вѣчно рады жаловаться на Академію, а посмотритишь, при первой оказіи, тотчасъ разсуждаютъ какъ самые закоренѣлые академики и профессора. Что значить академическая прочная отравя въ продолженіи столькихъ лѣтъ! Но, какъ бы ни было, эти двѣ фигуры сильно меня восхищаютъ. Все въ нихъ — сущая правда и истина, ни единой выдуманной черточки и фальши въ угодъ „правиламъ“. Солдатикъ-городовой, молодой и узколюбый, столько же вѣренъ и истенъ, какъ прошлогодніе солдатики Пастернака, сидящіе, лежащіе, читающіе, слушающіе и курящіе. Онъ пришелъ со своей добычей въ контору, всю ва-

брыганную по стѣнамъ чернильными кляксами, ну и ждетъ дальнѣйшаго рѣшенія, со своими померанцовыми жутгами на плечахъ и оловянными шариками подлѣ нихъ, со своей немощно протянутой впередъ, изъ подъ черной шинели, головой, кругленькой какъ буль-де-гоме, и со своими востренькими, какъ у мышенка, глазами. А пойманнй мальчишка, въ огромныхъ чыхъ-то чужихъ, стоптаныхъ башмачкахъ на босу-ногу, въ лохмотьяхъ, дерзкій, мерзкій и тупой, со взъерошенными волосами, съ коробочкой спичекъ въ верхнемъ карманѣ блузы (конечно, онъ уже давно куритъ, еще бы ему не курить!) — это субъектъ ужасный, будущій преступникъ, которому однажды придется навѣрное прогуляться по Владиміръѣ. Но что это за неподкупная правда изображенія, что за превосходный снимокъ съ живой натуры! Это прямо одинъ изъ субъектовъ Достоевскаго. Само собою разумѣется, наши судьи и критики, въ добродѣтельномъ жеманствѣ и фарисейской коммльфовности своей, отплевываются отъ такой „неблагопрістойной“ картины. Имъ бы только что по фальшивѣ, подальше отъ натуры, по выдуманнѣе. Ну, да для нихъ законъ не писанъ. А картина — прекрасная, и, кажется, Ивановъ еще много пойдетъ впередъ“.

Отдѣльнаго отъ Петерб. газетъ мнѣнія держались и Моск. журналы. Такъ въ „Русс. Вѣдом.“, и *Буква* (25 февр., № 54), и *В. Сн-сь* (14 апр., № 100), писали слѣдующее: 1-й — „Типично подлѣченъ подростокъ Бродяга, г. Иванова (С. В.), неисправимый воспитанникъ исправительныхъ колоній, но у сопрождающаго его молодого городского — странная фигура свѣтскаго фата. Вѣроятно, такъ нужно было для большаго контраста“; 2-й — „Совершенно другого рода уличнй типъ мальчика представляетъ на настоящей выставкѣ картина г. Иванова: Бродяга. Этого мальчишка-бродягу сопутствуетъ городовой и сопутствуетъ, вѣроятно, не въ первый разъ; по крайней мѣрѣ, лицо мальчишка не выражаетъ никакого смущенія отъ грозной обстановки, его окружающей; въ душѣ воронки уже сложилась твердо своя жизнь и ярко оразвилась въ выраженіи и самомъ типѣ его лица. Нельзя не пожалѣть, что картинѣ этой приданы слишкомъ большіе размѣры и массивная фигура городского занимаетъ большую часть полотна, а между тѣмъ фигура эта является какъ бы аксессуаромъ при главномъ сюжетѣ: она только дополняетъ и подчеркиваетъ сюжетъ; притомъ же эта большая фигура написана крайне небрежно“. Затѣмъ *Глаголъ* говорилъ въ „Артистѣ“ (№ 7,

апрѣль, стр. 104): „Тему, близкую къ тюремной жизни, выбралъ и г. Ивановъ. Этого художника давно влечетъ къ себѣ область „униженныхъ и оскорбленныхъ“, и на сей разъ онъ подошелъ къ ней съ совершенно новой стороны. До сихъ поръ въ его картинахъ васъ поражала сама, происходящая передъ вами, драма. Отдѣльныхъ дѣствующихъ лицъ вы почти не замѣчали и они не оставались въ вашей памяти. Теперь передъ вами типъ, и типъ настолько удачно схваченный, что онъ долго остается въ вашемъ воспоминаніи. Смотря на этого подростка парю человечества, вы чувствуете, что онъ преступникъ не потому только, что онъ попался съ поличнымъ, а потому, что онъ носитъ эту преступность въ глубинѣ своего дегенерированнаго мозга, и дайте вы ему все, что ему хочется украсть, онъ все-таки останется преступнымъ или въ разгулѣ разврата, или въ рукахъ разыгрывающихся и ничѣмъ не уравновѣшенныхъ страстей. Городовой съ тупоумнымъ лицомъ еще болѣе отгвѣляетъ „бродягу“ и, за интересомъ лицъ, забываются технические недостатки; одно только, что бросается неприятно въ глаза,—это громадность фигуръ. Картина могла быть вдвое, вчетверо меньше, и не мало, бы отъ этого не потеряла.“

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 126/1882, и „Катал. вышешом. вист.“—Снимки съ карт., отгвѣт. *, помѣщ. въ „Иллюстрир. каталогахъ“ соотвѣтств. выставокъ, изд. *Н. П. Собоко*.

Ивановъ, Сергѣй, живописецъ. Вольноприход. ученикъ И. А. Х., онъ, „во вниманіе къ хорошимъ познаніямъ въ живописи исторической и портретной, которыя доказаны исполненными имъ работами“, удост. былъ Академикъ. Совѣтомъ 17 дек. 1853—званія некл. художника, въ которомъ и утвержд. Общимъ Собраніемъ 11 окт. 1854, въ чемъ ему былъ выд. аттестатъ 30 нояб. того года. Состоя затѣмъ преподавателемъ Моск. Училища живописи, ваянія и зодчества, онъ былъ оставленъ Правит. Сенатомъ безъ утвержденія въ чинѣ тит. сов. по недостатку свидѣній, когда онъ былъ возвед. въ званіе академика. Вслѣдъ этого, Канцелярія Совѣта Моск. Худож. Общ. просила Канцелярію И. А. Х. 8 февр. 1869 сообщить ей означ. свидѣніе, присвоивуя, что дипломъ на званіе академика (sic) Ивановъ получ. 30 нояб. 1854. На это послѣдняя отвѣтила 15 февр., что „академикъ (sic) Сергѣй Ивановъ удостоенъ сего званія въ Общемъ Собраніи 10 окт. 1854, съ правами, присвоенными ст. 730-й т. III вн. I Уст. о службѣ по опред. отъ Правит. (изд. 1857 г.)“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 49/1869.

Ивановъ, Сергѣй Ивановичъ, скульпторъ. Род. 1828 (а не 1830, какъ прим. прежде). Воспитанникъ Моск. Воспит. Дома, уволенный отсюда 11 авг. 1838, и ученикъ Н. А. Рамазанова по Моск. Училищу живоп. и ваянія, овъ исполнилъ въ 1848 копію съ антич. статуи „Фаунъ съ тарелками“, которая и была представл. въ И. А. Х. при письмѣ самого преподавателя отъ 30 сент. на имя Совѣта и вице-президента, гр. Ѳ. П. Толстаго, съ просьбой объ удостоеніи его шитомца—званія своб. художника. Но Совѣтъ Акад. отвѣтилъ и ему (25 апр. 1849), и Совѣту Моск. Худож. Общ., приславшему свидѣтельства объ увольненіи И—ва изъ Воспит. Дома и объ исполненіи имъ копій безъ всякой постор. помощи (17 іюня),—что для получения означ. званія д. б. исполнены оригин. произведенія. Представленные же Рамазановымъ съ тою же цѣлью барельефы раб. И—ва: „Илья Пророкъ“ и „Сатиръ, учащій Аполлона играть на флейтѣ“ найденны были Академіей 17 апр. 1850 слабыми, и только, по присл. „бюсту артиста Ленскаго“ съ нат. и по доставл. на Акад. вист. 1850 „бюсту академ. Добровольскаго“, онъ признанъ былъ нем. художникомъ 25 сент., а за выставл. имъ въ Акад. въ 1854 фигуры: „Львица и заяцъ“ въ гипс. слѣпкѣ и, въ особ., „Мальчикъ въ банѣ“ (наход. въ гипс. слѣпкѣ въ А. Х. и изъ мрамора—въ гал. Третьяковскихъ), онъ получ. званіе академика 6 окт. Послѣ того имъ исполнены были бывшіе на выставкахъ въ Моск. Учлн. живоп. и ваянія въ 1856: „Мальчикъ на лошади“ и „Неаполит. рыбацекъ съ раковиною“, въ Моск. Общ. Любит. Худож. въ 1865: „Материнская любовь“ (грав. на деревѣ Л. Стряковымъ для „Худож. Сборника“, изд. подъ ред. гр. А. С. Уварова, М. 1866), и наконецъ, въ И. А. Х. въ 1876: „Проектъ памятника Пушкину“ (грав. на деревѣ въ „Кругозорѣ“ 1876, № 12, с. 187). Овъ изд. особую „Объяснит. записку, о проектѣ памят. Пушкину“, СПб. 1875.

Заявивъ послѣ Рамазанова мѣсто преподавателя скульптуръ въ Моск. Учлн. живописи, ваянія и зодчества, С. И. рѣдко появлялся со своими произведеніями на выставкахъ, но въ мастерской его (въ 1883 г.) наход. слѣдующія его произведенія: бюсты С. В. Шумскаго, В. И. Живокина, П. М. Садовскаго, И. А. Крылова; статуя св. ап. Андрея Первоз.—для Историч. Музея, эскизы статуи „Моисей, источ. воду изъ камня“—для предпол. бассейна въ Кремлѣ; группы: „Пощады Іуды“, „Тигръ, вившійся въ шею наступившаго имъ олена“, и

оканчивавшіяся въ то время: „Львица съ дѣтми“ (изъ краснаго воску) и „Сцена охоты“—повтеръ на стойкѣ и охотникъ, готовый стрѣлять.

Когда же работы Иванова являлись на обществ. судъ, онѣ вызывали похвалы соврем. худож. критики. Такъ, относит. его „Мальчика въ банѣ“ говорилось въ 1854 г. въ „Современ.“ (№ 11, „Петерб. новости“, с. 125), что онъ „отличается характеромъ дѣтской наивности и граціи“, и

32. Мальчикъ въ банѣ.
Статуя С. И. Иванова, 1854 г.

что „линія наклоненія головы и поза руки, приложенной къ груди, прекрасно выражаютъ наслажденіе, испытываемое мальчикомъ подъ потокомъ свѣжей воды, которою онъ себя оканчиваетъ изъ шайки“.—Въ „Отеч. Зап.“ (№ 12, смѣсь, Петерб. замѣтки, с. 78—79),—что статуя эта „отличается спокойствіемъ и граціей, которая разливается по всей фигурѣ съ головы до ногъ; что „счастливъ художникъ, что, не заимствовавъ своего сюжета ни изъ греч. мифологіи, ни изъ древ. исторіи, отыскалъ его

въ нашей обыденной жизни, и счастливъ поэтому, что подобный сюжетъ не только допускается наготу, не сообразную съ нашимъ климатомъ и нашими нравами, но даже требуетъ ея“; но что „не только счастливый выборъ сюжета, намъ близкаго, дѣлаетъ эту статую замѣтательною и интересною,—въ ней заключаются (и) другія достоинства: граціозная постановка, мягкость линій и поразительное выраженіе нѣги и удовольствія въ улыбкѣ, въ движеніи лѣвой руки, положенной на грудь, и во всей позѣ „Оканчивающагося мальчика“.—Въ „Москвитян.“ (№ 12, с. 268, въ ст. *Н. Рамазанова*),—что „эта статуя такъ удачна по выбору сюжета, сочинена съ такою простотою и исполнена съ такою пріятностію, что, послѣ статуи „Рыбачка“ пок. Ставассера, бывшей на Академ. выставкѣ въ 1839 г., онъ не видалъ подобной“ и что „общій отзывъ Моск. публики относится также въ пользу этой статуи, обратившей на себя вниманіе одного изъ знатоковъ здѣшней столицы—гг. С. Г. Строганова“; а въ 1855 (№ 3, с. 59, въ ст. *В. Пяксина*),—что „Мальчикъ въ банѣ“, Иванова,—естъ такое чудное созданіе, что, смотря, какъ онъ послѣ перенія оканчивается холодною водою, самъ чувствуешь это прохладяющее теченіе воды по тѣлу, раскаленному паромъ“.

Также сочувственно отзыв. критика и о послѣдующихъ произведеніяхъ Иванова. „Русс. Вѣст.“ 1856 г. (мартъ, кн. 2, совр. дѣл., с. 72, въ ст. *Любителя*) говорилъ, напр., описывая выставку, что „первое мѣсто занимала статуя „Неаполит. рыбачекъ съ раковиною“ акад. Иванова, давно уже знакомаго публикѣ своими произведеніями, изобличающими отличный талантъ: рыбачекъ служатъ доказательствомъ, что художникъ идетъ все впередъ“; что „еще очень миленькая вещь г. Иванова — „Мальчикъ на лошади“: здѣсь прекрасно переданъ характеръ деревенскаго мальчика и простого рабочаго животнаго“.

Про „Мать съ ребенкомъ“ *А. Фетъ* писалъ въ „Худож. Сборникѣ“ 1866 г. (с. 85—92): „Статуя г. Иванова представляетъ въ высшей степени отрадное явленіе. Она какъ бы вся вышла изъ глубокаго и задуманнаго изученія антиковъ. Уже одна простота сюжета громко говоритъ въ пользу художника... Г. Ивановъ избралъ немногосложную задачу—наготу мать, любующуюся нашимъ младенцемъ, котораго во всю длину рукъ приподняла надъ своею головой. Такой естественный порывъ материнской нѣжности могъ произвести общее и извѣстное

движение — во время купанья матери и младенца, и потому не представляется ничего изысканнаго; а между тѣмъ поза матери дала возможность художнику найти самыя очаровательныя линіи въ игрѣ прекраснаго женскаго тора...

„Мы нисколько не настаиваемъ на мысли, будто статуя г. Иванова навѣяна единственно его знакомствомъ съ антиками. Для насъ достаточно встрѣтиться въ ней съ тѣмъ, чѣмъ мы привыкли наслаждаться въ антикахъ, — строгимъ отношеніемъ къ искусству и красотѣ. Мы даже имѣемъ поводъ думать, что художникъ скорѣе обязанъ помянутымъ совершенствами статуи — собственному таланту, чѣмъ долговременному изученію антиковъ; въ такомъ соображеніи приводитъ насъ голова матери... Всякая голова древней греческой статуи лучшаго періода есть идеальная голова. Этой-то идеальности и даже простаго греческаго типа — мы и не находимъ въ головѣ статуи г. Иванова. Вся статуя — въ половину натуральной величины, и потому сравнительно небольшая голова матери носитъ на себѣ типъ обыкновенной современной римлянки. Но... какое намъ дѣло до того, гдѣ почершалъ художникъ такое вѣрное чувство красоты? Довольно того, что оазъ заставляетъ насъ чувствовать эту красоту и проникаться ею... Въ этомъ-то его неотъемлемая и высокая заслуга... Высокое качество чистоты — общее у статуи г. Иванова съ лучшими произведеніями древности. Совершенно нагая статуя матери и младенца — можно сказать одѣта непорочностью.

„Поэза, выбранная художникомъ для своей статуи, дѣлаетъ величайшую честь его таланту. Она самая естественная и, въ то же время, самая выгодная для его художественной дѣли... За то и просвѣтъ между младенцемъ и матерью больше не для эффекта, а въ силу самой вещи.

...„Любязныя выставленныя статуей, мы слышали сожалѣнія нѣкоторыхъ о томъ, что художникъ, наклонувъ на голову фигуры платокъ, нарочно отяжелилъ ее и лишилъ гармонической воздушности... Свободный художникъ захотѣлъ создать статую, независимую отъ слишкомъ явныхъ условій времени и мѣста. Признаемся, у насъ не хватаетъ духу порицать художника за такую горделивую смѣлость... Но, выбравъ для статуи безразличный типъ лица, художникъ долженъ былъ остановиться передъ новымъ затрудненіемъ, какъ причисать эту голову? ... Правда, вездѣ и во всѣ времена женщины въ извѣстные моменты распускаютъ свои волосы, но „распущенные волосы, прекрасные

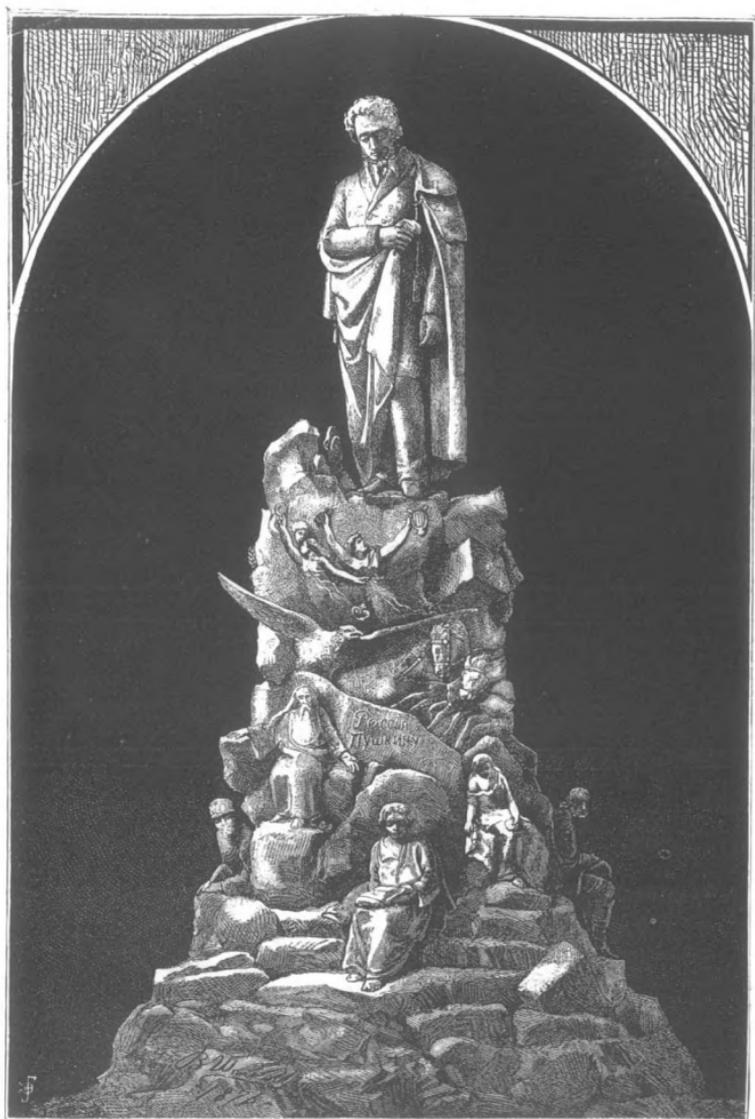
въ живописи, — безобразны въ скульптурѣ, враждующей со всѣмъ плоскімъ, прилизыннымъ. Только по этому художникъ и не рѣшился растянуть складки платка, стянувъ его полотною на головѣ фигуры.

„Мы слышали, что г. Ивановъ уже приступилъ къ воспроизведенію статуи въ мраморѣ и намъ остается пожелать, чтобы онъ и въ этомъ матеріалѣ сохранилъ ту тѣлесную мягкость, которую дышетъ его гипсовая работа. Нѣтъ ничего холодящаго и жосе тѣхъ рафенатныхъ фигуръ, какими нерѣдко поддучаетъ публику современная, черезъ-чуръ охорашивающаяся скульптура. — Мы видѣли на выставкѣ небольшія модели задуманныхъ г. Ивановымъ новыхъ работъ и можемъ ему посоветовать воздерживаться отъ скученныхъ группъ вообще и отъ лежащихъ въ особенностяхъ...

Относит. „Проекта памятника Пушкина“, раб. Иванова, соврем. критика замѣчала въ 1875 г.: „жалъ, если Комитетъ (по присуж. премій) не обратитъ вниманіе на этотъ новый замѣчательный, по глубинѣ замысла и художественности, проектъ, — какъ писалъ *Н. Чаевъ* въ „Соврем. Извѣст.“ (3 апр., № 92, и почти тоже въ „Моск. Вѣдом.“, 25 окт., № 271). Статуя поэта необыкновенно изящна; о сходствѣ и говоритъ нечего; онъ стоитъ, слегка склонивъ оригинальную свою голову, какъ бы задумавшись надъ своими соиздачіями... Пѣвецъ стоитъ на скалѣ, исчезающей почти подъ барельефами, начинающимися съ горельефа (реальный міръ) и переходящими постепенно, вверхъ, къ статуѣ, — въ легкіе образы сказочнаго міра...

„Легкую, красивую вереницей образы (эти) какъ бы вьются около задумавшагося надъ ними поэта, переходя постепенно отъ полурельефа въ легкія очертанія сказочныхъ резьвидѣній... Поэтические образы гораздо меньше статуи поэта, но вьются съ ней необыкновенно гармонично. Общее модели — простота и ясность въ выраженіи каждой изъ фигуръ — напоминаетъ рѣзную музу Пушкина, выражавшуюся тоже легко и ясно... С. И. Ивановъ дѣлаетъ 3-ю модель; послѣднюю, какъ видите, можно назвать безъ преувеличенія — очень удачною: все въ ней полно смысла, все прочувствовано и обдуманно глубоко... Я пишу эти строки съ цѣлью обратить просвѣщенное вниманіе г. г. членовъ Комитета на это замѣчательное худож. произведеніе нашего даровитѣйшаго скульптора“.

„И вотъ, на текущей выставкѣ въ И. А. Х. явился новый проектъ — плодъ многосторонняго изученія созданий Пушкина, — писалось въ „Кру-

33. Проектъ памятника Пушкину,
 раб. С. И. Иванова, 1875 г.
 (Изъ «Нругозора» 1876, № 12, с. 187).

гозоръ" 1876 (№ 12, с. 188—9). Московскій художникъ, академикъ С. И. Ивановъ, отнесся къ своей задачѣ съ подобающимъ уваженіемъ и во всеоружіи громадной подготовки. Въ основаніи идеи проекта памятника А. С. Пушкину положено его стихотвореніе... Пушкинъ говоритъ, что онъ самъ себя воздвигъ памятникъ перуковторный; это выражается въ проектѣ тѣмъ, что статуя его утверждается на пьедесталѣ, покрытомъ образами въ его стихотвореній, поэмъ и драмъ. Эти образы, выдѣленные барельефомъ и горельефомъ, вѣяса вокругъ пьедестала и окружающаго его, какъ бы образуютъ основаніе статуи для Пушкина, какъ бы несутъ ее...

Наковецъ *Урусова* сдѣлалъ въ „Радугѣ“ 1883 (№ 30, с. 695) слѣд. общее замѣчаніе насчетъ нашего художника: „Талантъ г. Иванова—вѣсьма многосторонненъ и равно прекрасно выражается какъ въ историч. статуяхъ, въ бюстѣ, портретахъ, такъ и въ воспроизведеніи поэтич. фантазій, какъ своихъ собственныхъ, такъ и заимствованныхъ“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 2/1869 — „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, III, 97, 130, 144, 169, 224. — „Указат. вѣст. въ И. А. Х.“: 1850, 145; 1854, 5, 102; 1876, 114. — „Русс. Вѣст.“ 1856, № 5, соврем. хѣтот., 72. — Статьи о немъ въ „Художеств. Сборникъ“, гр. Уварова, I, 75 — 93 (*А. Фета*, — критикъ, съ рис.), и въ „Радугѣ“ 1883, № 30, 695 (*Урусова*). — Статьи о памят. Пушкину, 1875 г.: въ „Соврем. Извѣст.“ № 92; въ „Моск. Вѣд.“, № 271; въ „Кругозорѣ“ 1876, № 12, съ рис.

Ивановъ, Сергѣй Ковальичъ, архитекторъ и живописецъ XVIII ст. Сынъ фельдшера Придв. Контроя, онъ просилъ Канцелярію отъ строенія Е. П. В. домовъ и садовъ въ авг. 1745 о приянтіи его въ „архитектурную науку“, но принятъ былъ къ „живописнымъ дѣламъ“ въ команду маст. Лон. Доридкаго.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. 1745, оп. 78/190, № 31.

Ивановъ, Сергѣй Петровичъ, архитекторъ. Род. 1831. Воспитанникъ Строит. Учил. съ 17 іюля 1843 по 25 іюня 1851, на суммѣ Гл. Управл. Пут. Сообщ., онъ былъ выпущ. съ чиномъ губ. секр.—архитект. помощникомъ въ Тамбовскую губ. Строит. и Дорожн. Комиссію. Послѣ того онъ былъ производителемъ работъ въ Оренбургской Комиссіи (съ 1861), наход. въ отставкѣ (съ 1863), служилъ сверхштат. техникомъ Строит. отд. Черниговскаго Губ. Правл. (съ 1871); затѣмъ, причисл. къ Мин. Внутр. Дѣлъ, былъ откомандированъ въ распоряж. Минскаго Церковно-Строит. Присутствія для занятій по

постройкѣ правосл. церквей, а потомъ назван. Минскимъ губ. архитекторомъ (въ 1872); наконецъ, состоялъ: при Технич.-Строит. Комит. (съ 1878), Тульскимъ губ. инженеромъ (съ 1879), Астрахан. городскимъ (съ 1885), Таврич. губернскимъ (съ авг. 1891).

См. *Г. В. Барановскаго* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, I, 130, и служ. ему дополн., рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Сидоръ, кунган. и мѣдныхъ дѣлъ мастеръ Серебр. Палаты въ Москвѣ, 1675—88. Дѣлалъ въ 1676, сент. 25, кунганъ Государю въ хоромы.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 119 (упом. въ 3-хъ мѣст.). — *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 519 (изъ праж. расх. кн. Ор. Пал. за № 1028/867).

Ивановъ, Смирной, Каменнаго Приказа 4-й подмастерье камен. дѣлъ (архитектор. помощникъ) въ 7124, т.-е. 1616 г., въ Москвѣ.

См. „Древности“, I, Матер. для Археол. Слов., 37 (упом.).

Ивановъ, Софроній, иконописецъ кормовой въ Москвѣ. Былъ въ 1660 у „Архангельскаго письма“.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконописч.“, 150.

Ивановъ, Станиславъ, серебряникъ въ Москвѣ, 1662 г. Родомъ полякъ.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 119 (упом.).

Ивановъ, Стенька, мастеръ — серебряникъ „гладкаго дѣла“ въ Москвѣ, 1660—63.

См. *И. Забѣлина*, тамъ же, 119.

Ивановъ, Степанъ, ценянныхъ дѣлъ мастеръ въ Москвѣ. Дѣлалъ въ 1668 г. 2000 образцовъ ценянныхъ поясовыхъ, въ дл. 8 верш., большые и меньше, попер. 7 верш., — на украшеніе ц. Георгія Неонесарійскаго за Московю.

См. *И. Забѣлина* „Обозр. финифт. дѣла“, 55.

Ивановъ, Степанъ, живописецъ XVII в. Украшалъ, какъ и др., разныхъ дѣлъ мастера и живописцы, б. ч. поляки, призв. въ Москву во время польской войны: Юр. Ивановъ, Степ. Зиновьевъ, Ив. Миrowsкой, Андр. Павловъ, Степ. Петровъ, съ учениками, — окна, двери и подволоку (пlafонъ) искусною рѣзбою въ нов. вкусѣ, которую вызолотили, а плафонъ росписали, въ новой столовой избѣ, постр. въ 1660, вмѣсто старой, вѣроятно обветшавшей, — по вымыслу инжен. и полков. Густ. Дегенпина.

См. *И. Забѣлина* „Домаш. бытъ русс. царей прежняго времени“ — въ „Отеч. Зап.“ 1851, т.

ЛХХІУ, № 2, отд. П, с. 170 (изъ расч. вн. Каз. Прик. №№ 1015, 1068), и въ отд. изд.

Ивановъ, Степанъ, Моск. живописецъ въ СПб. Оставленъ былъ въ мартѣ 1750 „для опернаго дома“ у Валериани.

См. „Архивъ дирекціи Имп. СПб. Театр.“, I, ч. 8 (9) и 11 (11).

Ивановъ, Степанъ Анапичъ, живописецъ. Род. 1761 г. Изъ мастеров на Имп. Фарфор. заводѣ дѣтей, поступ. въ завод. гимназію въ 1766, въ живописцы въ 1775; получ. жалованія 76 р. 70 к.; служ. еще въ 1809.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. дѣла Кабин. 1809, оп. 151/320, д. 18/67, л. 80 об., и Придв. Конт.: 1788, оп. 122/556, д. 3, с. 25.

Ивановъ, Степанъ, рѣшникъ XVIII в. Изъ крестьянъ с. Благоуѣнскаго, вотчины Сласо-Ярославскаго мон., онъ былъ на службѣ въ Москвѣ, а съ 1744 ваять въ СПб. въ Гофъ-Интендант. Контору, гдѣ наход. въ 1746; затѣмъ въ 1747 и 1748 былъ на родинѣ; съ 1748 служилъ солдатомъ „батальона отд. строенія“ въ Петергоф. Конторѣ, а съ 1750 опред. рѣшникомъ въ Канцелярію Строеній.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. 1748, оп. 78/190, № 42.

Ивановъ, Степанъ, архитекторъ. Род. 10 сент. 1764, ум. Сынъ служителя барон. М. А. Строганова, онъ былъ опред. въ Акадѣм. училище въ 1770 пенсіон. И. И. Бецкаго; находясь въ 5 возрастѣ, получ. 2 и 1 с. м.—17 іюля 1785, а 20 іюля—меньш. зол. мед. за исполн. программы, запис. въ журналъ Совѣта 23 сент. 1784, равно какъ аттест. на званіе художника 14 кл. и шпагу, причѣмъ еще съ 14 апр. 1785 назнач. былъ пенсіонеромъ за-границу.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, I, 163 (№ 10). 143—4. 281—2.

Ивановъ, Степанъ Фаддѣевичъ (а не Федосѣевичъ, какъ знач. въ нѣкотор. источникахъ), граверъ на мѣди. Род. 1749, ум. 29 мая 1813 въ СПб. (погреб. на Смоленскомъ кладбищѣ). Сынъ солдата Семенова. полна, онъ былъ прин. въ И. А. Х. до маад. брата Григорія, въ апр. 1763 г., 14-ти л., и сталъ ученикомъ Чемесова; находясь въ 5 возрастѣ, онъ получ. 2 с. м. за рис. съ нат.—на экзам. 29 дек. 1767 (6 февр. 1768); затѣмъ, 30 іюля 1768 г. — 2-е награжд. зол. мед. за исполненіе прогр.: 1. „Устраненіе пробудившимся кн. Владиміромъ удара ножемъ, занес. надъ нимъ Рогѣевою во время сна“ (вѣроятно, около того онъ выполнилъ: 2. рис. и грав. „Новоселенца“, а также: 3.

„Дѣвушку съ бокаломъ“, съ Міериса)¹⁾, и, наконецъ, 30 іюня 1770 — аттест. на званіе художника, съ правомъ на отпав. за-границу въ качествѣ пенсіонера. Прибывъ моремъ къ берегамъ Франціи, вмѣстѣ съ Вѣльченковымъ, С. Васильевымъ и А. М. Ивановымъ, въ нач. октября того года, онъ поступ. въ учен. въ L'Étranger'у въ Парижѣ, гдѣ награвиров.: 4. „Голландку въ окнѣ“, съ Остада (см. рап. его отъ 15 мая 1773), и 5. мужской портретъ съ Снейдеса—для предлога. изданія Саундерсової галлерей въ Эрмитажѣ, а потомъ переселился въ Римъ, гдѣ и гравиров.: 6. портретъ фельдмаршала кн. Голицына (см. рап. отъ 14 окт. 1773); 4 сент. 1774 былъ принятъ безъ баллотировки въ „назначенные“, съ 1775 завѣдывалъ гравюр. классомъ въ А. Х.; 3 сент. 1782 получ. званіе академика за грав.: 7. „Пустыльникъ (св. Францискъ), съ Г. Дова; 25 янв. 1785 былъ уволенъ, по прош., и вступ. въ СПб. Портв. Таможню. Въ Россіи имѣ. были награвиров. портреты: 8. митроп. Моск. Платона и 9. гр. А. И. Мусина-Пушкина; въ 1794 онъ гравиров.: 10. 4-е плава, 3 фасада и 1 разрѣзъ Академич. зданія; 5 окт. 1795 ему поруч. былъ, послѣ Радига, кл. гравиров., которымъ онъ завѣдыв. до поступ. Клаубера, обучая между прочимъ и Уткина; въ 1799 принималъ присл. изъ Варшавы эстампы; будучи библиотекаремъ А. Х., заслуж. въ 1805 орденъ св. Владиміра 4 ст. См. въ № 16 „Худож. Новостей“ 1889 г. статью П. Н. Петрова „О перечнѣ русс. граверовъ, Фіорилло“ (до 1726), и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, его же, I, 122. 126. 127. 758. 135. 141. 280. 281. 336. 344. 382. 417.—„СПб. Вѣдом.“ 1774, № 78.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 64/1773, лл. 8 и 13; 56/1774; 14/1794; 36/1805.—Д. Ровинскаго Н. И. Уткинъ“, 1884, с. 41, и „Подроб. Словарь русс. граверов. портретовъ“, 1889, алфав.

Ивановъ, Тарасъ, чеканщикъ и бронзовщикъ. Изъ вольноотпущ. сенатора А. Г. Телдова (съ 9 іюля 1806), онъ еще при Екатеринѣ II (въ 1777 г.) занимался въ А. Х. разными работами для Красносельскаго Ея И. Выс. Двора, а затѣмъ, имѣя отъ мастера литейныхъ и чеканящихъ дѣлъ Лжимова работу по отливкѣ и чеканкѣ головъ херувимовъ и листовъ у пробной капители въ Казанскомъ соборѣ, пользовался помѣщеніемъ отъ Авад., по опред. Совѣта отъ 16 мар. 1807, согласно предлож. Президента гр. А. С. Строганова, послѣ же 1812, по приказу того же Презид., наход. у заводчика Берта,

¹⁾ Если это не раб. его брата Гр. Фед. Иванова.

дѣлаваго капители (въ числѣ 56-ти) для той же церкви.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: Презид. 22/1777 и 18/1822 и Правл. 82/1890, 124/1890, 93/1891, 65/1892.

Ивановъ, Терентій, живописецъ. Род. 1792. Изъ мастеровъ дѣтей, поступ. въ заводъ гимназію въ 1797, въ заводъ училище — 20 апр. 1804, въ живописцы на Имп. Фарфор. Заводъ — 12 февр. 1806; получ. жалованія 119 р. 19 к.

См. въ Общезъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Кабин.: 1809, оп. 151/820, № 18/67, л. 38 об.

Ивановъ, Тимоѳей Ивановичъ, медальеръ. Род. 1729 на СПб. Монет. Дворѣ, ум. 1803 г. Ученикъ Медальерной школы съ 1745, онъ состоялъ казен. медальеромъ съ 1762, а въ 1800 выш. въ отставку, оставивъ послѣ себя не мало медалей. Первыми его работами могутъ считаться медали: 1—2. „на восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны“ и „на освобожд. заключенныхъ, 1741“; коп. съ Вехтера (сним. — въ „Собр. русс. мед.“, 123. 124); 3. † „на прощеніе подат. недоимокъ“ и на размежев. земель, 1754 (*Рейгель*, 2029; *Прозоровскій*, 246; сним. въ „С. р. м.“, приб., 5); 4.* „на побѣду надъ Пруссаками при Франкфуртѣ на Одерѣ, 1759“ („Спис. Медал. Комит.“, 31; *P.* 2136; *II.* 428; сним. въ „С. р. м.“, 137), а также—5. „рублевникъ“ 1758, съ изображ. Елизаветы Петровны (*Ю. Иверсенъ*, „Слов. мед.“). Затѣмъ слѣдовали медали: 6.* „на коронацію Екатерины II въ 1762“, съ ея изображ. („Спис. Мед. Ком.“, 4; *P.* 2243; *II.* 263; сним.

въ „С. р. м.“, 145, и въ изд. *Ю. Иверсена* „Медали въ честь госуд. дѣят.“, XIV, № 1, — см. тамъ же, т. I, с. 175); 7.* „на установленіе нов. монеты въ 1763“ (*P.* 2257; *II.* 265; сним. въ „С. р. м.“, 148); 8.* „за полезные Обществу труды, 1762 г., май 4 числа“—въ награду купцамъ, торговавшимъ въ Камчаткѣ (ср. *P.* 2242; *II.* 487; „С. р. м.“, 144); 9.* „на учрежд. Воспитат. дома“—собств. Инстит. при Смольномъ мон., 1763 г.—лицев. стор. (*P.* 2258; *II.* 266; „С. р. м.“, 149) и 10. „за отличность“—для награды воспитанницъ Смольнаго мон., коп. съ Егера („С. р. м.“, 155); 11. „на открытіе СПб. Акад. Худож.“, 1765, коп. съ Вехтера и Вернье), и 12.* „Достоинному“—для награжд. отъ А. Х.—лицев. стор. (*P.* 2714; *II.* 508; „С. р. м.“, 151. 154); 13.* „на привозъ хлѣба изъ Лифляндіи въ 1766“—лицев. стор. (*P.* 2328; *II.* 296; „С. р. м.“, 159); 14.* „на постройку карусели въ 1766“—въ награду за рыцарскія игры („Спис. Медал. Комит.“, 27; *P.* 2324; *II.* 292; сним. въ „С. р. м.“, 156—7, и въ изд. *Иверсена* „Медали въ честь госуд. дѣят.“, II, 2); 15. „за труды воеванія отъ Вольв. Экон. Общества“ („С. р. м.“, 163); 16.* „на закладку Исаак. собора въ 1768“ („Спис. Мед. Ком.“, 33; *P.* 2381; *II.* 297; „С. р. м.“, 161); 17.* „на привитіе оспы Императрицѣ въ 1768“ („Спис. Мед. Ком.“, 35; *P.* 2385; *II.* 298; „С. р. м.“, 164); 18.* „въ честь Императрицы“, 1770 г.—лицев. стор. (*P.* 2433; *II.* 301); 19.* „за сраж. при Багудѣ, 1770“ (*P.* 2431; *II.* 431; „С. р. м.“, 166); 20.* „за битву при Чесмѣ, 1770“—лицев. стор. (*P.*

34—35. Медали:

на закладку Исаакіевскаго собора,
раб. Т. И. Иванова, 1768 г.

на возстановленіе Моск. Кремлевскаго дворца,
раб. Т. И. Иванова, 1773 г.

(Изъ „Собранія русс. медалей“ 1840, №№ 161 и 171).

2432; *П.* 432; „С. р. м.“, 167); 21. „за отлично храбрый противъ непріятеля поступки и особенное къ службѣ усердіе“ и проч.—для пожалования нѣкот. казачьимъ офицерамъ въ 1768—74 гг.—лицев. стор. (сним. въ изд. *Иверсена*: „Медали въ честь госуд. дѣят.“, табл. IV; см. тамъ же, т. I, с. 74); 22. „на открытіе Коммерч. учил. въ Москвѣ, 1772“, съ изображ. П. А. Демидова (сним. въ „С. р. м.“, III, 5, и въ изд. *Иверсена*: „Медали въ честь госуд. дѣят.“, XX, 5; см. тамъ же, т. I, с. 203); 23.* „на возобнов. Кремл. дворца въ Москвѣ, 1773“ (*Р.* 2497; *П.* 302; „С. р. м.“, 171); 24.* „Б. М. Екатерина II, Имп. и Сам. Всер.—заступника вѣрныхъ“, 1776 (*П.* 310); 25. † „на 50-лѣтіе Акад. Наукъ въ 1776“—лицев. стор., копія съ Егера (?), 1785 г. („Спис. Мед. Ком.“, 96; *Р.* 2567; *П.* 303; „С. р. м.“, 181); 26.* „на повѣдку Императрицы въ Крымъ, 1787 г.“—лицев. стор. (*Р.* 2741; *П.* 322; „С. р. м.“, 205; прав. Vertonnier); 27.* „за взятіе Очакова въ 1788“—для моряковъ (*Р.* 2764; *П.* 435; „С. р. м.“, 209); 27 bis. „на побѣду при Кинбурнѣ, 1787“ („С. р. м.“, 206), и 28.* „за храбрость въ водахъ Финскихъ“—по случаю атаки Швед. батареи за р. Кимевъ (*П.* 437—8; „Кабин. Петра В.“, III, 105); 29—30.* „за“ и „на побѣду надъ Шведами въ 1789“ и 31.* „на заключеніе мира со Швеціею 1790 г.“—лицев. стор. (*Р.* 2792—1 и 2812; *П.* 439 и 323—4; „С. р. м.“, 212 и 215); 32.* „на обезпаченіе владѣльч. правъ, 1790“—на право собственности (*Р.* 2830; *П.* 327; „С. р. м.“, 202) вырѣз. въ 1790 г.: 33.* „на учрежд. ордена св. равноап. Владиміра“ (*Р.* 2819; *П.* 326; „С. р. м.“, 204); 34. † „на учрежд. губерній въ 1775 г.“—лицев. стор., копія съ Егера („Спис. Мед. Ком.“, 90; *Р.* 2542; *П.* 305; „С. р. м.“, 178); 35. † „на увеличеніе Русс. флота, 1782“—коп. съ Егера (*Р.* 2667; *П.* 315; „С. р. м.“, 191); 36. † „на принятіе Грузин. царя Ираклія подъ покровит. Россіи, 1783“ (*Р.* 2684; *П.* 319; „С. р. м.“, 195); 37. † „на присоедин. Крыма къ Россіи въ 1783“ (*Р.* 2685; *П.* 320; „С. р. м.“, 196); 38. † „на открытіе торгов. портовъ въ Феодосіи, Херсонѣ и Севастополѣ въ 1784“—лицев. стор. (*Р.* 2702; *П.* 321; „С. р. м.“, 201); 39. „на завед. флота на Черномъ морѣ“ („С. р. м.“, 203); 40. „за взятіе Измаила, 1790“ и 41. „для пожалованія нѣкот. офицерамъ казачьихъ войскъ, отличившимся въ сраж. при Мачинѣ и развитіи многочисл. Турецкой арміи 28 июня 1791“—лицев. стор. (сним. въ „С. р. м.“, 213, и въ изд. *Иверсена*: „Медали въ честь госуд. дѣят.“, табл. IV; см. тамъ же, т. I, с. 90); вырѣз. въ 1792 г.: 42.* „на миръ съ Турками въ 1774“—лицев. стор. („Спис.

Мед. Ком.“, 88; *Р.* 2517; *П.* 303); 43.* „за литерат. труды, 1783“—для награжд. отъ Росс. Академіи (*Р.* 2688; *П.* 522; „С. р. м.“, 199); II) † на историч. событія изъ врем. Петра I. („Спис. Мед. Ком.“: 25. 27. 29. 30. 33. 34. 37. 47. 51. 52. 58. 53. 54. 57. 56. 59. 63. 69. 72. 74. 73. 82; *Р.* 921. 941. 946. 949. 968. 971 и 975. 1019. 1122. 1131. 1134. 1135. 1148. 1140. 1145. 1146. 1149. 1150. 1225. 1228. 1254. 1260. 1262. 922 и 1297. 1301; *П.* 17. 31. 74. 177. 178. 180. 181—2. 184. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 198. 199. 200. 201. 203. 204—5. 206. 208. 209. 211. 212; „Собр. русс. мед.“: 48. 50—57. 59. 60. 62. 67. 68. 73—75. — снимки и опис.: 44. „на переименов. Нотебурга Шлоссельбургомъ, 1703“; 45. „на завоев. и разруш. Нѣншацца, 1703 г.“ (сним. у *Шуберта*: XL, 1505); 46. „на основ. (залож.) СПб., 1703“ (сним. тамъ же: XLII, 1507); 47. „на безопас. плаваніе по Балт. морю, 1703“—на учезд. флота; 48. „на взятіе Дерпта, 1704“; 49. „на взятіе Нарвы, 1704“ (двѣ); 50. „на завоев. Митавы въ 1705“; 51. „на побѣду надъ Левенгауптомъ подъ Переволочною, 1709“—на взятіе Швед. арміи (сним. въ изд. *Ю. Иверсена*: „Медали... Петра В.“, V, 3); 52. „на штурмов. Эльбинга въ 1710“; 53. „на взятіе Выборга въ 1710“; 54. „Ревеля“, 55. „Риги“—лицев. стор. (сним. у *Шуберта*: XLIII, 1529); 56. „Динамида“—лицев. стор.; 57—58. „на завоев. Карелии (Первова) и Кексгольма въ 1710“; 59. „на вятіе о. Эзеля съ г. Аресбургомъ въ 1710“; 60. „на успѣхъ дѣйствія войскъ въ 1710“; 61. „на завоеванія, сдѣл. въ 1710“—на завоев. Лифляндіи и Финляндіи; 62. „на прибытіе флота въ Або въ 1713“—взятіе Або; 63. „на сраж. (побѣду) при Пелкиной мысѣ въ 1713“ (двѣ); 64. „на битву (побѣду) при Вааѣ въ 1714“; 65. „на (морскую) побѣду при Аладѣ въ 1714“; 66. „на завоев. (взятіе) Нейшлота въ 1714“—лицев. стор.; 67. „на посѣд. Петромъ I Париж. Монах. двора, 1717“; 68. „на возвращ. Государя въ Россію въ 1717“; 69. „на подавленіе стрѣлец. мятежей, 1718“—на безопасность Имперіи; III) и IV) изъ 2-хъ серій: ** „въ память русс. государей въ порядкѣ ихъ престолонаследія“— 70 (24). в. к. Юр्या Всеволодовича на вел. княж. Владимірское, 1218, и ** „въ память древ. событий русс. исторіи“— 71 (39). „Олегу сконч. въ 912“, 72 (44). „Игорь пробился съвоемъ Грекъ“, 73. (50). „В. К. Святославъ Сѣв. и Юж. Россіи въ 945“, 74 (67). „Святославъ Ясы и Косого побѣдилъ... въ 965“, 75 (77). „Святославъ одержалъ надъ Греки побѣду въ 971“, 76 (86). „В. К. Ярополкъ I Юж. Россіи... въ 970“—лицев. стор. (*П.* 25. 107. 112. 120. 137. 147. 156).

Звѣздочкой (*) отмѣнены медали, современные событіямъ, къ которымъ онѣ относятся; двумя звѣздочками (**)—дѣланныя въ память прежнихъ событий; крестомъ же (†) — или ново-дѣланныя, или скопированныя со старыхъ.

См. Ю. Иверсена „Словарь медальеровъ“, 1874, с. 18—19, и „Медали въ честь русс. госуд. дѣятелей и част. лицъ“, 1880—83, II, 487 (спис. медальер.).—„Собрание русс. медалей“, изд. Археол. Ком., 1840. — *Reichsala*: „Die Reichsische-Münzsammlung in St. Pbg.“, 1842, I, и Д. Д. Прозоровскаго „Каталогъ русс. и зап. европ. медалей и монетамъ, хран. въ минцъ-кабин. И. А. Х.“, 1868, алфав. подл.: Ивановъ, Т. и Т. — А. И. Артемьева „Медальные Комитеты“ въ „Зап. Имп. Русс. Археол. Общ.“, III, 187.—Д. Ровинскаго „Подорожный Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав.—*Nagler's „Künstler-Lex.“* VI, 655 (отъ кратко).

Ивановъ, Тимошеѣ, архитекторскій помощникъ. Род. 3 янв. 1806, ум. 1883 въ СПб. Изъ питомцевъ СПб. Воспитат. Дома (1806, № 1174), онъ учился, кромѣ чтенія и письма, — гидравликѣ и, во время 5-лѣтней службы смотрителемъ за работами при производствѣ градъ и гидравлич. сооружений инженер. путей сообщ. Голе въ Павловскѣ, обучаясь у него—геометрин, архитектурноическому и проч. родовъ рисованію, въ чемъ и имѣлъ свидѣтельство отъ 16 янв. 1828. По запискѣ Г. И. Вилламова отъ имени имп. Маріи Феодоровны къ архит. Росси отъ 26 янв. того же года, онъ опред. былъ въ вѣдомство Строит. Комиссіи по постройкѣ нов. театра и др. зданій, съ жалов. по 600 р. въ годъ (съ 20 апр.), а по вступленіи въ бранъ съ воспитаницею СПб. Воспитат. Дома Александрю Ильиной (1808, № 1079) въ нояб. 1829, былъ архитект. помощникомъ при Росси съ 13 дек., потомъ при Гальбергѣ, и затѣмъ—при Воспит. Домѣ въ гор. Гатчинѣ съ 7 февр. 1833, согласно просьбѣ его. По упраздненіи же сего мѣста (6 апр. 1835), увол. былъ отъ службы 13 янв. 1836; наход. съ 1 нояб. до 2 дек. при перестройкѣ дома дирекціи Имп. театровъ близъ Александр. театра, а съ 20 мая 1837 по 22 февр. 1838—при чертежной и д. Тихвин. уѣзд. землемера въ штатѣ Новгородской губ., производя въ 1838 также и практик. межевыя работы по Новгородскому и Крестецкому уѣзд.; съ 23 февр. 1839 принять былъ въ число кандел. служителей при Новгород. Дворян. Депутат. Собраніи, а съ 13 мар. 1841 опред. въ штатъ; наконецъ, командиров. былъ въ помощь губ. землемеру Вамѣлкину для опис. мостовъ въ Устюжскомъ у. на Ярослав. тракѣ и для

присмотра за подряд. работами Корпуса инженеровъ капит. Коковцова; за выслугу лѣтъ представл. былъ 19 сент. 1841 въ 1-му чину (колл. рег.), со старшинствомъ съ 15 февр., а 15 мар. 1842 уволенъ, имѣя въ то время 2-хъ сыновей: Николая (8 л.) и Константина (7 л.) отъ 1-й жены. Послѣ того состоялъ съ 15 сент. 1844 по 15 мая 1850 (десятиникомъ) при перестройкѣ Мрамор. Дворца, а въ 1851 (авг. 14), находясь внѣ службы въ чинѣ колл. регистр. и будучи въ крайности, просилъ всеподданнѣйше объ опредѣленіи его въ к. л. практическую по стропт. части должность—или комиссіонера или смотрителя при к. л. заводѣ или при домахъ, но свобод. ваканціи не оказалось.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. 1828—51, оп. 459/1739, № 8/258; оп. 1/501, № 5/1, с. 22—44, и № 430/1, с. 560.

Ивановъ, Тихонъ, иконописецъ при Москв. Оруж. Палатѣ. Упом. въ докум. 1687—88, 1690—91, 1695—96 гг.; писалъ въ 1693 прѣтчи изъ Вибліи для д-ча Алексѣя Петр.; получ. жалов. въ 1702—08 и 1705 гг. по 51 р.; чинилъ въ 1708 иконостаѣ въ Благовѣщ. соборѣ.

См. А. Викторова „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 452, 454, 455, 466 и 478, 482, 485 (изъ прѣх.-раск. кн. Оп. Пал. за №№: 964/434, 965/271, 967/457; 9-6/1684, л. 5 об., и 987/469, л. 390; 995-315, л. 585 и сл.; 1004/435, л. 225).—И. Забѣлина „Бытъ русс. царей“ въ „Отеч. Зап.“ 1854, № 12, науки и худож., с. 109, и въ отд. изд.

Ивановъ, Филиппъ, иконописецъ изъ Ярославля въ Москвѣ. Отосл. былъ въ 1670 въ Ростовъ къ Іонѣ митроп.

См. И. Забѣлина „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 68, 118, и Д. Ровинскаго „Исторію русс. школь иконопис.“, 149.—У И. Снегирева въ „Памятникахъ Моск. древности“, LXV,—онъ лишь упомянутъ.

Ивановъ, Филиппъ Никитичъ, архитекторъ. Род. 1770. Принятый въ А. Х. въ 1776, былъ выпущ. съ аттест. 1 ст. и 2-ю серебрян. мед. за архитект. композ. въ 1791, августа 14.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ...Л. Н. Петрова, I, 167 (№ 69) и 162.

Ивановъ, Филиппъ Яковлевичъ, зингшифтъ и чепанщикъ. Род. 1768. Принятый въ А. Х. въ 1773, былъ ученикомъ чепан. мастерства у Гастелу (по списк. 1782), а въ 1788, апр. 5, получ. аттест. 2 ст. на званіе подмастерья и 1 мар. 1792 опред. въ Кантору строенія домовъ и садовъ на штат. мѣсто, по уволеніи малярнаго и оконнаго дѣла мастера Полякова,

причемъ наход. въ командѣ архит. Старова; въ 1794 же году, мая 8, увол., по прош., и замѣщенъ Ив. Михайловымъ. Былъ еще въ живыхъ въ 1797.

См. «Сборникъ матер. для исторіи П. А. Х.», ...*П. Н. Петрова*, I, 165 (№ 67), 745, 149, и въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. 1791, оп. 83, 517, № 423; 1792—94, оп. 84/518, №№ 196 и 199.

Ивановъ, Харитонъ, живописецъ вольный въ СПб. Род. 1760, ум. 16 февр. 1790; жилъ въ Андреевскомъ приходѣ и погреб. на Смоленскомъ кладбищѣ.

Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Харитонъ, пушечный литейщикъ 1661—81 гг., въ Москвѣ. Изъ пушекъ, имъ отлитыхъ, сохранилось четыре: дѣѣ—³/₄ фунтоваго калибра («ядро безъ четверти гривенна»), вѣсомъ 5 пудъ 30 фунт. («гривенокъ»), длиной 2 арш., отъ 1666 г., съ соответств. надпис. за дельфинами и на казенной части (ваход. на Кремл. площади); третья, 2¹/₂ фунтов. калибра, вѣсомъ 20 пуд., длиной 2 арш. 1 верш., отъ 1671 г., и четвертая (мортира), двухпудов. калибра, вѣсомъ 20 пуд. 7 фунт., отъ 1681, съ изображ. двуглаваго орла, — подобная которой имѣется еще одна мортира. По искусной выдѣлкѣ пушекъ, Харитонъ И—въ считается въ числѣ лучшихъ мастеровъ пушекъ XVIII ст.

См. *Н. Мурзакевича* «О пушеч. лит. искусствѣ въ Россіи» въ «Ж. М. Н. П.» 1838, т. XIX, № 9, с. 545—6, 551, 557—8; *И. Сахарова* «Обзорніе русс. археол.», 33, и *И. Забѣлина* «О металл. производ. въ Россіи», 119.

Ивановъ, Юрій (Юрка), иконописецъ. Родомъ Ярославецъ, высланъ былъ въ 1659 въ Москву; подавалъ просьбу объ отводѣ ему помѣщенія; жилъ у Козьмы Константинова. Онъ писалъ въ томъ году, въ сент. 27, вмѣстѣ съ 5 другими Ярослав. и Костром. иконописцами: Якимъ Андреевымъ, и проч.,—5 иконъ праздничныхъ; въ 1662 помог. въ работ. Степ. Иванову (см. выше) по украш. столовой избы; въ 1666, состояя кормов. иконописцемъ менш. статьи, былъ у Арханг. стѣн. письма.

См. *И. Забѣлина* «Выгъ русс. царей» въ «Отеч. Зап.» 1851, № 2, науки и худож., с. 170, и № 9, с. 15, а также «Матер. для исторіи русс. иконоп.», 24, 31, 67; *Д. Ровинскаго* «Исторію русс. школь иконопис.», 150, и «Русс. Народ. Карт.», IV, 471; *А. Викторова* «Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. Приказ.», II, 430 (изъ прих.-расх. кн. Ор. Пал. за № 948/831); у *И. Снегирева* въ «Памятникахъ Моск. древности», с. LXVI,—онъ лишь упомя.

Ивановъ, Яковъ Александровичъ, архитекторъ. Ученикъ И. А. Х. и кондукторъ вѣдомства Пут. Сообщ., онъ былъ производителемъ

работъ въ Арханг. Строит. Комиссіи въ 1853—59 гг. (въ чинѣ волд. ассесс. и надв. сов.), а за предствл. въ А. Х. архитект. проектъ—возвед. былъ 5 мая 1856 въ званіе пекл. (свобод.) художника съ правомъ производить строенія.

См. рукоп. зам. *П. Н. Петрова* и «Сборникъ матер. для исторіи П. А. Х.», *его же*, III, 262.

Ивановъ, Яковъ, иконописецъ въ Москвѣ. Получ. «въ меньшей статьѣ» въ апр. 1660—по 2 алт. 2 деньги (=7 коп.) на кормъ въ день; въ 1666, состояя кормов. иконописцемъ, участвов. въ росписи Арханг. собора, а въ 1679, будучи «царскимъ изуграфомъ», напис., вмѣстѣ съ Автон. Ивановымъ и др. живописцами, образа въ соб. церковь Покрова Богородицы въ подмосков. селѣ Измайловѣ, сохр. до послѣд. времени въ иконостасѣ.

См. въ Архивѣ Моск. Оруж. Пал., столб. 691; *И. Забѣлина* «Матер. для истор. русс. иконоп.», 167—8, и «Русс. Стар.», *Мартынова* и *Снегирева*, т. IV.

Ивановъ, Федѣй, серебр. 1675 г. въ Москвѣ. См. *И. Забѣлина* «О металл. производ. въ Россіи», 119. (упом.).

Ивановъ, Федоръ Ивановичъ, живописецъ дворцовый въ Москвѣ. Род. 1710 (?). Отпущ. былъ изъ Мстеры въ 1733 для науки въ Холуйскую слоб., Тр.-Серг. мон., къ крест. Селав. Козьмину; изготовляя въ 1736 сороковыя хоругви и ямѣль въ 1737, живя въ приходѣ д. Всѣхъ Святыхъ на Валу, ученикомъ изъ крѣпостныхъ отъ разныхъ господъ, напр.: Никиту Иванова (кн. Серг. Ал. Голицына), род. 1723; Петра Михайлова (Як. Андр. Малкова), р. 1725; Козьму Федорова (Ив. Степ. Ипатьева), р. 1719, и др.

См. *И. Голицева* «Иконописца въ Мстерѣ XVIII в.»—въ «Владим. губ. вѣд.», 1873, ч. неоф., № 22; «Описание Архива св. Синода», I, 103, и рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Федоръ, рѣзныхъ и мозаичныхъ дѣлъ мастеръ. Будучи еще ученикомъ въ командѣ золот. дѣла мастера Якова Мартинія при Петергофской Шлифовальной мельницѣ, ум. 1 июля 1765 г., и заслуженное имъ жалованье за май и июнь было выдано его двоюродному брату, такому же ученику Козьмѣ Котельникову. См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., по оп. 73/167, л. 107, л. 42.

Ивановъ, Федоръ Ивановичъ, архитекторъ при Гатчинскомъ Воспитат. Домѣ (въ 10 классахъ), былъ въ 1830 помощникомъ Д. И. Квандра.

Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Федоръ, ученикъ гравиров. картъ Военно-Топограф. Депо, † 30 апр. 1888, 19-ти л. Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Федоръ, рисовальщикъ и граверъ при Акад. Наукъ. Ученикъ Адмиралъ. Академикъ, былъ присл. въ А. Н. 30 мар. 1738 — для обученія его „рисовальному, гравировальному и шпиховальному искусству“ у маст. Вортмана и Гриммеля, и вытребовался въ апр. 1747 на время обратно „для срисовыванія и награждованія на мѣдныхъ доскахъ фигуръ“ въ печатавшуюся въ Морской Академич. типогр. книгу „Полнаго собранія о навигаціи“ и имѣвшуюся на франц. языкѣ книгу „дела волиціонъ навале“, т. к. въ присланной еще 20 мар. 1743 промеморіи показ. было, что онъ, „какъ изъ поданныхъ при его доношеніи рисунковъ и шпихов. фигуръ усмотрѣно, — въ наукѣ своей прилеженъ и отчасу большее искусство въ оной являетъ“; но онъ донесъ А. Н., что „присланные астрономич. чертежи—весьма трудные и требуютъ великой аккуратности, которыхъ ему отправить безъ показанія никакъ не возможно“ и что онъ „и впредь присл. работы желаетъ работать при А. Н., для лучшей его пользы и лучшаго изученія, въ честь и пользу Россіи, подъ смотрѣніемъ академич. мастера Ив. Соколова“. Вышеупом. книга „о навигаціи“, Сем. Мордвинова, вышла въ 1748—53 гг., въ л. с. съ 22 табл. чертежей, вишетами и картинкой, изображающей: идущій подъ марсалемъ, въ полвѣтра, корабль и летящую передъ нимъ Славу съ вензелемъ имп. Елизаветы и трубою въ рукахъ, которая была рисов. и гравиров. уже известнымъ въ то время художникомъ Фед. Ивановымъ, и подпис. имъ, равно какъ и карты: созвѣздій, меркаторская и глобусъ, а также и остальные, не подпис. изображенія; въ книгѣ же „Искусство военныхъ флотовъ или сочиненіе о морскихъ свюлжкахъ, явл. П. Госмюмъ, перев. съ франц. Ив. Голенщевъ-Кутузовъ“, СПб. 1764, въ л. с. есть 135 гравиров. плановъ, изъ которыхъ на 6-ти (1, 5, 11, 16, 32,—стр. 3, 19, 37, 52, 58, 73) наход. подписи: „грав. Федоръ Ивановъ“.

См. „Матер. для исторіи И. А. Н.“ III, 676; IV, 116—7. 484—5. 509. 548—9; V, 67—8. 298. 370; VIII, 437. 440. 444—5. 448.—„Записки Гидрограф. Деп.“ 1848, VI, 432.

Ивановъ, Федоръ, иконописецъ. Новгородскій посадскій человекъ, родомъ изъ Перяславля Залѣскаго, онъ работалъ въ маѣ 1661 древки у знаменъ, въ 1666 (1714 г.) былъ у письма въ Архангельскомъ соб. въ Москвѣ, а въ 1670—въ с. Коломенскомъ; наконецъ, въ 1684 исполнялъ стѣнопись въ Успенскомъ соб. Троице-Серг. звѣрня.

См. въ Архивѣ Оруж. Пал., столб. 748: И. За-

блнина „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 35. 67, и Д. Ровинскаго „Исторію русс. школъ иконопис.“, 150; архив. „Леонида“, Написки Тр.-Серг. лавры“, № 11.

Ивановъ, Федоръ, сканщикъ 2-й статьи при Моск. Оруж. Палатѣ въ 1660—78 гг. Ученикъ П. Видмана, онъ сдѣлалъ въ 1662, вмѣстѣ съ братомъ Василиемъ, серебр. оправу сканную съ финифтомъ на братину рыбьей щедры, а въ 1676, іюля 15, вмѣстѣ съ: Лар. Афанасьевымъ, Юр. Васильевымъ, Дан. Кузьминнымъ, Вавил. Савельевымъ и Сем. Федотовымъ, на Спасовъ образъ съ крестомъ въ дерев. кіотѣ, на створкахъ коего нащц. были архагг. Михаилъ и Гавриилъ: 1) снанные серебр. съ финифтью вѣнцы, съ золот. словани, со вставл. изумруд. искрами и съ гладкими полями и оплечиками на вѣнцѣ — у Спаса; 2) чеканную рпу съ наглядными съ финифтью оплечиками и мышенями на поляхъ, какъ у Спаса, такъ и у архаггеловъ.

См. И. Заблнина „О металл. производ. въ Россіи“, 119, и „Историч. Обзорніе финифт. дѣла въ Россіи“, 52.—А. Висторова „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ“, II, 516. 518. 519 (изъ прих.-расч. кн. Ор. Пал. за №№ 1026/—50, 1027/799 и 1028/867).

Ивановъ, Федоръ, рѣзецъ XVII в.,—собств. Ионовъ (см. это имя).

Ивановъ, Фомка, серебряникъ въ Москвѣ. Упом. въ докум. 1687, какъ ученикъ.

См. И. Заблнина „О металл. производ. въ Россіи“, 120.

Ивановъ-Шницъ, Илларионъ Александровичъ, архитекторъ. Род. 1865. Воспитаникъ Воронеж. реальнаго училища и Инстит. Гражд. Инжен. (1883—88), онъ былъ выпущ. изъ послѣдняго со званіемъ гражд. инжен. и съ зол. медалью за лучшие архитект. проекты и, какъ первый по успѣхамъ, залпс. на мрам. доску. Проведя зѣто, по оконч. курса,—загранницей, гдѣ онъ изуч. образцы водчества въ Германіи, Австрій и Швейцаріи, И.-Ш. причислился, по возвращ. осенью въ СПб., — къ Технич.-Строит. Комит. М. В. Д., а въ началѣ 1889 перешелъ сверхштат. техникомъ въ Строит. отд. Моск. губ. Правд., и былъ въ теченіе 2 зѣтъ помощникомъ архитектора у М. Геншенера, а затѣмъ съ 1890 город. архитекторомъ въ Москвѣ. Кроме нѣск. небольшихъ част. построекъ, онъ возвелъ въ 1892 здание город. Строит. приуга, а затѣмъ путешествов. съ науч. цѣлю, на средства товарищ. кассы, заграничей и по Россіи.

См. Г. В. Барановскаго „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 132.

Ивансонъ (Ivanson), Эдуардъ Петровичъ, граверъ, рѣшчикъ и литографъ. Родомъ финляндецъ, награжденъ въ 1850 г. не мало досюда для Бюллетеней Акад. Наукъ, т. 12, а въ 1873 выстав. въ А. Х. рус. парад.: „Семейство Государя Императора“.

См. „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1873, № 351 bis, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 113/1873.

Иванъ, приставникъ надъ церк. мастерами въ полов. XII в. въ Полоцкѣ. Наблюдалъ за постройкой камен. церкви Спаса въ Сельцѣ, при женскомъ мон., сооруженномъ Полоцкой княжной св. Евфросинией.

См. „Степен. Книгу“, I, 275—6.

Иванъ, иконописецъ 1222 г. въ Ростовѣ. Работалъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ.

См. „Сборн. Им. Русс. Истор. Общ.“, LXII, 666.

Иванъ, иконописецъ царскій 1345 г. въ Москвѣ. Русскій родомъ, греческій ученикъ, онъ, вмѣстѣ съ мастеромъ-старѣйшиной иконописцевъ Гойтаномъ и Семеномъ (Чернымъ), учениками и дружиной, росписыв. по *Никон. лѣтоп.* (III, 181—2) весной 1345 церковь св. Спаса (на Бору),—казвою и вѣтніемъ вел. княгини Анастасии, жены Семена Ивановича Гордаго, тогда уже умершей; по стѣнописе эта, послѣ неоднократ. возобновленій и передѣлокъ собора, была замѣнена фресками, въ нов. вкусѣ.

См. *Карамзина*, IV, пр. 372, и *Д. Ровинскаго*, „Исторію русс. школь иконоис.“, 150 (улом.); ср. „Русс. Стар.“ *Мартынова* и *Снегирева*, изд. 3-е, М. 1852, I, 84.

Иванъ (Ивашъ), „росписникъ церковный“ въ Новгородѣ, сгорѣлъ въ 1385, іюня 14, въ монаст. на Павловой ул. во время большого пожара, истребившаго оба конца—Плотницкій и Словенскій, съ 28 камен. и 6 дерев. церквями, и похитившаго 70 челов. жертвъ.

См. *Карамзина*, V, пр. 137 (стр. 59 по изд. Эйперлинга).—*Д. Ровинскаго*, „Исторію русс. школь иконоис.“, 150 (улом., со ссылк. на Карам. III, пр. 369 ?), и архим. *Макарія*, „Археол. Описание церк. древн. въ Новгород.“, М. 1860, II, 20.—„Полн. собр. русс. лѣтоп.“, IV, 92.—„Древности“, III, матер. для Археол. Слов., 25.—Въ „Справ. Энциклопед. Слов.“ *Крайя* и *Старческаго*, V, 317,—онъ смѣш. съ предъд. Ивановъ.

Иванъ, квигописецъ въ исх. XIV в. Онъ нарис. полууставомъ „на бамбидинѣ“, въ 4 д. л.,—хран. въ библиот. Тр.-Серг. лавры „Апокалипсисъ толковый, Андрея Кесарійскаго, съ прибавленіями“, на 139 лст., какъ видно изъ современ. приписки на л. 111.

См. „Чтенія въ Моск. Общ. ист. и древн.“, 1878, кн. 2, с. 88.

Иванъ Аминъ (иначе Арипъ; см. въ „Словарѣ“ I, 232), золот. и серебр. дѣлъ мастеръ 1436 г. въ Новгородѣ, дѣлавшій артос. панагию, хран. въ тамошнемъ Софійскомъ соб. и воспроизвед., вмѣстѣ съ опис. въ „Древн. Росс. Госуд.“, I, № № 57—58, къ стр. 84—7 и 168—9.

См. *П. Соловьева*, „Описание Новгород. Соф. соб.“, СПб. 1858, с. 184, и архим. *Макарія*, „Археол. Опис. церк. древн. въ Новгород.“, М. 1860, II, 151 и 209 (тамъ-то прозвизне Ивана и объяснено, согласно со мног. приписками на древ. рукописяхъ, по слѣд. тарабарской грамотѣ: $\frac{\text{б}}{\text{и}}, \frac{\text{в}}{\text{а}}, \frac{\text{г}}{\text{а}}, \frac{\text{д}}{\text{а}}, \frac{\text{е}}{\text{а}}, \frac{\text{ж}}{\text{а}}, \frac{\text{з}}{\text{а}}, \frac{\text{и}}{\text{а}}, \frac{\text{л}}{\text{а}}$, гдѣ верхнія буквы ш, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, и, вмѣстѣ съ нижніми, а нижнія вмѣстѣ верхнихъ, гласныя же и полугласныя остаются безъ перемѣнъ, какъ видно изъ „Опис. рукоп. Румянц. Музея“, *Востокова*, 1841, с. 544).

Иванъ, литейщикъ, колск. дѣлъ мастеръ въ Новгородѣ XVI (а не XV) в. Лилъ колокола, судя по надписямъ на нихъ: въ 1554, дек. 2.—къ Знаменскому соб.; въ 1557, нояб. 21 (съ Городища, вмѣстѣ съ Филиппомъ)—къ Филипповской церкви; въ 1566, въ княж. в. к. Василія Васильевича (вмѣстѣ съ пасяникомъ своимъ Метею или Дмитрокомъ, т.-е. Дмитріемъ),—два къ Вознес. церкви на Прусской ул.

См. „Новгор. губ. вѣд.“, ч. неоф., 1851, № 44, с. 211.—Архим. *Макарія*, „Археол. Описание церк. древн. въ Новгород.“, М. 1860, II, 152, 280—2 (въ алфав. онъ соедин. съ Аванасъевымъ; см. въ этомъ „Словарѣ“, I, 274).—*И. Сахарова*, „Обзор. русс. археол.“, 33.

Иванъ, иконникъ 1597 г. въ Новгородѣ. Далъ, вмѣстѣ съ брат. Григоріемъ, въ монаст. св. Антонія Сійскаго, „образъ Преч. В-цы Одигитрии на краскахъ, 5 $\frac{1}{2}$ пядей“ и 2 образа на одной доскѣ—преп. Сергія Радонежскаго и Антонія Сійскаго.

См. „Чтенія въ Моск. Общ. ист. и древн.“ 1878, кн. 3, с. 75.

Иванъ (Ивашко), иконописецъ 1660—62 гг. въ Новгородѣ. Дѣлячокъ въ монаст. церкви Михаила Арханг. на Прусской ул., вызванъ въ 1660 къ „Арханг. письму“ въ Москву и напсл. въ 1662 образъ Пресв. Троицы въ 3-й ярусъ иконостаса назв. храма; другой—былъ дѣлячкомъ въ Саввинскомъ мон.

См. „Новгор. губ. вѣд.“ 1851, ч. неоф., № 44, с. 211 (подъ 1632 г.).—Архим. *Макарія*, „Археол. Описание церк. древн. въ Новгород.“, II, 24 и 86.—„Сборникъ Им. Русс. Истор. Общ.“, LX, 291, и LXII, 666 (улом.).

Иванъ Фразинъ, денежный мастеръ 1469—81 въ Москвѣ. Посланный въ 1469 в. к. Иоанномъ III въ Римъ къ папѣ Паулу, чтобы видѣть царевну Софію Фоминишну Палеологъ, онъ, пробѣздомъ

через Венецію, назывался тамъ большимъ бо-
ряниномъ вел. князя, а на обратномъ пути, по
передачѣ папѣ и кардина. Виссаріону возлож.
на него порученія, по представленіи царевнѣ,
по достиженіи согласія папы на бракъ ея съ
в. к. и по полученіи, вмѣстѣ съ подарками,
особ. листа, по которому великокняж. послы
могли ходить по всѣмъ папскимъ землямъ два
года, онъ заѣзжалъ опять въ Венецію, гдѣ
дожъ Николай Троне, желавшій отправить къ
хану Зоа. Орды посла Тревизана, тоже дарилъ
его и просилъ, взявъ послѣдняго съ собою,
приказавъ проводить потомъ до мѣста. Иванъ
Фрязинъ обѣщалъ это исполнить, возвратился
въ 1472 въ Москву, сообщивъ в. к. о согласіи
папы на его бракъ съ царевной, вручилъ ему
портретъ ея, а Венеціанскаго посла назвалъ
гостемъ, своимъ племянникомъ, пришедшимъ
къ нему по домахъ дѣлать. По другой же вер-
сціи, Тревизанъ пришелъ въ Москву съ Анто-
номъ Фрязиннымъ и, являсь къ Ивану Фрязину,
сообщилъ ему о дѣлѣ своего прибытія, но тотъ
не велѣлъ ему представляться в. к. и подно-
сить поминки, а, добывъ толмача, отпустилъ
его въ Рязань, о чемъ в. к. узналъ только по
вторичномъ отъѣздѣ Ивана Фрязина въ Римъ,
за царевною Софією. Находясь въ Римѣ и при-
ятный съ великой честью папой и братьями
невѣсты, онъ, хотя и былъ нашей вѣры, тамъ
назвался Фрязиннымъ ихъ вѣры, а „крещеніе
наше потаилъ“. При проѣздѣ его въ Москву
черезъ Псковъ съ царевною Софією, горожане
поднесли ему 10 руб., а онъ вѣстивалъ, чтобы
довольно было нести крестъ передъ папскимъ
легатомъ. По его возвращеніи, в. к. послалъ
его „понимати и пограбита“ и затѣмъ, „око-
вавъ“, отославъ его въ Коломну, въ 1473 г.
Наконецъ, въ 1481 в. к. Андрей Васильевичъ
завѣщалъ заплатить долгъ Ив. Фрязину, кото-
рому онъ закладыв. разныя золот. и серебр.
вещи.

См. „Полн. собр. русс. лѣтоп.“: VIII, 154—5,
168—9, 173, 176; VI, 196—7; IV, 245—6, и
Каразмина, VI, 38—44 и 101, пр. 86 и 98
(по изд. Эйверинга).—Древн. Росс. Виблюю.
Новикова, ч. 11, с. 147. Въ соч. *И. Завальина*:
„О металлч. производ. въ Россіи“, с. 118,
онъ лишь уп. м. подъ 1471 г.; у *И. Снегирева*
въ „Памят. Моск. древи“, XXI, сказ., что
имя его или Жана Безуна встрѣч. на нѣ-
кот. серебр. монетахъ в. к. Иоанна III.

Иванъ Фрязинъ, зодчій 1517—38 гг. въ
г. Псковѣ. Вслѣдъ исправленія имъ нашей стѣны
Псковскаго Кремля (крома) въ 1517, вел. кн.
Юванъ IV Васильевичъ послалъ его въ Псковъ

въ 1538 г. дѣлать дерев. стѣну „на усть р. Псковы
черезъ рѣку“, гдѣ не было прежде стѣны.

См. „Полн. собр. русс. лѣтоп.“, IV, 290 и 302.

Иванъ (Іоаннъ), зодчій XVII в. въ Твери.
По архив. *Макарію*, сочинителю рукоп. житія
св. кн. Михаила Ярославича, перестроилъ въ
царств. Михаила Феодоровича на казен.
деньги—воздвигнулъ въ Твери при упоман. кня-
зѣ въ 1399 церковь Спаса Преображ., вмѣстѣ
которой, въ виду ея ветхости, архіеп.
Тверской Сергій построилъ въ 1682 собств. ижди-
веніемъ новый храмъ.

См. *Каразмина*, IV, пр. 248.

Ивачевъ, Назаръ Адриановичъ, скульпторъ.
Род. 14 окт. 1843 въ Бійскомъ у., Томской губ.
Сынъ писаря, онъ учился первоначально на
Колывано-воскрес. шифов. фабрикѣ, затѣмъ (съ
1860) на Имп. Фарфор. Заводѣ въ Петербургѣ и
напонецъ (съ 1863) въ И. А. Х., отъ которой
получилъ серебр. медали за лѣшку съ мал.
луду въ 1866 и большую въ 1869, а также мал.
золотую за бывшую на Академ. выставкѣ 1870 г.
фигуру „Дровосѣкъ“, воспроизвелъ въ „Худож.
Автографъ“ того года и въ „Иллюстриров. ка-
талогѣ Всеросс. выставки въ Москвѣ 1882 г.“,
составл. *Н. П. Собоку*; 2 нояб. 1871 онъ возвед.
былъ въ званіе кн. художника I ст.

См. въ Архивѣ И. А. Х. 15/1863, и „Указат.
выст. въ И. А. Х.“ 1870, № 33.

Ивачевъ, Павелъ Андреевичъ, живописецъ.
Род. 4 нояб. 1844 въ Томской губ. Ученникъ
Барнаульскаго Округ. Учил. (1857—64) и И. А.
Х. (1867—72), въ бытность уже горнозавод.
кандидатомъ на Алтайскихъ заводахъ, онъ
получ. отъ Акад. 4 сер. медали и званіе кн. худ-
ожника 2 и 3 ст. (6 апр. и 31 окт. 1873) и
исполнилъ въ 1872, по мысли и заказу М. Сид-
орова,—наход. въ „Музеѣ товарныхъ образ-
цовъ Тамож. вѣдомства“: 12-ть картинъ пѣдъ
дѣяній Петра В. на Сѣверѣ (онѣ подроб. опи-
саны на стр. 4—11 въ книгѣ того же назв.,
изд. въ СПб., въ 1873 г.); потомъ былъ пре-
подавателемъ въ педагогич. классахъ первонач.
рисов. при Акад. (до 1881) и затѣмъ нѣск.
лѣтъ сопровождающимъ передв. выставки „То-
варншества передв. худож. выставокъ“, а подъ
конецъ поступ. завѣдующимъ на Имп. Колы-
ванскую фабрику.

См. въ Архивѣ И. А. Х. 176/1866.

Ивашкевичъ, живописецъ 1796 г. въ Гродно.
Писалъ поясъ. портретъ кн. Н. Л. Ревина,
размѣр. 17×13 верст. (принадл. кн. А. В.
Лобанову-Ростовскому).

См. *П. Н. Петрова* „Катал. историч. выставк портретовъ“, СПб. 1870, № 337—870, и *Д. Ровинскаго* „Подроб. Словарь русс. гравир. портретовъ“, 1889, прилож., с. 289.

Ивашинъ, Марко Ив., фигурный мастеръ 1719—20 гг. при „Каштел. городов. дѣлѣ“. Иноземецъ, слышъ умерж. 8 июля 1718 камен. рѣзного мастера, оны работ. въ Лѣтнемъ Е. И. В. домѣ, См. въ Архивѣ М. И. Д. 1719—20, оп. 1436. № 63, и 1446, № 145.

Иверсень, Иванъ Ивановичъ, учитель рисов. въ СПб. гимназ. въ 1830, въ чинѣ губ. секр. Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивновъ, Николай Михайловичъ, архитекторъ. Род. 1824. Воспитанникъ Инстит. Гражд. Инжен. съ 23 марта 1840 по 5 июля 1845, на счетъ Тверской губ., оны былъ выпущ. съ чиномъ 12 кл. и опред. и. д. губерн. архитектора въ Волынскую Строит. Коммиссію, гдѣ былъ производителемъ работъ еще въ 1859—60 гг. Находясь тамъ на службѣ, оны построилъ въ Житомирѣ: зданіе Богоугод. заведеній и дома-губернаторской и губ. управления, а также 2 кам. флигеля при архіер. домѣ и 5-ть кам. 2-хъ эт. частныхъ домовъ и ватѣмъ кам. 2 эт. зданіе въ с. Клытовѣ. Въспослѣд. сталъ служить на ж. д. Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*; въ составѣ *Г. В. Барановскаго* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 133,—оч. кратко, безъ указ. работъ.

Игинъ, Федоръ Ив., живописецъ. Крестьянинъ Подгороднаго сел., Яренскаго у., Вологодской губ., оны былъ отпущ. въ СПб. по плакат. паспорту мѣст. Уезд. Казнач. отъ 13 нояб. 1835 на одинъ годъ, но, поступивъ въ число постор. уч.—въ И. А. Х. и обучаясь у Венеціанова, потомъ К. Брюллова, пользовался отсрочками до июня 1839 и выстав. въ А. Х. портреты: въ 1842—купца Макарова и въ 1846—Гаврилова, а въ 1847, сент. 26, получ. званіе некл. художника за „груд. изображ. старика, читающаго книгу“. Бромъ того, въ Акад. Наукъ есть его работы портреты: И. А. Брюллова, 1854 г.,—скопир. съ Брюллова, и Н. К. Батюшкова, 1856 г.,—скопир. съ рис. Кипренскаго 1815 г. См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 45/1837, 1/1847, 99/1853.—Статья о Венеціановѣ: *Мокрицкаго* въ „Отеч. Зап.“ 1857, № 11, слов., с. 89, и *П. Петрова* въ „Русс. Стар.“ 1878, № 11, с. 472.—„Указат. вѣст. въ И. А. Х.“: 1842, с. 11, и 1846, с. 9.—„Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, III, 78.—*Д. Ровинскаго* „Подроб. Словарь русс. гравиров. портрет“, 1889, прилож., 257 и 259.

Игнатій (Златиѣ), иконописецъ Симонова мон-ря въ Москвѣ, престав. и погреб. тамъ

1442 г. (ѴСЦН), а не 1400 (ѴСН), какъ значится въ иныхъ источникахъ, гдѣ, очевидно, при обознач. года, поставлена на концѣ одна цифра (и), вмѣсто другой (н). Сноснникъ св. Кирилла Вѣлозерскаго, оны напис. многа св. иконы,—по друг. источникамъ стѣны соборной церкви.

См. рукоп.: „Книга глагол. Описаніе о Росс. святыхъ“ (въ „Труд. и лѣтоп. Об—ва ист. и древн.“ 1827, III, п. 23, и у архим. *Сергія* въ „Поли. Мѣсяцесл. Востока“, II, п. 60,—по спис. XVIII в. Кіево-Соф. соб. и Погодина, и „Сказаніе о иконописцахъ“ у *И. Сахарова* въ „Изслѣдов. о русс. иконопис.“, II, 14; у *Ф. Булаева* въ „Историч. Очерк. русс. народ. слов. и иску.“, II, 380, и у *Н. Барсукова* въ „Источник. русс. атиорг.“, 206 и 86).—Ср. также: „Стенен. Кн.“, II, 69—71, —*Карамзина*, V, пр. 292, и *И. Снегирева* „Памятники Моск. древн.“, XXXII,—*Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школь иконопис.“, 150 (гдѣ оны соедин., однако, въ одно лицо съ Игнатіемъ Грекомъ, который „въ 1338 со други, г.е. съ товарищ., писалъ иконы“,—какъ сказ. у *И. Снегирева* въ „Древност. Росс. Голухар“, XXVI; но, по лѣтоп., грекъ зыотъ назва. Исаія, см. П. С. Р. Л., III, 78, и „Древности“, III, Матер. для археол. слов., 26).—„Чельи Минев“, ноябрь, житіе св. Іоны (1, 46—48) и *Н. Иванчина-Писарева* „Спасо-Андріанковъ“, 19.

Игнатій, живописецъ. 1409 въ Псковѣ. Вмѣстѣ съ унч. своимъ Антоніемъ, росписыв. церковь св. Троицы, по смерти его, въ его „израсцахъ“, въ мон. Евфросина Псков., была найдена портрет. икона послѣдняго, его раб.

См. „Поли. собр. русс. лѣтоп.“, IV, 308.—„Сборникъ на 1866 г.“, II, 126 (изъ рукоп. Моск. Синод. библи. № 634, с. 181).

Игнатій (Игнатъевъ), пушечный и колокольный литейщикъ. Въ 1542 (6050) отлитъ—наход. теперь въ СПб. арсеналѣ „гаубицу“, $\frac{1}{4}$ пудов. калибра, вѣс. 5 пуд. 13 фунт., длнн. 1 арш. $5\frac{1}{2}$ верш. Послѣ пушки венец. Якова Фрязина, она есть древнѣшая изъ сдѣланныхъ въ Россіи и сохранившихся до наст. времени.

См. *Н. Мурашевскаго* „О пушеч. литейн. искусствѣ“—въ „Ж. М. Н. П.“ 1838, XIX, 585 и 7, и *И. Сахарова* „Обозр. русс. археол.“, 83.—У *И. Снегирева* въ „Памятникахъ Моск. древн.“, XXXIX,—оны лишь упомя., а въ соч. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 120,—назв. Игнатъевымъ.

Игнатій, колок. мастеръ Троице-Серг. лавры, гдѣ хран. его отливки колоколъ 1649.

См. архим. *Леониды* „Надписи Тр.-Серг. лавры“, № 345.

Игнатовичъ, Оттонъ Людвиговичъ, живописецъ и архитекторъ. Род. 15 авг. 1857 въ Вильнѣ. Сынъ дворян., оны былъ принятъ въ вольно-

слуш. А. Х. по живоп. въ сент. 1878, въ авг. же 1879 перевод, по экзам.—въ ученики и, наконецъ, въ авг. 1880—въ архитект. отдѣленіе, согласно прош.; затѣмъ 29 окт. 1883 онъ получ. мал. сер. мед. за прогр. „Правосл. церкви на кладбищѣ въ уѣзд. городѣ“, а 31 окт. 1884—большую за проектъ „Обществ. зданія для устроения концертовъ, базаровъ и выставокъ“. Окончивъ науч. курсъ въ томъ же году и страдая хронич. катарромъ дыхат. путей и общимъ малокровіемъ, вслѣд. сильнаго упадка питанія отъ продолжит. желудочно-кишечнаго катарра, онъ, по совѣту врачей, ѣздилъ въ 1885 на 1/2 года въ Ю. Европу, въ мѣстности, защищенныя отъ сѣв.-вост. вѣтровъ, а въ 1886 былъ допущ. къ конкурсу на малую зол. мед., но по эскизу могъ получить лишь званіе кл. художника 2 ст., отчего онъ, однако, отказался, рассчитывая конекрировать вторично, и ограничился полученіемъ врем. свидѣтельства на право производить постройки, съ званіемъ кл. художника 3 ст.; 4-го же нояб. 1887 получ. и самый дипломъ на послѣд. званіе. Вслѣдъ за этимъ, 31 дек., онъ былъ утвержд. въ долж. техника (безъ содержанія) для освидѣтствованія торгов. и промышл. заведеній и для явки, въ качествѣ эксперта, въ судеб. установленія—по Выборгской части гор. С.-Пб-га; въ 1889 наблюд. за работами при постройкѣ кам. 2 эт. флигеля во дворѣ Имп. Римско-Католич. Дух. Акад. и передѣлкѣ бывш. сараевъ съ конюшнями подъ жилое помѣщеніе тамъ же, а въ 1893, сент. 30, получ., согласно прош., свидѣтельство на право преподаванія рисов. и черченія въ сред. учеб. заведеніяхъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 162/1878.

Игнатьевъ, Василій, иконописецъ 1643 въ Москвѣ. Писалъ, въ іюнѣ, вмѣстѣ съ друг., „стѣнное письмо“ въ Моск. Успенскомъ соб. и пожалов. былъ за него въ 1644.

См. *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 413 (изъ прих. расх. кн. Ор. Пал., № 944/973).—*И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 9, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школьн. иконопис.“, 150.

Игнатьевъ, Василій (Васька), серебряникъ 1653 въ Москвѣ. Дѣлалъ оклады и ризы въ Успенскій соб.

См. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 120.

Игнатьевъ, Василій Петровичъ, живописецъ Канцел. Строеній. Род. 1698. Сыпъ псаломщика Серг. церкви „чтѣ при Артиллер. слобо-

дахъ“ въ СПб., онъ помогалъ въ 1729 Андр. Матвѣеву въ его работахъ по Петропавл. собору, а въ 1737 шпль въ отгов. домѣ, вмѣстѣ съ брат.: псаломщикомъ Иваномъ и грапильнымъ мастеромъ Цесар. Елизаветы Петровны—Петромъ.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Игнатьевъ, Герасимъ, живописецъ Гофъ-Интендант. Канторы, ум. около 1799, на Пескахъ въ СПб.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Игнатьевъ, Гришка, серебряникъ 1653 въ Москвѣ. Родомъ Нижегородецъ, дѣлалъ оклады и ризы въ Успенскій соб.

См. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 120.

Игнатьевъ, Иванъ, серебряникъ 1675 въ Москвѣ.

См. *И. Забѣлина*, тамъ же (упом.).

Игнатьевъ, Иванъ, живописецъ. Род. 1786, ум. 23 авг. 1811. Изъ солдатъ дѣтей, поступ. въ завод. гимназію—12 мая 1796, въ живописцы на Имп. Фарфор. заводѣ—1 мар. 1804; получ. жалованья 292 р. 50 к.; служ. еще въ 1809.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Кабин. 1809, оп. 151/320, № 18/67, л. 35 об.

Игнатьевъ, Кондратій, иконописецъ 1684 въ Троице-Серг. лаврѣ. Участвов. въ стѣнописи ц. Успенія.

См. архим. *Леонида* „Надписи Тр.-Серг. лавр.“, № 11.

Игнатьевъ, Мишка, серебряникъ 1653—63 въ Москвѣ. Родомъ Нижегородецъ, дѣлалъ оклады въ Успенскій соб.

См. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 120.

Игнатьевъ, Назаръ, иконописецъ 1684—85 въ Москвѣ. Будучи еще ученикомъ, участвова., вмѣстѣ съ друг., подъ наблюд. Ив. Безмина, въ раскраскѣ стѣн. живоп. писемомъ вновь выстр. камен. и дерев. хоромъ цар. Натальи Кирилловны и царевенъ.

См. *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 451 (изъ прих. расх. кн. Ор. Пал., № 963/263).

Игнатьевъ, Петръ, архитекторъ. Род. 1828 (а не 1830, какъ указ. въ нѣкихъ источникахъ). Воспитаникъ Инстит. Гражд. Инжен. съ 4 мар. 1844 по 1 авг. 1850, на счетъ Калужск. губ., онъ выпущ. былъ съ чиномъ губ. секр.—помощникомъ архит. въ Ковенскую Стронт. и Дорож. Ком., а затѣмъ сдѣлался губ. архитекторомъ въ Житомирѣ (до 1874). Въ бытность на

службъ въ Волынской губ., построилъ въ г. Овручъ кам. 3 эт. тюремный замокъ, а въ Житомирѣ 2 кам. частныхъ дома, и перестроилъ одинъ изъ кам. флигелей Богоугод. заведеній.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*; у *Г. Барановскаго* въ „Сборникѣ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, 133,—от. кратко.

Игнатьевъ, Сергій Аванасьевичъ, граверъ. Гидрографич. Дело (Морской типогр.). Род. 1801. Сынъ мастера Морскаго вѣдом., былъ съ 19 іюля 1815 граверомъ ученикомъ, съ 8 мар. 1817—млад. унтеръ-офицеромъ, съ 20 нояб. 1820—граверомъ, съ 23 авг. 1826—старш. унтеръ-офицеромъ; съ 29 окт. 1830—въ 14 кл. Имъ граверомъ былъ „Планъ Сиб. 1716 г.“, изд. В. Н. Олшнскимъ.

Изъ формул. спис. 1830 (№ 57) по мѣсту служ.

Игнатьевы, Симонъ и Федоръ, иконописцы 1684 въ Троице-Серг. лаврѣ. Родомъ изъ Ярославля, участв. въ стѣнописи лавр. ц. Успенія.

См. архив. *Леонида* „Написки Тр.-Серг. лавры“, № 11.

Игнатьевъ, Федотка, серебряникъ и душевный мастеръ 1633.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 120 (упом.).

Игнациусъ, Василій Васильевичъ, акварелистъ. Лейтенантъ Гвард. экзип., овъ пощѣм., въ качествѣ вольнослуш., рисов. классы А. Х. въ 1883—84 и 1886—89, и достав. работы на выставки „Общ. русс. аквар.“: 1891 г. (XIV-ю)—„Яхта Царевна“, „Корветъ Далебругъ“, „Корветъ Рянда“, „Защителевъ“ (№№ 93—96 по „Катал.“) и 1894 г. (XIV-ю)—„Яхта Тамара“, „Фрегатъ Георгъ Эдинбургскій“, „Пароходъ Фонтанка“, „Броненосецъ Имп. Александръ II“, „Крейсеръ Адмиралъ Корниловъ“, „Купец. суда на Невѣ“, „Гельсинфорсъ“, „Сред. Гавань въ Кронштадтѣ“, „Воен. Гавань“, „Маякъ Толбухинъ“, „У Лодман. Острова“, и проч. (№№ 48—63 по „Катал.“).

См. въ архивѣ И. А. Х. 154/1883.

Игнациусъ, Отто-Фридрихъ, живописецъ. Род. 17 апр. 1794 въ Эстляндіи, въ пасторатѣ Гагерсѣ, близъ Ревеля; ум. 26 авг. 1824, въ СПб. Сынъ пастора, одаренный отъ природы разнообразными способностями, оны былъ воспитанъ своими родителями, людьми высоко-нравственными и религиозными, въ тѣхъ же самыхъ понятіяхъ и получилъ отъ нихъ насколько возможно хорошее образованіе. Между прочимъ къ нему была приглашена въ учителя и Дрезденскій художникъ Вальтеръ, который и открылъ въ немъ впервые дарованіе къ живописи. Отдавшись этому искусству со свойствен-

ной ему пылкостью и поощряемый въ своихъ занятіяхъ отцемъ, И. отправился въ 1813, со своимъ родственникомъ Гиппиусомъ, въ Берлинъ для усовершенствованія и поступилъ тамъ въ ученики къ Вейгу, а затѣмъ, когда несчастливо влюбился въ дочь оберъ-бургата Шадова Адсланду, переселился въ 1815 въ Вѣну, занявшись у Фюгера и, наконецъ, поѣхалъ въ 1817 въ Римъ, съ цѣлою компаніею своихъ товарищей. Здѣсь оны написавъ свою лучшую картину: „Принцесса д'Эсте и Тассъ“, которую особенно отиѣтилъ а. стрійскій императоръ изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ произведеній его соотечественниковъ, въ бытность свою въ вѣчномъ городѣ весной 1819. Возвращаясь черезъ Берлинъ въ отечество, куда оны прибылъ 20 дек. 1820, И. получалъ согласіе на образъ съ давно любимой дѣвушкой; сдѣлаавъ, живя въ Петербургѣ, придворнымъ живописцемъ; принялся за исполненіе заказа на образъ для царскаго мѣста въ возобновленную послѣ пожара 1820 г. церковь Царскосельскаго Дворца; съѣздивъ еще разъ въ Берлинъ для женитбы 31 дек. 1822, но, лишившись 22 іюля 1823 молодой жены, умершей отъ нервнаго удара послѣ горячки, самъ скоро послѣдовалъ за нею, вслѣдствіе все болѣе и болѣе развивавшейся чахотки, несмотря на всѣ попеченія родителей и усилія врачей.

Картина его „Сидящая у окна богатоубранной голч. комнаты и играющая на гитарѣ женщина“ была выставл. въ дек. 1824 въ Имп. Эрмитажѣ, гдѣ и остав. въ кладовой до 1835, когда была потребов. СПб. Губ. Правленіемъ въ Акад. Худож. для оцѣнки и потомъ продажи Аукціон. Камерой, на удовлетвор. претензіи тит. сов. Малышева, по пригов. Надвор. Суда.

Помимо живописныхъ произведеній (историч. картинъ и портретовъ), И. оставилъ также нѣсколько музыкальныхъ для форте-піано, шадапныхъ послѣ его смерти, его другомъ Гиппиусомъ, въ 1825 (два ноктюрна, два романса, вальсъ и штирейская пляска; см. оны томъ „Биограф. Листы“ 1825, № 7, с. 100), литературныя же его работы печатались еще приего житіи въ „Сынѣ Отеч.“ 1820 (ч. 65, № 45, с. 208—19: „Возраженія на вѣют. мѣста въ статьѣ Академія Художествъ—въ № 39 С. О.“, возбудившія со стороны Ф. Бузгарина „Замѣчанія“ въ № 46, с. 260—5, того же журнала) и въ „St.-Pbger Zeitschr.“ 1823 (статья „О собраніи китайскихъ картинъ и рисунковъ въ СПб.“, перевед. С. въ „Русс. Ивал.“ 1823, № 228).

Самая подроб. биографія И. была напеч. *Ольдекопомъ* въ „St. Petersburg. Zeitschr.“ 1825 (I,

39; II, 138; III-IV, 255; VII, 239); затѣмъ болѣе краткія: въ „Моск. Вѣдом.“ 1824 (№ 95), „Русс. Инвал.“ 1825 (№ 84, с. 336—7) и „Journ. de St. Pbg.“ 1825 (№ 8), а также въ „Справ. Энциклопед. Слов.“ Крайя, 1847 (V, 27). — Въ *Nagler's „Künstler-Lex.“* (VI, 444—5) невѣрно указ. годъ смерти. — См. еще въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. дѣла: 1822, по оп. 1150, № 817 (бумаги Воронова въ Моск. Отдѣл.) и 1835, по оп. 673, № 197 (карт. 4677).

Игоревъ, Левъ Степановичъ, живописецъ. Род. 1823, ум. 18... г. По окончаніи курса Саратовской Дух. Семинаріи, онъ былъ рекомендованъ маѣ 1845 гр. Ф. П. Толстому, Духовно-учеб. Управленіемъ при Свят. Синодѣ,—какъ наклонный къ рисов. еще съ дѣтскихъ лѣтъ. Возведенный 17 дек. 1853 въ званіе академика за портретъ ректора Дух. Акад., еписк. Макарія (съ утвержд. 30 нояб. 1854), И—въ, кромѣ портретовъ, написалъ въ 1854—55 еще образа: „Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ“ (въ медальонѣ, на слововой кости)—для Имп. Маріи Александровны, за что получ. подарковъ; „Спасителя“ и „Божіей Матери“—для церкви въ имѣніи Стобеуса село Красное, Арзамасскаго у.; запрестольный „Спасителя, сидящаго на престолѣ“ — для церкви въ Твери и еще два такихъ же. Состоя учителемъ иконописанія при СПб. Дух. Семинаріи, онъ былъ посланъ весной 1857 при Дух. Мисіи въ Пеквинъ, и затѣмъ выставилъ въ А. Х. въ 1865 картины (№№ 98—105): „Китайскіе нищие на холодѣ“ (наход. въ Моск. галлерей Третьяковскихъ полъ № 122), „Китайскіе чиновники“: „въ первомъ, младшемъ, чинѣ“, „начальникъ отдѣленія иностран. дѣлъ“ и „въ гнѣемъ платьѣ, родомъ манджуръ“, „Пекинскій солдатъ Желтаго знамени, 75 лѣтъ отъ роду, христианинъ, русс. потюмокъ въ 4-мъ колѣнѣ, изъ плѣнныхъ казаковъ, защищавшихъ 3 года крѣпость на Амурѣ Альбазинъ, въ числѣ 900 челов., противъ 8000 китайцевъ“, „Пекинскій татаринъ“, „Китайскій купецъ, родомъ манджуръ“, „Китайскій врачъ, родомъ китаецъ“. Лишенный, въ чинѣ отстав. надв. сов., 17 февр. 1869 по суду (на основ. 151, 1524, 7-й ст. 19 и 2-й ст. 20 ст. Улож. о Наказ. и 828 ст. Уст. Угол. Суд.), всѣхъ правъ состоянія со ссылкою на поселеніе, онъ былъ оставленъ, однако, по всеподл. докладу министромъ юстиціи его дѣла Госуд. Императору 24 апр. 1870. — въ мѣстѣ его жительства, и принять СПбв. Ремесл. Обществомъ, по прош., какъ обяванный избрать себѣ родъ жизни, въ ремесл. живописный цѣхъ мастеромъ. Представляя 12 окт. 1871 въ А. Х. два груд. портрета съ нат., пис. имъ масл. краск., онъ просилъ объ удостоеніи его

званія своб. художника, но ему отвѣч. было, что онъ можетъ быть удостоенъ просимаго званія лишь по возвращеніи утеряннаго по суду правъ и преимуществъ, о чемъ онъ долженъ ходатайствовать передъ начальствомъ, по докладу коего послѣдов. Высочайшее повелѣніе о смягченіи его наказанія. Вслѣдъ же просьбы, поданной имъ въ мартѣ 1876 Августейшему Президенту Акад., русс. указ. на исполненіе имъ съ 1870 всей живописи во вновь отстроенномъ храмѣ въ Сестрорѣцкѣ и нѣск. иконъ для нов. иконостаса въ соборъ всѣхъ уч. заведеній, В. К. Владимиръ Александровичъ направилъ это дѣло къ мин. юстиціи. Наконецъ, на выставкахъ „Общества выставокъ худож. произведеній“ появились слѣд. работы И—ва: въ 1880 (№ 135) — „Портретъ Тутубека, киргизскаго дворянина“, а въ 1880—81 г. (№№ 28 и 44)—„Портретъ Бюдева, русс. посланника при Пекинскомъ дворѣ“ и карт. „Четырѣ или нечеть.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 57/1845, 37/1857 и 27/И, и въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. дѣло 1855, по оп. 268, № 31/135. — „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, III, 211. — „Отчеты И. А. Х.“: 1854—55 и 1855—57, с. 24. — „Каталоги выставокъ, выставокъ и галлерей“. — Въ изд. *Ф. Булакова* „Наши художники“ (II, 288) улом. лишь выставл. въ 1865 картины и указ., какъ годъ смерти, 1869.

Идзьновскій, Адамъ, архитекторъ Варшавскихъ Имп. Дворцовъ. Онъ состав. „Собраніе архитект. плановъ и рисунковъ“, экземпль котораго былъ представл. въ А. Х. при отнош. старгъ-секретаря Царства Польскаго, и получ. званіе почетнаго члена общества въ 1853.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, III, 201.

Ижаневичъ, Иванъ Исидоровичъ, живописецъ. Род. 6 янв. 1864 въ с. Вишнепольѣ, Уманскаго у., Киевской губ. Звенигород. мѣщанинъ, сынъ однодворца, правосл. исповѣд., онъ обуч. живописи въ школѣ Киево-Печ. Лавры и въ рисов. школѣ худ. Мурашко; былъ помощникомъ послѣдняго при исполненіи имъ заказ. ему работъ, а въ 1884—88 посѣщ., въ качествѣ вольнослуш., фигур. и нат. классъ А. Х.; впослѣд. сталъ принимать участіе въ разныхъ иллюстриров. издавіяхъ и выставк. въ А. Х. въ 1891 (№№ 51 и 113) 2 портр. См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 190/1884.

Известновъ, живописецъ. Выстав. въ А. Х. въ 1859 „Видъ въ Шемонтѣ, ночью“ (№ 242 по „Указат.“).

Изволовъ, Петръ Алексѣевичъ, архитекторъ. Род. 1721. Сынъ комиссара Дворцоваго Строенія

домовъ и садовъ Конторы, опред. былъ въ учебники „архитект. науки“ въ Мих. Земцову въ авг. 1734.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. 1734, ош. 78/190, л. 3.

Изѣтковъ, Ивапъ, живописецъ. Уволенный въ отставку унтеръ-офицеръ, ош., въ качествѣ способн. живописца-самоучки, былъ рекомендованъ Новгород. губернаторомъ Э. В. Лерхе вице-презид. Акад. Худож., кн. Г. Г. Гагарину, въ февр. 1867, какъ могущій усовершенствоваться въ А. Х. Его раб. портретъ имп. Александра II, съ видомъ новаго Архива Мин. Иностран. Дѣлъ въ Москвѣ,—наход. въ I отд. послѣдняго.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 30/1837 и Д. *Ровинскаго* „Подроб. Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, прилож., 224.

Изенбень, Люисъ, архитекторъ. Будучи ученикомъ А. Х., получ. въ авг. 1862 г. 2-ю сер. мед. за „проектъ дома архитектора“.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ... *П. Н. Петрова*, III, 405.

Изенбергъ, Константинъ Васильевичъ, силуэтистъ. Род. 29 ноябр. 1859. Сынъ докт. медик., ошъ обучался въ Учили. при Евангелическо-Лютеран. церкви св. Анны въ СПб. (1870—79) до VI класса коммерч. отдѣленія включительно, а въ нояб. 1882, по представл. имъ 3-мъ рис. съ гипс. головъ, 6-ти рис. силуэтовъ, 2-мъ рисов. тушью сценкамъ и одному пейзажу изъ пробки, былъ принятъ въ учен. А. Х. Впослѣдствіи ошъ выстав. свои произвед. въ „Обществѣ русс. аквар.“ и отдѣльно.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 203/1882.

Издерминъ, Аванасій Гридичъ сынъ, книгописецъ, въ Волоколамскѣ. Мирянинъ, ошъ напис. въ 1537 (7045), по заказу Ив. Андр. Рябчкова, „Службы нѣкот. святымъ“, въ 4-ву, на 331 л.

См. № 376 рукоп. опис. Иос. Волокол. мон. Св. Саввы.

Измайловъ, Александръ, граверъ. Род. 1789 (т. к. въ 1802 ему было 13 л.); ум. 28 сент. 1813. Находясь въ 3 возрастѣ въ числѣ учениковъ И. А. Х., ошъ былъ назнач. 11 окт. 1800 въ медальер. классъ; другой, состоя въ 4-мъ возрастѣ по гравюр. классу, опред. былъ 1 сент. 1809 къ выпуску, но оставл., вмѣстѣ съ друг., еще на нѣкот. время въ Акад., „какъ для усовершенствованія въ гравиров. художествѣ, такъ и по надобности въ граверахъ, кои заним. разными по Высоч. повелѣнію работами, а чтобъ не лишиться его награды, каковую заслужилъ купно съ проч. товарищами, изъ Акад. выпускаемымъ

съ аттест. I ст., возводящ. въ 14 кл.“, награжд. былъ наравнѣ съ ними ипаугою, съ назнач. 30 окт. къ совѣт. Клауберу, вышущей же 27 авг. 1812.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“... *П. Н. Петрова*, I, 418, 536, и 538, 540; II, 33.

Измайловъ, Петръ, живописецъ и архитекторъ. Принятый на казен. содерж. въ А. Х. въ янв. 1819, ошъ получ. сер. медали за рис. съ нат.: 2-ю—23 дек. 1825 и 1-ю—22 дек. 1827, а въ 1830 конкurrировалъ на зол. мед. программой: „Большой Александръ Македонскій“ и, по получ. 12 окт. 1830 аттестата ошъ оконч. курса съ званіемъ художника 14 кл., поступилъ архитект. помощникомъ при Царскоосельск. Дворцов. Правл.

См. „Сборникъ“... *Петрова*, II, 126, 212, 217, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 95/1831.—„Списокъ худож. произвед., выставл. при отгр. И. А. Х. 27 сент. 1830“, № 177 (въ „Русс. Инал.“ 1830, № 309, с. 1235).

Измайловскій, или **Измаильскій**, Константинъ Евгеньевичъ, медальеръ. Род. 1783 (т. к. въ 1802 ему было 19 л.). Изъ крещ. турокъ, ошъ былъ опред. д. ст. сов. Петр. Прокоф. Пократьевымъ въ июлѣ 1798 въ А. Х.; 11 окт. 1800, находясь въ 3-мъ возрастѣ, назнач. въ медальер. классъ, а 23 апр. 1806 получ. 2 с. м. за дѣла къ нат.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 48/1798, и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“... *П. Н. Петрова*, I, 375 и 401, 418, 478 и 486.

Изотовъ, Николай Максим., рѣшникъ. Род. 1776. Изъ мастеров. дѣтелъ, поступ. на службу въ 1787 и наход. въ 1811 въ рѣшной командѣ Яв. Дунаева; служ. еще въ 1823.

См. формуляры въ Общемъ Архивѣ М. И. Д.: оп. 122/556, л. 16, с. 84 и 103 (1811—12); л. 27, с. 17 (1818 г.); л. 30, с. 15 (1819 г.); л. 34, с. 11 (1823 г.).

Изохтинъ, скульпторъ Конторы строенія домовъ и садовъ 2-й половинъ XVIII ст.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 42/1772 (стар. нум.).

Икавицъ, Николай Эдуардовичъ, архитекторъ. Род. 1858. Воспитаникъ училищъ: Моск. Реального и СПб. Строит. (1880—86), ошъ оконч. курсъ съ правомъ на чинъ X. кл. и съ званіемъ гражд. инженеря, послѣ чего причислился къ Технич.-Строит. Комит. М. В. Д., въ авг. же 1890 откомандиров. былъ для проектиров. больницъ въ Медич. Дел., а въ маѣ 1891 поступ. завѣдующимъ строит. работами по зданіямъ и сооруженіямъ Охтен. Артиллер. полгона Морского вѣд. Занимаясь кромѣ того част. работами, ошъ исполнилъ нѣск. проектовъ на разныя со-

оруженія, въ томъ числѣ: 1) памятника д-ру Э. Икавтиду въ Тамбовѣ; 2) церкви на 500 челов. въ память чудеснаго спасенія Царской Семьи 17 окт. 1888 — для Периской губ. и 3) соборн. храма въ память 900-лѣтня крещенія Руси, совмѣстно съ В. А. Косяковымъ, — по конкурсу, объявленному Астрах. Город. Думою, въ 1890, за чтó получ. 1-ю премію.

См. *Г. В. Барановскаго*, „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 133—4, со снимк. съ 1) и 2) проектовъ.

Иковъ, Павелъ Петровичъ, живописецъ. Род. 1828 въ Москвѣ (?), ум. 18 марта 1875 въ СПб. Ученикъ Моск. Училища живописи и ваянія (1844—46) и СПб. Акад. Худож. (съ 1847), гдѣ занимался подъ руководствомъ рект. Ф. А. Бруни, онъ, состоя пенсіонеромъ Общ. Поощр. Худож., дѣлалъ рисунки для ксилографіи и литографіи въ изданія: „Иллюстрація“ 1848 (VI, 9. 137; VII, 28. 57); „Костюмы Египтянъ, Иудеевъ, Грековъ, Римлянъ и Русскихъ“, съ оригин. А. П. Саложникова (въ 5 тетрад.) и др., а за свои классныя работы получилъ серебряныя медали: 2-ю (1852) и 1-ю (2 мая 1853)—за рис. съ нат., равно какъ за этюдъ съ нат., и золотыя: 2-ю, послѣ неудач. конкурса съ программою „Ахиллесъ оплак. тѣло Патрокла“ (въ 1855), — за прогр. „Первиль въ время славы посѣщ. давно забытаго наставника своего Анаксатора“ (14 мар. 1857), причемъ, по замѣч. в. к. Маріи Николаевны, и тутъ „фигура воина была не хороша“, и 1-ю—за прогр. „Омовеніе ногъ ученикамъ І. Христомъ“ (3 апр. 1858). Между первой и послѣдней изъ этихъ картинъ (отзывы о которыхъ появ. въ изд.: „Отч. Зап.“ 1855, № 11, смѣсь, с. 29—30; „Русс. Худож. Лист.“ 1857, № 10; „Русс. Вѣст.“ 1857, № 6 совр. лѣт., с. 159, и „Сынъ Отч.“ 1858, №№ 15 и 21, с. 422 и 605—7), онъ нарис. еще: портреты имп. Александра II, въ ростъ (въ 4-хъ экзempl.), и импер. Маріи Александровны, по поясъ (въ 2-хъ экзempl.), въ томъ числѣ по 2—для Войска Донскаго, и разныхъ част. лицъ (между прочимъ 9 — каранда.); запрест. образа: св. Троицы — въ соборн. церковь въ Минскѣ, Спаса Нерукотвор. (съ ориг. Бруни), еще одинъ — для собора въ Гельсингфорсѣ. Постоянно отставая отъ своихъ товарищей, И—въ прослылъ, однако, между ними за хорошаго рисовальщика и потому, по оконч. курса съ званіемъ художника 14 кл., былъ одно время (съ авг. 1858 до 1859) помощникомъ преподават. въ рисов. классахъ Акад. и (съ янв. по сент. 1860)—преподавателемъ въ Рисов. Школѣ Общ. Поощр. Худож.

Посланный пенсіонеромъ за-границу, И—въ провѣлъ три года въ Парижѣ, гдѣ занялся: исполненіемъ портретовъ (въ томъ числѣ Кольмана и одной дамы) и этюдовъ съ нат.; сочиненіемъ эскизовъ изъ Свящ. и Римской исторіи; копированіемъ сред. части Луврской картины Рубенса „La felicitee de la Regence“ („Счаст. времена регенства Маріи Медичи“), причемъ копія эта, оконч. имъ по возвращ. съ Лондон. всем. выставки, послѣ доставленія ея въ СПб., найдена была Академич. Совѣтомъ удовлетворительною (29 янв. 1863), а также рисованіемъ акварелью народ. сценъ и пейзажей, равно какъ нѣкот. древностей Визант. работы. Выѣхавъ изъ Парижа 9 июля 1863, онъ направился черезъ Страсбургъ въ Швейцарію, гдѣ, кромѣ музеевъ и галлерей, посѣтилъ также мастерскій Коллера, Калама и Дидэ, и затѣмъ въ Савойю, гдѣ нарисовалъ акварелью нѣск. большихъ горныхъ видовъ, сдѣлавъ множество рисунковъ карандашемъ и написалъ одинъ портретъ масл. красками; наконецъ, черезъ Туринъ и Геную, Ливорно и Флоренцію, Сиенну и Пизу, достигъ Рима, посѣтивъ по дорогѣ мастерскія флорент. проф. Усси и др. и дѣлая небольшіе рисунки для себя.

Возвратясь въ Россію въ сент. 1867, И—въ окончивалъ привез. съ собою нѣск. картинъ, за которыя надѣялся получить званіе академика, но безуспѣшно. Картины эти, находившіяся на Академич. выст. 1868, были: „Сусанна“, „Римскія: крестьянка съ прялкою, дѣвушка съ розаномъ, крестьянская дѣвушка“ и „Этюдъ старика съ нат.“, выставленныя вмѣстѣ съ акварелями: „Видъ Пестума“, „Амальфи“, „Часовня въ Суббіако“, „Вилла д'Эсте въ Тиволи“ (два рис.), „Чучарка въ церкви Арачели“. Потерпѣвъ неудачу, онъ занялся различ. живоп. работами въ СПб. и преподаваніемъ рисов. въ разныхъ учеб. заведеніяхъ и въ част. домахъ.

Крат. біографіи И—ва были помѣщ.: *А. Сомовъ* въ „Катал. произвед. иностр. живоп. въ карт. гал. И. А. Х.“, 1874 (II, 195), и въ „Біограф. свѣд. о членахъ Акад., умерш. въ 1873—75“ (с. 15, при „Отч. И. А. Х.“ за 1874—75), и *Ф. Вулаковичъ* въ изд. „Наши Художники“, 1890 (I, 159), и нѣсколько подробнѣе въ *Н. Собою* въ „Исторіи. Очеркѣ СПб. Рисов. Школы 1839—89“ (с. 84, пр. 105). — Для настоящ. очерка служили: „Отчеты О. П. Х.“ 1849—51 (с. 10, 12), 1852—54 (8, 12), 1854—55 (8), 1855—56 (8), 1856—57 (9), 1857—59 (16, 19); дѣла Архива И. А. Х. (82/1855, 109/1858, 49/1859, 171/1859 и 19/И); „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ...*И. Н. Петрова*, III (198. 236. 266. 262 и

268. 305. 419, а также: 382. 385. 398. 401. 429); „Указат. выст. въ И. А. X.“ 1855 (№ 150), 1857 (44), 1858 (28), 1868 (36, 69 — 72, 393—403); „Отчетъ И. А. X.“ 1861—62 (с. 78), 1862—63 (85), 1863—64 (77), 1867—68 (55), 1874—75 (86); „Катал. выст. харг. Общ. Изв. Исн.“, Од. 1884 (96).

Иконниковъ, Василий, гравёр на мѣди. Изъ учениковъ Моск. Славяно-греко-латин. Акад., онъ былъ выст. въ СПб., по опредѣл. Св. Синода, въ А. Н. въ авг. 1745, для обуч. рисов. и на мѣди выпѣл., а также словолитію и перепл. книгъ, и опредѣленъ къ маст. Гриммелю и принят. на казен. счетъ. Будучи „Сиподальнымъ ученикомъ“, потомъ подмастерьемъ и учителемъ Стеф. Ефимова, такого же плохого мастера, какъ и самъ, онъ исполнилъ слѣд. гравюры рѣпомъ: 1. „Молитва св. Зосимѣ и Савватію, ... съ видомъ Соловецкаго мон.“,—въ СПб. при Акад. Наукъ 1751 г.; 2. „Св. Пр. Давидъ“, съ рис. Сем. Второва—для Моск. „Псалтыря“ 1757 г.; 3 и 4. „Еванг. Марко“ и „Іоаннъ“, тоже, 1757 (представл. имъ 18 июля того года въ Контору Моск. Синод. Типогр.); 5. Загл. листъ къ Моск. „Библии“ 1759 и 1762, въ л., тоже (съ изображ. вверху — Христа, уцап. въ храмъ, а внизу — Кремля и Петропавл. крѣпости), равно какъ мног. гравюры той-же раб., но безъ подл.; 6. портретъ имп. Елизаветы Петровны въ ростъ, съ аллегор. изображ. вокругъ, тоже и туда же (размѣр.: 14.0 × 9.3 во франц. дюйм. и лин.), пояс., $\frac{3}{4}$ впр., портретъ: 7. в. к. Павла Петровича, по рис. Мих. Некрасова (размѣр.: 7.2 × 2.3), съ орigni. Рокотова 1762 г., и 8. извѣст. чудодѣя, „дворянина-философа, полковника Наръ. плѣх. полка Фед. Ив. Дмитриева-Мамонова“, окруж. разными фигурами, 1762 г. (размѣр.: 14.7 × 9.6; наход. въ Олсуфьев. Собр. VII, 1307; воспроизвед. въ „Атласѣ“ къ „Русс. Народ. Карг.“ Д. Ровинскаго, т. II, № 550); виньетки къ Моск. изд. и соч. послѣдьяго: 9. „Любовь Психен и Купидона“, перев. съ де ла Фонтена, 1769 (6-ть штукъ, безъ подл. маст.); 10. „Любовь, С. А. Дворян.-Филос.“, 1771, 4^о (8-мь штукъ); 11—13. „бюстъ Марса“, „воинская арматура“, и „медаль Дмитриева-Мамонова въ латахъ“, $\frac{1}{2}$ впр., съ изображ. на обор.— „Истиннъ“, пошпр. двухъ фурий ногами (діам. 2.9 $\frac{1}{2}$) — въ „Эпистолѣ отъ генерала къ его подчиненнымъ“, 1770; 14. портретъ Петра I, скопиров. съ Чемесова (6.4 × 3.9), и проектъ „конной статуи Императора, пошпр. двухъ плѣнныхъ“ — при кн. „Слава Россіи или Собрание медалей дѣлъ Петра В. и еще въкоторые 1770 г. Іюня 4 дня “, 8, и во 2-мь изд.: М. 1783,

съ гравиров. загл. лист. и оглавл. и съ 49 мед. на 17-ти табл. (безъ подл. маст.); 15. еще „медаль Дмитриева-Мамонова“ съ изображ. на обор.— жертвенника съ раскрытою книгою на немъ, рѣв. 1773 г. (діам. 3.6 $\frac{1}{2}$)—при „Панегрихѣ Дворянину и Философу“, пис. священникомъ церквл. Похвалы Богородицы, что въ Башмаковѣ, Вас. Соловьевъ, съ 5-ью друг. виньет. (ср. въ Олсуф. Собр. XI, 2258); 16. фронтиспись „Веселое Общество“ (размѣр.: 4.10 × 3.2) — при кн. „Спутникъ и собесѣдникъ веселыхъ людей“, на русс. языкъ перев. Моск. мѣщан. Хрстфрм Дорвердъ (т.-е. Матв. Комаровымъ), 1773, 12^о (тамъ же VIII, 1511; ср. Сопик. 11280); 17. „Система новая обстоятельная сложения свѣта, изд. 1779 г. въ Барановѣ“, Дмитриевымъ-Мамоновымъ, въ л.; 18. еще „медаль Дмитриева-Мамонова“, сидящаго у стола въ задумчивости, „въ единенной жизни въ Барановѣ“, съ изображ. на обор.— „изд. имъ новой обстат. системы сложения свѣта въ 1779 г.“,—при соч.: „Дворянинъ-Философъ. Аллегорія“, Смоленскъ, 1796, 8^о (первоначально при кн.: „Любовь Психен и Купидона“, 1769).

См. „Матер. для исторіи И. А. Н.“, VII, 513. 557. 647. 703. 708; VIII, 226.—Дѣла Св. Синода 1773 (авг. 9), № 22.—Д. Ровинскаго „Русс. гравюры“, 1870, с. 214; „Русс. Народ. Карг.“, IV, 459, а также III, 605 (№ 1461), II, 247 (№ 550) и 283 (№ 594); „Подроб. Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав.

Иконниковъ, Данилъ, живописецъ 1408 г. Сотрудникъ Андрея Рублева по росписи Златоверх. Успенскаго соб. во Владимірѣ-на-Клязьмѣ.

См. „Отч. Зап.“ 1824, XX, 39 (по „Продолж. Нестора“, с. 232).

Иконниковъ, Иванъ Авансимовичъ, живописецъ Синод. 1761 г. Писалъ живописью (къ 13 дек.) архіер. грамоту, еписк. Вологод. Іосифа Золотога.

См. „Вологод. Епарх. Вѣд.“ 1866, № 17, с. 654.

Иконниковъ, Иванъ Петровичъ, живописецъ. Сынъ канцеляр., жителъ гор. Уфы, весьма обучившій живоп. художеству и представляя въ А. Н. двѣ „малеванныя картинки“ своего искусства, просилъ 19 марта 1740 г. объ опредѣл. его къ рисов. художеству, съ жалов. по назнач. Акад.; вслѣдъ чего онъ былъ отосл. къ маст. Вортману, а содержаніе ему было опредѣл. по 4 р. въ мѣс. Въ 1743 о немъ сообщ., что онъ „хорошо малюетъ и рисуетъ“ и что онъ „ученикъ достаточный“ (по сравненію съ друг. посредственными). Занимался между про-

чпмъ „раскрашиваніемъ патентовъ, малеваніемъ кунсткамерскихъ звѣрей и проч. работами“, онъ начинал. былъ въ томъ же году къ маст. Гриммелю; нѣсколько же позднѣе отосл. вмѣстѣ съ друг., по выбору подмост. Соколова, въ Севаст. „для скорѣйшаго въ сочиненіи лейбъ-компаніи гербовъ и дипломовъ исправленія, въ помощь живоп. мастеру“, по докладу Геральдмейстер. Конторы. Пробывъ затѣмъ „между художеств. палатами въ сред. залѣ у раскрашив. стѣнъ“, онъ былъ увол. по прош., а на присканія себѣ службы въ друг. командѣ, а на мѣсто его опредѣл. къ Гриммелю учен. Николай Любецкой.

См. „Матер. для исторіи И. А. Н.“, IV, 354—5. 363. (556); V, (10/499). 552—3. 557—8. 600. 602—3. 621. 719. 720. 722. 774; VII, 65. 608.

Иконниковъ, Иванъ Спиридоновичъ, живописецъ 1555 г. въ Москвѣ. Написалъ, по заказу Матв. Тимоф. Погорѣлова, въ Чигасов. Спасскій мон., въ псконастѣ церкви образъ „Всемилоств. Спаса“ или „Происхожденія Честныхъ Древъ Креста“ (размѣр.: 1 а. 14 в.×1 а. 8 в.).

См. *Амеросія*, „Исторію Росс. Іерар.“, VI, 259, и „Описание Спасо-Чигасской церкви“, с. 10—11.

Иконниковъ, Макарь, живописецъ при Св. Синодѣ, ум. въ СПб., ранѣе 1772 (т. к. 26 іюля того года умерла его вдова Ксенія Ворпс.), 75-ти л. отъ роду, въ прих. Андрея Первозв.). Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Иконниковъ, Михаилъ Степановичъ, архитекторъ. Род. 1821 (1818?). Воспитанникъ Кіев. гимназіи и Строит. Учил. въ СПб. съ 29 мая 1835 до 10 янв. 1840, на счетъ Кіевской губ., онъ былъ выпущ. первымъ ст. чпномъ XII кл. и опредѣленъ старш. инженеръ въ Кіевскую губ. Строит. Ком., а по преобразов. ея, назначенъ архитект. и инженеръ для производ. работъ (въ 1850 г.), на инженер. губ. архитекторомъ (въ 1854, въ 7 кл.). Во время Крымской кампаніи, устроенъ въ Черкасахъ, по требованію главно-команд. южною арміею, переправу черезъ Днѣпръ изъ поплаваго моста и паромовъ, а затѣмъ пневматич. отопленіе въ Кіев. театрѣ. Имъ построены въ 1853—63 гг.: въ Умані—тюрем. замокъ, въ Кіевѣ—зданія губ. присутств. мѣстъ и тюрем. замка, тепл. церковь съ колокольнею при Кіево-Набережной Никольской церкви, домъ Старо-кіев. полиц. участка съ каланчею и Кіев. Владыч. Общества; въ 1863—73 гг.—дома для бѣдныхъ того же Общества, пріюта княг. Дондуковой-Корсаковой, а также для ремесл. школы, часовня надъ могилою ген.-ад. Беака и его супруги; въ 1873—88 гг.—гостип. „Grand Hotel“

на Крещатикѣ, кромѣ част. домовъ, Старо-рафинад. заводъ, зданія клинпки при упив. св. Владимира, и перестроены: тепл. церковь при Кіево-Софійскомъ соб., домъ для помѣщенія рукодѣльн. школы Безакъ (1863—73), зданія Дух. семинаріи, съ возвед. 2-й половины главн. корпуса, и Академіи, съ возвед. 3-хъ эт. зданія для администраціи, часть зданія присутств. мѣстѣ подъ судеб. учрежденія и, наконецъ, въ Умані госпит. зданіе подъ окружной судъ (1873—88).

См. *Г. В. Барановскаго* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 134, и, служ. ему дополн., рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Иконниковы, Семель и Фодоръ, Шуйскіе иконописцы, упом. подъ 1707 г.

См. *Борисова* „Опис. г. Шуи“, с. 75, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школъ иконопис.“, 151.

Иконниковъ, Яковъ Михайловичъ, живописецъ (?) Род. 1838. Сынъ отстав. унтеръ-офиц., Арханг. мѣщан., былъ ученикомъ Арханг. уѣзд. учил. п. И. А. Х. (съ 1858); въ 1869 получ. свидѣтельство на званіе учит. рисов. въ гимназ., по потомъ сдѣлался биржев. маклеромъ (1878). См. въ Архивѣ П. А. Х. дѣло 20/И и рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Иконникъ, Григорій Саввичъ, иконописецъ 1659 г. въ Москвѣ.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 33.

Иконникъ, Иванъ Яковлевъ, Шуйскій иконописецъ 1627; подавалъ жалобу на пола Якова за неплатежъ денегъ.

См. *Борисова* „Описание гор. Шуи“, 72, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школъ иконопис.“, 150.

Иконникъ, Мартынъ Андреевъ, иконописецъ (?). Посадскій человекъ гор. Бѣлева, онъ наход. въ 1664 при составл. смѣты на поправки въ мѣст. ц. Николы Гостунскаго.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 53, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школъ иконопис.“, 150.

Искусль, баронъ Александръ, живописецъ. Въ теченіи 3-хъ лѣтъ, около 1820 г., онъ путешествовалъ по Востоку, и, по словамъ *А. Н. Муравьева*, употребилъ свой необыкновен. талантъ живописи на собраніе прекрасныхъ видовъ мѣстностей, а 20 сент. 1832, за рисунки видовъ п. разныхъ предметовъ, снят. имъ съ нат. во время путешеств. въ Египетъ, Аравію, Сирію и Палестину, онъ былъ возвед. въ званіе поч. вольн. общника И. А. Х.

См. *А. Н. Муравьева* „Путеш. къ св. мѣстамъ“, ч. I, с. XC—XCI, и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ...*П. Н. Петрова*, II, 289.

Иларіонъ, монахъ-пауграфъ. Написалъ, послѣ обрѣт. мощей св. Нила (27 мая 1667), въ 1670-хъ гг., „по общаѣму за вѣдѣтѣ“, иконы въ Нилову-Столбенскую пустынь.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Иларіонъ, иконописецъ. Монахъ Новоспасск. мон. (въ Москвѣ), оныѣ напис. 1688 іюля 2, при настоят. архим. Игнатіи Корсаковѣ, образъ Богоматери, наход. въ алтарѣ соб. церкви тамъ же.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 151—2.

Иларіонъ, граверъ, іеромонахъ въ Кіевѣ. Ему принадлежатъ рѣз. на деревѣ: з. л. съ изображ. Троицы, Успенія и мн. свят. (10.5 $\frac{1}{2}$ ××6.6 $\frac{1}{2}$)—въ „Житія святыхъ“, К. 1764, и граюра—„Монахъ и женщина“, „Монахъ и священникъ съ крестомъ“, „Архіерей съ жезломъ“ (1.1×2.7); его же раб., съ моногр. „Г“, заставилъ—„Соборъ святыхъ“, „Мученикъ съ крестомъ“, „Мученикъ и Царица съ крестами“ (1.1×2.6),—въ Собр. кн. Бѣлос.-Бѣлосерскаго.

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, 1870, с. 227.

Иларіонъ (въ мірѣ Іоаннъ Детесовичъ ?)

Мигура, граверъ на мѣди 1704—12. Сперва архидіаконъ въ Кіев. митроп., потомъ (съ 1710) игуменъ Батуринскаго Свято-Никола-Крутинскаго мон., оныѣ гравиров. рѣзцомъ слѣд. портреты и свят. изображенія, доски которыхъ сохрани въ Кіево-Печ. типографіи: 1. „Триумъ з ітіаіа Гедеона wзіетъ“ (размѣр. 5×5 $\frac{1}{2}$ верш.), съ посвящ. на латин. яз. Гедеоу Одорскому, архим. Батуринскаго Свято-Никола. Крутинскаго мон. (1704); 2. изображ. прор. Захарія съ арханг. Михаиломъ и великомуч. Варварой по бокамъ, въ л. съ посвящ. Захарію Корниловичу (1703, сент. 3); 3. изображ. чудотвор. иконы Пресв. Богородицы Братской Кіевской, въ л. (размѣр.: 9 $\frac{1}{2}$ ×6 $\frac{1}{2}$ верш.; 1706 г.); 4. пояс. $\frac{3}{4}$ впр. портретъ благодѣтеля патріарш. престола Стефана Яворскаго, митроп. Рязанскаго и Муромскаго (размѣр. 9 $\frac{3}{4}$ ×6 $\frac{3}{4}$ верш.), съ посвящ. ему (1706, авг. 2); 5. аллегор. изображ. гетмана Мазепы въ ростъ, въ рыцар. одѣяніи, съ изображ. 6 отраслей знанія въ видѣ женскихъ фигуръ по бокамъ, вверху же—Христа съ 6 святками по сторонамъ и надъ ними посвящ. пѣт Кіев. державей, а внизу—воен. доспѣховъ (размѣр.: 9 $\frac{1}{4}$ ××6 $\frac{1}{4}$ верш.), съ посвящ. самому гетману (1706, окт. 17); 6. изображ. св. Василия Вели., съ разными аллегор. фигурами, въ л. съ посвящ. Вас. Кочубею, генер. судѣй Войска Запорож. (1707, янв. 17); 7. изображ. преп. Іоанна Лѣствичника (размѣр. 6 $\frac{1}{2}$ ×5 $\frac{1}{2}$ верш.), съ посвящ. Іоанну

Ломиковскому, генер. асаулу Войска Запорож. (1707, марта 30); 8. пояс. $\frac{1}{4}$ впр. портретъ преевскаго. Варлаама Явнскаго, митроп. Кіев., Галиц. и всея Россіи (размѣр. 8 $\frac{3}{4}$ ×5 $\frac{1}{2}$ верш.), съ эпитафіей на его погреб. (1707, окт. 19); 9. пояс. изображ. ап. Иродіона, въ л. съ посвящ. Иродіону Явуроховскому, архим. (съ 6 янв. 1709) Межитор. Преображ. обители (апр. 5); 10. пояс. изображ. св. Стефана съ чашей и камнемъ въ рукахъ, въ $\frac{1}{2}$ л., съ посвящ. Стефану Яворскому (1709, въ бытность еще архидіак.); 11—13. лнсты, посвящ. гетману Іоанну Скоропадскому (1709), полковнику Дан. Апостолу въ д. Пасхи (1712) и Вяцкивечу; 14—15. изображ. преп. Іакова, въ 4 д. л., и прее. Варлаама, тоже (въ бытность уже игум.); 16. пояс. изображ. св. Симеона Богопріимца съ Младенцемъ Іисусомъ на рукахъ (размѣр. 8 $\frac{1}{2}$ ×5 $\frac{1}{2}$ верш.), съ посвящ. Симеоу Сваргѣ, генер. писарю Войска Запорож. (1712, въ бытность уже игум.); 17. пояс. изображ. св. Іоанна Предтечи, въ $\frac{1}{2}$ л., съ посвящ. опять Іоанну Ломиковскому (тоже); 18. пояс. изображ. Ильи прор. съ ножомъ въ рукѣ и св. великомуч. Екатерины съ дѣяньемъ—на обор., въ м. л. (безъ обознач. года); въ казнач. палатѣ Соловец. мон., куда въ сент. 1712 былъ сосланъ за измѣну вышеупом. архим. Гедеевъ Одорскій); 19. пояс. изображ. св. Николы Крутинскаго, въ $\frac{1}{2}$ л. (безъ обознач. года). Имъ гравиров. рѣзцомъ, въ 1-й полов. XVIII ст. (въ бытность еще іеромон.), въ 4 д. л. (5.3×3.9 во франц. дюйм. плин.),—20. „Великомуч. Варвара“ въ ростъ, съ пальмовою вѣтвью въ прав. рукѣ и моделью церкви (св. Михаила Златоверхой)—въ лѣвой (въ Олсуф. собр. X, 2169).

См. *Бьлюсовскаго* „Крутинскія Батурин. м.—ръ“, Черниг. 1859, с. 38, и архіеп. *Филарета*, о томъ же, 1862. — „Извѣстія Имп. Русс. Археол. Общ.“ 1862, т. IV, в. 3, с. 250 (сообщ. *С. Семитовскаго*).—*Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, 1870, с. 122, и „Русс. Нар. Нар.“, 1881, т. III, с. 692, 492, 697, 695, 694, 693, 701, 608, 655, 557, №№ 1663, 1224, 1673, 1669, 1666, 1638, 1667, 1665, 1682, 1464, 1583 1387; тамъ же, т. IV, с. 720, ему сперва приписано составленіе, вѣдѣтѣ съ Аван. Кальнофоскским, инокомъ Лещер. мон. (1594—1638).—„Описанія чудесъ Куляндикоу иконы Богоматери“: послѣднее принадлеж. Иларіону Денисовичу, игум. Куляндикоу 1-й половины XVII в., см. *Филарета* „Обзоръ русс. дух. литерат.“, I, № 172 (bis); архим. Иларіономъ подлин. еще предисловіе къ Кіево-Печ. изд. „Акакистовъ“ 1709 г., въ 4—ку, см. *Д. Пекарскаго* „Наука и Литерат. въ Россіи при Петрѣ В.“, 1862, II, 208—9.

Иларіонъ, Константинъ, рисовальщикъ XIX в. Исповнялъ портр. Кашлаи.

См. *Д. Ровинскаго* „Подроб. Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав. (въ текстѣ не упомя.).

Илія (Илетка), колод. мастеръ 1545 (?), Новгородецъ. Илія при игум. Вязицкаго мон. Захей Печерскомъ краснѣй колоколъ.

См. архим. *Макарія* „Археолог. Описание церк. древностей въ Новгород.“, 1860, II, 257, прим. 239.

Илія, иконопасаецъ, вѣроятно Новгород. школы $\frac{1}{2}$ XVII в. Произнесъ хулу на преп. Га-

лактиона Вологод. (см. его рукоп. житіе въ Румянц. Муз. № 296, с. 15—18) по маломуію, какъ отозвалась его жена.—Въ сборѣ же Суздальскаго Покров. м-ря наход. (писанный бѣловато съ сильною золою. прописью въ ризахъ) мѣст. образъ Спасителя 1636 г., исполненный Артеміемъ Катунцемъ съ вѣск. иконописцами, въ томъ числѣ и Ильею.

См. *Ив. Некрасова* „Нѣск. данныхъ изъ житій святыхъ“ въ „Археолог. Вѣст.“ 1864, с. 227.—Ср. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школы иконопис.“, 153.

36. Св. Прор. Илія,
раб. маст. *Илія А.*, 1638 г.

37. Св. Илія Муромецъ,
раб. маст. *Илія С.*, 1655—56 г.

Илія АНДК (Ангилейко ?),
Илія С-СКИ (.....),

Львовскій гравёръ на деревѣ
1637 — 49 гг.
Кіевскій гравёръ на деревѣ
1651 — 60 гг.

мастера), исполненныя имъ до 1640 г., находятя исключительно въ Львовскихъ изданіяхъ не только того времени, но и гораздо поздѣйшихъ (въ новыхъ отпечаткахъ), сдѣланныя же послѣ 1640 г. попадаютъ только въ Кіевскихъ изданіяхъ, начиная съ 1646 г. (Петра Могилы) и вплоть до 1715 г., а можетъ быть и позже, при этомъ иногда одновременно съ гравюрами Ильи С. (болѣе тонкаго мастера), начавшаго работать съ 1650-хъ годовъ,—можно съ достовѣрностью предположить, что Львовскій гравёръ переселился въ Кіевъ около середины XVII в., пожалуй, захвативъ съ собою съ родины вѣ некоторыя работы, выполненныя незадолго передъ тѣмъ, и вскорѣ послѣ того сошелъ

До сихъ поръ не различали этихъ двухъ подписей, встрѣчающихся подъ гравюрами въ церковно-славянскихъ книгахъ XVII и даже XVIII в., и обыкновенно относили ихъ къ одному и тому же лицу. Но, по всѣмъ даннымъ, было два одноименныхъ гравёра, дѣйствовавшихъ во 2-й и 3-й четверти XVII в. въ Галиціи и Украинской Руси. Судя по тому, что гравюры Ильи А. (болѣе грубого

со сцены, Киевский же одноименный гравер продолжал затѣмъ еще работать болѣе 10 лѣтъ. Первый изъ этихъ мастеровъ вырѣзываетъ подь своими пропавденіями: „Иліа“ (иногда съ прибавл.: „ро бжи“, т. е. року Божію такого-то; рѣдко — „три“, „гро“, что означаетъ — гравировать; чаще же всего — одной буквы „А“ и только разъ: „АШЛК“¹⁾), — для обозначенія отчества или прозвища), „Иліа“, „Илі“, „Ил“, „И. А.“, „Helias“, „Heli“, „Hel.“, наконецъ, другой разъ — „Ели“ (а не „Епи“, какъ читали Д. А. Ровинский и В. В. Стасов); второй же — „Иліа“ (съ обозначеніемъ года славянскими цифрами и иногда съ прибавленіемъ: „С-СКІ“ или „С-С“²⁾), а разъ даже: „в'Ловищч“, т. е. въ Ловичѣ?), „И. С. С. К.“, „И. С.“ (что тѣ же паслѣдователи едва ли правильно читали: Илья Священникъ, т. к. въ такомъ случаѣ стояло бы скорѣе И. І., т. е. Илія Терей, или И. І.)³⁾. Перваго изъ этихъ граверовъ Я. Г. Павликовскій признавалъ духовнымъ лицомъ изъ Львовскаго монастыря св. Онуфрія; второго можно считать служащимъ при типографіи Киево-Печерской лавры⁴⁾. Первому

¹⁾ У Д. А. Ровинскаго („Русс. Нар. Картинки“, IV, 591) ошибочно: АИЛК.

²⁾ Можеть бытъ, Скольскій — родственникъ типографа, сотрудника и преемника Сліозки.

³⁾ Д. А. Ровинскій („Русс. Гравера“, М. 1870, с. 124 и 214; „Русс. Нар. Картинки“, СПб. 1881, IV, 591, и афав., с. 72) едва ли справедливо приписываетъ граверу Ильѣ не только монограмму:

которую можно скорѣе признать за буквы А І, соединенныя вмѣстѣ буквой Z или N, поставленнымъ на ребро (т. к. монограмма эта, съ годомъ 1628-мъ, встрѣчается впервые на гравюрѣ, изображающей „Воскресеніе Лазарево“, въ Киевской Троицкой Цѣвтной 1631 г., слѣдуетъ, почти за 10-ть лѣтъ до начала дѣятельности нашего мастера), но и монограмму:

точно состоящую изъ буквъ А І, перекрещенныхъ буквой Z или N на ребро, только въ обратную сторону, и находящуюся въ Львовской Троицкой Цѣвтной 1663 г. на подобной же гравюрѣ съ изображ. „Воскресенія Лазарева“, скомпированной съ предыдущей, очевидно даже съ повтореніемъ монограммы на оборотъ.

⁴⁾ Въ „послании Киев. митроп. Исая Копинскаго къ младшей братіи Луднаго братства“ (данномъ въ мюн-рѣ св. архим. Михаила при ц. Златоверхой надъ Киевомъ, мѣс. марта 1 д., 1632 г.), читаемъ: „Получивъ пріятную вѣсть отъ живущаго съ нами почтеннаго между іеромонахами брата Иліи изъ Перемишля, я много и обильно усла-

принадлежать слѣдующія работы: 1. загл. листъ къ Львовск. „ПСАЛТИРИЮ“ 1637 г., печ. въ тип. Ставропит. братства при храмѣ Успенія, въ 4-ку, съ изображ.: Успенія Б. М.—вверху, св. Иоанна Златоустаго, Василія Вед., Григорія Богослова—по бокамъ, 7-ми пророковъ—внизу, и съ подписью: „Илія року Вожд. 1637“,—размѣр.: 6.6×4.10 во франц. дюйм. и лин. (Д. Ровинскій, „Русс. Граверы“ 1870, с. 219, № 136); 2. загл. листъ къ Львовск. „АНΘΟΛΟΓΙΟΝУ“ 1633 г., печ. у Иоанна Кунотовича, въ л., съ изображ. Иисуса Христа на престолѣ, съ Божіей Матерью, Иоанномъ Крестителемъ и ангелами по бокамъ и разными святыми въ медальонахъ кругомъ, и съ подписью: „Илія ро бжи ахли мца октовр. ла“,—размѣр.: 10.9×6.2 (Ров. № 163—по изд. 1651 г. и № 344—по изд. 1697 г.); 3. Успеніе—на обор. в. л. тамъ же, подь гербомъ г. Львова, съ поди.: „Иліа“,—размѣр.: 2.10×4.0 (Ров. № 164)¹⁾; 4. св. Димитрій, съ крестомъ, цитомъ и копьемъ, на л. 111, съ поди.: „Иліа Грї“,—размѣр.: 2.11×2.4 (Ров. № 166); 5. Силы небесныя или Соборъ арханг. Михаила—на об. л. 132, съ той же поди.,—размѣр.: 2.10×2.8½ (Ров. № 167); 6. св. Иоанн Златоустъ—на л. 141, съ поди.: „И-А.“,—размѣр.: 2.11×2.6½ (Ров. № 168); 7. Введеніе во храм—на л. 169, съ поди.: „И А.“,—размѣр.: 2.11×2.8 (у Ров. № 169, какъ „Срѣтеніе“); 8. св. Великій Василій—на об. л. 286, съ поди.: „И. А.“,—размѣр.: 2.10½×2.9 (Ров. № 170); 9. св. Аонасій и Кирилл—на л. 324, съ поди.: „И.“ (у Ров.—пропущ.); 10. св. Василій В., Григорій В., Иоаннъ Зл.—на об. л. 375, съ поди.: „И А.“, „И А.“ и „А И“,—размѣр.: 2.10×2.7½ (Ров. № 171); 11. Срѣтеніе—на л. 387, съ поди.: „И А.“, „И А.“,—размѣр.: 2.11×2.8 (Ров. № 169); 12. св. великомуч. Георгій—на л. 423, съ поди.: „Иліа“ (у Ров.—пропущ.); 13. св. ап. Петръ и Павелъ—на об. л. 471, съ поди.: „И.“,—размѣр.: 2.10½×2.6 (Ров. № 172); 14. Христосъ на престолѣ среди святыхъ—въ видѣ большой заставки на л. 507, съ поди.: „Иліа А рок бжи ахли мца іюл в'каден“,—размѣр.: 2.4×4.10 (у Ров. № 331, по Киев. изд. „Вънедъ Христовъ“ 1638 г., л. 40); 15. Преображеніе—тоже, на об. л. 541, съ поди.: „ахли мца августа аі“,—размѣр.: 3.6×5.1 (Ров. № 173); 16. Успеніе (иное, чѣмъ на обор. в. л.),—тоже, на об.

дѣлса вавешъ рѣшмствоу... (см. „Памятникъ, изд. Врем. Комм. для разб. древн. актовъ“, К. 1845, I, г. 123). Не относится ли это къ нашему Ильѣ?

¹⁾ Перечень въ Львов. изд. „Собраніе короткой науки ш аргюкулахъ вѣрн“... 1645, въ 12 л. л.

л. 552, съ подп.: „Илія ро бжѣ ахлі мца августа во вѣден“ (у *Рос.*—пропущ.)¹⁾; 17. Седьмой Вселенскій Соборъ, съ подп.: „Илія рк бж 1638“, — размѣр. 2.2½×5.1 (*Рос.* 176 = 355 = 344, какъ перепеч. въ Львов. „Евангелии“ 1665 г., на л. 220, и въ „Анеологіонѣ“ 1694 г.); 18. загл. листъ къ Львовск. „АПОСТОЛУ“ 1639 г., печ. въ тип. Мпх. Слюски, въ л., съ изображ. Состевія св. Духа съ ап. Петромъ и Павломъ по бокамъ — вверху, Восаресенія, Рождества и Вознесенія — внизу, арх. Михаила и Гавріила — по сторонамъ текста, и съ подп. „Слп. ахлѣ“, — размѣр. 9.6×5.9 (у *Рос.*, с. 219, № 144, и с. 190, съ подп. „1639 Син“...)²⁾; 19. гербъ пановъ Могиловъ—на об.

¹⁾ Въ томъ же „Анеологіонѣ“ встрѣчаются еще слѣд. гравюры безъ подп. (м. б., тоже раб. Илія): 1. Рождество Богородицы (?) — на об. л. 27; 2. Распятіе — на об. л. 49; 3. Іоаннъ Богословъ — на об. л. 68; 4. Покровъ — на л. 78; 5. Невѣрїе Оумъ — на л. 89; 6. Ев. Лука — на об. л. 102; 7. Ев. Матвѣй — на л. 152; 8. св. великомуч. Екатерина — на об. л. 167; 9. св. Андрей Первозв., — на л. 178; 10. св. Николай — на л. 194; 11. Явленіе Архангела Захарію и Пресв. Дѣвѣ (?) — на л. 203; 12—13. два разныхъ Поклоненія пастуховъ — на об. л. 263 и 266; 14. Поклоненіе вохвовъ — на л. 271; 15. Бѣгство въ Египеть — на л. 273; 16. молящ. Давидъ — на л. 275; 17. Побѣненіе св. Стефана — на об. л. 276; 18. Обрѣзаніе — на об. л. 290; 19. Крещеніе — на л. 316; 20. св. Іоаннъ Креститель — на л. 329; 21. св. Григорій Богословъ — на л. 359; 22. Благовѣщеніе — на л. 415; 23. Ев. Маркъ — на об. л. 429; 24. преп. Софроній и св. Шафрутій — на л. 458; 25. Рождество І. Крестителя — на об. л. 465; 26. св. Владиміръ на престолѣ въ видѣ царя — на л. 508; 27. св. славный пророкъ Ілія — на об. л. 515; 28. Усклюненіе главы Іоанна Предтечи — на об. л. 567. Тѣ же гравюры перепечат. въ позднѣйшихъ изданіяхъ 1643, 1651 и 1694 гг., изъ которыхъ только послѣднія два извѣстны были Ровинскому, относившему прѣтомъ изд. 1694 г. къ 1697 г.

²⁾ Въ рукоп. сочиненіи *Д. А. Ровинскаго* „Обозрѣніе русс. гравированія на металлѣ и на деревѣ до 1725 г.“ (см. разборъ его, составл. *В. В. Стасовымъ*, въ „Отчетъ о 2-мъ присудж. награды г. Уварова“, 1858 г., с. 52) по назв. листъ, какъ перепеч. въ Львовск. Евангелии 1665 г., сказано было, что, можетъ быть, онъ рѣзанъ граверомъ Ильей; но Стасовъ, сославшись на слова того же автора, что „Илія рисовалъ посредственно, а гравировалъ на-скоро“, замѣтилъ: „гравюра же упомян. листа очень хороша—это явная

з. л., тамъ же (и въ Киев. изд. „Требника“ Петра Могила 1646 г., въ л.), съ подп. „Илія А.“ (у *Рос.* нѣтъ); 20. св. Лука—передъ л. 1, съ подп. „Илія Грѣ“ (у *Рос.* № 145—безъ подп., какъ и слѣд. №№)¹⁾; 21. Петръ и Іоаннъ ищѣл. хромца — на л. 5, съ подп. „~~Илія А.~~“ (у *Рос.* № 148);

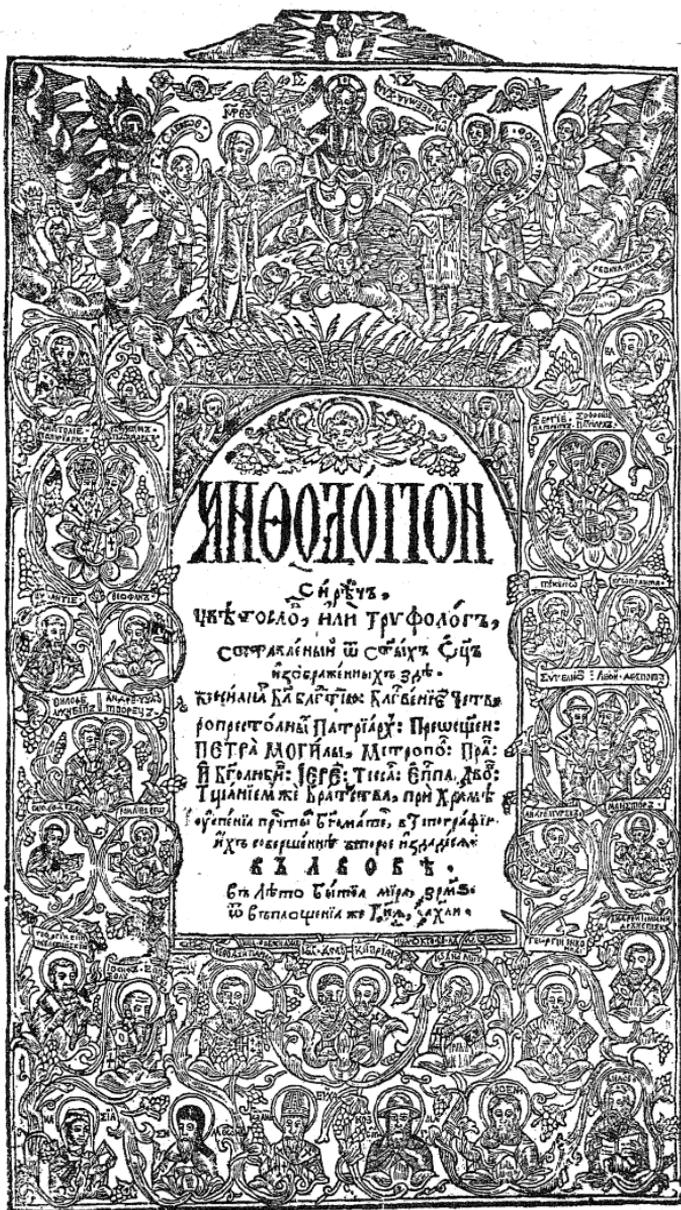
22. Смерть Анавія и Сапфиръ—на л. 8, съ подп. „Иліа... Гро“ (у *Рос.* № 149); 23. Чудеса ап. Павла — на л. 47, съ подп. „Иліа“ (у *Рос.* № 152); 24. Жертвоприношеніе Авраамово — на об. л. 53, съ той же подп. (у *Рос.* № 153); 25. „Маслосвященіе“ — на об. л. 55, съ той же подп. (у *Рос.* № 154); 26. Распятіе — на об. л. 143, съ подп. „ахлѣ. Іліа“ (у *Рос.* №№ 155 и 161, какъ перепеч. въ „Триоди“ 1642 г., на л. 18)²⁾; 27. Поклоненіе пастуховъ — на об. л. 144, съ подп. „Иліа“ (у *Рос.* № 156); 28. Вшествіе въ Іерусалимъ — на л. 159, съ той же подп. (у *Рос.* № 158); 29. Воскресеніе съ Распятіемъ и Погребеніемъ по бокамъ — въ видѣ заставки на л. 195 и 215, съ подп. „Іліа“, — размѣр. 1.2×4.0 (у *Рос.* № 159—136, какъ перепеч. въ „Номоканонѣ“ 1646 г., кот. у *Рос.* неправильно отнес. къ 1636 г.)³⁾; 30. Явленіи

копія съ хорошаго образца; она отличается нѣбот. изяществомъ и потому ничего не имѣетъ общаго съ работою Илія, отличающеюся обыкновенно посредственностью и даже другими, несравненно болѣе сильными, отрицат. качествами. Вообще говоря, работа Илія тѣмъ хуже, чѣмъ крупнѣе фигуры и ихъ конечности (у Ели же — и то, и другое весьма удовлетворительно выполнено), и это особливо ясно выразилось, напр. въ „Воскресеніи“—болш. листъ съ подписью Илія а—изъ бывшаго Погодинскаго собранія эстамповъ, № 64“. На этомъ-то основаніи, вѣроятно, Ровинскій и вычеркнулъ свое прежнее предположеніе при печатаніи своей книги подъ заглавіемъ „Русс. граверы и ихъ произведенія“ (М. 1870, с. 190). Между тѣмъ, какъ на примѣръ болѣе тонкой работы Илія можно указать на его загл. листъ къ Львовск. „Анеологіону“ 1638 г. и только насчетъ большинства его крупныхъ изображеній изъ „Библіи“ нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Стасова. Но грубость послѣднихъ можетъ быть отнесена не къ слишкомъ малому искусству Илія, а скорѣе къ неудовлетворительности оригиналовъ, служившихъ ему, или же рисунковъ, исполненныхъ для него другими.

¹⁾ Перепеч. въ Львовск. „Евангелии“ 1665, л. 181.

²⁾ Перепеч. также въ Львовск. „Евангелии“ 1665 г., л. 173.

³⁾ Многія изъ этихъ гравюръ перепеч. въ изд. 1696 г.—Въ томъ же „Апостолѣ“ встрѣчаются

38. Загл. листъ къ Львов. „Анеологіону“ 1638 г.,
раб. монаха Иліи А.

Христа послѣ воскресенія, въ 5-ти отдѣленіяхъ, съ подл. „Илія року болюю ахмд—ица іюлія въ А день“,—размѣр. $5.4 \times 5.2\frac{1}{2}$,—въ Львовск. „ОКТОИХЪ“ 1639 г., въ л. и „Триоди Цвѣтної“ 1642 г., въ л. (Рос., №№ 137=143 и 174 по изд. 1603 г., гдѣ оно помѣщ. на л. 165); 30 bis. Воскресеніе, съ подл. „Иліа“, размѣр. $5.3 \times 5\frac{1}{2}$,—тамъ же (Рос. 160 и 175=354, какъ перепеч. въ Львовск. „Евангеліа“ 1665 г., на об. 1 з.; его же „Русс. Нар. Карт.“, III, 383, № 982); 31. св. Іудан. Лѣст., съ подл. „Іана: А: ахм“ (Рос. № 363—по Киев. пад. „Триодіона“ 1715 г., л. 288), и 31 bis. Крещеніе съ двумя изображ. Троицы по бокамъ, въ видѣ заставки (у Рос. проиуц.)—въ Киев. изд. „ТРИОДИ ПОСТОЙНОЇ“, въ з.; 32. Царь Давидъ, съ подл. „Иліа ахмг“; 33. Ев. Матвей, съ подл. „Иліа А“; 34. Ев.—лист Марко, съ подл. „Ил. А“; 35. Ев. Лука, съ подл. „Ил“; 36. Ев. Іван, съ той же подл.; 37. Іаковъ, безъ подл.; 38. Петръ апостолъ, съ подл. „Ил.“; 39. Іуда, съ той же подл.; 40. Павеѣл, съ обознач. „ахмг“,—всѣ 10-ть для „НОВАГО ЗАВѢТА СЪ ПСАЛТИРЬЮ“, въ 4-ку (Рос. №№ 335—343 по Киев. изд. 1692 г.; №№ 356—9 по изд. 1703 г. и №№ 360—1, съ невѣрнымъ годомъ „1644“, по Евангелію изд. 1712 г.); 40 bis. Орудія страстей Господнихъ—на обор. з. въ Львов. пад., „ТРЕБНИКА“ 1644 г., въ 12 д. з.; 41—47. Изображенія

вишетья и гравюры, работы другихъ мастеровъ, безъ всяк. подписей, какъ: 1) св. Дорофей—на л. 1 неп., 2) І. Х. на престолѣ—на л. 3 неп., 3) Христосъ съ апост. и царь Феодриъ—на л. 1, 4) Состевіе св. Духа—на об. л. 2 и 194 (у Рос. въ числѣ работъ Іліи подъ № 146), 5) Соломонъ передъ храмомъ—на л. 11, 6) Крещеніе Евнухова—на л. 13 (у Рос. въ числѣ работъ Іліи подъ № 150), 7) Обращеніе Самыа—на л. 14 и об. 43, 8) Спущеніе плащаницы къ Петру—на об. л. 16, 9) св. ап. Павеѣлъ поуч. народъ—на об. л. 34, 10) св. ап. Іаковъ съ 2 снечами внизу—на об. л. 50, 11) св. ап. Павеѣлъ, то же,—на об. л. 72, 12) Орудія страстей Господнихъ—на л. 147 (у Рос. въ числѣ работъ Іліи подъ № 157), и съ помѣтками: 1) „ЗВѢ“: Вознесеніе—на об. л. 1 (у Рос. въ числѣ работъ Іліи подъ № 146); 2) и 3) „ВѢ“: Первоуч. Стефанъ—на об. л. 11, Тавноа и ап. Петръ—на л. 15; 4) и 5) „ВѢ“: Изгнаніе Бѣсовъ апостолами—на л. 27 и св. ап. Петръ съ 2 снечами внизу—на об. л. 57; 6) и 7) „ВѢ“—ахмд“: св. ев. Іоаннъ, то же,—на об. л. 70, и Крещеніе Господне—на об. л. 193.

*) Ср. у П. Стржева въ „Описаніи старопеч. книгъ славянскихъ, наход. въ библ. И. Н. Царскаго“, М. 1836, № 76, с. 94. „Книга Нов. Завѣта,

7 таинствъ въ Киев. изд. „ЕУХОЛОГОИЪТЪ албо МОЛИТВОСЛОВЪТЪ ГЛІ ТРЕВНИКЪ“... Петра Могилы, 1646 г., въ л.: Крещеніе въ церкви, безъ надл., съ подл. „Илія А.“,—на лл. 3 и 83 час. II-й; таина въ св. муропомазанія, съ той же подл. 1),—на л. 62 час. I-й; таина г прстаго тѣла и крве га наше Іс. Ха., съ подл. „Иліа“,—на л. 217 (перепеч. въ Киев., „Акакистахъ“ 1677 г.); таина д св. покаянія, съ подл. „Иліа А.“,—на л. 347; таина е св. супружества, съ той же подл.,—на л. 405; таина (s) св. елеосвященія, съ подл. „Иліа“,—на л. 449; (?) погребеніе, безъ всяк. подл.,—на л. 585 (у Рос. №№ 368—374, съ годомъ „1642“, по Киев. изд. „О семи сакраментахъ“, 1657 г., съ неврв. обознач. 1651 г.); 48. заставка изъ листьветъ, съ подл. „Ил.“,—на л. 160, 397 и 547 час. I-й, тамъ же; 49. Возія Матерь съ млад. Іисусомъ—въ заставкѣ, съ подл. „Илі“,—на лл. 37, 432, 508 час. I-й, 62 и 159 час. III-й, въ той же книгѣ; 50. Головка Херувима, въ орнам. изъ виноград. лист., съ подл. „Илія а ахмд“,—размѣр. $3.4\frac{1}{2} \times 3.10$,—на лл. 335, 431, 443, 435 час. I-й, 263 час. II-й, и 146, 430 час. III-й, того же пад. *) (Рос. № 177, съ невѣрнымъ годомъ „1640“, по Киев. пад. „Мечъ духовный“ 1666 г., на л. 63; № 330, съ полной подл., по Киев. изд. „Вънецъ Христовъ“ 1688 г., на лл. 9, 72, 85 об., 119 об., 121, 544); 51. Распятіе, окруж. 7-ю таинствами, съ подл. „ахмд—Илія А“,—размѣр. $2.11\frac{1}{2} \times 4.5\frac{1}{2}$,—тамъ же, на лл. 20 и 444 (Рос. № 162, съ невѣрнымъ годомъ „1649“); 52. загл. листъ для той же книгъ, съ изображ. Распятія съ предстоящими — сверху, 7 таинствъ въ медальонахъ и 12-ти сценъ изъ земной жизни Христа—по бокамъ и внизу, съ подл. „Helias рок. 1646 октов 7“,—размѣр. 9.10×5.8 (Рос. № 352=365, какъ особ. листы; см. его же „Русс. Нар. Карт.“ III, 466, № 1159, съ

въ ней же напередъ псалмы блаж. Давида прор., б. м. и г. печ. 8°, съ рѣз. на дер. изображ. и Давида и Евангелистовъ.

*) „Таина а св. крещенія“ помѣщ. на л. 49, съ подл. „1641 АТ.“. Въ той же книгѣ встрѣчаются еще гравюры: І. Х. благословляющій, съ подл. „РЕ“,—на лл. 193, 337, 752, 787 час. I-й; Тайная вечеря въ медальонѣ среди орнам., съ обознач. „1628“,—на лл. 219 и 271 час. I-й; Головка херувима въ орнам., съ подл. „Рк ахл—ВР“,—на л. 363; Крещеніе І. Х.—на л. 48; св. Іоаннъ Златоустый—на л. 336; І. Х. съ В. М. и І. Крестителемъ по бокамъ—на лл. 203 и 247 час. III-й.

*) Перепеч. въ Киев., „Акакистахъ“ 1663 г., на л. 242 и въ концѣ введенія.

пєвѣрнымъ годоуъ 1656); 53. Три креста на Голгоѣ съ предстоящими, съ подл. „Илія“; — на л. 216 час. I-й, въ той же книгѣ; 54. Исцѣленіе Бѣсноватаго, съ той же подл. — на лл. 214 и 320 час. III-й, тамъ же; 55. Сосѣствіе св. Духа, съ подл. „Иа: А: ахмс“, — на л. 5 час. III-й, тамъ же¹⁾; 56. Угощеніе Троицы Авраамомъ, съ подл. „Илія А.“, размѣр. 4.4¹/₂×5.2, — на л. 215 час. III-й, въ той же книгѣ (*Рос.* №№ 133, 178 и 333, какъ перепеч. на л. 72 въ Кіев. изд. „Мечъ духовный“ 1665 г. и на л. 86 въ Кіев. изд. „Вѣнецъ Христовъ“ 1688 г.); 57. Жена проситъ Христа исцѣлѣть ея дочь, съ подл. „Илія“, размѣр. 4.4¹/₂×4.8 (*Рос.* №№ 134—334, какъ перепеч. тамъ же, на об. л. 241); 57 bis. С. Іуанъ Пред., съ подл. „Илія а.“, — въ Кіев. изд. „АКАѠИСТОВЪ“, въ 4-ку: 1654, на л. 81; 1663, на об. л. 89, и 1677, на л. 133; 58 — 195. Изображенія изъ „БИБЛИИ“, размѣр. отъ 3.3¹/₂×4.11 (№№ 16, 17 по *Рос.*), 3.9¹/₂—4.4×4.9¹/₂—5.3¹/₂ (№№ 3—15, 18—72, 74—83, 86—132) до 5.0×5.0 (№ 73), 5.4—5×4.11—5.0 (№№ 84, 85); 58 (1). „Да будетъ свѣтъ“, съ подл. „Илія“ (*Рос.* № 1)²⁾; 59 (2). „Да будетъ твердь...“, съ подл.: „1645—Илія“ (№ 2); 60 (3). „Да прораститъ земля...“, съ подл. „Илія А.“ (№ 3); 61 (4). „Да будутъ свѣтла“, безъ подл. „Илія“ (№ 4); 62 (5). „Да изведутъ воды гадъ“, съ подл. (№ 5); 63 (6). „И созда Гдѣ ребро... вжену“, съ подл. „Илія А. 1645“ (№ 6)³⁾; 64 (7). Испытаніе Адама Евою, съ подл. „Илія А. 1646“ (?) (№ 7); 65 (8). Изгнаніе изъ рая: „Адаме, Адаме, гдѣ бѣ“, съ подл. „Илія А.“ (№ 8); 66 (9). Адамъ и Ева, изгнанные изъ рая, — безъ подл. (№ 9); 67 (10). Убіеніе Авеля Канномъ, съ надп. „Genes. с. 4“ (№ 10); 68 (11). Ной вхол. въ ковчегъ, съ подл. „Илія А.“ (№ 11); 69 (12). Жертвоприношеніе Ноево, съ той же подл. (№ 12); 70 (13). Осмѣяніе Хамомъ Ноя, то же (№ 13); 71 (14). Столпотвореніе Вавилонское, то же (№ 14); 72 (15). Принесеніе даровъ Мельхиседекомъ, съ подл. „Илія“ (№ 14 а); 73 (16). Явленіе Бога Аврааму: „Быт. глав. ет“, — съ подл. „Hel“ (№ 15); 74 (17). Жертвоприношеніе Авраамомъ, съ подл. „Илія“

(№ 16)¹⁾; 75 (18). Явленіе 2-хъ ангеловъ Лоту: „Книга 1 бытій, глав. 51“, съ той же подл. (№ 17); 76 (19). Шесть Содомлянъ, требующіе ихъ выдачи, — съ той же надп. и подл. (№ 18); 77 (20). Дочери Лота, соблазняющія отца, — съ той же надп. и съ подл.: „Hel“ (№ 20); 78 (22). Выходъ Лота изъ Содома, — съ той же надп. и съ подл. „Илі“ (№ 19); 79 (21). Агаръ въ пустынѣ, съ надп. „Genes. 21. 14“ (№ 22); 80 (23). Ревекка поитъ раба Исаакова у колодца, — съ надп. „быт. глав. ет“ и съ подл. „Илія“ (№ 23); 81 (24). Исавъ прод. Іакову первенство, съ надп. „быт. глава кет“ и подл. „Или“ (№ 24); 82 (25). Іаковъ подуч. благословеніе Исаака обманомъ, съ надп. „быт. глав. кет“ (№ 21); 83 (26). Іаковъ получ. Рахиль, съ надп. „быт. глав. кет“ и съ подл. „Илі“ (№ 25); 84. (26) Іаковъ видитъ во снѣ лѣстницу, — съ надп. „быт. глав. кет“ и съ подл. „Илія“ (№ 29)²⁾; 85. (28) Борьба Іакова съ Богомъ, съ надп. „быт. глав. лт“ и съ подл. „Илія“ (№ 27); 86. (29) Примир. Исава и Іакова, съ надп. „быт. глав. лт“ и съ подл. „Илія“ (№ 27); 87 (30). Іосифъ рассказываетъ сны родителямъ, съ надп. „быт. глав.“ и съ той же подл. (№ 28); 88 (31). Братья сажаютъ Іосифа въ ровъ, — съ надп. „быт. глав. лт“ и съ той же подл. (№ 30); 89 (32). Похищеніе Дины Симеономъ и Левіемъ, — съ подл. „Илі а“ (№ 34); 90 (33). „Гуда и Тамара“, получ. отъ него посохъ и перстень, — съ надп. „быт. глав. лт“ и съ подл. „Ил.“ (№ 31); 91 (34). Гуда посыл. козла Тамари, съ той же надп. (№ 33); 92 (35). Приготовленіе постра для сожженія Тамари, то же (№ 32); 93 (36). Жена Пентафрїи удержив. Іосифа, — съ надп. „быт. глав. лт“ и съ подл. „Илія“ (№ 35); 94 (37). Іосифъ толк. сны въ темницѣ, съ надп. „быт. глав. м.“ и съ подл. „Илія А.“ (№ 36); 95 (38). Іосифъ толк. сны Фаріону, — съ надп. „быт. глава ма“ и съ подл. „Илія“ (№ 37); 96 (39). Іосифъ приказыв. остановитъ братьевъ, съ надп. „быт. глав. мт“ (№ 38); 97 (40). а. Рувишь, и 98 (41). в. Симеонъ, съ надп.: „быт. глав. мт“ и съ подл. „Илія“ (№ 39); 99 (42). г. Левій, и 100 (43). д. Іуда, — то же (№ 40); 101 (44). е. Завулонъ, и 102 (45). з. Іссахаръ, — то же (№ 41), 103 (46). в. Данъ, и 104 (47). и. Гадъ, — то же (№ 42) 105 (48). е. Асиръ, и 106 (49). і. Невалимъ, съ той же надп. и съ подл. „Илі А.“ (№ 43); 107. (50) аі. Іосифъ, и 108. (51) ві. Вениаминъ, съ той же надп. и съ подл. „Илія“ (№ 44); 109.

¹⁾ Перепеч. въ Кіев. изд. „Анакистовъ“ 1677 г.
²⁾ Простая цифра въ скобкахъ послѣ жирныхъ — означаютъ №№ по экземпляру Имп. Публ. Библ.; другія же — то же въ скобкахъ, но съ прибавленіемъ „№“, — обозначаютъ №№ по Ровинскому, пользовавшемуся, очевидно, очень перепитымъ экземпляромъ.

³⁾ Перепеч. въ Кіев. „Триоди“ 1648 и 1715 г., л. 181.

¹⁾ Оно перепеч. въ Кіев. „Триоди“ 1715 г., на л. 345 (*Рос.* № 864); ср. выше № 24.

²⁾ Ср. выше № 31.

(52) Смерть Іакова, съ надп. „Быт. глав. и“ и съ той же подп. (№ 45); 110. (53) Моисей передъ Неопалимой Купиной, съ надп. „Исход. глав. г“ и съ подп. „И“ (№ 46); 111. (54) Ааронъ присоедин. къ Моисею, съ надп. „Исход. глав. д“ (№ 47); 112. (55) Ааронъ превращ. жезлъ въ змѣя, съ надп. „Исход. глав. з“ и съ подп. „Илія“ (№ 48); 113. (56) Превращеніе воды въ кровь,—съ тѣми же надп. и подп. (№ 49); 114. (57) Жабы, съ надп. „Исход. глав. и“ и съ той же подп. (№ 50); 115. (58) Мухи, съ тѣми же надп. и подп. (№ 51); 116. (59) Градь и молнія, съ надп. „Исход. глав. е“ и съ той же подп. (№ 52); 117. (60) Саранча, съ надп. „Исход. глав. г“ и съ подп. „Илі“ (№ 53); 118. (61) Тьма, съ той же надп. и съ подп. „Илія“ (№ 54); 119. (62) Избѣженіе первенцовъ ангеломъ, съ надп. „Исход. глав. в“ и съ той же подп. (№ 55); 120. (63) Пасха Іудейская, съ тѣми же надп. и подп. (№ 56); 121. (64) Переходъ Израильтявъ черезъ Красное море, съ надп. „Исход. глав. г“ и съ той же подп. (№ 57); 122. (65) Гибель Фараона въ волнахъ, съ надп. „Исход. глав. д“ и съ той же подп. (№ 58) 1); 123. (66) Перепела, съ надп. „Исход. глав. з“ и съ подп. „Илі“ (№ 60); 124. (67) Мавна небесная, съ той же надп. и съ подп. „Илія“ (№ 59); 125. (68) Источеніе Моисеемъ воды изъ камня,—съ надп. „Исход. глав. з“ и съ подп. „Илі“ (№ 61); 126. (69) Полученіе Моисеемъ 10-ти заповѣдей,—съ надп. „Исход. глав. ег“ и съ подп. „Илія“ (№ 62); 127. (70) Трапеза, съ надп. „Исход. глав. к: лз“ (№ 67); 128. (71) Хлѣбъ предложенія, съ надп. „Исход. глав. к: и“ и съ подп. „Илі“ (№ 65); 129. (72) Свѣщникъ, съ надп. „Исход. глав. к: лз“ и съ подп. „Илія“ (№ 66); 130. (73) Ковчегъ Завета, съ надп. „Исход. к: и“ и съ подп. „Илі“ (№ 64); 131. (74) Пляска вокругъ золотого тельца, съ надп. „Исход. глав. лв“ и съ подп. „Илія“ (№ 63); 132. (75) Моисей принос. 10-ть заповѣдей, съ надп. „Исход. глав. лд“ и съ подп. „Илія“ (№ 68); 133. (76) Заветъ скниги, съ надп. „Исход. лз“ и съ подп. „Илі“ (№ 69); 134. (78) Ааронъ, съ надп. „Исход. м“ и съ подп. „Илія“ (№ 70); 135. (79) Принесеніе виноградной лозы изъ обѣтовъ земли, съ надп. „Числа. глав. г“ и съ той же подп. (№ 71); 136. (80) Наказаніе Корея, Даана и Авирона, съ надп. „Числа глава з“ и съ той же подп. (№ 72); 137. (81) Воздвиж. мѣднаго змѣя въ пустыахъ, съ надп. „Числа. глав. ва“ (№ 73); 138. (82) Ангелъ останавли. Валаама,

съ надп. „Числа. глав. кв.“ (№ 74); 139. (83) Валаамъ благословл. народъ Израильскій, съ надп. „Числа. глав. кд“ и съ подп. „Илія“ (№ 75); 140. (84) Финесъ убив. наиралтыянина, блудо-дѣйствовавшего съ мадааниткою,—съ надп. „Числа глава ке“ и съ той же подп. (№ 76); 141. (85) Іисусъ Навинъ, съ надп. „Ісуса. глав. а“ и съ той же подп. (№ 77); 142. (86) Рахавъ спас. посла Іисусова въ Іерихонѣ,—съ надп. „Ісусъ глав. в“ и съ той же подп. (№ 78); 143. (87) Переходъ черезъ Іорданъ, съ надп. „Ісусъ глав. д“ и съ той же подп. (№ 79); 144. (88) Пасха въ Іерихонскомъ лагерѣ, съ надп. „Ісусъ глав. е“ и съ подп. „Илі“ (№ 80); 145. (89) Явленіе ангела Іисусу Навину, съ той же надп. и съ подп. „Илія“ (№ 81); 146. (90) Паденіе стѣнъ Іерихона, съ надп. „Ісусъ глава з“ и съ подп. „Илі“ (№ 82); 147. (91) Побѣненіе Авана камнями, съ надп. „Ісусъ глава з“ и съ подп. „Илія“ (№ 83); 148. (92) Іисусъ Навинъ останавлив. солнце, съ надп. „Ісусъ глав. г“ (№ 85); 149. (93) Іисусъ вѣщающій покорен. царей, съ той же надп. (№ 84); 150. (94) Гого-ніилъ,—съ надп. „Судій глав. г“ (№ 88); 151. (95) Семергъ, съ той же надп. и съ подп. „Илія“ (№ 86); 152. (96) Ашдъ, съ той же надп. и подп. (№ 87); 153. (97) Варакъ, съ надп. „Судій глав. д“ и съ той же подп. (№ 89); 154. (98) Деворра умерщвл. Сисарру, съ той же надп. и подп. (№ 90); 155. (99) ГедиШль (sic), съ надп. „Судій глав. з“ и съ той же подп. (№ 91); 156. (100) Явленіе ангела Гедеону, съ той же надп. и съ подп. „Илі“ (№ 92); 157. (101) Испытаніе Бога Гедеономъ посредствомъ руна, съ той же надп. и съ подп. „Илія“ (№ 93); 158. (102) Ивраніе воиновъ Гедеономъ посредствомъ воды, съ надп. „Суд. глава з“ и съ той же подп. (№ 94); 159. (103) Авимелехъ, съ надп. „Судей глав. е“ (№ 95); 160. (104) ТгУла, съ надп. „Судей глав. г“ (№ 97); 161. (105) Гаиръ, съ той же надп. (№ 96); 162. (106) Еоай, съ надп. „Суд. глава д“ и съ подп. „Илі“ (№ 98); 163. (107) Есевонъ, съ надп. „Суд. глав. в“ и съ подп. „Илі“ (№ 101); 164. (108) Елонъ, съ той же надп. (№ 99); 165. (109) Авдонъ, тоже (№ 100); 166. (110) Явленіе ангела Маное и женѣ его, съ надп. „Судей глав. г“ и съ подп. „ахмѣ—Илі“ (№ 102); 167. (111) Самѣонъ, съ той же надп. (№ 103); 168. (112) Сампсонъ раздир. пасть льву, съ надп. „Судей глава д“ и съ обознач. „ахмѣ“ (№ 104); 169. (113) Сампсонъ пуск. лисичъ съ поля, съ надп. „Суд. глав. ег“ и съ подп. „Илі“ (№ 105); 170. (114) Сампсонъ избив. филистимлянъ челюстью льва, съ той же

1) Она переписч. въ Киевск. „Псалтирь“ 1697 г. (Рос. № 367, съ невѣрнымъ годомъ „1691“).

надп. (№ 106); 171. (115) Сампсонъ завод. воду изъ чашки, съ надп. „Суд. глав. SI“ (№ 107); 172. (116) Сампсонъ похип. городскія ворота, съ той же надп. (№ 108); 173. (117) Далила предадетъ Сампсона, съ той же надп. и съ подп. „Илія“ (№ 109); 174. (118) Смерть Сампсона, съ той же надп. и подп. (№ 110); 175. (119) Саулъ, съ надп. „Книг. а црств. глав. 6“ (№ 111); 176. (120) Црѣ Давидъ, съ надп. „книги в црств. глава в“ и съ подп. „Илія“ (№ 112); 177. (121) Црѣ Соломонъ, съ надп. „Книги г црствъ глава г“ и съ подп. „Илія“ (№ 113); 178. (122) Ровоамъ, съ надп. „книги г црств. глава в“ и съ тою же подп. (№ 114); 179. (123) Авия, съ надп. „Книга г црств. глав. е“ и съ тою же подп. (№ 116); 180. (124) „Вгу Небесному работающей Асса: кумпры потребляющей“, съ тою же надп., =Асса принос. первосвященнику злато, сосуды п проч. для храма (№№ 117—8); 181. (125) Іу-сафатъ, съ тою же надп. и съ подп. „Илія“ (№ 115); 182. (126) Іурамъ, съ надп. „Книг. д црствъ глав. г“ и съ той же подп. (№ 121); 183. (127) Шохизя, съ надп. „Книг. д црствъ глав. г“ и съ тою же подп. (№ 122); 184. (128) Іуаасъ ..., съ надп. „книги д прт. глава а“ и съ тою же подп. (№ 123); 185. (129) Манасія, съ надп. „Книги д црствъ глав: д“ и съ тою же подп. (№ 119); 186. (130) Аварія, съ надп. „Книги д црствъ глав: е“ и съ подп. „Илія“ (№ 125); 187. (131) Іуаоанъ, съ той же надп. и подп. (№ 120); 188. (132) Ахазъ, съ надп. „Книги д црствъ глава сі“ и съ тою же подп. (№ 126); 189. (133) Еаекія, съ надп. „Книги д црствъ глав: ш“ и съ той же подп. (№ 127); 190. (134) Манасія, съ надп. „Книги д црствъ глава ка“ и съ подп. „Илія“ (№ 124); 191. (135) Амонъ, съ тою же надп. (№ 128); 192. (136) Іусія, съ надп. „Книг. д црствъ глава кв“ и съ подп. „Илія“ (№ 129); 193. (137) Іуахазъ, съ надп. „Книг. д црствъ глав: кг“ и съ тою же подп. (№ 130); 194. (138) Іуахимъ, съ надп. „Книги д прт. глав: лд“ и съ тою же подп. (№ 131); 195. (139) Седекія, съ надп. „книги д прт. глава ке“ и съ тою же подп. (№ 132).

„Библию въ лицахъ“, собственно Ветхій Заветъ, можно считать послѣдней работой Львовскаго гравера Илья, исполнившаго ее въ 1645—49 г. Какъ бы продолжателемъ его, тогда же явился мастеръ Прокопій, бывшій сперва діаконъ, а потомъ іереемъ, и выполнившій „Лицевой Апокалипсисъ“ въ 1646—62 г., тоже въ 4-ку. Что же касается Евангельскихъ изображеній, то они были гравированы уже ранѣе ихъ, за очень немногими исключениями, именно

монограммистами: В или ВР (что может означать такой-то рѣзалъ), въ 1620—35 гг.,— для Киевскихъ изданій и ВѠ съ прибавленіемъ иногда буквы З впереди или позади (что может означать: знаменитъ такой-то), въ 1639—42 гг.,— для Львовскихъ. Произведенію перваго изъ только что поименованныхъ здѣсь Евангельскихъ иллюстраторовъ 1-й половины XVII в., какъ-то: 1. „Воскресеніе Га шгѠ Іо Ха“, 2. „Ѡшмно узѣреніе“, 3. Жены Миронисцы у гроба, 4. „Ндія о расслабленномъ“, 5. „Ндія о самаряннѣхъ“, 6. (Н-я 6-я по Сомештви Св. Духа): Исцѣленіе расслабленнаго, 7. „Н-д. аі по Сом.“: Прча о царѣ и его должникѣ, 8. „ХС вечернетъ у Симона фарисеа“, 9. Христосъ распятый посреди разбойниковъ, 10. „Прбная Марна египетъ“, 11. Історія Іосифа въ 4-хъ отдѣл., съ вышепривед. монограммой или годоимъ, съ прибавл. слова „рк“ впереди, а равно—32 подобныхъ же картинки безъ обознач. шпциаловъ гравера, вмѣстѣ съ работами ТП (Сомештви Св. Духа, 1624 г.), ТГ 1626 (Притча о блудномъ сынѣ), АЗС или АЗС 1628 (Воскресеніе Лаазарево), КЗ („Неделя всѣхъ святыхъ“), ВР или КР—ахъ? („Воздвиженіе честнаго креста“), АК—ахов („Страшный судъ“), и, наконецъ, Илія А. (Пріятіе съ Троицы Авраамъ, Лѣстница Іакова, Жена просящая Христа исцѣлить ея дочь, Сотвореніе Евы 1640 г., „Вѣѣханіе в' іерлимъ“¹⁾), прилетены въ новыѣхъ отпечаткахъ изъ Киевскихъ изданій 1624 (Бесѣды І. Златоустаго), 1631 и 1642 (Триоди), 1637 (Евангеліе учительное), 1666 (Мечъ духовный), 1688 гг. (Вѣнецъ Христовъ) къ нечисленнымъ выше изображеніямъ изъ „Виблія“ Илья—въ экземплярахъ Имп. Публ. Библ., Моск. Публ. Музея и сенат. Д. А. Ровинскаго.

Въ экземплярахъ Имп. Публ. Библ., хранящемся въ отдѣленіи рукописей, находится на 1 листѣ слѣд. надписи его прежняго владѣльца, сдѣланная довольно старымъ почеркомъ:

„Библия словянская вѣтхаго и новаго Завета, печатанная въ Киевскихъ страпахъ, съ рисунками на оныхъ по годамъ, изображеннымъ рѣшцкомъ Іліею, ясно наъ втораго щету видимо на листу 8-мъ [„Воскресеніе Лаазарево“], что пачата печатать съ 1621 [1628 ?], т.-е. при Филаретѣ Патриархѣ, а (на) 23 листу [„Распятие“] годъ выставленъ 1630. Кончены рисунки, по

¹⁾ Его же раб. (съ подп. „Ил.“): „Ндія А“ („о митарѣ и фарисей“) и „Ндія В“ (о блудномъ сынѣ)—наход. въ Львов. „Евангеліи“ 1665 г., на лл. 265 и 284.

годамъ видимымъ, — при Іосифѣ Патріархѣ [сѣдоват. между 1642 и 1652 гг.], а на послѣдокъ видно, что печатанныя реченія буквальности [т.-е. текстовъ] за ветхостію отяты, а рисунки обклеены бумагою, сдѣланною во время уже Іоанна Патріарха новаго [сѣдоват. между 1674 и 1690 гг.], а на листу 9-мъ одинъ рисунокъ только при обклѣнкѣ вложенъ новою — Страшнаго суда Христова, выгравированный уже искусно, на доскѣ не на деревянной, а мѣдною выпечатанъ въ 1676 году, на древнихъ же рисункахъ 1630 года — на листахъ перваго щета 125-мъ и 2-го щета 23-мъ — бумага нижеозначеннаго клейма“ [изображень двуглавый орелъ въ кругу]; по тутъ авторъ этой надписи, очевидно, смѣшалъ работы Іилин съ произведеніями другихъ назв. выше мастеровъ.

Основываясь на бумажныхъ знакахъ, вообще встречающихся на гравюрахъ этой серии въ родѣ: 1. шутовской головы (имѣющей сходство съ №№ 1316—7 и 1684 въ книгѣ *К. Тромонина* „Знаки писчей бумаги“, М. 1842, относимыми имъ къ 1676 и 1686 гг.), 2. двуглавого орла (иѣск. сходнаго съ бумажнымъ знакомъ Кіевской „Псалтыря съ толковъ“ 1697 г., приведеннымъ у Тромонина подъ №№ 1342 и 1362) и 3. короны (составляющей верх. часть знакови, приведенныхъ у Тромонина подъ №№ 545 и 587 и относимыхъ имъ къ 1681 и 1701 гг.), *Д. А. Ровинскій* („Русс. Нар. Картинки“, СПб. 1881, IV, 590, примѣч. въ № 809) заключаетъ, „что Библия Іилин и тетрадка съ картинками изъ Новаго Завета изданы въ концѣ XVII в.“, хотя самыя доски гравированы гораздо ранѣе.

Относительно оригиналовъ, послужившихъ для изображеній изъ „Ветх. Завета“ мастера Іилин, тотъ же исследователь удостовѣряетъ, что „всѣ 133 картинки этой Библии скопированы Іилею изъ знаменитой въ исторіи русс. художества Библии Инк. Ив. Пискатора“ (т.-е. Фишера), перешадаваша въ 1631 г. карту Россіи Гесселя Герарда 1614 г., съ посвящ. царю Михаилу Феодоровичу, и выпустившаго въ 1630 г. 1-е изданіе своей Лицевой Библии, выходявшей до того тетрадами, подъ общимъ заглав.: „Theatrum Biblicum. Opus praestantissimorum huius ac superioris seculi pictorum ac sculptorum, summo studio conquisitum et in lucem editum per Nic. Ioh. Piscatorem“, fol. obl., съ 459 гравюрами на мѣди, исполненными по рисункамъ Гемскерва, Марг. Дево и др., — Садлерами и др. подъ надзоромъ И. В. Вишера; причемъ, по замѣчанію *Д. А. Ровинскаго*, „граверъ Іилин, копируя картинку Пискатора, уменьшалъ ихъ

изъ листов. формата въ 4-ку; выбрасывалъ изъ нихъ все тѣ, съ чѣмъ не умѣлъ справиться; фигуры, разныя мелочи и даже цѣлыя партіи фигуръ; иногда соединялъ двѣ картинки Пискатора въ одну (2 и 3), а въ другихъ мѣстахъ допускалъ крупныя измѣненія: так. образ., многимъ сыновьямъ Іакова приданы совершенно друг. атрибуты противъ Библии Пискатора, въ Лотовомъ паденіи одна изъ дочерей (та, которая сидитъ у Лота на колѣняхъ) представлена голая, тогда какъ у Пискатора она одѣта, и т. д.“

Но еще *В. В. Стасовъ* въ своемъ разборѣ помин. сочиненія *Д. А. Ровинскаго* (въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1882 г., № 10, отд. II, с. 362—377 и 383, и въ „Отчетъ о 25-мъ ирпсудѣ, награды гр. Уварова“, 1883, с. 60—81), подробно сравнивъ съ „Библией“ Пискатора — „Библию“ Іилин и „Апокалипсисъ“ Проконія и В. Кореня, и найдя въ русс. „Библии“ до 40 картинокъ (№№ 16, 28, 52, 56, 58, 61, 64, 66, 69—73, 76, 78, 80, 85, 110, 119—139 по экз. И. П. В.), которыхъ вовсе нѣтъ въ латинско-голландской, и нѣсколько такихъ (№№ 21, 74, 79, и пр.), гдѣ сочиненіе совершенно иное, чѣмъ въ послѣдней, не говоря о разныхъ болѣ мелкихъ отличіяхъ, замѣтилъ, что „если обратить вниманіе даже на одну только хронологическую сторону дѣла, то какая намъ представляется надобность притягивать къ сравненію „Библию“ Пискатора, коль скоро она появилась въ свѣтъ въ 1630 г., а у насъ въ Кіевѣ уже за цѣлыхъ 25 лѣтъ до того появилась, въ религіозныхъ книгахъ разнаго наименованія, гравюры на деревѣ съ явными доказательствами сильнаго нѣмецкаго и польскаго вліянія въ иллюстрируемыхъ ими сюжетахъ.“ — „Просматривая такія изданія, — поясняетъ онъ далѣе, — какъ „Бесѣды І. Златоустаго“, изд. въ Кіевѣ въ 1624 г., или „Триодъ“, изд. тамъ же въ 1631 г., большой „Апостоль“, изд. въ Львовѣ въ 1639 г., вездѣ пахотись, среди коренныхъ изображеній иконописнаго стиля и склада, множество подробностей иноземныхъ, всего болѣе въ костюмѣ и архитектурѣ... Именно въ этой „Триоди“ впервые появляются всѣ тѣ картинки „Нов. Завета“, которыя были потомъ много разъ повторены во множествѣ Кіевскихъ позднѣйшихъ изданій и отпечатаны отдѣльными листками, — значитъ, были сильно распространены, а теперь составляютъ одно цѣлое съ „Библией“ Іилин въ 3-хъ единственныхъ, уцѣлвшихъ до сихъ поръ, экземплярахъ. Эти раннія Кіевскія изданія, 1-й половины XVII в., со своимъ, во мно-

гих отношеніяхъ сильно высказавшимся, иѣмко-польскими облікомъ, прямо указываютъ намъ, гдѣ надо искать первообразовъ позднѣхъ изданій нашихъ XVII в., помимо „Библии“ Пискатора, намъ въ то время еще совершенно чуждой“.—„Обратимъ при томъ же вниманіе на то,—говоритъ тотъ же критикъ нѣск. выше,—что во всякомъ случаѣ было бы гораздо болѣе вѣроятности въ томъ, чтобы граверы на деревѣ (каковы: Илья, Прокопій, Вас. Корень) копировали съ гравюръ, дѣланныхъ тоже на деревѣ, каковы гравюры въ нѣмецкихъ и польскихъ Библияхъ и Апокалипсисахъ, сильно распространенныхъ въ XVI и XVII вв. на нашей западной окраинѣ, чѣмъ съ голландскихъ гравюръ, у насъ неизвѣстныхъ до конца XVII и начала XVIII в., да вдобавокъ рѣзанныхъ на мѣди, представлявшихъ совершенно новую технику и совершенно особ. трудности для воспроизведенія“.

„Пискаторъ (т.-е. латинизированный Фишеръ),—замѣчаетъ тотъ же авторъ въ друг. мѣстѣ,—является. со своими голландскими рисовальщиками и граверами, лишь комплиаторомъ, популяризаторомъ композицій, уже и раньше того знаменитыхъ, распространенныхъ и любимыхъ. Чтѣ мудренаго въ сходствѣхъ его изданій съ изданіями такихъ-то и такихъ-то нашихъ Киевскихъ монаховъ, когда они могли черпать изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и художники Пискатора, или, по крайней мѣрѣ, изъ изданій такихъ нѣмецкихъ и польскихъ художниковъ, которые, наврѣстъ съ голландцами Пискатора, черпали изъ этихъ первоначальныхъ источниковъ“.—„Многія изъ крупнѣйшихъ особенностей, не находящихся у Пискатора,—добавляетъ онъ тутъ же, оказываются именно въ изданіяхъ нѣмецкихъ и польскихъ, ... даже на цѣлое столѣтіе предшествовавшихъ Пискатору, напр.: во Франкфуртской Библии 1565 г. (гдѣ всѣ картинки — раб. знаменитаго Виргилия Солиса, но не самостоятельны, а воспроизводятъ нѣмецкіе оригиналы гораздо болѣе старыя)¹⁾, въ Краковской Библии 1561 г. (впервые напечатанной польской Библии) и т. д.“.—„Тѣ картинки, которыя являются сверхъ комплекта въ нашихъ изданіяхъ,—говоритъ онъ же нѣск. выше,—не могутъ быть сочтены новыми композиціями, сдѣланными Ильей или Прокопѣемъ, и лишь прибавленными къ картинкамъ Пискатора: въ нихъ мы не находимъ ни самостоят. сочиненій, ни самостоят. подробностей,—они составляютъ букввальное

¹⁾ На заимствованіе изъ этой Библии рисунковъ въ Библии Пискатора указывалъ и самъ Ровпскій въ выносѣхъ на цитиров. выше 590 стран. его соч.

продолженіе остальныхъ композицій, тѣсно связанное съ ними по стилоу и по всѣмъ подробностямъ“.—„Никакъ нельзя было бы сказать при этомъ, вмѣстѣ съ г. Ровпскимъ,—заключаетъ Стасовъ,—что наши рисовальщики и граверы измѣняли то, что было имъ въ оригиналѣ слишкомъ трудно, не подѣ силу; нѣтъ, многія „измѣненія“ у нашихъ художниковъ гораздо сложнѣе, многодѣльнѣе, затрунительнѣе для выполненія, чѣмъ тѣ картинки, которыя находятся въ „Библии“ Пискатора. Нерѣдко въ данной картинкѣ Илья, Прокопій или Корень гораздо болѣе орнаментовъ, пейзажа, человѣческихъ личностей, вообще всяческихъ подробностей, чѣмъ у Пискатора; нерѣдко два сюжета, заключенные у Пискатора въ одной картинкѣ, являются у Илья или Прокопія разложенными на двѣ, которыя, значитъ, требуютъ болѣе подробностей, обстановки, деталей, вселческой вообще работы, сочиненія, нарисованія и награвированія. Какое же во всемъ тутъ облегченіе? Напротивъ, здѣсь только прибавляется трудности, хлопотъ и труда“.

Лишь черезъ нѣск. лѣтъ послѣ исчезновенія грав. „Илья А.“ появляется на сценѣ граверъ „Илья С.“²⁾. Ему принадлежатъ слѣд. работы: 1) „Стай Ішан. Предотеча“, съ подп.

— въ Киев. изд.

„АКАѦИСТОВЪ“ 1677 г., въ 4-ку, на л. 111¹⁾; 11) въ „ПАТЕРИКЪ ПЕЧЕРСКОМЪ“ изд. 1661, въ л., и проч., размѣр. отъ 5.5 до 6.0 × отъ 4.3 до 4.5^{1/2}; отъ 1655 г.—1. „Соборъ прѣбывающъ оубъ нашихъ Автонія и Θεодосія Печерскихъ“, съ изображ. Божіей Матери съ млад. Христомъ на престолѣ, съ преп. Антоніемъ и Θεодосіемъ по бокамъ,—съ подп. „И. С. С. К.—ахне“ (Ров., с. 222, № 105,—съ вѣрными годомъ: „1665“) — на обор. л. 104 въ изд. 1661 г. (въ отд. отт., с. 1); 2. преп. Θεодосій, съ подп. **ИЛІА С. С. С. АХНЕ**

(у Ров., № 8, безъ подп.)—на обор. л. 41, тамъ же; 3. преп. Антоній, съ подп. „Илья С ахне“, (Ров., № 3, съ вѣрными годомъ: „1652“),—на обор. л. 1²⁾; 4. преп. Стефанъ, игум. Печерскій, съ подп. „Илья С.—ахне“. (Ров., № 16, съ вѣрными годомъ: „1665“) — на обор. л. 122 (с.

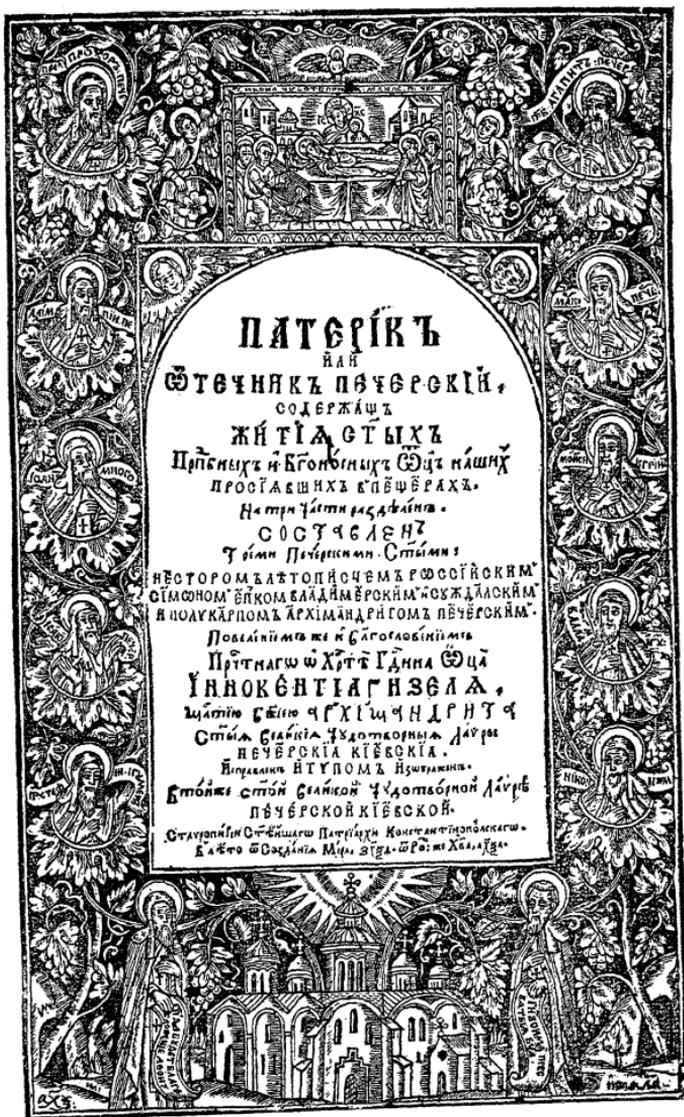
¹⁾ Въ этомъ же изд. (на л. 133) и въ изд. 1654—1663 гг. (л.л. 81 и 89 об.) помѣщ. другое изображ. того же святаго, съ подп.: „Иліа а“; ср. выше, № 57 bis.

²⁾ Перепеч. въ Киев. изд. „АкаѦистовъ“ 1663 г., л. 231.

2); отъ 1656 г.—5. св. Ісаяя, игум. св. Димитрія въ Кієвѣ, съ подп. „Илія С.—ахнї кс —ахнѣ“ (*Рос.*, № 20),—на л. 139 (с. 23); 6. св. Пікія, еписк. Новгород., чудотворецъ, съ подп. „Илія. апрї кн—ахнѣ“ (*Рос.*, № 25),—на л. 154 (с. 11); 7. преп. Аганитъ безмездникъ, съ подп. „Илія С. ахнѣ—мая з“ (*Рос.*, с. 223, № 28),—на л. 168 (с. 14); 8. многотерпеливый Іванъ, съ подп. „Илія С.—ахнѣ мал о“ (*Рос.*, № 31),—на обор. л. 195 (с. 17); 9. преп. Алимнїй, иконописецъ, съ подп. „Илія ахнѣ—іюна в“ (*Рос.*, № 27),—на обор. л. 160 (с. 13) ⁴); 10. св. Ефремъ, епископъ Переяславскій, съ подп. „Илія ахнѣ—іюля н“ (*Рос.*, № 19),—на л. 136 (с. 5); 11. преп. Варлаамъ Печерскій, къ подп. „ахнѣ—іюл. кг. Ілія“ (*Рос.*, № 18),—на обор. л. 131 (с. 4); 12. преп. Моїсей Угринъ, съ подп. „Илія ахнѣ іюля кг.“ (*Рос.*, № 30),—на л. 178 (с. 16); 13. св. Григорій чудотворецъ Печерскій, съ подп. „Илія—ахнѣ“ (*Рос.*, № 29),—на л. 173 (с. 15); 14. преп. Николь, игум. Печерскій, съ той же подп. (*Рос.*, № 17),—на л. 126 (с. 3); 15. преп. Дамьянъ пресвитерь, псѣлѣбникъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 21, безъ года),—на обор. л. 142 (с. 7); 16. преп. Еремїя прозорливый, съ той же подп. (*Рос.*, № 22),—на л. 145 (с. 8); 17. преп. Матфей прозорливый, съ той же подп. (*Рос.*, № 23),—на обор. л. 146 (с. 9); 18. преп. Ісакій Печерскій, съ подп. „ахнѣ—Ілія“ (*Рос.*, № 24),—на обор. л. 148 (с. 10); 19. преп. Лаврентій затворникъ, съ подп. „Илія С.—ахнѣ“ (*Рос.*, № 26),—на л. 158 (с. 12); 20. преп. Прохоръ Лободникъ, съ подп. „Илія ахнѣ“ (*Рос.*, № 32),—на обор. л. 199; 21. преп. Маркѡ гробокопатель, печерникъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 33),—на обор. л. 204 (с. 18); 22. преп. Теофилъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 34),—на л. 211; 23. преп. Димнъ Печерскій, съ той же подп. (*Рос.*, № 36),—на обор. л. 223 (с. 20); 24. „Влахернї Бда муляромъ злата даде икону, предстоящимъ Антонїи и Θεодѡш“, съ той же подп. (*Рос.*, № 11),—на обор. л. 108 (с. 36); 25. „И прїдоша писци съ Париграда в монас. печер. ко Никону“, съ той же подп. (*Рос.*, № 13),—на обор. л. 113 (с. 38); 26. „Чудо изрядно в церкви Печерской“, съ тою же подп. (*Рос.*, № 14),—на обор. л. 116 (с. 39); 27. „Мученики прежде крещенїя Владимірова“, съ той же подп. (*Рос.* пропущ.),—нѣтъ въ изд. 1661 г. (въ отд. отд., с. 34); отъ 1658 г.—28. преп. Никола Святоша князь чернѣговскій, съ

помѣт. „ахнѣ“ (*Рос.*, № 42),—на обор. л. 244 (с. 25); неизвѣст. годовъ: 29. преп. Ілія Муромскій, съ одной подп. „Илія“ (*Рос.*, № 327),—нѣтъ въ изд. 1661 г. (въ отд. отд., с. 33); 30. Евстратій Печерскій, съ той же подп. (*Рос.*, № 38, подъ имен. Евстаїя),—на обор. л. 229 (с. 21); 31. преп. Аеапасій затворникъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 41),—на обор. л. 242 (с. 24); 32. преп. Еразмъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 43),—на обор. л. 251 (с. 26); 33. „Виденїе преп. Арсеї в болѣзнь его“, съ той же подп. (*Рос.*, № 41),—на обор. л. 253 (с. 27); 34. Ніфонть, еписк. Новгородскій, съ той же подп. (*Рос.*, № 46, — безъ подп.),—на обор. л. 161 (с. 29); 35. преп. Несторъ лѣтописецъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 47),—на обор. л. 273 (с. 30); 36. преп. Подиваръ, архим. св. Лавры Печерскїя, съ той же подп. (*Рос.*, № 49),—на л. 281 (с. 31); 37. Вел. князь Михаїл Черниговской... и Θεѡдѡръ воевода его, съ той же подп. (*Рос.*—пропущ.),—нѣтъ въ изд. 1661 г. (въ отд. отд., с. 35); 38. Чудеса при основ. церкви Печерской, съ той же подп. (*Рос.*, № 12),—на л. 111; 39. Кієво-Печ. соборъ со св. Антонїемъ и Θεодосїемъ по бокамъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 15),—на обор. л. 118 (с. 40); 40. предб. Антонїй, предб. Θεѡдосїй по бокамъ пламени (*Рос.*—пропущ.),—нѣтъ въ изд. 1661 г. (въ отд. отд., с. 37); III въ изд. „АКАΘΙΣΤΟΒЪ“ 1663 г., въ 4-ку, и проч.: отъ 1658 г.—41. загл. листъ, съ изображ. Божїей Матери съ Млад. Христомъ на рукахъ—вверху, св. Антонїя и Θεодосїя—внизу равныхъ святыхъ—по сторонамъ текста, съ помѣтой „ахнѣ“; 42—165. мал. грав. „Матерь Божїя“, съ подп.: „Илія—ахнѣ“,—на обор. л. 180 и безъ обознач. года: еще 124 такихъ же гравюры (*Рос.*, №№ 179—290—112-ть)—съ изображ. Б. М., І. Х., событїй изъ ихъ жизни и проч., съ помѣт.: „И.“, „Ілі.“, „И—С“ (на обор. лл. 45 и 80: „Спасъ Емануїлъ“—*Рос.*, № 329), „Ілі: С. С. К.“ (на обор. л. 273, въ изд. 1677 г.,—шестїе преп. Антонїя и Θεодосїя съ ангелами, неусп. иконы, хоругви и свѣтильники); IV) опять въ „ПАТЕРИКЪ“ отъ 1660 г.—166. загл. листъ съ изображ. Успенїя В. М. вверху, Лаврскаго собора съ предстоящими Антонїемъ и Θεодосїемъ внизу и 12-и святыхъ по сторонамъ текста, съ подп. „Ілі. ахѣ:—іюля лѣ“,—размѣр: 9.5 × 5.3 (*Рос.*, с. 221, № 1), и безъ обознач. года, но съ подп. „Илія“, размѣр: 13.9 × 11.4,—167 и 168. „Изображенїе пещеры предб. Антонїя“ (*Рос.*, №№ 4 и 7, и его же „Русс. Нар. Карт.“, IV, 484, № 613 А); V) опять

⁴) Онь воспроизведенъ подъ № 29, на стр. 123, вып. I, т. I, настоящаго „Словаря“.

39. Загл. листъ къ Киев. „Патерику“ 1661 г.,
 раб. монаха Илія С.

въ над. „АКАΘИСТОВЪ“: 169. заставка съ шзо-
браж. св. Антонія, Θεοδοσία, Моисея и Захарія,
съ подп. „Иля року ахѣ“ (у *Рос.*, № 328, по изд.
1674 г., на л. 233; VI) въ непавѣст. изд.—170.
паображ. Успенія В. М. съ видомъ Киев. собора
и предстоящими Антоніемъ и Θεοδοсіемъ внизу,
съ подп. „Иля К.“ (?),—размѣр: 8,8 × 6,6 (*Рос.*,
№№ 353—366; VII) въ Киев. над. „НРМОЛОГИЯ“
1674 г., въ 16 д. л.,—множество мелк. изобра-
женій изъ Нов. Завѣта, съ помѣтами (на
15-ти грав.): „Илі“, „И.“, „С.“, „И—С“, а также
„И. А“ (В. М. съ млад. Христомъ на престолѣ—
на л. 9, соверш. выпечат.) и „Илі.а.“ (В. М. съ
І. Х.—на л. 191 и Іоаннъ Предтеча“—на л. 145).

Кромѣ того, въ „ПАТЕРИКЪ“ есть вѣсс.
гравюры безъ подписи мастера, какъ напр.:
1) Знаменіе В. М. со св. Антоніемъ и Θεο-
досіемъ по сторонамъ — въ видѣ заставокъ
2-хъ разныхъ родовъ, на лл. 1 и 104 (*Рос.*,
№ 52?); 2) Успеніе В. М. со св. Θεοδοсіемъ и
Антоніемъ по сторонамъ, размѣр: 4 1/2 × 4,2,—
на обор. в. л. (*Рос.*, с. 221, № 2); 3) и 4) преп.
Антоній и Похвала ему—въ заставкахъ, раз-
мѣр: 2,1 × 4,9,—на л. А₂ и Γ₂ (*Рос.*, №№ 5 и
6); 5) преп. Θεοδοсій—въ заставкѣ, тѣхъ же
размѣр. (*Рос.*, № 9); 6) В. М. и І. Х. съ преп. Ан-
тоніемъ и Θεοδοсіемъ и 4 херув.—въ видѣ за-
ставкы, размѣр: 2,2 1/2 × 4,8,—на л. В (*Рос.*,
№ 332,—по Киев. над. „Вѣнецъ Христовъ“ 1688 г.,
лл. 51 и 179 об.); 7) и 8) І. Х. и Погребеніе
Θεοδοσία—въ видѣ заставокъ на л. 42 и обор.
86; 9) „Сказаніе о чудесахъ, въ пещерѣ быв-
шемъ во время Пасхи“, размѣр: 5,7 × 4,6,—на
оборот. л. 286 (*Рос.*, № 50); 10) Знаменіе В.
М. съ медалями преп. Антонія въ солнцѣ
и Θεοδοσία въ лунѣ и съ именами 52 чудо-
творцевъ пещерскихъ въ звѣздахъ, размѣр:
8,9 × 5,3 1/2,—на послѣд. листѣ (*Рос.*, № 51);
11) преп. Θεοдоръ и преп. Василій—на л. 213
=с. 19 (*Рос.*, № 35); 12) преп. Никонъ Сухій—
на обор. л. 237 =с. 22 (*Рос.*, № 39); 13) св.
Симонъ, еп. Владимирскій и Суздальскій, — на
оборот. л. 276 (*Рос.*, № 48), по т. к. на 2-хъ дос-
кахъ встрѣчается монограмма—то изъ латин-
скихъ буквъ: „KR“—преп. Спиридонъ и Нико-
димъ на обор. л. 229 (*Рос.*, № 37), то изъ сла-
вянскихъ: „КП“—преп. Титъ на л. 258 =с. 28
(*Рос.*, № 45), а подъ одной есть даже подпись:
„Прокопій“—преп. Кумша и Пиминъ на л. 241 =
с. 23 (*Рос.*, № 40), то безыменная гравюра ед-
ва-ли можно приписывать Ильѣ, обыкновенно
отмѣчавшему свои произведенія какимъ либо
знакомъ. Точно также и въ „АКАΘИСТАХЪ“
большія гравюры — или безъ всякой подписи,

напр.: 1) Похвала пресв. Богородицѣ—на обор.
оглавл. и л. 149, 2) І. Х. съ В. М. и І. Предтечѣй
по бокамъ—на обор. л. 46, 3) св. Николай—на
оборот. л. 118, 4) Второе страшное Христово при-
шествіе — на обор. л. 160, 5) „Наречено имя
Ему Ис.“ — на обор. л. 172, или же носить по-
мѣты: „ ахѣ“, какъ „ІС ХС Пантократоръ“
—на обор. л. 103, „1627 Л. М.“, какъ архиптр.
Михаилъ—на обор. л. 81, „ВР рк аха“, какъ три
креста на Голгофѣ—на об. л. 141, то слѣдует.
опять не могутъ быть отнесены къ Ильѣ. Меж-
ду тѣмъ нѣкоторые изъ изчисл. здѣсь гравюръ
попали у Ровинскаго въ списокъ работъ Ильи, на
что указывалъ уже Стасовъ въ своемъ разборѣ
его соч. „Русс. Гравюры“—въ „Отчетѣ о 7-мъ
присуд. награжд. гр. Уварова“ (стр. 37).

Относительно 40 изображеній изъ „Пате-
рика“, отпечатанныхъ на 20-ти листкахъ съ
двухъ сторонъ въ видѣ отдѣльныхъ тетрадо-
чекъ въ 4-ку, экземпляры которыхъ наход. въ
библіотекѣ Воскрес. мон.—ря („Нов. Геруσα-
лимъ“) подъ Москвою (въ полномъ составѣ), въ
Имп. Публ. Библ. (безъ с. 21—22 съ изображ.
преп. Евстратія Печерскаго и Никона Сухаго),
и въ собраніи сенат. Д. А. Ровинскаго (тоже
не полный), послѣдній замѣчаетъ въ своемъ из-
сѣдов. „Русс. Нар. Картины“ (Спб. 1881) —
въ одномъ мѣстѣ (III, 625, № 1519), что: 1) изъ
числа ихъ 32 — отпечатаны съ досокъ, вошед-
шихъ въ над. „Патерика“ 1661, 1678 и 1702 гг.,
а остальные 8—съ новыхъ досокъ, причемъ 4
(№№ 1 и 33—35, слѣдуетъ изображенія: „Со-
боръ преп. Антонія и Θεοδοσία“, „преп. Илья
Муромскій“, „Мученики прежде крещенія Вла-
димірова“, „В. К. Михаилъ Черниговскій и Θεο-
доръ“, см. здѣсь №№ 1, 29, 27 и 40) пред-
ставляютъ изображенія вовсе не помѣщенные въ
„Патерикъ“, другія же 4 (№№ 20 и 36—38,
слѣдуетъ изображенія: „преп. Пиминъ“, „Въ
Влахернѣ В-да мударомъ злата даде икону“,
„преп. Антоній и Θεοδοсій“ — по бокамъ пла-
мени, „И придоша писци съ Цареграда“ и „Чудо
врядно в дерьва“, см. здѣсь подъ №№ 23—26)
— суть повторенія досокъ „Патерика“ одинак.
съ нимъ содержанія, но въ друг. переводѣ, и
2) тетрадь эта падала послѣ 1702 г., т. е. изо-
браженіе преп. Нестора отпечат. въ ней съ
пощорченной доски—безъ лѣв. угла (съ цифрою
„1“) и со сколот. надписями на его книгѣ, въ
изд. же „Патерика“ 1702 г. доска отпечат. до
этихъ поврежденій; а въ друг. мѣстѣ (IV, 763,
примѣч. къ № 1519), что: опис. тетрадка отпе-
чат., какъ видно, послѣ 1678, т. е. въ ней по-

мѣш. изображение преп. Нестора, сдѣл. съ доски попорченной и неполной, тогда какъ въ „Патерикѣ“ изд. 1678 г. доска эта отпечат. еще въ цѣльномъ видѣ.

Но къ этому надо сдѣлать двѣ поправки, а именно, что: 1) въ числѣ 4-хъ картинокъ, не вошедшихъ въ „Патерикъ“ и помѣщенныхъ въ помянут. тетрадь, наход. не „Соборъ преп. Антонія и Θεодосія“, т. е.: изображ. этихъ святыхъ не съ церковью по срединѣ (нашъ № 1), а изображ. ихъ съ пламенемъ въ срединѣ (нашъ № 40), и 2) что, напротивъ, въ эту тетрадь, кромѣ заставокъ, не попали еще изображ.: преп. Θεодосія и Антонія, Прохора Лободника, Θεοφιλα, Чуда при основ. церкви печерской (нашъ №№ 2, 3, 20, 22 и 36)—тѣхъ работъ Ильи, а также преп. Сивридова и Никодима, Симона и Знаменія Б. М. съ медалями Кіевопеч. святыхъ вокругъ — работы друг. мастеровъ; разницы же въ другихъ доскахъ между отпечатками „Патерика“ и назв. тетрадки мы не замѣтили.

П. Пекарскій, дѣлая въ своемъ извѣст. изслѣдов. „Наука и литерат. при Петрѣ Велик.“ (СПб. 1862) обзоръ „Патериковъ“, высказавъ (II, 64, вѣн. 2) очень основат. предположеніе, „что, по всей вѣроятности, изд. русскаго „Патерика“ приготовлялось при жизни Сильв. Коссова (напечатаннаго еще въ 1635 г. „Pateticon“ по польски) и, м. б., съ его участіемъ: онъ былъ тогда Кіевскимъ митрополитомъ и ум. въ 1657 году, между тѣмъ рисунки къ „Патерику“ уже заготовлялись, какъ видно изъ надписей на нихъ,—въ 1655—56 гг.“.

Другой изслѣдователь, *А. Родосскій*, — авторъ очень замѣчат. „Описанія старопеч. и церков.-слав. книгъ, хран. въ бібліотекѣ Спб. Духовн. Акад.“ (СПб. 1891,—изъ „Христ. Чтенія“ 1884—91 гг.), тоже совершенно справедливо замѣтилъ, говоря объ изображеніяхъ къ „Акаѳистамъ“ (стр. 296), „что они хотя рѣзаны и на деревѣ, но очень искусно, и по фантазіи очень интересные и богаты; таковы всѣ мелкія изображенія въ акаѳистахъ Иисусу Сладчайшему, Вожіей Матери и св. Николаю [изслѣдовательно, работы Ильи], а изъ большихъ — изображенія: Похвала Пресв. Богородицѣ, св. Архистр. Михаила [т. е. работы мастера Л. М. 1627 г.], Спасителя съ надписью „Пантократоръ“ [т. е. работы мастера УЗ. 1626 г.], „Тайны пресв. Тѣла“ [раб. Ильи А.], преп. Антонія [раб. Ильи С. 1655 г.] и Распятія“ [т. е. работы мастера ВР. 1630 г.].

Ровинскій же, не дѣлавшій различія между Ильей А. и Ильей С., перечисляя наиболѣе за-

мѣчательныхъ изъ Кіев. гравировъ XVII в., сказала только про этого мастера: „наконецъ, мастеръ Илья — работавшій для Кіев. и Львов. изданій и замѣчательный болѣе по своему трудолюбію, нежели художеств. достоинствомъ. Въ продолженіи 10—15 лѣтъ (сдѣдало бы сказать 26—27 лѣтъ, если соединить двухъ гравировъ въ одно лицо), онъ награвировалъ болѣе 200 (до 370) досокъ, въ томъ числѣ — цѣлую лицевую Библию и цѣлый Патерикъ (объ Акаѳистахъ тутъ не упомянуто). Доски его рисованы б. ч. весьма плохо и гравированы на скоро. Впрочемъ, въ числѣ досокъ, награвированныхъ къ Патерику, есть и довольно хорошо выполненные, вообще же работы этого мастера весьма неравнаго достоинства“ (см. „Русс. Гравюры“, М. 1870, с. 20).

Въ другой разъ, ссылаясь на свой прежній перечень трудовъ назв. мастера, тотъ же изслѣдователь замѣтилъ лишь одно, что „всѣ картины его рисованы весьма непосредственно и гравированы на скоро, съ иноср. образцовъ“ (см. „Русс. Нар. Карт.“, СПб. 1881, IV, 591, прилѣт. къ № 809).

Стасовъ, хотя и находилъ, какъ мы видѣли выше, работу Ильи — „отличающуюся обыкновенно посредственностью и даже другимъ, несравненно болѣе сильными, отрица. качествами“, тѣмъ не менѣе признавалъ, что „между Моск. граверами невозможно указать ни на одного гравера, который былъ бы хотя скольконибудь близокъ къ искусству съ (Кіев.) граверами ЛМ, ВѠ, ТГ, Θεοδορὸς А., даже самѣмъ Ильей въ лучшихъ его произведеніяхъ, и мног. друг.“ (см. его „Разборъ рукоп. соч. Д. Ровинскаго: Русс. Гравюры“ въ „Отчетѣ о 7-мъ присужд. наградъ гр. Уварова“ 1863, с. 24—25).

Наконецъ, польскіе ученые, какъ *Я. Г. Павликовскій* и *Ед. Раставецкій*, отзывались тоже съ похвалою о произведеніяхъ Ильи А., изъ которыхъ, впрочемъ, нѣтъ извѣстно было лишь одно, съ помѣтой 21 іюля 1638 г. (изображ. Христа среди святыхъ), — по Львовск. изданію Евангелія 1670 г., причѣмъ первый изъ нихъ замѣтилъ, что находящіяся тамъ рисунки (Ильи и Дороева) надлежитъ причислить къ лучшимъ, исполненнымъ на деревѣ, а второй прямо называлъ помян. гравюру — прекрасной.

Какъ образцы гравюръ, встрѣчающихся съ подписями Ильи А. и Ильи С. въ Львовскихъ и Кіевскихъ изданіяхъ съ 1637 и съ 1655 гг., здѣсь помѣщено по одной наиболѣе ранней и наиболѣе поздней изъ таковыхъ работъ — въ видѣ загл. листовъ къ Львовск. „Апокалипсону“ 1638 г.

и къ Киевск. „Патерику“ 1661 г., и, сверхъ того, изображенія: прор. Ильи—пзъ 1-го и преп. Ильи Муромскаго—пзъ 2-го, какъ соименныхъ святыхъ авторамъ, которые могли даже придать имъ свои черты, но заодною обыкою.

См. *I. Gw. Pawlikowski* „O rytownikach, polakach i cudzoziemcach u nas osiadlych“ въ изд. „Czasopism... Ossolinskich“, Lwow 1829 (II, 113), и *Edw. Rastawiecki* „Słownik rytowników polskich“, Poznan 1886 (p. 147). — *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы и ихъ произведенія“, М. 1870 (главн. образомъ стр. 20 и 214—226), и „Русс. Нар. Карт.“, СПб. 1881 (премуш. т. III, с. 241—251, опис. № 809—„Библия“, и, въ видѣ допоя, къ этому: с. 383, № 982, и с. 486, № 1159; с. 625—632, опис. № 1519—„Патерикъ“; т. IV, с. 60 и 484—5, опис. № 613А—прибавка къ послѣднему; с. 588—591 и 763 4—примѣч. къ обимъ назв. издан.). — *В. Стасова* „Разборы соч. Д. Ровинскаго“, „Обзорные русс. гравированія до 1725 г.“ (въ „Отчетъ о 2-мъ присудж. награды гр. Уварова“, 1858, с. 53—54); „Русс. Граверы и ихъ произведенія съ 1664 г. до основанія Акад. Худож.“ (въ „Отчетъ о 7-мъ присудж.“, 1864, с. 37—38), и „Русс. Народ. Картинки“ (въ „Отчетъ о 25-мъ присудж.“, 1883, с. 60 и сл.).

Ильишевъ, Александръ, архитекторъ. Род. 1820. Воспитанникъ Строит. учил. (1836—43), оны, по оконч. курса съ чиномъ XIV кл., былъ назначенъ архитект. помощ. въ Пензенскую Строит. и Дорож. Ком.

См. *Г. В. Барановскаго* „Юбил. Сборникъ Инстиг. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 134.

Ильенко, Евгений Михайловичъ, скульпторъ. Питоменцъ Харьк. унив., оны былъ вольнослуш. въ И. А. Х. (съ 1869) и выставлялъ въ послѣдней сѣзд. произведенія свои: въ 1870—бюстъ О. Липвиной (исполн. изъ мрам., по его модели, В. Евстафьевымъ), въ 1873—„проектъ намятника композ. Глинкѣ въ Смоленскѣ“ и въ 1877—„Кіев. вѣдѣму“ (Чаровницу) по парод. повѣрьямъ, изъ пов. Гоголя „Вій“, за что получилъ въ 1876 малую серебр. поощрит. медаль. Кроме того, оны дѣлалъ въ 1874 эскизъ намятника Пушкину.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 12-II.—Указат. вист. въ И. А. Х.“. 1870, 19; 1873, 3; 1877, № 183.

Ильина, Анна Павловна, художница, упом. въ рукоп. мастер. *П. Н. Петрова*.

Ильинскій, Константинъ, живописецъ. Вольноприход. ученикъ И. А. Х., оны заним. подъ рукодо. проф. А. Т. Маркова и выстав. въ Академи сѣзд. свои произвед.: портретъ г. NN (1851, № 49), этуодъ съ нат., за который получ. 1 серебр. мед. 3 мая 1852, и портр. г-жи Иль-

пнской (1852, №№ 5 и 56), портр. г-жи Писемской и „Смерть Гектора“—зад. 9 марта 1853 прогр. на 2-ю вол. мед., которой и былъ удост. 24 сент., по Ими. Николай остался недоволенъ этой картиной (1853, №№ 155 и 39), наконецъ, „Придите ко мнѣ всѣ гуждающиеся и обремененні, и азъ упокою въ“—зад. 22 апр. 1854 прогр. на 1 вол. мед. (1854, подъ лит. А.), вмѣсто которой оны получ. только званіе художника 14 кл.—30 сент. 1855.

См. „Указат. вист. въ И. А. Х.“ 1851—54 гг. и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, III, 175. 195. 204. 210. 214. 248.

Ильинскій, живописецъ. Ученикъ Моск. Учил. живоп. и ваянія, оны выстав. въ И. А. Х. въ 1864—этуодъ „дерев. дѣвушка съ граблими“.

См. „Указат.“ той вист., III, 22.

Ильинскій 2-й, живописецъ. Тоже ученикъ Моск. Учил., выстав. на тамош. ученич. вист. 1889 г. (XII-II) сѣзд. пейзажи: „Видъ Кіева“, „На бер. Днѣпра“, „Дерев. узда“.

См. „Катал.“ той вист.: №№ 241, 342, 350.

Ильинъ, живописецъ. Ученикъ Моск. Учил., оны выстав. тамъ на ученич. вист. въ 1884 свою карт. „Прошлое и настоящее“.

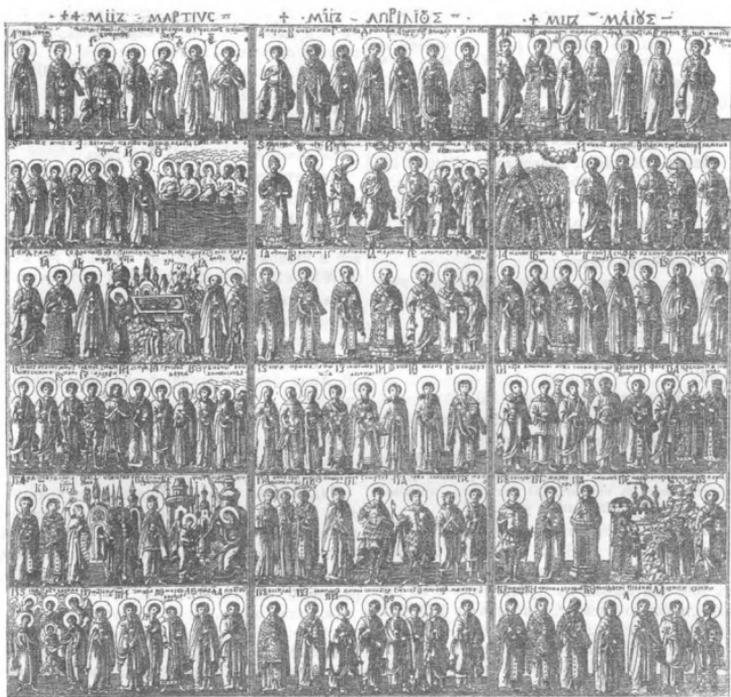
См. „Катал.“ VII-й вист., № 129.

Ильинъ, Александръ, художникъ. Род. 1764. Ученикъ И. А. Х. (1772—85), изъ Моск. Воспит. Дома, оны, при оконч. курса, получ. аттестатъ 2-й формы, со шпайгой (17 іюля по опред. 14 апр. 1785).

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, I, 143 и 282, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 11/1778.

Ильинъ, Андрей, иконописецъ, одинъ изъ исполнителей такъ назыв. Капновіановыхъ докосокъ. Состоя „въ кормов. иконописцахъ“, долженъ былъ участвовать въ 1660 въ росписи „стѣн. письмомъ“ Арханг. собори. церкви въ Москвѣ, за что былъ пожалов. въ 1666 г.; передъ тѣмъ былъ у иконописанія въ п. Евдоким. мучен. въ 1664, а въ 1668 выход. уже въ числѣ „жалов. иконописцевъ“, каковымъ числялся еще въ 1670, получая по 2 алт. въ день,—„противъ иконописца жь Ив. Леонтьева, для того, что... пишеть мелкия лица воображеніе св. иконы“.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 28. 32. 53. 67. 99. 107. 109—110, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школь иконопис.“, 34 и 151, а также *Н. Марквичи* „Б. Истор. Словарь“, М. 1886, с. 14 (изъ Карамз. III, пр. 258), и здѣсь—подъ Ивановымъ, Нивитой.

40. 3-я из Наппониановых Досокъ,
раб. Андрея Ильина, 1668 г.

Ильинъ, Василій, иконописецъ. Родомъ Костромичъ, онъ участвов. въ росписи собор. церкви: Успенской въ 1644—въ качествѣ знаменщика, въ Саввин. мон. въ 1650—въ качествѣ уже иконописца большой статьи и Миханла Арханг. въ 1652.

См. *И. Забѣлина*, „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 8, 11, 13, и *Д. Ровинскаго*, „Истор. русс. школы иконопис.“, 151.

Ильинъ (Марковъ), Василій Марковичъ, живописецъ плодовъ и дѣтвовъ. Род. 6 апр. 1762, ум. послѣ 1815 г. Ученикъ И. А. Х. съ 1767, онъ исполнилъ вад. 1 нояб. 1781 программу на зол. медали: „ваза съ дѣтвми на пьедесталѣ и корзина съ виноградомъ близъ круглой галлерей

среди лѣса“, а затѣмъ, служа при Фарфор. заводѣ, уже въ чинѣ колл. ассес.с, былъ произвед. по представл. картинѣ, изображ. дѣтв, — въ „назначеніи“ 3 авг. 1801. Сынъ его Иванъ, получившій въ 1813 г. 2-ю сер. мед. за рис. съ нат., былъ взятъ имъ изъ Акад. въ 1815.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *И. П. Петрова*, I, 162, 241, 424; II, 49, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 20/1815.

Ильинъ, Герасимъ, иконописецъ. Писалъ въ 1676 стѣн. письмомъ, вмѣстѣ съ Артем. Ивановымъ и Меркуш. Яковлевымъ, по сказкѣ Никиты Павловича, образъ Пресв. Богородицы Знаменія, что на Камен. мосту въ Москвѣ, и получ. за эту работу 2 р. 28 алт. (18 сент.).

См. *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 449 (изъ книги Ор. Пал. № 958/234); у *И. Сметлева* въ „Памятн. Моск. Дрени.“, LXVI,—лишь упом.

Ильинъ, Григорій (Гришка), серебряникъ 1675 въ Москвѣ.

См. *И. Забѣлина* „О металлич. производ. въ Россіи“, 120 (упом.).

Ильинъ, Михаилъ, иконописецъ. Родомъ изъ Кинешмы, живя у Козьмы Константинова, д. 6. участвовать въ 1660 въ росписи „стѣн. писемъ“ Арханг. собор. церкви въ Москвѣ, а въ 1666 наход. въ числѣ Моск. „кормов. иконописцевъ“ меньшей статьи.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 28, 67, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русск. школъ иконопис.“, 151.

Ильинъ, Никитинъ, иконописецъ. Получилъ грамоту отъ Переяславскихъ иконописцевъ въ 1659.

См. *Д. Ровинскаго*, тамъ же, 151.

Ильинъ, Нечай, серебряникъ въ Москвѣ. По-луч. въ 1685 жалов. 30 алтынѣ.

См. „Дополн. къ Акт. истор.“ I, 202, и *И. Сахарова* „Обозр. русс. археол.“, 33; у *И. Забѣлина*, въ его соч. „О металлич. производ. въ Россіи“, 120,—лишь упом.

Ильинъ, Петръ, иконописецъ. Выпис. изъ Устюга Вел. въ 1666 для „письма“ Спасской церкви въ Москвѣ, онъ присылался оттуда еще въ 1668 для письма въ Арханг. соб. и въ 1669 для „травнаго письма“, наконецъ въ 1670 былъ „у дѣла“ въ с. Коломенскомъ.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для истор. русс. иконоп.“, 75, 105—6, 120, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школъ иконоп.“, 151.

Ильинъ, Прокофій, иконописецъ. Пожалов. былъ въ 1644 за стѣнное письмо въ собор. церкви Успенія Пресв. Богородицы въ Москвѣ, исполн. имъ съ товарищ. въ предѣл. году (іюня 24).

См. *И. Забѣлина*, тамъ же, 8. (у *Д. Ровинскаго*—пропуск.), и *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 413 (изъ кн. Оруж. Пал. № 944/973).

Ильинъ, гравиров. мастеръ при типогр. Св. Синода въ Спб., при Петрѣ I.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Ильичъ, рисовальщикъ. Помѣстилъ „Разказы бабушки“ въ „Иллюстр.“ 1848 (VI, 23 и 364).

Ильиныхъ, Михайла, словорѣзъ на мѣди. Воспитанникъ И. А. Х., онъ, находясь въ 4-мъ возрастѣ, былъ назначенъ опред. Совѣта 8 авг. 1793 для обученія воспитанниковъ 2 возраста росс. чистописавію (въ помощь ученику 5 возраста Ив. Вогаевскому, назнач. 8 іюня того же

года), а 22 февр. 1796, по вступленіи въ 5 возрастъ и окончаніи ученія, определенъ былъ къ выпису съ аттест. 2 степ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 17/1793 и 26/1795.

Имгофъ, скульпторъ изъ Фленсбурга въ Спб., ум. до апр. 1848, когда скончалась его вдова, 77-ми лѣтъ отъ роду.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Имеретинская (рожд. графиня Мордвинова), княгиня Анна Александровна, живописца. Художница-любительница, она выстав. въ „I Дамскомъ Худож. Кружкѣ“, учредительницей и членомъ котораго она состояла: въ 1886 (II, №№ 3 и 15)—аквар., „Старить“ и карт. „Осень“.

Имеретинская, княгиня Ольга Федоровна, художница-любительница. Она выстав. въ А. Х. слѣд. свои произвед.: въ 1885 (№ 162) — „Видъ въ Петергофѣ“; въ 1886 (№№ 35, 165, 167) — „Р. Арно близъ Флоренціи“—„Кашино (выстав. также въ Одессѣ, Харькѣ и Екатеринѣ. въ 1886—87), „Закатъ на р. Колокитѣ“, „Утро“, „Осень близъ Клязьмы“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 186/1890 и „Указат.“ означ. выст.

Индѣйцевъ, Василій Степановичъ, архитекторъ. Род. 1826. Сыщъ гофъ-фурьера и воспит. Моск. Дворц. Ахтент. Учили., онъ выстав. въ Спб. А. Х. въ 1845: „проектъ триумфальныхъ воротъ“ и „орнаментъ, рисов. тушью съ барельефа“.

См. рукоп. матер. *П. Н. Петрова* и „Указат. выст. въ А. Х.“.

Индѣйцевъ, Дмитрій Степановичъ, живописецъ и рисовальщикъ. Род. 1813. Сыщъ гофъ-фурьера и воспит. Моск. Дворц. Архит. Учили., гдѣ былъ потомъ учнт. рисов. Съ его рис. 1834 г. гравиров. Е. Скотниковымъ портр. Д. М. Львова. См. рукоп. матер. *П. Н. Петрова* и „Подробный Словарь русс. гравиров. портретовъ“, *Д. А. Ровинскаго*, подъ буквой Д.

Иностранцевъ, Павелъ Александровичъ, архитекторъ. Род. 1835, ум. 5 февр. 1887 въ Самарѣ. Воспит. Спб. Строит. Учили. (1849—56), онъ, по оконч. курса съ чиномъ колл. секрет., служилъ: сперва архитект. помощникомъ, затѣмъ помощникомъ начальника искусств. стола въ Ковенской губ. Строит. и Дорож. Ком., съ 1857—производителемъ работъ въ Спб. Ком., съ 1865, по причисленіи къ Мин. Внутр. Дѣлъ за преобраз. Комиссій,—Новгородскимъ губ. архитекторомъ, съ 1867—Астраханскимъ, съ 1873—Вологодскимъ и наконецъ Самарскимъ.

См. *Г. В. Барановскаго* „Юбил.: Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 135.

Ипатьевъ, Фролъ, серебряникъ. Дѣлалъ въ 1641 оклады въ Моск. Благовѣщ. соборъ.

См. *И. Забълнна* „О металлич. производ. въ Россіи“, 120.

Ипполитъ, старецъ, рѣшникъ изъ дерева XVII в. въ Москвѣ. Рѣзалъ изъ кипариса Распятіе, поставл. на большомъ бѣл. камнѣ, на камеп. горѣ, въ пещерѣ, изображавшей Голгову и устроенной по царскому повелѣнію среди верховныхъ церквей, въ узкомъ корридорѣ между предѣлами Живонос. Источника (освѣщ. въ 1631) и Иоанна Бѣлоградскаго, въ общ. (въ 1679) каменномъ верх. теремѣ.

См. *И. Забълнна* „Домаши. быт. русс. парей“ въ „Отч. Зап.“ 1851, № 3, отд. II, с. 2, и въ отд. изд.

Иринархъ, иконописецъ XVI в., чернецъ (Костромской обл.). Написалъ изображ. преп. Пахомія Нерехтскаго, который, являсь ему во снѣ на другой годъ послѣ своей кончины († 23 марта-1384), приказалъ написать „образъ подобія своего“.

См. „Очерки худож.“ *Е. Тромнина*, 62; „Житіе преп. Пахомія“ XVI в. и *Д. Ровинскаго* „Подроб. Словарь русс. гравиров. портрет.“, прилож., с. 188 и 318.

Иринархъ, иконописецъ Псковской въ Новгородѣ XVII в., монахъ. Былъ присланъ мѣст. епископомъ, по просьбѣ Новгор. митроп. Исидора, вмѣстѣ съ іеродіак. Ниломъ, въ помощь Новгор. иконописцамъ, для возобнов. монастырей и церквей на Софійской стор., разоренныхъ шведами, подъ предводит. Делаярди, во время владычества Новгородомъ въ 1611—17 гг. Онъ жилъ тамъ въ Софійскомъ домѣ.

См. *Р. Ипатьева* „Древн. памятники Новгор. дѣтница“ въ „Новгор. губ. вѣд.“ 1850, ч. неоф., № 14, с. 108, примѣч. — Архим. *Макарія* „Археол. Описание церк. древн. въ Новгор.“, М. 1860, II, 2 (изъ рукоп. Сборника въ Соф. библиот., № 11, л. 7).

Иродіонъ, иконописецъ Тихвинскій XVII в. Составилъ хран. въ Тихвинскомъ мон. службу образу Тихвинскія Б. М., о которомъ былъ соборъ въ Москвѣ въ 1686 г., иллюстрировалъ свое рукоис. описаніе чудесъ—исполн. въ краскахъ фигурами и сценами въ лицахъ.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Исаакъ Собана, книгописецъ XVI в. Сперва инокъ Троице-Серг. Лавры, потомъ (послѣ 1554) архим. Чудова мон., онъ напис. въ 1527, по благословенію Троице-Серг. игум. Порфірія, „Толковое Евангеліе“, хран. въ Лаврской библиот.

См. „Чтенія въ Моск. Общ. ист. и древн.“, 1878, кн. 2, с. 81. (Библиот. Тр.-Серг. Лавры).

Исаакъ Суминъ, книгописецъ Иосифова мон. конца XVI в. Ученикъ Елифанія Лейкова, онъ напис. полууставомъ, впадающимъ въ скороспѣхъ, хран. тамъ подъ № 510 „Сборникъ“, въ 4-ку, на 203 лст., съ твореніями Нлаа Сорскаго, подъ загл. „Книга Ниль Заволожскій“.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Исаевъ, Алексѣй Исаевичъ (?), чеканщикъ Артиллер. вѣдом. 1737 г. Род. въ 1705.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Исаевъ, Григорій, басменный мастеръ XVII в. въ Москвѣ. Золотилъ въ мартѣ 1624, съ Бѣлѣйкой Ивановымъ и Микиф. Перфильевымъ, оклады образовъ, поля и олечки басменные къ образамъ: Николы чудотворца, Благовѣщенія Богородицы, Архангела Михаила, Пречистой Богородицы запрестольному, а въ апр. 1625, вмѣстѣ съ друг.,—окладъ басменной раб. „къ Знаменію Преч. Богородицы, что у Государена у стараго дворца,—на двери царскія и на кіотѣ къ чудотв. образу Преч. Богородицы“.

См. *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 513 (по прих.-расх. кн. Моск. Оруж. Пал. № 1024/731).—„Древности“, IV, „Матер. для Археол. Слов.“, 83.105 (по кн. Арх. Ор. Пал. № 731).

Исаевъ, Дмитрій, знаменщикъ при Моск. Печатномъ дворѣ съ 11 дек. 1620 и до 1632 г. (когда получ. прибавку въ жалов. въ 3 р.—за то, что „прописалъ про Государя всякія книги золотомъ“). Онъ наводилъ всякія красками одинъ изъ новоустроен. книгопеч. становъ; знаменщикъ для рѣзбы на деревѣ украшенія къ типограф. воротамъ (1626), а также разныя книжныя украшенія и загл. строки—на грушев. доскахъ; росписывалъ золотомъ и красками Евангелистовъ, заглавныя и прописныя фривскія слова на печат. рисункахъ въ 2-хъ книгахъ Евангелія 1627 г. (экз. коего хран. въ библиот. А. И. Хлудова) и потомъ въ 3-хъ книгахъ Евангелія 1628, назначавшихся въ подноше Государю.

См. *В. Е. Румянцова* „Свѣд. о гравиров. и граверахъ при Моск. Печ. дворѣ въ XVI и XVII ст.“, Б, 3 (на основ. расх. кн. № 1, л. 315 об.; № 13, л. 66 и 66 об.; № 5, л. 70 и 88 об.; № 3, л. 233, 405 об. и 406; № 4, л. 123 и об.; № 6, л. 2, 3, 8 и 12),—въ отд. изд. и въ соч. *Д. Ровинскаго* „Русс. Гравера“, М. 1870.—„Древности“, II, 26—28.

Исаевъ, Кондрашка, серебряникъ. Дѣлалъ въ 1653 оклады въ Успенскій соб. въ Москвѣ.

См. *И. Забълнна* „О металлич. производ. въ Россіи“, 120.

Исаевъ, Матвѣй Феооровичъ, архитекторъ. Род. въ 1753. Сынъ Госуд. Адмиралтействъ-Колле-

гипсильнаго и ручного дѣла мастера, принятый вт. Акад. Худож. 11 авг. 1764, онъ, по получ. 2-й зол. мед. 21 септ. 1772 и 1-й — 17 мая 1773, былъ посланъ чрезъ Амстердамъ въ Геную, гдѣ работалъ подъ наблюд. Тальфиню и сочинилъ проекты: биржи, загород. дома съ церковью и оражереею и университетъ, во въ Римъ не попалъ, равно какъ и обратно въ Россію.

См. „Сборникъ матер. для исторіи П. А. Х.“, ... П. Н. Петрова, I, 186, 182, 183, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 69/1773, 129/1774, 69/1775, 68/1776, 67/1776 (по стар. нумер.) и 18/1776.

Исаевъ, Первой или Первуша, самопальный стрѣлокъ, золотильщикъ и замочный мастеръ. Золотилъ въ 1622, сент. 6, сиппъ желѣзные къ пряжкамъ къ госуд. зобанцу; въ 1623—замки къ пицалямъ: марта 4—птичей, чтѣ дѣлалъ И. Лучениновъ, августа 8—Туркѣ (дѣл. имъ самимъ въ юнѣ), сент. 13—государевой семнадцдой, раб. И. Лученинова; въ 1624, янв. 17 и апр. 30—къ дѣланнымъ тѣмъ же мастеромъ; въ 1625, февр. 16,—къ государевой, его же раб., февр. 4—саблю Теврикова выкова, и юня 26—ягизаряд. пицаль.

См. А. Викторова „Описание книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 509 и 511 (изъ прих.-расх. кн. № 1024/731).—„Древности“, IV, Матер. для Археол. Слов., 83 и 105 (оттуда же).

Исаевъ, Первуша, водчій XVII в. въ Москвѣ. Будучи дворц. плотничьимъ старостой, выстр. для Госуд. въ 1620 (послѣ пожара 1619 г.) новыя хоромы, нов. столовую избу и постельную комнату, которыя на другой годъ были украш. иконописью извѣстѣйшими въ то время иконописцами; въ 1626 (послѣ 2-го пожара)—нов. жилыя постельныя хоромы, а въ 1627—29 гг. нов. брусняную столовую избу.

См. И. Забѣлина „Домаш. бытъ русс. царей“ въ „Отч. Зап.“ 1851, № 2, отд. II, с. 167—168, и въ отд. изд. (по „Дворц. Разрядамъ“, Слб. 1850, и расх. кн. въ Арх. Ор. Пал., №№ 912 и 776).—„Русс. Стар.“ Мартынова и Снегирева, годъ 3-й, с. 33 (—тетр. 1, с. 61, гдѣ онъ лишь упомянут).

Исаюсъ, краскописецъ или каллиграфосъ. Писалъ „черное письмо“, какъ видно изъ послѣсловія, въ „Евангеліи“, пис. на бумагѣ въ 1508 и нахожд. въ иоловнѣ XIX ст. у поч. гражд. А. А. Медынцева въ Москвѣ.

См. Е. Тромошина „Очерки съ произвед. живописи и проч.“, с. 208.

Исаія или **Исаіи**, иконописецъ. Родомъ грекъ, онъ росписыв. въ маѣ 1338, вмѣстѣ съ друг., по поруч. Новгород. архіеписк. Василия, церковь во имя Входа въ Іерусалимъ.

См. „П. С. Р. Л.“, III, 78, и Д. Ровинскаго „Истор. русс. школь иконопис.“, 152.—Карамзина, IV, пр. 328, с. 128 (по изд. Эйверлинга); „Справ. Энциклоп. Слов.“ Крайд, V, 172, и „Новгор. губ. вѣд.“ 1850, ч. неоф., № 14, с. 105. — „Славяръ исторія. о славятахъ“, Слб. 1862, с. 48, и „Древности“, III, Матер. для Археол. Слов., 26.

Исаія, живописецъ XIV в. Въ бытность архимандритомъ Черепов. Воскрес. мон., написалъ икону своего постриженника Сергія Шухтовскаго.

См. „Истор. Росс. іерар.“, VI, 695; Д. Ровинскаго „Истор. русс. школь иконопис.“, 152, и „Подроб. Словарь русс. гравиров. портретовъ“, прилож., 188.

Исаковъ, Андрей, живописецъ. Оставленный для опернаго дѣла въ командѣ маст. Вишнякова, вмѣстѣ съ Ант. Ивановымъ, Андр. Ерошевскимъ и Алекс. Вировскимъ, онъ былъ назначенъ ген. Ферморомъ въ мартѣ 1750, какъ и послѣдніе трое, состоять при томъ же мастерѣ въ Анничков. домѣ.

См. „Архивъ дирекціи Ими. театровъ“, I, II, 9 (9) и 11 (11).

Исаковъ, Богданъ, серебрянникъ и рѣшникъ, иноземецъ. Онъ дѣлалъ въ 1656 двѣ печати государственныя для Моск. Царя.

См. И. Сахарова „Обозр. русс. археол.“, 43, и И. Забѣлина „О металлч. производ. въ Россіи“, 120.

Исаковъ, Василій Ивановичъ, скульпторъ. Род. 1819, ум. 17 марта 1879, въ СПб. Изъ Царскос. мѣщанъ, получ. въ 1849 предложеніе выгѣпить бюстъ живописца Лучанинова въ видѣ прогр. на званіе художника, въ которое и возвед. 23 авг. 1850. На бывшей въ 1861 въ Акад. Худож. „выставкѣ собр. картинъ и рѣд произвед. худож.“ нахожд.—принадлеж. П. А. Кочубею и рѣз. изъ дерева „подставка для лампы“, раб. Исакова. Имѣли званіе своб. (искл.) художника, но лишившись зрѣнія и находясь съ семействомъ въ крайней бѣдности, получ. въ 1861—73 гг. единовремен. пособія изъ комматныхъ суммъ Его Величества.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 8/1849 (л. 126) и 22/II, и въ общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Канц.: 1872—73, оп. 1277, № 151, и оп. 1278, № 80.—„Указат.“ упомянутъ, с. 78, № 517.

Исаковъ, Филатка, иконописецъ. Высланъ былъ въ 1680 изъ Новгоро. въ Москву.

См. И. Забѣлина „Матер. для исторіи русс. иконопис.“, 35, и Д. Ровинскаго „Истор. русс. школь иконопис.“, 152.

Исаковъ, Федоръ, серебрянникъ и образной мастеръ въ Москвѣ. Дѣлалъ въ нояб. 1637,

вмѣстѣ съ Кирил. Ѳедуловымъ, золот. поля на Спасову икону изъ хоромъ царницы, а затѣмъ—пару пистолетъ для ц. Алексія Михайловича.

См *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 516 (изъ расх. кн. О. П. № 1025/1820).—*И. Саварова*, „Обзоръ русс. археолог.“, 33.—*У. И. Забѣлина* въ его соч. „О металл. производ. въ Россіи“, 120, и у *И. Снегирева* въ „Памят. Моск. древн.“, LXXII, онъ лишь упом.

Исаковъ, Ѳедоръ Моисеевичъ, архитекторъ. Ум. 2 нояб. 1745. Изъ дворянъ, находясь въ наукѣ съ 1706, сперва въ Латвіи, а потомъ въ Математ. школѣ, онъ былъ посланъ въ 1716 изъ Сиб. Адмиралт. Акад. въ Италію для изуч. архитектуры, но изучалъ это искусство и въ друг. странахъ Европы, а въ 1718 высланъ былъ изъ Рима въ Сиб. для сопровожденія ѳавшаго на русс. службу римск. архит. Мекентія, при которомъ и состоялъ по 15 сент. 1725 (занимался между прочимъ и перевод. съ итальян. яз.), равно какъ при архит. Гайтанѣ Ксаверіи въ качествѣ ученика на разныхъ работахъ въ Петербургѣ, Петергофѣ, Кронштадтѣ, Стрѣльнѣ; затѣмъ служ. экзекуторомъ въ Канцел. отъ строенія до 1727, потомъ наход. при архит. Земцовѣ до 1730, послѣ чего, по приговору послѣднего и архит. Трезини, покаян. былъ въ „архитектурн. гезель“ и опредѣл. въ помощъ къ архит. Морщницкому въ тѣхъ же мѣстахъ; далѣе былъ съ 1732 по 1737 при перестройкѣ кад. корпуса, строеніи дворца для ловленія волковъ, ремонтѣ дома гр. А. Г. Головкина, достройкѣ деревяннаго манежа, сооруженіи птичьей клѣтки въ домѣ цесар. Елизаветы Петровны; въ 1737 ирав. оялѣ экзекутор. должность, съ 1739 опредѣленъ былъ вмѣсто умерш. архит. Ив. Давыдова въ Петергофъ, а съ 1740 состоялъ при Петергоф. конторѣ, замѣняя иногда инспект. тамошней команды П. Ариандера.

См. *Гомикова* „Дѣянія Петра В.“, изд. 2-е, VI, 154, и въ Общ. Архивѣ М. И. Д. дѣла Канцел. отъ строенія: 1725, № 45, л. 377; 1733, кн. 133, л. 30; 1737, кн. 163, л. 112, и кн. 166, л. 107; Гофъ-Интенд. Конт.: 1743, оп. 87/521, № 8, и 1745, оп. 78/190, № 32.

Искрицкій, Максимъ, живописецъ. Род. 1705, ум. 1756 (?). Состоитъ при дворѣ цесар. (впослѣд. цесаратр.) Елизаветы Петровны, былъ возвед. въ дворянство.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*; ср. также въ Общ. Архивѣ М. И. Д. 1801, кн. 76, и 1808, кн. 93.

Истоковъ, Филиппъ Прохоровичъ, живописецъ. Род. 25 июня 1761, ум. послѣ 1830. Воспитанный И. А. Х. съ 1767 по 1782 г., онъ

исполнялъ зад. въ 1781 программу по кл. живописи плодовъ и цвѣтвъ: „стеклян. сосудъ съ цвѣтами, виноградъ и др. фрукты на столѣ посреди комнаты“. Съ 1 сент. 1782 по 1 іюля 1783 онъ обуч. начальному познанію въ росс. грамотѣ малолѣт. воспитанницъ при Воспит. Обществѣ въ городѣ дѣвщца, а съ 1 нояб. 1790 по 17 мая 1792 былъ надзирателемъ при ученикахъ I возраста въ Акад. Худож.; наконецъ, въ 1828, въ числѣ надв. сов., состоялъ учителемъ во 2-мъ кад. корпусѣ.

См. „Сборн. матер. для исторіи И. А. Х.“... *П. Н. Петрова*, I, 162 (№ 42) и 241.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 14/1790 и 19/1828.

Истоминъ, Иванъ, живописецъ. Ученикъ Москов. Училища живописи, ваянія и зодчества, онъ получ. 9 янв. 1858 отъ И. А. Х. званіе некн. художника по портрет. живописи за представл., при рап. его преподавателей, „этулѣ старика“.

См. „Сборникъ матер.“... *П. Н. Петрова*, III, 297.

Истоминъ, Каріонъ,—см. это имя.

Истоминъ, Назарій,—собств. **Савинъ**, см. это имя.

Истринъ, П., живописецъ. Воспитанный Моск. Училища живописи, ваянія и зодчества, онъ участвов. въ ученич. выставкахъ своими произвед.: въ IX-л, 1886 г.,—карт. „На охотѣ“ и портретомъ (№№ 166 и 181), и XIII-л, 1890 г.,—этудоломъ (№ 64).

См. „Каталоги“ означ. вѣст.

Исьевъ, Григорій Ѳедоровичъ, живописецъ. Род. 13..., ум. 1889 г. Оренбург. помѣщ. полевой артиллеріи отстав. капит. онъ приним. участіе въ выставкахъ И. А. Х.—слѣд. своими произвед.: въ 1872—карт. „До свиданія“ (№ 231 bis.) и въ 1877—эскиз. „Вожій Судъ при Иванѣ Васильевичѣ“, изъ романа гр. А. Тостого „Кн. Серебряный“ (№ 149), причѣмъ за первую возвед. былъ въ званіе поч. волы. общинца. Былъ въ 1872—81, въ числѣ надв. сов., депутатомъ отъ Акад. при выборахъ гласныхъ въ Сиб. Думу.

См. „Указат.“ означ. вѣст. и въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 1872 г., №№ 212 и 228.

Исьевъ, Сергій Григорьевичъ, архитекторъ. Род. 9 янв. 1859 въ с. Никольскомъ, Оренбургскаго у. Сынъ предъд., онъ, будучи наложѣмъ кандидатомъ VII кл. Пажескаго корпуса, поступ. въ нояб. 1875 въ вольнослуш. И. А. Х., гдѣ и оконч. науч. курсъ въ 1882, а въ 1887 за „проектъ католич. церкви“ былъ удосто. званія некн. художника, послѣ чего получ. мѣсто въ Каменецъ-Подольскѣ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 216/1875.

Исѣевъ, Феоdorf Григорьевичъ, архитекторъ. Род. 21 дек. въ 1855. Братъ предъд., воспитыв. въ 7-й Сиб. частной гимназии Келлера и въ сент. 1873 поступ. въ учен. И. А. Х., а въ 1879, какъ окончившій курсъ наукъ и имѣющій мал. сер. мед. за познанія въ архитектурѣ, приобрѣлъ право на званіе некл. художника, и, наконецъ, въ 1881 удост. былъ званія кл. художника 3 степ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 186/1873.

И. Ф., граверъ на деревѣ XVII в.,—едва ли иером. **Филаретъ**, какъ предпол. *Д. А. Ровинскій*.

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, М. 1870, с. 130.

Ишинъ, Алексѣй Иваиовичъ, живописецъ и рисовальщикъ Р. 1707, ум... г. Былъ рисов. под-

мастеремъ (учителемъ рисов.) и преподавателемъ русск. яз. въ Морской Акад. при Елизаветѣ Петровнѣ.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Ишинъ (Ishin), живописецъ. Род. 1755, ум. 25 дек. 1820 въ Сиб., 65-ти лѣтъ, католич. исповѣд.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Ищенкоуъ, Филиппъ, живописецъ орнаментный. Росписыв. въ 1776, вмѣстѣ съ Фед. Кутейниковымъ парад. лѣстницу въ Акад. Худож.—квadrатурою и орнаментами, за что получ. 15 р. за мѣсяцъ работы.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“... *П. Н. Петрова*, I, 214.

I.

Яновъ, пущечный мастеръ. Приѣх. въ Москву изъ Италіи въ нач. 1490, вмѣстѣ съ братомъ в. к. Софіи и съ русс. послами Дмитріемъ и Мануиломъ, сыновьями Ив. Палеолога Рала, привезшими съ собою разн. художниковъ.

См. *Карамз.* VI, пр. 104 (по Продолж. Нестор. Лѣт., с. 317). — *У И. Забѣлина*, въ его соч. „О металл. производ. въ Россіи“, 135, — с. 1484 г.

Яновъ, Литовскій иконописецъ неизвѣст. врем.; ср. ниже **Яновъ**.

См. *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школь иконопис.“, 152 (безъ обознач. года).

Яновъ, гравёръ на мѣди (XVIII в.). Остав. послѣ себя: гравиров. крѣпкой водкой въ 4 д. л. „Изображеніе чудотв. Иконы Пресвѣтыя Бцы Ахтырской“ (авиншейся въ 1739), въ рамкѣ съ друг. орломъ внизу (наход. въ Олсуф. собр. I, 72).

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Нар. Карт.“, III, 486, № 1219.

Яссоновъ, Василій Ивановичъ, живописецъ. Ученикъ И. А. Х. (1860—66), оуп. послѣд. также лекціи математ. и астрон. въ Спб. Унив., а по оконч. академич. курса улост. былъ 17 окт. 1866—званія учит. рисов.; послѣ того оуп. предлагалъ въ 1876 Акад. поручить ему чтеніе приват. лекцій по дифференц. и интегр. исчисленію и полуп. астрономіи, по получ. же отказа, пожелалъ вновь посѣщать академ. классы для усовершенствов. въ живоп.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“...

П. Н. Петрова, III, 377, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 29/И.

I G = грав. на деревѣ XVII в., см. подъ **G**.

I Г = Геромонахъ **Георгій**, см. это имя.

I Д. = монограмма грав. **I. Донаурова**.

IД. ПА. = Иерей Дмитрій **Пастуховъ**, см. это имя.

Яевлевъ, Кондрать, живописецъ-ипоземель въ Москвѣ. Въ 1661 (окт. 30) рисовалъ 4 дерев. бруска къ аналою въ хоромы царев. Алексѣя Алексѣевича; въ 1666 (мая 15) дѣлалъ потѣшную лошадку ему же, и приним. участіе (въ окт.) въ раскраскѣ Оруж. Пал., между прочимъ, золотилъ (окт. 27) 6-ть дерев. точенныхъ мако-

вокъ къ 3-мъ краскамъ для вселен. патриарховъ, а въ 1667 писалъ (мая 3 и 12) дерев. голубей Государю въ хоромы, работалъ (1 іюля 25—26) по устройству шатра Государева на Дѣвичьемъ погѣ, раскрашив. (сент. 13—14) дерев. золот. колымагу цар. Марьи Ильиничны, наконецъ, исполнялъ въ 1669—75 раз. работы въ Государ. и иныхъ хоромыхъ.

См. *А. Викторова* „Описаніе книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 433, 435, 438, 439, 440, 441, 442 (по прих.-расх. кн. Ор. Пал. №№ 951/835, л. 7; № 954/851; № 955/1028, л. 64; № 956/855; № 957/858). — *У И. Снегирева* въ „Памят. Моск. древн.“, LXV, — лишь уиом.

Яевлевъ, Михаила, палатный мастеръ (каменщикъ). Посланъ былъ лѣтвомъ 1647, по царскому указу, изъ Москвы въ Архангельскъ, вмѣстѣ съ Дм. Костоусовымъ, съ платой по 5 к. за каждый рабочий день,—для окончанія вывеленнаго въ 1646 подъ своды, стрѣльницами Прохоровымъ и Семеновымъ, зданія изъ бѣлаго камня (дли. 7—6, шпр. 5, и выс. почти 2 саж.) для храненія пороха.

См. „Доп. къ акт. истор.“, III, 112—3.

Яевлевъ, Николай Васильевичъ, рисовальщикъ и каррикатуристъ. Род. 1835, ум. 9 февр. 1866. Сынъ ст. сов., самъ поручикъ, оуп. будучи не глухимъ и образованнымъ человекомъ, путешествов. заграницей и являлъ нѣкот. время въ Лондонѣ. Рисунки его помѣщ. въ разныхъ саатирич. и иллюстриров. изданіяхъ, какъ напр.: въ „Искрѣ“, въ „Иллюстраціи“ (1859, III, 205, 224, 356; 1860, V, 68, 293, 340, и VI, 29, 96, 192, 321, 369; 1861, VII, 176, и VIII, 160, 320, 384; 1862, IX, 141, 301; 1863, XI, 36), въ „Иллюстриров. Газ.“ (1863, 16; 1864, II, 64, 96, 144, 176; 1865, I, 256, 272, 373), откуда перепечатыв. въ „Нивѣ“ (1882, 748), а также издавались отдѣльно,—именно: „Шутки художника“, Спб. 1863; „Рисунки къ стих. Н. А. Некрасова“, въ 2 тетр., Спб. 1864—65, вмѣстѣ съ А. Лебедевымъ (это лучшія его произведенія). Въ его работахъ проглядывали талантъ, чувство и остроуміе, но нѣсколько безпорядочная жизнь

мѣшла ему въ его занятіяхъ и даже свела его преждевременно въ могилу. Послѣ его смерти, мать его исключотала себѣ право худож. собственности на фотограф. изданіе портрета имп. Александра II, но Высочайше одоб. эскизу, исполн. нѣ въ задого передъ тѣмъ.

См. „Иллюстриров. Газ.“ 1866, I, 96 (№ 6).—
„Мѣсяцесл.“ на 1867.—Доп. въ „Наст. Слов.“
Толля.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 138/1869.

41. Рис. въ „Мертв. Душамъ“ Гоголя,
раб. Н. В. Іевлева, 1861 г.

Егеръ, Г. Г., нѣмецкій медальеръ 1776—78 въ СПб., см. Егеръ.

Егетовъ, Иванъ Васильевичъ, архитекторъ. Возобновлял Оруж. Палату въ Москвѣ въ 1810, на мѣстѣ вхожденія дома бояр. Бор. Годунова. См. „Отеч. Зап.“ 1820, III, 11.

Иенсенъ (Tenssen), Давидъ Ивановичъ, скульпторъ. Род. 7/19 нояб. 1816 въ Копенгагенѣ. Родомъ датчанинъ, онъ воспитыв. въ находившейся подъ руковод. Торвальдсена Королев. Академіи въ Копенгагенѣ, отъ которой получилъ двѣ сереб. и 1-ю зол. мед. Вызванный въ 1841 въ СПб. для скульптурныхъ работъ во дворцѣ в. кв. Маріи Николаевны, онъ исполнилъ тамъ нѣсколько большихъ барельефовъ и каріатидъ, а съ 1843 по 1847 преподавалъ скульптуру въ Рисов. Школѣ для вольноприход. (впослѣд. Имп. Общ. Поощр. Худож., замѣнивъ П. И. Уткина, пока самъ не былъ замѣненъ Денейсомъ.

За исполненіе зад. 22 марта 1845 барельефа „Центаврѣ учить Ахиллеса стрѣлять изъ лука“ (наход. на Акад. вѣст. 1846), онъ призванъ былъ СПб. Акад. Худож. 13 ноября—некл. художникомъ; затѣмъ ему задано было 19 апр. 1849 выполнить на знаніе академика круга статуя „Кулачнаго бойца“ въ ростъ, но онъ не могъ ее исполнить, вслѣд. казенныхъ работъ для Имп. Музеума (Зрмитажа), для котораго

42. „Въ рекруты“.
Рис. Н. В. Іевлева, 1862 г.

онъ дѣлалъ съ 1847 всѣ статуи (за исключ. 6-ти на фасадахъ), нѣкот. барельефы, бюсты и группы внутри, послѣ чего онъ исполнилъ еще украш. для Зимняго и Мрам. дворцовъ, Импер. конюшенъ и кавалер. дома въ Петергофѣ, 4-хъ станцій на Петергофской ж. д. и для дачи княг. Вяземской-Вязозерской на Каменномъ островѣ (1850), для зданія Мин. Госуд. Имущ. въ СПб. и дворца въ Гатчинѣ (1851), а потому ему задана была 10 мая 1852 другая программа—вылѣпить барельефъ „Авраамъ принимаетъ Троицу въ видѣ трехъ ангеловъ“ (былъ на выст. того года), однако, железнаго званія онъ удостоенъ былъ лишь 17 марта 1857 (по принятіи русс. подданства) за выставл. тогда же барельефъ „Ахиллесъ влечитъ тѣло Гектора“, произведя передъ тѣмъ украш. для биржи въ Ригѣ и дома Романовыхъ въ Москвѣ (въ 1855), церкви на Собств. Его И. Вел. дачѣ близъ Петергофа и павильона близъ

деревни „Бабы гоны“ (въ 1856), а послѣ того— для домовъ Мыснкова на Знаменской ул. и гр. Купалева-Безбородко на Загаринской въ СПб. (въ 1858); равнымъ образомъ опъ выполнилъ: фигуры женскую и лебедя съ двумя мальчиками для Знаменскаго дворца (1858), проекты памятниковъ баронету Вилліе съ барельефами— для Военно-Медиц. Акад. (1858) и имп. Екатерины II (1861), мрам. капище для в. к. Марии Николаевны (1870), оконч. послѣ Реймерса и навод. у в. к. Владиміра Александровича, медаль для Моск. Археолог. Съѣзда (1868), статуя „Гигиен“ для Военно-Медиц. Акад.; затѣмъ— выставл. въ А. Х. въ 1868 и 1869 г.г. статуя „Диана“, за которую получ. званіе профессора (15 сент. 1868), „Ангела“ въ натур. велич. изъ бронзы— для монумента фабрик. Саапкову и мрам. бюстъ Датск. генер. консула Паллиена (1881); наконецъ, бывшій на Акад. выст. 1886 г. проектъ памятника имп. Александру II по конкурсу (1886), и проч.

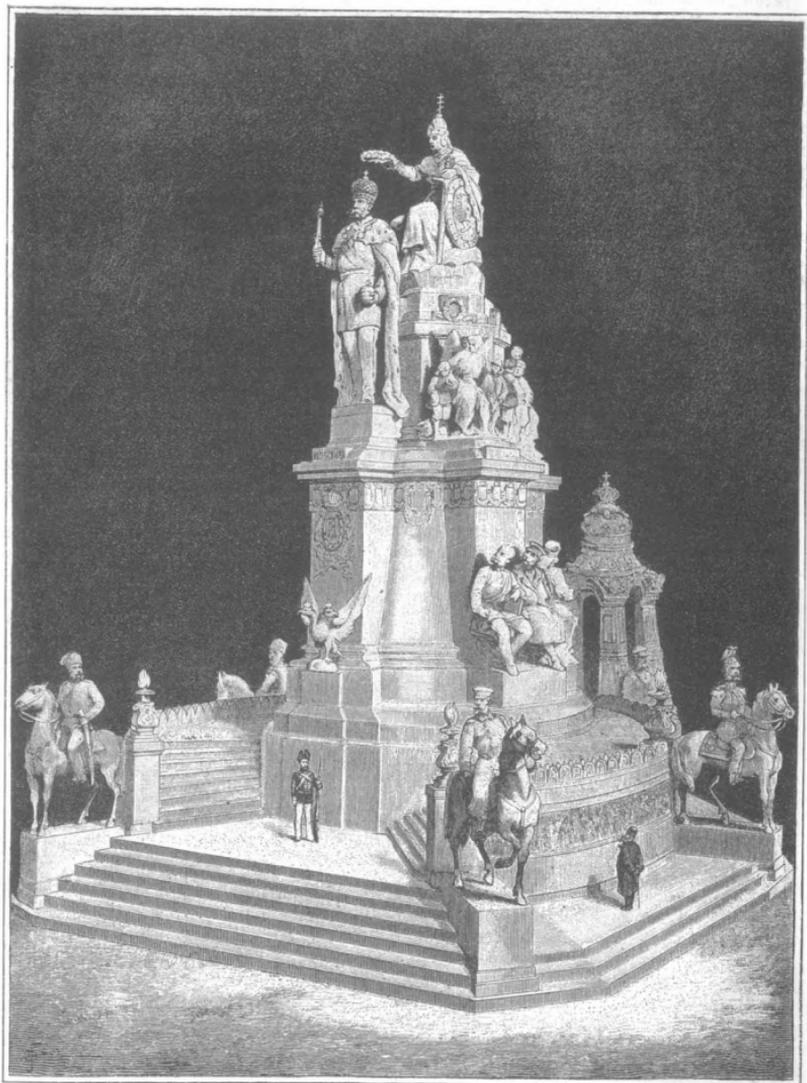
Основавъ еще въ 1845 г. (15 июня) 1-ю и единств. въ СПб. фабр. для изготовленія наруж. украшеній изъ терракотты, 1-нѣ исполнилъ, кромѣ указанныхъ, множество друг. художеств. работъ (барельефовъ, бюстовъ, фигуръ, фонтановъ, вазъ) для разныхъ дворцовъ и обществ. зданій, какъ-то: для дворцовъ вв. кн. Николая и Михаила Николаевичей, для дачи послѣдняго по Петергофской ж. д., Импер. конюшенъ въ Петербургѣ и дома ком. сов. Утина на Конногвардейскомъ бульв. (въ 1860), фасада дома бар. Фитингофа у Подѣл. моста (1861), Петерб. станціи Варшавской ж. д. (1862), Орашеубаум. желѣзнодорож. станціи, Гл. телеграф. станціи въ СПб., Мозаич. отдѣл. И. А. Х., надв. фасада дома бар. Штигица и Маринск. двора или рынка въ СПб. (въ 1863), Петровско-Разумов. Землед. Акад. въ Москвѣ (1864), театра въ Гельсингфорсѣ, рыцар. замка и друг. сооруж. въ Ригѣ и дома Казалета близъ Сената (въ 1866), домовъ полк. Герварда на Фонтанкѣ и 2-хъ гр. Апраксина по Литейной близъ Сергіевской и Невскаго, а также для дачи Госуд. Императрицы въ с. Пальномъ близъ Москвы (въ 1867), Конногвард. конюшенъ съ В. Морской, Благовѣщенской и Почтамтской ул., и Аракчев. казармъ вмѣстѣ стар. пшисовыхъ (въ 1868), Импер. манежа на Конюш. площ. и Гл. Артиллер. Управл. по Литейной (въ 1869), дворца въ Киевѣ и церкви въ Кронштадтѣ при Исправит. тюрьмѣ (въ 1870), церкви при клиникѣ барон. Вилліе на Выборгской стор. (въ 1871), домовъ: гр. Шереметева по Фонтанкѣ и Приюта вращ. еврей-

скихъ дѣтей (въ 1872), ген. Дурново на Англ. набер. (въ 1873), Воронина по Мойкѣ (въ 1874), Боргмана на Англ. просп., Пазарова на Михайл. площ. и бар. Фредерикса на Почтамтской (въ 1875), Челпапова на Караванной и Петрова въ 8 лин. Вас. Остр. (въ 1876), Мал. театра по Фонтанкѣ и Европ. гостин. на Михайл. ул. (въ 1877), Конногвард. манежа и зданія Крел. Общ. (въ 1878), дома Егорова въ Казач. цер., СПбург. станціи Царскос. ж. д., Эстлянд. церкви въ Офиц. ул., семинаріи въ Ригѣ (въ 1879), семинаріи въ Твери, часовни для кн. Паскевича въ Гомельѣ, домовъ Ушакова на Владимирской и Елисейва у Бирани (въ 1880), бывш. англ. магаз. на Певекскомъ, ген. Воишикаго на Кирочной, ген. Тутюгина на Гороховой и Целибѣева на Бассейной (въ 1881), ген. Вильдерлинга на Б. Морекон и докт. Краскаго въ Эртел. цер., часовни для ген. Штадерфельда въ Финляндіи (въ 1882), часовни для Петров. казармъ Лейбъ-гренад. полка по Мал. Невѣ и дома Ушакова на Мал. Садовой (1883), дома Егорова на Бассейной и Штаба Гвард. корпуса противъ Эрмитажа (въ 1884), дворцовъ вв. кн. Сергія и Павла Александровичей и проч.

За свои работы Г. получилъ слѣд. награды: брильянт. перстень—по церкви на Собств. Его II. Всл. дачѣ (22 июля 1860) и 3-мъ Импер. дворцамъ (18 янв. 1862), орденъ св. Станислава 3 ст.—по памятнику барон. Вилліе (14 мая 1861) и 2 ст.—по Мануфакт. выставкѣ въ СПб. (7 нояб. 1870).

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 4/1849, 143/1856, 93/1860, 69/1861, 197/1868 и 16/И; въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. 1860, он. 273, №№ 106 и 250.—Сборникъ матер. для исторіи П. А. Х., ...Л. Н. Петрова, III, 30, 101, 104, 174, 280, 379.—Указат. выст. въ И. А. Х.: 1846, с. 5; 1852, № 193; 1857, № 11; 1868, № 15; 1869, № 12; 1886, 267.—Отчеты И. А. Х.: 1857—58, с. 8; 1858—59, с. 20; 1860—61, с. 81; 1870—71, с. 59; 1880—81, с. 42.—Русс. Вѣст. 1857, т. VIII, № 6, совр. лѣт., с. 145 (отзыв).—Описъ произвед. работамъ 1-го въ Россіи терракотов. заведенія для наруж. украшеній зданій (существо. съ 15 июня 1845), скульпт. Д. И. Иенсена, въ СПб. (1885). — *И. П. Собоко*. Историч. очеркъ СПб Рисов. Школы И. О. П. Х. 1839—89 г.г. с. 23, пр. 24, и с. 25.—„Ливон. Обзор.“ 1890, I, 117 и 130, съ портр., грав. на дер. Б. Пудомъ, и изобраз. проспекта памятника имп. Александру II.

Иенсень, Северинъ, архитекторъ герц. Курляндскаго Петра Вирова. Родомъ датчанинъ, былъ въ Итали, долго работалъ во дворцѣ, строилъ въ Митавѣ зданіе для гимназіи, въ 170 фут. длиною, съ колоннадою изъ 6 ко-

43. Проектъ памятника имп. Александру II,
раб. Д. И. Генсена, 1886 г.
(изъ „Живол. Обзор.“ 1890, № 18, с. 117).

лонвь, поддерживающихъ украшенный колос. статуями Аполлона и Минервы фронтоны (1775); жилъ еще въ 1804.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Іеремія, кам. маст. XV в., см. **Еремѣй**.

Іеремія, граверь на деревѣ XVIII в. въ Бухарестѣ. Его раб. „Расіятіе съ предстоящими“, (размѣр.: 5.1 × 4.4 во франц. дюйм, и лин.), съ подп.: „Іеремія 1722“, исполненное дов. грубо, — встрѣч. въ Бухарестскомъ изд. „Октоиха“ 1726; ему-же принадлеж., повидимому, отмѣч. монограммой: „М. Іа.“ (мон. или маст. Іеремія?) и находитъ въ собр. кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго—4 заставки съ изображ.: архіерея съ крестомъ (1.1 × 7¹/₂), 4-хъ святыхъ, архіерея съ священнослужителями и мучениками, архіерея и мученицы съ пальмовою вѣтвью (1.1 × 2.6—7).

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, М. 1870, с. 226—7.

Іерихсонъ (Эриксонъ?), скульпторъ иностранецъ въ Россіи. Имѣя званіе художника, выстав. въ И. А. Х. въ 1846 г. 6-ть нов. барельефовъ.

См. „Указат. вѣст.“ того года, с. 6.

Іерошей, граверь на деревѣ XVIII в. Сперва іеродиаконъ, потомъ іеромонахъ, онъ награвировалъ изображ. Ап. Петра, съ Левпцкаго, и Св. Матѣя (размѣр.: 4.2 × 2.6 во франц. дюйм. и лин.), повтор. въ Кіев. „Апостола“ 1784 г.

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, М. 1870, с. 227.

Іехтъ, Вильгельмъ, архитекторъ иностранецъ въ Россіи. Род. 166., ум. 1763. Находясь на русс. службѣ со врем. Имп. Анны Іоанновны (1741), онъ строилъ Александр. дворець въ Москвѣ и дерев. манежъ для Бирона подлѣ Зимняго дворца въ СПб.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

І. К.—граверь на деревѣ XVII и XVIII вв., см. подъ **К**.

І. Л.—моногр. Ів. Любецкаго.

І. М.—Іером. Макарій и Ів. Мякишевъ, см. эти имена; ср. также **Ил. Мигура**.

Іоанниій, иконописецъ XVII в. въ Ярославлѣ. Ему припис. образъ: Св. Дмитрія Селужскаго—въ церкви во имя этого святаго въ Ярославлѣ, постр. въ 1671; аналойный—тамъ же и Смоленской Б. М., напис. на церк. стѣнѣ снаружи.

См. *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школь иконопис.“, 152.

Іоаннъ (Іванъ) Спаситель или Спаситель **Фрязинъ**, иконописецъ. Капеланъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова закона, онъ, пріѣхавъ въ Москву въ 1490 г., вмѣстѣ съ друг. мастерами, принявъ въ 1492 г. православіе и женился; есть предполож., что онъ расписыв. въ греч. вкусь Успенскій соб., постр. Аристотелемъ Фіоравенти.

См. „Полн. Собр. Русс. Лѣтоп.“, VIII, 224.—„Временникъ“ 1849, III, сѣбс., 10—12. (зап. кн. *П. Оболенскаго*).

Іоаннъ, живописецъ XV в. Богатый купецъ Новгородскій, онъ, будучи невольнымъ свидѣтелемъ кончины Св. Савватія Соловецкаго 27 сент. 1435 г. въ часовнѣ на р. Выгѣ близъ дер. Сороки, въ одно изъ своихъ частыхъ торговыхъ путешествій до Бѣлаго моря, написалъ портрет. изображеніе пресподобнаго и отдалъ послѣднее въ 1471 г. глум. Соловецкому Зосимѣ, который, перенеся прахъ покойнаго въ свою обитель, поставилъ надъ его гробницею этотъ образъ, наименовавшій его какъ живого.

См. житіе св. Савватія въ „Миней-Читѣй“, апр., отд. II, с. 11—12, 17 об.—19, и „Учен. Зап. Моск. Унив.“ 1839, VI, 44 (упом.).

Іоаннъ, иконописецъ Вологодскій, 2-й полов. XVII ст. Напис., вмѣстѣ съ Борисомъ, какъ видно изъ надписей, образъ для Спасо-Нуромскаго мол. (что нынѣ приход. церковь въ Грязовецкой у.): въ 1682 г., іюля 24,—Присхожденія чест. дровъ Животвор. креста, и въ 1688 г., іюля 23,—преп. Сергія Обнорскаго и Нуромскаго.

См. „Древности“, III, Матер. для Археол. Слов., 26 и 21.

Іоаннъ Вишерскій, иконописецъ конца XVIII и начала XIX в., въ Новгородѣ. Изъ служителей Ѳ. И. Никитина, имѣя 13 л. отъ роду, возымѣлъ охоту учиться живописи и былъ вѣчно въ услугахъ въ мон. Саввы Вишерскаго, а затѣмъ, посвящ. въ 1796 г. еписк. Досіеѣемъ въ іеродиаконъ, росписыв. церковь Вознес. въ томъ-же мон., изобразивъ сцены изъ жизни святаго.

См. „Новгор. губ. вѣд.“ 1849, № 40, с. 200, и 1850, № 22, с. 146, примѣч.

Іоаннъ, живописецъ въ СПб., погреб. въ Ямской 3 марта 1725 г.

См. 171 стр. метр. кн. I въ Арх. Спб. Дух. Консист.

Іоаннъ Михайловъ (иконописецъ XVII в.), см. это имя.

Іоаннъ, граверь на деревѣ XVII в., см. **Рѣк-ленный**.

Юсафъ, живописецъ начала XVII в. Хитротонисанный во епископа Вологод. и Перм. въ 1558, онъ сконч. въ 1570 г. и погреб. въ Серг. Лаврѣ.

См. „Истор. росс. иерарх.“, VI, 576, 579, и I, 185.—*Н. Д.*, „Иерархія восросс. церкви“, М. 1892, с. 103, № 15.

Юсафъ, граверъ на деревѣ. Будучи назначенъ Знаменскаго моп., върѣз. въ 1678 и 1680 гг., по рис. знаменника старца Паисія, — (храп. въ Моск. Синод. типогр.) олов. доску для антипнса, съ изображ. „Положенія во гробѣ“

См. *Д. Ровинскаю* „Русс. Народ. Карг.“, IV, 625, № 940.—„Истор. Опис. Моск. Знам. мон.“, М. 1866.

Ювъ, иконописецъ. Инокъ Оршина Вознес. мон., Тверской губ., онъ, придя въ 1595 во вновь устроен. Нилову пуст., вмѣстѣ съ Нифонтомъ, напис. на доскѣ изображ. лика преп. Нила († 1555).

См. „Древности“, IV, 82.—*Успенскаю* „Опис. Ниловой пуст.“, с. 12.—Ср. „Оршинъ мон. Тверской губ.“, сказаніе о древ. богослужеб. вещахъ“, М. 1847, изд. 2, и *Конщина* „Оршинъ мон., древ. архимандрія“—въ „Памят. книж. Тверской губ. на 1865“, отд. III, с. 131—146.

Югансенъ, В., рисовальщикъ. Участвов. въ „Иллюстраціи“ 1860 (VI, 385) и 1861 (VII, 184) и въ „Иллюстриров. Газ.“ 1865 (I, 201).

Югансенъ, Вильямъ Юліевичъ, архитекторъ. Род. 10 іюля 1857 г. Сынъ проф. Спб. Консерваторіи, датскій (потомъ русскій) подданный, онъ былъ ученикомъ П. реального кл. и дополнит. вл. реального отд. въ Училищѣ при мютер. церквн св. Анны (съ авг. 1868 по авг. 1874 г.), аттѣкъ вольно-слухн. (съ сент. 1874 г.) и ученикомъ (съ авг. 1878 г.) въ И. А. Х., отъ которой получ. серебр. медалю поощрнт. — за копію плана театра (9 февр. 1879), малую — за проектъ зданія для публ. концертовъ, выставокъ и проч. (6 февр. 1883) и большую — за проектъ правосл. церквн на кладбищѣ въ уѣзд. городѣ (29 снт. 1883), вмѣстѣ съ правомъ производить постройки, а въ 1886 (нояб. 4) — званіе вл. художника 3 ст.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 128/1874.

Югансенъ, Гаральдъ Рудольфовичъ, архитекторъ. Род. 18 дек. 1844 г. Сынъ докт. медич., ученикъ Вытегор. уѣзд. учил. (1858—69) и вольнослушающій И. А. Х. (1861—62), онъ былъ, состоя агентомъ въ Глав. Обществѣ Росс. жел. дорогъ въ Вильвѣ, признанъ И. А. Х., за представл. на выст. 1867 г. „проектъ част. дома“, — своб. художникомъ, съ утвержд. 31 мая 1869.

См. „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1867, архитект., № 33, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 23/И.

Югансонъ, Бернгардъ (Борисъ) Борисовичъ, архитекторъ Ученикъ И. А. Х., онъ заслуж. пох. за выставл. въ 1853 „практич. чертежи по классу теоріи стронт. искусства“ проф. Желязевнча, и получ. медалю: 2-ю и 1-ю серебрянныя — за проекты „барскаго дома“, 29 сент. 1856 г., и „телеграф. станціи въ столнч. городѣ“, 22 дек. 1858 г., и 2-ю золотую — за проектъ „биржи съ пакгаузами и басейнами на 200 кораблей“, въ сент. 1860 г. (наход. на академ. выст. того года), послѣ чего работалъ на 1-ю зол. — проектъ „зданія публ. бібліотеки“, за который былъ признанъ академикомъ въ сент. 1861 г. (былъ на выст. того года).

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“.. *П. Н. Петрова*, III, 271, 322, 334—5 и 356 365 и 366.—„Указат. выст. въ И. А. Х.“: 1853, № 56; 1860, II, № 2; 1861, I, № 7.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 24/И (1858 г.).

Югансонъ, Юганъ (Иванъ) Егоровичъ, архитекторъ. Род. 18. въ Финляндіи, ум. 2 апр. 1873 въ СПб. Ученикъ И. А. Х., онъ заним. похъ руковод. проф. Вонштедта и получ. 23 дек. 1859 г. 2-ю серебр. мед. за „проектъ визант. церквн“, а затѣмъ признанъ былъ въ авг. 1862 — художникомъ 14 кл. за представл. на выставку работы и въ 1867 — академикомъ за бывшій на выст. того года „проектъ монастыря на 200 монаховъ“. Между 1862 и 1867 гг. онъ былъ город. архитекторомъ въ Выборгѣ и перев. на швед. языкъ соч. Красовскаго по архитектурѣ; переѣхавъ же въ СПб., служ. при Николаевскомъ Сирот. Институтѣ, гдѣ постр. отдѣленіе для малолѣт. сиротъ, и при дворцѣ в. к. Елены Павловны, — вилотѣ до 1872, когда предприн. поѣздку въ чужіе края.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“.. *П. Н. Петрова*, III, 297 и 402.—„Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1867, архитект., № 8.—„Зодчій“ 1873, № 3—4, с. 55.—„Отч. И. А. Х.“ 1872—73, с. 12 и 124 (непол.). *Д. Соловн.* — извѣст. въ предмк.— Въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 25/И.

Юдко, Пантелеймонъ Викентьевичъ, архитекторъ. Род. въ 1823, ум. въ 1891. Воспитанникъ Стронт. Учил. съ 10 марта 1841 по 6 авг. 1847, на счетъ Гродненской губ., онъ былъ, по оконч. курса съ чиномъ 14 кл., опредѣленъ помощникомъ архитект. въ чертежную при Правленіи I округа Пуг. Сообщц.; служивъ тамъ, состав. проектъ застройки Яскихъ улицъ, пострад. отъ пожара. Затѣмъ, переведенный въ 1850 въ Волынскую губ. Стронт. и Дорож. комиссію, устранил. въ 1851, въ лагерѣ при Лудкѣ, помѣщ. для Госуд. Императора и стронтл. поплавної,

навод. паромами, мость на Стыри, длнн. 22 саж., а въ 1852—этажные дома въ уѣздѣ; въ 1855 устранил. подъѣздъ на р. Бугѣ для войскъ, медичихъ изъ Ц. П., и построилъ тамъ же, въ теченіе 5 нед., при 24° мороза,—мость длнн. до 400, шпр. 13¹/₂ саж., а также дерев. мость на устояхъ въ Кременцѣ. Находясь съ 1860 по 1862 при Самарской комиссіи, построилъ въ Самарѣ домъ для лѣтнаго помѣщенія 150 чел. больныхъ и устроилъ на бер. Волги въ город. саду навпалонъ съ цвѣтц. галереєю и заломъ для ганцевъ. Наконецъ, въ Новоросс. краѣ, по должности архитектора Рншельев. лицей, Новоросс. Унив. и Одесс. Учебн. Округа, въ Николаевѣ перестраив. зданіе бывш. штурман. учил. подъ гимназію, въ Симферополѣ дѣлалъ пристройку (длнн. 20, шпр. 6 саж.)—тоже для гимназіи, въ Григоріополѣ строилъ домъ приход. учил. съ отдѣл. для дѣвушекъ и въ дер. Захарьевкѣ церковь, а состоя при Рншельев. лицей (1865), потомъ при Унив., перестраив. все зданіе поставлено, устроилъ при немъ учеб. ферму и составилъ проектъ обсерваторіи для него, не считая разныхъ част. построекъ. Съ 1874 по 1876 былъ Херсонскимъ епарх. архитекторомъ, съ 1879 (съ причисленіемъ къ М. В. Д.)—городскимъ въ Измаилѣ, съ 1892—Олопецкимъ губернскимъ, съ 1884 причисленъ къ Технич. Стронт. Комит., а въ 1887 вышелъ въ отставку. Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*,—болѣе подроб., чѣмъ въ составл. *Г. В. Барановскимъ*, Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92, с. 136.

Иозефи, Г., медалеръ XIX в. Будучи част. граверомъ печатей, исполнилъ медаль для „Росс. Общ. покровит. живот.“.

См. *Ю. Иверсена* „Словарь медалер.“, 19, и въ Общ. Архивѣ М. И. Д. дѣло 1871, он. 271, № 81 (преж. номер.).

Юмудскій, см. Юмудскій.

Иона (въ мѣрѣ Иона нтъ), св., иконописецъ. Преставился 5 нояб. 1470 или 1471. Потерявъ въ молод. годахъ родителей, онъ былъ воспитанъ одною вдовою, пекшейся о немъ вмѣсто матери и отдавшей его въ ученіе къ одному діакону. Св. Михаилъ Клопскій, обративъ вниманіе на способности юного Иона, предсказалъ ему занятіе Новгородской архіепископш (1408). Достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, Иона нтъ принялъ отъ архим. Отенской или Огней пуст. Харитона постриженіе подъ именемъ Ионы и сразу приобрѣлъ любовь не только братій, избравшихъ его по копчнѣ блаж. Харитона своимъ настоятелемъ, но и гражданъ Новгорода, пожелавшихъ видѣть его сво-

имъ архипастыремъ послѣ преставленія святит. Евемія (1458). Возведенный въ слѣд. году митрон. Ионою въ архіепископы Новгорода и Пскова, онъ удерживалъ Новгородцевъ отъ покушенія убить в. к. Василія Васильевича съ дѣтьми (1460), принимаетъ пѣмед. послонъ, пришедшихъ бить челомъ о перемиріи (1461), ставитъ церкви: каменную во имя св. Николая Чудотв. въ Огней пуст. и св. Сергія въ Новгородѣ и освѣщаетъ церкви св. Дмитрія на Славковой ул. (все въ 1463) и обденную во имя Симеона Богопріима, поставленную во Звѣрицкѣ по случаю мора (1467), освѣщаетъ Псковъ (1466 и 1469) и заступаетъ за вдовыхъ священниковъ и діаконовъ (1468 и 1470), требуетъ отъ Псковитянъ уничтоженія составл. ими безъ его вѣдома грамоты и докладываетъ митрон. Филиппу о ихъ желаніи имѣть свое церк. управленіе, на что тотъ однако не согласился (1469—1470). Провладимчествовавъ 12 лѣтъ и 6 мѣс., онъ преставился въ глубокой старости и былъ погребенъ въ „своемъ строеніи“, въ кам. церкви во имя трехъ святителей, Иоанна Предтечи и пустынножит. Онуфрія въ Огней пуст., гдѣ мощи его почитаютъ понынѣ; по однимъ источникамъ мощи его перенес. были въ 1504, по другимъ обрѣт. въ 1600 въ изготовл. имъ еще при жизни дерев. гробѣ. Праднованіе ему установл. соборнымъ опредѣл. 1549 г. Житіе его „вышло изъ келіи пустын. монастыря“ (состав. въ 1472) и любопытно какъ по содержанію, такъ и по литерат. формѣ. 1549 г. Житіе его „вышло изъ мног. собранійхъ, изъ нихъ одинъ напеч. Н. И. Костомаровымъ въ „Памят. Стар. Русс. Литер.“ (IV, 27), но какъ иконописецъ, написавшій наход. въ Савво-Вншер. мон. икону св. Саввы († 1461), Иона уном. только въ „Новгор. губ. вѣд.“ 1849 г. (№ 40, с. 197, 198, 202) и у архим. *Макарія* въ „Археол. Опис. церк. древн. въ Новгор.“, М. 1860, II, 12С.

См. объ его жизни и дѣляняхъ: (*Кл. Эрнстова*) „Словарь историч. о святыхъ“, Сиб. 1836, с. 188, и 1862, с. 122.—„Житія святыхъ“, Сиб. 1856, ноябрь.—„Полн. собр. русс. лѣтот.“, т. III, IV, V, VI, VIII, и „Акты историч.“, I и IV (ср. „Указат.“).—Архим. *Сергія* „Полный Мѣсяцел. Востока“, М. 1876, II, 1, 295, и *Н. Барсукова* „Источники русс. агиографіи“, Сиб. 1882, с. 272—4 (гдѣ указ.: разные источники и рукоп. житія, сказанія о мощахъ и службѣ).—„Новгор. губ. вѣд.“ 1850, № 14, с. 107.

Иона, иконописецъ и вѣрвѣ на мѣдн. Нѣжнискій урож., іеромонахъ Александро-Невской лавры въ 20-хъ годахъ XVIII ст., онъ напис. на полотнѣ (размѣр. 48 × 22 верш.)—наход. въ

лаврѣ изображ. св. Дмитрія Ростовскаго († 1700) въ келии, окруж. его творениями и ангелами, и гравиров. на мѣди—изображ. св. Александра Невскаго въ ростѣ съ копьемъ въ рукахъ и съ короной у ногъ (велич. $9 \times 1,6$ во франц. дѣйм. и лин.).

См. составл. П. И. Пестровымъ „Катал. истор. выст. портрет. лицъ XVI—XVIII в.“, Спб. 1870, № 833 (с. 221).—Д. Ровинскаго „Русс. Граверы“, М. 1870, с. 228, и „Русс. Народ. Карт.“, II, 542.

Юнова, Марія Алексѣевна, по мужу **Федорова**, см. это имя.

Юнъ, Иванъ, архитекторъ. Род. 1744, ум. 1817. Петербургскій уроженецъ, изъ мастеровыхъ дѣтей, наход. при казенныхъ строеніяхъ 5 лѣтъ безъ жалованья, за что опредѣленъ былъ „архитектурн гезедемъ“ въ рангъ прапорщика, а затѣмъ произведенъ въ „за-архитекторы“ и въ чины: тит. сов. въ 1765, колл. ассесс. въ 1784 и надв. сов. въ 1787.

О. Н. Юрданъ

44. Собств. портретъ О. Н. Юрдана, 1871 г.

См. въ Общ. Архивѣ М. И. Д. дѣла по оп. 122/556, № 6 (1796), л. 13 об., и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 6/1817.

Юнъ, Карлъ-Готтлибъ Ивановичъ, архитекторъ. Удостоенный званія своб. художника, онъ получ. въ 1860 прогр. на званіе академика—„проектъ город. думы“, который, однако, не могъ окончить ранѣе 1864 г., будучи производителемъ работъ у проф. Боссе по постройкѣ дворца и службъ для в. к. Михаила Николаевича на Михайловской дачѣ (1857—62) и у арх. Монигетти при постройкахъ различныхъ зданій, въ томъ числѣ церкви и мал. дворца въ имѣніи Им. Маріи Александровны въ Крыму.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 26/И.

Юрданъ, Оедоръ Ивановичъ, граверъ на мѣди рѣзцомъ. Род. 13 авг. 1800 въ Павловскѣ, ум. 19 сент. 1883 въ СПб. Сынъ лютер. родителей: придв. обойнаго мастера Іог. Фридр. Юрдана и жены его Катер. Регинны, рожд. Мартенсъ, онъ былъ крестникомъ наслѣд. принца Мекленбургъ-Шверинскаго Фридриха Людвига, въ честь котораго былъ назв. при крещеніи тѣмъ же именемъ, и имп. Маріи Оедоровны, по желанію коей опредѣл. былъ въ 1809 въ Имп. Акад. Худож., гдѣ въ мар. 1819 назнач. былъ въ гравиров. классъ къ нов. преподават., академ. Уткину. Занявшись напередъ копиров. съ иностр. образцовъ, какъ, напр.: 1. „Торса мальчика“ съ Герда (1821) и 2. „Портрета кардина де Перефика“ съ Нантѣля, онъ, по получ. 2-й и 1-й серебря. медалей за рис. съ нат. (въ авг. 1822 и въ дек. 1823), исполнилъ гравюры: 3. „Меркурій уснул. Аргуса“ съ карт. П. Соколова (1824) въ видѣ прогр. на 2 зол. мед., по награжденіи которою былъ оставл. при Акад. вмѣстѣ съ 5-ю товарищ., въ числѣ пенсіонеровъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія, но на правахъ помощниковъ кл. преподавателей; затѣмъ въ слѣд. (1825) году, по част. заказамъ,—4. портр. (мало похожій) извѣстной танцовщицы Истоминой въ балетѣ „Зефиръ и Флора“ для альмана. Бузарина „Русс. Талія“, 5. портр. актера В. А. Каратыгина въ траг. „Фингалъ“ (съ рис. М. Теребенева) для издат. Альманаховъ Аладына (въ „Памятникъ Музъ“), 6. статую герц. Рихелье въ Одессѣ, раб. Мартоса (съ рис. Н. Тверского) для изд. конфер.-секрет. Акад. Худож. В. И. Григоровича „Журналъ Изящныхъ Искусствъ“, 7. „Собачью дружбу“ съ рис. И. Иванова (по наброску презид. Акад. А. Н. Оленина) для басенъ Крылова въ изд. книгопрод. Сленина, 8. „Умир. Авеля“ съ карт. Лосенко—въ видѣ

прогр. на 1 сл. мед., которая и была присужд. ему въ сент. 1827 г.; наконецъ,— каранда. рис. съ грав. Филиппа де Шампани „Полож. во гробѣ“—для имп. Елизаветы Алексеевны, а въ 1828 г.—9 и 10. два загл. листа по рис. И. Иванова къ „Стихотв. П. Межакова“ и къ „Анатомико-хирургич. таблицамъ“ И. Буяльского и 11—12. двѣ табл. съ ханскими монетами для сот. акад. Френа de P-Chalognat numis“ и съ медалями въ честь гр. Суворова для гр. Хвостова. Награвировавъ еще: 13. рис. операциі камен. болѣзни для изд. 1831 г.—„Анатомико-хирургич. таблица“ Саломона и Савенкова, Горданъ отправился $\frac{1}{2}$ авг. 1829, въ качествѣ пенсіонера Акад. Худож., съ обширной инструкціей отъ ся конфер.-секрет., изъ Кронштада, черезъ Свинемюнде и Штеттинъ, въ Берлинъ и Дрезденъ, потомъ, черезъ Лейпцигъ, во Франкфуртъ на Майнѣ и наконецъ, черезъ Майнсъ и Мель, въ Парижъ, къ извѣст. граверу Тардѣ (Tardieu), только что избранному передъ тѣмъ въ поч. волюн. общники вашей Академіи.

Но, пріѣхавъ въ Парижъ (30 сент. того же года), онъ, вмѣсто послѣдняго, въ то время уже старика, поступ. въ ателье Ришма, и сразу принялся съ нач. 1830 г. за гравиров. съ картинъ Рафаэля—14. двухъ годовъ: егои Перуджино изъ его „Аѳинской школы“ и 15. „Лоретской Божіей Матери“ (Св. Семейство), а въ сент., послѣ юльскихъ событий, переѣхалъ съ разрѣш. начальства въ Лондонъ, гдѣ и вступ. въ мастерскую грав. Раймбаха, подъ надбод. котораго въ 1831 исполнялъ двѣ грав. крѣпкой водкой, послѣ чего занялся въ Бентлея въ 1832 исполненіемъ акватинтой: 16. листа съ раз. предметами; но переѣздъ же Раймбаха въ Гриничъ на покой, онъ опредѣлился къ не менѣе извѣст. грав. на стали Д. Г. Робинсону и въ 1833 награвиров. его способ.: 17. карт. „Изынвѣннѣй“ съ Гогарта для одного англ. торговца, замѣнившаго потомъ подпись русс. гравера—подписью англ. мастера; 18 и 19. портреты цунтир.—пок. члена Парламента Вильберфорса въ ростѣ, въ креслахъ у стола (причемъ онъ былъ оконченъ англ. грав. Couzens'омъ), и одного англ. капитана, умерш. въ Индіи; 20. „Богоматери олаквив. смерть Спасителя“ съ карт. Чиполо.

Получивъ въ нач. 1834 г. разрѣшеніе отправиться на остальное время своего загранич. пенсіонерства въ Италію, Горданъ хотя и поѣх. туда черезъ Голландію и Францію, но, заболѣвъ воспаленіемъ глазъ въ Парижѣ, вернулся обратно въ Лондонъ, гдѣ и остался до осени, а затѣмъ уже, черезъ Антверпенъ, Брюссель,

Ахенъ, по Рейну (причемъ погибла доска грав. съ карт. Чиполо), черезъ Швейцарію и Савойю, направ. въ Парму къ граверу Тоски и потомъ въ Волоново, гдѣ встрѣт. съ К. П. Брюлловымъ; тамъ онъ занялся рис. для грав. съ карт.: Л. Караччи „Преображ. Господне“ и Фр. Альбани „Св. Троица“. Однако, гравировать ихъ онъ не сталъ, а поселившись весной 1835 въ Римѣ, принялся, по совѣту того же Брюллова, за 21. рис. съ карт. Рафаэля „Преображеніе“ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ всѣ существовав. до того эстампы съ этого произведенія (рис. этотъ наход. въ Моск. Учили. живописи и ваянія). Трудъ этотъ требов. слишкомъ продолжит. времени для выполненія его въ задум. видѣ, между тѣмъ срокъ пенсіонерства кончался, и вотъ, подобно Иванову, начинающъ постояннаго ходатайства какъ самого Гордана, такъ и друг. лицъ за него (Кривцова, К. Гога и проч.), о дальнѣйшихъ отсрочкахъ. Давая обѣщанія хлопотавшей за него Академіи не заниматься ничѣмъ инымъ, кромѣ этой работы, Горданъ награвиров. только: 22 и 23. портреты В. К. Михаила Павловича (1838) и Александра Николаевича (1839), съ рис. И. Каневского, и въ 1844 г. былъ признавъ академикомъ безъ задачи программы. Затѣмъ онъ исполнилъ еще въ Римѣ, въ контурахъ, рѣзцомъ: 24—29. шесть картинъ для книги Классовскаго „Систематич. Описание Помпей“, въ 8-ку (1848); 30—45. шестнадцать снимковъ съ произведеній англ. скульпт. Джибсона—14-ть для изд. „The Story of Psyche... by Elis. Strutt“ (1849) и два отдѣльно; 46. портр. поэта Языкова, но трудъ,—по зав. Хомякова и Кирѣевскаго, а по возвращ. въ Петербургъ и признаніи его профессоромъ въ 1850,—47. дипломъ на званіе академика и поч. волюн. общника И. А. Х. (1851), и, затѣмъ, рисунки съ карт. Угрюмова: „Возвезд. на царство Михаила Феодоровича“, „Покор. Казани при Иоаннѣ IV“, „Ислыганіе силъ Яна Усмовича“.

Поселившись послѣ того во Флоренціи (1853) для исполненія: 48. грав. съ карт. Егорова „Истязаніе Спасителя“ по зав. Академіи (оконч. лишь въ 1867), онъ былъ однако вскорѣ вызвъ. для занятія должности профессора гравюр. класса въ Акад. по смерти Галактионова (1855), а вслѣдъ за этимъ сдѣлался хранит. эстамповъ и орг. рисунковъ въ Имп. Эрмитажѣ по вых. въ отставку Уткина (1860), у котораго онъ былъ сперва помощникомъ. Тѣмъ временемъ онъ награвиров. (на стали) портреты: 49. Гоголя (съ ориг. Моллера 1841 г.)—по зав. его племянника (1856—57), 50. Лермонтова—и

зак. А. И. Глазунова и 51. Бѣлинскаго — по зак. К. Т. Сиддатенкова (1859), 52. Державина (съ ориг. Тончи) — по зак. Акад. Наукъ (1860—61), для изданія сочиненій этихъ писателей. Исполнивъ: 53. портр. Гоголя вторично, въ нѣск. меньшемъ видѣ (1865), онъ награвировалъ еще табл. въ контуръ: 54—58. пять съ изображ. Керчен. древностей (преимущ. вазъ) для „Отчетовъ Имп. Археолог. Ком.“ за года 1867, 1869 и 1870—71 (въ 1868—74) и 59 и 60. двѣ съ изображ. древнихъ статуй для ст. Стефани „die Antiken Sammlung zu Pawlowsk“ въ „Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences“, VII Série, T. XVIII, № 4 (1872), — послѣднія сдѣланы уже ректоромъ Акад. (1871), равно какъ и посл. портреты (на стали): 61. рект. СПб. Унив. П. А. Плетнева (1870), 62. собственный (1871), 63. лейбъ-мед. Здекауера (1872), 64. оберъ-гофмарш. гр. А. П. Шувалова (1873), а послѣ празднов. 50-тилѣт. юбилея—65. Имп. Александра II (1875), 66. Наслѣд. Цесарев. вполнѣд. Имп. Александра Александровича (1877), 67. игум. Валаам. мон. Дамаскина (1878), 68. сенат. Д. А. Ровинскаго (1869), 89. в. к. Владимира Александровича (1880), 70. основат. Моск. Унив. и Акад. Худож. И. И. Шувалова, съ ориг. Г. Ф. Дойзена (1881), 71. грав. Г. И. Скородумова, съ его собствен. аквар. (1882), 72. живоп. А. Е. Егорова, Д. Г. Левицкаго и В. К. Шебуева (1885).

Послѣд. время своей жизни, Юрдапъ, кромѣ ректорства въ Акад., председательствовалъ въ Комисіи для составл. нов. устава для нея (1872)¹⁾ и заведыв. еще Мозач. отдѣленіемъ послѣ Ѳ. А. Бруни (съ 1876) по въ гравюр. классѣ у него рѣдко бывало болѣе одного ученика. Наибольшую извѣстность изъ его учениковъ приобр. И. П. Пожалостинъ.

Несмотря на лестные отзывы соврем. критики о произвед. Юрдапъ, когда они появлялись передъ публикой, и частія сравненія его съ лучшими иностр. мастерами, знатоки и художники (знаменитый Ивановъ и др.) находили въ главнѣйшемъ трудѣ—гравюрѣ съ Рафаэлева „Преображенія“ не мало недостатковъ, а иѣкот. изъ учениковъ гравюр. класса (напр. Сѣряковъ, Пожалостинъ) отзывались не совсѣмъ благоприятно объ отнош. къ нимъ ихъ преподавателя. Тѣмъ не менѣе Юрдапъ приобр. по рѣдочную извѣстность не только въ отечествѣ,

но и за его предѣлами, какъ свидѣтельствуютъ иностр. художеств. источники.

Портреты Юрдапъ были исполнены: аквар.—А. Вегнеромъ въ 1857, грав. на мѣди—В. Бобровымъ въ 1880 и на деревѣ—Э. Беренсомъ для „Всем. Иллюстр.“ 1874 (№ 308, с. 363, и тоже въ 1883 г., № 769, с. 265) и Ю. Барановскимъ для „Нивы“ 1883 (№ 43, с. 1032).

45. Медаль въ память 50-ти лѣтняго юбилея
Ѳ. И. Юрдапъ,
раб В. В. Алексѣева, 1874 г.

Первый очеркъ дѣят. Юрдапъ былъ помѣщ. В. Толбинымъ въ „Сѣв. Целѣ“ 1860 (№№ 4 и 5, с. 15 и 20). — Затѣмъ слѣдов.: составл. П. Н. Петровымъ по случаю его полулѣтн. юбилея для „Всем. Иллюстр.“ 1874 (т. XII, №№ 308, 310 и 312, с. 359, 391—4 и 443—5) и для „Отчета И. А. Х.“ за 1873—74 г. (с. 71—79); по поводу того же юбилея была еще напеч. статья П. Н. въ „Гражд.“ (№ 46, с. 1137—8) и замѣтка въ „СПб. Вѣд.“ (№ 257, въ хрон.). — Наконецъ, въ „Русс. Арх.“ 1883 (VI, 321) и 1884 (I, 250) — биогр. Юрдапъ, а некрологи его появ. въ томъ же 1883 г.: въ „Нов. Врем.“ (№ 2717—доп. обстоят.), „Моск. Вѣд.“ (№ 264—сокращ. изъ предид.),

¹⁾ Труды этой Комисіи напеч. въ прилож. къ „Сборнику постановл. Совѣта И. А. Х. по худож. и учеб. части съ 1859 по 1890 г.“ (с. 329—360).

„Худож. Новост.“ (№ 19, с. 573—6, *А. Сомова*), „Всемир. Иллюстр.“ (№ 769, с. 262—3, извлеч. *Петровым* изъ его же ст. 1874 г.), „Ниппъ“ (№ 43, с. 1034—5,—дов. крат.), „Искусствъ“ (№ 33, с. 452,—оч. крат.), „Газ. А. Гатчука“ (№ 15, с. 391,—от. крат.).—Кромѣ того, отд. замѣтки объ его работахъ встрѣч.: въ 1825—въ „Журн. Извѣд. Русск.“ (№ 1, с. 47), „Моск. Телегр.“ (I, 163, и IV, особ. приб. къ № 13, с. 15), „Сынъ Отеч.“ (ч. С, № 5, с. 57); въ 1826—въ „Свѣд. Пч.“ (№ 146, с. 1), въ 1827—тамъ же (№ 117, с. 3, столб. 2) и „Отеч. Зап.“ (LXXXII, 143); въ 1835—въ „Вѣст. для Чт.“ (XI, II, 87—88, въ ст. *Тимовска* „Русс. художники въ Римѣ“); въ „Худож. Газ.“ въ 1836 (с. 102), 1837 (с. 96—97, 193 и 274), 1840 (№ 1, с. 3); въ 1840—въ „Сынъ Отеч.“ (I, 478); въ „Москвитан.“ 1841 (VI, 156, въ ст. *С. Шевырева* „Русс. художники въ Римѣ“) и 1842 (II, 342, въ ст. *М. Полюдина* „Мѣсяцъ въ Римѣ“); въ 1842—въ „Сиб. Вѣд.“ (№ 226, с. 998—9, въ ст. *Ө. Чижова* „Русс. художники въ Римѣ“); въ 1846—въ „Моск. Литер. и Учен. Сборн.“ (с. 78—81, въ письмѣ того же автора) и въ „Иллюстр.“ (№ 38, с. 607); въ 1847—въ „Выбор. мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, *Гоголя* (§ VII) и въ „Сынъ Отеч.“ (X, в. 24); въ 1849—въ „Москвит.“ (I, смѣсь, 76; въ 1850—въ „Вѣст. для Чт.“ (CIV, II, 90—92, въ ст. *Д. Мисюгина*), „Современ.“ (XXIV, II, 127—130) и „Отеч. Зап.“ (LXXIII, II, 73; въ 1851—въ „Москвит.“ (I, II, 113, въ извѣст. *И. Рамазанова*; II, II, 81—82 и 199—210, въ ст. *М. Полюдина*), „Журн. Мин. Нар. Пр.“ (LXXII, VI, 22—23), „Моск. Вѣд.“ (№ 35, опис. объѣзда въ честь I. и Аивазовскаго); въ 1853—тамъ же (№ 132, с. 1361—2, въ извѣст. *И. Рамазанова* съ извлеч. изъ „Dell'Arte“); въ 1856—въ „Русс. Бес.“ (IV, VI, 143—4, въ ст. *Ө. Чижова* „Джон. Анджел. Физіологическій“).—Сверхъ этого—въ „Русс. Стар.“ были помѣщ.: въ 1875—автобиограф. *Д. Сыркова* (XIV, 388, 388 и 384—5, съ зам. Юрдана на с. 594), въ 1878—ст. *И. Ефремова* о портретахъ Гоголя (XXII, 157—161), въ 1880—воспом. объ Акад. Худ., *Художника* (XXIX, 391—2), въ 1881—автобиограф. *И. Покластима* (XXXII, 182—136, 351—2 и 355—374), гдѣ также находитъ свѣд. о Юрданѣ, равно какъ и въ изд. въ 1880 *М. П. Богтнмица* подъ ред. *Н. П. Собокина* гдѣ „Ал. Андр. Ивановъ, его жизнь и переписка“ (с. 83—4, 100—1, 161, 185, 188, 243, 251, 262—6, 271, 273—280, 326—7, 347, 361—2, 378—381, 386, 388, 397, 417).—Част. свѣдѣнія допоялнлись оффнц., заимчив. въ „Указат. вѣст. И. А. Х.“ 1833 (№ 512—3), 1850 (№ 69), 1868 (№ 151); „Отчет. Общ. Поощр. Худож.“ 1838—39 (с. 2), 1875 (36) и „И. А. Х.“ 1849—50 (с. 22), 1850—51 (30), 1851—52 (30), 1854—55 (33), 1855—57 (36), 1857—58 (26), 1858—59 (38), 1859—60 (42), 1860—61 (31), 1862—63 (79), 1364—65 (77), 1865—66 (65), 1866—67 (59), 1867—68 (49), 1868—69 (76), 1870—71 (46), 1871—72 (53), 1872—73 (44), 1873—74 (41), 1874—75 (36), 1875—76 (33), 1876—77 (34), 1877—78 (56), 1878—79 (37), 1879—80 (36), 1880—81 (36),

1882—83 (4 и 12); „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. П. Петрова* (I, 569; II, 132, 172, 187—8, 190—1, 194—6, 222, 235, 275, 285—8, 293, 303, 309, 311—2, 315, 358—9, 361, 370—1, 441—2, 445; III, 13, 32, 52, 53, 102, 134—5, 139—140, 142—3, 155, 227, 238, 239, 241—2, 265, 281, 326, 330, 374, 389, 398, 409, 440).—Подлин. докум., касающіеся Юрдана, хран. въ Архивѣ: И. А. Х. подъ №№ 68/1827, 26/1830, 2/1834 (въ числѣ Президент. дѣлъ) и 21/1825, *140/1829, 6/1836, *14/1846, 110/1850, 76/1852, 118/1854, 130/1856, 88/1857, 80/1871, 126/1872, 65/1873, 86/1874, 83/1875, 32/1877, 83/1877, 84/1878, 18/1878, 121/1878 и *28/II (изъ нихъ особ. важныя отнѣя. знакомъ *), и М. П. Х.—1823, оп. 103, № 18; 1829, оп. 393, № 22; 1852, оп. 1311, № 1; 1856, оп. 946, № 9, и оп. 666, № 1 и 13; 1858, оп. 675, № 20; 859, оп. 669, № 39; 1862, оп. 672, № 9; 1866, оп. 1129, № 291; 1871, оп. 1304, № 57; 1873, оп. 1338, № 97; 1875, оп. 1341, № 63; 1878, оп. 1290, № 13. На основ. вышеуказ. источ. была напис. *И. П. Собоко* и помѣщ. въ „Вѣстн. Изв. Иск.“ 1884 г. (съ состав. *Д. А. Ровинскаго* спискомъ гравюръ)—подроб. биограф. Юрдана, гдѣ явились были какъ выписки изъ его донес. изъ за гран. (съ опис. различ. приемовъ гравюр) и др. докум., такъ и изъ разл. статей о немъ; статьи эта послуж. матер. для кратк. биограф., напис. *Ө. Булаковымъ* въ его изд. „Наши художники“ 1889 (I, 162—3), и для настоящ. очерка. Послѣ назв. статьи въ „Полноб. Словарѣ русс. гравюр. портретовъ“ *Д. А. Ровинскаго* 1889 г. встрѣч. разн. свѣд. о гравюр. Юрдана; въ „Русс. Стар.“ 1892 (т. LXXIII) печат. подъ ред. и съ примѣч. *И. П. Собоко*—автобиограф. Юрдана, а въ „Русс. Худож. Арх.“ 1892 (III—IV, 214) помѣ. нем. зам. о немъ.

Юрь Іульяно, колокол. маст. XVI в.,—гграфіе

Ульяновъ, Юрій, см. это имя.

Юсифовъ, Исидоръ, иконописецъ. Состав. въ 1652 смѣту на стѣнопис. Арханг. соб. въ Москвѣ.

См. *И. Забылина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 13, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школь иконопис.“, 152.

Юсифъ, иконописецъ. Расписыв. въ 1343 въ Москвѣ, вмѣстѣ съ др. старѣйшими и начальниками (Денисомъ, Захаріей, Пиколомъ и проч.) и дружиной ихъ, церковь св. Арханг. Михаила у двора вел. князя (Симеона Юанновича Гордаго), но не допис. въ то лѣто „величества ради и мелкаго письма“ и потому доканч. въ 1344. Церковь эта была сломана въ 1505 и на мѣстѣ ея воздвиг. наивѣнній Арханг. соб., но и преняная была перепис. грекомъ Теофаномъ въ 1399.

См. *Карамз.* IV, пр. 372 (ст. 172 по изд. Эйперлинга).—„Полн. собр. русс. изопл.“, VII, 209.—*Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школь иконоп.“, 152 и 145.

Иосифъ, иконописецъ. Царскій изуграфъ, онъ напис. въ 1626 икону Благовѣщенія, очень похожую на Строгоновскія 2-го письма, гдѣ ризы и палаты проблены золотомъ, и остав. любовн. посланіе къ иконог. Симону Ушакову о живописи (извѣстное по рукоп. гр. Уварова, XVII—XVIII в.).

См. *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школь иконопис.“, 42 и 152, и „Подроб. Словарь русс. гравир. потретовъ“, прилож., с. 218 и 324.—*О. Буслаева* „О подлинникъ“—въ „Русс. Вѣст.“ 1858, т. XVI (июль, кн. 2), с. 244—261, и въ его „Очеркахъ“, Спб. 1861, т. II, с. 410, 411, 413, а также 392 и 322.

Иосифъ Владиміровичъ или **Владиміровъ** (иконописецъ XVII в., ученикъ Симона Ушакова), см. это имя.

Иосифъ Гошемскій (гравёръ), см. это имя

Иосифъ Желтоножскій (живописецъ), см. это имя.

Иосифъ Турабойскій (гравёръ), см. это имя.

Иосса, Андрей Николаевичъ, архитекторъ. Род. 26 окт. 1850. Сынъ полков., служившаго начальникомъ мехавич. производствъ на Спб. Монетномъ Дворѣ, онъ выдержалъ испытаніе изъ предметовъ познана гимназич. курса въ Олоденцкой гимназіи, посѣщ. съ сент. 1871 до авг. 1873 лекціи юридич. факультета въ Спб. Унив., а въ сент. 1873 поступилъ вольнослуш. въ И. А. Х. по живописи, потомъ переш. на архитектур. (1873), за работы по которой, будучи пенсионеромъ Его Величества, и получ. 2-ю серебрян. мед.—8 апр. 1878 и 1-ю—27 окт. 1879, наконецъ 2-ю золот.—4 нояб. 1880, выѣхъ съ званіемъ кл. художника 2 ст. (за проектъ город. думы).

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 187/1872 и 13/1878.

Иосилевичъ, Э., живописецъ. Ученикъ Моск. Учпд. живописи, вальдіи и зодчества, онъ принималъ участіе въ тамаш. XII-й ученич. выст. 1889 г., выставивъ картины: „Падчерница“, „Прошло какъ сонъ“, „Первое сомнѣніе“, „Страшникъ“, и отходъ.

См. „Катал.“ означ. выст., №№ 91. 115. 124. 134. 345.

Иохимъ, Карлъ Ивановичъ, живописецъ и литейщикъ. Род. 1805, ум. 15 мая 1859. Сынъ извѣст. карет. мастера въ Спб., самъ заним. въ ранней молодости ремесломъ своего отца Рисую для него еще въ дѣтствѣ новомод. экипажи, онъ обратилъ на себя своими способностями вниманіе окружающихъ, которые и старались развить въ немъ ихъ еще болѣе. Сдѣлавшись вольноприход. уч-

никомъ И. А. Х., онъ былъ тамъ ученикомъ Зауервейда и посюлялъ, между прочимъ, на камнѣ 12 больш. рисунковъ подроб. анатоміи лошади, которые и подарилъ Общ. Поощр. Худож., въ благодарностъ за снабженіе его средствами (1837—38); 11 апр. 1842 г. заслуж. 2-ю сер. мед. за рис. съ нат., а 26 сент. того же года оконч. курсъ съ званіемъ некл. художника по историч. живописи. На Акад. выст. того года наход. карт. его раб.: „Сцена изъ ром. Вальтеръ-Скотта—Карлъ II Стюартъ дѣлаегъ вѣскром. предложеніе дѣвнѣ Алисъ въ домѣ отца ея, гдѣ онъ укрыл. отъ преслѣдов. Кромвеля“. По своей спеціальности онъ избралъ отливку худож. произведеній съ применением къ этому вновь изобрѣт. гальваноластики. Съ помощію послѣдней онъ придумалъ замѣнить въ типограф. букввахъ свинц. отко—мѣднымъ, чтобы придать имъ болѣшую чистоту и особ. прочностъ (за что удост. былъ Демидов. преміи отъ И. А. Н.). Это изобрѣтеніе такъ заняло его, что онъ бросилъ все остальное, трагич. на это всё свои деньги и часто отказыв. себѣ въ самомъ необходимомъ. Благодаря уму, терпѣнію и силѣ характера, ему удалось преодолѣть всё препятствія; всё машины и приспособленія для выдѣлки нов. буквъ были устроены имъ, какъ явилось нов. препятствіе со стороны типографовъ, которые должны были или мѣнять всё шрифты, или оставитъ усовершенствованія Лохима безъ вниманія. Нѣкоторые казен. типографіи заказали ему, однако, нов. шрифты; онъ отлил ихъ до 100 пудовъ, и рассчитывалъ уже на сбытъ и за границу, когда ему пришлось подвергнуться серьезной операціи. Хотя онъ и вынесъ ее благополучно, но вслѣдъ затѣмъ заболѣлъ холерой, и истощенный организмъ не могъ уже перенести этой болѣзни. Онъ умеръ въ страш. мученіяхъ, но дѣти его продолжали его дѣло.

См. Некрол.: въ „Сѣв. Пч.“ 1859, № 111, и въ „Мѣсяцесл.“ на 1860.—„Отч. О. П. Х.“ 1837—38, с. 11.—„Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1842, с. 18.—„Сборникъ матер. для истор. И. А. Х.“... *И. Н. Петрова*, II, 423 и 437.—Ср. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 166/1864 (преж. номер.).

Иохманъ, Николай Карловичъ, архитекторъ. Финляндскій урож., сынъ фабриканта, онъ былъ ученикомъ Гл. нѣмецкаго учил. св. Петра въ Спб. (съ авг. 1846 по июль 1851) и И. А. Х. (въ 1852—53 г.г.) и удост. 16 апр. (10 июня) 1859 званія некл. художника, съ правомъ производить постройки,—за „проектъ женск. училища въ губ. городѣ на 150 уч.“. Въ бытность затѣмъ въ

Выборгъ (въ 1865), произвелъ болѣе 10 построекъ (въ томъ числѣ зданія ратуши и магистрата), до того участвовав. при постройкахъ станцій по Варшавской ж. д. отъ Динабурга до Вильны и былъ на изысканіяхъ желѣзнодорожной: Московско-Брестской, Воронежско-Харьковской и Рязско-Скопинской, а послѣ того занялся проектами зданій по Кіево-Брестской ж. д. (въ 1872); наконецъ, былъ командированъ въ Деп. Тамож. Сборовъ Мин. Фин. архитекторомъ-производителемъ работъ Ревельской порт. таможни, Сиб. и Рижскаго округовъ, равно какъ и друг. тамож. учрежденій (въ Ялтѣ, Одессѣ, Радзивиловѣ, Мюльграбенѣ и Либавѣ); въ тоже время онъ состав. проектъ правос. церкви въ Александров. округѣ, принявъ участіе въ разныхъ част. постройкахъ, между прочимъ, по поруч. Коммерч. Страх. Общества,—при заво-

дахъ купцовъ Мойяна, Лесснера и Кенига. послѣ сего служ. съ конца 1877 до начала 1881 млад. архитекторомъ Ферганской обл.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ... П. Н. Петрова, III, 329, а также 315, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 30/И.

Юхъ, живописецъ въ 1786, въ СПб., на Вас. Остр., по 2 л., д. 222.

См. „СПб. Вѣд.“ 1786, № 81, с. 1016 (объявл.).

Ю = Іоаннъ Рѣвленный, см. это имя.

ЮС = Іерод. Севастіанъ, см. это имя.

ЮS = монограмма грав. Ив. Стржибцакаго.

ЮST = монограмма грав. Ив. Штенглица.

Юльяновъ, Іоръ, см. Ульяновъ.

Юдины, Ив. Ил. и Илья, иконописцы въ Мстерѣ XVIII в., см. Юдины.

ДОПОЛНЕНИЯ.

(Къ стр. 287—297).

Ивановъ, Александръ Андреевичъ.

Почти одновременно съ печатаніемъ нашего очерка о жизни и дѣятельности этого художника (начатымъ нами еще въ началѣ сент. 1894), въ Москвѣ печатался „Опытъ полной біографіи А. А. Иванова“, составл. А. Новицкимъ и изд. художественной фотографіи К. А. Фишеръ (пропущ. Моск. цензурой 18 февр. 1895, но выпущ. въ свѣтъ лишь въ концѣ того года). Хотя отмѣчено уже было въ печати, что въ изд. М. П. Боткина, заключ. въ себя 243 письма и замѣтки А. А. И.—ва, вошло лишь около 1/3 всего рукопис. материала, поступившаго послѣ смерти его брата С. А. въ Моск. Публ. и Румянц. Музей, авторъ вновь вышедшей книги все-таки не могъ, видимо, воспользоваться для своего труда всей этой массой рукопис. черновиковъ, а потому его „Опытъ“ не представляеть почти ничего новаго противъ изложеннаго здѣсь на основ. опубликованныхъ прежде источниковъ (даже и въ количеств. отношеніи онъ не только не обширнѣе помѣщ. тутъ очерка, но еще на 1/10 меньше послѣдняго). Безусловно новыми данными являются свѣдѣнія: (на стр. 83) о напис. И.—вымъ за границей, неизвѣстно впрочемъ въ какое время, „не изъ за денегъ, а изъ чести, что французъ выбралъ русс. художника“, какъ онъ отъи. въ одной своей записочкѣ, — портретъ масл. красками съ лонск. купца М. Vivie, да (на стр. 250—3) о будто бы исполн. имъ (судя по запис. нѣкоего кн. Голицына), по заказу одного богача, маіора П. Д. Юрасовскаго, въ Римѣ въ 1832—33 г., за несоразбѣрно высокую сумасшед. дѣву, — большой картинѣ (размѣр.: 2 1/2 × 1 1/2 арш.) „Похищеніе Литовцами въ 1612 г. (послѣ сожженія одного села подъ г. Болховымъ, Орловской губ.) боярыни Ржевской“ (вышедшей потомъ замужъ въ Литвѣ за богатаго пана Юрасовскаго).

Затѣмъ, не мало любопытнаго представляютъ: выписки изъ неизвѣст. доселѣ писемъ и замѣтокъ И.—ва съ отъи. объ его товарищахъ: К. Брюлловѣ, архит. Ефимовѣ, Засенѣ, Соболевскомъ, Вагантѣ, Марковѣ, Бруни, Габерпетелѣ, Гофманѣ, Лапченко, Карчевскомъ, болѣе или менѣе подчинившихся первому изъ нихъ, или, напротивъ, держав-

шихся независимо отъ него (стр. 54—59), да еще — чисто фантастич. планы И.—ва насчетъ преобразов. Акад. Худож. и быта ея пенсионеровъ, изложенные имъ въ письмахъ къ К. Брюллову и въ Общ. Поощр. Худож. (стр. 60—66), а также въ разныхъ отрывкахъ (стр. 103—109). Проекты эти, рекомендующіе между прочимъ награжденіе отличившихся носимыми на шеѣ золот. медалями на различныхъ орденскихъ лентахъ и предоставленіе имъ особыхъ преимуществъ, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ роли, какую должна играть при этомъ Акад., явно свидѣтельствуютъ о перво-болѣзненномъ состояніи въ то время нашего художника и совершенно идутъ въ разрѣзъ съ высказ. имъ въ разныя эпохи своей жизни свѣтлыми мыслями о необходимости полной независимости художниковъ безъ всякихъ внѣшнихъ отличій и объ отсталости всякихъ академій, образцы чего, въ не маломъ количествѣ, приведены въ нашемъ очеркѣ изъ собств. писемъ того же Иванова.

Въ довершеніе всего, намъ необходимо указать на нѣкоторые пропуски, случайно вкрашіеся въ прилож. къ нашему очерку списокъ печат. источниковъ объ И.—вѣ, а именно: напомнимъ о немъ П. М. Ковалевскою въ его ст. „Встрѣчи на жизненномъ пути“ въ „Истор. Вѣст.“ 1886 (апрѣль) и на очеркѣ П. М. Чернышковой „Отнош. Гоголя въ его матери“ — тамъ же, 1889 (іюнь), на письма А. С. Хомякова къ А. И. Кошелеву отъ 1858 — въ „Русс. Архивѣ“ 1879 (кн. II, с. 296), гр. А. П. Толстого къ В. П. Григоровичу отъ 1845 — въ „Русс. Стар.“ 1878 (февр., с. 351), О. В. Числова къ Гоголю отъ 7 февр. 1848 — тамъ же, 1889 (с. 366—7), и П. О. Смирновой къ нему же отъ 14 мая 1846 — тамъ же, 1890 (с. 211).

(Къ стр. 341).

Ивановъ, Василій Моисеевичъ, архитекторъ. Род. 22 янв. 1847 въ Гатчинѣ. Сынъ колл. регистр., служивъ помощникомъ столоначальника въ Гатчин. Дворц. Правл., онъ обуч. въ 3-й СПб. гимн., своекоштнымъ пенсионеромъ, съ 17 авг. 1859 по 1 іюля 1864, но вышелъ оттуда по оконч. курса IV кл. и поступ. въ вольнослуш. А. Х. въ янв. 1866, а въ сент. перевод. былъ въ ученич. кл. Болгѣ часто, онъ не могъ аккурат. сдавать

экзамам, а потому был исключ. изъ числа учеников и переш. оная въ разр. вольнослуш., получивъ же за „проектъ камен. 4-эт. дома съ магази.“—2 с. м., 30 апр. 1877, и пробывъ нѣск. лѣтъ, въ кач. помощ., при акад. архит. Людв. Франц. Шперерѣ по болышимъ част. камен. постройкамъ въ СПб., при чемъ руковод. постройкой дома Малоханова въ Гатчинѣ, онъ думалъ было заявить жѣсто помощ. архит. при Гатчин. Дворц. Управ. (въ 1879), но это ему не было разрѣш. до сдачи экзам. (въ 1881).

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 6/И.

Ивановъ, Гаврилъ Алексѣев., живописецъ. Дойдя въ Моск. Училищѣ живоп. и валяія до 3 антич. кл. (по свидѣт. 9 ноябр. 1860), онъ былъ затѣмъ учен. СПб. А. Х. съ 1861; въ 1865—66 гг. ѣздилъ на практич. занятія въ Черниг. губ. (Козелец. у., въ с. Воронич.) въ имѣніе княг. Кочубей, а въ 1867 (окт. 20), не имѣя средствъ продолжать ученіе въ Акад., выш. изъ натур. кл. и получ. свидѣт. на званіе учит. рисов.

См. въ Арх. И. А. Х. дѣло 7/И.

(Къ стр. 345).

Ивановъ, Григорій Сергѣевичъ, граверъ. Род. 30 янв. 1870 въ СПб.-гѣ. Сынъ илиссельб. мѣщан., онъ обуч. съ 10 окт. 1861 въ домѣ призернія малолѣтн. бѣдныхъ Имп. Человѣколюб. Общества, но достиженіи же 14-ти лѣтъ въ 1885, выбылъ изъ классовъ для поступленія въ литографію при томъ же заведеніи, а въ 1888 опред. былъ въ А. Х. вольнослуш. по граверному отдѣленію; переставъ тамъ заниматься съ сент. 1892 г., когда находитъ въ натур. классѣ, былъ увол. изъ Акад. 5 іюня 1893, а 26 апр. 1894 получ., по прош., свидѣтельство на право преподаванія рисов. въ низшихъ учеб. заведеніяхъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 98/1888.

(Къ стр. 353).

Ивановъ, Ефимъ, рисовальщикъ. Опред. былъ въ А. Н. въ 1783.

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, М. 1870, с. 87 (въ алфавитъ же тамъ онъ назв. Измайловымъ).

(Къ стр. 364).

Ивановъ, Иванъ Дмитріевъ, живописецъ. По представл. имъ портрету съ наг., онъ былъ возвед. 25 сент. 1850 (съ утвержд. 29 сент.) въ званіе своб. (векл.) худ., а въ іюнь 1871 просилъ о выдачѣ ему асвидѣт. копій съ аттестата, выд. ему изъ А. Х. въ 1844 и имъ утраченнаго.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 10/И.

(Къ стр. 442).

Иванъ, иконописецъ Новгород. школы, удалившій въ ланту архимандрита, какъ расказ. въ житіи (XV—XVI в.) Варлаама Хутынского († 1192).

См. „Археолог. Вѣст.“, М. 1864, с. 276—7.

(Къ стр. 448).

Игнатъевъ, Иларіонъ, дѣловой мастеръ. Род. 1759, поступ. на службу въ Контору Строенія въ 1777, находитъ ученикомъ 2 кл. въ 1791.

См. въ Общ. Архивѣ М. И. Д., дѣло по оп. 122/556, № 5 (1791), л. 17 об.

(Къ стр. 491).

Илія Н., граверъ на мѣди рѣзцомъ, XVIII ст. Остав. послѣ себя два изображ. очень плохой раб.: 1) „С. Григорій богословъ“ въ ростъ съ митрой и крестомъ на престолѣ передъ нимъ и Госп. Савоономъ въ гласѣ грубомъ вверху, съ посвящ. Григ. Дм. Строганову († 1715) въ день его ангела и съ подп.: „Helias K. Sculp.“ и „Theodorus Bogusz cum Okuczyusky“ (размѣр.: 7,5^{1/2} × 6,2 во франц. дюйм. и лин.); 2) „Стая мнца Глукерія“, съ подп. „Илія“.

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, М. 1870, с. 226.

(Къ стр. 495).

Ильинъ, Иванъ, чеканщикъ вѣдомства Кабин. Е. И. В., въ 1765.

См. въ Общ. Архивѣ М. И. Д., дѣло по оп. 73/187, № 107, л. 31.

Ильинъ, Терентій, рѣзчикъ. Въ бытность ученикомъ Конт. Строенія, опред. былъ въ 1775 въ СПб. отдѣл. Воспитат. Дома.

См. въ Общ. Архивѣ М. И. Д., дѣло по оп. 73/187, № 129, лл. 203—4.

(Къ стр. 496).

Инненъ (рожд. Левенштернъ), Амалія, живописца. Выстав. въ И. А. Х. въ 1830, подл. №№ 289—291, копій своей раб.: „Св. Фамилія“ съ Рафаэля, „Гипшанская цвѣточница“ съ Мурильо и „Мальчикъ съ дѣвочкою“.

См. „Русс. Изнал.“ 1830, № 330, с. 1820.

(Къ стр. 497).

Иполитовъ, Лаврентій, литейный мастеръ. Пославъ былъ изъ Кабинета Е. И. В. въ 1753 черезъ Москву въ Тулу, съ цѣлью изготовленія на заводахъ Родіона Ваганова чугунныхъ черенницъ по двумъ моделямъ для Воскрес. Новодѣв. мон. въ СПб.

См. въ Общ. Архивѣ М. И. Д. дѣла Кабин. 1753, оп. 414/1132, № 88.

(Всего 425 именъ).